

«ПРОБЛЕМЫ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ»

**Сборник трудов
III Всероссийской (с международным участием)
научно-практической конференции**

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Костромской государственный университет
Прокуратура Костромской области
УФСИН России по Костромской области
Российская криминологическая ассоциация имени Азалии Ивановны Долговой
Адвокатская палата Костромской области

«ПРОБЛЕМЫ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ»

**Сборник трудов
III Всероссийской (с международным участием)
научно-практической конференции**

(Кострома, 25–26 апреля 2024 года)

Текстовой электронный сборник на компакт-диске

Кострома
КГУ
2024

Титул

Сведения
об издании

Выпускные
данные

Содержание

УДК 343(0.034)+347(0.034)+351(0.034)

ББК 67.7я04+67.5я04+67.4я04

П781

Издается по решению редакционно-издательского совета

Костромского государственного университета

Рецензенты:

С. В. Андреев, председатель Костромского областного суда;

Н. Б. Жаров, президент адвокатской палаты Костромской области

П781

Проблемы правоохранительной деятельности на современном этапе : сборник трудов III Всероссийской (с международным участием) научно-практической конференции (Кострома, 25–26 апреля 2024 г.) / сост. Н. В. Ганжа, Д. Н. Лукоянов, А. С. Евстегнеев, Н. В. Кузьмина, И. Н. Мельников, О. В. Плюснина, Л. А. Сиверская, А. Г. Сироткин, И. В. Орловская, Е. В. Яснева ; отв. ред. Г. Г. Бриль. – Электронные текстовые, граф. дан. (5,86 МБ). – Кострома : Костромский государственный университет, 2024. – 1 CD-ROM: цв. – Систем. требования: ПК не ниже класса Pentium IV; 512 Mb RAM; свободное место на HDD 1,5 ГБ; Windows XP с пакетом обновления 3(SP3) и выше; Adobe Acrobat reader; интегрированная видекарта с памятью не менее 32 МБ: CD или DVD привод оптических дисков; экран с разрешением не менее 1024×768 пикс.: клавиатура; мышь. – Загл. с тит. экрана. – Текст : электронный.

ISBN 978-5-8285-1304-8

Настоящий сборник составлен по итогам III Всероссийской (с международным участием) научно-практической конференции «Проблемы правоохранительной деятельности на современном этапе», состоявшейся 25 и 26 апреля 2024 года в Костроме. В сборнике трудов рассматриваются наиболее актуальные вопросы правоохранительной деятельности на современном этапе.

Предназначен для научных и педагогических работников, преподавателей, аспирантов, магистрантов и студентов с целью использования в научной и учебной деятельности.

УДК 343(0.034)+347(0.034)+351(0.034)

ББК 67.7я04+67.5я04+67.4я04

Ответственность за аутентичность и точность цитат, имен, названий и иных сведений, а также за соблюдение законов об интеллектуальной собственности несут авторы публикуемых материалов.

При перепечатке материалов сборника ссылка на сборник трудов обязательна.

ISBN 978-5-8285-1304-8

© Костромской государственный университет,
2024

16+

Титул

Сведения
об издании

Выпускные
данные

Содержание

СОДЕРЖАНИЕ

СЕКЦИЯ 1. ИСТОРИКО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И КОНСТИТУЦИОННЫЕ ОСНОВЫ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ..... 12

Зауторова Э. В.

Положительный отечественный опыт организации работы
с осужденными в местах лишения свободы 12

Ганжа Н. В., Зайцев Л. Н.

П. А. Упирвицкий: от канцелярского чиновника
до члена костромского окружного суда..... 15

Тишаков М. П.

Юридические основы деятельности Госавтоинспекции
на региональном уровне в конце 1950-х годов 20

Гайич С.

Специальная антитеррористическая группа
Министерства внутренних дел Республики Сербия 25

Черков В. А., Черкова М. Ю.

Исторические аспекты использования служебно-розыскных собак
в оперативно-розыскной деятельности 30

Васильченко К. В.

Противодействие незаконной деятельности
неправительственных объединений: историко-правовой аспект..... 42

Егоров М. А.

Историко-правовые основы организации воспитательной работы
в органах прокуратуры 48

Кукеев А. К.

Административно-правовые основы деятельности
правоохранительных органов в контексте реформирования
правоохранительной системы Республики Казахстан 54

Соснин С. А.

Обзор научных трудов Е. В. Васьковского
на тему адвокатской деятельности и адвокатуры 59

СЕКЦИЯ 2. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СУДЕБНОЙ, ПРОКУРОРСКОЙ И ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ..... 64

Закомолдин Р. В.

Проблемы прокурорского надзора за соблюдением законности
и правопорядка в Вооруженных Силах РФ,
иных войсках и воинских формированиях в новых условиях..... 64

Букин А. Ю.	
Проблема в предоставлении доказательств при осуществлении защиты в судебном заседании	70
Великая Е. В.	
Удаление подсудимого из зала судебного заседания: необходимость или нарушение права на защиту?	74
Бессонова А. О.	
Обеспечение прав лиц при изъятии у них электронных носителей информации в ходе следственных действий	79
Медведчук А. А.	
Организация взаимодействия органов внутренних дел со средствами массовой информации	83
Быкова М. С.	
Основные направления цифровой трансформации органов прокуратуры Российской Федерации	87
Терехов Е. М.	
Интерпретационный контроль как фактор качественного осуществления правосудия	92
Богомолова К. И., Марков В. В.	
К вопросу совершенствования мер предупреждения преступлений, совершаемых сотрудниками правоохранительных органов	97
Борисова Н. Ф., Борисова О. О.	
Проблемные вопросы порядка рассмотрения дел о помещении несовершеннолетних в специальные учебно-воспитательные учреждения закрытого типа	101
Богданова Е. И.	
Проблемные вопросы практической реализации правозащитной функции государства при совершении нотариусом действий, направленных на обеспечение доказательств	107
Лукоянов Д. Н.	
Административная ответственность за нарушение порядка рассмотрения обращений граждан	112
СЕКЦИЯ 3. ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ УГОЛОВНОЙ ПОЛИТИКИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ. ПРОБЛЕМЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ.....	118
Мартыненко Н. Э.	
Потерпевший от преступления и его уголовно-правовая охрана	118
Яшин А. В.	
Особенности мотивации коррупционного преступного поведения в сфере осуществления правосудия.....	122

Плэмэдялэ И. Г.	
Правовые аспекты установления правомерности действий судебных приставов, сопряженных с применением физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия	127
Милич Иван Д.	
Амнистия и помилование по законодательству Республики Сербия.....	137
Корж П. А.	
Особенности проявления терроризма на современном этапе.....	142
Дворянсков И. В.	
Цифровизация уголовного закона: возможности и перспективы	145
Шаймуллин Р. К.	
Антикоррупционная политика в выборных процедурах	150
Голубовский В. Ю.	
Основные направления предупреждения и пресечения преступлений, совершаемых в общественных местах	154
Алихаджиева И. С.	
Погашенная или снятая судимость: персональные данные, «право на забвение» или на неприкосновенность частной жизни? (По материалам судебной практики).....	159
Меркурьев В. В., Амелина И. С.	
Криминологическо-политические аспекты участия прокуратуры в обеспечении безопасности Российской Федерации	166
Зацепин М. Н., Зацепин А. М.	
Киберпреступность и принципиальные вопросы проблем причинности в криминологии	174
Евстегнеев А. С.	
К вопросу об ответственности за неоконченное преступление	179
Заржицкая А. А.	
Вызовы и методы борьбы с коррупцией в уголовно-исполнительной системе	184
Крылова Н. А.	
Проверка доказательств как этап доказывания по уголовным делам, связанным с подделкой документов	188
Тихонова С. С.	
Перспективы развития композиции Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации в процессе вторичного (текущего) уголовного законотворчества	193
Федорова Е. Л.	
Уголовно-правовое регулирование в сфере осуществления негосударственной правоохранительной деятельности.....	197
Титов С. Н.	
Разграничение оконченных и неоконченных преступлений против интеллектуальной собственности, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий	201

Александров А. С., Александрова И. А. Уголовная ответственность в процессе	205
Антонова Е. Ю. Нетерпимость коррупционного поведения: понятие и меры по формированию.....	209
Большаков К. А. Развитие уголовной политики по противодействию налоговым преступлениям на современном этапе	214
Горшенков Г. Н. Криминологический-политический аспект противодействия преступности	218
Желудков М. А., Дудник Д. С. Некоторые вопросы по выявлению латентности мошенничеств в сфере цифровых технологий	223
Коленченко А. А. Преступные злоупотребления управляющих корпорацией и лиц, ее контролирующих: теоретико-правовой взгляд	227
Мартыненко Э. В. Конфискация имущества как иная мера уголовно-правового характера: восемнадцать лет действия.....	232
Насиров Н. И. о. Уголовно-правовое воздействие, его структура и содержание.....	235
Евстегнеев А. С., Керимханов З. М. Умышленное причинение легкого вреда здоровью и побои: проблемные вопросы квалификации преступлений.....	239
Питулько К. В., Сергеева А. А. Основные детерминанты преступлений террористической направленности	245
Смыслова В. Н. Проблемы противодействия и уголовно-правовой оценки организации деятельности экстремистской организации (на примере «АУЕ»)	250
Столярова А. А. Проблемы профилактики совершения преступлений против жизни, здоровья и половой неприкосновенности несовершеннолетних	255
Гусева Д. А., Дельцов А. А., Марьева Н. В. Дисциплинарная ответственность осужденных к лишению свободы в исправительных учреждениях: проблемы реализации.....	261
Чудин Н. М., Корж П. А. Экстремизм – одна из форм проявления противоправного поведения	269
Иванов В. А. К вопросу обеспечения сотрудниками ОВД безопасности в сфере IT-технологий в контексте функционирования Центрального банка Российской Федерации	276
Яшин Н. А. Исследование нравственно-психологических особенностей личности преступника в целях разработки мер противодействия преступности	280

СЕКЦИЯ 4. УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ..... 285

Рябинина Т. К.

Роль правовой культуры в установлении баланса между публичными и частными интересами в уголовном судопроизводстве 285

Верещагина А. В.

Болевые точки российского уголовного судопроизводства 292

Самолетов С. Н.

Взаимосвязь изменения прокурором обвинения в суде и возвращения уголовного дела прокурору 298

Жбанков В. А.

О направлениях развития криминалистической теории изучения личности преступника..... 302

Ярошенко О. Н.

Особенности квалификации фальсификации доказательств по делу, статья 303 УК РФ 305

Тимошенко А. А.

Уголовно-процессуальные гарантии реализации принципа справедливости 309

Пристромова А. С.

Понятие результатов оперативно-разыскной деятельности и основные направления их использования в уголовном судопроизводстве ... 312

Сухов А. О.

Криминалистическое значение обстановки совершения контрабанды наличных денежных средств и (или) денежных инструментов 318

СЕКЦИЯ 5. ПРОБЛЕМЫ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ И ЗАЩИТЫ ГРАЖДАНСКИХ, СЕМЕЙНЫХ И ТРУДОВЫХ ПРАВ..... 325

Нестеров Д. О.

Злоупотребления правом в сфере недвижимого имущества и земельных отношений 325

Бекренев П. Ю.

Нормативное регулирование, проблемы и пути совершенствования института приказного производства 330

Плюснина О. В., Безрукавая П. П.

Некоторые аспекты регламентации добросовестности сторон при осуществлении гражданских прав в условиях реализации принципа свободы договора..... 335

Васильева О. М.

Проблемы признания совершеннолетних лиц недееспособными вследствие психического заболевания и установления опеки над такими лицами..... 339

Никиташенко В. В.	
Некоторые теоретические аспекты гражданско-правового механизма защиты интеллектуальной собственности в электронной среде.....	344
Борисова Н. Р., Ильязорова Д. В.	
Понятие правоотношений между родителями и детьми с участием иностранных граждан и лиц без гражданства	349
Васильева А. В.	
Признание брака недействительным как способ защиты семейных прав: тенденции и проблемы правового регулирования.....	355
Васильева А. В., Пендюр М. С.	
Заключение трудового договора с несовершеннолетними в свете изменений, внесенных в трудовое законодательство.....	361
СЕКЦИЯ 6. ПРОБЛЕМЫ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: ВЗГЛЯД МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ	367
Кравченко В. А., Сиверская Л. А.	
О некоторых проблемах правового статуса следователя-криминалиста в отечественном уголовном процессе.....	367
Мхитарян А. В., Эртель Л. А.	
Проблемы раскрытия и расследования преступлений, совершенных лицами под влиянием киберфизических систем	373
Присухина Я. А., Яснева Е. В.	
Сотрудничество органов предварительного следствия с представителями общественности.....	377
Мартынов И. А., Николаев А. Е., Королева Е. В.	
К вопросу об осуществлении уголовного преследования прокурором.....	381
Семкина Т. А.	
Способы и приемы собирания и проверки доказательств в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации	385
Ломтева Е. С., Яснева Е. В.	
Некоторые проблемные вопросы проведения допроса и очной ставки путем использования систем видео-конференц-связи на этапе предварительного следствия.....	389
Байрамова Ф. Х. к., Бриль Г. Г.	
Актуальные теоретические и практические проблемы исполнения решения суда о взыскании алиментных платежей в службе судебных приставов.....	392
Смирнова У. А.	
Применение смертной казни в современной России: за и против	398
Бондарева Т. С.	
Эвтаназия: отсутствие гуманизма или вынужденная мера.....	404
Королев И. В.	
Проблемы бланкетности уголовно-правовых норм, охраняющих культурные ценности.....	407

Голубцова Т. Д. Практические проблемы обеспечения права на жилье для военнослужащих Российской Федерации.....	412
Кузнецова Е. А., Мазурина Е. М., Смирнова А. А. Актуальные вопросы деятельности правоохранительных органов в сфере незаконных действий с материнским капиталом.....	415
Смурова Н. Д., Кузьмина Н. В. Нарушение жилищных прав отдельных групп несовершеннолетних	419
Мехдиева Н. З. Коллизионные вопросы защиты прав граждан при осуществлении трансплантации органов и тканей	424
Зарубин А. Л. Государственный контроль (надзор) за соблюдением трудового законодательства: проблемы и перспективы	428
Ивакина Ж. Н. Проблема прекращения права собственности на недвижимое имущество при отказе в его виндикации	432
Розанов М. Э. Правовой режим самовольной постройки в свете Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 12.12.2023 № 44 «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при применении норм о самовольной постройке»	435
Гафарова А. Ф. г., Ибрагимова Н. М. Конституционный правопорядок как условие развития гражданского общества в современной России	440
Гемель А. С., Домрачева Е. О., Макашова Т. П. Нарушение профессиональных прав адвоката оперативно-розыскными и следственными органами.....	446
Горшкова О. Э. Взаимодействие органов прокуратуры Российской Федерации со средствами массовой информации	451
Давоян А. Д., Эртель Л. А. Особенности тактики назначения судебно-психиатрической экспертизы при расследовании преступлений в сфере незаконного оборота наркотических и психоактивных веществ, а также их аналогов.....	456
Ахунов С. М., Гильманов Э. М. Современные технологии в криминалистике.....	462
Милютин Н. Д., Потапов Ю. А. Образовательный ценз для замещения должности судьи: советский опыт и современные проблемы	465
Шадьбаева Н. М., Ибрагимова Н. М. Проблема недоверия современного общества к деятельности правоохранительных органов	470

Дурягина А. А. Некоторые проблемы системы отбора и назначения на должность судей как гарантии их независимости	475
Константинова Е. С., Верещагина А. В. Посягательство на жизнь лица, осуществляющего правосудие или предварительное расследование (статья 295 УК РФ)	479
Мухаметшина А. Н., Ибрагимова Н. М. Актуальные вопросы рассмотрения уголовных дел в суде первой инстанции	483
Дьячек С. Е. Функции семьи в период кризиса института семьи	487
Балобанов Е. С., Гильманов Э. М. Искусственный интеллект и криминалистика: возможность использования, последствия	491
Борисов Д. Н., Юлдашев Д. А. Понятие цифровых следов в криминалистике: теоретические и правоприменительные аспекты.....	496
Сидоренко М. А., Верещагина А. В. Временное отстранение от должности в уголовно-процессуальном законодательстве государств постсоветского пространства.....	501
Николаева В. Г., Верещагина А. В. Применение насилия в отношении представителя власти (статья 318 УК РФ).....	505
Зуева А. А., Макашова Т. П. К вопросу о допросе адвоката в качестве свидетеля	510
Иванова Е. С., Кузьмина Е. Н. Вынесение судами частных постановлений (определений) по уголовным делам по ходатайствам государственных обвинителей.....	515
Окунева О. О., Ганжа Н. В., Конструктивный признак объективной стороны преступления, предусмотренного статьей 157 УК РФ – «уважительная причина»	521
Соловьев В. О., Мельников И. Н. Совершенствование правового регулирования в сфере дистанционных продаж товаров через Интернет.....	524
Шафигуллина А. А., Мусина Р. Р. Преступность в информационной среде: аспекты, угрожающие безопасности страны.....	528
Потысьева Д. С. Анализ судебной практики о привлечении адвокатом-защитником специалиста в уголовном судопроизводстве.....	533
Цветков А. А., Плюснина О. В. Меры совершенствования уголовного законодательства в сфере противодействия коррупции в органах государственной власти и местного самоуправления	538

Шихова Д. О.			
Судейская карьера и профессиональный рост судьи: основная проблематика.....			542
Тихомиров А. В.			
Вопросы правового регулирования полномочий общественных советов при органах внутренних дел в субъектах Российской Федерации			545
Торсян М. В., Вербина О. Л.			
Финансовый уполномоченный по правам потребителей финансовых услуг как новый институт защиты прав в досудебном порядке.....			550
Гезалов Р. А. о., Хлестаков Л. А.			
Недропользование: правовое регулирование и проблемы понятийного аппарата			555
Конева Е. Е.			
Актуальное положение института медиации в российском законодательстве.....			559
Иванов М. С.			
Усовершенствование института устройства детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, в замещающие семьи			563
Григорян С. Г., Эртель Л. А.			
Расследование преступлений с использованием искусственного интеллекта в телемедицине			567
Груздев Д. В.			
Понятие территории государства			573
Корпусов А. В.			
Фальсификация учета прав на ценные бумаги (часть 2 статьи 170 ¹ Уголовного кодекса Российской Федерации)			577

Титул	Сведения об издании	Выпускные данные	Содержание
-------	------------------------	---------------------	------------

СЕКЦИЯ 1

ИСТОРИКО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И КОНСТИТУЦИОННЫЕ ОСНОВЫ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

УДК 343.26

Зауторова Эльвира Викторовна

доктор педагогических наук, профессор
профессор кафедры юридической
психологии и педагогики ВИПЭ ФСИН России
г. Вологда, Российская Федерация
ведущий научный сотрудник НИИ ФСИН России
Москва, Российская Федерация
elvira-song@mail.ru

Положительный отечественный опыт организации работы с осужденными в местах лишения свободы

Аннотация: В статье рассматривается положительный отечественный опыт в историческом аспекте при организации работы с осужденными (советский период), так как именно в данное время воспитательная работа стала обязательна в работе со спецконтингентом. Особое внимание уделено анализу вологодского опыта перевоспитания осужденных, внедренного в 1960–1970-х годах XX в. И. П. Зайцевым, в основу которого были положены идеи А. С. Макаренко.

Ключевые слова: места лишения свободы, отечественный опыт исправления личности, осужденные, воспитание осужденных, система А. С. Макаренко, опыт И. П. Зайцева.

Zautorova Elvira Viktorovna

Doctor of Pedagogical Sciences, Professor
Professor of the Department of Legal
Psychology and Pedagogy of the VIPE
of the Federal Penitentiary Service of Russia
Vologda, Russian Federation
Leading Researcher at the Research Institute
of the Federal Penitentiary Service of Russia
Moscow, Russian Federation

Positive domestic experience in organizing work with convicts in places of deprivation of liberty

Annotation: The article examines the positive domestic experience in the historical aspect of the organization of work with convicts (Soviet period), since it was at this time that educational work became mandatory in working with a special agent. Special attention is paid to the analysis of

the Vologda experience of re-education of convicts, introduced in the 1960s and 1970s by I. P. Zaitsev, which was based on the ideas of A. S. Makarenko.

Keywords: *places of imprisonment, domestic experience of personality correction, convicts, education of convicts, the system of A. S. Makarenko, the experience of I. P. Zaitsev.*

В советский период исторического развития нашей страны марксистско-ленинское учение о вероятности исправления и перевоспитания преступников исходило из необходимости совмещения социально-экономических и идейно-воспитательных средств, методов убеждения и принуждения. Воспитательная работа, в том числе и с такой категорией граждан, как лица, лишённые свободы, в советский период базировалась на таких ключевых элементах, как коммунистическое мировоззрение, педагогическое воздействие, коллективное воздействие (коллектив осуждённых, институт шефства, самодеятельные организации) и труд [5]. Осуждённый должен развить положительные привычки в быту индивидуально и в общественной жизни, приобрести необходимые навыки коллективного труда и т. д.

Идеологическая составляющая процесса исправления включала в себя в основном занятия по политической подготовке, проводимые под контролем политических отделов ИТУ МВД СССР опытными пропагандистами и агитаторами из числа представителей активной общественности [4]. Изначально администрация исправительно-трудовых лагерей в советский период времени в основном полагалась на исправление осуждённых через труд. Но лишь спустя определенное время, поняв, что через один только труд очень сложно добиться исправления осуждённых, сотрудники стали осуществлять поиск иных средств исправления, как обучение, образование, воспитательная работа, общественное воздействие и др.

Так, И. П. Зайцев с группой коллег-единомышленников в 1960–1970-х гг. XX в. выступили инициаторами создания отечественной воспитательной системы для взрослых (область педагогики – андрогогика), базировавшейся на педагогическом наследии А. С. Макаренко, который в большей части был ориентирован на несовершеннолетних правонарушителей (колония им. А. М. Горького, коммуна им. Ф. Э. Дзержинского) [2]. При разработке своей системы воспитательной работы И. П. Зайцев исходил из собственного практического опыта, полученного в процессе службы в Красавинской колонии Вологодской области. Его предложения под контролем самого инициатора были реализованы в исправительных учреждениях области: женская исправительно-трудовая колония № 1 (г. Вологда) и мужская № 17 (пос. Шексна) [1].

В исправительно-трудовых учреждениях обеспечивалось проведение ежедневного политико-воспитательного часа. Именно в данный период активно реализовывался принцип, который лежит в основе учения педагога-психолога А. С. Макаренко, а именно: исправление человека посредством положительного воздействия на личность под влиянием коллектива и посредством создания и функционирования самодеятельных организаций осуждённых [3]. Суть самодеятельных организаций состояла в том, что осуждённые сами отвечали за мно-

гие направления деятельности: секция дисциплины и порядка, секция досуга, санитарно-бытовая секция, противопожарная секция, трудовая секция и др.

Так же в воспитательной системе И. П. Зайцева, по примеру А. С. Макаренко, важным требованием выступало строгое выполнение дисциплины в коллективе. При этом необходима была строгая организация дел в отряде, что способствовало развитию ответственности, «сознательной дисциплины» в поведении осужденных [7].

После того как система была внедрена в деятельность исправительно-трудовых учреждений, уровень рецидивной преступности у лиц, отбывавших уголовные наказания в Вологодской области, снизился в 2–3 раза по сравнению с общегосударственными статистическими показателями [6]. Сотрудники отмечали значительное улучшение в работе с осужденными, видели положительное влияние данной системы и принципов на общей деятельности исправительного учреждения.

Таким образом, именно с советского периода работа с осужденными в местах лишения свободы стала носить систематический и постоянный характер. Это связано с тем, что процесс исправления личности стал рассматриваться как важный и необходимый, включающий воспитательный, коррекционный и профилактический аспекты, что способствовало снижению преступности в советском обществе. Положительные идеи того времени могут сегодня использоваться в современной пенитенциарной практике и способствовать эффективности процесса исправления осужденных.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Белова Н. А. Региональные аспекты пенитенциарной системы России: (на материалах Вологодского края) : курс лекций / Федеральная служба исполнения наказаний, Вологодский ин-т права и экономики. Вологда : ВИПЭ ФСИН России, 2013. 194 с.

2. Зауторова Э. В. Использование педагогических идей А. С. Макаренко в деятельности исправительных учреждений // Перспективные направления научных исследований по истории УИС РФ : материалы VI Всерос. науч.-практ. конф. М., 2023. С. 125–130.

3. Зауторова Э. В. Нравственно-эстетическое воспитание личности на основе использования идей А. С. Макаренко в исправительных учреждениях Вологодской области // Вестник института. 2013. № 20. С. 48–51.

4. Зауторова Э. В. Пенитенциарная педагогика : курс лекций. 2 изд., испр. и доп. Вологда : ВИПЭ ФСИН России, 2012. 304 с

5. История УИС Вологодской области. URL: <https://35.fsin.gov.ru/upload/territory/Vologda/%D0%94%D0%BE%D0%BA%D1%83%D0%BC%D0%B5%D0%BD%D1%82%pdf> (дата обращения: 01.02.2024).

6. Кузнецов М. И. Вологодский опыт исправления осужденных // Перспективные направления научных исследований по истории уголовно-исполнительной системы Российской Федерации : материалы III Всерос. науч.-практ. конф. М., 2020. URL: <https://fsin.gov.ru/history/literature/sborniki/Перспективные%20направления.%202020.pdf> (дата обращения: 11.02.2024).

7. Кубышкин А. Н., Крюкова О. Ю. Вологодский опыт исправления осужденных: ретроспективный анализ // *Ius publicum et privatum*. 2021. № 2(12). С. 15–19. URL: file:///C:/Users/user/Downloads/ (дата обращения: 24.03.2024).

УДК 347.962

Ганжа Наталья Владимировна

кандидат юридических наук, доцент

Костромской государственной университет

г. Кострома, Российская Федерация

nat_ganzha@mail.ru

Зайцев Леонид Николаевич

старший преподаватель

Костромской государственной университет

г. Кострома, Российская Федерация

l_zaycev@ksu.edu.ru

**П. А. Упирвицкий: от канцелярского чиновника
до члена костромского окружного суда**

Аннотация: В данной статье на основе архивных и исторических материалов подробно изучается личность одного из старейших членов Костромского окружного суда, прослужившего в суде 46 лет с момента создания суда в 1871 г. и до его закрытия в 1917 г. Дается оценка его деятельности в одном из региональных органов судебной власти.

Ключевые слова: судебная реформа, Костромской окружной суд, П. А. Упирвицкий, член окружного суда.

Ganzha Natalia Vladimirovna

candidate of law, associate professor

Kostroma State University

Kostroma, Russian Federation

Zaitsev Leonid Nikolayevich

senior lecturer

Kostroma State University

Kostroma, Russian Federation

**P. A. Upirvitsky: From a clerical official to a member
of the kostroma district court**

Annotation: Based on archival and historical materials, this article examines in detail the personality of one of the oldest members of the Kostroma District Court, who served in the court for 46 years from the moment the court was established in 1871 until its closure in 1917. An assessment of his activities in one of the regional judicial authorities is given.

Keywords: judicial reform, Kostroma District Court, P. A. Upirvitsky, member of the District Court.

В ноябре 1864 г. вступили в действие Судебные Уставы, включающие в себя «Учреждение судебных установлений» [20, с. 180], «Устав гражданского судопроизводства» [18, с. 306], «Устав уголовного судопроизводства» [19, с. 215].

Были учреждены две судебные системы: местные и общие суды. К местным относились мировые суды, мировые судьи, и их высшая инстанция – съезды мировых судей. К общим судам относились окружные суды, судебные палаты и кассационные департаменты Сената по гражданским и уголовным делам.

В Костромской губернии был создан Костромской окружной суд, официальное открытие которого произошло 1 июля 1871 г.

Костромской окружной суд относился к судам II разряда и входил в округ Московской судебной палаты, которая для него была апелляционной инстанцией. Компетенция, структура и функции окружного суда определялась Сводом судебных уставов [9, с. 24–27]. Юрисдикция Костромского окружного суда распространялась на 12 уездов: Буйский, Варнавинский, Ветлужский, Галицкий, Кинешемский, Кологривский, Костромской, Макарьевский, Нерехтский, Солигаличский, Чухломской и Юрьевецкий.

Суд состоял из трех отделений: двух уголовных и одного гражданского. Возглавлял окружной суд председатель, который одновременно руководил и одним из уголовных отделений, а второе уголовное и гражданское отделения суда возглавляли товарищи председателя (заместители). В уголовных отделениях было 5 членов суда, а в гражданском – 4 члена суда, не считая председателя и его товарищей [7, с. 84–85].

Следует отметить, что Костромской окружной суд по количеству судей – 12 судей, был вторым после Московского окружного суда, в котором работало 17 судей (включая председателя и товарищей председателя (заместителей)) [2, с. 191].

В «Учреждении судебных установлений» закреплялись требования, предъявляемые к лицам, назначаемым на должности председателей, их товарищей и членов окружных судов. Закон предъявлял весьма высокие требования к членам окружных судов, среди которых были требования о наличии высшего юридического образования. Важным также был определенный стаж работы в судебном ведомстве.

Одним из членов Костромского окружного суда был Петр Алексеевич Упирвицкий. Родился он 20 октября 1841 г. в г. Вышний Волочек Тверской губернии в семье старшего лекарского помощника. Петр Алексеевич не пошел по стопам своего отца, а избрал профессию юриста.

22 октября 1864 года по окончании курса наук в Ярославском Демидовском юридическом лицее с чином XII класса П. А. Упирвицкий был определен на службу в канцелярию Санкт-Петербургского военного генерал-губернатора на должность канцелярского чиновника.

11 мая 1865 г. Указом Правительствующего Сената за №1569 Упирвицкий был утвержден в чине губернского секретаря со старшинством с 22 октября 1864 г.

14 марта 1865 г. приказом по Министерству юстиции он был назначен кандидатом на должность судебного следователя с прикомандированием для занятий в Санкт-Петербургскую уголовную палату [8, с. 48]. Впоследствии был назначен в помощь к судебному следователю 1-го участка Новоладожского уезда.

1 июля 1865 г. Петр Алексеевич приказом по Министерству юстиции был назначен исполняющим должность судебного следователя в Новгородскую губернию, где с 10 августа 1865 г. был командирован для исполнения дел судебного следователя по 1-му участку г. Старой Русы.

7 декабря 1866 г. П. А. Упирвицкий назначается судебным следователем по Новгородскому окружному суду; а 8 февраля 1867 г. назначен судебным следователем в Демьяновский уезд [15, с. 11], а 23 февраля 1871 г. приказом по ведомству Министерства юстиции за № 13 он был переведен из Демьяновского уезда судебным следователем 3-го участка Новгородского уезда [16, с. 7].

Следует отметить, что судебные следователи занимали особое место в системе судебных учреждений. Первоначально институт судебных следователей был учрежден Именным указом Александра II «Об отделении следственной части от полиции» от 8 июня 1860 г. [13, с. 710]. Правовой статус и полномочия судебных следователей регламентировались «Учреждением судебных следователей» [13, с. 710] и «Наказом судебным следователям» [13, с. 715].

Судебная реформа 1864 г. приравнивала судебных следователей к членам окружных судов (ст. 79 «Учреждения судебных установлений»).

Получив опыт работы в должности судебного следователя, которую он занимал более 6 лет, Петр Алексеевич Высочайшим приказом 8 апреля 1871 г. за № 11 был назначен членом Костромского окружного суда [11, с. 3], т. е. его назначение состоялось до фактического официального открытия окружного суда (1 июля 1871 г.) [3, с. 7].

22 октября 1885 г. Высочайшим приказом по ведомству Министерства юстиции П. А. Упирвицкий произведен в статские советники [3, с. 7].

Обращает внимание следующий интересный факт в данном присвоении чина статского советника. Нами установлено, что П. А. Упирвицкий длительное время – 20 лет находился в чине губернского секретаря [14, с. 34] и, минуя очередность последующих чинов: коллежского секретаря, титулярного советника, коллежского асессора, надворного советника и коллежского советника, т. е. пять классов чинов, сразу был произведен с 12 чина губернского секретаря сразу в 5-й чин статского советника [1, с. 101].

Указанные обстоятельства, по нашему мнению, свидетельствуют о том, что П. А. Упирвицкий длительное время по неизвестной причине не повышался в чинах, несмотря на его отлично-усердную службу и полученные им два ордена св. Станислава II ст. в 1881 г. и св. Анны III ст. в 1884 г., а поэтому этим и следует объяснить такое производство в высший чин.

1 января 1903 г. за отличие по службе Петр Алексеевич получил чин действительного статского советника, что соответствует воинскому званию генерал-майора. [10, с. 34].

Как нами установлено их архивных источников Государственного архива Костромской области (фонд 340) П. А. Упирвицкий в Костромском окружном суде первоначально состоял в 1 – м уголовном отделении суда [4, с. 19], а впоследствии был перемещен во 2-е уголовное отделение суда [4, с. 3]. Костромской окружной суд был очень загружен рассмотрением уголовных и гражданских дел.

В течение своей профессиональной деятельности в указанной должности Петр Алексеевич принимал участие при рассмотрении уголовных дел как в г. Костроме, так и в выездных отделениях суда (выездных судебных заседаниях). Так, только с 15 ноября по 15 декабря 1871 г., т. е. за 1 месяц Костромским окружным судом было назначено к слушанию и рассмотрено 37 уголовных дел, из них 25 дел в выездных отделениях суда, из которых в Макарьево – 4 дела, в Юрьевце – 5 дел, в Кинешме – 9 дел [12]. Если учесть, что в окружном суде было сформировано 2 уголовных отделения, то каждым из них было рассмотрено по 17,5 уголовных дел, из них в выездных судебных заседаниях 12,5 дел [12].

Следует отметить, что все указанные уголовные дела были рассмотрены с учетом вновь созданного в результате судебной реформы 1864 г. института присяжных заседателей с их участием, что для суда вызывало определенные сложности, связанные с формированием состава суда и с их вызовом в судебные заседания. Однако Костромской окружной суд успешно справлялся с поставленной задачей по осуществлению правосудия.

За свою многолетнюю службу Петр Алексеевич неоднократно награждался орденами и медалями. Так, он был награжден орденом Св. Станислава II ст. (12.04.1881); Св. Анны III ст. (3.02.1884); Св. Анны II ст. (1.01.1887); Св. Владимира IV ст. (1.01.1894); Св. Владимира III ст. (1.01.1907); Св. Станислава I ст. (1.01.1912); а также серебряной медалью в память царствования императора Александра III (26.02.1896) и медалью в память царствования 300-летия дома Романовых (21.02.1913) [3, с. 1–8].

Петр Алексеевич был женат на дворянке Костромской губернии Марии Кирилловне Готовцевой (по первому мужу Величковская). Имел сына от первого брака Анатолия, 12.05.1887 г. р. [3, с. 11].

Что касается имущественного положения, то собственного имущества Упирвицкий не имел, а у его жены был дом в г. Костроме [3, с. 12].

Основой имущественного положения П. А. Упирвицкого было только его жалование. В начале своей судебной карьеры в Костромской окружном суде он получал содержание: жалование – 1104 руб., столовых – 490 руб. и квартирных – 500 руб., а всего 2094 руб. [5, с. 1–3].

В 1888 г. его содержание составило: жалование – 1 700 руб., столовых – 500 руб. и квартирных – 500 руб., а всего 2700 руб. [6, с. 13].

А в конце своей судебной карьеры он получал содержание: жалование – 2200 руб., столовых – 550 руб. и квартирных – 550 руб., а всего 3740 руб. (по состоянию на 01.03.1917) [4, с. 3, 19].

То есть его доходы повышались очень медленно и на незначительные суммы.

Кроме своих прямых обязанностей члена Костромского окружного суда, где он осуществлял правосудие в уголовных отделениях суда, П. А. Упирвицкий в 1912 г. был избран председателем Буйской уездной по делам о выборах в Государственную Думу [3, с. 61].

Петр Алексеевич Упирвицкий прослужил в должности члена Костромского окружного суда с 8 апреля 1871 г. по март 1917 г., т. е. 46 лет. В апреле 1917 г. в возрасте 76 лет он был уволен от службы и ему была назначена усиленная пенсия в размере 1300 руб. в год [3, с. 60].

Таким образом, при подборе кадров в судебные органы, в том числе в Костромской окружной суд, власть весьма серьезно относилась к подбору кадров, что и видно из настоящего исследования. Член окружного суда П. А. Упирвицкий на протяжении своей 46 – летней службы [17, с. 27] в суде добросовестно относился к исполнению своих обязанностей, поддерживая авторитет судебной власти. Он был опытным и грамотным профессионалом, что положительно сказывалось на эффективности правосудия в Костромской губернии во второй половине XIX – начале XX века.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Белых А. А. Три века Табели о рангах // Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика. 2023. № 58(2). С. 97–113.

2. Бриль Г. Г., Зайцев Л. Н. Московский судебный округ в судебной системе пореформенной России (вторая половина XIX – начало XX века) // Конституция Российской Федерации – правовая основа устойчивого развития законодательства и российской государственности (к 30-летию принятия Конституции Российской Федерации) : сб. тр. XX Всерос. декабрьских юридических чтений в Костроме. Всерос. науч.-практ. конф. (г. Кострома, 7–8 декабря 2023 г.) / отв. ред. Г. Г. Бриль. Кострома : Костромской государственный университет, 2024. С. 187–196.

3. Государственный архив Костромской области (ГАКО). Ф. 340. Оп. 6-2. Д. 396. Л. 1–8, 60, 61.

4. ГАКО. Ф. 340. Оп. 1. Д. 29. Л. 3.

5. ГАКО. Ф. 340. Оп. 6-1. Д. 535. Л. 1–3.

6. ГАКО. Ф. 340. Оп. 6-1. Д. 261. Л. 13.

7. Список чином ведомства Министерства юстиции. Ч. 2. СПб., 1875. 510 с.

8. Журнал Министерства юстиции. 1865. Май. С. 48.

9. Зайцев Л. Н. Костромской окружной суд: образование и деятельность (1871–1917 гг.) // Историческая память и духовный опыт формирования российской государственности. Возрождение святыни: Костромской кремль : сб. тр. VI Междунар. науч.-практ. конф. (г. Кострома, 6 октября 2023 г.) / сост. Н. В. Ганжа, О. В. Плюснина, Л. А. Хлестакова [и др.] ; отв. ред. Г. Г. Бриль. Кострома : Костромской государственный университет, 2023. С. 196–200.

10. Извлечение из высочайших приказов по гражданскому ведомству. По ведомству Министерства юстиции // Журнал Министерства юстиции. 1903. № 1. С. 34.

11. Костромские губернские ведомости. 1871. № 20. 22 мая.

12. Костромские губернские ведомости. 1871. № 26. 3 июля

13. Костромские губернские ведомости. 1871. № 44. 6 ноября

14. Костромские губернские ведомости. 1871. № 45. 13 ноября

15. Именной указ Александра II от 8 июня 1860 г. «Об отделении следственной части от полиции» // Полное собрание законов Российской империи. Т. 35. Отд. 1. № 35890, № 35891.

16. Костромской календарь или настольная справочная книжка для всех сословий на 1872 год. Кострома, 1872. 40 с.

17. Памятная книжка Новгородской губернии. 1868. Новгородское Губернское Правление. Новгород, 1868. 165 с.

18. Памятная книжка Новгородской губернии. 1871. Новгородское Губернское Правление. Новгород, 1871. 299 с.

19. Справочная книжка по Костромской губернии на 1916 год / Костромской Губернский статистический комитет. Кострома, 1916. 351 с.

20. Устав гражданского судопроизводства от 20 ноября 1864 г. // Полное собрание законов Российской империи. Т. 39. Отд. 2. № 41477.

УДК 351.81: 352.075

Тишаков Максим Петрович

кандидат юридических наук, доцент

департамента права

Московский городской педагогический университет

Москва, Российская Федерация

TMaxim7@yandex.ru

Юридические основы деятельности Госавтоинспекции на региональном уровне в конце 1950-х годов

Аннотация: В статье рассматриваются нормативные правовые акты, принимаемые местными органами власти в сфере обеспечения безопасности дорожного движения во второй половине 1950-х годов. Автором указывается, что данные правовые акты становились юридической основой деятельности органов Государственной автомобильной инспекции на региональном уровне и позволяли повысить эффективность правового регулирования функционирования службы в противодействии аварийности на автомобильном транспорте с учетом местных условий, динамики автомобилизации и состояния безопасности дорожного движения.

Ключевые слова: аварийность, безопасность движения, Госавтоинспекция, дорожно-транспортные происшествия, организация движения, транспортная дисциплина.

Tishakov Maxim Petrovich
candidate of law, associate professor
of the school of law, Moscow
City Pedagogical University
Moscow, Russian Federation

The legal basis of the activities of the State Traffic Inspectorate at the regional level in the late 1950s

***Annotation:** The article examines the regulatory legal acts adopted by local authorities in the field of road safety in the second half of the 1950s. The author points out that these normative legal acts became the legal basis for the activities of the State Automobile Inspection bodies at the regional level and made it possible to increase the effectiveness of legal regulation of the functioning of the service in countering accidents in road transport, taking into account local conditions, the dynamics of motorization and the state of road safety.*

***Keywords:** accident rate, traffic safety, Traffic police, traffic accidents, traffic management, transport discipline.*

Государственная автомобильная инспекция уже на протяжении более восьми десятилетий является ключевым органом государственной власти в сфере обеспечения безопасности дорожного движения, от деятельности которой зависит сохранение жизни и здоровья участников дорожного движения, эффективность предупреждения дорожно-транспортных происшествий и минимизация их последствий. Однако, как показывает практика, стабильность системы обеспечения безопасности дорожного движения и функционирование в ней ключевого элемента – органов Госавтоинспекции, имеет свою специфику в различные исторические периоды.

Учитывая надведомственный характер деятельности ГАИ, как в прошлом, так и в настоящем, значительное разнообразие факторов, которые оказывают воздействие на дорожное движение, его организацию и безопасность, значимым является изучение юридических основ деятельности службы на региональном уровне в середине прошлого столетия. Выбор в качестве хронологических рамок исследования второй половины 1950-х годов характеризуется рядом факторов. Во-первых, это наступление относительной стабилизации дорожной обстановки в условиях мирного времени, после окончания военного периода. Во-вторых, значительный рост количества автомобильного транспорта, расширение улично-дорожной сети, повышение интенсивности движения и увеличения количества его участников. В-третьих, неполнота ведомственного правового регулирования деятельности Госавтоинспекции, которое не учитывало специфику функционирования службы в различных административно-территориальных единицах. В-четвертых, отсутствие нормативных правовых актов, принятых на уровне центральных органов власти в сфере обеспечения безопасности дорожного движения, которые соответствовали велениям времени и обстановке. В-пятых, децентрализация правового регулирования участников дорожного движения, у каждого региона существовали свои (местные) правила движения и т. д.

Складывающаяся ситуация обуславливала поиск необходимых вариантов качественного обеспечения безопасности дорожного движения с помощью существующих правовых средств, а также активный поиск более оптимальных моделей противодействия аварийности на автомобильном транспорте. И, как показала практика, одним из таких направлений стала организационная и правовая деятельность местных органов власти, которые оказывали активное содействие Государственной автомобильной инспекции по выполнению возложенных на нее функций в сфере обеспечения безопасности дорожного движения и повышения эффективности эксплуатации транспорта. Скрупулезный анализ различных исторических документов и материалов из фондов региональных архивных учреждений 1950-х годов позволил выявить целую палитру юридических решений, принятых местными органами власти в рамках обозначенного вопроса.

Среди правовых актов следует отметить Решение Ростовского горсовета № 120 от 27 января 1955 года, направленное на уточнение (дополнение) действующих правил дорожного движения в пределах областного центра [2, с. 201–202]. Фактически в тот период времени все еще сохранялся установленный с 1920-х годов подход по выработке и последующем действии в пределах каждого региона своих (местных) правил движения, которые, хоть в ключевых положениях и соответствовали типовым документам общесоюзного значения [11], но имели свои различия и специфику.

Значимым для транзитных регионов являлись акты органов власти относительно проходящего через территорию административных единиц потока транспортных средств. В данном контексте следует отметить еще одно Решение Ростовского горисполкома № 62 от 20 января 1955 года, направленное на упорядочение движения транзитного транспорта, проходящего через город по дороге Москва – Тбилиси [1, с. 21–22, 31]. На территориальные органы ГАИ этот правовой акт накладывал ряд обязанностей в сфере организации дорожного движения и обеспечения его безопасности. При этом горисполком утвердил перечень дорожных знаков, требующих изготовления и первоочередной установки в пределах города, т. е. создавались правовые основы для более эффективного выполнения возложенных на Госавтоинспекцию функций.

Помимо этого, следует отметить широкий перечень нормативных актов местных органов власти, которые устанавливали ограничения скоростного режима [3, с. 94], изменяли схему дорожного движения [4, с. 63], разрабатывали предупредительные меры, направленные на обеспечение безопасности перевозки пассажиров на грузовых автомобилях [5, с. 159–160], затрагивали вопросы улучшения движения транспорта и пешеходов [6, с. 17–18]. Однако, как показала практика, принимаемые организационно-правовые решения не могли в полной мере обеспечить стабилизацию обстановки в силу интенсивного роста транспорта и как следствие количества дорожно-транспортных происшествий при невозможности качественного исправления ситуации наличествующим составом ГАИ. Одним из направлений преодоления негативных тенденций стало Решение исполкома г. Ростова-на-Дону № 384 от 3 июня 1959 года, в котором отражена инициатива по привлечению общественности (общественных автоин-

спекторов) для оказания помощи сотрудниками Госавтоинспекции [7, с. 71]. По данному вопросу была разработана соответствующая организационная структура и правовое положение.

Ежегодно местными органами власти также принимались решения, направленные на стабилизацию ситуации в сфере обеспечения безопасности дорожного движения. В рамках изучения такого рода архивных материалов можно сказать, что они содержали не только анализ складывающейся ситуации и состояние аварийности, но и конкретный план действий. Ключевым исполнителем большинства мероприятий являлись именно сотрудники ГАИ, для которых такие акты местных органов власти были прямым руководством к действию. Примечательно, что на основе решений гор и облисполкомов проводились дополнительные проверки автохозяйств, руководители которых в последующем заслушивались на совместных заседаниях представителей правоохранительных, партийных и различных советских органов, выработывался комплекс мер направленных на качественное улучшение ситуации, точечное воздействие на наиболее явных нарушителей.

Особое внимание уделялось профилактике правонарушений среди широких групп населения, в частности пропаганде правил дорожного движения. Здесь стоит отметить Решение Сталинского облисполкома № 105 за 1958 год [9, с. 369–369А], которое включало в себя анализ текущей ситуации, проблемные аспекты и широкий перечень мероприятий по исправлению ситуации, с указанием ответственных должностных лиц. Довольно прозорливым являлось утверждение Облисполкома, что руководители автохозяйств, а также иных организаций, в ведении которых имелся авто-мото-электротранспорт, уклонялись от проведения пропаганды правил движения. Причина этого указывалась прямым текстом: «полагая, что эта работа должна выполняться одной милицией», т. е. органами ГАИ. В данном контексте такого рода выводы и последующее решение, облеченное в юридическую форму с обязательным выполнением поставленных задач, их последующего контроля, было одним из действенных направлений исправления ситуации в сфере обеспечения безопасности дорожного движения.

В рамках проводимого исследования необходимо отметить, что работники Госавтоинспекции довольно часто инициировали перед местными органами власти принятие нормативных правовых актов, направленных на улучшение ситуации в сфере обеспечения безопасности дорожного движения. Причина данного подхода заключалась еще в том, что ведомственные приказы имели довольно специфический характер, а по вопросам аварийности ограниченный режим доступа, что не позволяло издавать их для широких слоев населения. К тому же особенности организации дорожного движения и функционирования транспорта на региональном уровне в обозначенных хронологических рамках, как свидетельствуют архивные материалы, накладывало свой отпечаток на перечень реализуемых мер.

В качестве примера разумной инициативы и качественного взаимодействия правоохранителей, и местных органов власти можно привести решение Сталинского облсовета № 270 за 1957 год [8, с. 124–125], направленное на

укрепление трудовой дисциплины среди работников автомобильного транспорта. Инициатором правового акта являлось руководство Сталинского УВД [8, л. 129–130], которое на основе анализа дорожных происшествий установило, что значительное их количество возникало при управлении транспортом в нетрезвом состоянии. Приводился детальный мониторинг ситуации, в том числе за 1953-1956 годы, который засвидетельствовал почти двукратный рост количества лиц, лишенных водительских удостоверений за управление транспортом в нетрезвом состоянии на территории региона – с 1403 (1953 г.) до 2735 (1956 г.). С целью укрепления транспортной дисциплины на местном транспорте и принимая во внимание вышеизложенное, Управление внутренних дел по Сталинской области ходатайствовало об утверждении проекта нормативного акта о лишении водителей права на управление транспортным средством, в случае управления ими в нетрезвом состоянии, сроком до одного года.

В качестве примера эффективности данной меры приводилась практика деятельности органов Госавтоинспекции Московской, Одесской и Крымской областей, где лишая водителей – нарушителей права управления на срок до одного года, добились положительных результатов в борьбе с таким опасным видом нарушения дисциплины, как управление транспортом в нетрезвом состоянии, а количество случаев при этом снизилось.

Однако данная инициатива не была реализована со стороны местных органов власти. В качестве действенной меры предлагалось более активно применять полномочия, предоставленные Постановлением СНК СССР от 3 июля 1936 г., которым предусмотрено наложение штрафов на виновных лиц в сумме до 300 руб. [10]. Хотя само решение исполкома № 270 включало в себя довольно подробный перечень дальнейших действий для исправления ситуации.

В заключение необходимо отметить значительную правотворческую роль местных органов власти по принятию различных нормативных правовых актов в сфере обеспечения безопасности дорожного движения. При этом данные органы были не просто безучастными исполнителями и утверждали предлагаемые проекты, очень часто разрабатываемые представителями ГАИ, но также проводили скрупулезный анализ ситуации, создавали постоянные комиссии по транспорту для выработки наиболее оптимального и эффективного решения. Благодаря такой организационно-правовой деятельности, в рассматриваемый хронологический период, удалось довольно качественно сформировать юридические основы функционирования Госавтоинспекции на региональном уровне, дополняя ведомственные акты, эффективно регулируя в правовой плоскости существующие проблемные аспекты с учетом местной специфики и складывающейся ситуации в организации дорожного движения и обеспечения безопасности его участников.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Государственный архив Ростовской области (ГАРО). Ф. Р-1817. Оп. 4. Д. 352.

2. ГАРО. Ф. Р-1817. Оп. 4. Д. 354.
3. ГАРО. Ф. Р-1817. Оп. 4. Д. 368.
4. ГАРО. Ф. Р-1817. Оп. 4. Д. 370.
5. ГАРО. Ф. Р-1817. Оп. 4. Д. 374.
6. ГАРО. Ф. Р-1817. Оп. 4. Д. 390.
7. ГАРО. Ф. Р-1817. Оп. 4. Д. 679.
8. Донецкий государственный архив (ДГА). Ф. Р-2794. Оп. 2. Д. 302.
9. ДГА. Ф. Р-2794. Оп. 2. Д. 397.

10. Об утверждении Положения о Государственной автомобильной инспекции Главного Управления Рабоче-Крестьянской милиции Народного Комиссариата Внутренних Дел Союза ССР : Постановление Совета Народных Комиссаров СССР № 1182 от 3 июля 1936 г. // Собрание законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского правительства СССР. 1936. № 36. Ст. 318 б.

11. Типовые правила движения по улицам и дорогам Союза ССР. М., 1940. 48 с.

УДК 351.75

Гайич Стефан

старший эксперт по правовым вопросам
Министерства юстиции Республики Сербской
Биелина, Республика Сербская
stefangaic@inbox.ru

Специальная антитеррористическая группа Министерства внутренних дел Республики Сербия¹

Аннотация: Республика Сербия уже более полутора веков наследует традиции специальных подразделений, т. е. вооруженных формирований для специальных операций. Причина создания таких вооруженных сил кроется в потребности государств в существовании полицейских или армейских подразделений для быстрых действий, чья роль будет выражаться в противодействии таким конфликтам как угрозы общественному порядку и общественной безопасности, вызванных террористическими актами, беспорядками, диверсиями или иными видами подрывной деятельности. Первое современное специальное полицейское подразделение Республики Сербия создано в 1978 году как «Группа милиции специального назначения». Упомянутое подразделение пережило бурный распад Югославии и с 1994 года оно называется Специальным антитеррористическим подразделением Министерства внутренних дел Республики Сербия (САП). Сохранив преемственность, САП может похвастаться тем, что уже 45 лет защищает Сербию от террористических угроз и наиболее серьезных форм преступности. Сегодня САП входит в число самых элитных антитеррористических подразделений Европы и мира.

Ключевые слова: терроризм, безопасность, конфликт, силы специального назначения, специальные операции, полиция.

© Гайич С., 2024

¹ Учитывая, что до сих пор в РФ особо не упоминалось Специальное антитеррористическое подразделение МВД Республики Сербия (САП), к этой конференции мы подготовили документ, в котором в общих чертах описывается происхождение САП и его характеристики.

Stefan Gajić

senior legal expert, Ministry of justice
of the Republic of Srpska
Bijeljina, Republika Srpska

Special anti-terrorist unit of the Ministry of the interior of the Republic of Serbia

***Annotation:** For more than a century and a half, the Republic of Serbia has inherited the traditions of special units, that is, armed formations for special operations. The reason for the creation of such armed forces lies in the need of states for the existence of police or army units for rapid action, whose role will be expressed in countering conflicts such as threats to public order and public security caused by terrorist acts, riots, sabotage or other types of subversive activities. The first modern special police unit of the Republic of Serbia, founded in 1978 as the “Special Purpose Police Group”. The mentioned unit survived the rapid disintegration of Yugoslavia and since 1994 it has been called the Special Anti-Terrorist Unit of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Serbia (SAPO). While maintaining continuity, the SAP can boast that for 45 years it has been defending Serbia from terrorist threats and the most serious forms of warfare.*

***Keywords:** terrorism, security, conflict, special forces, special operations, police.*

Создание и развитие специального антитеррористического подразделения Республики Сербия. Террористические угрозы, с которыми столкнулась Социалистическая Федеративная Республика Югославия в 1960-е и 1970-е годы, побудили тогдашние югославские спецслужбы создать специальную команду по борьбе с терроризмом. В то время, эта команда напоминала команду BND, созданную для борьбы с террористической организацией *Rote Armee Fraktion* т. е. *Baader-Meinhof-Gruppe*, но она, в условиях Югославии, оказалась не эффективной, поскольку в ее деятельности отсутствовал компонент, который можно было бы охарактеризовать как острие копья в борьбе с терроризмом, как специальное подразделение для проведения специальных (антитеррористических) операций. Такую организацию под названием GSG-9 (Grenz schutz gruppe-9 – «Группа охраны границ») создали в Западной Германии после террористической атаки «Черного сентября» на израильских олимпийцев в 1972 году в Мюнхене.

Поскольку терроризм в Европе становился более агрессивным, представляя серьезную, возрастающую угрозу для общественной безопасности и общественного порядка СФРЮ. Такое положение послужило веским аргументом в пользу создания в Югославии подразделения, специализирующегося на борьбе с международным терроризмом. В связи с этим, федеральные власти Югославии, в мае 1978 года, принимают решение о формировании «Батальона специального назначения» в составе Федерального секретариата внутренних дел со штаб-квартирой в Белграде и задачей заботиться о безопасности на всей территории Югославии. Поскольку, из-за большой территории СФРЮ и решающей роли специальных подразделений – скорости реагирования на возникающие террористические угрозы, а также для обеспечения безопасности населения, в том же году принято решение – сформировать такие подразделения во всех

союзных республиках и губерниях СФРЮ. Позже этот Батальон был переименован в Группу (Отряд). В связи с этим, в Социалистической Республике Сербия, как на республиканском, так и на областных уровнях, 18 декабря 1978 года сформированы Отряды милиции для специальных операций, получившие название: «Подразделение милиции для специальных операций» (ПМСО), и с этого времени начинается история современного Специального антитеррорестического подразделения МВД Республики Сербия, а дата, 18 декабря, становится праздничным днем образования этого подразделения. Следует отметить то, что ПМСО было организовано как независимое подразделение милиции со штаб-квартирой в отделении милиции Нового Белграда.

Затем, актом о реорганизации данного подразделения от 1983 года, оно было переведено из Нового Белграда в аэропорт «Белград», поскольку в те времена, по оценкам специалистов, большинство террористических атак были связаны с воздушным движением. В 1991 году при распаде СФРЮ произошли серьезные изменения и в структуре Секретариата внутренних дел. Происходящие изменения, в очередной раз не пощадили САП. В связи с этим название данного подразделения было изменено на Специальное подразделение МВД Сербии (СП), а в 1992 году к нему присоединились некоторые структурные подразделения федеральной полиции. С 1992 года штаб специального антитеррористического подразделения переведен из аэропорта «Белград» в Центр «13 мај» близ Батайницы. Решением о реформировании Специальных подразделений МВД Сербии от 1 июня 1992 г., помимо специального подразделения, базирующегося в Белграде, созданы такие подразделения в Нови-Саде и Приштине. Позже, в упомянутое решение Министерства внутренних дел Республики Сербия 1 января 1994 года внесены некоторые поправки, в соответствии с которыми Специальное подразделение (СП) вновь переименовано в Специальное антитеррористическое подразделение (САП), данное название это подразделение носит и сегодня. Пять лет спустя Специальные антитеррористические подразделения, расплававшиеся в Нови-Саде и в Приштине вошли в САП со штаб-квартирой в Белграде. С тех пор это подразделение действует как централизованное специальное антитеррористическое подразделение на всей территории Сербии.

У данного подразделения имеется собственный герб в виде орла, прообразом которого послужил национальный герб Сербии, с изображением меча, пронзающего голову змеи под ногами орла. Меч символизирует работу и роль специального антитеррористического подразделения, орел символизирует государство, защищаемое этим подразделением, а змея является символом зла, которое угрожает орлу как символу государства.

С самого начала формирование этих подразделений осуществлялось посредством целенаправленного отбора кандидатов на эту службу, после чего они проходили строгие испытания для получения направления в соответствующую часть. После отбора лучших кандидатов, следовала серьезная, специальная подготовка, которая обеспечивала возможность членам таких подразделений решать самые сложные тактические задачи, которые были не под силу полиции общего назначения. В настоящее время должности «специального сотрудника поли-

ции» занимают сотрудники данных подразделений со статусом уполномоченного офицера, которые присваивается им после успешного прохождения отборочного конкурса для службы в Специальном антитеррористическом подразделении, служить в котором они вызвались добровольно.

Цель и задачи специального антитеррористического подразделения Сербии. «Специальная антитеррористическая группа (САП) – современное, высокопрофессиональное антитеррористическое подразделение полиции, узкоспециализированное и оснащенное самым современным специальным оборудованием, предназначенным для выполнения сложных и рискованных, опасных задач по обеспечению общественной безопасности, общественного порядка и защите Республики Сербия, а также и ее граждан». «Отряд милиции для специальных операций РСУП Социалистической Республики Сербия, т. е. САП, с момента своего создания предназначалось для выполнения сложнейших охраняемых задач, с высокой степенью риска для собственной жизни и здоровья, которые, в свое время, штатный состав ополчения был не в состоянии решать. А именно, Отряд предназначался для проведения специальных мероприятий, связанных:

- с угоном самолетов, автобусов, поездов, судов и освобождение заложников;
- захватом и нападением на определенные объекты и удержанием заложников;
- похищением людей;
- выявлением и обезвреживанием диверсионно-террористических групп;
- арестом опасных и вооруженных лиц (террористов, преступников);
- бунтами и другими массовыми беспорядками в тюрьмах».

До принятия Указа о специальных подразделениях полиции статус, объем работ и полномочия специальных подразделений МВД не регулировались единым законом, поэтому к ним применялось несколько различных нормативных правовых актов, важнейшими из которых были Закон об армии и Закон о полиции.

Согласно нормативным предписаниям специальное антитеррористическое подразделение определяется как «специальное полицейское подразделение, которое в целях защиты жизни, личной и имущественной безопасности граждан самостоятельно или во взаимодействии с другими подразделениями Министерства внутренних дел или другими службами безопасности планирует, организует и осуществляет наиболее сложные задачи повышенного риска в борьбе с терроризмом». Помимо задач, перечисленных в данной редакции, по приказу начальника полиции с предварительного согласия министра «САП участвует и в выполнении других функций полиции и внутренних дел, которые в силу специфики, сложности или крайней опасности другие организационные подразделения МВД не могут выполнять самостоятельно».

23 марта 1999 г., в день начала агрессии стран НАТО на Социалистическую Республику Югославию, специальное антитеррористическое подразделение было отправлено в Косово для обеспечения надежной обороны страны, а через 3 дня была разбомблена база такого подразделения в Батайнице под

Белградом. Однако, несмотря на то, что база была разрушена, после антитеррористической акции в Косово и Метохии, «орел» вернулся в гнездо, и база специального антитеррористического подразделения находится там до настоящего времени.

Организационная структура специального антитеррористического подразделения. Согласно Решению о создании Специальных антитеррористических подразделений от 5 апреля 1996 г. № ДТ 1693/96, оно получило обозначение как специальное подразделение Министерства внутренних дел Сербии со штаб-квартирой в Нови-Саде, Белграде и Приштине, с единым командованием, состоящим из командира и заместителя командира. Каждое из трех подразделений САП включает в себя: командование специального подразделения, взвод ближнего боя, взвод поддержки и взвод безопасности. Как видно из предписаний этого Решения, организационная структура подразделения была адаптирована к военным событиям в Косово и Метохии и борьбе с террористической организацией ОВК (Освободительная армия Косово), которая использовала партизанский тип войны. Правилами внутренней организации и систематизации труда и заработной платы работников специальных антитеррористических подразделений, принятыми 31 декабря 1999 года провинциальные подразделения были объединены в единое подразделение под общим руководством со штабом в Белграде. Позже, в 2016 году, в ходе проводимой реорганизации специальных подразделений МВД Сербии, в САП вошли члены Противотеррористической группы МВД Сербии (ПТГ), которое, таким образом прекратило свое существование.

Сегодня специальное антитеррористическое подразделение в своем составе имеет: «Группу по вопросам безопасности, Группу для переговоров, Группу по оперативной технике, четыре специализированные команды, Команду инструкторов, Группу по строительству, исследованию вооружения и боеприпасов, Медицинскую группу, Дежурную службу и Техническую службу». Специализированными командами являются команды «А» и «Б», состоящие из трех групп каждая, а также команды «Ц» и «Д», состоящие из четырех групп каждая. Самыми значимыми (элитными) командами являются команды «А» (первая, ударная) и «Б», которые отвечают за решение сложнейших тактических и оперативных задач, обеспечивая безопасность Республики Сербия и ее граждан. (Команда «Ц» состоит из: снайперской группы, водолазной группы, группы служебных собак-поводырей, минно-взрывной группы и биолого-химической группы». Команда «Д» или, как ее еще называют, группа безопасности и поддержки отвечает за безопасность VIP-персон, а также важных объектов и инфраструктуры, в отношении которых может возникнуть непосредственная угроза террористических атак (спортивные объекты, объекты культуры, хозяйственные объекты и сооружения, дорожная инфраструктура, объекты общественного и коммунального назначения и все другие места, где собирается большое количество людей в связи с организацией различных массовых мероприятий).

УДК 343.985.5

Черков Владимир Александрович

кандидат юридических наук, доцент,
старший научный сотрудник, доцент кафедры
государственного управления, Луганский государственный
университет имени Владимира Даля
г. Луганск, Луганская Народная Республика, Российская Федерация
Vladimir_Cherkov@mail.ru

Черкова Марина Юрьевна

кандидат юридических наук, доцент,
старший научный сотрудник, доцент кафедры
государственного управления
Луганский государственный университет
имени Владимира Даля
г. Луганск, Луганская Народная Республика, Российская Федерация
marina.cher.80@mail.ru

**Исторические аспекты использования служебно-розыскных собак
в оперативно-розыскной деятельности**

Аннотация: В статье рассмотрены исторические аспекты использования служебно-розыскных собак в целях выявления и раскрытия преступлений.

Ключевые слова: преступление, раскрытие, наука, одорология, служебно-розыскная собака.

Cherkov Vladimir Aleksandrovich

candidate of law, associate professor,
associate professor of the department
of public administration of the State
educational institution of higher education
of the Lugansk state Volodymyr Dahl university
Lugansk, LPR, Russian Federation

Cherkova Marina Yuryevna

candidate of law, associate professor,
associate professor of the department
of public administration of the State
educational institution of higher education
of the Lugansk state Volodymyr Dahl university
Lugansk, LPR, Russian Federation

Historical aspects of the use of search dogs in investigative activities

Annotation: The article is devoted to the historical aspects of the use of search dogs with the aim of to detect and solve crimes.

Keywords: crime, detection, science, odorology, search dog.

Успешность развития оперативно-розыскной деятельности (далее – ОРД) на современном этапе зависит не только от состояния криминогенной обстановки, кадровых и финансовых возможностей полиции, но и от наличия как отечественного, так и зарубежного исторического опыта правоохранительной практики. Это в полной мере касается и исторического опыта использования служебно-розыскных собак (далее – СРС) в практической деятельности органов внутренних дел.

Исторические аспекты использования СРС в ОРД непосредственно связаны с наукой – одорологией, которая возникла в 50-х годах XX века в результате развития молекулярной биологии, бионики, кинологии, химии, электроники и других естественных наук. Термин «одорология» в переводе с латинского языка означает запах, ощущение запаха, и с греческого – обучение, наука, т. е. наука о запахах [1]. Относительно системы знаний, направленных на изучение конкретного предмета специально разработанными методами и решение соответствующего круга задач, термином «одорология» названа самостоятельная отрасль науки.

Как правило, под одорологией понимается раздел науки, изучающий закономерности процессов возникновения запаха, его распространения и распознавания с целью разработки приемов, средств и методов использования его свойств в жизнедеятельности человека [2, с. 10]. В научной литературе можно встретить и другие определения. Например, по мнению М. В. Салтевского и В. Г. Лукашевича, одорология – это область научного знания, занимающаяся исследованием природы и механизма возникновения запаховых следов, средств и методов их выявления, и использования [3, с. 130–145]. На наш взгляд, такое определение несколько сокращает круг задач этой отрасли и не в полном объеме определяет содержание ее предмета, так как запаховые следы составляют лишь одно из направлений применения достижений одорологии.

В некоторых зарубежных странах совокупность знаний о запаховых следах в отдельную отрасль не выделяют и рассматривают ее в пределах физико-химических и биологических аналитических методов.

Для решения терминологических проблем, связанных с пониманием запаховых следов, на наш взгляд, целесообразнее провести анализ семантического значения распространенного в юридической науке и практике словосочетания «кинология» и производных от него слов «кинолог», «кинологический центр». В переводе с греческого «кинология» трактуется как учение о собаке [4, с. 158].

В некоторых научных трудах ставился вопрос о возможности применения вместо данного словосочетания и производных от него слов отечественного словосочетания «собаководение» – для обозначения совокупности научных знаний о собаке, «собаковед» – специалист в этой области знаний, «собаковод» – специалист, который готовит и применяет в правоохранительной деятельности собаку-детектор или другую служебную собаку, «собаководческий

центр» – центр по проведению научных исследований по разведению, обслуживанию, подготовке и другому обращению со служебными и иными собаками, «собаководческий центр» – центр практического разведения, подготовки и использования служебных и других собак [5].

Полагаем, что именно словосочетание «одорология» наиболее пригодно для наименования той совокупности научных знаний, которые составляют предмет нашего исследования. Таким образом, одорология исследует достаточно широкий спектр явлений и за короткий период своего существования накопила немалый багаж необходимых для этого знаний. В системе закономерностей, входящих в ее предмет, можно выделить три основных составляющих элемента: процесс формирования запаха; запах и его свойства, психофизиологическая природа нюха. Отсюда следует вывод, что криминалистическая одорология – это исследование физических и биологических закономерностей механизма образования следов запаха, и разработки на этом основании методов и средств его исследования в уголовном судопроизводстве.

После выяснения сущности одорологической науки и ее предмета перейдем к непосредственному исследованию исторического опыта подготовки и использования СРС. Использование обоняния специально подготовленной собаки с целью поиска по следам запаха людей и некоторых других источников информации известно уже очень давно. Официальная история использования запаховых следов в работе полиции берет свое начало с 1896 года, когда в немецком городе Гильдесгейме по инициативе известного криминалиста Ганса Гросса в муниципалитете города появилось 12 собак, обученных несению патрульной службы [6, с. 6]. Обобщение научных литературных источников дало основание полагать, что именно Гансу Гроссу принадлежит первая оценка значимости результатов использования СРС для поиска человека по следам его запаха на местности. Так, в одном из изданий известного пособия Ганса Гросса «Руководство для судебных следователей» отмечалось, что с помощью собаки можно быстрее выйти на след преступника [7, с. 55]. Учитывая это, Ганс Гросс результатам поиска преступника по следам его запаха на местности с помощью обоняния специально подготовленной собаки-детектора уделял особое внимание.

Впервые питомники полицейских собак были организованы в Германии в конце XI века [8, с. 57].

Немецкий криминалист Роберт Горбах утверждал, что собака была первым в мире полицейским, сторожем и сыщиком. Она преданно охраняла дом своего хозяина, пасла скотину, спасала тонущих, выносила раненых с поля боя и т. д. Все это собака делала благодаря своим природным качествам воспринимать и дифференцировать запахи. В научной литературе указывалось, что у собаки по степени развитости чувств на первом месте стоит обоняние, на втором – слух, на третьем – зрение [6, с. 44]. «Человек, – писал Л. Жирарден, – узнает своих друзей по лицу, а собака – по комплексу запахов. Главное в ее мировосприятии – запахи» [9, с. 24].

Впоследствии специалисты обратили внимание и на возможность использования в борьбе с преступностью природной способности собак отслеживать

по следам запаха человека. Отшлифованные до уникальности на протяжении тысячелетней эволюции, сохраненные и развитые в ходе последующего одомашнивания и длительного целенаправленного селекционирования обонятельные способности собаки постепенно стали все шире использоваться в раскрытии и расследовании преступлений. Обычную полицейскую собаку все чаще стали обучать целенаправленно на поиск преступников, похищенных животных и некоторых других вещественных источников информации по следам запаха на местности и в воздухе. В результате определенная часть полицейских собак превратилась в своеобразный внелабораторный биологический детектор запаха – специально подготовленную собаку-детектор.

Розыскную собаку (ищейку) начали применять в России в пятидесятых годах XIX века для охраны государственных границ. Собаки несли сторожевую службу, а также службу по обнаружению и преследованию по следу и задержанию перешедших границу нарушителей. Организация розыскной службы собак в России относится к 1906 г. Выделение же служебного собаководства можно отнести к 1908 году, когда было создано Российское «Общество поощрения и применения собак в полицейской и сторожевой службе» [10, с. 29]. В связи с организацией упомянутого общества в журнале «Вестник полиции» можно было прочитать, что теперь никакой грим, никакое переодевание не спасут преступника, потому что полицейская собака будет распознавать его не по виду, а по запаху, индивидуальные свойства которого доступны только исключительно обонянию собаки» [4, с. 161]. Это общество насчитывало несколько сотен членов, в том числе, из числа полицейских, жандармов и высших чиновников. Вплоть до Октябрьской революции руководство подготовкой специалистов служебного собаководства в России было сосредоточено в указанном обществе. В школах этого общества готовили дрессировщиков-проводников розыскных собак, и через несколько лет, в 1911 г., уже более чем в 60 городах имелись служебные собаки на розыскной и обходно-сторожевой службах. Это вызвало большой спрос на специалистов-дрессировщиков. Как следствие, в Петербурге, Варшаве, Ташкенте, Владивостоке, Пскове и других городах открывается ряд специальных школ и питомников.

Стремительный рост практики подготовки и использования СРС привел к тому, что уже в конце позапрошлого века Ганс Гросс высказал и первую оценку криминалистической значимости результатов этих действий. Положительно оценивали результаты использования СРС в борьбе с преступлениями А. Гельвига [8, с. 94], Г. М. Якимов [11, с. 286–290] и некоторые другие ученые того времени.

Сфера использования человеком поисковых качеств собаки продолжала расширяться. Так, например, во время Великой Отечественной войны и в послевоенные годы собаки помогали солдатам в поиске мин, взрывчатых веществ при разминировании домов, жилых кварталов, дорог, больших участков местности. Только в 1944 году на фронтах использовалось более 60 тысяч собак, которые нашли четыре миллиона мин и взрывных устройств [12, с. 10].

Однако следует отметить и то, что возможности использования обонятельных способностей собак были сравнительно ограниченными. Это послужило одной из причин разработки идеи создания искусственного анализатора запаха. Так, в 50-е годы в СССР после успешных экспериментов по применению методов масс-спектрометрии и газовой хроматографии в молекулярной биохимии были созданы приборы, позволяющие проводить исследования газовых тел [13, с. 12–47]. Созданные на основе подобных методов приборы были способны отождествлять только монозапахи (испарения жидких и твердых веществ), в то время как запахи живых организмов исследованию не подлежали. Идентификация последних осталась приоритетом животных. Этот факт способствовал более объективной оценке обонятельных способностей собак и их целенаправленному применению.

В 60-е годы определилось три основных направления использования запаха: розыск лиц, совершивших общественно опасные деяния по их запаховому следу; поиск предметов противоправного посягательства или предметов, подлежащих признанию в качестве вещественных доказательств, сохранивших индивидуальный запах преступника или потерпевшего; установление групповой принадлежности источника происхождения твердых, жидких и газообразных веществ, обладающих свойствами запаха. В первых двух направлениях использовались специально подготовленные СРС, в третьем – инструментальные методы. Вместе с тем продолжались исследования как с целью получения новых технологий инструментального исследования запахов, так и с целью усовершенствования методов использования способностей СРС.

Впервые попытку системного исследования запаха в 1966 году предпринял Р. Х. Райт. В своем труде «Наука о запахах» [14] он рассматривал понятие запаха в двух значениях, но не раскрывал его природу. Его книга посвящена изучению запаха, с одной стороны, как самостоятельного объекта исследования, с другой – как категории биологической. Прикладной характер науки о запахе, направленный на решение задач раскрытия, расследования и предотвращения преступлений, обосновали известные ученые-криминалисты А. И. Винберг, В. В. Безруков, М. Г. Майоров, Р. М. Тодоров. Они являются авторами идеи извлечения и консервирования следов запаха с места происшествия. Их открытие послужило толчком к зарождению и развитию нового направления в науке криминалистике – криминалистической одорологии. Значительный вклад в использование одорологии в борьбе с преступностью внесли также белорусские ученые Г. И. Грамович, И. И. Басецкий, В. П. Шиенок и др. Первоначально консервированные запаховые следы предполагалось использовать с целью выявления и преследования преступников, поиска похищенного имущества, установления принадлежности предметов определенному лицу посредством выборки человека или его вещи.

Практика использования СРС для поиска преступников и других источников информации выявила много как положительного, так и отрицательного. В частности, результативное применение СРС ограничивалось в среднем 6–12 часами с момента образования следов запаха, и значительно осложнялось

дождливой, морозной, жаркой, ветренной или иной неблагоприятной для этого погодой, очень зависело от механизма слеодообразования, характера следа (каменистый грунт, трава и т. п.). Учитывая эти обстоятельства, в 1964 г. на кафедре криминалистики Высшей школы Комитета госбезопасности СССР авторским коллективом в составе В. В. Безрукова, А. И. Винберга, М. Г. Майорова и Р. М. Тодорова были начаты специальные исследования по усовершенствованию методики работы со следами запаха человека с помощью обоняния специально подготовленной собаки [13, с. 83], завершившиеся разработкой в 1965 г. так называемого одорологического метода. Его сущность была слишком простой: с помощью специального прибора отбора запахов в виде большого ветеринарного шприца откачивался воздух с поверхности вероятных следов запаха человека, который после этого закачивался в стеклянную емкость, в которую для повышения концентрации этих следов ложили кусочек ваты. Данные действия повторялись несколько раз, и емкость герметично закрывали, что позволяло проводить уже внелабораторное исследование вероятных следов запаха с помощью обоняния СРС в любое время, т. е., когда появится подозреваемый. При отсутствии шприца рекомендовалось использовать и обычную военную полиэтиленовую флягу, которую открывали, сжимали по бокам, подносили горловиной к возможным следам запаха человека и давали ей возможность распрямиться, что приводило к «закачке» во флягу воздуха с возможными следами запаха. Фляга герметично закрывалась и могла быть аналогичным образом использована. Небольшие подвижные вероятные носители следов запаха человека (предметы одежды, орудия преступления и т. п.) герметично упаковывали в полиэтилен и впоследствии непосредственно использовали в так называемой одорологической выборке, суть которой заключалась в том, что подозреваемого ставили в шеренгу с заведомо невиновными лицами или размещали какие-либо одинаковые их вещи. СРС давали понюхать воздух со следами запаха из стеклянной емкости (фляги) или непосредственно те вещи, которые были изъяты и упакованы в полиэтилен на месте происшествия, и подавали поисковую команду. Указание собаки лаем или иным способом на определенного человека или на его вещи свидетельствовало о его причастности к преступлению [15, с. 74].

Первое практическое испытание одорологического метода состоялось в 1965 г., когда во время проведения одорологических выборок в отношении подозреваемого и его вещей последний настолько был поражен их результатами, что сознался в убийстве своего малолетнего ребенка. Результаты этих одорологических исследований были приняты как доказательства Московским областным судом и Верховным Судом Российской Федерации, которые рассматривали это дело в первой и кассационной инстанции и приговорили виновного к смертной казни [16, с. 5–16].

Одорологический метод раскрывал новые возможности в борьбе с преступностью, и поэтому им заинтересовались во многих странах мира, в первую очередь, в Германии, Венгрии, Польше, Чехословакии, Болгарии и других. Однако впоследствии, когда из-за несовершенства предложенной методики одо-

рологического исследования были допущены первые судебные ошибки, началась острая дискуссия о признании результатов данного метода в качестве доказательств, которая в некоторых странах продолжается до сих пор, в то время как в других странах определилось более конструктивное отношение к развитию этого метода.

Сегодня результаты лабораторных одорологических исследований уже используются в качестве доказательств по уголовным делам в России, Республике Беларусь, Венгрии, Польше, Бельгии, Голландии, Дании, Финляндии и в некоторых других странах мира. Причем, в большинстве случаев Верховные Суды этих стран уже рассматривали в апелляционном порядке уголовные дела с такими доказательствами и согласились с ними, а Верховный Суд Польши даже принял специальное определение, содержащее указание на те требования, которым должна соответствовать работа со следами запаха человек на основе обоняния СРС. В октябре 2000 г. в г. Легионово (Польша) состоялась и Первая одорологическая конференция, в работе которой приняли участие представители Англии, Голландии, Дании, Нидерландов, Польши, Венгрии, Финляндии, Швеции и Эстонии.

Многолетняя практика использования СРС как для работы по следу, так и для выборки многократно доказывала достоверность результатов использования этого животного как анализатора запахов, его непревзойденные обонятельные качества и способность действовать в узком спектре запахов. По традиции применение СРС расценивалось как оперативно-розыскное мероприятие, в силу чего его результаты не рассматривались в процессуальном значении.

Научная дискуссия по поводу места следов запаха человека в системе вещественных источников информации возникла задолго до того, как В. В. Безруков и другие соавторы объявили о создании одорологического метода, по сути, с начала применения СРС для поиска по следам запаха на местности преступника или похищенных вещей. Так, П. Л. Люблинский еще в 1924 году указывал, что собака – это способ обнаружения вещественного доказательства – запаха [17, с. 48], т. е. запах этим ученым признавался разновидностью вещественных доказательств. Впоследствии и сами авторы одорологического метода рекомендовали использовать в качестве вещественного доказательства запах, отобранный в прибор отбора запахов.

Научные взгляды П. Л. Люблинского поддержал и более подробно обосновал А. И. Винберг, предложивший использовать в процессе доказывания результаты использования СРС для выборки человека с помощью законсервированного запаха. Он указывал на то, что законсервированные запаховые следы можно было использовать не только при возбуждении уголовного дела, но также на стадии предварительного расследования. А. И. Винберг, излагая свой вариант процессуальной регламентации работы со следами запаха человека, более подробно аргументировал это положение, указав, что запах, происхождение которого в обстановке места происшествия причинно связано с событием преступления, законсервированный в герметичную упаковку, может стать вещественным доказательством по делу, если в процессе дальнейшего расследования

следователь сочтет необходимым вынести об этом соответствующее постановление» [16, с. 14].

Следует отметить и то, что возможность использования молекул запаха как вещественного подтверждения, не исключали не только защитники, но и противники процессуальной перспективы признания доказательствами результатов одорологического исследования. Так, по мнению А. Н. Копьевой, В. С. Абраменко и других, воздух с молекулами запаха, как объект материального мира, в принципе может быть «отнесен к категории вещественных доказательств, поскольку консервация запаха позволяет долго хранить его и использовать при необходимости для идентификации тех или иных объектов с помощью надежных анализаторов» [18, с. 111–112]. Как отмечает В. Ф. Берзин, несмотря на то, что газообразные вещества, в том числе и запах человека, не воспринимаются визуально (хотя и могут быть в ряде случаев восприняты участниками уголовного процесса другими органами чувств), они, однако, отвечают требованиям понятия вещественного доказательства: являясь материальным объектом, служат средством раскрытия преступления. То, что доказательственное значение этих объектов устанавливается в результате экспертных исследований, не является доминантой их процессуального статуса. Доказательственное значение и не микрообъектов устанавливается с помощью экспертного исследования, однако они справедливо включаются в число вещественных доказательств, например, «предсмертная записка», текст которой, по заключению экспертизы, составлен не умершим лицом. Учитывая изложенное, вещественными доказательствами являются и газообразные вещества, в том числе и запах человека [19, с. 944–945]. А. С. Соколов подчеркивал, что запахи, обнаруживаемые на оставленных преступником следах и предметах, служат средством установления виновного и, таким образом, средством раскрытия преступления, а потому их, безусловно, с полным правом можно признавать вещественными доказательствами по делу, относя к разряду «иных предметов» [20, с. 274].

В 1969 году А. Р. Шляхов ввел словосочетание «микровещественные доказательства», что подтверждало и возможность приобщения следов и образцов запаха человека к уголовному делу в качестве вещественных доказательств, а именно как особой их разновидности – «микровещественных доказательств» [21, с. 44].

Следует отметить и то, что процессуальное использование запаховых следов вызвало ряд возражений среди ученых и практиков. Один из выдвигавшихся противниками вышеуказанных предложений аргументов заключался в том, что результаты применения СРС не могут рассматриваться как доказательство, поскольку в исчерпывающем перечне средств доказывания уголовно-процессуальный закон собаку не упоминает. Такой же позиции придерживается и М. С. Строгович, обосновывая ее тем, что процесс идентификации с помощью СРС как следственное, процессуальное действие является незаконным, поскольку уголовно-процессуальный кодекс такого следственного действия не предусматривает. К тому же, по мнению М. С. Строговича, не существует гарантий достоверности поведения животного во время его реакции на опреде-

ленное лицо, так как никем и ничем не доказана индивидуальность и неизменчивость запаха человека [22, с. 150]. Сторонниками позиции М. С. Строговича высказывались суждения также о том, что выборка живых лиц по запаху с помощью собаки недопустима, так как сводит человека к бесправному объекту исследования и связана с унижением его достоинства. Речь шла также об аморальности привлечения к выборкам лиц, заведомо непричастных к совершению преступления, предлагаемых собаке вместе с подозреваемым. Все эти аргументы послужили основанием для длительной полемики между сторонниками и противниками предложенной А. И. Винбергом процедуры использования законсервированных запаховых следов в процессе расследования.

По нашему мнению, некоторые из вышеперечисленных возражений не выдерживают никакой критики. Например, при осмотре, обыске, изъятии отпечатков пальцев рук, отборе образцов крови, спермы и т. п. также затрагиваются моральные нормы. То же самое можно сказать и о привлечении к разным видам юридической ответственности, поскольку среди ученых отсутствует единая точка зрения относительно ее целесообразности, а тем более о ее нравственности.

Более того, оживленная дискуссия по поводу процессуальной перспективы одорологического метода и результатов работы указанных одорологических лабораторий обусловили острую необходимость в расширении фундаментальных исследований по совершенствованию этого метода. Ведущая роль в данной работе в конечном итоге принадлежала специалистам ЭКЦ МВД Российской Федерации, которые на основе обобщения мирового опыта по этой проблеме и на многолетних собственных исследованиях, проведенных совместно со специалистами ВНИИСЭ МЮ Российской Федерации и Российской Академии наук, подтвердили факт индивидуальности запаха каждого человека, даже генетически ближайших лиц – однояйцевых близнецов – и разработали методику проведения одорологической экспертизы с помощью биологического анализатора запаха – обоняния специально обученной экспертной собаки-детектора [23]. Указанная методика, после успешного многолетнего испытания, в 1992 году на расширенном заседании Ученого совета ЭКЦ МВД России с участием ведущих ученых в этой сфере была признана научно обоснованной и пригодной для проведения одорологической экспертизы. С учетом этого решения в структуре ЭКЦ МВД Российской Федерации появилось отделение исследования запаховых следов отдела биологической экспертизы, а следственные и судебные органы России все чаще стали назначать новую разновидность экспертизы и принимать во внимание ее выводы как косвенный источник доказательств по уголовным делам.

В 70-е годы одорологический метод получил широкое распространение в Германии, Венгрии, Болгарии, Чехословакии и Польше. В 1972 году в ГДР при криминально-технической службе в соответствии с директивой «Применение дифференциации запахов в борьбе с преступностью» были созданы одорологические лаборатории, задачей которых являлось проведение идентификации запахов в регионах их обслуживания. Каждая лаборатория располагала банком

запаховой информации, представлявшей собой картотеку-хранилище, где сосредоточились следы запахов, изъятых с мест совершения преступлений, а также образцы запахов лиц, представляющих оперативный интерес. Так, уже к середине 80-х годов в ГДР насчитывалось около двадцати таких лабораторий.

На основе исследований, проведенных сотрудниками научно-технического отдела Управления полиции города Будапешта, в 19 областях Венгрии были созданы одорологические группы, в которых работали 2–4 специалиста. В соответствии с указанием Главного управления криминальной полиции МВД ВНР метод криминалистической одорологии использовался при раскрытии и расследовании краж, убийств, изнасилований и других преступлений. За 1978–1980 годы в Венгрии положительные результаты работы собак-детекторов составили 70–80 %. Например, за 1980 год следы запаха были изъяты по 1239 правонарушениям, в 977 случаях (т. е. в 78,85 %) идентификация этих следов сыграла важную роль в установлении правонарушителей.

Аналогичные исследования проводились и в Чехословакии, где работа с консервированными запахами началась с 1977 г. по указанию Федерального министерства внутренних дел. Так, в 1979 г. с помощью этого метода было установлено 1041 преступников [9, с. 26–37]. В Болгарии метод криминалистической одорологии получил свое развитие в 1978 г. с принятием соответствующего нормативного акта. Использование же консервированного запаха в раскрытии преступлений было регламентировано приказом МВД НРБ в 1981 году [2, с. 8].

Начиная с 1979 года, в Научно-криминалистическом центре МВД СССР проводились исследования по усовершенствованию метода криминалистической одорологии. Новые решения по сбору и выделению запаховых следов получили шесть авторских патентов, а проведенные на их основе исследования имели положительный результат [23, с. 3–15].

Для проверки практической значимости и получения объективной картины использования метода криминалистической одорологии приказом Министра внутренних дел Латвии в 1976 году на базе Юрмальского райотдела Латвийской ССР была создана первая в СССР одорологическая лаборатория, а впоследствии аналогичные лаборатории были организованы при МВД Грузинской и Литовской ССР, УВД Винницкого, Калининского, Новосибирского и Омского облисполкомов [24, с. 73], которые все же не смогли превратиться в полноценные экспертные учреждения. Созданная в Юрмале экспериментальная одорологическая лаборатория занималась сбором, консервированием и сохранением запаховых следов, изъятых с места происшествия, а также идентификацией законсервированного запаха с образцами, изъятыми у подозреваемых, с использованием собак-детекторов. Положительный опыт деятельности данной лаборатории подтвердил правильность и перспективность научного поиска, что послужило толчком к созданию в конце 80-х годов подобных лабораторий в других городах СССР.

В настоящее время в Российской Федерации накоплен богатый опыт практической деятельности одорологических лабораторий, позволяющий по-

вышать эффективность борьбы с преступностью. Так, по заданиям органов внутренних дел и прокуратуры еще в начале 90-х годов в Московской одорологической лаборатории было проведено около 500 исследований [25].

Эффективным является использование одорологических исследований при раскрытии и расследовании преступлений в Белоруссии. Так, для проведения одорологических исследований в этой стране с 1993 года по приказу Министра внутренних дел в структуру Государственного экспертно-криминалистического центра включена одорологическая лаборатория, одной из задач которой является проведение по инициативе оперативных работников и следователей идентификации запаха, полученного у подозреваемых лиц. Первые идентификационные исследования запаха в Беларуси были проведены в феврале 1996 года. Их результаты успешно использовались в изобличении лиц, совершивших преступления.

Таким образом, резюмируя вышеизложенное, приходим к выводу, что сегодня дальнейшим направлением развития вопроса использования СРС в борьбе с преступностью должен стать детальный научный анализ опыта использования СРС как средства ОРД в прошлом, в частности особенности их подготовки по общим и специальным курсам, тактические особенности их использования и т. д. Необходимо отметить и то, что большое количество положительного исторического, как отечественного, так и зарубежного опыта использования СРС в оперативных целях может быть воплощено в правоохранительную деятельность современного общества, вплоть до признания результатов применения СРС в качестве доказательств по уголовным делам.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Салтевский М. В. Криминалистическая одорология. Работа с запаховыми следами : лекция. Киев : КВШ МВД СССР, 1976. 46 с.
2. Федоров Г. В. Одорология: запаховые следы в криминалистике : монография. Минск : Амалфея, 2000. 144 с.
3. Салтевский М. В., Лукашевич В. Г. Микрообъекты и запаховые следы // Специализированный курс криминалистики для слушателей вузов МВД, обучающихся на базе среднего специального образования : учебник / под ред. Р. С. Белкина. Киев : НИРИО КВШ МВД СССР, 1987. С. 130–145.
4. Гросс Г. Руководство для судебных следователей, чинов общей и жандармской полиции. Смоленск, 1895. 940 с.
5. Кириченко А. А., Басай В. Д., Щитников А. М. Основы юридической одорологии (теорология, правовая процедура, методика) : монография. Киев ; Минск : РИО КИВД МВД Украины, ГЗКЦ МВД РБ, 2001. 768 с.
6. Кисин М. В., Петранек Г. и др. Использование консервированного запаха в раскрытии преступлений: пособие / под общ. ред. М. В. Кисина. М. ; Берлин : ВНИИ МВД СССР : КИННП МВД ГДР, 1983. 120 с.
7. Гельвиг Н. Современная Криминалистика. М. : Сов. законодательство, 1925. 304 с.
8. Жирарден Л. Бионика. М. : Наука, 1971. 85 с.

9. Кисин М. В. Современное состояние проблемы использования консервированного запаха в раскрытии преступлений. Перспективы дальнейшего развития специальной технологии // Использование консервированного запаха в раскрытии краж и преступлений против личности : материалы Всесоюз. семинара-совещания. Рига : МВД Лат. ССР, 1984. С. 26–37/
10. Аптекарь П. Собаки с пулеметами и взрывчаткой // Аргументы и факты. 1996. № 34. С. 10.
11. Якимов И. Н. Применение к розыску и задержанию преступников собак-ищеек // Практическое руководство к расследованию преступлений. М. : Издание НКВД РСФСР, 1925. С. 286–290.
12. Перспективы изучения летучих веществ, выделяемых человеком, в криминалистике и медицине // Материалы для обсуждения на ученом совете ВНИИСЭ. М. : ВНИИСЭ МЮ СССР, 1979. С. 12–47.
13. Безруков В. В., Винберг А. И., Майоров М. Г., Тодоров Р. М. Устройство для консервирования запахов : авт. свид. № 30498 СССР, по заявке № 964199 с приоритетом 06.03.1965 г. // Открытия. Изобретения : бюллетень. М., 1966. № 12. С. 83.
14. Райт Р. Х. Наука о запахах : монография. М. : Мир, 1966. 224 с.
15. Новое в криминалистике / В. В. Безруков, А. И. Винберг, М. Г. Майоров, Р. М. Тодоров // Соц. законность. 1965. № 10. С. 74–75.
16. Винберг А. И. Криминалистическая одорология // Криминалистика на службе следователя. Вильнюс : Прокуратура Лит. ССР, 1967. С. 5–16.
17. Люблинский П. И. О доказательствах в уголовном суде. М. : Книгоиздательство. Право и жизнь, 1924. С. 48.
18. Копьева А. Н., Абраменкова В. С., Горобец Е. Д. Доказательственное значение запаховых микроследов // Проблемы советского государства и права. Иркутск : Изд-во Иркутск. гос. ун-та, 1974. Вып. 7. С. 110–114.
19. Кириченко А. А. Основы судебной микрообъектологии : монография. Харьков : Основы, 1998. 1220 с.
20. Соколов А. С. По поводу дискуссии // Сб. науч. тр. ВНИИСЭ МЮ СССР. М., 1972. Вып. 4. С. 271–283.
21. Шахов А. Р. В институтах судебных экспертиз // Соц. законность. 1969. № 3. С. 44–45.
22. Страгович М. С. О псевдодоказательствах // Проблемы судебной этики / под ред. М. С. Страговича. М. : Наука, 1974. С. 145–152.
23. Снетков В. А., Старовойтов В. И. Криминалистическое значение запаховой характеристики человека: Методологический опыт // Вопросы теории криминалистики и экспертно-криминалистические проблемы : сб. науч. тр. М. : ВНИИ МВД СССР, 1990. С. 3–15.
24. Кириченко О.А., Басай В.Д. Одорологія : лекція № 10. Киев : РВВ КІВС, 2002. 86 с.
25. Старовойтов В. И., Сулимов К. Т., Гриценко В. В. Запаховые следы участников происшествия. Обнаружение, сбор, организация исследования : метод. рекомендации. М. : ЭКЦ МВД РФ, 1993. 24 с.

Васильченко Ксения Владиславовна
научный сотрудник НИИ Университета
прокуратуры Российской Федерации
Москва, Российская Федерация
ksenia.serdiuk@yandex.ru

Противодействие незаконной деятельности неправительственных объединений: историко-правовой аспект

***Аннотация:** В статье раскрыта эволюция уголовно-правовых запретов в отношении участников неправительственных организаций, начиная с периода их становления как социального института в странах Западной Европы до настоящего времени, когда отечественные и зарубежные исследователи приходят к выводам об активной роли таких объединений в организации цветных революций и смены режимов. Рассмотрены исторические периоды, свидетельствующие об имеющейся связи между деятельностью неправительственных организаций и попытками камуфлирования криминальных проявлений под декларируемыми социально ориентированными целями.*

***Ключевые слова:** нежелательная деятельность, иностранные и международные неправительственные организации, охрана конституционного строя, кризис международного права, цветные революции.*

Vasilchenko Ksenia Vladislavovna
researcher of the Research Institute
of the University of the prosecutor's office
of the Russian Federation
Moscow, Russian Federation

Countering illegal activities of non-governmental organizations: historical and legal aspect

***Annotation:** The article reveals the evolution of criminal law prohibitions against participants of non-governmental organizations, starting from the period of their formation as a social institution in Western Europe to the present, when domestic and foreign researchers come to conclusions about the active role of such associations in organizing color revolutions and regime change. The historical periods testifying to the existing connection between the activities of non-governmental organizations and attempts to camouflage criminal manifestations under the declared socially oriented goals are considered.*

***Keywords:** undesirable activities, foreign and international non-governmental organizations, protection of the constitutional order, crisis of international law, color revolutions.*

Исследование исторического становление института неправительственных объединений следовало бы начать с рассмотрения его единой международной дефиниции, которой за многовековую историю данных организаций так и не появилось. Отечественные исследователи уже приступали к рассмотрению данного терминологического вопроса и пришли к выводу о крайне низкой доле

вероятности его разрешения в связи с отсутствием в мире единых общепринятых понятий общества, общественных интересов и общественных организаций. По этой причине единственным неоспоримым критерием определения неправительственных организаций является отсутствие официального участия государственных органов [6, с. 293–295]. В то же время на международном уровне понятие «неправительственные организации» используется достаточно активно и рассматривается как общепринятое (в Уставе ООН, многочисленных резолюциях Экономического и Социального Совета ООН (ЭКОСОС), Резолюции Европейского парламента, Директивах ЮНЕСКО, решениях Европейского Суда по правам человека). В современной юридической литературе указывается, что в основу идеи создания негосударственных общественных объединений для достижения социальных целей легли британские благотворительные организации, первый закон о регулировании деятельности которых был принят в 1601 г. При этом уже в 1720 и 1777 г. в Великобритании были приняты первые акты-попытки обуздать злоупотребления и мошенничества, совершаемые такими организациями [14, с. 156–158].

В 1901 г. во Франции принят Закон «Об ассоциациях» (*Loi du 1er juillet 1901 relative au contrat d'association*) [16], который с рядом поправок действует до настоящего времени. Нормативный акт позволяет гражданам Французской Республики создавать ассоциации при условии соблюдения закона и следования целям, «не стремящимся нанести ущерб территориальной целостности и республиканской форме правления» (Article 3). Организация-нарушительница подлежит роспуску по решению суда, вынесение которого означает запрет на любые попытки воссоздать ассоциацию, провести ее собрание. В противном случае учредители, директора или администраторы запрещенной ассоциации понесут наказание сроком на три года тюремного заключения со штрафом в размере 45 000 евро (Article 8).

На данном этапе можно сделать вывод, что, начиная с периода своего становления как института, неправительственные организации проявляли признаки камуфлирования криминальных проявлений, в том числе деятельности, направленной на переход власти к некоей заинтересованной силе. В этой связи неправительственные объединения рассматривались законодателем как рискованный сектор, «колыбель» сговора против действующей власти, и регулирование их деятельности неразрывно следовало в связке с установлением уголовно-правовых запретов для их участников.

За активным внутригосударственным ростом неправительственных организаций органически последовала тенденция их международного взаимодействия, предопределенная необходимостью многостороннего сотрудничества в специальных областях, таких как наука, медицина, охрана труда, торговля и спорт. Первыми международными неправительственными организациями считаются объединения, возникшие в Европе и Северной Америке в середине XIX в. [3, с. 6–7]. Инициаторами развития многосторонних связей выступили общественные деятели стран европейского континента, где к этому времени практически завершился процесс формирования централизованных государств

и сложился ряд норм и институтов международного права, необходимых для деятельности международных организаций [6, с. 9–10].

Последующий в XX в. ошеломляющий рост структур иностранных и международных неправительственных организаций (далее – ИННО (МО)) поставил их в один ряд с мощнейшими инструментами влияния на мировую геополитику, в том числе не всегда в позитивном значении. К концу прошлого столетия НПО приобрели откровенный подтекст «ударной» протестной силы отдельных групп, активность которых специалисты сравнивали с лакмусовой бумажкой устойчивости действующей в стране политической системы и народного доверия к ней [8, с. 225]. Начало XXI в. ознаменовалось волной государственных переворотов и попыток таких переворотов в Грузии, Египте, Киргизии, Ливии, Сербии, Тунисе, Украине и др., ключевыми акторами которых эксперты называют неправительственные организации, спонсируемые из-за рубежа/Западом [7, с. 222]. На сегодняшний день опыт многих государств указывает на широкое применение строгих ограничительных мер к организациям, получающим иностранное финансирование. К числу таких стран относятся Австралия, Азербайджан, Алжир, Бангладеш, Белоруссия, Великобритания, Венгрия, Венесуэла, Германия, Грузия, Египет, Израиль, КНР, США, Эфиопия и др.

Особый интерес представляет анализ законодательства западных стран-носительниц более ранних систем регулирования активности иностранных организаций на своей территории и противодействия внешним когнитивно-информационным вмешательствам. К особенностям законодательства США необходимо отнести специфику неотступного контроля за любой деятельностью «иностранного происхождения», которая приравнивается к деятельности агента иностранного принципала (иностранного агента). Во избежание терминологической путаницы разведем понятия «иностранные агенты» и «нежелательные НПО» в законодательстве США и отечественном законодательстве. Для этого обратимся к Закону США о регистрации иностранных агентов (Foreign Agents Registration Act) (далее – FARA), принятому в 1938 г. Коротко закрепленные в нем критерии иностранного агента можно отразить следующим образом: любое лицо (физические лица, юридические лица, товарищества, ассоциации, корпорации, организации, любые другие объединения), действующее при поддержке (по приказу, по просьбе, под руководством, под контролем, в интересах) иностранного принципала (правительства иностранного государства, иностранной политической партии, физического лица-негражданина США, юридического лица, организованного в любой форме в соответствии с законодательством или имеющего основное место деятельности в иностранном государстве), участвующее в политической деятельности, представляющее интересы иностранного принципала перед любым органом или должностным лицом правительства Соединенных Штатов или осуществляющее иные виды деятельности [15].

Таким образом, в соответствии с положениями FARA любые ИННО (МО), осуществляющие указанные виды деятельности, являются агентами иностранного принципала (иностранными агентами). То есть в законодательстве США понятия «иностранная или международная неправительственная организация» и «иностраный агент» соотносятся как часть и общее. В то время как

в отечественном законодательстве эти понятия определяют независимых, не взаимосвязанных субъектов правоотношений, деятельность которых регулируется разными федеральными законами [12, 13]. FARA закрепляет ряд требований к регистрации агентов иностранных принципалов (которая носит обязательный заявительный характер), к подготовке и маркировке их информационных материалов и ведению бухгалтерской отчетности с фокусом на любое иностранное финансирование. Нарушение установленных требований наказывается штрафом в размере до 10 000 долл. США либо лишением свободы на срок до пяти лет, либо и тем и другим (§ 618).

Соответствующий приговор вынесен судом Восточного округа Вирджинии в отношении главы ИННО «Кашмирский американский совет» («Кашмирский центр») в марте 2012 г. Сайед Гулам Наби Фай – гражданин США кашмирского происхождения, основавший в Вашингтоне независимую неправительственную организацию в поддержку мирных жителей Кашмира, страдающих от территориального конфликта между Индией и Пакистаном. В октябре 2011 г. Фай обвинен в получении незаконного финансирования от правительства Пакистана в размере 3,5 млн долл. США. В тайные обязанности Фая входила организация конференций и семинаров, направленных на формирование мнения американской общественности и должностных лиц в пользу Пакистана в кашмирском конфликте. За нарушение FARA с целью обмана США и неуплату налогов признавший вину Сайед Гулам Наби Фай приговорен к двум годам тюремного заключения.

Отметим, что FARA не налагает ограничений на получение иностранного финансирования неправительственными организациями, действующими в Соединенных Штатах, а устанавливает регистрационные требования к таким организациям, осуществляющим определенную деятельность, что свидетельствует о его сходстве с отечественным законодательством в этой части.

В то же время не следует оставлять без внимания то факт, что у США при неизменном приоритете защиты собственных внутригосударственных интересов от внешних влияний сохраняется решительное стремление к распространению вовне наибольшего количества НПО, имеющих ряд очевидных корней американского правительства и формы прямого сотрудничества с армией США и командованием НАТО [5, с. 4–6]. Недопустимость такого формата действий стран Запада в целом, и США в частности, неоднократно обсуждалась на международном уровне [2, с. 297–300], что существенных результатов не дало. Вследствие этого международная политика становится более прагматичной. В рамках геополитики международное право самым тесным образом связано с политикой и интересами суверенных государств, что служит причиной противопоставления морали и международного права и, как следствие, приверженности самостоятельных государств идее охраны своего суверенитета за счет трансформации соотношения национального и международного права путем выдвижения на первый план принципов национального права [1, с. 138–151]. Изложенные выводы отечественных правоведов созвучны с неоднократными заявлениями Президента России В. В. Путина и министра иностранных дел России С. В. Лаврова о девальвации западными странами норм международно-

го права и саботаже решений ООН о невмешательстве во внутренние дела суверенных государств [4, 10, 11]. Действия США и их сателлитов фактически привели к демонтажу системы европейской безопасности [9].

В этой связи последние десятилетия характеризуются значительным ростом числа государств, установивших специальные уголовно-правовые запреты и административные меры по контролю за деятельностью на своей территории неправительственных организаций иностранного происхождения либо получающих финансирование из-за рубежа, принятыми в целях охраны государственного строя в условиях нарастающего геополитического противоборства (Австралия 2018 г., Азербайджан 2020 г., Алжир 2012 г., Белоруссия 2011 г., Венгрия 2017, Венесуэла 2023 г., Египет 2016 г., Израиль 2016 г., КНР 2016 г., Кыргызстан 2024 г., Россия 2012 г., Эфиопия 2009 г. и др.). Парламенты Абхазии и Грузии в настоящее время вернулись к рассмотрению ранее отклоненных законопроектов о контроле иностранного финансирования деятельности неправительственных и некоммерческих организаций на своей территории.

Изложенное позволяет сделать некоторые выводы. В зарубежных государствах с разными правовыми и социальными традициями, разным уровнем экономического развития и в разные исторические периоды имела место необходимость противодействия криминальным проявлениям, в том числе направленным на захват государственной власти, осуществляемым участниками неправительственных организаций, использующими статус организации для прикрытия данной деятельности, на что законодатели реагировали установлением уголовно-правовых запретов.

Современное законодательство зарубежных государств характеризуется жесткими мерами по контролю за любой деятельностью на своей территории неправительственных организаций иностранного происхождения и специальными уголовно-правовыми запретами для их участников. Кроме того, в государствах с развитыми экономиками, таких как КНР и США, деятельность незарегистрированных властями ИННО (МО) запрещена под угрозой уголовного наказания. Принятые зарубежными законодателями строгие меры регулирования деятельности ИННО (МО) явились ответной реакцией на объективно существующую угрозу со стороны деятельности ИННО (МО), в случае если такая деятельность направлена на продвижение каких-либо скрытых интересов.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Азнагулова Г. М. Субстанциональная сущность международного права // Журнал российского права. 2023. № 1. С. 138–151.
2. Васильченко К. В. Уголовная ответственность за участие в осуществлении нежелательной деятельности иностранных и международных неправительственных организаций в России и Китае // Поворот на Восток: тенденции изменения институтов права и государства в эпоху глобализации и цифровизации. VII Тихоокеанский юридический форум, 13–15 октября 2023 г. : материалы / сост. В. В. Гаврилов. Владивосток : Изд-во Дальневост. федерал. ун-та, 2023. С. 297–300.

3. Коваленко И. И. Международные неправительственные организации / Ин-т мировой экономики и междунар. отношений АН СССР. М., 1976.
4. Лавров: игнорирование международного права ведет к катастрофе. Российское агентство правовой и судебной информации. РАПСИ. URL: https://rapsinews.ru/international_news/20231121/309403212.html (дата обращения: 03.03.2024).
5. Матвеев Р. Ф. Неправительственные организации, иностранные агенты и всемирное правительство. М. : Юрид. ин-т МИИТа, 2013.
6. Морозов Г. И. Международные организации : Некоторые вопросы теории / Ин-т мировой экономики и междунар. отношений АН СССР. М. : Мысль, 1974.
7. Наумов А. О. Роль неправительственных организаций в «цветных революциях» // Государственное управление. Электронный вестник. 2018. № 71. С. 207–225. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-nepravitelstvennyh-organizatsiy-v-tsvetnyh-revoljutsiyah/viewer> (дата обращения: 12.03.2024).
8. Нечаев Д. Н. Неправительственные организации как фактор политического развития России и ФРГ: Сравнительный анализ. М., 2003.
9. Послание Президента Федеральному Собранию 2024 // Официальный сайт Президент России. URL: [:http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/73585](http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/73585) (дата обращения: 12.03.2024).
10. Путин В. В.: конфликт неразрешим вследствие саботажа решений ООН. Российское агентство правовой и судебной информации. РАПСИ. URL: https://rapsinews.ru/international_news/20231121/309402382.html (дата обращения: 03.03.2024).
11. Сергей Лавров заявил о девальвации системы международного права. Коммерсантъ. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3520735> (дата обращения: 03.03.2024).
12. Федеральный закон от 28.12.2012 № 272-ФЗ «О мерах воздействия на лиц, причастных к нарушениям основополагающих прав и свобод человека, прав и свобод граждан Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 04.04.2024).
13. Федеральный закон от 14.07.2022 № 255-ФЗ «О контроле за деятельностью лиц, находящихся под иностранным влиянием» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 04.04.2024).
14. Черникова В. В. Неправительственные организации Великобритании: история и современность // Неправительственные организации в становлении и развитии гражданского общества: Международный опыт : сб. науч. тр. / под ред. В. И. Федосова. Воронеж, 2002. С. 156–158.
15. The United States Department of Justice // The Foreign Agents Registration Act (FARA). URL: <https://www.justice.gov/nsd-fara> (дата обращения: 07.01.2024).
16. République française. Liberté égalité Fraternité. Légifrance.fr – Loi du 1er juillet 1901 relative au contrat d'association. URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/loda/id/LEGITEXT000006069570> (дата обращения: 07.01.2024).

УДК 34.096

Егоров Максим Анатольевич

соискатель, Санкт-Петербургский

юридический институт (филиал)

Университета прокуратуры Российской Федерации

Санкт-Петербург, Российская Федерация

maxim64sar@yandex.ru

Историко-правовые основы организации воспитательной работы в органах прокуратуры

***Аннотация:** В статье рассматриваются некоторые исторические факты, имеющие значение для развития воспитательной работы в органах прокуратуры. Исследование научной литературы позволяет сделать вывод о том, что оценка и изучение основных этапов развития Российской прокуратуры необходимо для формирования постулатов совершенствования воспитательной работы в системе прокуратуры Российской Федерации.*

***Ключевые слова:** органы прокуратуры, воспитание, организация работы, исторические аспекты, развитие.*

Egorov Maxim Anatolyevich

applicant, St. Petersburg law institute

(branch) university of the prosecutor's

office of the Russian Federation

St. Petersburg, Russian Federation

Historical and legal foundations of the organization of educational work in the prosecutor's office

***Annotation:** The article examines some historical facts that are important for the development of educational work in the prosecutor's office. The study of scientific literature allows us to conclude that the assessment and study of the main stages of the development of the Russian Prosecutor's Office is necessary for the formation of postulates for improving educational work in the system of the Prosecutor's office of the Russian Federation.*

***Keywords:** prosecutor's office, education, organization of work, historical aspects, development.*

История прокуратуры Российской Федерации с момента ее образования насчитывает 300 лет ответственной и эффективной работы в решении задач по обеспечению правопорядка и становлению законности.

С момента создания государственного органа, обладающего широким кругом надзорных полномочий, вопрос воспитания кадрового состава органов прокуратуры являлся фундаментальным приоритетом стабильного функционирования и развития системы Российской прокуратуры.

Взвешенная и поэтапная работа с молодыми специалистами, формирование основных принципов профессиональной этики работников прокуратуры,

совершенствование личного потенциала, развитие преемственности между поколениями, передача не только накопленного опыта, но и традиции Российской прокуратуры, позволяли и позволяют формировать образ работника прокуратуры, как порядочного и преданного делу укрепления законности, неукоснительному соблюдению прав граждан работника.

На протяжении всей истории своего существования, реформирование прокуратуры имело как положительный, так и отрицательный опыт, что безусловно отражалось на проводимой кадровой работе, воспитании и становлении прокурорского работника. Оценка и изучение основных этапов развития Российской прокуратуры необходимо для формирования постулатов совершенствования воспитательной работы в системе прокуратуры Российской Федерации.

Российская прокуратура прошла сложный исторический путь, который условно можно разделить на три этапа:

- дореволюционный (XVIII в. – октябрь 1917 г.);
- советский (октябрь 1917 г. – конец 80-х гг. XX в.);
- современный (90-е гг. XX в. – по настоящее время).

В целях формирования представления о тенденциях и основных сложностях работы по воспитанию кадрового потенциала, полагаем необходимым обратиться к советскому и современному периодам развития Российской прокуратуры.

В советский период, процесс становления органов прокуратуры проходил в весьма сложных условиях. Гражданская война оставила страну в руинах. Обеспечение прокуратуры происходило по остаточному принципу, структурные подразделения губернских прокуратур формировались неквалифицированными кадрами, правовое сопровождение деятельности работы прокуратур фактически отсутствовало.

С момента организации прокуратуры в СССР самой большой проблемой кадровой политики, а также воспитательного процесса стало преобладание идеологического фактора над профессиональным. С одной стороны, прокуроры должны были являться ортодоксальными большевиками, проверенными и надежными, в том числе с идеологической точки зрения, с другой – иметь достаточно высокий уровень профессиональной подготовки [1, с. 38].

Идеологическая политика государства, привела к «кадровому голоду» в органах советской прокуратуры, полному отсутствию признаков воспитательной работы, заполнением штатного потенциала прокуратуры исключительно сотрудниками «устраивающими» органы советской власти.

Учитывая серьезность проблемы, 2 мая 1922 г. коллегией Народного комиссариата юстиции определена минимальная потребность в юристах-коммунистах в центре и на местах. Данное коллегиальное решение позволило частично заполнить штат органов прокуратуры, вдохнуть в систему прокуратуры преемственность поколений, заложит ориентиры профессии – прокурор.

В органах прокуратуры появились достойные правоведы, получивших серьезное образование в период царского правления, которыми был внесен существенный вклад в научно-методическую деятельность советской прокуратуры.

ры, обогатив своими трудами юридическую науку, что непосредственно отразилось и на практической деятельности органов прокуратуры. Это прежде всего Михаил Соломонович Строгович и Сергей Александрович Голунский (начали работать в прокуратуре соответственно – в 1922 г. и в 1923 г.).

Таким образом, можно констатировать формирование в Российской прокуратуре института правопреемственности, персонифицированного ориентира и модели личностного примера.

Первым прокурором РСФСР, сразу после учреждения органов советской прокуратуры, стал нарком юстиции Дмитрий Иванович Курский [5, с. 43].

Именно Д. И. Курским 29 июля 1922 была утверждена «Временная инструкция губернских прокуроров по общим задачам, возлагаемым на прокурора» (далее – Временная инструкция).

Первый ведомственный документ содержал основы воспитательной работы в органах прокуратуры, так абзац 7 Временной инструкции устанавливал обязанность прокурора, при подборе лиц для осуществления прокурорского надзора (государственного обвинения), привлекать к участию в судебных процессах уполномоченных им общественных обвинителей, членов РКН и профсоюзов, руководя и наставляя их выступления в суде.

Абзацем 20 Временной инструкции, предусмотрена обязанность прокурора по «ревизии» работы помощников и доклада результата данной ревизии вышестоящему прокурору. Остановившись на данном документе, необходимо обратить внимание на нормативное закрепление организации воспитательной работы на местах, проведении аналитического исследования ее результатов, а также ответственности руководителя за просчеты в воспитании подчиненных сотрудников.

Отдельное внимание в рассматриваемый период стало уделяться профессиональной подготовке кадрового потенциала советской прокуратуры, воспитанию сотрудников.

В конце 1922 г. совместным решением правительства и Совнаркома СССР для работников прокуратуры были организованы краткосрочные курсы. В вопросе подготовки кадров органов прокуратуры на местах руководствовались Положением Главного управления социального воспитания и политехнического образования «Об областных юридических курсах» от 30 января 1923 года. Вместе с тем квалифицированных юридических кадров для советской прокуратуры было недостаточно, что сказывалось на качестве прокурорского надзора.

В целях изменения сложившегося положения НКЮ РСФСР рекомендовал осуществлять прием на работу лиц из числа рабочих в отступлении от общих правил, установленных для приема ответственных работников прокуратуры», предусмотренных циркуляром № 239 НКЮ от 9 ноября 1923 года.

Так, на должность помощника прокурора необходимо было зачислять «рабочих от станка». Лица из числа рабочих, прошедшие «аттестацию», зачислялись на должность практикантов на 3-4 месяца, работая под руководством опытных работников прокуратуры. По истечении срока и в случае установления пригодности к прокурорской работе таковые утверждались в должности

в установленном порядке. Зарплата практикантам на время прохождения практики устанавливалась в полном объеме оклада помощника прокурора.

21 марта 1931 г. на коллегии Наркомата юстиции РСФСР было решено преобразовать существовавшие к тому времени факультеты советского права в самостоятельные институты и передать их в ведение Наркомата.

Стоит отметить, что согласно постановлению ЦИК и СНК СССР от 16.09.1933 «Об улучшении использования молодых специалистов», всякое неприбытие после окончания вуза к месту работы по распределению или самовольное устройство на работу влекли судебную ответственность по ст. 131 УК РСФСР (нарушение обязательств по договору с государством), а руководители учреждений и предприятий, «покрывавших» таких специалистов, привлекались к уголовной ответственности по должностным преступлениям. Выпускники должны были пройти школу низшего персонала, запрещалось оставлять их на работе в управленческом аппарате. Пять лет они обязаны поработать по распределению.

Предпринятыми мерами, прежде всего по подготовке кадрового резерва, обучения в профильных вузах, введения института наставничества, подготовки и переподготовки работников прокуратуры, а также преемственности поколений юристов, органы прокуратуры встали на новую ступень развития, за счет квалифицированных кадров был качественно пересмотрен уровень прокурорского надзора, сотрудник прокуратуры стал идеалом государственного служащего.

Во время Великой Отечественной войны процесс подготовки кадров для прокуратуры столкнулся с большим количеством сложностей. Основная часть студентов, сотрудников, преподавателей, ушли на фронт, учебные планы продолжающих обучение не были выполнены. Например, в Саратовском юридическом институте им. Курского осталось всего 15 преподавателей, из 45 штатных. Таким образом, часть кафедр была закрыта и как следствие, из учебного плана были исключены профильные предметы.

Острой проблемой послевоенных лет в СССР стал высокий уровень преступности. В 1946 г. было выявлено более 36 тыс. вооруженных ограблений и свыше 12 тыс. случаев социального бандитизма, возникла необходимость направить лучшие силы на борьбу с преступностью. С учетом этого, был необходим особенно тщательный подход к подбору и расстановке кадров, а также их дальнейшему становлению и воспитанию [4, с. 65].

В данный период вектор работы по подбору, расстановке работников прокуратуры был сдвинут непосредственно на руководителя прокуратуры.

Согласно приказу Генерального прокурора СССР от 04.10.1947 № 276 задача руководителей органов прокуратуры заключалась в том, чтобы умело использовать на работе молодых специалистов, оказывать им постоянную помощь в освоении практической работы, внимательно и чутко относиться к их запросам. [2]

Кроме того, приказ требовал:

1) безоговорочного использования на работе направляемых прокуратурой СССР и РСФСР молодых специалистов;

2) не отчислять и не освобождать от работы молодых специалистов без получения на то в каждом отдельном случае разрешения Прокуратуры СССР;

3) направлять молодых специалистов на работу в те районы, где имеются опытные работники, умеющие передать свой опыт молодым специалистам;

4) заботиться о бытовых нуждах молодых специалистов, в первую очередь, своевременное обеспечение жилплощадью.

Контроль за работой молодых специалистов возлагался лично на прокуроров АССР, краев, областей, которые организовали стажировки молодых специалистов [3].

Приказом Генерального прокурора СССР от 07.06.1946 № 96 «Об упорядочении стажирования прокурорских работников» установлена «организация стажировки таким образом, чтобы в результате оперативные работники, нуждающиеся в повышении своей деловой квалификации, были всесторонне ознакомлены с теми вопросами работы, по которым они недостаточно подготовлены и не имеют необходимого практического опыта, также ставились задачи проверки и изучения работников, их деловой квалификации и умения организовать работу. По окончании стажировки работник должен был пройти испытание, на котором выяснялось, как стажером усвоены основные вопросы организационной и оперативной работы, знание им действующего законодательства» [2].

Мотивирующим фактором выступала практика аттестации на чин юриста 1 класса не всех прокуроров районов. Так, пребывание в чине юриста 2 класса являлось полезным и стимулирующим на повышение теоретической подготовки, лучшую организацию работы. В воспитательной работе с кадрами данная тенденция являлась ориентиром.

Генеральной прокуратурой СССР проводились тщательные проверки кадровой, а также организации воспитательной работы в нижестоящих прокуратурах. Например, в докладной записке «О проверке работы по кадрам в прокуратуре Тамбовской области за 1947 год», в качестве положительных моментов работы указывалось: «Прокурор области т. Бахаров лично занимается кадровой и воспитательной работой, в результате чего все оперативные работники, подлежащие обучению в заочных юридических заведениях, были приняты в них». Имелись и негативные факты кадровой работы, а также работы по воспитанию работников органов прокуратуры.

Так, согласно выводам проверки, работа по кадрам прокуратуры Карело-Финской ССР 10 января 1948 г. была признана неудовлетворительной. Установлено, что «на прокурорско-следственную работу принимались судимые лица. Бывшие длительное время в плену у немецко-фашистских войск, исключенные из членов ВКП (б), изгнанные из других организаций как непригодные. Из рук вон плохо было поставлено дело изучения политико-деловых и личных качеств работников» [2].

В результате принятых мер к концу 1940-х годов сформировалась организация и система работы с кадрами в советской прокуратуре. Система базировалась на «сталинском принципе», где основными направлениями были изучение кадров; организация работы по получению работниками юридического образо-

вания; аттестация; работа с резервом кадров; борьба с текучестью кадров; воспитание и поддержка молодых специалистов.

Были воспитаны молодые кадры, которые руководили прокуратурой СССР вплоть до 1980-х годов, что свидетельствует о качественном подходе к юридическому образованию, сформировавшемуся с конца 1940-х годов, и о высоком уровне юридического образования.

Большую роль играл моральный настрой сотрудников того времени, многие из которых воевали, а также молодых сотрудников, чье детство пришлось на военные годы. Высокий патриотический дух и строгий партийный контроль дали результаты в виде формирования успешного поколения советских прокуроров.

Таким образом, с момента создания государственного органа, обладающего широким кругом надзорных полномочий, вопрос воспитания кадрового состава органов прокуратуры являлся фундаментальным приоритетом стабильного функционирования и развития системы Российской прокуратуры.

Взвешенная и поэтапная работа с молодыми специалистами, формирование основных принципов профессиональной этики работников прокуратуры, совершенствование личного потенциала, развитие преемственности между поколениями, передача не только накопленного опыта, но и традиции Российской прокуратуры, позволяли и позволяют формировать образ работника прокуратуры, как порядочного и преданного делу укрепления законности, неукоснительному соблюдению прав граждан работника.

Продолжающийся на протяжении последних лет непрерывный процесс совершенствования организации и функционирования публичной власти, систем государственного и местного публичного управления оказывает детерминирующее влияние на состояние органов прокуратуры, приоритеты в их функционировании, применяемые в целях обеспечения точного и единообразного применения законов на всей территории Российской Федерации административно-правовые формы и методы работы, включая вопросы создания новых компетенций, вопросы воспитательной работы. Данные обстоятельства обуславливают невозможность решения проблем реформирования прокурорской службы, как и преобразования института государственной службы в целом, в отрыве от общих вопросов развития государства и общества.

Исследование историко-правовых основ организации воспитательной работы в органах прокуратуры позволяет сделать вывод, что на каждом историческом этапе к вопросам воспитания относились как к процессу целенаправленному и систематическому, основанному на формировании мировоззрения и профессиональных навыков, необходимых для вхождения в профессию и обеспечения добросовестного и эффективного выполнения своих служебных обязанностей.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Бессарабов В. Г. Советская прокуратура (1922–1991 гг.) // Журнал Российского права. 2002. № 12. С. 38.

2. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 8131. Оп. 25. Д. 976. Л. 1–23.

3. Сивцев Н. И. Подготовка кадров для советской прокуратуры в конце 1940-х годов XX века: историко-правовой аспект // Образование и право. 2019, № 9. С. 279–285.

4. Сухинин А. В. Государственная кадровая политика применительно к кадрам органов и учреждений прокуратуры Российской Федерации // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 5: Юриспруденция. 2015. № 1(26). С. 64–69.

5. Шабалина Е. И. Историко-правовое исследование места и роли органов прокуратуры в механизме советского государства (20–30 гг. XX века) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007. 23 с.

УДК 342.9.1

Кукеев Аскар Кульчимбаевич

аспирант, Омский государственный
университет им. Ф. М. Достоевского
г. Омск, Российская Федерация
askar_kukeyev@mail.ru

**Административно-правовые основы деятельности
правоохранительных органов в контексте реформирования
правоохранительной системы Республики Казахстан**

Аннотация: В статье рассматриваются административно-правовые основы деятельности правоохранительных органов с учетом тенденций современного этапа реформирования правоохранительной системы в Республике Казахстан. Изучены нормы административного законодательства Республики Казахстан в части урегулирования мер по обеспечению деятельности правоохранительных органов и механизма их реализации с учетом тенденций современного этапа реформирования правоохранительной системы страны.

Ключевые слова: правоохранительные органы, деятельность правоохранительных органов, административно-правовые основы деятельности, административно-правовой статус.

Kukeev Askar Kulshimbaevich

postgraduate student, Omsk State University
named after F. M. Dostoevsky
Omsk, Russian Federation

**Administrative and legal bases of law enforcement agencies in the context
of reforming the law enforcement system of the Republic of Kazakhstan**

Annotation: The article examines the administrative and legal foundations of the activities of law enforcement agencies, taking into account the trends of the current stage of reforming the

law enforcement system in the Republic of Kazakhstan. The norms of the administrative legislation of the Republic of Kazakhstan have been studied in terms of regulating measures to ensure the activities of law enforcement agencies and the mechanism for their implementation, taking into account the trends of the current stage of reforming the country's law enforcement system.

Keywords: *law enforcement agencies, activities of law enforcement agencies, administrative and legal bases of activity, administrative and legal status.*

Правоохранительные органы являются государственными органами, на которые законом возложено осуществление в пределах их компетенции правоохранительной деятельности и наделенные необходимыми для этого властными полномочиями, в том числе и правом применения государственного принуждения по основаниям и в порядке, предусмотренных законом. В системе правоохранительных органов уместно выделять исключительно те органы, непосредственно выполняющие правоохранительную функцию и для которых осуществление правоохранительной деятельности является основным видом деятельности, а именно: органы прокуратуры, органы внутренних дел, государственной противопожарной службы, антикоррупционная служба и служба экономических расследований [1].

Административно-правовой статус правоохранительных органов – это определенное административно-правовыми нормами правовое положение правоохранительных органов, определяющее их место и роль в системе субъектов публичного администрирования, характер их взаимоотношений; находит свое закрепление в целях, задачах, функциях, организационной структуре, предмете ведения, полномочиях, юридических гарантиях деятельности и юридической ответственности за неисполнение или ненадлежащее исполнение своих полномочий.

В структуру административно-правового статуса правоохранительных органов входят следующие элементы: цель, задачи, функции, полномочия, предмет ведения, юридическая ответственность; юридические гарантии их деятельности. При этом, если включать эти составляющие в блоки, мы склоняемся к следующему объединению: 1) функционально-целевой блок (цель, задачи, функции); 2) компетенционный блок (полномочия, предмет ведения); 3) организационно-структурный; 4) юридические гарантии и юридическая ответственность правоохранительных органов и их должностных лиц [2, с. 15].

Основной задачей правоохранительных органов является обеспечение безопасности, охраны и защиты прав, свобод и законных интересов физических, юридических лиц, государства и общества в целом, сохранение суверенитета, территориальной целостности государства и конституционного строя и создание условий для быстрого восстановления нарушенных прав. Данная задача является общей, что характерно для всех правоохранительных органов.

Кроме того, выделяют и специальные задачи, т. е. касающиеся деятельности конкретного правоохранительного органа в зависимости от предмета его ведения. Считаем, что целесообразно нормативное закрепление особых задач конкретного правоохранительного органа. Функции управления могут быть общими, т. е. всей системы правоохранительных органов; специальными, обеспечивающими организующее влияние на отдельные сферы деятельности обще-

ства, способствующее выполнению разных видов работ в этих сферах; вспомогательные функции управления, что обслуживают процессы реализации общих и особых функций. Считаем, что в нормативно-правовом акте, регулирующем правовой статус правоохранительного органа, должны быть закреплены функции данного органа. Полномочия правоохранительных органов условно делим на несколько групп: полномочия направлены на прекращение и раскрытие уголовных правонарушений, расследование которых отнесено к подследственности конкретного правоохранительного органа; полномочия, направленные на международное сотрудничество и сотрудничество с другими органами власти, правоохранительными органами, отдельными гражданами; кадровые полномочия; полномочия информационно-аналитического характера [3, с. 15].

Одной из важных гарантий деятельности правоохранительных органов является их независимость, обеспечиваемая следующими составляющими: особым порядком конкурсного отбора, назначения и увольнения, а также определенным законом перечнем оснований прекращения их полномочий; запретом незаконного вмешательства в осуществление полномочий; надлежащей оплатой труда и социальными гарантиями работников правоохранительного органа; правовой защитой и обеспечением личной безопасности работников правоохранительного органа, их близких родственников, имущества; установленным законом порядком финансирования и материально-технического обеспечения и т. п. [4].

Юридическую ответственность правоохранительных органов следует рассматривать как юридическую ответственность правоохранительного органа как юридического лица; юридическую ответственность должностных лиц правоохранительного органа. Необходима разработка нового кодифицированного акта, который бы предусматривал административную ответственность и юридических лиц, определить общие правила и процедуры административной ответственности юридических лиц, в том числе публичного права и предусмотреть административные взыскания для них (предупреждение, штраф, изъятие, пеня, конфискация, отзыв или аннулирование лицензии (разрешения), ограничение действия лицензии, принудительное разделение, выделение юридического лица, лишение специальной правоспособности, принудительная ликвидация структурного подразделения, отмена государственной регистрации, ликвидация юридического лица).

Предложенный в юридической литературе подход к организационному обеспечению деятельности правоохранительных органов как к организации их деятельности, который основывается на положениях теории менеджмента, охватывает только часть его структурные элементы. Организационное обеспечение правоохранительного органа предусматривает как внутреннюю управленческую деятельность (оперативное управление материальными, кадровыми, информационными ресурсами), так и внешнее ресурсное (финансовое, техническое) обеспечение за счет средств государственного бюджета, осуществляемое по основаниям и в порядке, определенном действующим законодательством [5, с. 85]. Учитывая указанное, основными чертами организационного обеспечения являются следующие: осуществляется в порядке, определенном дейст-

вующим законодательством; осуществляется государственными органами и их должностными лицами, наделенными соответствующими полномочиями; направленное на обеспечение выполнения определенных законодательством задач; осуществляется за счет специально выделенных бюджетных средств, а также собственных средств, полученных от предусмотренных законом видов деятельности. Под организационно-правовым обеспечением деятельности правоохранительного органа необходимо понимать деятельность, направленную на осуществление анализа законодательства Республики Казахстан по вопросам, отнесенным к его компетенции, практике его применения, выявление пробелов и противоречий; разработка законодательных предложений, проектов законов и других законодательных актов, высказывания по ним предложений и замечаний; подготовку предложений по усовершенствованию законодательства по вопросам, отнесенным к компетенции правоохранительного органа, в том числе по вопросам имплементации международных стандартов и нормотворческого и практического опыта других государств в законодательство Республики Казахстан, проведение консультативно-справочной работы по информированию работников правоохранительного органа о вступлении в силу или утрате действия нормативно-правовыми актами, их официальном обнародовании, а также подготовке обзоров о новом законодательстве; обеспечение правовой защиты интересов правоохранительного органа при осуществлении им деятельности, предусмотренной действующим законодательством; участие в договорной работе; осуществление контроля за исполнением подразделениями и отдельными работниками правоохранительного органа решения его руководства.

Учитывая положения нормативно-правовых актов, отражающих стратегические направления кадрового обеспечения правоохранительных органов, а также позиции ученых относительно элементов кадрового обеспечения, считаем, что в условиях реформирования правоохранительной системы Республики Казахстан наиболее актуальными направлениями кадровой работы являются формирование кадрового состава правоохранительных органов, мероприятия по его первичной профессиональной подготовке и стажировке, аттестации работников (оценки качества и эффективности служебной их деятельности) и повышение их квалификации. Именно эти кадровые процедуры, по нашему мнению, являются определяющими для обеспечения правоохранительного органа качественно подготовленным и профессионально подходящим кадровым составом, способным эффективно выполнять возложенные на него задачи.

Выполнение современным правовым государством правоохранительной функции в современных условиях требует переосмысления роли каждого из элементов информационно-аналитического обеспечения его органов. Сама по себе информация недостаточно эффективна без ее дальнейшего анализа, обработки и использования. Процессы планирования, оценки, сопоставления, анализа информации о подозреваемых и/или организованных преступных группах должны обеспечивать современные модели правоохранительной деятельности, управляемой аналитикой. Именно они разрешают правоохранительными органами не только прогнозировать действия правонарушителей, выявлять и пони-

мать их намерения, оценивать текущие тенденции в преступной среде, а следовательно, предотвращать совершение ими правонарушений в будущем, и обеспечивать рациональное использование информационных, материальных, человеческих и других ресурсов правоохранительных органов с целью эффективного выполнения возложенных на них задач. Вместе с тем это не должно влиять на эффективность действий по поиску, выявлению, получению/сбору, фиксации информации, а также ставить под сомнение ее важность, являющуюся необходимым ресурсом для аналитической деятельности. Указанные тенденции должны найти отражение в действующем законодательстве, регулирующем соответствующее направление организационного обеспечения каждого из правоохранительных органов Республики Казахстан [6, с. 70].

Эффективность деятельности правоохранительных органов закреплена нормами административного права в соответствии с фундаментальными конституционными ценностями, а также системой средств, приемов и условий деятельности правоохранительных органов. В своей деятельности правоохранительные органы обязаны максимально обеспечить соблюдение прав и свобод личности, с учетом кадровых, материально-технических и т. п. затрат для получения оптимального результата.

Эффективность деятельности правоохранительных органов устанавливается в ходе оценивания. Содержание оценки эффективности деятельности правоохранительных органов подлежит нормативному урегулированию на трех уровнях:

1) законодательном – путем определения основных административно-правовых форм, в которых проводится оценка, и критериев, по которым она осуществляется;

2) подзаконном нормативно-правовом – путем закрепления механизма осуществления оценки эффективности деятельности правоохранительных органов;

3) ведомственном – путем определения механизма оценки эффективности деятельности сотрудников правоохранительных органов.

Эффективность деятельности правоохранительных органов определяется согласно выбранной модели оценки, приоритетное значение в системе элементов которой принадлежит административно-правовым формам, в которых она проводится, и критериям, по которым она осуществляется. В систему административно-правовых форм оценки эффективности деятельности правоохранительных органов входят: 1) аудит эффективности деятельности правоохранительных органов; 2) мониторинг отчетов о деятельности каждого правоохранительного органа как в целом, так и в соответствующей сфере; 3) установка уровня общественного доверия к правоохранительным органам; 4) управление коррупционными рисками в деятельности правоохранительных органов; 5) проведение совещаний по вопросам деятельности правоохранительных органов; 6) мониторинг выполнения планов и реализации стратегических программ деятельности правоохранительных органов; 7) определение качества работы сотрудников правоохранительных органов.

Приоритетное значение в их системе должна приобрести внешняя независимая оценка (аудит), подлежащая нормативному закреплению как админист-

ративно-правовая форма оценки эффективности деятельности правоохранительных органов. Критерии, по которым осуществляется оценка, делятся на две группы: 1) общие, которые применимы в ходе оценки эффективности деятельности всех правоохранительных органов; 2) специальные, подлежащие применению во время оценки эффективности деятельности каждого отдельно взятого правоохранительного органа с учетом специфики выполняемых им функций, возложенных на него задач и предоставленных ему полномочий.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Закон Республики Казахстан от 6 января 2011 года № 380-IV «О правоохранительной службе» // Казахстанская правда. 2011. № 17–18.
2. Кулиш А. Н. Правоохранительная система Украины: административно-правовые основы организации и функционирования : автореф. ... д-ра юрид. наук / Харьковский нац. ун-т внутренних дел. Харьков, 2009. 31 с.
3. Когамов М. Ш. Модернизация правоохранительной системы Казахстана: история и современность, реалии и перспективы // Право и Государство. 2013. № 2(59). С. 15–16.
4. Тайжанов Е. Правоохранительная система независимого Казахстана: перемены и достижения // Казахстанская правда. 2021. 9 дек. (№ 235). С. 10.
5. Полиция зарубежных стран: система организации и опыт профессиональной подготовки кадров : учеб. пособие / Асямов С. В., Миразов Д. М., Таджиев А. А., Якубов А. С. Ташкент : Fan va texnologiya : Академия МВД Республики Узбекистан, 2010. 452 с.
6. Рахметов С. М. Нерешенные проблемы уголовной политики Республики Казахстан // Вестник Института законодательства Республики Казахстан. 2010. № 3(19). С. 69–73.

УДК 340.7

Соснин Сергей Александрович

аспирант, Московский университет им. А. С. Грибоедова

Москва, Российская Федерация

lawsosnin@gmail.com

Обзор научных трудов Е. В. Васьковского на тему адвокатской деятельности и адвокатуры

Аннотация: В статье приводится обзор монографий, статей и иных работ Е. В. Васьковского, в которых ученый затрагивал вопросы адвокатской деятельности и адвокатуры. Данный обзор включает труды ученого как на русском, так и на польском языке и азбит на четыре группы, условно выделенные автором статьи.

Ключевые слова: адвокатура, адвокатская деятельность, Россия, Польша, гражданский процесс, судебное представительство.

Sosnin Sergey Aleksandrovich

graduate student, Moscow University named after A. S. Griboyedov
Moscow, Russian Federation

Review of E. Vaskovsky's scientific works on the topic of advocacy

Annotation: The article presents an overview of monographs, articles and the other works by E. Vaskovsky, in which the scholar addressed issues of advocacy. This review includes the works of the scientist in both Russian and Polish languages and is divided into four groups distinguished by the author of the article.

Keywords: *advocacy, Russia, Poland, civil procedure, judicial representation.*

Целью настоящей статьи является обзор всех работ русско-польского юриста Е. В. Васьковского, в которых он затрагивает тему адвокатской деятельности и адвокатуры.

Актуальность данной темы связана с тем, что до настоящего времени в отечественной науке истории права и правовой мысли отсутствует полный обзор работ Е. В. Васьковского. Это вызвано тем, что после революции 1917 года ученый уехал из России в Польшу и продолжил свое научное творчество на польском языке.

В 2016 году под редакцией канд. юрид. наук Ю. В. Тая вышел сборник «Избранные работы польского периода» [3], включающий в себя перевод на русский язык части работ Е. В. Васьковского, написанных им на польском языке, а также частичный перечень его статей и прочих работ (без ссылок на место, дату издания и иные выходные данные). Сборник входит в серию книг «Классика гражданского процесса» издательства «Статут» и представляет собой огромный вклад в науку истории отечественного права и правовой мысли, поскольку ранее работы Е. В. Васьковского с польского на русский язык не переводились.

Автор настоящей статьи, опираясь в том числе на работы польских исследователей, предпринял попытку установить полный перечень тех работ Е. В. Васьковского, которые посвящены теме адвокатской деятельности и адвокатуры. Как известно, вопросам устройства адвокатуры посвящена значительная часть трудов ученого, который несколько лет являлся практикующим присяжным поверенным.

В результате, полный перечень работ Е. В. Васьковского по теме адвокатской деятельности и адвокатуры (как на русском, так и на польском языках) в разбивке на четыре условные группы представляется следующим.

1. **«Организация адвокатуры»** [7] – фундаментальный труд Е. В. Васьковского 1893 года, который, безусловно, стоит особняком во всем ряду его исследований по теме адвокатской деятельности. Работа состоит из двух частей, первая из которых посвящена всеобщей истории адвокатуры, а вторая часть – вопросам организации адвокатуры как социально-правового института.

Несмотря на то что Е. В. Васьковский противопоставлял адвокатуру и судебное представительство, во второй части отдельная глава посвящена вопро-

сам устройства института судебного представительства, поскольку он допускал широкое понимание термина «адвокатура», который объединяет в себе адвокатуру (правозаступничество) и судебное представительство.

Данная работа защищена Е. В. Васьковским в Императорском Казанском университете в 1898 г. в качестве диссертации для получения им степени магистра гражданского права [5, с. 15].

2. Работы по адвокатской этике. Вышедшая в 1895 году работа «Основные вопросы адвокатской этики» [8] является ключевой работой Е. В. Васьковского в данной области и состоит из введения и девяти глав по разным этическим проблемам адвокатуры и судебного представительства. Годом ранее в Журнале Санкт-Петербургского юридического общества вышла статья Е. В. Васьковского «О разборчивости при принятии дел к защите» [6], которая посвящена этическим вопросам выбора адвокатом дел.

В 1934 году в Варшаве на польском языке выходит работа Е. В. Васьковского «Задачи адвокатуры и принципы адвокатской этики» [18]. Перевод этой работы на русский язык приводится в упомянутом выше сборнике трудов Е. В. Васьковского «Избранные работы польского периода» [3, с. 529–561].

3. Научные статьи и очерки. Неотъемлемой частью творческого наследия Е. В. Васьковского являются публиковавшиеся им научные статьи. В «русский» период творчества ученого все его публикации, касающиеся адвокатской тематики, были посвящены вопросам реформирования адвокатуры, поскольку в 1894 начала свою деятельность Комиссия для пересмотра законоположений по судебной части [10].

Так, в 1893 году выходит очерк Е. В. Васьковского «Будущее русской адвокатуры: К вопросу о предстоящей реформе» [1], в которой автор критикует современное ему положение дел в адвокатуре Российской Империи и, вместе с тем, критикует опубликованный к тому времени проект реформ. По мнению ученого, предложенный на тот момент проект не решал заметным образом назревшие к тому времени проблемы российской адвокатуры.

В 1895 году выходит статья «Значение адвокатуры и задачи ее организации» [2], в которой он излагает свои соображения по принципам устройства института адвокатуры, и статья «К вопросу о реформе нашей адвокатуры» [4], которая также посвящена предложениям ученого по организации присяжной адвокатуры и института частных поверенных.

В «польский» период своего научного творчества Е. В. Васьковский пишет немало статей на разные темы в области права. Часть этих статей посвящена теме адвокатской деятельности и адвокатуры; до настоящего времени они не переведены на русский язык. Далее название работ и журналов, где они опубликованы, приводится в переводе автора настоящей статьи.

В журнале «Адвокатура» в 1932 году была опубликована статья Е. В. Васьковского «Задачи и значение адвокатуры» [19], в которой он излагает свои взгляды на природу адвокатской деятельности и значение адвокатуры для общества.

В 1936 году в ежемесячном журнале «Вильнюсский юридический обзор» выходит небольшая статья Е. В. Васьковского «Две попытки этатизации адвока-

туры» [13], в которой ученый отмечает процесс огосударствления адвокатуры в СССР и проводит историческую параллель с таким же процессом в Пруссии XVIII века.

Представляет собой определенный интерес статья 1936 года «О реформе юридического образования», опубликованная Е. В. Васьковским во львовском ежемесячнике «Голос права» [14], поскольку необходимые реформы адвокатуры в Польше Е. В. Васьковский связывал в том числе с необходимостью преобразований в системе обучения будущих юристов.

В 1937 году в еженедельной газете «Варшавская судебная газета» выходят три статьи Е. В. Васьковского: «Quo vadis, адвокатура?» [15], «Что делать с адвокатурой?» [12] и «Адвокатура при Верховном суде» [11]. Все они посвящены вопросам реформирования адвокатуры в Польской Республике. Е. В. Васьковский продолжает оставаться убежденным сторонником «французской» модели адвокатуры, однако признает, что организовать институт адвокатуры в Польше по данному образцу невозможно. В связи с этим он предлагает выделить особый класс адвокатов при Верховном суде Польши, которые представляли бы собой элиту профессии и служили бы хранителями лучших адвокатских традиций подобно французским адвокатам. Заслуживает внимания тот факт, что в своих рассуждениях автор ссылается на опыт Российской Империи, приводит статистические данные по российской адвокатуре и учитывает отмечавшиеся им изъяны в организации адвокатуры в России.

4. Работы по гражданскому процессу. Как известно, Е. В. Васьковский являлся выдающимся процессуалистом и его авторству принадлежит не один труд в области гражданского процесса. В таких работах мы находим разделы, посвященные адвокатуре и служащие также источником знаний о взглядах Е. В. Васьковского по данной теме.

В работе 1913 года «Курс гражданского процесса» [5] в Отделе I «Устройство гражданских судов» параграф за номером 32 посвящен адвокатуре в целом, а параграф 33 правовому регулированию адвокатуры в России. Как и в иных своих фундаментальных работах, Е. В. Васьковский пишет здесь не только об адвокатуре, но и об институте судебных представителей, которых он противопоставлял адвокатам.

В 1914 году выходит «Учебник гражданского процесса» [9], в котором отдельные параграфы посвящены также адвокатуре и судебному представительству.

Из интересующих нас работ «польского» периода в области гражданского процесса на русский язык переведен только труд «Система гражданского процесса. Теоретическое вступление. Принципы рационального судоустройства и гражданского процесса» [3, с. 25–235]. Работа вышла в Вильнюсе в 1932 году [17] и не содержит отдельных параграфов на тему адвокатуры, однако представляет собой интерес для изучения взглядов Е. В. Васьковского на роль адвокатуры в контексте теории судоустройства.

По той же причине интерес для нас представляют работа 1930 года «Принципы гражданского процесса (в связи с проектом польского гражданского процесса)», вышедшая в Вильнюсе в издании «Вильнюсский юридический еже-

годник» [20], и «Учебник гражданского процесса» 1932 года, также опубликованный в Вильнюсе [16].

Установление полного перечня работ Е. В. Васьковского, в которых он затрагивает тему адвокатской деятельности и адвокатуры, позволяет в полной мере исследовать взгляды выдающегося ученого-правоведа по данной теме.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Васьковский Е. В. Будущее русской адвокатуры: К вопросу о предстоящей реформе. СПб., 1893. 20 с.
2. Васьковский Е. В. Значение адвокатуры и задачи ее организации // Журнал Министерства Юстиции. 1895. № 9. С. 117–124.
3. Васьковский Е. В. Избранные работы польского периода. М., 2016. 640 с.
4. Васьковский Е. В. К вопросу о реформе нашей адвокатуры // Журнал Санкт-Петербургского Юридического Общества. 1895. № 10. С. 1–12.
5. Васьковский Е. В. Курс гражданского процесса: Субъекты и объекты процесса, процессуальные отношения и действия. М. : Статут, 2016. 624 с.
6. Васьковский Е. В. О разборчивости при принятии дел к защите // Журнал Санкт-Петербургского Юридического Общества. 1894. № 6. С. 37–50.
7. Васьковский Е. В. Организация адвокатуры. В 2 ч. СПб., 1893.
8. Васьковский Е. В. Основные вопросы адвокатской этики. СПб., 1895. 46 с.
9. Васьковский Е. В. Учебник гражданского процесса. М., 1914. 561 с.
10. Краковский К. П. Незавершенная судебная контрреформа: Муравьевская комиссия (1894–1899 гг.) // Северо-Кавказский юридический вестник. 2018. № 4. С. 9–28.
11. Wańkowski E. Adwokatura przy Sądzie Najwyższym // GSW. 1937. Nr. 21. S. 301–304.
12. Wańkowski E. Co począć z adwokatą? // GSW. 1937. Nr. 31–32. S. 439–442.
13. Wańkowski E. Dwie próby etatyzacji adwokatury // WPP. 1936. Nr. 9. S. 313–316.
14. Wańkowski E. O reformie studiów prawniczych // Głos Prawa. 1936. Nr. 10–12. S. 569–574.
15. Wańkowski E. Quo vadis, palestro? // GSW. 1937. Nr. 27–28. S. 400–404.
16. Wańkowski E. Podręcznik procesu cywilnego: urząd sądów cywilnych, postępowanie sporne. Wilno, 1932. S. 301.
17. Wańkowski E. System procesu cywilnego. I. Wstęp teoretyczny. Zasady racjonalnego ustroju sądów i procesu cywilnego. Wilno, 1932. S. 219.
18. Wańkowski E. Zadanie adwokatury i zasady etyki adwokatskiej. Warszawa, 1934. 34 s.
19. Wańkowski E. Zadanie i znaczenie adwokatury // Palestra. 1932. Nr. 3–10. S. 90–100.
20. Wańkowski E. Zasady procesu cywilnego (Z powodu projektu polskiej procedury cywilnej) // RPW. 1930. S. 265–381.

СЕКЦИЯ 2

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СУДЕБНОЙ, ПРОКУРОРСКОЙ И ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

УДК 342+343

Закомолдин Руслан Валериевич

кандидат юридических наук, доцент,
научный сотрудник НИИ

Университет прокуратуры Российской Федерации

Москва, Российская Федерация

rus.zakomoldin@yandex.ru

**Проблемы прокурорского надзора за соблюдением законности
и правопорядка в Вооруженных Силах РФ,
иных войсках и воинских формированиях в новых условиях**

Аннотация: В статье рассматриваются проблемы прокурорского надзора за соблюдением законности и обеспечением правопорядка в Вооруженных Силах РФ, иных войсках и воинских формированиях в особых условиях проведения специальной военной операции. Анализируются основные направления прокурорской деятельности и прокурорского надзора в новых условиях. Констатируется, что прокуратура не должна подменять собой иные органы публичной власти, она призвана выполнять координирующую роль и обеспечивать взаимодействие органов власти, а также участие институтов гражданского общества в рассматриваемой сфере.

Ключевые слова: прокурорский надзор, прокурорская деятельность, военная прокуратура, Вооруженные Силы РФ, органы военного управления, особые условия, специальная военная операция, мобилизация, предупреждение преступлений, преступность военнослужащих.

Zakomoldin Ruslan Valerievich

candidate of legal sciences, associate professor,

researcher at the research Institute,

University of the Prosecutor's Office

of the Russian Federation

Moscow, Russian Federation

**Problems of prosecutorial supervision over compliance with law and order
in the Armed Forces of the Russian Federation, other troops and military
formations in new conditions**

Annotation: The article discusses the problems of prosecutorial supervision over compliance with the rule of law and ensuring law and order in the Armed Forces of the Russian Federation, other troops and military formations in the special conditions of conducting a special

military operation. The main directions of prosecutorial activity and prosecutorial supervision in the new conditions are analyzed. It is stated that the prosecutor's office should not replace other public authorities; it is called upon to perform a coordinating role and ensure the interaction of government authorities, as well as the participation of civil society institutions in the area under consideration.

Keywords: *prosecutorial supervision, prosecutorial activity, military prosecutor's office, Armed Forces of the Russian Federation, military command and control bodies, special conditions, special military operation, mobilization, crime prevention, crime of military personnel.*

В современных условиях в еще более значительной степени проявляется исключительность и феноменальность прокуратуры в системе государственной власти и в политической системе в силу ее значимых и многообразных полномочий и направлений их реализации в связи с обеспечением национальной безопасности, предупреждением различных вызовов и угроз и защитой прав и свобод человека и гражданина [7]. При этом в распоряжении прокуроров имеется достаточно обширный и эффективный набор полномочий и правовых средств, позволяющий им действовать комплексно и сразу в нескольких направлениях [1; 3]. В целом же прокуратура обеспечивает координацию и взаимодействие и отнюдь не призвана подменять собой все остальные органы, обеспечивающие управление в данной сфере [4; 6].

Важнейшее значение в предупреждении преступлений и иных правонарушений, совершаемых военнослужащими и иными лицами в особых условиях, а также обеспечении законности и правопорядка в рассматриваемой сфере имеет прокурорская деятельность и непосредственно прокурорский надзор за исполнением органами военного управления, воинскими частями, а также органами и учреждениями, в которых законодательством предусмотрена военная служба, требований законодательства; за соблюдением прав военнослужащих, приравненных к ним лиц и членов их семей; за исполнением законодательства о воинской обязанности и военной службе.

Постановлением Совфеда РФ от 24.05.2023 № 232-СФ «О докладе Генерального прокурора Российской Федерации о состоянии законности и правопорядка в Российской Федерации и о проделанной работе по их укреплению за 2022 год» [8] Генпрокуратуре РФ было рекомендовано осуществлять постоянный контроль за соблюдением прав граждан, принимающих участие в специальной военной операции (включая проходящих военную службу по мобилизации, заключивших контракт о добровольном содействии в выполнении задач, возложенных на Вооруженные Силы РФ, членов их семей).

В новых условиях данная деятельность приобретает особое значение и работает на снижение уровня негативного воздействия различных вызовов, опасностей и угроз, а также повышение авторитета государственной власти, доверия населения и готовности к решению государственных задач, а, в конечном итоге, обеспечению военной (оборонной) безопасности и обороноспособности страны, боеготовности и боеспособности армии [2].

Так, результаты надзора военных прокуроров за исполнением законодательства в сферах закупок и поставок в войска материальных средств, а также целевого использования имущества, безвозмездно предоставленного для нужд

обороны, свидетельствуют о высокой латентности правонарушений этой направленности и широкой вовлеченности в противоправную деятельность военных должностных лиц. Наиболее значительный опыт по выявлению и пресечению такого вида общественно опасных деяний в этой связи накоплен, прежде всего, военной прокуратурой Объединенной группировки войск (сил).

Осуществляемая прокурорами защита прав военнослужащих и членов их семей по своей сути выполняет задачи ранней профилактики преступности и иных правонарушений военнослужащих и приравненных к ним лиц, позволяющей предупредить формирование угроз нарушения требований законодательства.

Реализуя профилактический потенциал надзорных и иных полномочий, прокуроры активно добиваются своевременного получения мобилизованными, добровольцами, членами их семей установленных мер поддержки. Для оперативного выявления и устранения проблем территориальными и военными прокурорами налаживается взаимодействие и обмен информацией с региональными отделениями Государственного фонда поддержки участников специальной военной операции «Защитники Отечества» (далее – Фонд), созданного в соответствии с Указом Президента РФ от 03.04.2023 № 232. В ходе рабочих встреч с представителями региональных отделений Фонда выявляются и решаются проблемные вопросы, связанные с лекарственным обеспечением, оказанием медицинской помощи, получением социальных пособий, технических средств реабилитации, сохранением рабочих мест, содействием в трудоустройстве, организацией профессионального обучения и дополнительного профессионального образования, предоставлением услуг по социальной адаптации и ресоциализации, соблюдением прав на приостановление исполнительных производств указанной категории граждан.

Кроме того, прокурорами организуется надлежащее взаимодействие с межведомственными комиссиями при высших должностных лицах субъектов РФ по координации оказания необходимой социальной поддержки и помощи указанной категории граждан.

Для оперативного выявления имеющихся нарушений прав военнослужащих, приравненных к ним лиц и членов их семей, и соответствующего реагирования на них, предупреждения формирования криминогенных и иных вызовов и угроз, связанных с формированием в среде данной категории лиц преступных и противоправных установок и целей, Генпрокуратурой РФ налажено оперативное получение необходимой информации от Минобороны России в рамках развития информационной системы межведомственного электронного взаимодействия.

Особое внимание уделяется прокурорами проектам нормативных правовых актов, устанавливающим порядок предоставления государственной поддержки на региональном уровне, а также предусматривающим меры поддержки граждан, призванных на военную службу по мобилизации; граждан, заключивших контракт о прохождении военной службы; граждан, заключивших контракт о добровольном содействии в выполнении задач, возложенных на Воору-

женные Силы РФ; сотрудников, находящихся в служебной командировке в зоне проведения СВО, и членов их семей.

Так, на основании предложений прокуроров отдельных субъектов РФ (Кабардино-Балкарская Республика, Республика Северная Осетия-Алания, Красноярский и Ставропольский края, Амурская, Курская, Ленинградская, Мурманская, Нижегородская, Новгородская и Пензенская области, города Санкт-Петербург и Севастополь, Еврейская автономная область, Чукотский автономный округ и др.) региональными органами исполнительной власти максимально оперативно разработаны порядки освобождения граждан РФ, заключивших контракт о прохождении военной службы в связи с призывом на военную службу по мобилизации в Вооруженные Силы РФ, и членов их семей от начисления пеней в случае несвоевременного и (или) неполного погашения ими платы за жилое помещение и коммунальные услуги, взноса на капитальный ремонт общего имущества в многоквартирном доме, установленных жилищным законодательством РФ, до прекращения действия указанного контракта.

Реализованы и иные предложения прокуратур субъектов РФ в обозначенной сфере.

Так, по предложению прокуратуры Карачаево-Черкесской Республики внесены поправки в Закон Карачаево-Черкесской Республики от 05.07.2005 № 49-РЗ «О государственной гражданской службе Карачаево-Черкесской Республики», закрепляющие гарантии за гражданскими служащими в связи с призывом их на военную службу по мобилизации или заключением ими контракта в соответствии с п. 7 ст. 38 Федерального закона от 28.03.1998 № 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе» либо контракта о добровольном содействии в выполнении задач, возложенных на Вооруженные Силы РФ.

На основании информации прокуратуры Смоленской области, направленной в порядке ст. 9 Федерального закона от 17.01.1992 № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» в Администрацию Смоленской области, внесены изменения в п. 2 постановления Администрации Смоленской области от 28.10.2022 № 772 «О дополнительной мере социальной поддержки граждан Российской Федерации, призванных в Смоленской области на военную службу по мобилизации в Вооруженные Силы Российской Федерации», которыми предусмотрено право на получение единовременной денежной выплаты всеми гражданами, мобилизованными военными комиссариатами Смоленской области.

В рамках рассмотрения предложений прокурора Ленинградской области приняты постановление Правительства Ленинградской области от 31.10.2022 № 787 и распоряжение комитета по социальной защите населения Ленинградской области от 07.10.2022 № 03-664.

Прокурорами Краснодарского края, Самарской области, города Москвы в адрес руководителей соответствующих субъектов РФ направлены предложения о необходимости корректировки региональных нормативных правовых актов в целях соблюдения единообразного подхода к предоставлению мер социальной поддержки всем участникам специальной военной операции, включая

граждан, заключивших контракт о прохождении военной службы на добровольных началах.

Для своевременного предоставления мер поддержки субъектам предпринимательской деятельности в связи с частичной мобилизацией по предложениям прокуроров республик Бурятия, Саха (Якутия), Северная Осетия-Алания, Ивановской, Калужской, Ленинградской областей, Ненецкого автономного округа приняты региональные акты о предоставлении отсрочки уплаты арендной платы по договорам аренды имущества, находящегося в собственности субъекта РФ и муниципальной собственности, на период прохождения военной службы по мобилизации или оказания добровольного содействия в выполнении задач, возложенных на Вооруженные Силы РФ, и расторжении договоров аренды без применения штрафных санкций по аналогии с Распоряжением Правительства РФ от 15.10.2022 № 3046-р «О предоставлении отсрочки арендной платы по договорам аренды федерального имущества в связи с частичной мобилизацией» [5].

Аналогичная работа проводится и в целях совершенствования муниципальной правовой базы.

Так, например, по двум модельным актам, разработанным и направленным прокуратурой Республики Бурятия районным и межрайонным прокурорам, органами местного самоуправления принят 21 правовой акт, регламентирующий вопросы обеспечения твердым топливом членов семей мобилизованных граждан, а также предоставления субсидий организациям и предпринимателям, оказывающим соответствующие услуги по заготовке и доставке дров и угля.

На основании проектов модельных нормативных правовых актов, подготовленных прокуратурой Республики Северная Осетия-Алания, в 48 муниципалитетах введена льгота по земельному налогу для организаций, включенных в сводный реестр организаций оборонно-промышленного комплекса, в 75 – установлены льготы для арендаторов муниципального имущества в связи с частичной мобилизацией.

Прокурорами также принимаются меры профилактического воздействия в форме правового просвещения и правового информирования, направленные на предупреждение преступных проявлений, обеспечение законности и правопорядка, защиту прав военнослужащих и членов их семей.

Первоочередное значение придается вопросам разъяснения федерального и регионального законодательства, регулирующего сферу социальной поддержки участников специальной военной операции и членов их семей.

С целью доведения до граждан актуальной правовой информации прокурорами использовались различные формы работы.

Так, например, прокуратурой Республики Калмыкия была распространена памятка о мерах поддержки военнослужащих, проходящих службу в зоне специальной военной операции, прокуратурой Республики Татарстан на радио разъяснялись вопросы дополнительных социальных гарантий лицам, проходящим военную службу (службу) в войсках Росгвардии, отмены кредитными организациями комиссий для военнослужащих и членов их семей, порядка обес-

печения добровольческих формирований вооружением, продовольствием и оказания медицинской помощи гражданам, пребывающим в них.

Таким образом, прокурорская деятельность в обозначенной сфере довольно многообразна, а направления прокурорского надзора достаточно разнообразны. При этом обязательным ее элементом выступает межведомственное взаимодействие, поскольку прокуратура не должна и не может подменять собой иные органы публичной власти. Также не следует недооценивать роль гражданского общества, которое способно оказывать органам публичной власти значительное содействие в рассматриваемой сфере.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Деятельность прокуратуры по профилактике правонарушений : монография / К. И. Амирбеков, И. В. Горошко, Т. А. Диканова, Е. Н. Карабанова, Т. В. Раскина [и др.] ; рук. авт. колл. В. В. Меркурьев ; Ун-т прокуратуры Рос. Федерации. М. : Проспект, 2023. 456 с.

2. Дуюнов В. К., Закомолдин Р. В. Уголовно-правовое воздействие в механизме обеспечения национальной безопасности : монография. М. : РИОР, 2020. 244 с.

3. Кардашова И. Б. Координационная деятельность прокуратуры в области обеспечения национальной безопасности. // Деятельность прокуратуры Российской Федерации по защите прав и свобод человека и гражданина, охраняемых законом интересов общества и государства (Сухаревские чтения) : сб. материалов V Всерос. науч.-практ. конф. (Москва, 11 окт. 2019 г.) / под общ. ред. О. С. Капинус ; науч. ред. А. Ю. Винокуров ; сост. И. А. Васькина [и др.] ; Ун-т прокуратуры Рос. Федерации. М., 2020. С. 308–313.

4. Колесников Е. В., Акланов А. А. Статус прокуратуры Российской Федерации и прокурорский надзор за соблюдением прав и свобод человека и гражданина // Правовая политика и правовая жизнь. 2022. № 3. С. 246–254.

5. Официальный портал опубликования правовых актов. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202210180010>. Номер опубликования: 0001202210180010 (дата опубликования: 18.10.2022).

6. Паненков А. А. Прокурорский надзор за соблюдением прав и свобод человека и гражданина и проблемы оптимизации их защиты в ходе борьбы с терроризмом в России // Право и безопасность. 2011. № 3-4(40-41). С. 116–121.

7. Савинов Л. В., Сахаров А. А. Институт прокуратуры в политической системе современной России // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. 2018. Т. 25. С. 24–34.

8. Собрание законодательства Российской Федерации. 2023. № 22. Ст. 3823.

Букин Александр Юрьевич

аспирант, Костромской государственной университет

г. Кострома, Российская Федерация

Mr.Alexander7@yandex.ru

Проблема в предоставлении доказательств при осуществлении защиты в судебном заседании

***Аннотация:** В статье рассмотрены основные проблемы в предоставлении доказательств адвокатом в судебном заседании в сфере уголовного судопроизводства, а также определены основные направления совершенствования норм законодательства, используемых адвокатом на этапе суда первой инстанции. Кроме того, рассматриваются проблемы судебной власти и адвокатов при осуществлении правосудия. Проведен сравнительный анализ некоторых важных проблем работы адвоката-защитника в суде и российской судебной системы, сделаны выводы и предложения. Проанализированы проблемы адвокатской монополии на судебное представительство в российском законодательстве.*

***Ключевые слова:** адвокатура, суд, уголовное судопроизводство, доказательства, адвокат-защитник, состязательность.*

Bukin Alexander Yurievich

graduate student, Kostroma State University

Kostroma, Russian Federation

The problem is in providing evidence when defending in court

***Annotation:** The article considers the main problems in the provision of evidence by a lawyer at a court hearing in the field of criminal proceedings, and also identifies the main directions for improving the norms of legislation used by a lawyer at the stage of the court of first instance. In addition, the problems of the judiciary and lawyers in the administration of justice are considered. A comparative analysis of some important problems of the work of a defense lawyer in court and the Russian judicial system is carried out, conclusions and suggestions are made. The problems of the lawyer's monopoly on judicial representation in Russian legislation are analyzed.*

***Keywords:** advocacy, court, criminal proceedings, evidence, defense attorney, adversarial.*

Актуальность проведенного исследования заключается в том, что на сегодняшний день деятельность защитника осложнена, отсутствием достаточно проработанных механизмов реализации его прав и системы законодательства в целом, которая должна регулировать данный процесс. В частности, трудно-реализуемыми являются полномочия защитника по собиранию и представлению доказательств в органы правосудия. В процессе реализации таких полномочий, адвокат сталкивается с рядом проблем, которые влияют как на результат его процессуальной деятельности, как защитника, так и на дальнейшую судьбу его подзащитных. Проблема участия адвоката в доказывании является главной составляющей более широких проблем реализации принципов состязательно-

сти и равноправия сторон на стадии суда первой инстанции в уголовном процессе.

Объектом исследования являются уголовно-процессуальные отношения, складывающиеся в процессе реализации защитником полномочий по сбору доказательств и предоставлению к материалам уголовного дела в процессе участия адвоката в судебном заседании.

Методологической основой настоящего исследования послужили такие методы как: логический метод, сравнительно-правовой, методы системного анализа, аналогии, специально-юридический и статистический методы.

Целью исследования является выявление и разрешение существующих проблем, возникающих в процессе осуществления сбора и предоставления доказательств на этапе суда первой инстанции в уголовном процессе, и разработка возможных путей решения таких проблем.

Адвокатура во многом является важнейшим звеном в механизме взаимодействия государства и индивида, осуществляя функции проводника в обеспечении законных интересов и свобод человека и гражданина. В течение многих десятилетий процесс становления и развития института адвокатуры получил свое отражение в нормативно-правовой и доктринальной форме.

Деятельность адвоката в уголовном судопроизводстве является важной составляющей как в процессе доказывания и отстаивания интересов своего подзащитного, так и в оценке пределов доказывания.

Следует также отметить, что в соответствии с ч. 1 ст. 45 Конституции Российской Федерации государство гарантирует каждому защиту прав и свободы человека и гражданина в Российской Федерации и в соответствии с ч. 1 ст. 46 Конституции – каждый имеет право на судебную защиту его прав и свобод [1].

В рамках уголовного судопроизводства действия адвоката зависят от представляемой стороны. Так, адвокат, представляющий потерпевшего в уголовном процессе, лишь передает имеющиеся доказательства и ходатайства суду, а на стороне обвиняемого еще и предъявляет отзыв на исковые требования, если таковые имеют место быть. [4, с. 320]

В связи с вышеизложенным, единственным документом для подтверждения статуса адвоката является его удостоверение. Однако в тех случаях, когда адвокат переходит из одной адвокатской палаты субъекта РФ в другую (в связи с переездом и тому подобное) и сдает удостоверение, до момента выдачи нового удостоверения ему выдается документ, подтверждающий статус адвоката.

В данном документе указываются дата внесения сведений об адвокате в региональный реестр и дата исключения сведений об адвокате из регионального реестра. Полномочия же адвоката в конкретном деле подтверждаются ордером, выдаваемым адвокатским образованием, к которому он относится (ст. 6 Закона об адвокатуре) [2]. Однако ордер не подтверждает статус адвоката, он необходим для подтверждения полномочий адвоката на защиту клиента [5, с. 59].

Проблемы, возникающие при использовании процессуальных полномочий защитника, порой производны от того, что порядок собирания и представ-

ления адвокатом доказательств нормативно не урегулирован. Исправить это, можно лишь путем внесения изменений и дополнений в законодательство. Такие изменения должны коснуться прав адвоката по собиранию и представлению доказательств на этапе суда первой инстанции в уголовном процессе. Необходимо расширить возможности защитника в процессуальной деятельности и в итоге существенно упрочить состязательность и равноправие сторон в уголовно-процессуальном доказывании, как на этапе суда первой инстанции, так и на каждой стадии уголовного процесса в целом.

Полагаем, что начать необходимо с проблемы приобщения документов, предметов и иных сведений, полученных защитником, к материалам уголовного дела так как это требует законодательного решения. Предлагаем внести изменения в часть 4 статьи 119 УПК РФ, изложив ее в следующей редакции: «Суд не вправе отказать стороне защиты в приобщении к материалам уголовного дела в качестве доказательств предметов и документов, в том числе и заключения специалистов, для установления любого из обстоятельств, подлежащих доказыванию».

Профессиональная деятельность адвоката должна отвечать определенным стандартным требованиям при оказании различных видов юридической помощи, в частности, при участии в качестве защитника в уголовном судопроизводстве. Стандартизация упорядочивает и придает объективный характер адвокатской деятельности, позволяет контролировать качество предоставленной юридической помощи.

В первую очередь необходимо унифицировать термины и определения, их содержание, четко регулировать те действия и акты, которые вправе использовать адвокат для обоснования позиции. В современной научной литературе и законодательстве используется термин «позиция по делу» как основа судебного познания, построенного на принципе состязательности сторон. Выработка позиции по делу и ее отстаивание в ходе рассмотрения уголовного дела является обязательным требованием для адвоката-защитника, проявлением его компетенции.

В случае противоречий позиций адвоката и доверителя сам адвокат не может отказаться от принятой на себя защиты подозреваемого или обвиняемого, что соответствует международным нормам оказания юридической помощи.

У адвоката, как уже говорилось, основным методом получения информации, является адвокатский запрос. Однако в этом аспекте существует такая проблема, как игнорирование данных запросов или получение адвокатом отказа, в частности на предоставление персональных данных.

В результате данной ситуации возникает спорная ситуация, ведь у адвоката имеется право собирать необходимую информацию, направление запросов в целях осуществления своей деятельности, но при этом значительная часть информации охраняется законом о персональных данных. В итоге подобные противоречия приводят к нарушению прав граждан и юридических лиц, а иногда и к невозможности исполнить судебный акт.

УПК РФ в статье 15 принцип состязательности и равноправия сторон, направленный на реализацию конституционных положений, гарантирует такое

право участникам уголовного судопроизводства [3]. Но при этом неоднозначным является совпадение утверждения законодателя о равноправии стороны обвинения и стороны защиты? и их фактического процессуального дисбаланса. В особенности на стадии предварительного расследования, где устанавливаются различные обстоятельства, подлежащие доказыванию, отсутствует спор о виновности лица или расследование ведется вовсе без фигуры подозреваемого. Более обширное внедрение института адвокатуры на данной стадии безусловно представляет собой путь к установлению баланса в равноправии сторон на досудебных стадиях уголовного судопроизводства.

Как отмечает Л. П. Плеснева [6] в своей статье, посвященной данной проблеме, фактически, стороны участвуют в состязательном процессе уже на стадии предварительного расследования, занимаясь сбором доказательств, обосновывающие виновность или невиновность лица. В связи с чем на досудебной стадии прослеживается очевидный дисбаланс и противоречие законодательному закреплению равноправия сторон.

Проблема самостоятельного сбора и предоставления адвокатом доказательств в уголовном процессе не теряет своей актуальности ввиду наличия соответствующей повестки в адвокатском сообществе. Можно провести параллель по аналогии с экономическим законом, где спрос рождает предложение.

Параллельный сбор доказательств способствует объективности уголовно-процессуальных действий и следует принципу равноправия сторон, но безусловно может внести бюрократические сложности и негативно сказаться на оперативности проведения уголовно-процессуальных действий, особенно на этапе первоначального внедрения в уже сложившуюся многими десятилетиями систему.

Важная проблема возникает в деятельности адвоката в процессе реализации им процессуального полномочия в ходе судебного заседания при рассмотрении уголовного дела по существу. В случае ссылки адвоката на процессуальное нарушение, допущенное в ходе предварительного расследования по вине оперативного сотрудника, либо следователя необходимо в обязательном порядке по ходатайству стороны защиты вызывать указанных лиц в качестве свидетелей.

Кроме того, следует отдельно обратить внимание на такую проблему как подавляющий отказ судов на проведение судебно-следственного эксперимента. Считаю возможным предусмотреть обязанность суда при наличии обоснованного ходатайства в проведении судебно-следственного эксперимента с применением специалиста с целью воспроизведения обстановки, по ряду категорий уголовных дел.

Важная проблема возникает в деятельности адвоката в процессе реализации им процессуального полномочия при опросе лица. Для ее решения предлагается ввести норму, в которой предусмотреть полномочия защитника по предупреждению опрашиваемого лица об уголовной ответственности по ст. 307, 308 УК РФ и признавать протокол опроса лица допустимым доказательством по делу без необходимости его допроса, если он не может явиться в суд по уважительной причине. При невозможности явки свидетеля в суд чей протокол

опроса представлен адвокатом, признавать допустимым доказательством по делу, при том, что адвокат предупредил последнего об уголовной ответственности, т. е. за дачу заведомо ложных показаний или отказ от дачи показаний.

В качестве заключения можно обратить внимание на то, что все предлагаемые изменения должны способствовать развитию возможностей реализации прав защитника на стадии суда первой инстанции, связанных с предоставлением доказательств.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) : [по сост. на 14.03.2020] // Правовая навигационная система «Кодексы и Законы». URL: <https://www.zakonrf.info/konstitucia/> (дата обращения: 07.04.2024).

2. Федеральный закон «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»: [от 31.05.2002 № 63-ФЗ по сост. на 24.07.2023] // Справочно-правовая система «Гарант». URL: <https://base.garant.ru/12126961/> (дата обращения: 07.04.2024).

3. Уголовно-процессуальный кодекс РФ от 18.12.2001 г. № 174-ФЗ // Российская газета. 2001. 22 дек., № 249.

4. Чернышова Е. А. Адвокат как представитель в гражданском процессе Российской Федерации // Тамбовские правовые чтения имени Ф. Н. Плевако : материалы II Междунар. науч. конф. Тамбов : Изд. дом «Державинский», 2018. С. 318–322.

5. Меликбекян Д. А. Правовой статус адвоката в гражданском судопроизводстве // Роль и значение науки и техники для развития современного общества : материалы Междунар. науч.-практ. конф. Уфа : Омега Сайнс, 2018. С. 56–61.

6. Плеснева Л. П. Обвинение и защита: проблема равных возможностей // Вопросы науки и образования. 2020. № 13(97). С. 61–68.

УДК 343.139.5

Великая Екатерина Видадиевна

старший научный сотрудник

Университет прокуратуры Российской Федерации

Москва, Российская Федерация

ecatorina@mail.ru

**Удаление подсудимого из зала судебного заседания:
необходимость или нарушение права на защиту?**

Аннотация: статья посвящена вопросам, возникающим в связи с удалением подсудимого из зала судебного заседания в результате нарушения порядка судебного заседания. Анализируется возможность соблюдения прав подсудимого в случае его удаления из зала су-

дебного заседания. Делается вывод о том, что это вынужденная мера, направленная на защиту прав иных участников процесса.

Ключевые слова: подсудимый, право на защиту, удаление из зала судебного разбирательства, меры воздействия.

Velikaya Ekaterina Vidadievna

senior researcher Federal state-owned
educational institution of higher education
University of the prosecutor's office
of the Russian Federation
Moscow, Russian Federation

Removal of the defendant from the courtroom: necessity or violation of the right to defense?

Annotation: *The article is devoted to issues arising in connection with the removal of the defendant from the courtroom as a result of violation of the order of the court session. The possibility of observing the rights of the defendant in the event of his removal from the courtroom is analyzed. It is concluded that this is a forced measure aimed at protecting the rights of other participants in the process.*

Keywords: *defendant, right to defense, removal from the courtroom, measures of influence.*

По общему правилу рассмотрение судом уголовного осуществляется при обязательном участии подсудимого (ч. 1 ст. 247 УПК РФ). В то же время действующее законодательство предусматривает случаи, при которых подсудимый отсутствует в зале судебного заседания, а уголовное дело рассматривается без него. К таким случаям относятся, в частности, заочное рассмотрение уголовных дел о преступлениях небольшой и средней тяжести на основании заявленного подсудимым ходатайства (ч. 4 ст. 247 УПК РФ), а также о тяжких и особо тяжких преступлениях в случаях, когда подсудимый находится за пределами территории Российской Федерации и (или) уклоняется от явки в суд, если это лицо не было привлечено к уголовной ответственности на территории иностранного государства по данному уголовному делу. Кроме того, судебное разбирательство может осуществляться в отсутствие подсудимого в случае его смерти или удаления из зала судебного заседания. Это может быть обусловлено необходимостью удаления несовершеннолетнего подсудимого из зала судебного заседания на время исследования обстоятельств по уголовному делу, которые могут оказать на него отрицательное воздействие (ст. 429 УПК РФ), а также принятием к подсудимому мер процессуального воздействия в случае нарушения им порядка в судебном заседании (ст. 258 УПК РФ).

В данной статье подробнее остановимся на вопросах, возникающих при осуществлении судебного разбирательства в отсутствие подсудимого в связи с удалением его из зала судебного заседания вследствие нарушения порядка в судебном заседании.

Уголовное судопроизводство осуществляется в соответствии с принципами гласности, устности, равенства участников, неизменности состава суда

при непосредственном участии сторон и иных заинтересованных лиц. Подсудимый вправе участвовать в судебном разбирательстве уголовного дела в суде первой, второй, кассационной и надзорной инстанций. Участвуя в судебном разбирательстве лично или путем видео-конференц-связи, подсудимый может непосредственно реализовывать свои права: например, заявлять отводы, ходатайства, представлять доказательства (к примеру, приобщать к материалам дела какие-либо документы), давать показания, пояснения, задавать вопросы участникам судебного разбирательства, в частности, потерпевшему, свидетелям, экспертам и т. д.

Следует отметить, что судебное заседание осуществляется в соответствии с регламентом судебного заседания (ст. 257 УПК РФ). При входе судей все присутствующие в зале судебного заседания встают. Все участники судебного разбирательства обращаются к суду, дают показания и делают заявления стоя. Отступление от этого правила может быть допущено с разрешения председательствующего. Участники судебного разбирательства, а также иные лица, присутствующие в зале судебного заседания, обращаются к суду со словами «Уважаемый суд», а к судье – «Ваша честь».

Кроме того, согласно ч. 5 ст. 257 УПК РФ судебное разбирательство проводится в условиях, обеспечивающих установленный порядок судебного заседания и безопасность участников уголовного судопроизводства.

В случае нарушения порядка судебного заседания, как уже указывалось, могут быть приняты меры воздействия: применительно к подсудимому это удаление из зала судебного заседания до окончания прений сторон. Однако, исходя из того, что в законе не раскрывается, что именно понимается под порядком судебного заседания, то сложно сделать вывод о том, в каких случаях данный порядок нарушен. Не совсем ясно, можно ли считать нарушением порядка судебного заседания обращение к судье не «Ваша честь», а иным образом, или случаи, когда подсудимый делает заявления сидя, высказывает возражения на действия или заявления участников судебного разбирательства.

Также меры воздействия могут быть применены в случае неподчинения распоряжениям председательствующего или сотрудников органов принудительного исполнения.

Таким образом, положения ст. 258 УПК РФ содержат два совершенно самостоятельных основания для применения мер воздействия: нарушении порядка в судебном заседании и неподчинения распоряжениям председательствующего или сотрудников органов принудительного исполнения. И оба этих основания требуют разъяснений (дополнительной регламентации).

Как показывает практика, подсудимые нередко препятствуют рассмотрению уголовного дела, допускают выкрики с места, нецензурные выражения в адрес участников уголовного судопроизводства, в том числе государственного обвинителя, председательствующего, при этом сделанные в их адрес замечания остаются без внимания. В этой связи, судами принимаются решения об удалении подсудимого из зала судебного заседания.

Например, Белебеевским городским судом Республики Башкортостан рассмотрено уголовное дело в отношении П., обвинявшегося в совершении преступ-

лений, предусмотренных ч. 1 ст. 297 и ч. 2 ст. 297 УК РФ. Судебное разбирательство осуществлялось с участием подсудимого. В ходе судебного заседания подсудимый неоднократно нецензурно выражался в адрес свидетеля, также ругался и кричал после оглашения судьей решений по заявленным подсудимым ходатайствам, в связи с чем судом делались подсудимому замечания, указывалось на недопустимость такого поведения, также предупреждался, что в случае продолжения такого поведения, он будет удален из зала судебного заседания. В дальнейшем судом в соответствии со ст. 258 УПК РФ принято решение об удалении подсудимого П. из зала судебного заседания до окончания прений сторон за нарушение порядка в судебном заседании, грубую нецензурную брань [2].

Как видно из приведенного примера, подсудимый был удален судом из зала судебного заседания до окончания прений сторон. Формулировка ч. 3 ст. 258 УПК РФ «До окончания прений сторон» позволяет сделать вывод, что подсудимый может быть удален из зала судебного заседания сторон либо отключен от видео-конференц-связи на любой срок до окончания прений сторон. Иными словами, окончание прений сторон – это максимальный срок, на который может быть удален подсудимый. Закон не указывает, может ли подсудимый удален на какой-то конкретный промежуток времени: например, на время допроса потерпевшего или кого-либо из свидетелей, на конкретное судебное заседание, оставляя это на усмотрение суда.

Конституционный Суд Российской Федерации в определении от 27.05.2021 № 883-О отметил, что ст. 258 УПК РФ предполагает такое устранение подсудимого из процесса, продолжительность которого должна быть адекватной (соразмерной) содеянному им и определяемой в том числе с учетом кратности (систематичности) допущенных нарушений порядка в судебном заседании [3]. Указанная трактовка закона Конституционным Судом Российской Федерации позволяет сделать вывод о том, что суд сам определяет, насколько существенным было нарушение и срок удаления подсудимого из зала судебного заседания или отключения от видео-конференц-связи.

Представляется возможным, к примеру, в случае неприязненного отношения подсудимого к потерпевшему или свидетелю, негативное поведение при допросе потерпевшего или свидетеля, препятствующее нормальному проведению судебного заседания, после предупреждения о недопустимости такого поведения, принятие судом решения об удалении подсудимого из зала судебного заседания на время допроса конкретного свидетеля или потерпевшего. В случае если подсудимый в дальнейшем продолжит препятствовать осуществлению судебного разбирательства, суд вправе принять решение об удалении подсудимого из зала судебного заседания до окончания прений сторон.

Удаление подсудимого из зала судебного заседания в ходе судебного разбирательства или отключение от видео-конференц-связи лишает его возможности непосредственно участвовать в рассмотрении уголовного дела судом и представлять доказательства лично. В этой связи может показаться, что право подсудимого на защиту нарушается. Однако это не соответствует действительности. Как следует из положений ст. 51 УПК РФ, судебное разбирательство по уголовному делу осуществляется при обязательном участии защитника, если

подсудимый не отказался от него в соответствии со ст. 52 УПК РФ, при этом отказ от защитника не обязателен для суда. Таким образом, в случае удаления подсудимого из зала судебного заседания или отключения его от видео-конференц-связи, его интересы представляет защитник. Часть 3 ст. 258 УПК РФ, допуская удаление подсудимого из зала судебного заседания лишь в качестве меры воздействия за нарушение порядка в судебном заседании, не лишает его права осуществлять в суде свою защиту в установленных процессуальных формах, в том числе посредством обеспечения участия защитника по назначению либо приглашения выбранного подсудимым защитника по соглашению, а исключает лишь возможность злоупотребления своими правами. Принимая решение об удалении подсудимого из зала судебного заседания, суд обязан указать фактические обстоятельства допущенных подсудимым нарушений порядка в ходе судебного заседания, неподчинения распоряжениям и привести достаточные аргументы в обоснование вывода о необходимости его удаления [4].

О соблюдении права подсудимого на защиту в случае его удаления из зала судебного заседания свидетельствует не только участие защитника в процессе, но и предоставленная законом возможность обжалования такого решения в вышестоящий суд вместе с итоговым решением по делу.

Например, Щелковским городским судом Московской области осужден Б. за совершение преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 318 УК РФ. В ходе рассмотрения уголовного дела судом было принято решение об удалении подсудимого из зала судебного заседания. В качестве одного из доводов апелляционной жалобы Б. на приговор суда первой инстанции указана незаконность удаления его из зала судебного заседания. В апелляционном постановлении Московский областной суд в опровержение указанного довода отметил, что подсудимый был удален из зала судебного заседания по постановлению суда до окончания прений сторон в связи с неоднократным нарушением порядка и регламента судебного заседания, высказываниями и заявлениями ходатайств без разрешения председательствующего, отсутствием реакции на неоднократные предупреждения председательствующего о недопустимости нарушения порядка, демонстрацией неуважительного отношения к суду, что отражено в протоколе судебного заседания.

Данное решение суда полностью соответствует требованиям ч. 3 ст. 258 УПК РФ и является обоснованным. Оно не нарушает каких-либо прав Б. как подсудимого, поскольку от их реализации в установленной процессуальным законом форме он добровольно отказался, продемонстрировав своим вызывающим поведением пренебрежение установленным в судебном заседании порядком.

Удаление Б. состоялось в условиях безрезультатности предупреждений председательствующего и воспрепятствования им продолжению судебного разбирательства [1].

В случае непринятия судом мер, пресекающих нарушение подсудимым порядка судебного разбирательства, будет нарушен разумный срок уголовного судопроизводства, что в свою очередь может привести к нарушению прав потерпевшего, а длительное нерасмотрение судом уголовного дела может повлечь за собой истечение сроков давности уголовного преследования.

Соответственно, проведенное исследование позволяет сделать вывод, что удаление подсудимого из зала судебного заседания – вынужденная мера, которая принимается судом в результате негативного поведения подсудимого, препятствующего судебному разбирательству, при этом гарантией защиты прав и законных интересов подсудимого является обязательное участие защитника. При этом вопросы о сроке, на который подсудимый может быть удален из зала судебного заседания сторон либо отключен от видео-конференц-связи, а также критериях, на основании которых судом может быть принято такое решение, остаются открытыми.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Апелляционное постановление Московского областного суда от 05.09.2018 по делу № 22-5896. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/TeZSPfyCdPK/> (дата обращения: 10.04.2024).

2. Материалы уголовного дела № 1-5/2023 в отношении П // Архив Белебеевского городского суда Республики Башкортостан.

3. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 27.05.2021 № 863 «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Мирзагалямова Роберта Фаритовича на нарушение его конституционных прав частью третьей статьи 15, частью второй статьи 16, пунктом 21 части четвертой статьи 47 и статьей 293 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации». URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=671411#ZsmLYEUe2q17seCq> (дата обращения: 10.04.2024).

4. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 30.01.2024 № 207-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Ефимова Виктора Григорьевича на нарушение его конституционных прав частью третьей статьи 258 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации». URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=798514#k4OMYEUuZxcZxxmC1> (дата обращения: 10.04.2024).

УДК 343.13

Бессонова Антонина Олеговна

адвокат, Московская коллегия адвокатов

«Семенова и Партнеры»

Москва, Российская Федерация

law_consulting@mail.ru

Обеспечение прав лиц при изъятии у них электронных носителей информации в ходе следственных действий

Аннотация: Правозащитный аспект деятельности органов предварительного расследования при изъятии электронных носителей информации в ходе следственных действий требует внесения изменений в законодательство. Наиболее актуальными являются вопро-

сы создания дополнительных гарантий лиц, у которых изымаются в ходе обыска, осмотра жилища, иного помещения средства мобильной связи, иные носители электронной информации. В статье развиваются предложения по повышению уровня защиты прав лиц, чьи средства мобильной связи, электронные носители информации, изымаются с целью получения доказательств по уголовному делу.

Ключевые слова: следственные действия, права лиц, изъятие, мобильные средства связи, электронные носители информации.

Bessonova Antonina Olegovna

attorney at law, Semenova & partners

Moscow bar association

Moscow, Russian Federation

Ensuring the rights of individuals when electronic storage media are confiscated during investigative actions

Annotation: The human rights aspect of the activities of preliminary investigation bodies when seizing electronic storage media during investigative actions requires amendments to the legislation. The most pressing issues are the creation of additional guarantees for persons from whom mobile communications equipment and other electronic information media are confiscated during a search, inspection of a home or other premises. The article develops proposals to increase the level of protection of the rights of persons whose mobile communications equipment, electronic media, are seized in order to obtain evidence in a criminal case.

Keywords: investigative actions, rights of persons, seizure, mobile communications, electronic media.

На современном этапе развития уголовно-процессуальной деятельности органов предварительного расследования все большее распространение получает изъятие электронных носителей информации в ходе производства различных следственных действий у физических и юридических лиц.

Электронные носители информации, предположительно имеющие доказательственное значение, изымаются чаще всего при осмотре места происшествия (включая жилище), выемке, обыске, но также и при проведении судебной экспертизы, других следственных действий. При этом происходит существенное ограничение прав лиц, гарантированных статьями 17, 20, 21, 23, 45, 46, 49 Конституции России.

Разумеется, в современном уголовном процессе существуют процессуальные гарантии прав лиц, чьи права и свободы ограничиваются при производстве следственных действий. Наиболее действенными из них – судебный контроль и прокурорский надзор. На следователя, дознавателя закон налагает ряд обязанностей при проведении следственных действий, которые обеспечивают права лиц, подвергшихся ограничению.

Однако специфика электронных носителей информации, электронной информации порождает целый ряд проблем, связанных с действенностью этих уголовно-процессуальных гарантий. На эти проблемы указывается в современной уголовно-процессуальной науке и криминалистике [4, с. 46–50; 12, с. 17; 11, с. 6]. Мы поддерживаем позицию ученых-исследователей, состоящую в том,

что современный уголовно-процессуальный закон не дает действенных гарантий по защите конституционных прав лиц при изъятии у них электронных носителей информации [5, с. 134–145]. Как представляется, назрела потребность в качественно новом подходе к обеспечению прав лиц, чьи электронные носители информации изымаются в целях доказывания при производстве следственных действий.

Для современного человека такие вещи как сотовый телефон, ноутбук, другие средства связи и передачи электронной информации являются предметами первой необходимости, средствами производства, т. е. имеют жизненную необходимость. Не говоря уже о том, что в них содержатся персональные данные, информация, охраняемая законом, другие конфиденциальные сведения о частной жизни человека.

Обобщая наработки, опубликованные в юридической литературе, полагаем возможным выделить следующие наиболее острые проблемы обеспечения прав лиц при изъятии у них в целях доказывания по делу электронных носителей информации.

Во-первых, это изъятие сотового телефона, иного средства мобильной связи у лица, независимо от его процессуального статуса по уголовному делу. Наиболее остро эта проблема звучит применительно к ситуации, когда лицо официально не привлекается к уголовному преследованию, т. е. не является ни обвиняемым, ни подозреваемым. Однако при проведении обыска в жилище, ином помещении или при осмотре жилища, помещения, будучи в этом жилище, помещении, попадает в круг «иных лиц», у которых следователь (дознатель) изымает указанные электронные носители информации. Мы разделяем мнение о том, что это наиболее уязвимая категория лиц, у которых изымаются телефон, иные электронные носители информации [10, с. 189–194].

Закон и сложившаяся судебная практика, включая решения Конституционного Суда РФ [8; 9], сформировали правовой стандарт, по которому для изъятия, осмотра сотового телефона в ходе следственного действия (обыска, осмотра места происшествия) специального разрешения суда не требуется. Данный правовой стандарт поддерживается некоторыми учеными [7, с. 58–60; 2, с. 97–103]. Однако присоединяемся к тем, кто призывает ввести исключительно судебный порядок получения специального разрешения на изъятие средства мобильной связи у лица в порядке, предусмотренном статьей 165 УПК РФ [10, с. 189–194].

Во-вторых, особенно остро стоит вопрос о защите прав лиц, у которых следователи (дознатели) изымают мобильные средства связи так сказать «на всякий случай», так как те оказались в обыскиваемом или осматриваемом помещении. Исходим из того, что решение об изъятии средства мобильной связи как носителя и источника конфиденциальной информации о лице, тайна которой защищается Конституцией России, должно основываться не на общих предположениях следователя, а на конкретных фактических данных, указывающих на то, что в нем содержатся сведения, которые имеют доказательственное значение по расследуемому делу.

В уголовно-процессуальной науке указывалось на общую проблему правовой неопределенности относительно пределов дискреционного усмотрения следователя, проводящего обыск, следственный осмотр при определении подлежащих изъятию объектов [1, с. 80–85]. Такая широта усмотрения следователя при изъятии обнаруженных в осматриваемом или обыскиваемом помещении средств мобильной связи, иных электронных носителей информации, защищаемой законом, нетерпима в правовом государстве. Придерживаемся мнения о необходимости введения прямого запрета в законе на подобное, прикрываемое «интересами следствия», проведение следственных действий, при котором игнорируются конституционные права и свободы широкого круга лиц.

Кстати, нельзя не упомянуть о двойных стандартах обеспечения прав обычных лиц и некоторых спецсубъектов: предпринимателей (ст. 81.1, пункт 5 части 2, часть 2.1 ст. 82, ч. 3.1 ст. 108, ст. 164 ч. 4.1, ст. 164.1 УПК РФ) и адвокатов (ч. 2 статьи 450.1 УПК РФ), для которых кодексом предусмотрены более высокие гарантии защиты права от произвольного изъятия вещей, включая электронные носители информации. Солидарны с теми авторами [6, с. 53–59], которые усматривают в таком положении нарушение принципа равенства всех перед законом и судом (ст. 19 Конституции России). Полагаем, что права всех субъектов, оказавшихся вовлеченными в следственные действия, должны быть равны при решении вопроса об изъятии объектов, в том числе и прежде всего – мобильных средств связи, иных электронных носителей информации.

Наконец, нельзя не сказать о низкой эффективности превентивного и последующего судебного контроля за решениями и действиями органов предварительного расследования, связанных с изъятием электронных носителей информации. На это указывается во многих современных исследованиях [3, с. 41–45]. Однако законодательного решения данная проблема не имеет.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Александров А. С. Учение о следственных действиях на пороге «цифрового» мира // Юридический вестник Самарского университета. 2017. Т. 3, № 4. С. 80–85.
2. Багмет А. М., Скобелин С. Ю. Пределы ограничения конституционных прав граждан в ходе осмотра сотовых телефонов участников уголовного судопроизводства // Уголовное право. 2017. № 6. С. 97–103.
3. Актуальные проблемы осуществления судебного контроля в российском уголовном судопроизводстве / Буфетова М. Ш., Литвинцева Н. Ю., Завгородняя Е. С., Чаманов В. В. // ГлаголЪ правосудия. 2017. № 2(14). С. 41–45.
4. Вехов В. Б. Электронные доказательства: проблемы теории и практики // Правопорядок: история, теория, практика. 2016. № 4(11). С. 46–50.
5. Грачев С. А. Конституционные права личности при осмотре мобильного устройства: коллизия толкований в правовых позициях высших судебных инстанций России требует законодательного разрешения // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2020. № 3(94). С. 134–145.
6. Доктринальная модель уголовно-процессуального доказательственного права РФ и комментарии к ней. М. : Юрлитинформ. 2015. С. 53–59.

7. Зуев С. В. Осмотр и изъятие электронных носителей информации при проведении следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий // Законность. 2018. № 4. С. 58–60.

8. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Габашвили Игоря Сергеевича на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 176 и частью второй статьи 177 уголовно-процессуального кодекса российской федерации : Определение Конституционного Суда РФ от 28 ноября 2019 года № 3205-О. URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-28112019-n-3205-o/> (дата обращения: 05.03.2024).

9. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Прозоровского Дмитрия Александровича на нарушение его конституционных прав статьями 176, 177 и 195 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : Определение Конституционного Суда РФ от 25 января 2018 года № 189-О. URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-25012018-n-189-o/>. (дата обращения: 05.03.2024).

10. Телевицкая Ю. А. Особенности изъятия и осмотра средств мобильной связи // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2022. № 1(57). С. 189–194.

11. Цифровая криминалистика : учебник для вузов / В. Б. Вехов [и др.] ; под ред. В. Б. Вехова, С. В. Зуева. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Юрайт, 2024. 490 с.

12. Электронные доказательства в уголовном судопроизводстве : учеб. пособие для вузов / С. В. Зуев [и др.] ; отв. ред. С. В. Зуев. М. : Юрайт, 2020. 193 с.

УДК 343.09

Медведчук Анна Александровна

преподаватель кафедры уголовно-правовых дисциплин
и криминалистики

Луганский филиал Воронежского института МВД России

г. Луганск, Российская Федерация

medved1313@inbox.ru

Организация взаимодействия органов внутренних дел со средствами массовой информации

Аннотация: В данной статье рассматривается вопрос организации взаимодействия органов внутренних дел со средствами массовой информации. Особое внимание уделено подразделениям по связи органов внутренних дел с общественностью, которые являются индикатором успешной деятельности всего ведомства. Определяются основные проблемы, связанные с использованием социальных сетей в популяризации органов внутренних дел. На основании проведенного анализа автор определяет основные аспекты, для обеспечения вы-

сокой эффективности информирования при взаимодействии пресс-служб территориальных органов внутренних дел со средствами массовой информации.

Ключевые слова: полиция, правоохранительные органы, средства массовой информации, взаимодействие, правовая информация, правовое информирование.

Medvedchuk Anna Alexandrovna

lecturer at the department of criminal
law disciplines and criminology
Lugansk branch of the Voronezh Institute
of the Ministry of Internal Affairs of Russia
Lugansk, Russian Federation

Organization of interaction between internal affairs bodies with the media

***Annotation:** This article discusses the issue of organizing interaction between internal affairs bodies and the media. Particular attention is paid to the units for communication between internal affairs bodies and the public, which are an indicator of the successful activities of the entire department. The main problems associated with the use of social networks in the popularization of internal affairs bodies are identified. Based on the analysis, the author identifies the main aspects to ensure high efficiency of information in the interaction of the press services of territorial internal affairs bodies with the media.*

***Keywords:** police, law enforcement agencies, media, interaction, legal information, legal information.*

Деятельность подразделений по связи органов внутренних дел с общественностью наиболее ярко начала проявляться еще в начале двухтысячных годов. Это было связано с проходившей в то время административной реформой, в рамках которой должна была повыситься эффективность взаимодействия органов внутренних дел с гражданским обществом, с обществом и общественностью в целом. МВД России в рамках данного направления приняло целый ряд нормативных правовых актов, призванных регламентировать данную деятельность по связи с общественностью.

В то время публикации с участием органов государственной власти носили фрагментарный характер, отражали только факт совершения правонарушения (преступления) и предпринятые в отношении него меры со стороны полиции, с целью пресечения и раскрытия. Говорить о доверии населения страны в целом к правоохранительным органам также было затруднительно, что свидетельствовало о недоверии к государству в целом. При данных условиях низким был и уровень уважения к законам, нормам поведения в обществе.

Перед органами внутренних дел были поставлены задачи для решения указанных проблем, в частности им было необходимо быстро и качественно изучить существующие передовые формы и методы взаимодействия со средствами массовой информации и разработать алгоритм внедрения их в свою деятельность. При этом сотрудничество органов внутренних дел со средствами массовой информации должно было осуществляться на взаимовыгодных условиях, планировалось наладить каналы для освещения тематики правоохранительных органов и их деятельности. Также важно было развить систему быст-

рого реагирования на критику средств массовой информации, носящую конструктивный характер, в отношении деятельности органов и разработать механизм для борьбы с выявленными проблемами.

Еще одним важным направлением было совершенствование нормативной базы, призванной регламентировать взаимодействие органов внутренних дел и средств массовой информации, и именно на это были направлены дальнейшие изменения.

В завершении первого десятилетия XXI века в Министерстве внутренних дел Российской Федерации особое место уделялось интернет-технологиям. Возник общегосударственный сайт ведомства, а также сайты территориальных органов. В перспективе предполагалось их совместить в общую коммуникационную концепцию с целью улучшения освещения деятельности органов внутренних дел.

С 2011 года в системе МВД России вместо Управления общественных связей начинает функционировать Управление по взаимодействию с институтами гражданского общества и средствами массовой информации (УОС МВД России) – самостоятельное подразделение Центрального аппарата МВД России, осуществляющее функции по выработке и реализации государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере информационного сопровождения деятельности ведомства.

В 2013 году произошел запуск аппаратно-программного комплекса (далее – АПК) «Официальный интернет-сайт МВД России». В нем были соединены все интернет-сайты органов внутренних дел, включая транспортную полицию. На 2013 год в АПК было порядка 104 сайтов, в отношении которых все вопросы были решены централизованно [3].

В начале 2020 года заработал сетевой ресурс «МВД МЕДИА» (mvdmedia.ru), послуживший главной площадкой в целях размещения своевременных новостей и важной публицистики. Новый формат нацелен на мультимедийный медиаконтент (фотографии, видео и аудио материалы), создающий информативную картину дня правоохранительной тематики.

На сегодняшний день важное направление в области взаимосвязей органов внутренних дел с общественностью – деятельность в социальных сетях (ВКонтакте, Одноклассники, Телеграмм и т. д.). Хотя введение официальных аккаунтов МВД России в популярных медиа должно способствовать прямому диалогу с населением, на практике в этом направлении существуют проблемы, на которые необходимо обратить внимание. Так, законодательно не регламентировано ведение аккаунтов государственными органами в социальных сетях; нет четкой модели действий или методических указаний для продвижения; отрицательное воздействие со стороны отдельных недовольных пользователей сети и т. д.

На наш взгляд, для улучшения эффективной работы отделов, отделений, групп по взаимодействию с общественностью, которые будем называть пресс-службой, необходимо соблюдение главных условий: прямой доступ к различной внутриведомственной информации; прямые контакты с руководителями; адекватное материально-техническое обеспечение.

Можно сказать, что пресс-службы являются фильтром для всей информации, исходящей от территориального органа внутренних дел в публичное пространство. Именно это подразделение проводит отбор и дозирование информации, при этом не просто передает информацию общественности, а интерпретирует ее. Сотрудники выдают официальную информацию о деятельности территориального органа МВД России, они же ведут круглосуточный мониторинг информационного пространства с целью контроля всех информационных потоков, касающихся своего ведомства и оперативного реагирования в кризисных ситуациях [1].

Открытость и публичность – главные принципы деятельности, обеспечивающиеся пресс-службой МВД России в рамках медиастратегии, которая предусматривает ответственность пресс-служб за исходящую информацию, за объективный показ образа сотрудника органов внутренних дел и в первую очередь полицейского посредством средств массовой информации [2].

Подводя итог вышесказанному, мы приходим к выводу, что для обеспечения высокой эффективности информирования при взаимодействии пресс-служб территориальных органов внутренних дел со средствами массовой информации, необходимо наличие трех аспектов: содержательного, координационного и процессуального.

Содержательный аспект заключается в том, что распространение, принятых органами внутренних дел решений (действий), исполняется с поддержкой средств массовой информации. Непосредственно средства массовой информации формируют информационную сферу, определяемую согласием двух потоков: сведений касательно государственных решений (прямая взаимосвязь) и данных касательно того, как эти решения принимаются (обратная связь).

Координационный аспект взаимодействия со средствами массовой информации объединены с упорядочиванием связей. Пресс-службы призваны нормализовать диалог между органами внутренних дел и средствами массовой информации. Синтез опыта работы – важная необходимость в области взаимосвязей с населением.

Процессуальный (технологический) аспект заключается в рассмотрении способов, приемов, конфигураций взаимодействия органов внутренних дел со средствами массовой информации (организация и осуществление пресс-конференций, брифингов, организация пресс-релизов, видео- и фотоматериалов и т. д.).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Иванов Д. Б. Принципы взаимодействия ОВД с гражданским обществом // Инновации. Наука. Образование. 2021. № 40. С. 145–150.
2. Кодиркулов А. С. у. СМИ на службе органов внутренних дел России // От СССР к Российской Федерации: история, события, факты (к 100-летию образования СССР) : материалы Всерос. науч.-теор. конф., Санкт-Петербург, 8 декабря 2022 года / сост. А. Л. Бредихин. СПб. : Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2022. С. 255–261.

3. Медведчук А. А. Особенности взаимодействия органов внутренних дел и средств массовой информации по обеспечению правового просвещения населения России // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Экономика и право. 2023. № 9. С. 124–127.

УДК 342.5

Быкова Мария Сергеевна

кандидат юридических наук, доцент

Костромской государственной университет

г. Кострома, Российская Федерация

marbyk@bk.ru

Основные направления цифровой трансформации органов прокуратуры Российской Федерации

***Аннотация:** В статье приведен анализ концепции цифровой трансформации органов и организаций прокуратуры до 2025 года. Автор исследует цифровые технологии как инструмент прокурорского надзора, их влияние на организацию прокурорской деятельности и приходит к выводу о том, что в современных условиях дифференциации научных знаний вопрос о полномочиях по использованию прокурорами специальных знаний при осуществлении надзорной деятельности, формах их применения остается открытым.*

***Ключевые слова:** цифровая экономика, цифровизация, информационно-коммуникационные технологии, прокурорская деятельность, прокурорский надзор.*

Bykova Maria Sergeevna

Candidate of law, associate professor

Kostroma State University

Kostroma, Russian Federation

Main directions of digital transformation of the prosecutor's office of the Russian Federation

***Annotation:** The article analyzes the concept of digital transformation of prosecutor's offices and organizations until 2025. The author explores the information and communication technologies as the instrument of prosecutor's supervision and their impact on the organization of prosecutor's activities and he comes to the conclusion that in the modern conditions of differentiation of scientific knowledge, the question of the powers of prosecutors to use special knowledge in the implementation of supervisory activities, the forms of their application remains open.*

***Keywords:** digital economy, digitalization, information and communication technologies, prosecutor's activities, prosecutor's supervision.*

Основополагающий документ, который определяет направления и содержание цифровой трансформации органов прокуратуры, – это Концепция цифровой трансформации органов и организаций прокуратуры до 2025 года, ут-

вержденная приказом Генерального прокурора Российской Федерации от 14.09.2017 № 627 (далее – Концепция) [1].

Концепция исходит из того, что цифровая трансформация органов прокуратуры – это составляющая общего процесса преобразования органов власти в условиях перехода к цифровой экономике.

Органы прокуратуры, наряду с иными государственными органами, вовлечены в общие процессы цифровизации системы государственного управления.

Как отмечают авторы, состояние законности в различных сферах жизни общества в настоящее время зависит и от состояния законности в сфере цифровой экономики. Прокуроры, реализуя свой потенциал в цифровой среде, во многом оказывают влияние на состояние законности как в государстве и обществе, так и в отдельных отраслях хозяйства и сферах жизнедеятельности [2, с. 78].

Генеральной прокуратурой Российской Федерации данному направлению работы уделяется самое пристальное внимание.

Концепция исходит из того, что цифровая трансформация органов прокуратуры имеет целью повышение эффективности прокурорской деятельности, говоря другими словами, создание высокотехнологичного прокурорского надзора, а также увеличение открытости органов прокуратуры для общества и граждан.

Помимо вышеупомянутой Концепции, приняты и иные организационно-распорядительные документы, определяющие порядок деятельности органов прокуратуры в условиях цифровой трансформации, и дальнейшие перспективы развития в данном направлении.

В частности, в квалификационные требования к должностям прокурорских работников в качестве дополнительных критериев оценки соответствия занимаемой должности уже включены наличие навыков работы с цифровой инфраструктурой органов прокуратуры Российской Федерации, реализация надзорных полномочий с использованием информационно-коммуникационных технологий [3]. Активно прорабатывается вопрос о необходимости подготовки для работы в органах прокуратуры кадров, начиная со студенческой скамьи, со знанием компетенций в сфере цифровой экономики.

В соответствии с утвержденным Генеральным прокурором Российской Федерации 25 января 2022 года Положением о Главном управлении по надзору за исполнением федерального законодательства Генеральной прокуратуры Российской Федерации, в его составе создан отдел по надзору за исполнением законов в сфере информационных технологий и защиты информации, одной из функций которого является осуществление надзора за исполнением законодательства при внедрении органами власти и организациями искусственного интеллекта, обеспечение хранения информации на территории Российской Федерации.

К текущему моменту цифровые технологии уже активно используются как во внутренней организации работы органов прокуратуры, так и при вы-

страивании отношений со сторонними органами, организациями, а также гражданами.

Так, деятельность органов прокуратуры обеспечивают более 10 автоматизированных информационных комплексов и систем (в частности, АИК «НАДЗОР-Веб», предназначенный для ведения ведомственного делопроизводства и документооборота в электронном виде, автоматизированное рабочее место «Статистика Генеральной прокуратуры Российской Федерации», используемое для формирования ведомственной статистической отчетности). За последние несколько лет благодаря внедрению информационных технологий на регулярной основе прокурорами рабочие совещания, учебно-методические семинары и даже коллегии проводятся с использованием средств видео-конференц-связи.

Через модуль МЭДО в АИК «НАДЗОР-Веб» активно внедряются и системы межведомственного электронного документооборота с соответствующими органами государственной власти, с которыми подписаны соглашения о взаимодействии.

Для обеспечения доступа к открытой информации о деятельности федеральных органов государственной власти функционирует официальный сайт Генеральной прокуратуры Российской Федерации.

На Едином портале государственных услуг с 2019 года для граждан создана возможность подачи обращений в органы прокуратуры в электронной форме.

Создание высокотехнологичного прокурорского надзора как одной из конечных целей цифровой трансформации подразумевает как умение прокурора применять информационные технологии в качестве вспомогательного инструмента, так и знание весьма специфичных норм права.

В настоящее время работа органов государственной власти и местного самоуправления, связанная с обработкой значительного объема информации, активно перестраивается на автоматизацию всех процессов путем использования информационных систем (далее – ИС), что, бесспорно, позволяет систематизировать данные и существенно упростить их обработку.

Разный функционал данных систем определяет возможности их применения в работе прокуроров.

В рамках реформы контрольной и надзорной деятельности создана Государственная информационная система «Единый реестр проверок» (далее – ФГИС ЕРП), оператором которой является Генеральная прокуратура Российской Федерации, и используется в рамках такого направления деятельности, как надзор за соблюдением прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей.

Информационные системы выступают и вспомогательными инструментами при проведении надзорных мероприятий.

Так, активно прокурорами используются возможности Единой информационной системы в сфере закупок.

Система позволяет без истребования на бумажном носителе оперативно провести проверку исполнения законодательства о закупках, начиная со стадии подготовки к проведению закупочной процедуры (формирование начальной

максимальной цены), затем уже на стадии процедур по отбору исполнителей по контрактам и заканчивая этапом исполнения контракта.

Существенно повышает оперативность прокурорского вмешательства на нарушения жилищных прав граждан функционал государственной информационной системы в сфере жилищно-коммунального хозяйства (ГИС ЖКХ).

Большим подспорьем в работе прокуроров является использование федеральной государственной информационной системы межведомственного электронного взаимодействия (далее – СМЭВ).

Сервисы СМЭВ позволяют оперативно получать от иных органов и организаций разнообразную и необходимую для осуществления надзорной деятельности информацию (например, об учредителях и участниках юридических лиц, аффилированных хозяйствующих субъектах).

Перспективами развития системы являются расширение состава сведений и документов, увеличение количества пользователей и повышение интенсивности использования возможностей системы органами прокуратуры Российской Федерации.

В свою очередь, прокуроры проводят и проверки исполнения законодательства при использовании ИС органами власти и иными организациями.

ИС, носящие статус государственных, требуют соблюдения повышенных мер защиты (разработка и внедрение системы защиты информации ИС; выполнение аттестации ИС по требованиям защиты информации; ограничение доступа к ИС неуполномоченных лиц; реализация мероприятий по внутреннему контролю состояния защиты персональных данных в ИС и др.).

Прокурорами выявляются факты неправомерного допуска должностными лицами органов государственной власти и местного самоуправления к работе в ИС работников подведомственных учреждений, не включенных в перечень субъектов, имеющих право осуществлять обработку персональных данных.

Недостаточное внимание уделяется органами власти (операторами персональных данных) исполнению обязанностей по осуществлению внутреннего контроля за реализацией требований по защите персональных данных. В результате без внимания остаются факты изменения моделей информационных угроз по причине смены пользователем ИС своего рабочего места (например, в случае переезда в другой служебный кабинет либо здание).

Все большую актуальность в свете захлестнувших страну преступлений с использованием информационно-телекоммуникационных технологий приобретает надзор за исполнением законов операторами сотовой связи.

Не секрет, что звонки доверчивым гражданам, с помощью которых осуществляется вымогательство денежных средств, а иногда и вовлечение их в различные преступления, осуществляются из-за рубежа и с номеров, не зарегистрированных в Российской Федерации, с использованием соответствующего оборудования.

Законодательство обязывает операторов связи передавать в неизменном виде абонентский номер лица, иницирующего звонок. Оператор связи обязан прекратить оказание услуг связи и (или) услуг по пропуску трафика в свою сеть связи, в случае если иницированное с сети связи иностранного оператора свя-

зи сопровождается нумерацией, соответствующей российской системе и плану нумерации, если у оператора связи отсутствует информация об абонентском номере или уникальном коде идентификации абонента, инициировавшего это соединение.

За несоблюдение данных норм предусмотрена административная ответственность по статье 13.2.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (введена в декабре 2021 года) и наказание в виде штрафа в размере до миллиона рублей на юридических лиц [4].

В отдельных регионах страны уже имеется и положительная практика привлечения виновных к административной ответственности по инициативе прокуроров. А вот насколько эффективной будет такая работа в плане предупреждения преступлений с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, говорить пока рано, поскольку поводом для проверки на данный момент выступают, как правило, материалы уголовных дел, свидетельствующие о несоблюдении операторами сотовой связи своих обязанностей.

С расширением предмета надзорной деятельности прокуроры столкнутся в самое ближайшее время в связи с принятием в 2023 году законов о цифровом рубле как одним из средств безналичного расчета. Исходя из жарких дискуссий на различных площадках, несмотря на отсутствие четкого нормативно-правового регулирования, уже можно предположить, что прокурор будет иметь с делом одновременно с необходимостью защиты интересов как государства (в частности, если цифровой рубль будет использоваться для оборота бюджетных средств), так и граждан, и их право на защиту частной жизни, защиту персональных данных и др.

В указанной связи следует согласиться с точкой зрения авторов, полагающих, что в современных условиях дифференциации научных знаний вопрос о полномочиях по использованию прокурорами специальных знаний при осуществлении надзорной деятельности, формах их применения остается открытым [5].

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Концепция цифровой трансформации органов и организаций прокуратуры до 2025 года, утвержденная приказом Генерального прокурора Российской Федерации от 14.09.2017 № 627 // Законность. 2017. № 12.

2. Ступаченко Е. В. Цифровая экономика и цифровизация как предпосылки трансформации прокурорской деятельности // Право и цифровая экономика. 2023. № 3. С. 65–82.

3. Приказ Генерального прокурора Российской Федерации «Об утверждении квалификационных требований к должностям прокурорских работников прокуратуры города, района, приравненной к ним прокуратуры // Официальный сайт Генеральной прокуратуры Российской Федерации. URL: <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/documents/normative-act?item=86926882> (дата обращения: 25.05.2024).

4. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 20.12.2001 № 195-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 1. Ст. 1.

5. Нагорный В. А. Использование прокурором специальных знаний при осуществлении надзора // Законность. 2023. № 9. С. 20–23.

УДК 340.12

Терехов Евгений Михайлович

кандидат юридических наук, доцент

Балаковский филиал

Саратовской государственной юридической академии

г. Балаково, Российская Федерация

terehov1989@yandex.ru

Интерпретационный контроль как фактор качественного осуществления правосудия

***Аннотация:** Статья посвящена использованию интерпретационного контроля в качестве инструмента, позволяющего повысить уровень реализации правосудия. Автор обращает внимание, что правосудие периодически испытывает сложности, в том числе в вопросах установления смысла спорных норм права. Использование интерпретационного контроля позволяет находить интерпретационные ошибки в текстах судебных правовых актов, анализировать их глубину и специфику, а также использовать полученные данные в процессе непрерывной подготовки судей. Все это способствует усилению авторитета и профессионализма суда, как основного органа, разрешающего правовые конфликты в обществе.*

***Ключевые слова:** юридическая деятельность, правоинтерпретационная деятельность, толкование права, разъяснение, интерпретационный акт, интерпретационная практика.*

Terekhov Evgeniy Mikhailovich

candidate of juridical sciences, associate professor

Balakovo branch Saratov State Law Academy

Balakovo, Russian Federation

Interpretative control as a factor in the quality of justice delivery

***Annotation:** The article is devoted to the use of interpretive control as a tool to enhance the realization of justice. The author draws attention to the fact that justice periodically experiences difficulties, including in the issues of establishing the meaning of disputable norms of law. The use of interpretive control makes it possible to find interpretive errors in the texts of judicial legal acts, analyze their depth and specificity, and use the obtained data in the process of continuous training of judges. All this contributes to strengthening the authority and professionalism of the court as the main body resolving legal conflicts in society.*

Keywords: *legal activities, law-interpret activities, interpretation of law, clarification, interpretative act, interpretive practice.*

С момента становления общества формируются полноценные отношения между его членами, а с момента появления государства возникает право, которое регламентирует их законодательными рамками. Казалось бы, идеальная модель развития человеческой деятельности найдена и можно расширять свой потенциал – создавать семью, работать на хорошей работе, поддерживать общение с окружающими, развивать государство. Однако реализация этих отношений, к сожалению, протекает не всегда гладко – иногда возникают конфликты, которые ставят под сомнение завершение любого общественного отношения и возникает риск того, что оно не получит своего логического и разумного результата.

Для решения споров существует много различных способов – диалог, медиация, анализ ситуации и т. д. Особое место в этом вопросе, по праву, принадлежит институту судебного рассмотрения споров, в ходе которого издается судебный правовой акт, ставящий точку в имеющемся конфликте интересов и определяющий законность требований конкретной стороны.

В статье 1 Конституции РФ [6] взят курс на построение в РФ правовой государственности, обязательным составляющим которой выступает правовое урегулирование возникающих споров, в том числе посредством обращения в органы судебной власти.

Именно суд сегодня представляет собой наиболее квалифицированный орган, который наделен правом на решение любого правового спора, возникшего между физическими и юридическими лицами, а его авторитет и профессионализм наглядно демонстрируют возможность выполнения столь значимой государственной задачи. Несмотря на это, в судебной работе периодически допускаются самые разнообразные ошибки, увеличение которых может, со временем, подорвать не только уважение к судебной системе, но и веру в нее, возможность добиваться восстановления нарушенных прав и охраняемых законов интересов.

В самом общем виде судебные ошибки могут подразделяться на объективные (перегрузки в работе; пробельность и коллизии; употребление законодателем оценочных терминов) и субъективные (недостаточность юридических знаний; низкая профессиональная подготовка; неверное понимание и применения норм права) [2, с. 211].

Следствием этого служит то, что в некоторых ситуациях суды «не обеспечивают того уровня правосудия и применения законов, который побуждал бы граждан более активно взывать к закону» [4, с. 75].

Именно поэтому одной из крайне важных, первоочередных задач во все времена существования государства является повышение качества правосудия по рассмотрению всех категорий дел, находящихся в судебном производстве, в том числе обеспечение правильного и своевременного смыслового понимания судьями спорных правовых норм.

Рассматривая содержательную часть объективных и субъективных судебных ошибок, можно обратить внимание, что их объединяет один очень интересный компонент – способность правильно понимать смысл спорных норм права и действовать в строгом соответствии с ним. Анализируя материалы судебной правоприменительной практики, мы подходим к осознанию того, что установление истинного смысла права – это особый вид искусства, которому нужно обучаться на протяжении всей трудовой деятельности. Одной из самых серьезных судебных ошибок будет являться формальное отношение к этому обстоятельству.

Для того чтобы развить у судьи навыки в понимании смысла норм права, можно использовать широкие инструменты – изучать постановления Пленума Верховного Суда РФ; рассматривать и разбирать допущенные другими судами интерпретационные и правоприменительные ошибки; проводить интерпретационные семинары-совещания с судьями; обмениваться интерпретационными методиками с другими судьями, в том числе в межгосударственном формате и т. д.

Одним из многофункциональных средств, направленных на повышение качества судебной интерпретационной деятельности, нужно признать активное использование потенциала интерпретационного контроля при осуществлении всех форм правосудия.

Интерпретационный контроль – деятельность вышестоящих судебных инстанций по поиску и анализу допущенных в работе нижестоящими судами интерпретационных ошибок, направленная на их устранение, а также реализация организационных мероприятий с целью исключения противоречий интерпретационной практики. Он имеет широкий масштаб реализации, не ограниваясь лишь способом, применяемым в механизме пересмотра судебных ошибок.

Самым распространенным направлением его осуществления выступает пересмотр решений судов нижестоящих инстанций на предмет обнаружения в них интерпретационных и правоприменительных ошибок. Казалось бы, обладание судьями высокими познаниями в области права должно сводить на нет потенциальное допущение соответствующих ошибок, однако результаты интерпретационного контроля подтверждают обратное. Мы не беремся утверждать, что подобное положение дел носит системный характер, однако наличие вышеотмеченных упущений находит свое объективное подтверждение.

В «Российской газете» на постоянной основе ведется рубрика, посвященная разбору ошибок, допущенными нижестоящими судами в разных субъектах РФ. Например, Верховный Суд РФ разъяснил, какие тонкости нужно учитывать при решении спора о том, с кем должен остаться ребенок после расторжения брака родителей.

Возникла ситуация, в которой супруги расторгнули брак между собой и следовало решить вопрос, с кем же должен остаться несовершеннолетний ребенок после развода родителей. По материалам дела следовало, что оба родителя отличались хорошей характеристикой, вели правомерный образ жизни. Мать имела гораздо худшие условия для жизни ребенка – не обладала постоянной работой, жила на пособия и периодическую материальную помощь. Отец, являясь индивидуальным предпринимателем, проживал в частном домовладении,

в котором для ребенка была выделена специальная комната со всей инфраструктурой. Районный суд отметил, что поскольку возраст ребенка составляет всего 1 год, ему целесообразно остаться с матерью, несмотря на жилищные условия. Апелляционная инстанция, напротив, пришла к выводу, что ребенок должен проживать с отцом на основании того, что последний обладает лучшими жилищными условиями и принимает активное участие в воспитании ребенка. Верховный Суд РФ, изучив настоящую картину, обратил внимание, что сам по себе факт преимущества материально-бытовой составляющей не может являться монопольным основанием для удовлетворения требования конкретного родителя. Важно исследовать интересы ребенка, понять в совокупности, где и при каких условиях ему будет лучше жить, выслушать мнение органов опеки, т. е. подойти к системному анализу рассматриваемого дела [5].

Учитывая тот факт, что в обществе супруги ежегодно расторгают множество браков, в которых затронуты интересы несовершеннолетних детей, подобные разъяснения будут полезны нижестоящим судам при рассмотрении подобного рода споров. Возникает уникальная ситуация – несмотря на казуальный характер решенного конфликта, итог такого решения может быть использован неограниченным кругом лиц в диапазоне всего государства.

Справедливости ради, подчеркнем, что интерпретационный контроль в отношении казуальных судебных дел, хоть и занимает основное его содержание, отнюдь, не является единственным.

На прошедшем X Всероссийском съезде судей было отмечено, что после объединения Верховного Суда РФ и Высшего Арбитражного Суда РФ, Пленум Верховного Суда РФ принял 39 постановлений, включающих свыше 2 тысяч правовых позиций, касающихся арбитражного и гражданского судопроизводства, которыми устранены противоречия соответствующих правовых норм, в связи с чем были созданы условия для лучшего осуществления инвестиционной и коммерческой деятельности в России [1]. Этот пример наглядно демонстрирует, что интерпретационный контроль позволяет создать условия для снижения противоречивости интерпретационной практики.

Отдельное направление интерпретационного контроля связано с реализацией деятельности Конституционного Суда РФ, издание им многочисленных постановлений и определений, особенно в эпоху развития «живого» права. На встрече Президента и Председателя Конституционного Суда РФ, по случаю 30-летнего юбилея Основного закона России, последний акцентировал внимание на стремлении к поддержанию тенденции живого характера Конституции, приспособлении ее к действующему времени [3]. Все этого направляет работу нижестоящих судебных инстанций по пути единообразия и стандартизации интерпретационной и правоприменительной практики, минимизации допущения соответствующих ошибок в работе. В силу достаточного количества исследований в данном направлении, считаем нецелесообразным останавливаться на его более подробном освещении.

Учитывая вышесказанное, мы можем выделить ключевые функции интерпретационного контроля, к которым требуется относить следующие:

– аналитическую – ее осуществление позволяет обнаруживать конкретные интерпретационные ошибки в текстах судебных правовых актов разных инстанций и субъектов РФ. Можно сказать, что в первую очередь, интерпретационный контроль ориентирован непосредственно на выявление и исправление таких неточностей. Это достаточно сложная, но крайне необходимая работа, которую нужно проводить в постоянном режиме.

Отдельные исследователи совершенно справедливо замечают, что «различия в толковании норм права судами в разных регионах РФ дают основания говорить о „законности калужской и рязанской“» [7, с. 41]. Применение интерпретационного контроля поможет внедрить единообразие смысла норм права в рамках всего государства, искореняя устоявшиеся региональные смыслы права.

Разбирая одно из дел в порядке интерпретационного контроля, Верховный Суд РФ разъяснил, что суды не вправе давать произвольную оценку доказательствам – возможность судить и выносить решения по своему внутреннему убеждению не дает судьям подобного права [9];

– содержательную – ее осуществление показывает качество претворения в жизнь правосудия. Ошибочно ассоциировать интерпретационный контроль исключительно лишь с выявлением интерпретационных ошибок, хотя большинство субъектов ожидают от него именно этого. По результатам интерпретационного контроля может быть принято решение о полном соответствии выводов суда смыслу спорных норм права.

В ходе одного из прошедших совещаний судей общей юрисдикции, военных и арбитражных судов отмечено, что в результате обобщения интерпретационной и правоприменительной практики в отношении лиц, впервые совершивших преступления не представляющих большой общественной опасности, для повышения качества правосудия внесены дополнения в постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22 ноября 2005 года № 23 [8];

– образовательную – ее осуществление дает нижестоящим судам возможность учесть уже допущенные другими судами ошибки и не допустить их самими, а также она ориентирована по повышению профессионального мастерства судей, поскольку качественному правосудию корреспондирует непрерывное образование.

Подводя итог вышесказанному, обратим внимание, что интерпретационный контроль стоит рассматривать в качестве самостоятельного средства, руководство которым позволяет уверенно и достаточно эффективно осуществлять правосудие, как в масштабах всего государства, так и на территории конкретных субъектов РФ.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Вячеслав Лебедев: инициативы Верховного Суда укрепляют правовую защиту человека // Российская газета. 2022. 28 ноября.
2. Беккер Т. А. Первопричины типичных судебных ошибок // Наука и современность. 2014. № 30. С. 209–213.

3. Герейханова А. Зорькин пожелал Путину, чтобы еще долго Конституция действовала под успешным ее гарантом // Российская газета. 2023. 12 декабря.

4. Кашу И., Оренштейн М. Пенсионеры обращаются в суд: рост авторитета закона в России // Конституционное право: восточноевропейское обозрение. 2002. № 1. С. 75–79.

5. Козлова Н. Как решить, с кем из родителей будет жить ребенок после развода? Разъяснения Верховного Суда // Российская газета. 2024. 16 января.

6. Конституция РФ (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изм., одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата официального опубликования: 06.10.2022).

7. Примак Т. К., Казакова Г. В., Орлова К. А. Проблемы толкования правовых норм в деятельности судебных органов // Вестник Балтийского федерального университета. 2014. № 9. С. 35–43.

8. Стенограмма совещания судей общей юрисдикции, военных и арбитражных судов. URL: <http://www.kremlin.ru> (дата обращения: 13.02.2024).

9. Фокс А. ВС не разрешил судам давать произвольную оценку доказательствам. URL: <https://vsrf.ru> (дата обращения: 13.02.2024).

УДК 343.9

Богомолова Ксения Игоревна

кандидат юридических наук, доцент

Саратовская государственная юридическая академия

г. Саратов, Российская Федерация

Vogomolova-kseniya@mail.ru

Марков Владислав Валерьевич

студент, Саратовская государственная юридическая академия

г. Саратов, Российская Федерация

juane2014@mail.ru

**К вопросу совершенствования мер предупреждения преступлений,
совершаемых сотрудниками правоохранительных органов**

***Аннотация.** Выступая носителями властных полномочий, сотрудники правоохранительных органов зачастую становятся субъектами преступлений, посягающих на различные уголовно-охраняемые объекты. Проблему предупреждения преступлений совершаемых правоохранительными органами можно отнести к одной из наиболее важных, которая, несомненно, вызывает неподдельный интерес, как в практической деятельности, так и в научной, что обусловлено наличием разнообразных факторов. В первую очередь, следует отметить, что результатом преступлений является снижение значимости и авторитета всех правоохранительных органов. Сложившаяся практика злоупотребления и превышения полномочий должностными лицами приводит к формированию у граждан представлений*

о допустимости форм поведения, которые запрещены законом, со стороны представителей правоохранительных органов. В настоящее время превышение и злоупотребление полномочиями правоохранительных органов относятся к числу наиболее распространенных должностных преступлений. Хотя российское уголовное законодательство предпринимает постоянные попытки осуществления борьбы с должностными преступлениями, наличие в нем пробелов, а также неточностей в толковании норм права, все больше приводит к снижению эффективности такой борьбы.

Ключевые слова: проблемы предупреждения преступлений, криминология, служебные преступления, правоохранительные органы, превышение должностных полномочий.

Bogomolova Ksenia Igorevna

associate professor, candidate of legal sciences, associate professor of the Department of Prosecutor's supervision and criminology
Saratov State Law Academy
Saratov, Russian Federation

Markov Vladislav Valerievich

student, Saratov State Law Academy
Saratov, Russian Federation

Modern problems of improving measures to prevent crimes committed by law enforcement officers

***Annotation:** Acting as bearers of authority, law enforcement officers often become subjects of crimes encroaching on various criminally protected objects. The problem of preventing crimes committed by law enforcement agencies can be attributed to one of the most important, which undoubtedly causes genuine interest, both in practice and in science, due to the presence of various factors. First of all, it should be noted that the result of crimes is a decrease in the importance and authority of all law enforcement agencies. The current practice of abuse and abuse of authority by officials leads to the formation of ideas among citizens about the permissibility of forms of behavior that are prohibited by law on the part of law enforcement officials. Currently, exceeding and abusing the powers of law enforcement agencies are among the most common official crimes. Although Russian criminal legislation makes constant attempts to combat official crimes, the presence of gaps in it, as well as inaccuracies in the interpretation of legal norms, increasingly leads to a decrease in the effectiveness of such a fight.*

***Keywords:** problems of crime prevention, criminology, official crimes, law enforcement agencies, abuse of power.*

В настоящее время превышение и злоупотребление полномочиями правоохранительных органов относятся к числу наиболее распространенных должностных преступлений, совершаемых сотрудниками правоохранительных органов наряду со взяточничеством. Хотя российское уголовное законодательство предпринимает постоянные попытки осуществления борьбы с должностными преступлениями, все больше развивается тенденция снижения эффективности таких мер.

Преступления, совершаемые в органах правопорядка, наносят ущерб репутации этих структур и влияют на уровень доверия к ним со стороны граждан. Изучение статистических данных проливает свет на закономерности и харак-

терные черты этих непропорциональных действий. Отчеты самих правоохранительных структур помогают определить сколько совершается преступлений сотрудниками определенных силовых структур. К примеру, из обзора преступлений, зафиксированных в 2023 году, выясняется, что близко к трети зарегистрированных преступлений связаны с работниками МВД РФ, которые составляют 29,8 %. За ними следуют сотрудники ФСИН с 9,6 % и ФССП с 6,4 %. Среди всех инцидентов, связанных с правонарушениями со стороны сотрудников ведомств, эти показатели являются одними из самых низких [1].

В числе факторов, способствующих преступлениям в рядах правоохранительных органов, выделяются следующие: несовершенство регулятивных механизмов внутри силовых структур, психологическое и физическое напряжение, связанное с их профессиональной деятельностью, а также недостаточная квалификация и подготовленность сотрудников. Кроме того, на действия правоохранителей могут влиять и внешние социальноэкономические обстоятельства, которые иногда способствуют их склонности к нарушениям закона.

А. Н. Игнатов подчеркивает, что недостаточный контроль руководством и неэффективные меры воздействия за проступки являются одними из главных факторов, которые ведут к преступлениям среди сотрудников правоохранительной сферы [3, с. 343]. Ощущение безнаказанности и сверхзащищенности в рядах таких сотрудников способствует распространению коррупционных действий и других видов противоправных деяний.

М. И. Марьин, А. В. Буданов и С. Е. Борисова обращают внимание на особенности службы в органах внутренних дел, такие как непредсказуемость, повышенная ответственность, необходимость взаимодействия с различными категориями граждан, психические и физические нагрузки, а также рискованность [4, с. 8]. Эти факторы часто приводят к профессиональной деформации личности сотрудника, которую они определяют как изменение профессиональных способностей и характера сотрудника в антиобщественном направлении, возникающее из-за негативных аспектов содержания, организации и условий служебной деятельности. Профессиональная деформация может привести к противоправному поведению.

Исследователи связывают вероятность профессиональной деформации у сотрудников органов внутренних дел со стажем службы. Они оценивают, что до 5 лет службы вероятность профессиональной деформации незначительна, от 6 до 10 лет – средняя, от 11 до 15 лет – высокая или очень высокая, а после 15 лет практически неизбежна.

Процесс улучшения методов контроля внутренней дисциплины в правоохранительных органах включает в себя несколько ключевых аспектов. Во-первых, необходимо четко разграничивать виды правонарушений, начиная от тех, что затрагивают репутацию служащего и серьезные коррупционные действия и преступления. Во-вторых, следует детально разработать процедуру для проведения служебных расследований, включая точные критерии, когда такое расследование является обязательным, а также определение вопросов, которые необходимо прояснить: например, побуждения правонарушителя, характеристику его личности, и факторы, которые могут привести к административ-

ной или уголовной ответственности, а также обстоятельства, которые могут оправдать или уменьшить наказание.

Стоит также согласиться с мнением Н. М. Тагаева, который указывает на необходимость укрепления мер борьбы с действиями, которые предшествуют преступлению, среди работников полиции. Он предлагает, в частности, ужесточить перечень серьезных нарушений, добавив в него такие пункты, как исполнение незаконных приказов [2, с. 129], игнорирование установленных процедур при охране порядка и безопасности, а также отсутствие со стороны руководителей должных реакций на проступки подчиненных.

Проанализировав различных авторов, мы можем сделать определенные выводы, такие как:

– причины существования преступности не следует сводить к сумме негативных социальных факторов (экономических, идеологических, культурно-воспитательных и других). Они скорее представляют собой комплекс причин индивидуальных преступных действий, вытекающих из стремления отдельных лиц удовлетворить свои потребности и интересы через совершение преступлений;

– действия, противоречащие закону, среди работников органов правопорядка часто обусловлены двумя ключевыми аспектами. В первую очередь, у некоторых из них отмечается отсутствие этических норм и морали, что может стать толчком к участию в незаконной деятельности. Во-вторых, влияние со стороны коллег или вышестоящих лиц может привести к пренебрежению законодательством;

– на сегодняшний день такое явление, как преступность сотрудников органов внутренних дел, является неизученным, отсутствует всеобъемлющее понятие преступности сотрудников органов внутренних дел, не раскрыты причины (в том числе психологические, семейные, ментальные, корпоративные) преступного поведения указанных лиц.

СПИСОК ИСПОЧНИКОВ

1. Состояние преступности // Официальный сайт МВД России. URL: <https://мвд.рф/reports?ysclid=lt84bk7bmp702459998> (дата обращения: 04.03.2024).

2. Гиззатуллин Р. Р. Характеристика причин и профилактика совершения преступлений сотрудниками полиции // Вестник Самарского юридического института. 2017. № 1(23). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/harakteristika-prichin-i-profilaktika-soversheniya-prestupleniy-sotrudnikami-politsii> (дата обращения: 01.04.2024).

3. Игнатов А. Н. Факторы детерминации коррупционных преступлений сотрудников органов внутренних дел // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. 2019. № 3. С. 342–351. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/factory-determinatsii-korruptsionnyh-prestupleniy-sotrudnikov-organov-vnutrennih-del> (дата обращения: 21.03.2024).

4. Профилактика профессиональной деформации личности сотрудника органов внутренних дел : метод. пособие / Марьин М. И., Буданов А. В., Петров В. Е., Борисова С. Е., Такасаева К. Р., Адаев А. И. ; под общ. ред. В. М. Бурыкина. М. : ИМЦ ГУК МВД России, 2004. С. 70.

УДК 342.9

Борисова Надежда Федоровна

старший преподаватель

Московский университет имени С. Ю. Витте

Нижегородский филиал

Нижний Новгород, Российская Федерация

borisova.nadez@mail.ru

Борисова Ольга Олеговна

старший преподаватель

Московский университет имени С. Ю. Витте

Нижегородский филиал

Нижний Новгород, Российская Федерация

olga_87-63@mail.ru

**Проблемные вопросы порядка рассмотрения дел
о помещении несовершеннолетних
в специальные учебно-воспитательные учреждения закрытого типа**

Аннотация: В статье рассматриваются проблемные вопросы правового регулирования применения к несовершеннолетним мер воспитательно-профилактического воздействия в виде помещения в специальные учебно-воспитательные учреждения закрытого типа. Выявив проблемы применения данной меры, высказываются предложения по их устранению. Учитывая, что значительная часть проблемных вопросов связана с неудачной законодательной регламентацией рассмотрения вопросов помещения в специальные учреждения, в статье высказываются предложения по совершенствованию действующего законодательства.

Ключевые слова: несовершеннолетний, преступление, общественно-опасное деяние специальное учебно-воспитательное учреждение, административное судопроизводство.

Borisova Nadezhda Fedorovna

senior lecturer, Moscow University

named after S. Yu. Witte

Nizhny Novgorod branch

Nizhny Novgorod, Russian Federation

Borisova Olga Olegovna

senior lecturer, Moscow University

named after S. Yu. Witte

Nizhny Novgorod branch

Nizhny Novgorod, Russian Federation

Problematic issues of the procedure for considering cases of placement of minors in special closed educational institutions

***Annotation:** The article discusses problematic issues of legal regulation of the application of educational and preventive measures to minors in the form of placement in special closed educational institutions. Having identified problems with the application of this measure, proposals are made to eliminate them. Considering that a significant part of problematic issues are associated with unsuccessful legislative regulation of consideration of issues of placement in special institutions, the article makes proposals for improving the current legislation.*

***Keywords:** minor, crime, socially dangerous act, special educational institution, administrative proceedings.*

Физическая и умственная незрелость несовершеннолетних диктует такую законодательную регламентацию их ответственности за совершенные ими преступления и общественно-опасные деяния, которая учитывала бы эти особенности. Одним из специальных видов освобождения от наказания, применяемых только к лицам в возрасте от 14 до 18 лет, является освобождение от наказания с применением принудительной меры воспитательного воздействия – помещением в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа (далее – СУВУЗТ).

Возможность направления в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа предусматривается и для несовершеннолетних, совершивших общественно-опасные деяния и не достигшие возраста привлечения к уголовной ответственности. Одним из оснований помещения несовершеннолетних в обоих случаях являлось предупреждение совершения повторных правонарушений и общественно опасных деяний, осуществляемых в специальных педагогических условиях.

Нормы законодательства, регулирующего вопросы направления в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа несовершеннолетних, содержатся в Федеральном законе от 24.06.1999 № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» (ст. 15) [1], в уголовном законодательстве (ч. 2 ст. 92 УК РФ) [2], уголовно-процессуальном законодательстве (ст. 427, ст. 430–432 УПК РФ) [3], административно-процессуальном законодательстве (ст. 285.13–285.19 КАС РФ) [4]. Следовательно, можно констатировать о межотраслевом характере рассматриваемого института.

Общими условиями для помещения в СУВУЗТ являются:

- 1) возраст несовершеннолетнего – от 11 до 18 лет;
- 2) установление судом определенных обстоятельств, а именно нуждаемости несовершеннолетнего в особых условиях воспитания, обучения и требующих специального педагогического подхода.

Анализ законодательства позволяет сделать вывод, что в СУВУЗТ могут быть направлены несовершеннолетние, совершившие общественно-опасные деяние, но не достигшие возраста привлечения к уголовной ответственности. Несовершеннолетние, совершившие преступление и признанные судом виновными с вынесением обвинительного приговора, но освобожденные от наказа-

ния, также направляются в специальные учреждения. Применение данной меры к обеим категориям несовершеннолетних продиктовано, в первую очередь, заботой и защитой от дальнейшей криминализации, изъятию из асоциальной среды, формированию уважительного отношения к нормам права, воспитанию законопослушного поведения.

В тоже время процессуальные положения порядка направления двух категорий значительно разнятся. Следует согласиться с Р. В. Новиковым, что сейчас параллельно существуют два порядка помещения несовершеннолетних в СУВУЗТ, дифференциация которых проводится в зависимости от возраста несовершеннолетнего и его возможности нести уголовную ответственность [5, с. 89].

Основанием для помещения в СУВУЗТ несовершеннолетних, совершивших преступное деяние, но не подлежащих уголовной ответственности является решение суда, вынесенного в рамках административного судопроизводства (глава 31.3 КАС РФ). Для другой категории несовершеннолетних, в возрасте от 14 до 18 лет, признанным виновными в совершении преступления средней тяжести, а также тяжкого преступления, но освобожденными от наказания на основании ч. 2 ст. 92 УК РФ, является обвинительный приговор суда в соответствии со ст. 432 УПК РФ.

В юридической науке одним из спорных вопросов является определение правовой природы принудительных мер воспитательного воздействия. Л. С. Аюбов приходит к выводу о схожести этой меры с реальным лишением свободы, так как воспитательное воздействие осуществляется в принудительном воспитательном порядке [6, с. 171]. К. Н. Неткачев обозначает данную меру как на форму реализации уголовной ответственности, применяемую вместо наказания [7, с. 89].

Р. М. Кашапов и В. Г. Надарян полагают, что принудительные меры воспитательного воздействия являются альтернативой мерам уголовно-правового воздействия [8, с. 124]. Р. В. Новиков считает, что помещение в СУВУЗТ следует относить к мерам уголовно-правового характера, применяемым при освобождении несовершеннолетнего от наказания [5, с. 88]. Авторы согласны с этой позицией. Но возникает вопрос о правовой природе помещения в специальное учреждение первой категории лиц. Так как эти несовершеннолетние не являются субъектами уголовно-правовых отношений, то и уголовно-правовыми мерами их считать нельзя. В. А. Терентьева называет их принудительными государственными мерами, и рассматривает отличия в применении процедур помещения в СУВУЗТ.

Процессуальные противоречия и несогласованность норм помещения несовершеннолетних в СУВУЗТ привели к тому, что в правоприменительной деятельности данная мера применяется достаточно редко.

Федеральным законом от 21.11.2022 года № 445-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации и Федеральный закон «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних»» в кодекс административного судопроизводства была введена глава 31.3 «Производство по административным

делам, связанным с пребыванием несовершеннолетнего в специальном учебно-воспитательном учреждении закрытого типа» [9].

Право обращения с административным иском о помещении несовершеннолетнего в учебное учреждение закрытого типа предоставлено органам внутренних дел или прокурору. Очевидно, что данное положение правильно, ибо органы внутренних дел обеспечивают профилактику безнадзорности несовершеннолетних и совершения ими правонарушений путем применения административных мер, а прокурор призван осуществлять защиту интересов несовершеннолетнего, что отвечает положениям ч. 1 ст. 39 КАС РФ.

Законодатель не наделяет процессуальным статусом административного истца комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав. Хотя данные комиссии являются координирующим органом среди других системы профилактики безнадзорности правонарушений и несовершеннолетних (ст. 4 ФЗ 120–99) [1]. Постановление КДН и ЗП, содержащее ходатайство о направлении несовершеннолетнего в СУВУЗТ, предоставляется в суд в качестве обязательного документа. Очевидно, что право обращения в суд с заявлением о помещении несовершеннолетнего в специальное учреждение должно быть предоставлено законом и комиссиям по делам несовершеннолетних и их прав.

Непосредственно сам несовершеннолетний, его законные представители не могут быть инициаторами административных исковых заявлений о помещении в СУВУЗТ, в данном случае несовершеннолетнему отведена роль административного ответчика.

Срок подачи административного искового заявления законодателем ограничен. Только в течение месяца со дня вынесения постановления о прекращении уголовного дела в отношении указанного несовершеннолетнего или об отказе в его возбуждении возможно обращение в суд. Сразу возникает вопрос: возможно ли продление пропущенного срока по каким-либо причинам?

На практике может возникнуть ситуация длительного прохождения медицинского освидетельствования, медицинского освидетельствования в стационаре, прохождения назначенного лечения. Несовершеннолетний преднамеренно может затягивать прохождение медицинской комиссии, или скрыться с места жительства или места пребывания. Положительно можно оценить позицию законодателя о возможности вынесения судебного решения о проведении медицинского освидетельствования несовершеннолетнего в недобровольном порядке (ч. 8 ст. 285.13 КАС РФ). В результате рассмотренных ситуаций срок подачи заявления административным истцом может быть утрачен.

Возможно, в данной ситуации было бы обоснованное установление дополнительного срока для обращения в суд. В ситуациях, когда в отношении несовершеннолетнего лица вынесено несколько постановлений о прекращении уголовного дела или об отказе в его возбуждении, срок обращения исчисляется со дня последнего вынесенного постановления.

При удовлетворении административного искового заявления о помещении несовершеннолетнего в СУВУЗТ суд в резолютивной части решения должен указать только срок содержания в данном учреждении. Доставка в СУВУЗТ осуществляется сотрудниками центра временного содержания для

несовершеннолетних правонарушителей органов внутренних дел. Законодателем срок пребывания в центре временного содержания для его доставления в учебное учреждение закрытого типа не установлен в КАС РФ. Н. А. Бурашникова, рассматривая спорные вопросы правовой регламентации помещения в ЦВСНП и СУВЗУТ, отмечает, что при помещении в ЦВСНП несовершеннолетний помещается в условия, в которых ограничивается его право на свободу на основании судебного решения [10, с. 50]. Авторы солидарны с ученым и предлагают законодательно определить точный срок такого помещения, например, установить не более 30 дней.

При вынесении обвинительного приговора в отношении несовершеннолетних, подлежащих уголовной ответственности, и с освобождением от наказания в соответствии с ч. 2 ст. 92 УК РФ на основании ст. 432 УПК РФ, законодатель в уголовно-процессуальном законодательстве не предусматривает указания на помещение подростка в ЦВСНП для его доставления в специальное учреждение. При этом закон дает возможность суду решать вопросы, связанные с досрочным прекращением, продлением или восстановлением срока пребывания несовершеннолетнего, освобожденного от наказания с направлением в СУВУЗТ, но уже в рамках административного судопроизводства.

При обращении к ст. 22 ФЗ 120-99 констатируем, что основанием помещения в ЦВСНП для таких лиц является приговор суда. Но, исходя из содержания ч.2 ст.285 КАС РФ обращение с административным иском о помещении в ЦВСНП этой категории несовершеннолетних обязательно. Следовательно, для несовершеннолетних, освобожденных от наказания, процедура помещения в СУВУЗТ осуществляется в рамках и уголовно-процессуального, и административного законодательства. Усложнение процедуры направления в ЦВСНП для доставления в специальное учреждение может сказаться на эффективности применяемой меры.

Поскольку несовершеннолетний помещается в условия, в которых ограничивается его права на свободу передвижения, жить и воспитываться в семье и т. п., но только на основании судебного решения, законодателем предусмотрена возможность обжалования вынесенного решения. Данное право предоставлено лицам, которые являются участниками в административном деле, и административному ответчику – несовершеннолетнему, достигшему возраста четырнадцати лет. Обжалование осуществляется по общим правилам КАС. Принимая во внимание, что дела данной категории рассматриваются в сокращенный срок, учитывая возрастные особенности административных ответчиков, а также то обстоятельство, что указанные административные дела непосредственно связаны с ограничением свободы, как уже было сказано выше, представляется обоснованным указание в резолютивной части решения на право обжалования судебного акта лицами, участвующими в деле, в течение десяти дней со дня принятия решения суда в окончательной форме.

Обобщая изложенное, следует отметить, что, несмотря на нормативно-правовое закрепление порядка о помещении несовершеннолетних в специальные учебно-воспитательные учреждения закрытого типа, есть ряд существенных проблемных вопросов, снижающих эффективность судебной и правоохрани-

менительной деятельности. Устранение недостатков позволит в большей степени защитить законные права и интересы самих несовершеннолетних и одновременно будет способствовать правильному и единообразному рассмотрению судами данной категории дел.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Федеральный закон «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» от 24.06.1999 № 120-ФЗ. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_ (дата обращения: 31.03.2024).

2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (в ред. от 23.03.2024). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_/ (дата обращения: 31.03.2024).

3. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (в ред. от 23.03.2024). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_/ (дата обращения: 31.03.2024).

4. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 08.03.2015 № 21-ФЗ (в ред. от 14.02.2024). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_/ (дата обращения: 31.03.2024).

5. Новиков Р. В. Помещение несовершеннолетнего в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа: вопросы правового регулирования и правоприменения // Вестник Пермского института ФСИН России. 2023. № 3(50). С. 87–44.

6. Аюбов Л. С. Некоторые проблемы освобождения несовершеннолетнего от уголовной ответственности с применением принудительных мер воспитательного воздействия // Молодой ученый. 2020. № 48(338). С. 170–172.

7. Неткачев К. Н. Принудительные меры воспитательного воздействия как форма реализации уголовной ответственности // Актуальные проблемы борьбы с преступностью в Сибирском регионе. Красноярск : Изд-во Сиб. юрид. ин-та МВД России, 2003. Ч. 1. С. 207–210.

8. Кашапов Р. М., Надарян В. Г. Об освобождении от уголовной ответственности несовершеннолетнего с применением принудительных мер воспитательного воздействия // Актуальные проблемы борьбы с преступностью в Дальневосточном регионе. Хабаровск : Изд-во Дальневост. юрид. ин-та МВД РФ, 2005. С. 118–124.

9. Федеральный закон от 21.11.2022 года № 445-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации и Федеральный закон «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних»). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_/ (дата обращения: 31.03.2024).

10. Бурашникова Н. А. Порядок рассмотрения дел о помещении несовершеннолетних в центры временного содержания для несовершеннолетних правонарушителей: проблемы правового регулирования // Российское правосудие. 2019. № 1. С. 47–55.

Богданова Екатерина Ильинична

ассистент кафедры теории и истории государства и права

Костромской государственной университет

г. Кострома, Российская Федерация

ei_bogdanova@ksu.edu.ru

Проблемные вопросы практической реализации правозащитной функции государства при совершении нотариусом действий, направленных на обеспечение доказательств

Аннотация: В статье раскрывается правозащитная функция нотариата, реализуемая путем совершения нотариальных действий, среди которых закон предусматривает обеспечение доказательств нотариусом. Автором указывается на недостаточность правового регулирования указанного нотариального действия. Отмечается, что в процессуальном законодательстве отсутствуют нормы, посвященные данному нотариальному действию. Автор указывает, что положения Основ законодательства Российской Федерации о нотариате не позволяют однозначно ответить на вопрос, когда нотариус может осуществить данное нотариальное действие. Помимо недостаточности правового регулирования, в статье отмечается необоснованность ограничения возможности обеспечения доказательств нотариусом лишь периодом времени до начала судебного или административного производства. На основе анализа судебной практики, положений законодательства автором предлагается внесение изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации.

Ключевые слова: нотариат, нотариус, нотариальное действие, правозащитная функция, обеспечение доказательств.

Bogdanova Ekaterina Ilyinichna

assistant of the department of theory

and history of state and law

Kostroma State University

Kostroma, Russian Federation

Problematic issues of practical implementation of the human rights function of the state when performing actions by a notary aimed at providing evidence

Annotation: The article reveals the human rights function of the notary, implemented by performing notarial actions, among which the law provides for the provision of evidence by a notary. The author points out the insufficiency of legal regulation of the specified notarial action. It is noted that in the procedural legislation there are no norms dedicated to this notarial action. The author points out that the provisions of the Fundamentals of the legislation of the Russian Federation on notaries do not allow for an unambiguous answer to the question when a notary can perform this notarial action. In addition to the insufficiency of legal regulation, the article notes the unreasonableness of limiting the possibility of providing evidence by a notary only for a period of time before the start of judicial or administrative proceedings. Based on the analysis of judicial practice and legislative provisions, the author proposes amendments to certain legislative acts of the Russian Federation.

Keywords: notary, notary, notarial action, human rights function, providing evidence.

Институт нотариата имеет большое значение в реализации правозащитной функции государства. Согласно ст. 1 Основ законодательства Российской Федерации о нотариате от 11 февраля 1993 года № 4462-1 важнейшей целью нотариальной деятельности является защита прав и законных интересов граждан, и юридических лиц путем совершения нотариусами предусмотренных законодательными актами нотариальных действий от имени Российской Федерации [4].

Одним из вопросов, связанных с реализацией правозащитной функции нотариата и выполнением им роли органа превентивного правосудия, является правовое регламентирование обеспечения доказательств нотариусом. В соответствии со ст. 102 Основ законодательства Российской Федерации о нотариате нотариус обеспечивает доказательства, необходимые в случае возникновения дела в суде или административном органе, если имеются основания полагать, что представление доказательств впоследствии станет невозможным или затруднительным. Согласно ст. 103 Основ в порядке совершения данного нотариального действия нотариус допрашивает свидетелей, производит осмотр письменных и вещественных доказательств, назначает экспертизу и руководствуется при этом гражданским процессуальным законодательством [4].

При этом формулировка ст. 102 Основ не позволяет однозначно ответить на вопрос, когда нотариус может осуществить данное нотариальное действие: когда дело в суде или административном органе уже возникло или когда имеется лишь потенциальная возможность его возникновения. Практика указывает на то, что принятие нотариусом мер по обеспечению доказательств возможно лишь тогда, когда в производстве суда или административного органа отсутствует дело, по которому необходимо обеспечить доказательства. Такой же позиции придерживается А. В. Бегичев, отмечая, что в противном случае нотариус будет обязан отказать в обеспечении доказательств, так как указанные меры должны будут приниматься судом или иным органом [1, с. 123].

Однако на практике возникают ситуации, когда граждане, обратившиеся к нотариусу, и сам нотариус полагают, что совершить рассматриваемое нами нотариальное действие можно и при наличии дела в производстве суда. Приведем примеры из судебной практики.

Центральный районный суд города Барнаула Алтайского края рассмотрел дело по иску о восстановлении на работе. Одним из доказательств, представленным стороной истца, были письменные пояснения свидетеля, удостоверенные нотариусом. Отметим, что согласно ч. 1 ст. 103 Основ законодательства Российской Федерации о нотариате нотариус вправе в рамках обеспечения доказательств допрашивать свидетелей. Однако указанное доказательство было признано недопустимым, поскольку, как отметил суд в своем решении от 17 мая 2019 г., основания для обеспечения доказательств в виде показаний свидетеля, заверенных нотариально, отсутствовали. Свидетель имела право явиться в судебное заседание для дачи показаний [7].

Аналогичная ситуация сложилась при рассмотрении гражданского дела об истребовании имущества, сельскохозяйственной техники, узлов, агрегатов

и запасных частей к ней из чужого незаконного владения Кромским районным судом Орловской области. В решении от 2 июля 2020 г. суд пришел к выводу, что протокол допроса свидетеля, произведенного нотариусом, не может являться надлежащим доказательством по делу, и в качестве пояснения привел п. 7 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 15 июня 2010 г. № 16 [5], в котором выражена позиция Верховного Суда о недопущении возможности обеспечения нотариусом доказательств по делам, находящимся в производстве суда [6].

Таким образом, отсутствие ясной формулировки нормы, закрепляющей условия, при которых нотариусу можно совершать действия, направленные на обеспечение доказательств, приводит к ее неверному пониманию. Как следствие, доказательства, полученные таким способом, признаются судами недопустимыми, а граждане, обратившиеся к нотариусу, несут расходы, которые можно было избежать. При этом ясность нормативно-правового акта является одним из самых существенных требований, предъявляемых к нему [11].

На недостаточность правовой регламентации данного нотариального действия указывает отсутствие положений о нем в гражданском и арбитражном процессуальном законодательстве. Как отмечает А. В. Бегичев, это является причиной, по которой легитимность обеспеченных нотариусом доказательств ставится под сомнение [1, с. 123]. Рассмотрим данную норму на примере гражданского процессуального законодательства.

Отметим, что в ранее действовавшем процессуальном законе была норма, посвященная обеспечению доказательств нотариусом. Согласно ст. 57 Гражданского процессуального кодекса РСФСР (утв. ВС РСФСР 11 июня 1964 г.) обеспечение доказательств до возникновения дела в суде производилось нотариальными органами. 18 декабря 1974 г. указанная статья была дополнена положением, согласно которому осуществлять данное нотариальное действие могли лишь государственные нотариальные органы. Необходимо отметить, что эта статья утратила силу лишь 1 февраля 2003 г. в связи с принятием ГПК РФ, а Основы законодательства Российской Федерации о нотариате начали действовать в первой редакции с 11 февраля 1993 г., следовательно, на момент принятия Основ рассматриваемое нами нотариальное действие было регламентировано процессуальным законодательством.

Кроме того, дополнительную неясность вносит то, что до 1 января 2015 г. ст. 102 Основ законодательства Российской Федерации о нотариате содержала ч. 2 следующего содержания: «нотариус не обеспечивает доказательств по делу, которое в момент обращения заинтересованных лиц к нотариусу находится в производстве суда или административного органа». В пояснительной записке к проекту федерального закона, с принятием которого это положение утратило силу, пояснение, с чем связано исключение данной нормы из закона, отсутствует [2].

Следует указать и на то, что еще в 2012 г. в письме «Об обеспечении нотариусом доказательств» Федеральная нотариальная палата отметила наличие пробелов процессуального регулирования обеспечения доказательств нотариусом [3]. За длительный период времени, прошедший с того момента, ситуация не была исправлена. В частности, указывалось, что лицо, которое обращается к нотариусу за обеспечением доказательств, имеет право в этот же день подать

в суд иск. Исходя из этого, «отсутствие соответствующего судебного или административного производства на определенную дату не может быть достоверно установлено на основании каких-либо официальных документов», что создает возможность отклонения указанных доказательств судом.

На сегодняшний день востребованность в обеспечении доказательств нотариусом возрастает. Если в 2019 г. было совершено 31 604 нотариальных действия по обеспечению доказательств, то в 2021 г. – 36 245, в 2022 г. – 37 072, в 2023 г. – 41 615 [10].

Поскольку обеспечение доказательств нотариусом совершается для дальнейшей возможности использования их в ходе судебного разбирательства или производстве в административном органе, считаем необходимым закрепить норму об этом нотариальном действии в процессуальном законодательстве. Представляется не совсем логичным, что в ст. 64 ГПК РФ «Обеспечение доказательств» в качестве органа, который вправе обеспечивать доказательства, указан лишь суд, в то время как нотариус обладает аналогичными полномочиями в рамках досудебного производства [9].

Кроме того, считаем необоснованным ограничивать возможность обеспечения доказательств нотариусом лишь периодом времени до начала судебного или административного производства. Нотариус обладает высокой квалификацией и глубокими познаниями в сфере права, несет личную ответственность за выполнение своих профессиональных обязанностей, что гарантирует качество и безопасность совершения нотариальных действий. Поскольку данное нотариальное действие предусмотрено законодательством и активно реализуется на практике, полагаем, что расширение временных рамок, в которые возможно обеспечение доказательств нотариусом, исключит возможные случаи признания таких доказательств недопустимыми, а также предоставит гражданам право выбирать более удобный и надежный, на их взгляд, способ защиты. Полагаем, это не может считаться «подменой» полномочий суда, поскольку, согласно ч. 2 ст. 67 ГПК РФ, никакие доказательства не имеют для суда заранее установленной силы. Таким образом, оценка представленных доказательств в любом случае будет производиться судом.

Предлагаем статью 64 ГПК РФ после слов «этих доказательств» дополнить словами:

«или обратиться к нотариусу с просьбой об их обеспечении»;

а также дополнить частью 2 следующего содержания:

«2. До возбуждения гражданского дела в суде заинтересованные лица вправе обратиться к нотариусу с просьбой об обеспечении доказательств, необходимых в случае возникновения дела в суде, если имеются основания полагать, что представление доказательств впоследствии станет невозможным или затруднительным».

Наряду с этим, представляется целесообразным, дополнить аналогичными положениями Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации (далее – АПК РФ) [8]. В частности, предлагаем часть 1 статьи 72 АПК РФ сформулировать следующим образом:

«Лица, участвующие в деле, имеющие основания опасаться, что представление в арбитражный суд необходимых доказательств станет невозможным или затруднительным, могут просить суд об обеспечении этих доказательств или обратиться к нотариусу с просьбой об их обеспечении.»; – а статью 72 АПК дополнить частью 5 следующего содержания:

«5. До возбуждения производства по делу в арбитражном суде заинтересованные лица вправе обратиться к нотариусу с просьбой об обеспечении доказательств, необходимых в случае возникновения дела в суде, если имеются основания полагать, что представление доказательств впоследствии станет невозможным или затруднительным».

Статью 102 Основ законодательства Российской Федерации о нотариате считаем необходимым после слов «или административном органе» дополнить словами «и при его возбуждении».

Таким образом, институт нотариата имеет большое значение в реализации правозащитной функции государства. Вместе с тем правовое регулирование совершения нотариусом действий, направленных на обеспечение доказательств, является, на наш взгляд, недостаточным. Поскольку обеспечение доказательств нотариусом совершается для дальнейшей возможности использования их в ходе судебного разбирательства или производстве в административном органе, мы считаем необходимым закрепление нормы об этом нотариальном действии в процессуальном законодательстве. При этом, полагаем, не стоит ограничивать возможность совершения данного нотариального действия периодом до возникновения дела в суде или административном органе.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Бегичев А. В. Основные положения обеспечения нотариусами доказательств // Образование и право. 2014. № 3–4. С. 120–127. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osnovnyie-polozheniya-obespecheniya-notariusami-dokazatelstv> (дата обращения: 05.04.2023).

2. Законопроект «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» № 558267-6 // Система обеспечения законодательной деятельности Государственной автоматизированной системы «Законотворчество» : официальный сайт. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/558267-6> (дата обращения: 06.04.2023).

3. Об обеспечении нотариусом доказательств: письмо Федеральной нотариальной палаты от 13.01.2012 № 12/06-12 // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_128864/ (дата обращения: 17.05.2023).

4. Основы законодательства Российской Федерации о нотариате : Закон от 11 февраля 1993 № 4462-1 (ред. от 24.07.2023) : утвержден Верховным Советом Российской Федерации 11 февраля 1993 года // Информационно-правовая система «Законодательство России». URL: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 03.06.2024 г.).

5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.06.2010 г. № 16 (ред. от 09.02.2012) «О практике применения судами Закона Российской Феде-

рации „О средствах массовой информации“» // СПС «КонсультантПлюс». URL: [https://www.consultant.ru/document /cons_doc_LAW_101401/](https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_101401/) (дата обращения: 06.04.2023).

6. Решение Кромского районного суда Орловской области от 02.07.2020 № 2-2-3/2020 // Судебные и нормативные акты РФ : сайт. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/YscuXmTgcwYV/> (дата обращения: 05.04.2023).

7. Решение Центрального районного суда г. Барнаула Алтайского края от 17.05.2019 № 2-3462/2019 // Судебные и нормативные акты РФ: сайт. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/PLmpUEIdtJV5/> (дата обращения: 05.04.2023).

8. Российская Федерация. Законы. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации : АПК : текст с изменениями и дополнениями на 29 мая 2024 года : принят Государственной Думой 14 июня 2002 года : одобрен Советом Федерации 10 июля 2002 года // Информационно-правовая система «Законодательство России». URL: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 03.06.2024).

9. Российская Федерация. Законы. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации : ГПК : текст с изменениями и дополнениями на 06 апреля 2024 года : принят Государственной Думой 23 октября 2002 года : одобрен Советом Федерации 30 октября 2002 года // Информационно-правовая система «Законодательство России». URL: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 03.06.2024).

10. Сведения о нотариате в Российской Федерации // Министерство Юстиции РФ : официальный сайт. URL: [https://minjust.gov.ru/ru/activity /statistic/](https://minjust.gov.ru/ru/activity/statistic/) (дата обращения: 03.06.2024).

11. Скитович В. В. Проблема ясности закона в доктрине и кодификационной деятельности // Вестник РЭА им. Г. В. Плеханова. 2014. № 3(69). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problema-yasnosti-zakona-v-doktrine-i-kodifikatsionnoy-deyatelnosti> (дата обращения: 06.04.2023).

УДК 342.95

Лукоянов Денис Николаевич

кандидат юридических наук, доцент

Костромской государственной университет

г. Кострома, Российская Федерация

dn_lukojanov@ksu.edu.ru

Административная ответственность за нарушение порядка рассмотрения обращений граждан

Аннотация: В настоящей статье исследуется административная ответственность за нарушение порядка рассмотрения обращений граждан, анализируется законодательная конструкция состава административного правонарушения и практика его применения. Отмечается, что в связи с тем, что правовая норма, закрепленная в ст. 5.59 Кодекса

Российской Федерации об административных правонарушениях, является бланкетной, в правоприменительной практике возникает немало вопросов при квалификации соответствующих деяний. Автор приходит к выводу о необходимости изменения редакции ст. 5.59 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях.

Ключевые слова: обращения граждан, административная ответственность, публично значимые функции.

Lukoyanov Denis Nikolaevich

candidate of law, associate professor

Kostroma State University

Kostroma, Russian Federation

Administrative responsibility for violation of the procedure for considering citizens' appeals

Annotation: This article examines administrative responsibility for violating the procedure for considering citizens' appeals, analyzes the legislative structure of an administrative offense and the practice of its application. It is noted that due to the fact that the legal norm enshrined in art. 5.59 of the Code of the Russian Federation on Administrative Offences is blanket; in law enforcement practice, many questions arise when qualifying the relevant acts. The author comes to the conclusion that it is necessary to change the wording of art. 5.59 of the Code of the Russian Federation on Administrative Offences.

Keywords: citizens' appeals, administrative responsibility, publicly significant functions.

Право на обращение в органы публичной власти является одним из важнейших конституционных прав, закрепленных в ст. 33 Конституции Российской Федерации [1] (далее – Конституции РФ). На особую значимость данного конституционного права указал Конституционный Суд Российской Федерации [4], который отметил, что «поскольку признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина составляют обязанность государства, реализация этих прав и свобод обуславливает необходимость взаимодействия с органами публичной власти». Право граждан на обращение в органы публичной власти является «одной из форм их участия в управлении делами государства и в местном самоуправлении, инструментом взаимодействия личности и публичной власти и потому в силу статей 2, 15, 17, 18 и 45 Конституции РФ должно обеспечиваться законодателем, который обязан установить эффективный механизм его реализации и защиты» [3].

Порядок реализации права на обращение в органы публичной власти, а также гарантии его использования закреплены в Федеральном законе от 02.05.2006 № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» [3] (далее – Закон о порядке рассмотрения обращений граждан). До принятия данного закона действовал Указ Президиума ВС СССР от 12.04.1968 № 2534-VII «О порядке рассмотрения предложений, заявлений и жалоб граждан».

Одной из гарантий реализации данного права является установление административной ответственности за его нарушение, которая была введена в 2011 году: ст. 5.59 Кодекса Российской Федерации об административных пра-

вонарушениях [2] (далее – КоАП РФ). Статистика за последние годы свидетельствует о достаточно стабильно высоком количестве совершаемых правонарушений. Так, судами общей юрисдикции за 2020 год рассмотрено 5960 дел об административных правонарушениях, возбужденных по ст. 5.59 КоАП РФ, за 2021 год – 7016 дел, за 2022 год – 6819 дел, за 2023 год – 7562 дел. Следует учесть, что данные правонарушения приходятся, прежде всего, на государственные органы и органы местного самоуправления, осуществляющие свою деятельность на профессиональной основе и предназначенные для обеспечения реализации и защиты прав и свобод граждан.

За совершение исследуемого административного правонарушения санкцией статьи предусмотрено административное наказание в виде административного штрафа в размере от пяти до десяти тысяч рублей. Однако в силу положений ст. 4.1.1 КоАП РФ административный штраф может быть заменен на предупреждение. Согласно судебной статистике за последние годы суды стали чаще назначать административное наказание в виде предупреждения: если в 2020 году – по 91 делу, то в 2022 году – по 558 делам, в 2023 году – по 1003 делам.

Диспозиция ст. 5.59 КоАП РФ устанавливает, что административная ответственность наступает за нарушение установленного законодательством Российской Федерации порядка рассмотрения обращений граждан, объединений граждан, в том числе юридических лиц, должностными лицами государственных органов, органов местного самоуправления, государственных и муниципальных учреждений и иных организаций, на которые возложено осуществление публично значимых функций. Специальными, по отношению к данному составу административного правонарушения, являются составы правонарушений, предусмотренные статьями 5.39 и 5.63 КоАП РФ.

Правовая норма, устанавливающая административную ответственность за нарушение порядка рассмотрения обращений граждан, является бланкетной, что предполагает закрепление отдельных ее элементов, указывающих на признаки объективной стороны правонарушения, в других нормативных правовых актах. Такая конструкция создает определенные сложности для правоприменителя при квалификации соответствующего деяния, учитывая, что сам по себе порядок рассмотрения обращений граждан предполагает ряд последовательно сменяющих друг друга действий при соблюдении установленных для такой процедуры сроков.

В статье 5.59 КоАП РФ закреплено, что административная ответственность наступает за «нарушение установленного законодательством Российской Федерации» порядка рассмотрения обращений граждан. Такая законодательная формулировка вызывает вопросы, идет ли речь только о Федеральном законе «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» или должны также учитываться положения и иных нормативных правовых актов, как федеральных законов, так и подзаконных актов? В научной литературе авторы также задаются вопросом, а может ли наступать административная ответственность по данной статье за нарушение положений, установленных законами субъектов Российской Федерации [8, с. 21]. Представляется, что следует ис-

ходить из тех процедур и правил, которые установлены Федеральным законом «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации», так как, во-первых, в ст. 5.59 КоАП РФ речь идет о законодательстве Российской Федерации, а не субъектов Российской Федерации; во-вторых, указанный закон предусматривает реализацию соответствующего конституционного права, закрепляет соответствующие гарантии.

Другой проблемой, связанной с применением ст. 5.59 КоАП РФ, стало толкование указанного в диспозиции правовой нормы данной статьи положения о том, что административная ответственность наступает за нарушение «порядка рассмотрения». В научной литературе справедливо затрагивается вопрос о том, как следует понимать приведенные положения. В частности, идет ли речь о нарушении только порядка рассмотрения, т. е. установленной законом процедуры, или предполагается любое допущенное при рассмотрении обращений граждан нарушение Федерального закона «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации». А. М. Багмет и Е. И. Бычкова пишут, что «за формальный подход к рассмотрению обращений граждан в действующем законодательстве не предусмотрена ответственность, что является упущением. Административная ответственность предусматривается законодателем только за нарушение порядка рассмотрения обращений...» [6, с. 42]. С учетом этого, ими предлагается в ст. 5.59 КоАП РФ закрепить положение, по которому «ответственность будет наступать в том числе и за ненадлежащее качество и неполноту рассмотрения обращений граждан, за формальный подход». Стоит согласиться с авторами, что из диспозиции правовой нормы не следует, может ли наступать административная ответственность не только за нарушение самой процедуры, но и за ненадлежащий с точки зрения содержания ответ на обращение. В этой ситуации следует исходить из того, что одним из принципов рассмотрения обращений граждан является объективное, всестороннее и своевременное рассмотрение обращения (п. 1 ч. 1 ст. 10 Закона о порядке рассмотрения обращений граждан).

В науке и практике применения положений ст. 5.59 КоАП РФ возникают и другие вопросы. Например, как квалифицировать ситуацию, когда при рассмотрении одного обращения допущено несколько нарушений положений Закона о порядке рассмотрения обращений граждан, которые имели место быть на разных стадиях производства, как при регистрации, сроках рассмотрения, так и в части содержания самого обращения. Судебная практика в этой части разная. Имеют место быть примеры, когда суд указывал, что каждый факт нарушения образует отдельный состав административного правонарушения.

Непростым для правоприменителя является определение того, что следует понимать под публично значимыми функциями, о которых говорится в ст. 5.59 КоАП РФ и Законе о порядке рассмотрения обращений граждан. На данный момент вопрос о том, осуществляет та или иная организация публично значимые функции, разрешается на основе разъяснений Конституционного Суда РФ в своих судебных актах, а также на основе решений вышестоящих судов.

Следует обратить внимание, что степень общественной опасности (общественной вредности) деяний, квалифицируемых в качестве административных

правонарушений, предусмотренных ст. 5.59 КоАП РФ, может быть различна. К примеру, в одном случае гражданину может и вовсе не быть дан ответ или это может быть сделано спустя два месяца, в другой ситуации может иметь место незначительное превышение срока регистрации обращения, немедленное исполнение обращения, когда письменный ответ не направлен гражданину или направлен, но в более поздний срок. Однако в ст. 5.59 КоАП РФ это не учитывается, диспозиция бланкетная. В научной литературе справедливо поднимается вопрос о том, а нужно ли дифференцировать противоправные деяния, посягающие на охраняемые ст. 5.59 КоАП РФ общественные отношения в зависимости от их степени общественной опасности [9]. Так, Д. М. Лифанов предлагает дополнить главу 5 КоАП РФ двумя статьями, предусматривающими отдельно административную ответственность за «ненаправление ответа на обращение граждан» и за «нарушение сроков рассмотрения обращений граждан» [7, с. 56–57]. Данная проблема ранее поднималась и в Государственной Думе. Так, Комитет Государственной Думы по конституционному законодательству и государственному строительству 7 февраля 2013 г. подготовил заключение на законопроект № 191991-6 «О внесении изменений в статью 5.59 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях и статьи 1 и 2 Федерального закона «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации», в котором указал, что считает, что в ходе дальнейшей работы над текстом законопроекта целесообразно рассмотреть вопрос о возможности уточнения состава предлагаемого административного правонарушения [5]. В юридической литературе неоднократно обращалось внимание на то, что приведенное замечание профильного Комитета Государственной Думы является оправданным [5].

Таким образом, проведенный анализ законодательной конструкции состава административного правонарушения, предусмотренного ст. 5.59 КоАП РФ, позволяет сделать вывод о том, что в правоприменительной практике возникают вопросы, связанные с квалификацией соответствующих деяний. Совершаемые противоправные деяния, квалифицируемые по ст. 5.59 КоАП РФ имеют разную степень общественной опасности. В этой связи видится целесообразным рассмотреть вопрос о том, чтобы дифференцировать такие деяния в зависимости от их степени общественной опасности, предусмотрев ситуации, с одной стороны, когда конституционное право на обращение существенно нарушено и гражданин не получил ответа или ответ был направлен со значительным превышением установленного срока рассмотрения, с другой стороны, когда имеют место быть несущественные, по своей сути формальные, нарушения данного права. Такие различия в степени общественной опасности должны учитываться при решении вопроса о назначении административного наказания.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) // Официальный интернет-портал правовой информации. Информационно-правовая система «Законодательство России». URL: www.pravo.gov.ru (дата обращения: 23.04.2024).

2. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 29.05.2024) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 1.

3. Федеральный закон от 02.05.2006 № 59-ФЗ (ред. от 04.08.2023) «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2006. № 19. Ст. 2060.

4. Постановление Конституционного Суда РФ от 18.07.2012 № 19-П «По делу о проверке конституционности части 1 статьи 1, части 1 статьи 2 и статьи 3 Федерального закона «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» в связи с запросом Законодательного Собрания Ростовской области» // Собрание законодательства РФ. 2012. № 31. Ст. 4470.

5. Заключение Комитета ГД ФС РФ по конституционному законодательству и государственному строительству от 07.02.2013 «На проект Федерального закона № 191991-6 «О внесении изменений в статью 5.59 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях и статью 1 Федерального закона «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 04.04.2024).

6. Багмет А. М., Бычкова Е. И. Некоторые проблемы реализации конституционного права граждан на обращения в органы государственной власти и органы местного самоуправления // Российская юстиция. 2021. № 3. С. 41–43.

7. Лифанов Д. М. Об административной ответственности за нарушение порядка рассмотрения обращений граждан // Российское право: образование, практика, наука. 2022. № 3. С. 52-60.

8. Скобликов П. А. Ответственность по ст. 5.59 КоАП РФ как способ предупреждения коррупции при рассмотрении обращений граждан: законодательство, правоприменительная практика и возможные пути усовершенствования // Российская юстиция. 2019. № 2. С. 18–23.

9. Степкин С. П. Пределы применения Федерального закона «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» // Российский юридический журнал. 2022. № 1. С. 73–85.

СЕКЦИЯ 3

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ УГОЛОВНОЙ ПОЛИТИКИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ. ПРОБЛЕМЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ

УДК 343.271

Мартыненко Наталия Эдуардовна
доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры уголовной политики
Академии управления МВД России
Москва, Российская Федерация
kafedra_up_au@mail.ru

Потерпевший от преступления и его уголовно-правовая охрана

Аннотация: В статье говорится о том, что в Уголовном кодексе Российской Федерации (далее – УК РФ) законодатель, используя термин «потерпевший», вкладывает в него различный смысл. Уголовный закон закрепил положение о том, что потерпевшим *de facto* лицо становится в случае совершения в отношении него преступления. Однако потерпевшим *de jure* может быть и лицо, имеющее уголовно-процессуальный статус. Но поскольку задачей УК РФ является охрана общественных отношений от преступных посягательств на них (ст. 2 УК РФ), в уголовном законе есть еще одна группа потерпевших *de futurum*, которые могут стать потерпевшими в будущем.

Ключевые слова: потерпевший, уголовно-правовая охрана, уголовно-правовой статус потерпевшего, потерпевший *de facto*, *de jure*, *de futurum*.

Martynenko Natalia Eduardovna
doctor of law, professor, professor
at department of the criminal policy
Management academy of the Ministry
of the interior of Russia
Moscow, Russian Federation

Victim of a crime and its criminal law protection

Annotation: The article says that in the Criminal Code of the Russian Federation (hereinafter – the Criminal Code of the Russian Federation), the legislator, using the term “victim”, puts a different meaning into it. The Criminal Law has fixed the provision that a *de facto* victim becomes a person in the event of a crime against him. However, a *de jure* victim may also be a person with a criminal procedural status. But since the task of the Criminal Code of the Russian Federation is to protect public relations from criminal encroachments on them (art. 2 of the Criminal Code of the

Russian Federation), in the criminal law there is another group of victims de futurum who may become victims in the future.

Keywords: *victim, criminal law protection, criminal law status of the victim, victim.*

Нельзя сказать, что проблема уголовно-правовой охраны потерпевшего от преступления малоизучена. К ее решению обращались специалисты различных отраслей права. В начале двадцатого века вышла в свет научная книга о потерпевшем [9]. Создана и развивается целая отрасль науки криминологии – виктимология [10]. Однако, так исторически сложилось, что потерпевший от преступления, в большей части, в научной литературе рассматривается, прежде всего, как понятие уголовно-процессуальное. Еще Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР (1960 г.), закрепил понятие потерпевшего и его права, а в дальнейшем и УПК РФ (2001 г.) не только дополнил круг потерпевших, включив в него юридических лиц, но и расширил их права. Именно уголовно-процессуальный закон призван защищать права потерпевшего (ст. 6 УПК РФ).

Первые диссертационные исследования, касающиеся защиты и охраны потерпевшего от преступления, также принадлежат специалистам уголовно-процессуального права [1; 3; 8]. Интерес специалистов уголовно-правовой науки к уголовно-правовому статусу потерпевшего возник гораздо позже [4, с. 16–37], а диссертационные исследования потерпевшего в уголовном праве появились в девяностые годы прошлого века [2]. Внимание к уголовно-правовой охране потерпевшего не теряет силы и в наши дни [5].

Однако заинтересованность уголовно-правовой науки к потерпевшему гораздо меньше, чем к темам, связанным с преступлением и преступником, потому что уголовное право является отраслью права, которая, прежде всего, определяет какие деяния являются преступными. Термин потерпевший не единожды называется в статьях уголовного закона (например: ст. 134, 230 и др. УК РФ). Однако действующий уголовный закон не конкретизирует признаки последнего, в связи с чем достаточно трудно определить какой потерпевший находится под уголовно-правовой охраной, и, наконец-то, кто относится к данной правовой категории? он не дает его характеристики, не раскрывает признаки потерпевшего, поэтому не совсем понятно, а какого потерпевшего охраняет уголовный закон. Кем же является лицо, потерпевшее от преступного посягательства в уголовном праве?

В ст. 42 УПК РФ потерпевший определяется как физическое лицо, которому преступлением причинен физический, имущественный, моральный вред, а также юридическое лицо в случае причинения преступлением вреда его имуществу и деловой репутации.

В этой же статье закреплено положение о том, что решение о признании потерпевшим принимается незамедлительно с момента возбуждения уголовного дела и оформляется постановлением дознавателя, следователя, судьи или определением суда. В связи с чем для отнесения лица (физического либо юридического) к вышеупомянутому процессуальному статусу необходимо соблюдение двух условий: первое – совершение преступного посягательства в отноше-

нии последнего; второе – наличие правильно оформленного процессуального решения о признании в данном статусе.

И уже в этой последовательности «таится» скрытая проблема. И состоит она не в процессуальном признании лица потерпевшим, а, прежде всего, в его уголовно-правовой охране. И эта охрана начинается гораздо раньше, чем лицо, получившее какой-либо ущерб от преступления, приобретает уголовно-процессуальный статус. Об этом говорит и Верховный Суд Российской Федерации (далее – Верховный Суд РФ): «правовой статус лица как потерпевшего устанавливается исходя из фактического его положения и лишь процессуально оформляется постановлением, но не формируется им» [7]. Тем самым можно говорить о том, что, во-первых, существует уголовно-правовое и уголовно-процессуальное понятие потерпевшего и эти понятия нетождественны. Уголовно-правовое значение потерпевшего появляется намного раньше, нежели его процессуальное наполнение (исходя из содержания положений ст. 42 УПК РФ). Так, одним из обстоятельств, смягчающих наказание является оказание медицинской и иной помощи потерпевшему непосредственно после совершения преступления (п. «к» ст. 61 УК РФ), а отягчающим обстоятельством – совершение преступления с особой жестокостью, садизмом, издевательством, а также мучениями для потерпевшего (п. «и» ст. 63 УК РФ).

Таким образом, уголовный закон, невзирая на уголовно-процессуальные положения о правовом статусе потерпевшего, закрепляет последнего намного раньше, нежели это действие совершит соответствующее должностное лицо правоохранительных органов посредством принятия своего процессуального решения, оформленного соответствующим образом. В том случае, когда ведется речь о совершенном преступлении и наличии лица, получившего какой-либо ущерб от него, то таким лицом является потерпевший *de facto*, раскрываемый следующим образом – это физическое либо юридическое лицо, которое пострадало в результате совершенного преступного посягательства, но в силу определенных причин он не был наделен процессуальным правовым статусом [6, с. 17]. Отсутствие упомянутого процессуального статуса потерпевшего, как правило возникает по двум основным причинам: либо лицо еще не было поставлено в указанный процессуальный статус; либо связывается с отсутствием соответствующих сведений (заявления или сообщения), связанных с фактом совершения преступного посягательства, в котором лицо принимало участие в качестве упомянутого ранее субъекта и которые должны были поступить в правоохранительные органы для разрешения по существу. В связи с данными обстоятельствами, фактические сведения о преступлении, а также о лице, потерпевшем от него не поступают в правоохранительные органы, и, соответственно, не регистрируются и не разрешаются в установленном законом порядке;

Однако в случаях, когда до правоохранительных органов доходят сведения о совершенном преступлении и лице, потерпевшем от него, последний наделается таким статусом, и оно становится потерпевшим *de jure* – т. е. лицо обволакивается в юридическую форму, подкрепленной соответствующим образом оформленным процессуальным документом (ст. 42 УПК РФ). Исходя из данной

позиции, действующий уголовный закон охраняет потерпевших *de jure* в сфере интересов правосудия (ст. 302 УК РФ).

Однако уголовный закон в качестве одной из краеугольных задач устанавливает охрану прав и законных интересов физических и юридических лиц (ст. 2 УК РФ). Потерпевших *de facto* охранять уже невозможно, так как в отношении этой категории лиц преступление уже совершено. Потерпевшие *de jure* охраняются, как было показано выше, в рамках охраны интересов правосудия. Тогда возникает закономерный вопрос – а кого охраняет уголовный закон?

Поскольку охрана представляет собой состояние сохранности (в изучаемом контексте) наиболее значимых для физических и юридических лиц общественных отношений от преступлений, путем осуществления удержания лиц от совершения преступных посягательств, постольку охраняет уголовный закон и лиц, которые потенциально могут стать потерпевшими. В науке уголовного права их называют потерпевшими *de futurum*. Значение данного понятия более точно и содержательно можно раскрыть с криминологической точки зрения. Исходя из данной точки зрения такими потерпевшими являются лица, относящиеся к виктимологической группе риска либо по отношению к которым существует реальная угроза преступного посягательства на их права, свободы и законные интересы, охраняемые действующим уголовным законом [6, с. 17].

В качестве *de lege ferenda* стоит еще раз отметить тот факт, что в уголовном праве потерпевший появляется намного раньше, нежели он получает соответствующих уголовно-процессуальный статус [6, с. 17]. Это означает не одинаковую уголовно-правовую охрану потерпевших, имеющих и не имеющих уголовно-процессуальный статус.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Альперт С. А. Потерпевший в советском уголовном процессе : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Харьков, 1951. 18 с.
2. Батюкова В. Е. Потерпевший в уголовном праве : дис. ... канд. юрид. наук. М., 1995. 208 с.
3. Божьев В. П. Потерпевший в советском уголовном процессе : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1963. 17 с.
4. Дагель П. С. Потерпевший в советском уголовном праве // Потерпевший от преступления. Владивосток : Изд-во Дальневост. ун-та, 1974. С. 16–37.
5. Захарчук С. Д. Сотрудники органов внутренних дел как потерпевшие в уголовном праве : дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2024. 209 с.
6. Мартыненко Н. Э. Уголовно-правовая охрана потерпевшего : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2016. С. 17.
7. О практике применения судами норм, регламентирующих участие потерпевшего в уголовном судопроизводстве : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.06.2010 № 17 (ред. от 16.05.2017). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_102220/ (дата обращения: 04.04.2024).
8. Потеружа И. И. Потерпевший в советском уголовном процессе : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1960. 20 с.

9. Таубер Л. Я. Жалоба потерпевшего при преступлениях неофициальных. Харьков, 1909. 403 с.

10. Франк Л. В. Потерпевший от преступления и проблемы советской виктимологии. Душанбе, 1977. 237 с.

УДК 343.971

Яшин Андрей Владимирович

доктор юридических наук, профессор

Пензенский государственный университет

г. Пенза, Российская Федерация

andrej.yaschin@yandex.ru

Особенности мотивации коррупционного преступного поведения в сфере осуществления правосудия

***Аннотация:** В статье рассматриваются особенности формирования мотивов в механизме коррупционного преступного поведения при осуществлении правосудия. Отмечается, что такие противоправные посягательства обусловлены специфической социальной средой, в качестве которой выступают правосудие, а также деятельность органов и лиц, содействующих ему. Констатируется, что мотивы совершения коррупционных преступлений против правосудия многообразны, и они всегда подкрепляются корыстными потребностями. Вследствие этого отличительной чертой генезиса преступлений против правосудия коррупционной направленности является полимотивационный процесс, характеризующийся одновременным зарождением и развитием нескольких мотивов, в своей совокупности побуждающих индивида совершить преступное посягательство. Делается вывод о доминировании корыстных побуждений в мотивации индивидуального коррупционного преступного поведения в сфере осуществления правосудия.*

***Ключевые слова:** мотивация преступного поведения, коррупция, преступления против правосудия, личность преступника, должностное лицо, корыстный мотив, профилактика преступлений.*

Yashin Andrey Vladimirovich

doctor of law, professor

Penza State University

Penza, Russian Federation

Features of motivation for corrupt criminal behavior in the field of administration of justice

***Annotation:** The article examines the features of the formation of motives in the mechanism of corrupt criminal behavior in the administration of justice. It is noted that such illegal attacks are caused by a specific social environment, which is justice, as well as the activities of bodies and persons contributing to it. It is stated that the motives for committing corruption crimes against justice are diverse, and they are always supported by selfish needs. As a result, a distinctive feature of the genesis of corruption-related crimes against justice is a multi-motivational process, characterized*

by the simultaneous emergence and development of several motives, in their totality inducing an individual to commit a criminal offense. The conclusion is made about the dominance of selfish motives in the motivation of individual corrupt criminal behavior in the sphere of administration of justice.

Keywords: *motivation of criminal behavior, corruption, crimes against justice, identity of the criminal, official, selfish motive, crime prevention.*

Правосудие, а также деятельность органов и лиц, содействующих ему, являются важными составляющими любого современного государства, в том числе, и Российской Федерации, поскольку они обеспечивают законное и справедливое разрешение конфликтных ситуаций в самых разнообразных сферах жизнедеятельности. Однако между государственными органами, общественными организациями, объединениями и гражданами, создающими надлежащие условия осуществления правосудия, неизбежно возникают противоречия, которые далеко не всегда предотвращаются противоправными способами. Так как участники различных видов судопроизводства нередко устраняют разногласия между собой посредством совершения преступлений, само правосудие и система его обеспечения нуждаются в уголовно-правовой охране.

Уголовно-правовыми нормами, содержащимися в главе 31 УК РФ, регламентирована ответственность за совершение общественно опасных деяний, посягающих на интересы правосудия, различающихся между собой по объективным и субъективным признакам, целям, мотивам и другим компонентам. Однако в системе преступлений против правосудия выделяются и деяния коррупционной направленности. Так, в совместном Указании Генеральной прокуратуры Российской Федерации № 401/11 и МВД России № 2 от 19.06.2023 перечислены коррупционные преступления, к которым, при наличии определенных условий, относятся деяния, предусмотренные ст. 294, 295, 296, 302, 303, 305, 307, 309 УК РФ, а также ч. 3 ст. 299 УК РФ [3]. Поскольку одной из злободневных проблем в современной России является противодействие коррупции, исследование вопросов формирования и развития мотивов коррупционного преступного поведения в сфере осуществления правосудия представляется актуальным как в теоретическом, так и прикладном аспектах.

Как следует из содержания вышеуказанного нормативного акта, преступления против правосудия коррупционной направленности отличаются друг от друга конструктивными свойствами. Тем не менее, их объединяет то, что преступное поведение лиц, совершающих данные деяния, обусловлено сферой осуществления правосудия. Как известно, формирование любого противоправного посягательства зависит от особенностей социальной среды, в качестве компонентов которой в данном случае выступают правосудие, а также деятельность органов и лиц, содействующих ему. В криминологических источниках отмечается, что механизм каждого умышленного преступного поведения состоит из взаимосвязанных и взаимообусловленных звеньев: мотивации, планирования и принятия решения о свершении преступления, исполнения решения совершить деяние и постпреступного поведения. Источником противоправных поступков является личность, на формирование мотивации которой существенное влияние оказывает специфика социального окружения [2, с. 182].

При совершении рассматриваемых преступлений сфера осуществления правосудия как разновидность социальной среды выступает в качестве катализатора преступного поведения личности, продуцирующего возникновение ее противоправных мотивов. Следует отметить, что к особенностям генезиса преступлений против правосудия коррупционной направленности относятся полимотивационные процессы. Они характеризуются зарождением и развитием нескольких мотивов, которые в своей совокупности побуждают совершить индивида то или иное преступное посягательство.

Большинство коррупционных преступлений против правосудия (например, предусмотренных ч. 3 ст. 294, ч. 3 ст. 299, ст. 302, 303, 305, 309 УК РФ) совершается должностными лицами как правоохранительных структур, так и иных органов государственной власти. Поэтому мотивами совершения таких деяний могут быть как ложно понятые интересы службы и карьеризм, так и неприязнь к подозреваемым и обвиняемым, месть за их противоправную деятельность [5, с. 19]. Тем не менее, мотивация лиц, совершающих коррупционные преступления против правосудия, зачастую подкрепляется корыстными мотивами, поскольку их деятельность, связанная с участием в отправлении правосудия либо предварительном расследовании, облегчает должностным лицам совершение общественно опасных деяний коррупционной направленности и предоставляет возможность незаконного обогащения. Комплекс таких мотивов, безусловно, форсирует генезис коррупционного преступного поведения личности. В подавляющем большинстве случаев, деяния коррупционного характера в сфере осуществления правосудия квалифицируются по совокупности с основными коррупционными составами преступлений, предусмотренных ст. 290–291.2 УК РФ, что существенно повышает общественную опасность лиц, осуществляющих данные преступные посягательства.

Следует заметить, что лицам, совершающим преступления против правосудия коррупционной направленности, присуще профессиональное конформное поведение, что служит условием вовлечения в коррупцию значительного числа сотрудников правоохранительных органов. Это связано с тем, что оценка их профессиональной деятельности происходит в соответствии с различными критериями показателей службы: количеством раскрытых преступлений, направленных в суд уголовных дел и т. п. Поскольку сотрудникам не всегда удается достичь необходимых результатов, служебные показатели они повышают противоправным способом, в частности, фальсифицируют доказательства и результаты оперативно-разыскной деятельности, принуждают участников судопроизводства к даче показаний, иными способами вмешиваются в правильное и законное осуществление правосудия. В целях скорейшего раскрытия и расследования преступлений, обусловливания избрания в отношении обвиняемых более строгой меры пресечения, такие сотрудники просят потерпевших либо их родственников оплатить услуги своей деятельности. В случае невозможности раскрытия преступлений, денежные средства или услуги имущественного характера требуются порой у подозреваемых, якобы, для освобождения их от уголовной ответственности. Такие коррупционные схемы отличаются групповым характером, причем в совершении рассматриваемых преступлений участ-

вуют не только рядовые сотрудники, но и руководители правоохранительных органов. Это происходит в силу того, что в сознании каждого сотрудника имеет место отождествление самого себя с коллективом, в результате чего у него возникают побуждения, аналогичные мотивам, свойственным членам преступной группы.

Нельзя обойти вниманием и то обстоятельство, что при совершении преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 294 УК РФ, служебным положением могут воспользоваться не только сотрудники правоохранительных либо судебных органов, но и иные должностные лица, в частности, состоящие на государственной или муниципальной службе Российской Федерации, муниципальных образований, министерств, ведомств и т. п. Такие лица, пользуясь своим авторитетом, без особых затруднений вмешиваются в деятельность суда, прокуратуры, органов предварительного расследования, нередко удовлетворяя свои корыстные интересы.

В ряде случаев данные субъекты руководствуются, кроме корыстных, иными мотивами, например, отомстить кому-либо, не допустить огласки обстоятельств, ставших предметом расследования или судебного разбирательства, оказать помощь своим родственникам либо знакомым избежать уголовной ответственности, опасение скомпрометировать самого себя, и даже боязнь огласки собственного противоправного поведения [1, с. 118]. В итоге, подобная полимотивация многократно усиливает процесс развития преступного поведения личности.

Небезынтересным представляется содержание п. 3.2 Указания Генеральной прокуратуры России № 401/11 и МВД России от 19.06.2023 г. о том, что при наличии в статистической карточке основного преступления отметки о его коррупционной направленности, к коррупционным преступлениям против правосудия относятся и деяния, предусмотренные ст. 295 и 296 УК РФ [3]. Думается, что такие посягательства совершаются лицами в отношении указанных в диспозициях участников судопроизводства по мотивам мести за невыполнение договоренностей, которые были оплачены виновными. К примеру, следователь обещал подозреваемому либо обвиняемому освободить его от уголовной ответственности, получив при этом взятку, но обязательство не исполнил, в результате чего взяткодатель посягает на его жизнь или здоровье. В деянии виновного в данном случае будет наличествовать совокупность преступлений, предусмотренных ст. 291 и 295 (либо 296) УК РФ, что свидетельствует о полимотивации его преступного поведения.

Федеральным законом от 19.12.2016 г. № 436-ФЗ статья 299 УК РФ дополнена частью 3, предусматривающей уголовную ответственность за незаконное возбуждение уголовного дела в отношении предпринимателей [4]. В юридической литературе наличествует точка зрения, что криминализация данного деяния проведена законодателем в целях пресечения незаконных действий в отношении предпринимателей со стороны правоохранительных органов [6, с. 122].

Однако совместным нормативным актом Генеральной прокуратуры России и МВД России данная уголовно-правовая норма отнесена к преступлению

коррупционной направленности [3]. Это не удивительно, поскольку нередко должностные лица правоохранительных органов, незаконно возбуждая уголовные дела такого рода, руководствуются корыстными мотивами, требуя от предпринимателей вознаграждения за дальнейшее прекращение уголовного преследования. Кроме того, предусмотренный в диспозиции ч. 3 ст. 299 УК РФ корыстный мотив уже свидетельствует о коррупционном характере данного деяния. Вместе с тем, преступное поведение лиц, незаконно возбуждающих уголовные дела в отношении предпринимателей, может быть обусловлено иными побуждениями – стремлением к улучшению служебных показателей, желанием «выслужиться» перед руководством, выявлением новых общественно опасных деяний, мстью и т. п. Таким образом, к специфике мотивации данного преступления опять же относится наличие совокупности мотивов противоправного поведения.

На основании изложенного следует констатировать, что коррупционное преступное поведение личности, совершающей общественно опасное деяние против правосудия, зависит от совокупности побуждений различного характера. Виновные при этом руководствуются не одним, а несколькими мотивами, в первую очередь, корыстными, которые взаимоподкрепляются иными, такими, как месть, желание улучшить служебные показатели и отличиться перед руководством, ложно понятые интересы службы и т. п.

Взаимодействие и сочетание различных мотивов ускоряет процессы возникновения и формирования механизма преступного поведения таких лиц, что приводит к совершению ими не только преступлений против правосудия, но и иных деяний. При этом корыстный мотив все же является главенствующей причиной генезиса противоправного поведения личности, который в сочетании с другими побуждениями способствует удовлетворению его потребностей. Указанное обстоятельство следует учитывать при разработке мер, направленных на профилактику коррупционных преступлений в сфере осуществления правосудия.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Абрамова П. В. Роль криминалистического исследования личностей преступника и потерпевшего при расследовании воспрепятствования правосудию // *Философия права*. 2021. № 1. С. 113–120.

2. Витвицкая В. В. Механизм преступного поведения личности // *Сборник работ научной серии «Право»*. 2022. № 4. С. 178–185.

3. Указание Генпрокуратуры России № 401/11, МВД России № 2 от 19.06.2023 «О введении в действие перечней статей Уголовного кодекса Российской Федерации, используемых при формировании статистической отчетности». URL: <https://legalacts.ru/doc/ukazanie-genprokuratury-rossii-n-40111-mvd-rossii-n-2/?ysclid=ltvakvqybh539977648> (дата обращения: 02.04.2024).

4. Федеральный закон от 19.12.2016 г. № 436-ФЗ «О внесении изменений в статью 299 Уголовного кодекса Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации». URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41508> (дата обращения: 02.04.2024).

5. Халиков А. Н. Умысел при совершении преступлений против правосудия // Юристъ-Правоведъ. 2022. 4. С. 17–21.

6. Щербинин Е. С. О некоторых проблемах применения нормы об ответственности за незаконное возбуждение уголовного дела // Вестник Барнаульского юридического института МВД России. 2022. № 2. С. 122–124.

УДК 343.211.4

Плэмэдялэ Игорь Георгиевич

кандидат юридических наук,

полковник внутренней службы в отставке

Москва, Российская Федерация

igor.plemedyale@yandex.ru

Правовые аспекты установления правомерности действий судебных приставов, сопряженных с применением физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия

Аннотация: В статье рассмотрены некоторые аспекты правовой оценки применения физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия судебными приставами по обеспечению установленного порядка деятельности судов. Актуальность темы обусловлена тем, что российское законодательство не содержит положений, устанавливающих правомерность предпринятых судебным приставом силовых мер, а также их недостаточным исследованием в научно-правовой сфере. Обозначенные выводы и предложения настоящей статьи направлены на разработку четкого нормативного (законодательного) механизма исключения юридической ответственности судебного пристава, действующего в предусмотренных законом случаях и порядке, и признания этих действий правомерными.

Ключевые слова: правомерность, исключение ответственности, применение силовых мер, судебный пристав, установленный порядок деятельности судов, физическая сила, специальные средства, огнестрельное оружие.

Plemedyale Igor Georgievich

candidate of law, retired colonel

of internal service

Moscow, Russian Federation

Legal aspects of establishing the legality of bailiffs' actions involving the use of physical force, special means and firearms

Annotation: The article considers some aspects of the legal assessment of the use of physical force, special means and firearms by bailiffs to ensure the established procedure for the activities of courts. The relevance of the topic is due to the fact that Russian legislation does not contain provisions establishing the legality of the forceful measures taken by the bailiff, as well as their insufficient research in the scientific and legal field. The indicated conclusions and proposals of this article are aimed at developing a clear regulatory (legislative) mechanism for excluding the legal

liability of a bailiff acting in cases and in accordance with the procedure provided for by law, and recognizing these actions as lawful.

Keywords: *legality, exclusion of liability, use of force measures, bailiff, established procedure for the activities of courts, physical force, special means, firearms.*

В соответствии с п. 1 ст. 2 Положения о Федеральной службе судебных приставов [4] (далее – ФССП России), одна из задач ФССП России обозначена как «обеспечение установленного порядка деятельности судов». В чем состоит эта задача? Риторическим этот вопрос не является, поскольку действующая редакция Федерального Закона от 2107.1997 № 118-ФЗ «Об органах принудительного исполнения Российской Федерации» [5] (далее – ФЗ № 118) не содержит прямого указания на этот счет. Вместе с тем, как представляется, положения статьи 11 (здесь и далее обозначены статьи ФЗ № 118), в которой перечислены обязанности и права судебных приставов, дают общее представление о содержании вышеупомянутой задачи (полномочия¹).

При выполнении этой задачи (согласно п/п. 9 ч. 2 ст. 11 и ч. 1 ст. 15) судебные приставы по обеспечению установленного порядка деятельности судов (далее – судебный пристав) имеют право применять физическую силу, специальные средства и огнестрельное оружие (далее – силовые меры). Эти законодательные предписания исключают произвольность таких действий, ввиду того, что они осуществляются «в случаях и в порядке, которые предусмотрены законом». Вместе с тем возникает вопрос: могут ли эти предписания служить основанием для признания правомерности предпринятых судебным приставом силовых мер? М. Н. Марченко отмечает, что «о правомерности или неправомерности поведения можно судить на основании того, согласуются ли действия, поступки людей с правовыми предписаниями или не согласуются» [1, с. 165]. То есть, здесь речь идет о правовой оценке определенных фактов (событий), что является ничем иным как «правовая квалификация», которая, по мнению Р. А. Сабитова, «означает отнесение конкретной совокупности фактов к определенным юридическим нормам» [2, с. 14].

По мнению автора, сам факт законодательного закрепления применения силовых мер в качестве права² и подтверждает правомерность этих действий. Ведь право (субъективное), как юридическая категория – это законодательно признанная норма поведения в определенных случаях. Раз так, то конечный итог реализации права на применение физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия – это исключение любого вида юридической ответственности. Причем не только за сам факт применения силовых мер, но и за последствия предпринятых судебным приставом действий, обозначенных в ФЗ № 118 как «причинение любого ущерба» (пп. 2 ч. 2 ст. 15), «причинение смерти или ранения» (ч. 3 ст. 15), «ущерб, причиненный гражданам и организациям» (ч. 3 ст. 19).

¹ В соответствии с ч. 1 ст. 7 Положения о ФССП России «обеспечение установленного порядка деятельности судов» обозначено в качестве одного из полномочий ФССП России.

² Применение обозначенных законом силовых мер не является обязанностью судебного пристава. Право применения силовых мер является средством исполнения установленных законом обязанностей судебного пристава (также и всех иных субъектов, наделенных этим правом).

Следует ли такой вывод из действующей редакции Федерального закона № 118? Автор считает, что не следует. В связи с этим, можно предположить, что разработчики Федерального закона № 118 (в редакции Федерального закона от 01.10.2019 № 328 [6]) исходили из того, что регулирование данного аспекта (исключения ответственности) может (должно) подпадать под положения постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.09.2012 № 19 «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление» (далее – ППВС № 19), согласно которым (п. 28) «сотрудники... не подлежат уголовной ответственности за причиненный вред, если они действовали в соответствии с требованиями законов... предусматривающих основания и порядок применения оружия, специальных средств... или физической силы» [7]. Наверное, такой расчет был бы оправдан, однако в Федеральном законе № 118 ничего не сказано ни о «необходимой обороне», ни о «задержании» (что, собственно, является непосредственным предметом регулирования вышеупомянутого ППВС № 19), ни о взаимосвязи этих правовых институтов с применением предусмотренных законом силовых мер.

Принимая во внимание, что все российские законы, регулирующие применение силовых мер, содержат схожие с п. 28 ППВС № 19 положения¹, отсутствие таковых в Федеральном законе № 118 можно рассматривать не иначе как пробел, который целесообразно устранить².

Вместе с тем, как полагает автор, даже если признать («по умолчанию») относительность п. 28 ППВС № 19 к положениям о применении силовых мер в рамках ФЗ № 118, то и в этом случае гарантии исключения ответственности судебного пристава не были бы обеспечены.

Как так? Такой вопрос уважаемого читателя настоящей статьи был бы вполне оправданным. Дело в том, положения ФЗ № 118 о применении силовых мер не обеспечивает оправдание (исключение ответственности) судебного пристава, действующего «в случаях и в порядке, предусмотренных законом». Почему? Потому что, согласно действующей редакции ФЗ № 118, признание правомерности действий, сопряженных с применением силовых мер, зависит от множества иных обстоятельств (обязанностей, запретов, условий) как законодательно установленных, так и не являющихся таковыми (положений ППВС, комментариев к законам и так называемых в научно-правовой теории условий/оснований правомерности)³.

¹ См.: ФЗ «О полиции» от 07.02.2011 № 3 – ч. 9 ст. 18; ФЗ «О войсках национальной гвардии РФ» от 03.07.2016 № 226 – ч. 14 ст. 18; ФЗ «О федеральной службе безопасности» от 03.04.1995 № 40 – ч. 5 ст. 14; ФЗ «О государственной охране» от 27.05.1996 № 57 – ч. 5 ст. 24; Закон РФ от 21.07.1993 № 5473-1 «Об учреждениях и органах, уголовно-исполнительной системы РФ» – ч. 7 ст. 28; ФЗ «О ведомственной охране» от 14.04.1999 № 77 – ч. 3 ст. 18 (все в последней редакции) и др.

² При этом следует избегать механического копирования соответствующих положений других законов.

³ Такое положение дел (в части касающейся) характерно не только для ФЗ № 118, но также и для всех российских законов, и подзаконных нормативных правовых актов, регулирующих применение физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия.

Итак, первое условие, которое влияет на установление правомерности применения судебными приставами силовых мер, гласит: «если иные меры не обеспечили исполнения возложенных на них обязанностей» (ч. 1 ст. 15). Что ж, вполне логичное условие, однако оно требует уточнения того, что есть «иные меры»? Сразу отметим, что ни один российский закон (в том числе ФЗ № 118), ни руководящая судебная практика не содержат каких-либо разъяснений о том, что следует понимать под «иными мерами» в рассматриваемом контексте.

Автор полагает, что «иные меры» – это некие действия, осуществляемые перед началом применения силовых мер, а также меры, сопряженные с «использованием» оружия¹ и спецсредств, не представляющие угрозу для жизни и здоровья. К таковым можно отнести:

а) предъявление «законных требований»² (ч. 1 ст. 14; пп. 2 ч. 2 ст. 15), например, о соблюдении общественного порядка, о прекращении противоправных деяний, о добровольном следовании в суд, к судебному приставу-исполнителю, дознавателю (при осуществлении приводов), о допуске на территории, в помещения и т. д.;

б) предупреждение о намерении применить силовые меры (пп. 1 ч. 2 ст. 15), осуществляемое устно (голосом), обнажением (демонстрацией) спецсредств и оружия, «предупредительным выстрелом» (ч. 2 ст. 18).

Предупреждение о намерении применить силовые меры следует рассматривать как уведомление о том, что произойдет в случае выбора нарушителем одного из следующих вариантов поведения. Так, в случае выполнения требований, а также учитывая характер и стадию совершенного (пресеченного, предупрежденного) противоправного деяния, судебный пристав может ограничиться надеванием наручников, препровождением в служебное помещение, вызовом полиции либо устным предостережением о недопустимости нарушения правопорядка, напоминая об обязательности выполнения его требований и ответственности за невыполнение таковых (ст. 14), иными профилактическими мерами.

Невыполнение же требований судебного пристава означает, что «иные меры не обеспечили исполнения возложенных на него обязанностей» (ч. 1 ст. 15), лица «своим поведением, дают основание полагать, что могут совершить побег или причинить вред окружающим» (пп. 4; 6 ч. 1 ст. 17), вследствие чего, у судебного пристава и возникает право применения силовых мер. Представляется, что невыполнение требований, а также игнорирование предупреждения судебного пристава следует рассматривать не только в качестве основания применения силовых мер, но и как одно из доказательств установления (признания) правомерности предпринятых им силовых мер, соответственно, исключения любой юридической ответственности за их последствия³.

¹ В ч. 2 ст. 18 так и сказано: «до применения огнестрельного оружия на поражение оно может быть использовано для предупредительного выстрела».

² Автор полагает, что все требования судебного пристава, находящегося при исполнении служебных обязанностей, являются законными, соответственно, подлежат обязательному выполнению.

³ Соответствующие положения целесообразно (и необходимо) предусмотреть во всех законах, регулирующих применение силовых мер, а также в УПК РФ, КоАП РФ (возможно в ППВС или ПКС РФ).

Следующее положение ФЗ № 118, на которое можно обратить внимание – это запрет на применение спецсредств в отношении «женщин с видимыми признаками беременности, лиц с явными признаками инвалидности и несовершеннолетних, когда их возраст очевиден или известен» (ч. 2 ст. 17). Схожим по смыслу, но отличающимся по содержанию, является запрет на применение оружия (ч. 3 ст. 18).

Сразу надо отметить, что с соблюдением этих запретов есть некоторые сложности. Даже если предположить, что с идентификацией «видимых признаков беременности» и «явных признаков инвалидности» могут и не возникнуть особых проблем (хотя и с этими «признаками» не все и всегда ясно), то с «несовершеннолетними» дело обстоит сложнее.

Во-первых, в российском законодательстве данная категория лиц имеет разное обозначение, например: а) «несовершеннолетний» – лицо, не достигшее возраста восемнадцати лет¹; б) «ребенок» – «лицо, не достигшее возраста восемнадцати лет (совершеннолетия)»², в) «малолетний» – «несовершеннолетний, не достигший 14 лет»³. Вопрос: под какое из этих определений подпадает понятие «несовершеннолетний» в ФЗ № 118? Заметим, что данная правовая неопределенность в этом вопросе отражается и в некоторых законах⁴.

Во-вторых, говорить об «очевидности возраста» можно далеко не всегда, ввиду того, что верхняя одежда, маски (гигиенические), походка, речь, иные внешние признаки, а также место, время и обстановка, когда возникает необходимость принятия решения о применении силовых мер, затрудняют возможность точного установления как возраста, так и пола человека. При этом следует учесть одно важное обстоятельство. Слово «очевидность» обозначает «то, что доступно непосредственному наблюдению», или «то, что можно увидеть собственными глазами»⁵. Это значит, что понятие «очевидность» может иметь юридическое значение только в интерпретации лица, применившего силовые меры, а также иных лиц, присутствующих на месте происшествия, поскольку только такие лица являются очевидцами. Из этого следует, что для лиц, не присутствующих на месте происшествия, те или иные факты, события, состояния не являются и не могут быть «очевидными» (по определению).

Что касается отличий, то можно заметить, что применение спецсредств запрещено (ч. 2 ст. 17) в отношении «беременных» женщин, тогда как оружие

¹ Статья 1 («основные понятия») ФЗ от 24.06.1999 № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.02.2024).

² Статья 54 («право ребенка жить и воспитываться в семье») Семейного кодекса РФ от 29.12.1995 № 223-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.02.2024).

³ Статья 28 («дееспособность малолетних») Гражданского кодекса РФ от 30.11.1994 № 51-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.02.2024).

⁴ В ФЗ «О полиции» от 07.02.2011 № 3 (ст. 22, 23) и в ФЗ «О войсках национальной гвардии Российской Федерации» от 03.07.2016 № 226 (ст. 20, 21) использован термин «малолетние лица»; в ФЗ «О федеральной службе безопасности» от 03.04.1995 № 40 (в ст. 14.5 – «малолетние лица», а в ст. 14.3 – «несовершеннолетние»); в ФЗ «О ведомственной охране» от 14.04.1999 № 77 (в ст. 15 – «малолетние», а в ст. 16 – «несовершеннолетние»).

⁵ URL: [https:// www.dic.academic.ru](https://www.dic.academic.ru) (дата обращения: 25.11.2023).

«запрещается применять» в отношении всех женщин, независимо от наличия «видимых признаков беременности» (ч. 3 ст. 18). По мнению автора, такое разделение представляется не верным решением.

Далее необходимо отметить, что в служебной деятельности судебных приставов возникают ситуации, когда выше обозначенные запреты на применение спецсредств и оружия не действуют, поскольку не могут (и не должны!) быть соблюдены. Так, например, запрет на применение спецсредств прекращает действовать в случаях оказания (беременными, инвалидами и несовершеннолетними) «вооруженного сопротивления, совершения нападения, угрожающего жизни и здоровью граждан» (ч. 2 ст. 17). Запрет на применение оружия не действует в случаях оказания (этими же лицами) «вооруженного сопротивления, совершения группового или вооруженного нападения, угрожающего жизни граждан» (ч. 3 ст. 18).

Как видим, эти запреты не совсем понятны (совсем не понятны) ввиду того, что их юридические конструкции состоят из нормативно не определенных понятий, например: «незаконные действия ненасильственного характера», «видимые признаки беременности», «явные признаки инвалидности», «вооруженное сопротивление», «нападение», «групповое нападение», «вооруженное нападение». Что следует понимать под этими терминами? В этот ряд можно поставить вопросы: почему запрет на применение оружия не действует при угрозе «жизни», тогда как, запрет на применение спецсредств – при угрозе «жизни и здоровью»? По каким критериям можно разделить угрозу «жизни» от угрозы «жизни и здоровью»? Что следует понимать под «видимыми» или «явными» признаками беременности или инвалидности – какие-то особенности конкретного лица, некие атрибуты (предметы, животные), находящиеся при нем (в его распоряжении)?

Действующая редакция Федерального закона № 118 не содержит ни прямых ответов на эти вопросы, ни каких-либо отсылок к нормативным документам, где можно было бы получить соответствующую правовую информацию. Не содержит каких-либо разъяснений на этот счет и руководящая судебная практика. Такие «размытые» формулировки отрицательно влияют на оценку действий, сопряженных с применением силовых мер. Ведь, несмотря на «ненормативное» состояние перечисленных выше терминов и понятий, их применение направлено, главным образом, на обоснование привлечения судебного пристава к ответственности. Наличие этого «дефицита нормативно определяемой информации» является причиной разной интерпретации всеми субъектами, вовлеченных в реализацию рассматриваемых законодательных предписаний, а также неуверенности судебных приставов, как на месте происшествия, так и в процессе последующего разбирательства.

Анализ некоторых положений Федерального закона № 118 дает основания полагать, что правовая оценка деятельности судебных приставов рассматривается только через призму противоправности предпринимаемых ими действий (!?). Этот вывод следует из того, что предметом правового регулирования

ст. 19¹ являются лишь «обжалование действия (бездействия) сотрудника» (часть 1), ответственность «за проступки и правонарушения» (часть 2), возмещение ущерба, причиненного гражданам и организациям (часть 3), «надзор за исполнением законов сотрудником» (часть 4), а в ст. 15 (часть 4) сказано о «превышении полномочий» при применении силовых мер и о привлечении к ответственности. При этом заметим, что, ни об исключении ответственности судебного пристава, ни о правомерности предпринятых им силовых мер (и их последствий), в Федеральном законе № 118 ничего не сказано (!?).

В продолжении, автор предлагает обратить внимание на такое положение Федерального закона № 118, как запрет применения спецсредств «в отношении лиц, совершивших незаконные действия ненасильственного характера» (ч. 2 ст. 17). Для надлежащего исполнения этого запрета, судебному приставу необходимо знать и понимать, о чем здесь идет речь. Что значит «незаконные действия ненасильственного характера»? Во-первых, необходимо отметить, что «ненасильственными» являются действия, которые не представляют опасности для жизни и здоровья окружающих (в нашем случае, для лиц, находящимся в здании суда). Во-вторых, это действия, осуществляемые без использования силы (насилия), оружия, иных предметов. И, в-третьих, что особенно важно, «ненасильственные действия» не есть пассивное поведение, это не бездействие (!).

Учитывая вышеизложенное, к «незаконным ненасильственным действиям» можно отнести: проведение пикетов в здании суда, зале суда (в процессе судебного заседания), нанесение материального ущерба – порча или кража (попытка кражи) имущества суда (или конкретного лица), раздача (разбрасывание) листовок (рекламных объявлений), публичное раздевание (снятие штанов, рубашек, трусов), осуществление видео-, аудио-, фотосъемки (в здании суда, в процессе судебного заседания) без соответствующего разрешения, грубые жесты, оскорбления, выкрики, производство шума (разных звуков), поворачивание спиной к судье или к судебному приставу, насмешки. Этот перечень «незаконных ненасильственных действий» можно продолжить...

По мнению автора, запрет применения спецсредств при совершении хотя бы некоторых из перечисленных действий, является и опрометчивым, и недальновидным. Так, например, представим, что судебный пристав, соблюдая данный запрет, не применяет наручники (резинovou палку, газовый баллончик) для пресечения побега (не сопряженного с насилием), предпринимаемого «лицами, содержащимися под стражу» или «иностранном гражданином или лицом без гражданства, подлежащих принудительному выдворению за пределы РФ» (п/п. 6 ч. 1 ст. 17), что в конечном итоге, становится одной из причин реализации побега, несмотря на предпринятые иные меры (скажем, физической силы, применение которой может быть недостаточным, ввиду того, что нарушитель оказался физически более развитым, чем судебный пристав, или нарушителей было несколько и т. д.).

¹ Статья 19 (ответственность сотрудника органов принудительного исполнения, надзор и контроль за их деятельностью) ФЗ № 118 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.02.2024).

Каким образом мог бы быть квалифицирован данный факт? Согласно действующей редакции ФЗ № 118 (ч. 2 ст. 17) соблюдение этого запрета могло бы служить оправданием судебного пристава. С другой стороны, если предположить, что для пресечения побега (не сопряженного с насилием) судебный пристав применил все-таки (вопреки запрету!) спецсредства (наручники, резиновую палку, газовый баллончик). Согласно действующей редакции ФЗ № 118, такой поступок явился бы не только нарушением ч. 2 ст. 17, но также мог бы быть квалифицирован, как «превышение полномочий» (ч. 4 ст. 15). Нетрудно представить, в связи с этим, каким образом впоследствии будет действовать представитель (адвокат) лица, побег которого был пресечен судебным приставом, и какие иски им могут быть предъявлены, со всеми вытекающими нежелательными последствиями (для судебного пристава).

Можно также отметить, что этот запрет противоречит положениям ст. 17 в части, касающейся «исполнения принудительного привода в суд...» (пп. 5 ч. 1 ст. 17), ввиду того, что «уклонение от выполнения требований по явке в суд...», вполне можно рассматривать в качестве одного из видов «незаконных ненасильственных действий».

Учитывая вышеизложенное, запрет на применение спецсредств «в отношении лиц, совершивших незаконные действия ненасильственного характера», подлежит незамедлительному упразднению. Иного, более вредоносного и изощренного предписания, направленного против «обеспечения установленного порядка деятельности судов», по мнению автора, трудно придумать. Вместе с тем, вызывает удивление, как такое «оригинальное»¹ предписание прошло все стадии и уровни законодательного процесса?! Принимая во внимание общественный резонанс, а также негативные «политически» значимые последствия вышеперечисленных происшествий в судах, оставлять без внимания такую «нормотворческую деятельность» недопустимо². Ведь «включить» такую «мину ненасильственного действия» не представляет никаких сложностей – ни организационных, ни материальных. И это, непременно, может случиться. Иначе, для чего же такое предписание было разработано и принято в качестве законодательной нормы?

Есть еще один аспект, касающегося ч. 2 ст. 17 и ч. 3 ст. 18, действующие редакции которых, представляются не совсем удачными. Во-первых, юридические конструкции этих предписаний содержат разнонаправленные нормы: а) установление запретов на применение спецсредств и оружия, и б) случаи, включающие эти же запреты. По мнению автора, совмещение в одном предложении двух противоположных по смыслу и цели правовых норм осложняет не только восприятие, но и реализацию этих предписаний, как судебными приставами на месте происшествия, так и правоприменительными органами при последующей правовой оценке предпринятых действий. Во-вторых, при отсут-

¹ Данный запрет (на применение спецсредств «в отношении лиц, совершивших незаконные действия ненасильственного характера») является единственным в законодательной практике. Такого запрета нет больше ни в одном российском законе.

² По мнению автора, это не единственное законодательное предписание, которое подлежит оперативной «ревизии». Данное замечание касается не только ФЗ № 118.

вии случаев, аннулирующих рассматриваемые запреты, применение спецсредств и оружия недопустимо в отношении любых лиц, независимо от пола, состояния здоровья или возраста, а не только в отношении беременных, инвалидов и несовершеннолетних. Это доказывает, что установленные в ч. 2 ст. 17 и ч. 3 ст. 18 запреты можно признать юридически несостоятельными.

Вернемся, однако, к п. 28 вышеупомянутого постановления Пленума Верховного суда РФ № 19 о том, что «сотрудники... не подлежат уголовной ответственности за причиненный вред...», вследствие применения силовых мер. Вопрос: а как быть с иными, помимо уголовной, видами юридической ответственности? Подлежат ли исключению административная, дисциплинарная, материальная виды ответственности? Ответов на эти вопросы нет ни в постановлении Пленума Верховного суда РФ № 19, ни в ФЗ № 118. Это значит, что на данный момент остается открытым и вопрос о том, за какой вред, вызванный применением силовых мер «в случаях и порядке, предусмотренных законом», не должны нести ответственность судебные приставы. Для решения этой проблемы можно обратиться к ФЗ от 14.04.1999 № 77-ФЗ «О ведомственной охране», где сказано (ч. 3 ст. 18), что «работники ведомственной охраны не несут ответственность за моральный, физический или имущественный вред...» [8].

Поскольку в Федеральном законе № 118 имеется термин «любой ущерб» (пп. 2 ч. 2 ст. 15), который предполагает, как количественные (размер, тяжесть), так и качественные (физический, материальный) характеристики, его употребление в рассматриваемом контексте представляется наиболее предпочтительным.

С учетом вышеизложенного, в ст. 19 ФЗ № 118 было бы целесообразно внести части 5 следующего содержания:

«5. Применение судебными приставами физической силы, специальных средств, огнестрельного оружия в случаях и в порядке, предусмотренных настоящим законом, направлено на обеспечение установленного порядка деятельности судов и является правомерным.

Судебные приставы не несут ответственность за любой ущерб (вред), вызванный применением и использованием физической силы, специальных средств, огнестрельного оружия, в случаях и в порядке, предусмотренных настоящим законом».

В завершение нельзя не отметить одно очень важное событие в российской законодательной практике. Так, применение силовых мер впервые (!) «признано правомерным» в Законе РФ «Об учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы Российской Федерации» от 21.07.1993 № 5473-1 (ч. 7 ст. 28)¹. Вопрос: можно ли рассматривать эту правовую новеллу как юридически значимое состояние или она является лишь некой декларацией (целеполаганием)? Действующая законодательная и судебная практика не дает однозначного ответа на этот вопрос, поскольку она не содержит точных и однозначных критериев «признания правомерности» применения силовых мер.

По мнению автора, словосочетание «признание правомерности» может приобрести качество юридически значимого только при условии, если при пра-

¹ Можно отметить, что такого предписания нет больше ни в одном российском законе, предметом регулирования которого является применение предусмотренных законом силовых мер.

вовой оценке фактов применения силовых мер приоритетом будут обладать предусмотренные законом «основания/случаи и порядок». При этом в первую очередь должны быть установлены основания («случаи») применения силовых мер, и только после этого может быть проведена правовая оценка порядка их применения. Такой алгоритм правовой оценки применения силовых мер способствовал бы реанимации задачи «строго соблюдать требования закона, направленные на защиту представителей власти, работников правоохранительных органов, в связи с исполнением ими служебных обязанностей»¹. При этом правовую оценку фактов (случаев) применения силовых мер проведенную в иной очередности является противозаконной [3, с. 48].

Иные законодательные и не являющиеся таковыми, положения (условия, запреты, основания правомерности) могут рассматриваться лишь в качестве факультативных, т. е. не имеющих определяющего значения для признания правомерности предпринятых силовых мер.

В завершении можно привести мнение Н. И. Матузова относительно правомерного поведения, которое «заключается в том, что оно:

- 1) является общественно полезным;
- 2) выражает и реализует свободу человека;
- 3) удовлетворяет интересы и потребности, как самого индивида, так и государства;
- 4) обеспечивает правопорядок и стабильность в обществе;
- 5) связано с позитивной ответственностью личности» [4, с. 433].

Принимая во внимание, что судебные приставы применяют силовые меры «в случаях и порядке, которые предусмотрены законом», и направлено, как уже было отмечено выше, на «обеспечение установленного порядка деятельности судов», то это и означает, что такие действия «являются общественно полезными», «удовлетворяют интересы индивида и государства», «обеспечивают правопорядок». Почему бы не признать такие действия правомерными в законодательном порядке? Автора считает, это стало бы первым шагом в направлении имплементации принципа презумпции правомерности предпринимаемых судебными приставами действий в установленных законом случаях и порядке. В настоящее время, увы, действие этого принципа не обеспечено ни нормами материального и процессуального российского законодательства, ни предписаниями руководящей судебной практики (ППВС, ПКС и др.).

Автор приглашает к дальнейшему обсуждению рассматриваемых в статье вопросов и готов принять участие в разработке учебных материалов и проведении занятий с судебными приставами по ОУПДС, а также в предстоящей правотворческой деятельности, направленной на совершенствование законодательства в части, касающейся применения силовых мер всеми сотрудниками органов принудительного исполнения.

¹ Пункт 4 ППВС СССР от 16.08.1984 № 14 «О применении судами законодательства, обеспечивающего право на необходимую оборону от общественно опасных посягательств» (отменено) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.02.2024).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Марченко М. Н. Теория государства и права в вопросах и ответах : учеб. пособие / Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Проспект, 2017. 239 с.
2. Плэмэдялэ И. Г., Соколов Е. В. Правомерность применения физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия сотрудниками УИС // Научные труды ФКУ НИИ ФСИН России. Вып. 4. М. : ФКУ НИИ ФСИН России, ФКУ НИИИТ ФСИН России, 2022. С. 39–48.
3. Матузов Н. И., Малько А. В. Правомерное поведение и правонарушение. Теория государства и права : учебник. М. : Юрист, 2021. 528 с.
4. Положение о Федеральной службе судебных приставов; утверждено Указом Президента РФ от 13.10.2004 № 1314 «Вопросы Федеральной службы судебных приставов» (последняя редакция) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.02.2024).
5. Федеральный закон от 21.07.1997 № 118-ФЗ «Об органах принудительного исполнения Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.02.2024).
6. Федеральный закон от 01.10.2019 № 328-ФЗ «О службе в органах принудительного исполнения Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.02.2024).
7. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.09.2012 № 19 (ред. от 15.01.2022) «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.02.2024).
8. Федеральный закон от 14.04.1999 № 77-ФЗ «О ведомственной охране» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.02.2024).

УДК 343.292 и 343.293

Милич Иван Д.

доктор юридических наук
доцент кафедры уголовного права
юридического факультета
государственного университета в городе Нови-Сад
г. Нови-Сад, Республика Сербия
i.milic@pf.uns.ac.rs

Амнистия и помилование по законодательству Республики Сербия

Аннотация: предметом внимания автора является амнистия и помилование. Это два способа отмены преследования в отношении лиц, совершивших уголовное преступление. Автор обращает внимание на то, кто предоставляет амнистию и помилование, дает примеры данной амнистии в Республике Сербии, также он задается вопросом, должны ли быть амнистированы лица, совершившие конкретное уголовное преступление.

Ключевые слова: амнистия, помилование, Донбасс, Специальная военная операция.

Milić Ivan D.

doctor of law, associate professor
of the department of criminal law, faculty of law
State University of Novi Sad
Novi Sad, Republic of Serbia

Amnesty and pardon under the legislation of the Republic of Serbia

Annotation: The author focuses on amnesty and pardon. These are two ways to cancel the prosecution of persons who have committed a criminal offense. Authors refer to the issue who is entitled to provide amnesty and pardon, and further show examples of given amnesty in the Republic of Serbia. Also, authors analyze whether persons who are criminally responsible for certain criminal offences should be subject to amnesty.

Keywords: Amnesty, Pardon, Donbas, Special military operation.

Как правило, если одно из лиц совершит уголовное преступление, и его найдут, то против него проводится уголовный процесс. Если в данном уголовном процессе будет установлено, что уголовное преступление совершено, и обвиняемый виновен в нем, то устанавливается соответствующее наказание. Конечно, суд может на основании условий, регламентированных в законе, освободить от наказания лицо, совершившее уголовное преступление. Однако имеются также институты, позволяющие обвиняемому избежать суда за совершенное уголовное преступление или получить освобождение от наказания, и решение об этом не принимает суд. Речь идет об амнистии и помиловании. Положения об амнистии и помиловании содержатся в Уголовном кодексе¹, а также в Конституции Республики Сербии². В первую очередь, в Конституции указаны положения о том, кто предоставляет амнистию и помилование. Лишь Народная скупщина Республики Сербии может амнистировать лиц, совершивших уголовные преступления, и делает она это таким образом, что принимает закон об амнистии. С другой стороны, помиловать может только президент Республики Сербии. В результате амнистии лицам, указанным в акте об амнистии, предоставляется следующее.

1. Прекращение уголовного преследования. В данном случае речь идет о лицах, не осужденных за уголовное преступление. Хотя законодатель немного неточен в данном случае, амнистия распространяется на невозможность воз-

¹ См.: ст. 109, 110, 11 Уголовного кодекса, «Службени гласник РС» № 85 от 6 октября 2005 года, № 88 от 14 октября 2005 года – поправка, № 107 от 2 декабря 2005 года – поправка, № 72 от 3 сентября 2009 года, № 111 от 29 декабря 2009 года, № 121 от 24 декабря 2012 года, № 104 от 27 ноября 2013 года, № 108 от 10 октября 2014 года, № 94 от 24 ноября 2016 года, № 35 от 21 мая 2019 года.

² См.: ст. 99 и 112 Конституции Республики Сербии, «Службени гласник РС», № 98 от 10 ноября 2006 года, № 115 от 30 ноября 2021 года – Дополнения I-XXIX, № 16 от 9 февраля 2022 года.

буждения и проведения уголовного процесса. В данном случае имеется две категории лиц, подпадающих под амнистию. Первая категория лиц – это подозреваемые в совершении уголовного преступления, и против них не возбужден уголовный процесс. В первую очередь, это лица, в отношении которых подано заявление о возбуждении уголовного дела, но также это могут быть лица, в отношении которых не подано такое заявление. Вторая категория – лица, в отношении которых возбужден уголовный процесс. Момент возбуждения уголовного процесса зависит от «вида уголовного процесса». Так, например, уголовный процесс, возбужденный на основании приказа о проведении расследования или подтверждения обвинительного заключения без предварительного расследования.¹ В данном случае амнистия может быть объявлена, пока не будет принято правомочное судебное решение.

2. Полное или частичное освобождение от исполнения наказания. В данном случае речь идет о лице, в отношении которого установлено наказание по правомочному решению суда. Итак, речь идет об осужденном. Возможно полное или частичное освобождение лица от исполнения наказания. Например, осужденный освобождается от 25 % от срока тюремного заключения.

3. Установленное наказание заменяется на более мягкое наказание. В данном случае наказание осужденного смягчается, это значит, что замененное – новое наказание должно быть исполнено. Конечно, данное наказание должно быть смягчено для лица, совершившего преступление. Однако в отдельных случаях встает вопрос, какое наказание для лица, совершившего преступление, мягче.

4. Предоставляется реабилитация. В результате реабилитации удаляется обвинительный приговор и прекращается действие всех его последствий, и осужденный считается несудимым.² В Республике Сербии каждое лицо, совершившее уголовное преступление, заносится в реестр уголовных дел. Конкретные осужденные из реестра удаляются по долгу службы, иные лица могут быть удалены из учета по решению суда, также есть категория осужденных, которая никогда не удаляется из данного реестра. Как правило, от тяжести назначенного наказания зависит, будет ли осужденный удален из учета или нет. Осужденный, которому назначено тюремное заключение, сроком до трех лет, удаляется из реестра по долгу службы, осужденный, которому назначено тюремное заключение, сроком от трех до пяти лет, может быть удален из реестра по решению суда, а осужденный, которому назначено тюремное заключение, сроком свыше пяти лет, не может быть удален из уголовного реестра и остается зарегистрированным в нем до конца жизни. Таким образом, амнистия действительно облегчает положение осужденных – таким образом, они считаются ранее не судимыми с идеальным прошлым

¹ См.: ст. 7 УПК РС, «Службени гласник РС» № 72 от 28 сентября 2011 года, № 101 от 30 декабря 2011 года, № 121 от 24 декабря 2012 года, № 32 от 8 апреля 2013 года, № 45 от 22 мая 2013 года, № 55 от 23 мая 2014 года, № 35 от 21 мая 2019 года, № 27 от 24 марта 2021 года – КС, № 62 от 17 июня 2021 года – КС.

² См.: ст. 97 ч. 1 УК РС.

5. Отменяются отдельные или все правовые последствия обвинительного приговора. Обвинительные приговоры за конкретные уголовные преступления или с вынесением конкретных наказаний могут привести к прекращению, т. е. потери определенных прав, или к запрету на приобретение определенных прав¹. В качестве примера такого последствия можно привести прекращение трудовых отношений или запрет на оформление трудовых отношений. В результате амнистии положение осужденного в данной связи намного улучшается.

6. В результате амнистии могут быть отменены следующие меры безопасности: запрет на занятие должностей, осуществление деятельности и исполнение должностных обязанностей, запрет на управление транспортным средством и экстрадиция иностранца из страны.

Если говорить о помиловании, на его основании почти так же, как и в результате амнистии, конкретные лица освобождаются от уголовного преследования, исполнения наказания, реабилитируются, в их отношении прекращаются правовые последствия обвинительного приговора и отменяются меры безопасности. Помилование всегда касается одного конкретного лица. В Республике Сербия неизвестно число помилованных лиц, так как решение об этом не публикуется в издании «Службени гласник».

Несколько раз в Республике Сербия принят закон об амнистии, на основании которых амнистированы различные лица. Так, например, в 2002 году, в Республике Сербия амнистированы лица, совершившие уголовное преступление – терроризма², а также уголовное преступление – сговор в целях осуществления враждебной деятельности. Они освобождены от уголовного преследования, и если они были осуждены, то по амнистии они освобождены от исполнения наказания. Также в 2001 году амнистированы³ лица, которые не явившиеся по повестке в военкомат и не участвовавшие в защите своего государства.

Эти два примера амнистированных лиц, на первый взгляд, по тяжести уголовного преступления кажутся абсолютно бессмысленными. Во-первых, амнистия террористов – это действительно парадоксально, так как все же речь идет об уголовном преступлении. Встает вопрос, какое сообщение отправляется возможным террористам, если они знают, лица, совершившие данное уголовное преступление, амнистированы. Итак, проблема возникает, когда лица, которые отбывали тюремное заключение на основании терроризма, сразу все выйдут на свободу, тогда как лица, совершившие менее тяжкие уголовные преступления, остаются в тюрьме.

Также проблематично, когда лица, предавшие свое государство, подпадают под амнистию. Итак, они не явились по повестке своего государства и не участвовали в его защите от врагов, и государство прощает им такое преступ-

¹ См.: ст. 94, 95 и 96 УК.

² См.: Закон «Об амнистии», «Службени лист СРЮ» № 37 от 3 июля 2002 года.

³ См.: Закон «Об амнистии», «Службени лист СРЮ» № 9 от 2 марта 2001 года.

ление. Таким образом, у всех патриотов, защищавших свое государство, создается плохое впечатление. У семей погибших и раненых бойцов создается отрицательная картина происходящего. Итак, амнистированные лица, не зарегистрированы в уголовном реестре и обладают идеальным прошлым. Некоторые из этих дезертиров занимают высокое положение в социальной, политической и любой иной жизни.

Уголовный кодекс в Республике Сербия часто меняется и дополняется. Так, с 2014 года предусмотрена уголовная ответственность для граждан Республики Сербия, принимающих участие в войне или вооруженном конфликте в иностранном государстве, и для тех, кто организует участие в войне или вооруженном конфликте в иностранном государстве.

Определенное число граждан Республики Сербия находится в Донбассе¹ и участвует в борьбе против нацизма. Они сражаются за интересы Российской Федерации. Однако в Республике Сербия предусмотрено уголовное преступление, если гражданин Республики Сербия участвует в войне или вооруженных столкновениях в зарубежном государстве как член воинских или незаконных вооруженных формирований враждующих сторон.² И так, граждане Республики Сербия, которые находятся в Донбассе и сражаются против нацизма, совершают уголовное преступление, согласно нормативно-правовым документам Республики Сербия. Несмотря на неопровержимость того факта, что такое действие по Уголовному кодексу является уголовным преступлением, встает вопрос, насколько оно социально опасно. Нельзя забывать, что от социальной опасности должно зависеть, предусмотрен ли в конкретном действии состав уголовного преступления.

Люди едут на войну по разным причинам, но, конечно, один из мотивов связан с патриотизмом.³ Мотив, конечно, оценивается во время уголовного процесса при индивидуализации уголовного наказания. Касательно предмета данной работы надо отметить следующее: граждан Республики Сербия, участвующих в вооруженном конфликте в Донбассе, до и после Специальной военной операции, после их возвращения в Республику Сербия ожидает уголовное преследование. В их отношении в уголовном процессе может быть вынесено тюремное заключение до восьми лет. Конечно, имеется механизм избежания судимости данных лиц – это было бы в случае, если бы данные лица были амнистированы. Учитывая их патриотический настрой, было бы обоснованно и сделать это – принять закон об амнистии.

¹ См.: Милич И. Уголовные преступления «участие в военных действиях за рубежом», Основные направления совершенствования системы национальной безопасности : тез. докл. III Междунар. науч.-практ. конф. (Минск, 17 ноября 2023 г.) / ред. коллегия: С. Я. Аземша (предс.) [и др.]. Минск : Строй-МедиаПроект, 2023. С. 180–184.

² См.: ст. 386а и 386б УК.

³ См.: Милич И. Сербские добровольцы в Донбассе. URL: <https://srpskipravnickiklub.rs/2023/12/13/srpski-dobrovoljci-u-donbasu> (дата обращения: 25.01.2024)

УДК 343.326

Корж Павел Анатольевич

старший преподаватель

Западно-Уральский институт экономики и права

г. Пермь, Российская Федерация

korzh2006@gmail.com

Особенности проявления терроризма на современном этапе

***Аннотация:** В статье рассматриваются основные элементы терроризма: устрашение и насилие, оказание воздействия на органы власти и идеологическое наполнение. Основное внимание уделено идеологии терроризма. Отмечается новое идеологическое наполнение террористической деятельности под условным названием «АнтиРоссия» и изменившаяся в связи с этим тактика привлечения исполнителей. Формулируются общие предложения по совершенствованию системы профилактики и противодействия.*

***Ключевые слова:** терроризм, идеология терроризма, нацизм, АнтиРоссия.*

Korzh Pavel Anatolievich

senior lecturer

West-Ural Institut of economics and law

Perm, Russian Federation

Features of the Manifestation of Terrorism at the Present Stage

***Annotation:** The article examines the main elements of terrorism: intimidation and violence, influencing the authorities and ideological content. The main attention is paid to the ideology of terrorism. A new ideological content of terrorist activity under the code name "Anti-Russia" and the tactics of attracting perpetrators have changed in this regard. General proposals for improving the system of prevention and counteraction are formulated.*

***Keywords:** terrorism, ideology of terrorism, Nazism, Anti-Russia.*

Российское законодательство определяет терроризм через три обязательных признака: насилие и устрашение, оказание воздействия на органы власти и международные организации и идеологическое наполнение. Это три основы, на которых терроризм и зиждется.

Во-первых, это устрашение путем насилия. Причем устрашение первично. Вспомним, что большинство терактов не предполагает много жертв. Нет необходимости лить много крови. Достаточно отдельных точечных ударов. Но систематически и целенаправленно. Основная задача всем показать, что они дотянутся до любого. Цель – запугать людей, сделать так, чтобы они боялись всегда и всего. Так, после теракта в Подмосковье 22 марта 2024 г. были возвращены ок. 100 тысяч билетов на массовые мероприятия. Страх не дает возможности принимать решения, он подчиняет человека, делает его зависимым и безвольным.

Во-вторых, как следствие первого, это воздействие на принятие решений органами власти. Терроризм не существует сам по себе, это прежде всего инструмент политических требований. Заставить власти пойти на уступки, признать условия террористов, пойти с ними на переговоры. И, в конечном счете, оказать воздействие на экономические процессы. Вспоминая К. Маркса, политика – это надстройка, а базисом является экономика.

Исходя из этого, можно обратить внимание, что в современном мире практически нет самостоятельных террористических организаций, созданных с чисто террористическими целями. Большая часть террористических организаций были созданы теми или иными политическими и, даже более того – государственными, структурами. Это все прокси-формирования, предназначенные для решения тех или иных политико-экономических задач методами, которые государство не может себе позволить без риска быть втянутым в большую войну. Как правильно указывали Э. В. Богомарцева и И. Е. Ильичев: «Терроризм является системной составляющей глобальных мировых социально-экономических, культурных и политических процессов» [1, с. 14].

И, в-третьих, это идеология. Идеология — это основа привлечения исполнителей. Им надо показать цель. Причем цель настолько значительную, чтобы она по важности превосходила жизнь конкретного исполнителя.

Исторически можно выделить три основных идеологических наполнения терроризма последнего времени. Во-первых, социально-политическая идеология. Можно вспомнить и наших социалистов-революционеров, и «Красные бригады» в Италии, и RAF в Германии. Во-вторых, национально-освободительная идеология, которую можно представить Ирландской республиканской армией и баскской ЭТА. И, в-третьих, религиозная (точнее, псевдорелигиозная) идеология, характерная для ближневосточных исламских группировок настоящего времени. Можно отметить, что все эти варианты являются мощнейшей идеологической базой для подпитки террористического движения и обеспечения привлечения новых исполнителей.

Но в последние годы в противовес этим, классическим уже, идеологиям, возникла новая, под условным названием «АнтиРоссия». Суть ее в том, что любые незаконные в теории действия в отношении конкретного государства или нации априори признаются легитимными. Такой стратегический вариант, сложившейся в США так называемой культуры отмены. Это можно обозначить как обратный нацизм. Если при классическом нацизме конкретная нация объявляется высшей, что дает ей моральное право воздействия на все остальные низшие расы, то в данном случае, конкретная нация объявляется низшей по отношению ко всем другим, что в определенной степени легитимизирует воздействие на нее. Что, опять же, для американцев не является чем-то новым, достаточно вспомнить истребление индейцев в Америке. И, кстати, модель оказалась действенной не только в отношении России. Примерно также Израиль и вслед за ним часть мирового сообщества обосновывают свои действия в отношении Палестины. Непринятие этой точки зрения рассматривается как антисемитизм. То есть неприятие «обратного нацизма» можно напрямую назвать нацизмом.

Но проект «АнтиРоссии» имеет и обратную сторону. Предыдущие, «классические», идеологии предусматривали великую цель, достижение которой оправдывает лишения войны и возможное самопожертвование. То есть цель настолько великая, что ценность жизни конкретного исполнителя не имеет значения. «Анти-проект», наоборот, конкретной цели не содержит. Это война ради войны. И это очень удобно для привлечения исполнителей. Нет необходимости создавать глобальную идею, достаточно указать цель атаки. Говоря уголовно-правовым языком, это очень схоже с хулиганским мотивом, когда видимой причины может не быть, достаточно лишь навязанного или даже придуманного повода. Как указывал Б. С. Волков: «стремление в вызывающей форме проявить себя, показать нарочито показное пренебрежение к закону, обществу и правилам общежития» [2, с. 49]. А проявить себя, пусть даже в вызывающей форме, в наш век информационного общения в соцсетях готов каждый второй.

Единственный недостаток такого идеологического направления терроризма – отсутствует идея, толкающая на самопожертвование. Но выход простой – предложить деньги. А если за стремление проявить себя в информационном пространстве готовы еще и платить – проблем с привлечением исполнителем практически не возникает. Особенно с исполнителями с низкими культурными и интеллектуальными качествами. Они не понимают, что платить по факту исполнения никто не собирается. После совершения теракта их ценность в глазах заказчика равняется нулю. Особенно если возможности привлечь этого заказчика к реальной юридической ответственности практически отсутствуют (конкретный подстрекатель в «Телеграмме» может быть на другом конце земного шара).

И за примерами далеко ходить не надо. Диверсии на железных дорогах, устраиваемые школьниками за мизерное вознаграждение (часто – только обещаемое). Порчи избирательных бюллетеней раствором бриллиантового зеленого, за такое же вознаграждение или путем обмана. Таджикские боевики, пошедшие исключительно на материальной основе на совершение теракта в Крокус Сити Холле. А если это еще и активист из так называемой несистемной оппозиции, как это было в теракте с убийством В. Татарского, то и платить можно и поменьше. Он уже готов к акциям против своей страны.

И в этой части можно отметить, что мы в свое время недооценили движение А. Навального. По сути, это было формирование агентурной сети под идеей «Что угодно, лишь бы против своей страны». Сейчас движение ликвидировано, организаторы осуждены или сбежали, главный умер, но агентурная сеть осталась. И она уже привлекается к исполнению. Цель та же – «АнтиРоссия», но еще и приправленная возможностью материальной выгоды. Пусть в реальности и иллюзорной.

Как следствие вышеизложенного, появляются и новые вызовы к работе правоохранительных органов. Если ранее профилактика террористических проявлений велась путем оперативной разработки в отношении большей или меньшей степени установленных организаторов, то сейчас организатором или подстрекателем может быть любое лицо, вне зависимости от принадлежности к тому или иному террористическому движению и находящееся в любой точке

земного шара. Как следствие, возрастает роль всего общества к оценке окружающей действительности на предмет возможной подготовки к террористическим актам и грамотная оперативная проверка всех сигналов. То есть взаимодействие в системе общество – правоохранительные органы должно быть поставлено на совершенно новый уровень. Благо, на третий год СВО, общество уже в достаточной степени консолидировано и готово к такому взаимодействию.

Таким образом, терроризм как социальное явление развивается вместе с общественным развитием, появляются новые формы, новое идеологическое и техническое наполнение, новые особенности привлечения исполнителей. Все это требует постоянного совершенствования системы профилактики и противодействия.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Богомарцева Э. В., Ильичев И. Е. Терроризм: истоки, понятие, угрозы // Теория и история права и государства. 2008. № 3. С. 12–29.
2. Волков Б. С. Мотивы преступлений (Уголовно-правовое и социально-психологическое исследование). Казань : Изд-во Казанского университета, 1982. 126 с.

УДК 334.241.8

Дворянсков Иван Владимирович
доктор юридических наук, профессор,
главный научный сотрудник
Научно-исследовательский институт
Федеральной службы исполнения наказаний,
профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин
Московский университет им. А. С. Грибоедова
Москва, Российская Федерация
diw@yandex.ru

Цифровизация уголовного закона: возможности и перспективы

***Аннотация:** В статье рассматривается актуализированная в последнее время проблема цифровизации уголовного права, в том числе – путем внедрения искусственного интеллекта. Автор проводит системный и сравнительно-правовой (компаративный) анализ связанных с этим вопросов, дает правовую характеристику исследуемому явлению, делает вывод о его неизбежности ближайшем будущем и констатирует необходимость уже сегодня начать теоретическую разработку необходимых для этого и социально обусловленных концептуальных основ.*

***Ключевые слова:** уголовный закон, цифровизация, искусственный интеллект, современные тенденции развития уголовного права.*

Dvoryanskov Ivan Vladimirovich

doctor of law, professor, chief researcher

Research institute of the Federal penitentiary service,
professor of the department of criminal law disciplines
Moscow University named after A. S. Griboyedov
Moscow, Russian Federation

Digitalization of the criminal law: opportunities and prospects

Annotation: The article examines the recently updated problem of digitalization of criminal law, including through the introduction of artificial intelligence. The author conducts a systematic and comparative legal (comparative) analysis of related issues, gives a legal description of the phenomenon under study, concludes that it is inevitable in the near future and states the need to begin theoretical development of the necessary and socially conditioned conceptual foundations today.

Keywords: criminal law, digitalization, artificial intelligence, modern trends in the development of criminal law.

Правовое регулирование традиционно отражает тенденции развития общества, а в отдельных случаях – даже определяет его перспективы.

В теории права развивается направление постклассических исследований права, суть которых состоит в демонстрации механизма конструируемости и воспроизводимости правовой реальности практиками в контексте внешних факторов, интериоризируемых правовой культурой [1, с. 26].

В последние годы право стало рассматриваться учеными не только как инструмент, но и как самостоятельная ценность, социальное благо, в том числе через его свойства, а именно общеобязательную нормативность, формальную определенность содержания, системность и т. д. Многие стали склоняться к мнению о том, что право обладает инструментальной и собственной ценностью (А. Ф. Черданцев и др.) [2, с. 302]. Следует добавить к этому, что право и регулируемые им отношения испытывают взаимные влияния. Это означает, что как регулируемая реальность определяет содержание и развитие права, так и право оказывает на объект регулирования упорядочивающее и в определенной степени – конструирующее воздействие.

В этой связи представляется методологически неверным рассмотрение уголовного права исключительно с инструментальных позиций. Для решения насущных (с позиции законодателя) социальных проблем. Такой подход основан на довольно простой схеме: наличие триггерного явления – придание ему криминальной окраски – криминализация этого явления. Следствием этого является очевидное уже не только для специалистов, но и простых обывателей чрезмерное раздувание объема уголовного закона. Так, по словам Г. В. Назаренко и А. И. Ситниковой, за период действия Уголовного кодекса Российской Федерации в него внесено более 3000 изменений, дополнений и поправок, которые изменили его структуру, содержание уголовно-правовых норм, в том числе ряда гипотез, диспозиций и санкций, увеличили количество статей и примечаний, а также исключили из Кодекса ряд статей, предписаний и примечаний. В результате поспешности законодателя, принявшего 226 федераль-

ных законов (на 01.03.21), содержащих указанные изменения, качество действующего УК РФ, по общему мнению криминалистов, стало заметно ниже, чем в первоначальной редакции 1996 г. [3, с. 84].

Уголовное право относится к *jus scriptum*, т. е. писанному праву. Уже сам факт его существования позволяет отнести его к знаковым (семиотическим) системам, одной из функций которых выступает коммуникация. Абстрагируясь от смыслов, которые несут в себе положения уголовного права, можно рассматривать в качестве значимой информации строение, объем, характер и средства выражения уголовно-правовых предписаний. Поэтому, полагаем, что, учитывая всю совокупность средств изложения текста уголовного закона, следует говорить не только о тексте, но и шире – о семиотике, имея в виду цифровую и знаковую составляющие.

Очевидно, такое количество изменений, к тому же принимаемых ситуативно, с высокой скоростью не способствует сохранению качества уголовно-правового регулирования. Более того, на наш взгляд, чрезмерно интенсивное введение новых составов преступлений увеличивает энтропию, которая, в свою очередь, ведет к деструкции уголовного закона.

Доктрина уголовного права, со всей очевидностью, нуждается в использовании наработок в области точных (математических) и лингвистических наук.

Современные научное развитие характеризуются цифровизацией практически всех сфер жизни общества и широким внедрением искусственного интеллекта (ИИ), существенно облегчающего сложные технологические и интеллектуальные процессы, требующие точных расчетов и комплексного учета многочисленных факторов при принятии решений. Не обошли эти тенденции и право, в том числе – уголовное.

С формальной точки зрения проблема цифровизации уголовного права обусловлена требованиями машиночитаемости права в условиях цифровизации общественных отношений, что подтверждается утвержденной Правительством Российской Федерации Концепции развития технологии машиночитаемого права от 15 сентября 2021 года. Так, наличие многочисленных дефектов уголовно-правовых норм, уголовно-правовых санкций, а также отсутствие единой отлаженной их системы является существенным препятствием к машиночитаемости уголовно-правовых норм. Необходимость создания машиночитаемого текста закона, а также допустимая в перспективе возможность распознавания устной речи в судопроизводстве с помощью искусственного интеллекта обуславливает необходимость грамотного и единообразного воспроизведения текста уголовного (и не только) закона.

Если же говорить по существу, то причинами необходимого и неизбежного внедрения в недалеком будущем ИИ в сферу уголовно-правового регулирования такие уже сегодня констатируемые обстоятельства как:

- 1) цифровизация преступности;

- 2) необходимость «объективации» уголовного права, т. е. исключения необходимости судейского усмотрения, алгоритмизации процессов криминализации, квалификации, построения санкций, назначения наказания и иного применения уголовного права. Так, является очевидным, что криминализация должна

носить грамотный, выверенный, научный характер, а не представлять собой бессистемный, ситуативный, реактивный процесс. Под последним нами понимается такой процесс создания и включения в уголовный закон новых норм-запретов, который представляет собой быструю, обусловленную резонансными событиями реакцию законодателя, не учитывающую разработанные наукой правила, касающиеся оснований и порядка криминализации.

Удачная классификация оснований криминализации была предложена А. И. Коробеевым еще в 1987 году. Все факторы установления уголовно-правового запрета он свел в три относительно самостоятельные группы: юри-дико-криминологические, социально-экономические и социально-психологические. Классификационным критерием здесь выступает содержание факторов, их внутренняя природа, соотнесение с различными сферами жизни общества.

Вся система факторов находится, по его мнению, в сложной иерархической зависимости, некоторые из них оказывают противоречивое воздействие на процесс законотворчества. Лишь суммарная оценка всех оснований криминализации в их взаимосвязи, взаимодействии и взаимопроникновении дает возможность принять правильное решение об установлении уголовно-правового запрета [4, с. 69].

Стоит ли говорить, что «импульсный» характер криминализации обусловлен ее эмоционально-ситуативным способом, когда на первый план выходит скорость, но не качество. Таким образом, чем меньше в этом процессе будет присутствовать «человеческий фактор», тем больше надежды на объективный и научный подход при установлении.

Сама идея цифровизации содержит в себе доминирование количества и вычисления над качеством и рассуждением. В обычной жизни количественное управление осуществляется с помощью показателей и рейтингов. Зависимость управления от количественных оценок отражает стремление заменить суждения, основанные на опыте и интуиции, стандартизированными оценками.

По афоризму Феликса Кривина: «Битвы за свои убеждения никогда не бывают столь кровавы, как битвы за свои заблуждения».

Следует согласиться с высказываниями специалистов о кризисе классического уголовного права в эпоху постмодерна (или даже метамодерна).

Я. И. Гилинский в этой связи отмечает: «Одна из характеристик общества постмодерна – неопределенность... Если максимально коротко, речь идет о постоянном ускорении циклов, этапов развития человечества. В период постмодерна (пост-постмодерна) изменения столь быстры, что где-то к 2035 году «кривая» развития может встать «вертикально» с непредсказуемыми последствиями. А прогресс станет недоступен для человеческого понимания – настолько высокими будут его темпы развития. В значительной степени это связывают с появлением искусственного интеллекта. Мы уже живем в периоде (растянутой, длящейся «точке») бифуркации, когда принципиально невозможно предсказать, «что будет дальше» [5, с. 12–14].

В литературе также отмечается, что нарастающая цифровизация социальных отношений заставляет обратить внимание на совокупность системных про-

творечий, которые возникают между «диджитализированной» преступностью XXI в. и классическим механизмом уголовно-правового противодействия. Появление нового (информационного) способа совершения преступления не свидетельствует априорно о том, что он является более опасным, чем традиционный, а во многом указывает на проблему отставания социального контроля от развития общества и изменения преступности. В целом информационное общество характеризуется тем, что определяющими культурно-историческими орудиями, опосредующими деятельность и общение отдельных его членов и групп, являются компьютер, мобильный телефон, иные цифровые устройства, Интернет, социальные сети и т. д., т. е. объекты информационно-коммуникационной инфраструктуры. Цифровая революция не могла не повлиять на преступность, не изменить ее содержание [6, с. 585, 587–588].

В качестве возможных направлений (этапов) трансформации (цифровизации) уголовного права в эпоху ИИ (по результатам анализа научных публикаций на эту тему) можно назвать:

1) расширение сферы уголовно-правового регулирования цифровых отношений, постепенная адаптация уголовного права к условиям цифровизации (ИИ, цифровая личность как субъект преступления либо потерпевший);

2) формирование машиночитаемого уголовного права (первый шаг – справочно-правовые системы как предполагаемая платформа для цифрового права);

3) создание цифровых алгоритмов квалификации преступлений, формирования санкций, назначения наказаний;

4) создание цифрового Уголовного кодекса для ИИ;

5) использование ИИ для создания норм Уголовного кодекса.

Итак, мы живем на пороге глобальных тектонических процессов, затрагивающих все стороны человеческого бытия. Если мы не будем замечать этого и жить так, как будто все по-прежнему, то эти процессы никуда не исчезнут. Но мы упустим драгоценное время, чтобы подготовиться к ним и максимально эффективно использовать их во благо. В противном случае мы можем столкнуться с тем, что на определенном витке прогресса не будем располагать адекватными сложившимся реалиям правовыми инструментами, методологией их разработки и применения.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Постклассические исследования права: перспективы научно-практической программы : монография / под ред. Е. Н. Тонкова, И. Л. Честнова. СПб. : Аллетейя, 2023. 500 с.

2. Теория государства и права : учебник / под ред. В. В. Гриба, В. Ю. Панченко. М. : Юрист, 2021. 1008 с.

3. Назаренко Г. В., Ситникова А. И. Качество Уголовного кодекса Российской Федерации и перспективы его повышения // Актуальные проблемы государственно-правовых преобразований в России: история и современность : сб. материалов Всерос. науч.-практ. конф., приуроченной к 250-летию со дня рождения выдающегося государственного деятеля, реформатора и ученого

М. М. Сперанского / под ред. Е. Е. Тонкова и В. Ю. Туралина. Белгород : ИД «БелГУ» НИУ «БелГУ», 2022. С. 84–86.

4. Коробеев А. И. Советская уголовно-правовая политика: проблемы криминализации и пенализации. Владивосток : Изд-во Дальневост. ун-та, 1987. 267.

5. Гишинский Я. И. Криминология постмодерна (неокриминология). СПб. : Аллетейя, 2022. 136 с.

6. Русскевич Е. А., Дмитренко А. П., Кадников Н. Г. Кризис и палингенезис (перерождение) уголовного права в условиях цифровизации // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2022. Т. 13, вып. 3. С. 585–598.

УДК 343.3

Шаймуллин Рустам Камильевич

кандидат юридических наук, доцент

Оренбургский государственный университет

г. Оренбург, Российская Федерация

ShaimullinR@gmail.com

Антикоррупционная политика в выборных процедурах

***Аннотация:** В статье рассматриваются отдельные вопросы о положениях и нормах российского законодательства о борьбе с коррупцией в избирательном процессе. Исследованы отдельные вопросы научной литературы и действующих нормативно-правовых актов, посвященные противодействию коррупции с учетом необходимости защиты избирательного процесса от коррупционных посягательств.*

***Ключевые слова:** коррупция, борьба с коррупцией, противодействие коррупции, избирательный процесс, ответственность за коррупцию.*

Shaimullin Rustam Kamilevich

candidate of juridical sciences, assistant professor

Orenburg State University

Orenburg, Russian Federation

Anti-corruption policy in election procedures

***Annotation:** The article examines certain issues about the provisions and norms of Russian legislation on the fight against corruption in the electoral process. Certain issues of scientific literature and current regulations devoted to combating corruption have been studied, taking into account the need to protect the electoral process from corrupt attacks.*

***Keywords:** corruption, fight against corruption, anti-corruption, electoral process, responsibility for corruption.*

Современная политическая культура на постсоветском пространстве требует, конечно же, и внедрения антикоррупционной составляющей в формиро-

вании органов публичной власти на основе законодательных инструментов, предоставляемых Конституцией РФ (ст. 3, 67-1, 75-1 и др.) [3] как основанием существования современных форм демократии в российском обществе. В этой связи, российское общество не одиноко, поскольку включение в конституционную систему антикоррупционной парадигмы на мировой законодательной арене проходит широко во многих странах. Так, Модельный закон «Основы законодательства об антикоррупционной политике», который был принят в г. Санкт-Петербурге 15 ноября 2003 года на 22-м пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ), впервые ввел в российское законодательство дефиницию антикоррупционных стандартов, под которыми понимаются единые для обособленной сферы правового регулирования гарантии, ограничения или запреты, обеспечивающие предупреждение или уменьшение воздействия коррупции на функционирование данной сферы [4]. Данный антикоррупционный институт затем органично вошел в законодательную материю антикоррупционного и служебного массива. Среди мер, перечисленных в Федеральном законе «О противодействии коррупции» от 25.12.2008 года, в частности, в ст. 7 указано совершенствование системы и структуры государственных органов, создание механизмов общественного контроля за их деятельностью [5]. Сам избирательный процесс играет ключевую роль в формировании органов публичной власти в Российской Федерации. В условиях непосредственной и представительной демократии, процесс выборов представляет собой механизм, посредством которого граждане выражают свою волю и участвуют в выборах представителей, которые будут отражать их интересы на разных уровнях властных отношений. Выборы в России проводятся на разных уровнях, начиная с выборов Президента РФ (последние состоялись в 2024 году), Федерального Собрания на федеральном уровне до выборов регионального и муниципального уровней. После выборов формируются органы исполнительной и законодательной власти, которые будут принимать компетентные решения относительно важных, судьбоносных вопросов общества. На местном уровне избирательный процесс также играет важную роль в формировании органов местного самоуправления. Граждане выбирают депутатов муниципальных собраний и других представителей, которые будут управлять местными делами в соответствии со сложившимися местными и историческими традициями в рамках собственных муниципалитетов. Эти выборы позволяют жителям регулировать вопросы, связанные с местной инфраструктурой, образованием, здравоохранением, благоустройством и другими важными аспектами жизни в их регионе. В свою очередь, выбранные представители должны учитывать мнение своих избирателей при принятии решений, законодательных актов, что способствует большей открытости и ответственности власти перед населением. Вот почему, создание и обеспечение антикоррупционных гарантий избирательного процесса в России является важным инструментом демократии. Касательно избирательных процедур при формировании органов государственной власти и местного самоуправления, то они должны быть ограждены от влияния коррупционных составляющих субъектов избирательного процесса. Определение коррупции в системе органов управления социальными процессами, ука-

занное в российском законодательстве, в частности в ст. 1 Федерального закона «О противодействии коррупции», говорит о тех коррупционных явлениях, которые уже происходят в общественных институтах, сформированных на определенном этапе развития социума. Но поскольку общество формирует эти органы согласно законам о выборах (различных) – о выборах президента, депутатов, губернаторов, представителей народа на местном уровне, то можно заметить, что возможность коррупционного влияния на выборные процессы поддаются логике коррупционного механизма воздействия на властно-управленческие отношения. Начиная, от этических воззрений и коррупционной «зараженности» социума, заканчивая возможностями прямого влияния путем коррупционных схем на сам выборный процесс. Так, авторы, предметно занимавшиеся проявлениями коррупционного характера в избирательном процессе указывали, что «стремление оказать противоправное воздействие на процесс волеформирования и волеизъявления избирателей объективно возникает и пропорционально возрастает тогда, когда всеобщее голосование становится действительным инструментом передачи политического мандата органам народного представительства» [1, с. 22]. В правовом аспекте избирательный процесс представляет собой хронологически-пространственное развитие зарождения демократических институтов управления российского общества. При юридическом оформлении избирательных конструкций вышеуказанный процесс представляет собой многоступенчатое явление палитры социально-правовой действительности для легитимного формирования и нормального функционирования выборных органов власти для удовлетворения широких общественных интересов. Структурно эти этапы, будучи неотъемлемой частью избирательного процесса, составляют его единство, а также, в определенном выражении, уникальность применительно к формированию конкретного уровня публичной власти России. Будучи процессом, развертывающимся во времени о пространстве, избирательный процесс также представляет собой систему с уязвимостью для возможных злоупотреблений со стороны всех субъектов, вовлеченных в его орбиту. Процессы внедрения цифровых технологий в избирательные процессы показывают возможность их потенциального и реального использования для различных злоупотреблений в рамках политического процесса формирования решений социума в своих конфликтных эгоистических интересах. Традиционное выделение избирательных стадий показывает охват основных аспектов избирательного процесса, определяющие его ход и итоги. Однако включение таких явлений как агитация и финансирование избирательной кампании изначально содержат возможность их таргетирования для использования их в узких, корпоративных интересах с целью получения «нужных» результатов выборов. Также иногда после вышеуказанных манипуляций и воздействия на избирательный процесс возможно обжалование результатов выборов, что ставит его включение в резервные стадии избирательного процесса. Так, Г. А. Сатаров, перечисляя признаки политической коррупции при наделении полномочиями, включающую избирательные злоупотребления (подкуп избирателей, фальсификация итогов голосования и др.), отмечает, «что целью и конечным результатом данной раз-

новидности политической коррупции является незаконное присвоение властных полномочий, т. е. узурпация власти» [2, с. 55].

Существенным потенциалом, в противодействии коррупции в рамках избирательного процесса, конечно же, обладает ответственность за нарушение избирательного законодательства. Отметим, что разноотраслевой комплексный подход в российском законодательстве (от дисциплинарного до уголовного) учел за последние годы большие изменения в российском избирательном процессе. Однако для нас интересно проецирование устройства демократических институтов российского общества и их формирования на составы правонарушений с учетом их субъектного состава. Здесь, следует отметить существование рядовых граждан-избирателей – общих субъектов, и специальных субъектов – избирательные комиссии, кандидаты от партий, наблюдатели и др. То есть корреспондирование и взаимодействие управляющей и управляемых систем в вопросах ответственности за нарушение хода избирательного процесса параллельно сопровождает его на всех стадиях и также отчетливо показывает диалектическое единство построения форм демократии в России, основанного на конституционных началах. Таким образом, установленные антикоррупционные барьеры в российских избирательных процедурах служат перспективой профилактики и более эффективной борьбы в органах публичной власти в момент их сформированности и функционирования, процессам вовлеченности нашего общества в общемировой вклад в борьбу со всемирным злом – коррупцией. Наше российское общество прошло непростой тридцатилетний опыт не только построения современных моделей управления социальными процессами в рамках государственного строительства, но и, параллельно, участвовало и продолжает участвовать в сложном процессе противодействия коррупции. Думается, Конституция России с поправками 2020 года, новый (ожидаемый в 2024 году) Национальный план противодействия коррупции, широкий спектр служебного и административного законодательства, послужат более углубленному внедрению антикоррупционных теорий и практик в избирательное законодательство, которое на дальних подступах обладает несомненным профилактирующим антикоррупционным эффектом в плане построения эффективных структур публичного управления. И, в порядке обратной связи, выстроенные на чистых, антикоррупционных принципах, органы власти, будут учитывать наказания своих избирателей, ожидающих повышения эффективности выполнения управленческих процессов в разных сферах современного социума.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Акунченко Е. А. Коррупционная преступность в избирательном процессе Российской Федерации : монография / под ред. И. А. Дамм, Н. В. Щедрина. М. : Проспект, 2020. 232 с.
2. Антикоррупционная политика : учебник для вузов / Г. А. Сатаров [и др.] ; под ред. Г. А. Сатарова. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Юрайт, 2022. 396 с.
3. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 : с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голо-

сования 01.07.2020). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 23.04.2024).

4. Модельный закон «Основы законодательства об антикоррупционной политике» (принят в г. Санкт-Петербурге 15.11.2003 Постановлением 22-15 на 22-м пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ) // Информационный бюллетень. Межпарламентская Ассамблея государств-участников Содружества Независимых Государств. 2004. № 33. С. 225–260.

5. О противодействии коррупции. Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_82959/ (дата обращения: 21.04.2024).

УДК 343.9

Голубовский Владимир Юрьевич
доктор юридических наук, профессор,
главный научный сотрудник
Всероссийский научно-исследовательский
институт МВД России
Москва, Российская Федерация
63wladimir@mail.ru

Основные направления предупреждения и пресечения преступлений, совершаемых в общественных местах

***Аннотация:** В статье отмечается, что активная деятельность по профилактике и предупреждения преступлений, совершаемых в общественных местах, является одним из направлений деятельности органов внутренних дел. Они осуществляют эту деятельность, демонстрируя свое присутствие в жилых районах, предпринимая меры по устранению причин, создающих предпосылки преступлений, производя задержания нарушителей законов, поддерживая общественный порядок и разрешают спорные вопросы. Автором отмечается, что для обеспечения правового порядка в стране общественность и органы внутренних дел должны знать, в чем состоят задачи и функции правоохранительных органов, так как нормативно-правовая база постоянно совершенствуется.*

***Ключевые слова:** безопасность, несовершеннолетний, преступление, профилактика, органы внутренних дел, общественные места.*

Golubovsky Vladimir Yurievich
doctor of law, professor chief researcher
All-russian Research Institute of the Ministry
of Internal Affairs of Russia
Moscow, Russian Federation

Main directions of preventing and suppressing crimes committed in public places

© Голубовский В. Ю., 2024

Annotation: *The article notes that active work on the prevention of crimes committed in public places is one of the activities of the internal affairs bodies. They carry out this activity by demonstrating their presence in residential areas, taking measures to eliminate the causes that create the preconditions for crimes, arresting lawbreakers, maintaining public order and resolving controversial issues. The author notes that in order to ensure legal order in the country, the public and internal affairs bodies must know what the tasks and functions of law enforcement agencies are, since the regulatory framework is constantly being improved.*

Keywords: *safety, minor, crime, prevention, internal affairs bodies, public places.*

Органы внутренних дел активно разрабатывают комплекс мер по профилактике тех или иных преступлений. Такие сведения содержатся на официальном сайте Министерства внутренних дел РФ и на региональных сайтах областных управлений МВД [9].

Деятельность органов внутренних дел в свободном и демократическом обществе направлена на защиту индивидуального благосостояния, с одной стороны, и обеспечение безопасности всего сообщества – с другой.

Несмотря на зафиксированное незначительное увеличение количества преступлений, совершенных в общественных местах в 2022 году (+1,6 %; всего 590 562), число преступлений, совершенных на улицах, площадях, в парках и скверах, продолжило снижаться (–3,9 %, всего 325 184). Вместе с тем ухудшились отдельные качественные характеристики уличной преступности, увеличилось число тяжких и особо тяжких преступлений (+4,7 %), а также убийств и покушений на убийство (+3,1 %), умышленных причинений тяжкого вреда здоровью (+2,2 %) и посягательств в сфере незаконного оборота наркотиков (+9,7 %) [3, с. 11].

В общественных местах в 2023 году зарегистрировано на 17,5 % преступлений меньше, чем годом ранее, в том числе на улицах, площадях, в парках и скверах – на 22 %. Число уличных разбоев сократилось на 12,2 %, грабежей – на 24,5 %, краж – на 22,9 % [4].

Отмечается снижение числа несовершеннолетних преступников, как и преступлений, совершенных при их участии (–4,4 %; всего 30 469) [5].

Известно, что чем менее оживлена жизнь в общественных местах, тем больше там ощущается недостаток в осуществлении мер социального контроля и тем скорее там совершаются преступления. Для того чтобы как можно больше людей собиралось в таких общественных местах, нужно проводить праздничные мероприятия на улицах населенных пунктов, привлекать жителей к их организации и проведению. На этих совместных мероприятиях укрепляются контакты, они способствуют обмену мнениями между молодыми и пожилыми людьми. Граждане поддерживают идею отведения специальных мест и территорий для граффити, возможность выставления их «творческих произведений». При этом немаловажное значение имеет освещение средствами массовой информации проводимых мероприятий, что, в свою очередь, привлечет внимание несовершеннолетних, окажет на них положительное воздействие.

Другая возможность отвлечения несовершеннолетних, особенно проблемных, от улицы – это создание условий для занятия спортом, особенно в вечерние часы. Другим положительным примером общественной занятости явля-

ется уборка общественных территорий. Важную помощь в данной работе оказывают и мероприятия по изменению городской застройки или санации жилого фонда. Включение в программы по подготовке и проведению в городе праздничных мероприятий акций по системному улучшению жизни города, особенно районов, где очень высок уровень субъективной неуверенности, является неотъемлемой частью в работе всех структурных подразделений.

Показателен опыт отдельных субъектов Российской Федерации. Так, в Челябинске, все культурно-массовые, спортивные, патриотические мероприятия проводятся только после согласования с УМВД города. На заседании антитеррористической комиссии региона было принято решение о введении дополнительных мер по обеспечению правопорядка и безопасности, недопущению террористических актов в местах с массовым пребыванием людей, а также ограничению проведения массовых мероприятий, которые не отвечают требованиям антитеррористической безопасности [7].

Очень важен и такой момент, как проявляемая в самых разных формах помощь соседей друг другу. Это поможет укреплению чувства ответственности людей при оформлении их жизненного пространства. Чем нагляднее, ярче меры социального контроля в районе, тем выше степень превентивного воздействия.

Отсутствие возможности лично поговорить с участковым, установить с ним контакт, особенно в случаях, когда они впервые стали жертвой преступника. Согласно социологическому опросу, 75 % респондентов считают, что для обеспечения их большей безопасности эффективнее пешее полицейское патрулирование, нежели объезжать район на автомобиле. Поскольку прежде всего пожилые люди опасаются возможности стать жертвой преступления, возможно, следует подумать о том, как иначе организовать работу полицейского с пожилыми людьми.

Минимум раз в год участковому уполномоченному полиции необходимо встречаться с людьми, которые живут на вверенной ему территории. Главная цель такого мероприятия, рассказать о своей работе, криминогенной ситуации в районе и ответить на вопросы. Чтобы охватить максимальное количество местных жителей, эти отчеты нужно проводить вечером или в выходные. Инструкция утверждена приказом МВД России от 26 декабря 2023 года [8], опубликованным на официальном портале правовых актов 02 апреля 2024 года. Сотрудники территориальных органов ведомства должны не реже раза в год отчитываться о результатах своей деятельности перед представительными органами регионов и муниципалитетов, а также перед гражданами. При этом полагается присутствовать заместителю начальника территориального органа МВД на районном уровне и сотруднику органа местного самоуправления. Однако могут пригласить и работников учреждений социальной защиты населения, организаций, осуществляющих деятельность в сфере жилищно коммунального хозяйства, и других отраслях, представителей ветеранских объединений. Информировать население о предстоящем мероприятии документ предписывает не позднее десяти рабочих дней до намеченной даты, причем любыми возможными способами. В такой же срок на официальных сайтах территориальных органов МВД и органа местного самоуправления необходимо разместить информационно-

аналитическую справку, которую подготовил участковый и подписал его начальник. Это позволит всем заинтересованным лицам заранее проанализировать: работу по охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности, эффективность защиты прав и законных интересов граждан от преступных посягательств, мер по обеспечению общественного доверия и поддержки со стороны граждан. В зависимости от особенностей конкретных территорий на собрание могут пригласить население сразу нескольких административных участков. В таком случае прозвучат доклады о ситуации в каждом из них. При проведении отчета участкового уполномоченного полиции может проходить награждение граждан, представителей общественных объединений и организаций за активное участие в обеспечении правопорядка. По итогам мероприятия в те же десять дней ответственный сотрудник оформит протокол. Все отчетные материалы разместят на официальных сайтах территориальных органов МВД и местного самоуправления [2].

Недопущение возникновения проблемных территорий и общественных мест предполагает, что в общественных местах не должно быть территорий, провоцирующих совершение противозаконных действий. Главное направление в этой работе, это высокий уровень мер контроля. Использование средств видеонаблюдения допустимо только в отдельных местах, причем необходимо тщательно продумать возможность их применения.

Необходимо тесное взаимодействие полиции с другими инстанциями. В каждой школе должен быть человек, в обязанности которого входит установление контактов с комиссией по делам несовершеннолетних и защите их прав и другими институтами, занимающимися проблемами несовершеннолетних и подростков. Необходим своевременный обмен информацией, реализация мероприятия по обеспечению общественной безопасности.

Результаты проведенных исследований свидетельствуют о том, что поведение несовершеннолетних существенно и эти негативные тенденции продолжают усугублять сложившуюся ситуацию, кроме того, в поведении несовершеннолетних появились новые криминальные черты. Вполне возможно, что общество сейчас по-другому смотрит на несовершеннолетних по сравнению с предшествующими периодами.

Насилие среди несовершеннолетних как современной проблеме, которая беспокоит общество, является следствием изменения причин насилия в обществе. В 2022 г. возбуждено 24 031 уголовное дело о преступлениях в отношении несовершеннолетних, это на 1,1 % меньше, чем в 2021 году. По результатам расследования в суды для рассмотрения по существу направлено 12 930 уголовных дел – на 4,2 % больше 2021 г. [1].

Огромное значение имеет тесное взаимодействие между школой, полицией и министерством здравоохранения. В данном процессе могут участвовать также и учителя, в частности, обратиться за советом в органы полиции по поводу медицинской помощи несовершеннолетним. Важно то, что меры полицейского контроля должны применяться лишь после того, как исчерпаны педагогические.

Также МВД России предлагает наделить своих сотрудников новыми обязанностями, например, следить за нарушителями общественного порядка, вести профилактические беседы с наркозависимыми. Соответствующие поправки планируется внести в приказ МВД России от 29.03.2019 № 205 «О несении службы участковым уполномоченным полиции на обслуживаемом административном участке и организации этой деятельности» [6, с. 376].

Ориентация в борьбе с распространением наркотиков только на правоохранительные органы снижает эффективность усилий, необходима помощь всего общества, каждого его гражданина.

Тревожное развитие ситуации с наркотиками требует усиления профилактических мер, в частности, сурового уголовного преследования за торговлю наркотиками на всех уровнях, однако не любой ценой. Самым слабым звеном в этой системе является профилактика наркомании. Ее необходимость признается и подчеркивается всеми, но на практике она реализуется очень слабо. Само население еще недостаточно осознает важность профилактики и ее значение. Полицейские профилактические меры направлены не на употребляющих наркотики (первичная профилактика), а на снижение числа возможных преступлений, связанных с наркотиками, например, на обеспечение безопасности аптек (вторичная профилактика).

Полиция в своей практической деятельности должна преследовать следующие цели: наличие полной информации о нелегальных наркотиках; воспрепятствование или затруднение попадания в зависимость от наркотиков; формирование у населения чувства опасности по отношению к наркотикам и адекватного поведения; обсуждение проблемы наркотиков с родителями, молодежью, учителями; уменьшение числа преступлений, связанных с необходимостью добывания наркотиков; снижение числа преступлений, совершаемых под воздействием наркотиков.

Таким образом, одним из основополагающих профилактических мероприятий, проводимых органами внутренних дел с целью предотвращения преступлений, совершаемых в общественных местах, является разъяснительная работа с гражданами по поводу безопасного поведения, обращать внимание на профилактические мероприятия, отраженные в соответствующих ведомственных приказах, а также в Законе о профилактике правонарушений и иных федеральных законах.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Бастрыкин А. И. Опасный возраст. URL: <https://rg.ru/2023/05/31/opasnyj-vozrast.html> (дата обращения: 01.04.2024).
2. Как должен отчитываться участковый перед гражданами. URL: <https://www.pnp.ru/social/kak-dolzhen-otchityvatsya-uchastkovyyu-pered-grazhdanami.html?clckid=a3408сба> (дата обращения: 04.04.2024).
3. Комплексный анализ состояния преступности в Российской Федерации по итогам 2022 года и ожидаемые тенденции ее развития / М. В. Гончарова, С. А. Невский, М. М. Бабаев, Р. В. Черкасов, Е. Б. Аблязова, Е. М. Тимошина, Г. Ф. Коимшиди, Г. Э. Бицадзе. М. : ФГКУ «ВНИИ МВД России», 2023. 102 с.

4. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь – декабрь 2023 года. URL: <https://мвд.рф/reports/item/47055751/> (дата обращения: 12.04.2024).

5. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь – декабрь 2022 года. URL: <https://мвд.рф/reports/item/35396677/> (дата обращения: 12.04.2024).

6. Кунц Е. В. Наказание, предупреждение и защита прав как направления борьбы с преступностью несовершеннолетних // Пенитенциарная наука. 2023. Т. 17, № 4(64). С. 374–381.

7. Массовые мероприятия в Челябинске будут проводить по согласованию с полицией. URL: <https://up74.ru/articles/news/155861/?ysclid=luz771pt4e445419279> (дата обращения: 12.04.2024).

8. Об утверждении инструкции по организации и проведению отчетов должностных лиц территориальных органов МВД России : приказ МВД РФ от 26.12.2023 № 1011. URL: <https://mvd.consultant.ru/documents/1058344>(дата обращения: 12.04.2024).

9. Официальный сайт Главного управления МВД России по Челябинской области. URL: <https://74.мвд.рф/> (дата обращения: 12.04.2024).

УДК 343.45

Алихаджиева Инна Саламовна

доктор юридических наук, доцент
Российская криминологическая ассоциация
имени Азалии Ивановны Долговой
Москва, Российская Федерация
AlinsI@yandex.ru

**Погашенная или снятая судимость: персональные данные,
«право на забвение» или на неприкосновенность частной жизни?
(По материалам судебной практики)**

Аннотация: Рассматриваются вопросы, возникающие в связи с хранением в базах МВД РФ данных о погашенной или снятой судимости, и отражением в справках ведомства сведений об уголовной ответственности при освобождении от нее по амнистии, ввиду декриминализации деяния, в связи с примирением с потерпевшим и др. Анализируются позиции Конституционного и Верховного Судов РФ, судов общей юрисдикции в части нарушения личных прав человека. На конкретных примерах показано, что суды формально толкуют информацию о судимости человека при ее юридическом отсутствии, указанную в справке МВД РФ, как не нарушающую право человека на неприкосновенность частной жизни, доброе имя, право на забвение в соответствии с законом об информации.

Ключевые слова: судимость, право на забвение, Верховный Суд РФ, Конституционный Суд РФ, Административный регламент МВД РФ, погашение и снятие судимости.

Alikhadzhiyeva Inna Salamovna
doctor of law, associate professor
Russian criminological association
named after Azalea Ivanovna Dolgova
Moscow, Russian Federation

**Extinguished or withdrawn criminal record: personal data,
“right to oblivion” or privacy?
(Based on the materials of judicial practice)**

***Annotation:** Issues arising in connection with the storage in the databases of the Ministry of Internal Affairs of the RF of data on a repealed or withdrawn criminal record, and the reflection in the department's certificates of information about criminal liability upon release from it under an amnesty, due to the decriminalization of the act, in connection with reconciliation with the victim, etc. The positions of the Constitutional and Supreme Courts of the RF, courts of general jurisdiction in terms of violation of personal human rights are analyzed. Specific examples show that the courts formally interpret information about a person's criminal record in its legal absence, indicated in the certificate of the Ministry of Internal Affairs of the RF, as not violating a person's right to privacy, good name, right to oblivion in accordance with the law on information.*

***Keywords:** criminal record, right to oblivion, Supreme Court of the Russian Federation, Constitutional Court of the Russian Federation, Administrative Regulations of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, repayment and removal of criminal record.*

По данным Судебного департамента РФ, опубликовавшего отчет о деятельности судов общей юрисдикции и мировых судей, за 2021 г. в России по первой инстанции осудили 565 523 человек, из которых 212 645 имели неснятую или непогашенную судимость, в 2022 г. – соответственно 578 751 и 214 142 чел., а в I полугодии 2023 г. – 268 921 и 101 876 чел. [12]. Как показывает мониторинг судебной практики по вопросам, связанным с судимостью, граждане обращаются в суды за защитой своих прав, оспаривая законность положений нормативных правовых актов МВД РФ, касающихся хранения в базах данных и обработки сведений о судимости и привлечении к уголовной ответственности, а также их отражении в справках, выдаваемых ведомством. Имеются в виду случаи, когда судимость погашена или снята, либо когда сроки привлечения к уголовной ответственности истекли.

Нормативными правовыми актами, которые обжалуют граждане, являются Административный регламент МВД РФ от 27.09.2019 № 660 по предоставлению государственной услуги по выдаче справок об отсутствии судимости и (или) факта уголовного преследования либо о прекращении уголовного преследования [6] и приказ МВД РФ от 12.02.2014 № 89дсп «Наставление по ведению и использованию централизованных оперативно-справочных, криминалистических и розыскных учетов, формируемых на базе органов внутренних дел Российской Федерации (приказ № 89дсп) [7]. К Наставлению были разработаны Правила формирования, ведения и использования учета лиц, подвергшихся уголовному преследованию, в том числе привлеченных к уголовной ответственности, осужденных, реабилитированных, в отношении которых установлен административный надзор, а также граждан, совершивших административные

правонарушения и привлекавшихся к административной ответственности за их совершение.

Согласно п. 15.1 Правил в пофамильных учетах, которые ведут ГИАЦ и ИЦ МВД России, документы хранятся до достижения осужденным восьмидесятилетнего возраста, независимо от снятия или погашения судимости. То же правило (подпункт «е» пункта 15.2) распространяется и на подозреваемых или обвиняемых в совершении преступления, уголовные дела в отношении которых прекращены на стадии предварительного следствия, по амнистии или помилованию, в связи со смертью, с истечением сроков давности уголовного преследования, с примирением сторон (за исключением дел частного обвинения) или с деятельным раскаянием или принятием закона, устраняющего преступность или наказуемость деяния, а также лиц, осужденных (при наличии вступившего в законную силу приговора суда) за преступления, которые впоследствии были декриминализованы. Тот же срок действует и в отношении лиц, совершивших уголовно наказуемые деяния, к которым применены принудительные меры медицинского характера. Пожизненно в пофамильных картотеках хранятся учетные алфавитные карточки на приговоренных к пожизненному заключению и осужденных за преступления против основ конституционного строя и безопасности государства; на осужденных, в отношении которых вступившие в законную силу приговоры отменены или уголовные дела прекращены по реабилитирующим основаниям. Если к уголовной ответственности привлекался несовершеннолетний, который был освобожден от нее с применением принудительных мер воспитательного воздействия, то это срок равен пятнадцати годам со дня назначения данной меры. Иными словами, данные не только о судимости лица, но даже о его привлечении к уголовной ответственности и прекращении уголовного преследования фактически хранятся пожизненно. Что касается Административного регламента МВД РФ, истцы ставят вопрос о незаконности хранения и (или) указания в установленном образце справки данных о погашенной или снятой судимости, а также о том, что в ней должны быть указаны сроки, когда лицо считается несудимым.

По каким основаниям суды принимают решения о допустимости обработки персональных данных о судимости, хранения данных о ней и указания об имевшейся в прошлом судимости при ее снятии или погашении?

1. По мнению судов, хранение учетных документов независимо от снятия или погашения судимости не может рассматриваться как ограничение или ущемление прав лиц, ранее ее имевших. Оспаривая в Верховном Суде РФ законность пп. «е» п. 15.2 Наставления, административные истцы указали, что органы внутренних дел в справке о наличии (отсутствии) судимости указывали и сведения об уголовном преследовании за декриминализованные преступления, а также попавшие под амнистию. По их мнению, хранение таких сведений в активном состоянии, указание их в справках до достижения 80-летнего возраста нарушает право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, а также создает препятствия для реализации других прав. В определении Апелляционной коллегии Верховный Суд РФ не усмотрел никаких нарушений прав, указав: «Поскольку на время вынесения обвинительного приговора суда лицо считалось осужденным за совершение преступления, изменение уголовного законодательства,

которым преступление было декриминализовано, не означает, что информация о таких лицах и фактах уголовного преследования подлежит уничтожению. ...Ссылки о том, что сроки хранения учетных данных должны соответствовать срокам погашения или снятия судимости, не основаны на законе. Уголовно-правовые последствия судимости как средства, направленного на обеспечение конституционного принципа равенства всех перед законом и судом в сфере уголовно-правовых отношений, служат для достижения конституционно значимых целей дифференциации уголовной ответственности и наказания, усиления его исправительного воздействия на осужденного, предупреждения новых преступлений; предусмотренные в УК РФ уголовно-правовые последствия судимости не выходят за рамки уголовно-правовых средств, которые федеральный законодатель вправе использовать для достижения указанных целей. Следовательно, цели хранения и обработки информации не связаны с правовыми последствиями судимости, а необходимость хранения и обработки информации о лицах, осужденных за совершенные преступления, не может рассматриваться как юридическое последствие судимости» [3]. С таким подходом судов нельзя согласиться. Установление единого для всех возраста восьмидесяти лет, по достижении которого сведения о судимости в учетных документах архивируются и переводятся в автоматизированные оперативно-справочные картотеки, нарушает равноправие граждан, обращающихся за справками, в зависимости от возраста. Например, в такой справке когда-то осужденного за убийство, которому на момент ее получения исполнилось 80 лет, не будет отметки об имевшейся судимости (она сохранится не на бумажном носителе, но в архиве, в электронной форме), а в справках лиц, осужденных за неосторожные преступления либо преступления, которые декриминализованы, такая информация содержаться будет. Показательно, что согласно актам МВД РФ, действовавшим до 2000 г., предусматривался другой срок хранения информации о судимости гражданина (привлечении к ответственности): он составлял 12 лет. В международном праве сроки хранения данных также отличаются от российских учетов криминального прошлого. Так, в ст. 8 «Срок хранения данных» Регламента Европейского Парламента и Совета Европейского Союза от 17.04.2019 2019/816 о создании централизованной системы идентификации государств-членов ЕС, содержащей информацию о судимостях граждан третьих стран и лиц без гражданства говорится о том, что отметки о судимости удаляются через 25 лет в отношении осужденных за терроризм. Через 15 лет удаляются данные об осужденных за другие преступления [10].

2. Общественная значимость информации о погашенной или снятой судимости, общественный интерес в ее сохранении в открытом доступе. С 1.01.2016 в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» внесли изменения (ст. 10.3). После них по требованию заявителя оператор поисковой системы обязан прекратить выдачу ссылок на информацию, которая является недостоверной, неактуальной, утратившей значение в силу последующих событий или действий заявителя. Исключения составляют два случая: если информация содержит данные об осуждении человека, а судимость не снята или не погашена, либо об уголовно наказуемых деяниях, если сроки привлечения к ответственности за них еще не истекли. Вопреки тому, что законодатель прямо указал на «обязанность», а не «право» опе-

ратора удалять сведения о фактах криминального прошлого заявителя, суды по-разному трактуют факт погашения или снятия судимости, допуская разное толкование этой нормы закона. Например, Судебная коллегия по гражданским делам Мосгорсуда оставила в силе решение Замоскворецкого районного суда г. Москвы об отказе в удовлетворении иска К. к компании «Гугл Инк.». К. просил возложить на ответчика обязанность прекратить выдачу ссылок на страницы в сети Интернет, где содержится информация о его судимости. Истец мотивировал свои требования тем, что сведения о судимости не являются актуальными, она погашена, а ответчики в добровольном порядке удалить ссылки на информацию о ней отказались. Апелляционная инстанция, ссылаясь на ст. 3, 8, 10.3 закона об информации, указала на действие в РФ принципа свободы поиска, получения, передачи и распространения информации любым законным способом. Информация об истце имеет непосредственное отношение к адвокатской деятельности, которой он занимается в настоящее время, не утратила актуальности, несмотря на погашение судимости, а потому ее распространение обеспечивает соблюдение прав граждан, предусмотренных положениями ст. 29 Конституции РФ [2]. Вопреки положениям закона о забвении информацию о судимости истца В. до настоящего времени можно найти на просторах Интернета [5]. Эту позицию судов поддерживают и теоретики. Так, Е. М. Подрабинок полагает, что сведения о деяниях, сроки привлечения к уголовной ответственности за которые истекли, и о преступлениях, по которым судимость снята или погашена судимость, не должны быть исключением для удаления ссылок. Ведь «речь идет о антисоциальном поведении, нарушающем закон» [8, с. 291]. По нашему убеждению, такие решения судов не основаны на законе, ведь в ст. 10.3 закона об информации нет прямого указания на общественную значимость информации о судимости лица, а значит здесь имеет место судебское усмотрение с расширительным толкованием закона.

3. Судами не признается факт общеправовых ограничений для осужденного, порождаемых выдачей справок о наличии судимости, которая погашена или снята, в соответствии с Административным регламентом МВД РФ. Так, Якутским городским судом было отказано в удовлетворении заявления М. М. Е. к ИЦ МВД РФ по Республике Якутия, в котором она просила признать незаконными действия ответчика по сбору, обработке, хранению и предоставлению информации о привлечении ее к уголовной ответственности, обязанности исключить информацию из базы данных. Как установлено в решении суда, истец была признана виновной по ч. 1 ст. 200 УК РФ (декриминализована) и осуждена к условному лишению свободы. В связи с объявлением амнистии она была освобождена от наказания и является лицом несудимым согласно ч. 2 ст. 86 УК РФ. При этом данные о ее привлечении к уголовной ответственности хранятся в ведомственных базах МВД РФ. Суд в мотивировочной части решения указал, что истица не приводит конкретных фактов отказа в трудоустройстве в связи с имевшимся привлечением к уголовной ответственности и наличием таких сведений в базе данных ИЦ МВД, а также доказательств этого. Отсюда следует, что само по себе хранение сведений о судимости истицы в базе данных МВД России не ограничивает ее в каких-либо конституционных правах и свободах [11]. Между тем если исходить из толкования смысла ст. 86 УК РФ на

момент выдачи справки лицо, судимость которого погашена или снята, признается не имеющим ее. Возникает вопрос, почему документы МВД РФ содержат сведения, которые не соответствуют действительности, ведь даже Мосгорсуд признал, что при отборе в присяжные заседатели «лицо, имеющее погашенную судимость, на основании ст. 86 УК РФ может отвечать, что оно не судимо» [9]. Для общества человек с клеймом судимости является неблагонадежным, от которого следует оберегать общество, однако известны случаи незаконного осуждения к длительным срокам лишения свободы невиновных граждан. Действующий подход к отражению в справке информации об имеющейся в прошлом судимости мог бы иметь в качестве основания общественную значимость при совершении тяжких преступлений против личности, половых преступлений, против детей, актов терроризма, экстремизма, преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков. Подобного рода информация имеет общественный интерес для целей расследования преступлений и их предупреждения, а потому все данные о тяжких и особо тяжких преступлениях должны аккумулироваться в базах спецучета и храниться пожизненно. Полагаем, что необходимо установить перечень преступлений, осуждение либо привлечение к уголовной ответственности за которые, не будут указываться за давностью или погашением (снятием) судимости.

Следует предложить осуществлять хранение в активном состоянии на пофамильном учете в базах ГИАЦ МВД РФ сведений о судимости в зависимости от тяжести преступления, как это, к примеру, установлено по срокам ее погашения. Такой подход согласуется и с принятыми поправками к закону об информации (ст. 10.3), когда в судебном заседании истцу необходимо доказать, что информация утратила достоверность, актуальность или значение для него. Никакой общественный интерес не может быть оправдан праздным «наведением справок» о человеке, отбывшем наказание, после которого еще и истек срок, когда он признается репрессивным законодательством лицом, не имеющим судимости. Нельзя забывать и об ущемлении прав человека, отбывшего наказание, на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, доброе имя, право на труд. К тому же и сам законодатель постоянно расширяет круг запретов и ограничений для бывших фигурантов уголовных дел [1, с. 68]. Н. В. Артеменко и Н. Г. Шимбарева подсчитали, что больше 100 федеральных законов содержат ограничения, связанные с судимостью, когда она в том числе погашена или снята [4, с. 147]. А потому сложившийся подход с указанием в справках о наличии судимости, которая давно погашена или снята, не способствует и социализации ранее осужденных.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Алихаджиева И. С. Судимость как персональные данные и основание общеправовых ограничений // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2024. Т. 14, № 1. С. 65–79.
2. Апелляционное определение Судебной коллегии по гражданским делам Московского городского суда от 28.09.2017 по делу № 33-38902/2017 // СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 14.01.2024).

3. Апелляционное определение Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ от 10.05.2018 № АПЛ18-143 // СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 14.01.2024).

4. Артеменко Н. В., Шимбарева Н. Г. Как работает судимость? // Северо-Кавказский юридический вестник. 2021. № 4. С. 145–153.

5. Вынесен обвинительный приговор следователю Замоскворецкого МРСО СУ по ЦАО ГСУ СК России по г. Москве и адвокату. URL: https://epp.genproc.gov.ru/web/proc_cfo/mass-media/news/archive?item=33111906 (дата обращения: 14.01.2024).

6. Об утверждении Административного регламента Министерства внутренних дел Российской Федерации по предоставлению государственной услуги по выдаче справок о наличии (отсутствии) судимости и (или) факта уголовного преследования либо о прекращении уголовного преследования: приказ МВД России от 27.09.2019 № 660 // СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 14.01.2024).

7. Об утверждении Наставления по ведению и использованию централизованных оперативно-справочных, криминалистических и розыскных учетов, формируемых на базе органов внутренних дел Российской Федерации: приказ МВД РФ от 12.02.2014 № 89дсп // СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 14.01.2024).

8. Подрабинок Е. М. Особенности осуществления права на забвение в эпоху цифровизации общества // Пермский юридический альманах. 2019. № 2. С. 290–300.

9. Постановление Президиума Верховного Суда Российской Федерации от 10.04.2006 № 59-П06ПР // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2006. № 9.

10. Регламент Европейского Парламента и Совета Европейского Союза от 17.04.2019 2019/816 о создании централизованной системы идентификации государств-членов ЕС, содержащей информацию о судимостях граждан третьих стран и лиц без гражданства (ECRIS-TCN), в целях дополнения Европейской информационной системы учета криминального прошлого и об изменении Регламента (ЕС) 2018/1726 // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://epp.genproc.gov.ru/web/proc_cfo/mass-media/news/archive?item=33111906 (дата обращения: 14.01.2024).

11. Решение Якутского городского суда от 13.02.2014 по делу № 2-1121-2014 // СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 14.01.2024).

12. Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 1 полугодие 2023 года // Судебный департамент. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=7900> (дата обращения: 14.01.2024).

УДК 343.9; 347.963

Меркурьев Виктор Викторович

доктор юридических наук, профессор,
заведующий отделом НИИ
Университета прокуратуры РФ,
президент Российской криминологической
ассоциации имени Азалии Ивановны Долговой
Москва, Российская Федерация
merkuriev-vui@mail.ru

Амелина Ирина Сергеевна

научный сотрудник отдела НИИ
Университета прокуратуры РФ
Москва, Российская Федерация
i.rina@yandex.ru

**Криминологико-политические аспекты участия прокуратуры
в обеспечении безопасности Российской Федерации**

Аннотация: В статье рассматриваются методы, используемые иностранными и международными неправительственными организациями в целях дестабилизации общественно-политической ситуации в Российской Федерации. В условиях развернувшейся «гибридной войны» и угрозы национальной безопасности особое значение приобретает деятельность прокуратуры по противодействию распространению идеологии экстремизма, межнациональных и межконфессиональных конфликтов. Проведенный в статье анализ полномочий прокурора, предоставленных федеральными законами, позволяет определить вектор борьбы с иностранным вмешательством во внутренние дела государства и повысить ее эффективность.

Ключевые слова: зарубежные неправительственные организации, иностранные агенты, выборы, иностранное вмешательство, безопасность государства, криминология, прокуратура.

Merkuryev Viktor Viktorovich

doctor of law, professor, head of department of the Research
Institute of the University of the Prosecutor's Office
of the Russian Federation,
President of the Russian criminological
association named after Azalia Ivanovna Dolgova
Moscow, Russian Federation

Amelina Irina Sergeevna,

Researcher, Research Institute Department
University of the Prosecutor's Office
of the Russian Federation
Moscow, Russian Federation

Criminological and political aspects of the participation of the prosecutor's office in ensuring the security of the Russian Federation

***Annotation:** The article discusses the methods used by foreign and international non-governmental organizations in order to destabilize the socio-political situation in the Russian Federation. In the context of the unfolding "hybrid war" and the threat to national security, the activities of the prosecutor's office to counter the spread of the ideology of extremism, interethnic and interfaith conflicts are of particular importance. The analysis of the powers of the prosecutor provided by federal laws carried out in the article allows us to determine the vector of the fight against foreign interference in the internal affairs of the state and increase its effectiveness.*

***Keywords:** foreign non-governmental organizations, foreign agents, elections, foreign interference, state security, criminology, prosecutor's office.*

События на Украине, в связи с проведением специальной военной операцией и возникающими угрозами для основ конституционного строя и государственной безопасности, вынуждают вновь обратиться к криминологическим раздумьям. Хронология событий последних месяцев воочию показала, что со стороны США и его сателлитов по блоку НАТО развязана полномасштабная гибридная война против России, которая ведется с применением методов и практики диверсионно-террористической деятельности.

В конце 2023 года по инициативе Международного криминологического Клуба в Санкт-Петербургском институте (филиале) Университета прокуратуры Российской Федерации размышления по данной теме были озвучены в рамках заседания «Война глобальной олигархической власти против России» [1]. «В докладе „Политическая криминология об активной фазе войны глобальной олигархической власти против России (2022 – наст.)“ и поступивших откликах содержались важные предложения, направленные на совершенствование международного уголовного права, криминализацию деяний, угрожающих суверенитету и безопасности России, а также теоретические положения о формировании нового международного судоустройства, обоснование российского права самообороны в целях предотвращения угрозы надвигающегося нападения, меры по девиктимизации населения России в условиях искажения исторического прошлого» [6, с. 44].

Эти криминологическо-политические раздумья стали еще одним подтверждением того, что ученые-криминологи не стоят в стороне от решения насущных вопросов российского общества и социально-правовых проблем обеспечения его безопасности, которые оказывают опосредованное влияние на современную криминологию, меняя вектор ее развития.

Характерно, что уже не первое десятилетие российское общество пытаются дезорганизовать и направить на саморазрушение государства.

Совсем недавно наше внимание привлекла информация о том, что базирующийся в Вашингтоне «Международный центр ненасильственного конфликта» выпустил очередное пособие по проведению цветных революций, которое называется «Содействие четвертой демократической волне: руководство по противодействию авторитарной угрозе». Данные рекомендации могут быть ис-

пользованы правительством США, что повлечет за собой новые провокации и попытки внешнего влияния на внутривнутриполитические дела Российской Федерации. Это прослеживается по событиям, произошедшим в 2024 году накануне и во время выборов Президента Российской Федерации.

Поэтому принятию результативных мер защиты конституционного строя, суверенитета, территориальной целостности, обороноспособности и государственной безопасности должно отводиться неусыпное внимание.

Президент России в начале «прямой линии» 15.12.2023 «поставил очень важную задачу – укрепить суверенитет Российской Федерации. Ее актуализация связана с тем, что многочисленные попытки США и стран НАТО вероломно, системно нарушать наш суверенитет, вмешиваться в наши внутренние дела будут продолжаться» [6, с. 45]. Центры управления из США, Великобритании, ФРГ, Швеции, Польши и Украины «в долгую» осуществляют деструктивную деятельность по дискредитации любых событий и действий органов публичной власти Российской Федерации: от выборов до ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера; оказания помощи освобожденным территориям Донбасса и Малороссии до решения миграционных проблем в России. Эти же ресурсы одновременно обрабатывают задания по дискредитации наших Вооруженных Сил и СВО в целом.

Сбились в очередь зарубежные неправительственные организации (далее – НПО) для подачи обращений в международные организации о признании прошедших в России выборов «незаконными», «недействительными» и «нелегитимными». В сам же период их проведения они активно распространяли призывы по саботированию выборов, в частности, призывы к своим представителям не принимать участие в процедуре наблюдения за их проведением. Заметно активизировались подконтрольные спецслужбам релоканты – предатели с приближением инаугурации Президента России.

С учетом этого во Франции, Великобритании, Польше, Венгрии, Австралии, Канаде, США, а также на площадке Европарламента активно разрабатываются новые механизмы противодействия иностранному вмешательству, которые нацелены на защиту электоральных процессов, регулирование работы СМИ и НПО [9]. Например, «Еврокомиссия приняла так называемый «Пакет защиты демократии», предусматривающий меры по регистрации иностранных агентов и контролю за их деятельностью. В частности, для представителей стран, не входящих в Евросоюз, предусмотрена регистрация в «Реестре транспарентности» (прозрачности) и «демократическая подотчетность» [9].

«Сами же „защитники демократии“ стимулировали и будут продолжать инспирировать антироссийскую деструктивную деятельность релокантов всех мастей. Пользуясь поддержкой западных политических кругов, те пытаются внести раскол в ряды патриотически настроенных членов российских диаспор за рубежом. Они же активно разрабатывали стратегии участия в избирательной кампании, информационные акции, меры воздействия на русскоязычную аудиторию, организовывали у российских посольств и консульств уличные акции протеста» [6, с. 46].

Примечательно, что странами НАТО организована деятельность соответствующих спецслужб и «агентов влияния» с целью сбора данных о проблемных вопросах в регионах Российской Федерации, а специальные исследовательские институты, созданные на базе США, Великобритания, проводят исследования по оценке степени их влияния на протестные настроения.

Со стороны противников нашей страны предпринимаются различные способы дестабилизации общественной обстановки в России, например, посредством разжигания межнациональной розни в национальных республиках. Намеренно вбрасываются тезисы о якобы непропорциональном участии представителей народов России в СВО, распространяются призывы к расчленению и «деколонизации» нашего государства.

По поступающей в Службу внешней разведки Российской Федерации (далее – СВР) информации в США изобретают все более изощренные способы незаконного вмешательства в демократические процедуры, одним из которых является целенаправленная работа с россиянами – выпускниками американских программ обмена по созданию в России «пятой колонны», в этих целях, в том числе в странах ближнего зарубежья, организованы соответствующие тренинги.

Так, директор СВР С. Е. Нарышкин в начале этого года заявил о планах США на «пятую колонну» из студентов по обмену: «США хотят привлечь студентов по обмену к вмешательству в выборы Президента России». Ссылаясь на подсчеты Госдепартамента, он отметил, что «общее количество российских стипендиатов образовательных и культурных программ США, таких как Access, FLEX, Advance, Global UGRAD, Work and Travel USA и Fulbright, составляет более 80 тыс.» [9]. По его словам, в Вашингтоне полагают, что могут сделать их «стержневым элементом пятой колонны», а также привлечь к новым санкционным механизмам при «должной обработке» [8]. При этом США будут делать основной упор на обучение таких студентов «методам разжигания межнациональной и социальной вражды, вмешательства в выборы, дискредитации руководства страны в соцсетях» [2].

Непременным объектом политической обработки и подготовки к протестной деятельности со стороны глобальной олигархической власти является молодежь.

В связи с этим необходимо упомянуть доклад признанной в России нежелательной американской организации «Атлантический совет», который вышел за две недели до начала СВО и назывался «Глобальная стратегия 2022: Противодействие агрессии Кремля сегодня для конструктивных отношений завтра». «В докладе перечислены методы вмешательства во внутренние дела России с прицелом на 25 лет вперед. Приведу всего одну цитату оттуда: «Вашингтон должен наращивать поддержку «несистемной» оппозиции и поддержку программ американо-российского образовательного и культурного обмена, особенно для учащихся старших классов». Комментарии, как говорят, излишни.

Теперь США собираются задействовать эту агентуру для дестабилизации ситуации в нашей стране, на что и обратила внимание СВР России» [6, с. 48].

Именно с этих позиций надо оценивать деятельность Генеральной прокуратуры Российской Федерации по противодействию деструктивной деятельности иностранных и международных неправительственных организаций (далее – ИНОиМО). По решению Генерального прокурора Российской Федерации и его заместителей нежелательной на территории России признана деятельность 165 иностранных неправительственных организаций (далее – ИНО) [3], созданных на территориях недружественных стран. Только в 2023 г. 57 зарубежных неправительственных организаций были признаны по решению Генерального прокурора Российской Федерации и его заместителя нежелательными на территории России (в 2022 г. – 23). Уже за истекший период 2024 г. их число составило 37 (по состоянию на 27.05.2024). География практически мало меняется – это те же страны, с которыми связано их происхождение: Канада, Польша, Турецкая Республика, США, ФРГ, Чешская Республика, Великобритания, Швейцария, Украина, Япония, Испания, Франция.

Комиссией Госдумы Федерального Собрания Российской Федерации по расследованию фактов вмешательства иностранных государств во внутренние дела России был проведен анализ подрывной деятельности зарубежных ИНО, направленной против интересов России. Интересным представляется то, что в 2022 году из 22 иностранных неправительственных организаций, деятельность которых была признана нежелательной, в соответствии с действующим федеральным законодательством только одна из них имела свой филиал на территории России. Такое игнорирование закона не случайно. «Зарубежные ИНО, работая на подрыв конституционных, экономических и духовно-нравственных основ нашей страны, стараются ускользнуть от внимания контролирующих органов, чтобы не отчитываться о своих действиях, финансовых тратах и, соответственно, истинных целях их деятельности. Само уклонение от регистрации в России – это очевидное свидетельство намерения ИНО тайно заниматься в нашей стране незаконной (подрывной) деятельностью» [7].

«Яркий пример – выдворенная в апреле 2023 г. (10 – 14.04.2023) из России немецкая ИНО «Форум гражданского общества Россия – ЕС». Это «зонтичная» структура, в которую входит почти 200 различных организаций, и в том числе – 11 российских НКО, которым присвоен статус иноагентов. «Форум» занимался в нашей стране совсем не налаживанием диалога между Россией и Европой, как можно подумать, а прямо противоположным» [7]. Так, установлены факты распространения фейков о внутренних процессах страны через связанные с ним НКО и частные лица, а с началом СВО также была наложена система сбора денежных средств на поддержку украинского режима.

Анализ нормотворческой и правоприменительной практики подтверждают расширение арсенала мер прокурорского реагирования формирующейся инновационной модели применения правовых средств, используемых прокурора-

ми для защиты духовно-нравственных ценностей, основ конституционного строя и безопасности государства, суверенитета и территориальной целостности России, обеспечения информационно-психологической безопасности населения, которая включает:

– направление Генеральным прокурором Российской Федерации или его заместителем в Роскомнадзор требований об ограничении доступа к информации, содержащей призывы к участию в незаконных публичных мероприятиях и массовых беспорядках, а равно к экстремистской и террористической деятельности, в отношении интернет-ресурсов иностранных и международных организаций, признанных нежелательными, и иной распространяемой с нарушением закона информации, а также по постоянному ограничению доступа к информационному ресурсу в случаях неоднократного распространения запрещенных законом сведений (ч. 1 ст. 15³, 15³⁻² Федерального закона от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»);

– принятие решения о нежелательности деятельности на территории России иностранных или международных неправительственных организаций в рамках реализации Генеральным прокурором России или его заместителем полномочий, предусмотренных ч. 4 ст. 3¹ Федерального закона от 28.12.2012 № 272-ФЗ «О мерах воздействия на лиц, причастных к нарушениям основополагающих прав и свобод человека, прав и свобод граждан Российской Федерации»;

– принятие Генеральным прокурором Российской Федерации или его заместителем решения о запрещении (ограничении) деятельности (распространение своей продукции на территории России, в том числе в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет») иностранного СМИ, зарегистрированного на территории иностранного государства, на территории которого запрещена (ограничена) деятельность российского СМИ, в качестве ответной меры (ст. 3⁴ Федерального закона от 28.12.2012 № 272-ФЗ «О мерах воздействия на лиц, причастных к нарушениям основополагающих прав и свобод человека, прав и свобод граждан Российской Федерации» [5]);

– направление Генеральным прокурором Российской Федерации или его заместителем требования о приостановлении деятельности СМИ (признании регистрации СМИ недействительной или прекращении действия лицензии на вещание) в случае выявления распространения под видом достоверных сообщений недостоверной информации, в том числе об использовании Вооруженных Сил РФ, а также информации, выражающей в неприличной форме, которая оскорбляет человеческое достоинство и общественную нравственность, явное неуважение к обществу, государству и органам власти; информации, направленной на дискредитацию использования Вооруженных Сил РФ; и информации, содержащей призывы к организации несанкционированных публичных мероприятий или участия в них (ст. 56² Закона РФ от 27.12.1991 № 2124-I «О средствах массовой информации» [4]; ст. 15³, 15³⁻² Федерального закона от

21.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»).

Выводы. Прокурорам требуется в рамках предоставленных полномочий добиваться неотвратимости юридической ответственности лиц, виновных в совершении правонарушений в сфере обеспечения информационно-психологической безопасности, установленной уголовным, административно-деликтным и гражданским законодательством.

Вместе с тем шире использовать надзорные полномочия для понуждения уполномоченных государственных органов к применению нормативно закрепленных санкций за правонарушения в области информационно-психологической безопасности, непосредственно закрепленных законодательством в информационной сфере, в том числе федеральными законами: «О средствах массовой информации», «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», «О деятельности иностранных лиц в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» на территории Российской Федерации», «О мерах воздействия на лиц, причастных к нарушениям основополагающих прав и свобод человека, прав и свобод граждан Российской Федерации», «О контроле за деятельностью лиц, находящихся под иностранным влиянием».

Учитывая повышенную угрозу вмешательства во внутренние дела государства, правоохранительные органы обращают отдельное внимание на развернувшуюся на территории нашей страны деятельность некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента (далее – НКО-иноагенты).

В настоящее время Минюст России и его структурные подразделения наделены контрольными полномочиями, которые позволяют оперативно выявлять нарушения закона в деятельности НКО и принимать меры по их устранению. Например, в апреле 2024 года по административному исковому заявлению территориальным Управлением Минюста России ликвидирована Волгоградская региональная общественная организация объединения узбеков «Узбекская община» Волгоградской области. Основанием для направления иска послужило не предоставление организацией сведений за 2022 год об объеме полученных от международных и иностранных организаций, иностранных лиц и лиц без гражданства денежных средств (имущества), а также о целях их использования и фактическом расходовании в соответствующий территориальный орган Минюста России. При этом, ранее Минюст России направлял в организацию предупреждение с указанием допущенного нарушения и срока его устранения, но требование ведомства не было исполнено [5].

Вместе с тем анализ правоприменительной практики при осуществлении прокурорского надзора позволяет сделать вывод о том, что при организации и проведении контрольных мероприятий территориальными подразделениями Минюста России устанавливаются факты ненадлежащей реализации полномочий по контролю деятельности некоммерческих организаций. В связи с этим в целях повышения эффективности осуществления прокурорского надзора за

исполнением законов в сфере противодействия экстремизму необходимо разработать методические рекомендации для прокурорских работников об организации надзорных мероприятий в отношении Минюста России, его территориальных органов и некоммерческих организаций в части исполнения требований Федерального закона от 14.07.2022 № 255-ФЗ «О контроле за деятельностью лиц, находящихся под иностранным влиянием».

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Война глобальной олигархической власти против России. URL: <https://www.criminologyclub.ru/home/the-last-sessions/465-vojna-globalnoj-oligarkhicheskoj-vlasti-protiv-rossii> (дата обращения: 11.01.2024).

2. Нарышкин заявил о планах США на «пятую колонну» из студентов. URL: <https://www.rbc.ru/politics/11/01/2024/659f9d989a7947873f26fb78?from=copy> (дата обращения: 11.01.2024).

3. Перечень иностранных и международных неправительственных организаций, деятельность которых признана нежелательной на территории Российской Федерации. URL: <https://minjust.gov.ru/ru/documents/7756/> (дата обращения: 24.05.2024).

4. Федеральный закон от 14.07.2022 № 277-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 26.05.2024).

5. Сайт Городищенского районного суда Волгоградской области. URL: https://gorod--vol.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=495850090&case_uid=9e6b0440-768d-4d10-8f94-c27520844993&delo_id=41 (дата обращения: 26.05.2024).

6. Меркурьев В. В. Значение учения Шестакова Д. А. и Невско-Волжской криминологической школы для развития современного политического преступноведения // Сборник материалов, посвященных Невско-Волжской криминологической школе, приуроченных к семидесятипятилетнему юбилею профессора Д. А. Шестакова. 2024. URL: <https://crimescience.ru/wp-content/uploads/2020/05/Сборник-материалов-посвященных-Невско-Волжской-криминологической-школе-профессор-Д.А.-Шестаков-2024.pdf> (дата обращения: 26.05.2024).

7. Василий Пискарев сообщил о подготовке предложений по введению уголовной ответственности за организацию деятельности не зарегистрированных в РФ зарубежных НПО. URL: <https://moskva.bezformata.com/listnews/ne-zaregistrirovannih-v-rf-zarubezhnih-npo/116309999/> (дата обращения: 26.05.2024).

8. США работают над созданием пятой колонны в России. URL: <http://www.svr.gov.ru/smi/2024/01/ssha-rabotayut-nad-sozdaniem-pyatoy-kolonny-v-rossii.htm> (дата обращения: 26.05.2024).

9. Пискарев прокомментировал решения по защите суверенитета. URL: <https://ria.ru/20231213/suverenitet-1915447611.html> (дата обращения: 26.05.2024).

Зацепин Михаил Николаевич

доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист Российской Федерации
аналитик управления научных исследований
и международного сотрудничества УрГЮУ
вице-президент Российской криминологической ассоциации
г. Екатеринбург, Российская Федерация
mhz-1958@mail.ru

Зацепин Александр Михайлович

доктор юридических наук, доцент,
профессор кафедры уголовного права УрГЮУ
профессор кафедры предпринимательского права УрГЭУ
член Российской криминологической ассоциации
г. Екатеринбург, Российская Федерация
tr0507@yandex.ru

**Киберпреступность и принципиальные вопросы
проблем причинности в криминологии**

Аннотация: В статье анализируются проблемы причинности в криминологии. Определена основная проблема научного исследования. Исследовано влияние взаимосвязей на раскрытие причинных связей. Установлены факторы, влияющие на причинную связь. Раскрыта значимость причинной связи и детерминирующих факторов преступлений. Проведено разграничение понятий «причина» и «условие». Установлена причина роста преступности и влияние изменений в цифровой экономике на этот рост. Сделан вывод о том, что человечество, формируя представления о действительности, выбирает и концентрируется на интернет-новостях и компьютерной информации.

Ключевые слова: криминологическое исследование, криминология, причинная связь, киберпреступность, преступность.

Zatsepin Mikhail Nikolaevich

doctor of law, professor honored lawyer
of the Russian Federation, analyst of the USUE
department of scientific research
and international cooperation, vice president
of the Russian criminological association
Yekaterinburg, Russian Federation

Zatsepin Alexander Mihajlovich

doctor of law, associate professor,
member of the Russian criminological association,
professor of the department of criminal law
of USUE, professor of the department of business law of USUE
Yekaterinburg, Russian Federation

Cybercrime and fundamental issues the problem of causality in criminology

***Annotation:** The article analyzes the problems of causality in criminology. The main problem of scientific research has been identified. The influence of interrelations on the disclosure of causal relationships is investigated. The factors influencing the causal relationship have been established. The importance of causation and determining factors of crimes is revealed. The concepts of “cause” and “condition” are distinguished. The reason for the increase in crime and the impact of changes in the digital economy on this growth have been established. It is concluded that humanity, forming ideas about reality, chooses and concentrates on Internet news and computer information.*

***Keywords:** criminological research, criminology, causation, cybercrime, crime.*

Возникновение и развитие криминологии основывается на осознании того, что преступность, как и все другие явления, находятся в бесконечной цепи всеобщих взаимосвязей. Различные условия и закономерности, а также причинные связи определяют существование преступности. Это признание, в сущности, является основой всех направлений в криминологии. Хотя разные направления объясняют существование преступности сугубо односторонне – с биологической, психологической или социологической точек зрения, ограничиваясь ролью лишь отдельных обстоятельств или же объясняя закономерные связи различных факторов механической, а не диалектической взаимосвязью, в то же время объективно существующие закономерности, детерминированность и причинная связь являются *conditio sine qua* всех криминальных концепций. «Человечество» из источников информации выбирает и концентрируется на источник интернет-новостях, а в социальном поведении – на сферу компьютерной информации, где информирование широкой интернет-аудитории дополняется комментариями, формируя представления о действительности [7].

Закономерность, детерминированность, причинность, необходимость, случайность и т. д. относятся к разряду общих философских категорий, которые в результате эмпирических криминологических исследований приобретают конкретное содержание, а в отношении преступности проявляются на уровне конкретного всеобщего [5].

Общую задачу криминологии составляет раскрытие закономерностей преступности. Поэтому необходимо установить, какие взаимосвязи определенных условий регулярно повторяются в рамках преступности и какие существенные внутренние особенности наблюдаются здесь постоянно. Следовательно, криминологические исследования направлены прежде всего на раскрытие необходимых взаимосвязей, вытекающих из внутренней сущности и природы преступности, которые воплощаются в проявляющихся с известной частотой и закономерностью соотношениях определенных условий (явлений, процессов), играющих ту или иную роль в существовании преступности [8; 10].

При анализе преступности речь идет о человеческом поведении, сформировавшемся на основе взаимодействия общественных отношений и личности. Взаимосвязь этих двух вышеуказанных факторов является всеобщей закономерностью. Здесь необходимо раскрыть те специфические законы, кото-

рые проявляются и регулярно повторяющихся взаимосвязях конкретных условий, общественных отношений (внешний фактор) и личности (внутренний фактор) [4].

В основе регулярного повторения взаимосвязей лежит наличие определенных условий, т. е. такие факторы, которые оказывают закономерное детерминирующее влияние на возникновение и формирование преступности. Следовательно, иными словами, криминологические исследования направлены на раскрытие факторов, играющих определяющую роль в формировании преступности и на сознание закономерных взаимосвязей этих факторов. Если уделим особое внимание коррупции (старое преступление в новом мире), существующей не одну сотню лет интернет-новости свидетельствуют о «актуальности скандалов» без различения границ государств [6].

В совокупности закономерных взаимосвязей и категорий детерминирования наиболее существенной является та связь, которая проливает свет на возникновение явления, тот есть дает соответствующий ответ на вопрос: почему, по какой причине существует это явление? Раскрыв эту причинную связь, можно выяснить причину явления, детерминирующий фактор, приведенный к возникновению и существованию результата. Причинная связь принадлежит именно к одной из тех форм категорий детерминирования, в которой единственным образом и недвусмысленно проявляется взаимозависимость определенных условий. С помощью этой связи можно установить причину возникновения нового явления. Существенным является и то, что в законодательной и исполнительной власти существуют политические и коммерческие конфликты. Например, СК завершил дело о многомиллионных откатах в ПФР с участием экс-главы «Промсвязьбанка» [13].

Выяснение причинной связи в области общественных явлений – далеко не такая простая задача, как в сфере явлений природы. В следствие сложной взаимозависимости общественных явлений здесь с трудом и очень редко можно выявить причинную связь в своем прямом и недвусмысленном качестве, говоря другими словами, ее трудно обнаружить в сложной цепи закономерных взаимосвязей. Существующая система социального предостережения, показывает скорее исключения, чем правила, скорее отклонения, чем нормы, беспорядки, а не порядок, диссонанс, а не гармонию. Например, около 67 % россиян столкнулись с телефонным мошенничеством в 2022 году, еще треть жителей страны получали фишинговые письма. Реже граждане столкнулись в вредоносным ПО. Исследование киберграмотности показало, что россияне низко оценивают свой уровень знаний о киберугрозах. Опрошенные в возрасте 13–17 лет лучше всего осведомлены об угрозах взлома соцсетей и мошенничества. С понятием «фишинг» знакомы 14 % респондентов, о правилах создания надежных паролей знает 21 % опрошенных, а о принципах защиты персональных данных – только 19 % участников исследования. Представители самой старшей возрастной группы показали высокие результаты в сфере безопасного использования гос-порталов и банков [3].

Тем не менее основная проблема научного исследования состоит в том, чтобы раскрыть причинную связь. К чему можно подойти через сложную цепь

различных закономерных связей и детерминирующих процессов. Если и удастся точно, с помощью фактических доказательств раскрыть причинную связь, то и в данном случае мы должны постоянно иметь в виду то, что в действительности эта связь более многообразна, чем нам удалось установить. Банки, международная торговля выявили новые формы международного криминального сотрудничества. Стереотипы прошлого показывают на страны, которые подвержены распространенной и системной преступности, и не только «третьего мира» или имеющих социально-экономические конфликты, а причины и рост преступности объясняют радикальными изменениями в цифровой экономике, т. е. «новых возможностей» [12]. Преступность также является частью всеобщей цепи закономерных взаимосвязей и детерминирующих процессов. Для изучения преступности и проявляющихся в ней взаимосвязей нужно выделить их из совокупности всеобщих взаимосвязей и проанализировать в соответствующих рамках, чтобы не запутаться в сложных всеобщих взаимосвязях. На основе познания выявленных в этих рамках закономерностей и детерминантов следует провести новое разграничение в интересах выяснения причинных связей. Пролливающих свет на происхождение преступности. Ибо для того, «чтобы понять отдельные явления, мы должны вырвать их из всеобщей связи и рассматривать их изолированно, а в таком случае сменяющиеся движения выступают перед нами – одно как причина, другое как действие» [9].

Использование всех этих методологических приемов и оперативных средств приводит, несомненно, к ограничению всеобщности, но иначе мы не можем разобраться в бесконечности сложных взаимосвязей. В процессе выделения взаимосвязей со всей очевидностью проявляются субъективные и волюнтаристские элементы, однако вышеуказанные методы обеспечивают определенную объективность исследований, основанных на уже имеющихся знаниях, а также выдвинутых и подтвержденных гипотезах. Правильность или ошибочность такого выделения в конечном итоге решается с помощью фактов, полученных в ходе эмпирических исследований, они являются испытанием наших методологических приемов. Если выяснится, что мы выделили, может быть слишком широкий круг взаимосвязей, то данное обстоятельство усложняет раскрытие причинных связей. Выделив же слишком узкий круг взаимосвязей, мы тем самым возводим для себя барьер на пути к познанию. Если коснуться очень широких дискреционных (независимых, предоставленных на собственное усмотрение) полномочий в руках правоохранительных органов, то получаем – «В Госдуму внесли новеллу о конфискации за киберпреступления» [2].

Причинная связь – особая форма закономерных взаимосвязей, ибо в ней проявляется возникновение явления. Оперативные факторы данного процесса – причины и условия. Причина порождает, вызывает то или иное явление, тогда как условия лишь делают возможным появление результата, играют опосредованную роль, но поскольку они воздействуют на причину, то тем самым способствуют ее проявлению. В процессе зарождения того или иного явления возникают многочисленные условия, движение которых, а также их взаимное влияние приводит к тому. Что определенное условие или совокупность условий оказывают стимулирующее воздействие, порождают новые явления, т. е. стано-

вится их причиной. В то же время прочие условия, которые играют роль в возникновении явления, не включаясь в непосредственный процесс причинности, остаются лишь условиями. Следовательно, функция, которая отводится условиями в ходе возникновения явления, т. е. их непосредственное влияние, стимулирующее зарождение явления, определяет возможность проявления их в качестве причины или условий. В различных общественных явлениях одно и то же условие может квалифицироваться как причина и может оставаться в качестве условия. Во всяком случае, можно сделать вывод о том, что причина и условие не идентичные категории, но и не противоположные понятия, так как причина проявляется через условия в ходе их взаимного влияния, а их детерминирующие, связанные с причинными процессами функции могут быть использованы в качестве критерия выделения взаимосвязи. Следовательно, причины относятся к той категории условий, которые впоследствии имеют более общий характер, однако условия, играющие роль в каком-либо явлении, не всегда квалифицируются как причина. Вообще при возникновении любого явления можно распознать роль множества причин и в то же время, как нередко свидетельствует опыт, одна причина порождает множество следствий [11].

Что касается преступности, то чаще всего здесь мы сталкиваемся с множеством причин, т. е. с комплексом причин. Которые в ходе детерминирующего процесса проявляются. То есть порождают причинную связь или одновременно, или вслед друг за другом [1].

В действительности мы естественно сталкиваемся с более сложным, комплексным процессом, и причинная связь очень редко раскрывается в своей однозначной философской чистоте. Это является научной целью, к которой мы стремимся, однако путь к ней лежит через более широкие и доступные возможности раскрытия закономерных взаимосвязей, и детерминирующих процессов. В большинстве случаев мы должны довольствоваться тем, что объясняем явление преступности на основе закономерных взаимосвязей и детерминирующих процессов и, таким образом, путем постепенного углубления наших знаний подходим ко все более высокому уровню понимания, что в конечном счете ведет к познанию причинных связей [14].

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Бастрыкин: СКР хочет арестовать имущество до суда. URL: <https://pravo.ru/news/244339/> (дата обращения: 11.01.2024).
2. В Госдуму внесли новеллу о конфискации за киберпреступления. 18.11.2022 г. URL: <https://pravo.ru/news/243974/> (дата обращения: 07.01.2024).
3. В России провели исследование киберграмотности, к тором проверяли знания об актуальных киберугрозах и способах защиты от них. URL: <https://pravo.ru/news/244035/> (дата обращения: 08.01.2024).
4. ВС решал, когда сведения можно признать ложными. 14.12.2021 г. URL: <https://pravo.ru/story/237565/> (дата обращения: 08.01.2024).
5. Генпрокурор рассказал о первых случаях взяток криптовалютой. 09.12.2022 г. URL: <https://pravo.ru/news/244374/> (дата обращения: 08.01.2024).

6. Деофшоризация и декриминализация экономических преступлений: главные заявления Путина. 21.02.2023 г. URL: <https://parvo.ru/news/245369/> (дата обращения: 08.01.2024).

7. Итоги – 2021: все разъяснения Пленума Верховного суда. URL: <https://pravo.ru/story/23775/> (дата обращения: 06.01.2024).

8. Каждое десятое дело, переданное в России, в суд – коррупционное. 09.11.2021 г. URL : <https://pravo.ru/news/236482/> (дата обращения: 06.01.2024).

9. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 20. С. 546–547.

10. МВД назвало коррупционные сферы деятельности в России. 09.12.2021 г. URL: <https://pravo/news/237413/> (дата обращения: 08.01.2024).

11. Пленум ВС научит рассматривать дела о киберпреступлениях. URL: <https://pravo.ru/story/243767/> (дата обращения: 10.01.2024).

12. Рост нагрузки и расширение «цифры»: итоги работы судов за 2022 год. URL: <https://pravo.ru/story/254297/> (дата обращения: 08.01.2024).

13. СК завершил дело о многомиллионных откатах в ПФР с участием экс-главы «Промсвязьбанка». URL: <https://pravo.ru/story/237565/> (дата обращения: 07.01.2024).

14. Тождественность исков: как ее определять. URL: <https://pravo.ru/news/244339/> (дата обращения: 06.01.2024).

УДК 343.2

Евстегнеев Алексей Сергеевич

кандидат юридических наук, доцент

Костромской государственной университет

г. Кострома, Российская Федерация

vse-evstegneev@yandex.ru

К вопросу об ответственности за неоконченное преступление

***Аннотация:** в настоящей статье автор приводит подробный анализ стадий неоконченного преступления. Рассматривает положения субъективной стороны приготовления к преступлению и покушения на преступления и отношения виновного к такому окончанию своей преступной деятельности. На основании приводимого анализа приходит к выводу о целесообразности изменения действующих положений статей 30 и 66 УК РФ.*

***Ключевые слова:** преступление, вина, умысел, принцип, ответственность, наказание, приготовление к преступлению, покушение на преступление, неоконченное и окончательное покушение.*

Evstegneev Alexey Sergeevich

PhD in law, associate professor

Kostroma State University

Kostroma, Russian Federation

On the Issue of Responsibility for an Incomplete Crime

Annotation: *In this article, the author provides a detailed analysis of the stages of an incomplete crime. It examines the provisions of the subjective side of preparation for a crime and an attempt to commit a crime and the attitude of the perpetrator to such an end of his criminal activity. Based on the analysis, the author concludes that it is expedient to change the current provisions of article 30 and 66 of the Criminal code of the Russian Federation.*

Keywords: *crime, guilt, intent, principle, responsibility, punishment, preparation for a crime, attempted crime, incomplete and completed attempt.*

Настоящая тема представляется актуальной, по той причине, что действующие правила назначения наказаний за неоконченное преступление не в полной мере соответствуют требованиям уголовно-правовых принципов, к числу которых, в первую очередь следует отнести: законность, равенство граждан перед законом, справедливость и принцип вины. В связи с этим, по нашему мнению, она нуждается в дополнительном более углубленном, детальном изучении и обсуждении.

Как следует из положений уголовного законодательства и теории уголовного права – под неоконченным преступлением понимается умышленная, виновная деятельность вменяемого физического лица, достигшего возраста уголовной ответственности, направленная на совершение умышленного преступления, которая не доведена до логического завершения по независящим от воли и желания этого лица обстоятельствам. Как следует из данного определения, такая деятельность бывает прерванной, и акцентируем на этом внимание, помимо воли виновного, т. е. вопреки его желания и стремлений, как на стадии подготовки к совершению преступления, так и на любом этапе стадии покушения (при неоконченном или оконченном покушении) на преступление. Наряду с этим, из приведенного определения следует, что эта деятельность совершается вменяемым физическим лицом, достигшим возраста уголовной ответственности (16-летнего, а в исключительных, специально перечисленных в ч. 2 ст. 20 УК РФ случаях – 14-летнего возраста), а также то, что данная деятельность должна быть запрещена уголовным законом, под угрозой уголовного наказания и только тогда она может быть признана преступной (ч. 1 ст. 14 УК РФ).

Так, согласно ч. 1 ст. 30 УК РФ «Приготовлением к преступлению признаются приискание, изготовление или приспособление лицом средств или орудий совершения преступления, приискание соучастников преступления, сговор на совершение преступления либо иное умышленное создание условий для совершения преступления, если при этом преступление не было доведено до конца по не зависящим от этого лица обстоятельствам». Настоящее законодательное предписание свидетельствует о том, что лицо, совершая подготовительные действия действует умышленно, т. е. осознанно и его действия характеризуются прямым умыслом, направленным на то, чтобы «успешно» совершить преступление. То есть это лицо, как можно видеть из положений ч. 1 ст. 25 УК РФ, осознает общественную опасность своих действий, предвидит возможность или неизбежность наступления общественно опасных последствий подыскания, изготовления или приспособления средств или орудий совер-

шения преступления, подыскания соучастников преступления, достижения с ними сговора на совершение преступления либо создания иного условия для успешного совершения преступления и желает их наступления, чтобы в дальнейшем успешно совершить преступление и не попасть в поле зрения правоохранительных органов. Однако в результате вмешательства третьих лиц или неблагоприятных для виновного обстоятельств, эти подготовительные действия прерываются помимо его желания и вопреки воли этого лица. Например, внезапное вмешательство сотрудников правоохранительных органов, не позволяет ему завершить начатые подготовительные действия и это лицо, при их совершении задерживается, чтобы быть доставленным в соответствующий правоохранительный орган для выяснения обстоятельств их совершения и привлечения его к уголовной ответственности за содеянное.

Как следует из описанной ситуации, виновное лицо преднамеренно, осознанно выполняет действия по подготовке к совершению какого-либо умышленного преступления, например, изучает обстановку, порядок работы определенного объекта, где планирует совершить террористический акт, понимая, что тем самым готовит благоприятные условия для последующего успешного совершения преступления и намеревается довести эти подготовительные действия, а затем и само преступление, до конца.

Следовательно, если исключить вмешательство третьих лиц, то это лицо завершило бы подготовительные действия, т.е. осуществило бы закладку взрывного устройства, заранее закамуфлировав его под обычный бытовой прибор, тем самым создало бы наиболее благоприятные условия для совершения террористического акта. Или подобрало бы соучастников и достигло бы с ними договоренности о совместном совершении преступления, произошло бы распределение преступных ролей, либо приобрело, изготовило или приспособило бы для совершения преступления соответствующие средства, в том числе транспортные, или орудия преступления, определено место, время и способ совершения преступления или иным образом были бы созданы благоприятные условия для успешного совершения подготавливаемого преступления. Данное обстоятельство, как нам представляется, указывает на то, что, выполняя описываемые действия, это лицо осознанно предпринимает все необходимые меры для того, чтобы преступление было совершено и наступил преступный результат. Однако эта деятельность прерывается и лицо, не по своей воле, вопреки своему желанию, вынужденно прекращает выполнение подготовительных действий.

Анализ практики совершения умышленных преступлений свидетельствует о том, что, если своевременно не препятствовать подготовительным действиям и не пресекать их, то виновное лицо, с помощью подготовительных действий, создает необходимые и наиболее благоприятные условия для успешного совершения задуманного преступления, которые, как правило, направлены на то, чтобы правоохранительные органы были лишены возможности своевременно выявить и пресечь его преступную деятельность. А это, в свою очередь, позволит виновному лицу успешно совершить хорошо подготовленное, заранее спланированное и замаскированное преступление, а данному лицу какое-то

время, возможно и длительное, оставаться не установленным и не задержанным, следовательно, быть не привлеченным к уголовной ответственности, находиться на свободе и продолжать свою преступную деятельность.

Сказанное, по нашему мнению, обуславливает вывод о том, что это лицо и его действия не стали менее общественно опасными для общества, так как его умысел и его действия направлены на завершение подготовительных действий, которые, в случаях их благоприятного завершения, существенно повысят уровень вероятности успешного совершения задуманного преступления. В связи с этим полагаем, что это лицо не заслуживает какого-либо снисхождения и должно нести ответственность не только за приготовление к тяжкому или особо тяжкому преступлению, как на это указано в ч. 2 ст. 30 УК РФ, но и за прерванное исполнение подготовительных действий к совершению любого умышленного преступления, независимо от степени его тяжести. Так как данное лицо, заранее подготавливая благоприятные условия для совершения любого умышленного преступления, осознает повышенную общественную опасность своего поведения, понимает, что все его помыслы и действия носят преднамеренный характер и направлены на создание наиболее благоприятных условий для успешного совершения задуманного и подготавливаемого преступления и если ничто не воспрепятствует этому оно совершит это преступление. Как представляется, такие лица, по сравнению с лицами, совершившими умышленное преступление вследствие складывающихся обстоятельств. В связи с этим предлагаем исключить часть 2 из статьи 30 УК РФ, изложив эту статью в следующей редакции:

«Статья 30. Приготовление к преступлению и покушение на преступление

1. Приготовлением к преступлению признаются приискание, изготовление или приспособление лицом средств или орудий совершения преступления, приискание соучастников преступления, сговор на совершение преступления либо иное умышленное создание условий для совершения преступления, если при этом преступление не было доведено до конца по не зависящим от этого лица обстоятельствам.

2. Покушением на преступление признаются умышленные действия (бездействие) лица, непосредственно направленные на совершение преступления, если при этом преступление не было доведено до конца по не зависящим от этого лица обстоятельствам».

Что касается второй стадии неоконченного преступления, покушения на совершение умышленного преступления, то и здесь мы наблюдаем ту же совокупность объективных и субъективных признаков, исключаящих, как нам представляется, наличие каких-либо признаков, указывающих на пониженную общественную опасность как самого виновного лица, чья преступная деятельность прервана в момент исполнения им объективной стороны конкретного преступления, так и совершаемого им преступления.

И так, что происходит при покушении на совершение преступления? Лицо, завершив подготовительные действия, создав благоприятные условия для успешного совершения задуманного преступления, приступает к исполнению

его объективной стороны, действуя, как правило, с прямым умыслом. То есть лицо осознает, что начинает совершать умышленное преступление, после совершения которого должны наступить те или иные, задуманные им, общественно опасные последствия, предвидит возможность или неизбежность их наступления и начинает выполнять все необходимые действия, направленные на доведение преступного деяния до окончательного преступления, а именно исполняет объективную сторону данного преступления и делает все от него зависящее, для того, чтобы это деяние было совершено, а общественно опасные последствия наступили, тем самым подтверждая свое намерение (желание) достичь намеченных целей и, чтобы наступили общественно опасные последствия. Однако помимо его желания (намерения) эти общественно опасные последствия не наступают, не смотря на то, что виновным лицом выполнены определенные действия или даже все необходимые действия, для наступления преступного результата.

Указание на выполнение определенных действий сделаны в связи с тем, в теории уголовного права и правоприменительной практике покушение на совершение преступления подразделяют:

1) на неоконченное покушение, – это когда, исполнитель преступления начал выполнять объективную сторону, но в его действия вмешалась третья сила и, помимо его воли, вопреки его желанию, исключившая возможность выполнения им начатого преступления до конца, чтобы наступили общественно опасные последствия. То есть, не смотря на то, что исполнитель, согласно своим намерениям довести свои преступные действия до окончательного преступления, его преступная деятельность прервалась помимо его воли и вопреки его желания, хотя он делал все возможное, чтобы довести свои преступные действия до конца и достичь преступного результата, но ему это сделать не удалось;

2) окончательное покушение, – это когда исполнитель преступления выполнил все необходимые действия, составляющие объективную сторону данного преступления, но общественно опасный результат, опять-таки, помимо его воли и вопреки его желанию, не наступил. Например, при подготовке к совершению преступления виновный приобрел боеприпасы с отсыревшим пороховым зарядом, и при неоднократном нажатии на спусковой крючок выстрела не происходит. Или другой пример, лицо, при неоднократных выстрелах не попадает в жертву. Следовательно, в обоих случаях, общественно опасные последствия не наступают, не смотря на то, что все необходимые действия объективной стороны выполнены в полном объеме. Оба примера указывают на то, что преступный результат не наступает помимо воли и вопреки желанию исполнителя преступления, не смотря на то, что это лицо выполнило все необходимые и зависящие от него действия для наступления общественно опасного результата.

Приведенный анализ, как представляется наглядно показывает на то, что лицо, совершившее неоконченное преступление не имеет меньшей общественной опасности, чем лицо, совершившее окончательное преступление и деяние, которое ему не удалось довести до окончательного преступления не обладает меньшей общественной опасностью.

Исходя из этого, представляется не совсем верно сформулирована законодателем статья 66 УК РФ. По нашему мнению, лицо должно нести полную уголовную ответственность за оконченное преступление, предусмотренное соответствующей статьей Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации со ссылкой на статью 30, как на то указано в ч. 3 ст. 29 УК РФ.

В связи с этим полагаем, что части 2 и 3 подлежат исключению из статьи 66 УК РФ. В результате чего предлагаем часть 4 этой статьи считать частью 2 и изложить эту статью в следующей редакции:

«Статья 66. Назначение наказания за неоконченное преступление

1. При назначении наказания за неоконченное преступление учитываются обстоятельства, в силу которых преступление не было доведено до конца.

2. Смертная казнь и пожизненное лишение свободы за приготовление к преступлению и покушение на преступление не назначаются».

В то же время приводимые в тексте повторения некоторых фраз делаются автором специально, для акцентирования Вашего внимания на то, что виновное лицо, как при приготовлении к преступлению, так и при покушении на преступление действует умышленно и с прямым умыслом, осознавая общественную опасность своего поведения, предвидя возможность, а правильнее сказать, неизбежность наступления задуманного последствия и желает, чтобы такой результат наступил, делая для этого все от него зависящее, выполняя все необходимые для наступления общественно опасного последствия действия (бездействия).

УДК 342.5

Заржицкая Алена Александровна

преподаватель

Владимирский политехнический колледж

г. Владимир, Российская Федерация

queen33777@yandex.ru

**Вызовы и методы борьбы с коррупцией
в уголовно-исполнительной системе**

***Аннотация:** Данная статья исследует проблему коррупции уголовно-исполнительной системе, выявляя ее основные вызовы и предлагая методы ее преодоления. Анализируются причины возникновения коррупции, ее последствия для эффективности уголовно-исполнительной системы и общества в целом. В статье также рассматриваются существующие механизмы борьбы с коррупцией и предлагаются новые подходы к преодолению этой проблемы.*

***Ключевые слова:** коррупция, уголовно-исполнительная система, вызовы, режим, методы борьбы, эффективность, профилактические меры.*

Zarzhitskaya Alena Alexandrovna

lecturer

Vladimir polytechnic college

Vladimir, Russian Federation

Challenges and methods of combating corruption in the penitentiary system

***Annotation:** This article examines the problem of corruption in the penal system, identifying its main challenges and proposing methods to overcome it. The causes of corruption and its consequences for the effectiveness of the penal system and society as a whole are analyzed. The article also examines existing mechanisms to combat corruption and proposes new approaches to overcome this problem.*

***Keywords:** corruption, penitentiary system, challenges, regime, methods of struggle, efficiency, preventive measures.*

Коррупция в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации представляет серьезную угрозу для правосудия, законности и общественной безопасности. Возникновение и распространение коррупции в данной сфере создает ряд вызовов и препятствий для эффективного функционирования системы исполнения наказаний.

Стратегия национальной безопасности России выделяет коррупцию среди наиболее опасных угроз для государства и общества. Коррупционная деятельность препятствует развитию государственных и общественных институтов. В сфере правоохранительных органов коррупция мешает выполнению задач по обеспечению законности и борьбе с преступностью, а также подрывает доверие к ним. Коррупция распространена и в пенитенциарной системе, что приводит к дискредитации усилий по реабилитации осужденных и предотвращению преступлений. Подверженность пенитенциарной системы коррупции приводит к ее неэффективному функционированию и создает угрозу национальной безопасности. Пенитенциарная коррупция увеличивает влияние преступных группировок внутри и вне учреждений исправительной системы. В рамках стратегии национальной безопасности РФ акцентируется внимание на предупреждении и борьбе с коррупцией, в том числе в пенитенциарной системе. Федеральная служба исполнения наказаний активно работает в этом направлении, придавая особое значение противодействию коррупционным проявлениям.

Проблемы кадрового обеспечения отделов безопасности (режима и надзора) уголовно-исполнительной системы, коррупция в уголовно-исполнительной системе часто связана с недостаточной профессиональной подготовкой и моральными нормами сотрудников. Недостаток квалифицированных кадров и низкий уровень заработной платы могут способствовать искушению к принятию взяток и злоупотреблению должностными полномочиями [6]. Неполное осуществление антикоррупционных мер, хотя в России приняты законы и программы по борьбе с коррупцией, их реализация остается недостаточной [2]. Необходимо усилить антикоррупционные меры, в том числе улучшить механизмы предотвращения коррупции, повысить ответственность за

коррупционные действия и обеспечить эффективный контроль за их исполнением. Еще одним вызовом является сложность системы контроля и надзора за деятельностью уголовно-исполнительных органов. Недостаточная эффективность и непрозрачность механизмов контроля оставляют много возможностей для коррупционных схем и манипуляций. Также часто отсутствует независимый контроль со стороны общественных организаций и наблюдателей.

Для преодоления коррупции необходимо принятие комплекса мер, включающего усиление контроля за деятельностью сотрудников отдела режима уголовно-исполнительных органов, повышение ответственности за коррупционные действия, а также обеспечение прозрачности и открытости в работе системы исполнения наказаний. Важным является также развитие культуры нулевой терпимости к коррупции и повышение уровня правовой грамотности среди сотрудников уголовно-исполнительной системы [3]. Для эффективной борьбы с коррупцией в уголовно-исполнительной системе необходим комплексный подход, включающий различные методы и инструменты.

1. Усиление контроля и надзора.

Один из ключевых методов борьбы с коррупцией в отделах режима уголовно-исполнительной системы – это усиление контроля и надзора за деятельностью. Это включает в себя регулярные проверки и аудиты, осуществляемые независимыми органами или специальными комиссиями. Также необходимо усовершенствовать систему внутреннего контроля и мониторинга, чтобы выявлять и предотвращать случаи коррупции на ранних стадиях.

2. Повышение ответственности.

Для эффективной борьбы с коррупцией необходимо повышать ответственность за коррупционные действия. Это включает в себя строгое наказание коррупционеров, в том числе высокопоставленных чиновников и сотрудников уголовно-исполнительных органов. Подобные меры должны быть демонстративными и недопустимыми. Помимо наказания, важно также вводить меры по конфискации незаконно нажитого имущества и возмещению ущерба, причиненного государству.

3. Прозрачность и открытость.

Важным аспектом борьбы с коррупцией среди сотрудников отдела режима уголовно-исполнительной системе является обеспечение прозрачности и открытости в работе уголовно-исполнительных органов. Это включает в себя публикацию информации о деятельности этих органов, доступ к отчетам и документам, а также активное участие общественности в контроле за их деятельностью. Чем больше прозрачности и открытости, тем меньше возможности для скрытой коррупции.

4. Развитие этики и профессионализма.

Для успешной борьбы с коррупцией необходимо развивать этические и профессиональные стандарты среди сотрудников уголовно-исполнительных органов. Это включает в себя проведение специальных тренингов и обучений, направленных на формирование честного и ответственного отношения к своей профессиональной деятельности. Также важно обеспечить адекватную оплату

труда и стимулы для сотрудников, чтобы снизить вероятность искушения коррупцией.

5. Сотрудничество с обществом.

Вовлечение общественности в борьбу с коррупцией в уголовно-исполнительной системе играет ключевую роль. Общественные организации, независимые наблюдатели, журналисты и гражданские активисты могут быть мощным инструментом контроля и надзора за деятельностью уголовно-исполнительных органов. Важно создать условия для их активного участия и обеспечить защиту прав тех, кто осмеливается выступить против коррупции.

6. Профилактические меры по борьбе с коррупцией.

Наконец, эффективная борьба с коррупцией в уголовно-исполнительной системе требует применения превентивных мер. Это включает в себя проведение антикоррупционной пропаганды, развитие культуры нулевой терпимости к коррупции, создание механизмов раннего выявления и предотвращения коррупционных проявлений. Одним из ключевых моментов в борьбе с коррупцией является образование и пропаганда антикоррупционных ценностей среди сотрудников уголовно-исполнительной системы [4]. Это может быть достигнуто путем проведения специальных тренингов, семинаров и курсов по этике и антикоррупционной культуре. Также важно активно информировать сотрудников об опасностях коррупции и последствиях ее деятельности.

Важным аспектом профилактики коррупции является развитие этических стандартов среди сотрудников уголовно-исполнительной системы. Это включает в себя установление четких правил поведения и профессиональной этики, которые запрещают принятие взяток, манипуляцию с заключенными или злоупотребление должностными полномочиями. Продвижение этических норм и ценностей способствует формированию ответственности у сотрудников, что уменьшает вероятность совершения коррупционных деяний. Для эффективной профилактики коррупции необходимо усиление внутреннего контроля за деятельностью уголовно-исполнительных органов [1]. Это включает в себя регулярные проверки и аудиты, проводимые независимыми комиссиями или специализированными службами. Кроме того, необходимо внедрить систему внутреннего контроля, которая бы обеспечивала контроль за финансовыми операциями, распределением ресурсов и принятием решений внутри учреждения. Это поможет выявить и предотвратить случаи злоупотребления должностными полномочиями и коррупции.

Важным элементом профилактики коррупции является создание условий для жалоб и обращений со стороны сотрудников и граждан. Необходимо установить механизмы, позволяющие анонимно сообщать о фактах коррупции или нарушениях этических стандартов [5]. Это может быть специальная линия конфиденциальной связи или интернет-платформа для подачи жалоб. Гарантия анонимности и защиты прав обращающихся способствует выявлению скрытых случаев коррупции и предотвращению их распространения.

В целом, эффективная борьба с коррупцией в уголовно-исполнительной системе требует комплексного подхода и совместных усилий со стороны государственных органов, общественности и международного сообщества. Только

совместными усилиями можно добиться значительного прогресса в этом направлении и обеспечить более справедливую и эффективную систему исполнения наказаний.

Коррупция в уголовно-исполнительной системе представляет серьезную угрозу для правосудия и эффективности системы наказания. Однако при наличии эффективных мер борьбы и усилении превентивных мер можно добиться существенного снижения уровня коррупции и повысить доверие общества к уголовно-исполнительной системе.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Криминология : учебник для юрид. вузов / под ред. В. Н. Бурлакова, В. П. Сальникова, С. В. Степашина. СПб. : Изд-во Санкт-Петербургского ун-та МВД России, 1999. 608 с.
2. Костылева Г. В., Милованова М. М. Должностные преступления коррупционной направленности. // Следователь. 2012. № 12. С. 31–35.
3. Максимов С. В. Коррупция. Закон. Ответственность. М. : ЮрИнфоР, 2000. 143 с.
4. Сивцов С. А. Коррупционные преступления в исправительных колониях России и механизмы противодействия им : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2017. 35 с.
5. Цоколов И. А. К вопросу об оптимизации понятия «коррупционные преступления» // Российский следователь. 2011. № 5. С. 13–17.
6. Яни П. С. Проблемы квалификации посредничества во взяточничестве // Законность. 2013. № 2. С. 24–29.

УДК 343.14

Крылова Наталия Алексеевна
адъюнкт, Санкт-Петербургский
университет МВД России
Санкт-Петербург, Российская Федерация
79119138997@yandex.ru

Проверка доказательств как этап доказывания по уголовным делам, связанным с подделкой документов

Аннотация: В статье проводится анализ процесса проверки доказательств, по делам, связанным с подделкой документов. Автор приходит к выводу, что проверка доказательств, являясь этапом доказывания по уголовным делам и создавая условия для последующей оценки доказательств, позволяет произвести анализ содержания доказательства и установить его достоверность и доброкачественность.

Ключевые слова: проверка доказательств, доказывание, этап, уголовное дело, подделка документов, вещественное доказательство, протокол.

Krylova Natalia Alekseevna
adjunct, St. Petersburg University
of the Ministry of internal affairs
St. Petersburg, Russian Federation

Verification of evidence as a stage of proof in criminal cases involving forgery of documents

***Annotation:** The article analyzes the process of verifying evidence in cases involving forgery of documents. The author comes to the conclusion that verification of evidence, being a stage of proof in criminal cases and creating conditions for the subsequent assessment of evidence, makes it possible to analyze the content of evidence and establish its reliability and good quality.*

***Keywords:** verification of evidence, proof, stage, criminal case, forgery of documents, physical evidence, protocol.*

Доказывание является важным процессом в правоохранительной деятельности. В процессе доказывания устанавливаются обстоятельства, позволяющие участникам уголовного судопроизводства принять надлежащее процессуальное решение по уголовному делу.

Важнейшим этапом доказывания в уголовном производстве является проверка доказательств. Поскольку согласно ст. 87 УПК РФ собранные доказательства по уголовным делам, связанным с подделкой документов (как и по иным уголовным делам) должны быть тщательно и всесторонне проверены, то это является необходимым условием для допущения собранных фактических данных к доказыванию преступления.

Проверка доказательств является по своему существу отдельным этапом процесса доказывания [2, с. 1056]. При этом стоит заметить, что некоторыми учеными-процессуалистами высказывается мнение, что проверка доказательств, как отдельный этап процесса доказывания, в «чистом виде» не существует. Учеными акцентируется внимание на том, что проверка всегда сопряжена либо с собиранием, либо с оценкой доказательств [1, с. 51–52].

Так, например, Л. В. Головкин отмечает, что проверка доказательств «растворяется» в их собирании и оценке. Далее данный ученый приходит к выводу, что проверка доказательств не является самостоятельной стадией процесса доказывания, что вызывает существенные возражения.

Это вызывает определенные возражения, поскольку:

1. Статья 85 УПК РФ четко определяет этапы доказывания, а этап проверки доказательств выделяет, как самостоятельный.

2. На физическом уровне собирание доказательств и их проверка не могут быть совмещены, поскольку не представляется возможным проверить данные, которые еще не известны и не собраны.

Суть проверки доказательств выражается не только в понимании самого содержания доказательств, но и их достоверности, а также согласованности доказательств между собой в рамках одного уголовного дела, в том числе возбужденного по ст. 327 УК РФ.

При этом уже на стадии возбуждения уголовного дела, связанного с подделкой документов, в порядке с ч. 1 ст. 144 [5, ст. 875] УПК РФ [4, ст. 4921], до решения вопроса о возбуждении уголовного дела по ст. 327 УК РФ правоохранительные органы имеют право, для выявления факта подделки, назначить экспертизу.

По результатам такой экспертизы, решается вопрос о достоверности полученного сообщения о преступлении, т. е. поступившие данные подвергаются фактической проверке уже на этапе решения о возбуждении уголовного дела либо отказе в его возбуждении. Экспертное заключение, данное на стадии возбуждения уголовного дела, в котором изложены его результаты, относящиеся к совершению преступления предусмотренного ст. 327 УК РФ, может стать доказательством по делу. Это связано с тем, что экспертное исследование проводится в целях установления, либо опровержения фактов, ставших известными правоохранительным органам.

Таким образом, уже на момент возбуждения уголовного дела по ст. 327 УК РФ, правоохранительными органами посредством проведения судебной экспертизы осуществляется проверка сообщения на его достоверность. Однако такое заключение становится доказательством и включается в доказательную базу только после проведения его оценки, как доказательства следователем или судом.

Соответственно на стадии возбуждения уголовного дела, законодатель допускает проведение некоторых следственных действий, ряд из которых может в качестве способов проверки доказательств. Стоит отметить, что все же базовым способом сбора доказательств является производство следственных и иных процессуальных действий, которые проводятся лишь после возбуждения уголовного дела.

Проверка доказательств не возможна без анализа самого содержания доказательства. Так, например, на этапе сбора доказательств правоохранительными органами по уголовным делам, связанных с подделкой документов, могут быть обнаружены поддельные документы, печати, штампы, бланки, устройства, используемые для производства поддельных документов, расходные материалы. Помимо этого, может быть обнаружена компьютерная техника, съемные диски, CD-ROM, внешние магнитные носители информации и т. п., которые были использованы для подделки документов (например, файлы, содержащие изображение документов и бланков, а также программы, позволяющие воспроизвести оттиски печатей и штампов для поддельных документов). Все обнаруженные данные подлежат закреплению в источниках доказательств. Процесс фиксации включает не только саму фиксацию фактических данных, но и действия по их обнаружению. Такие действия должны быть отражены в соответ-

вующей процессуальной форме, с указанием оснований и характера действий, а также порядка и условий их осуществления¹.

В ходе досудебного производства по уголовному делу некоторые вещественные доказательства упаковываются следователем и сдаются на хранение в специальное хранилище в соответствии со ст. 82 УПК РФ, а также Правилами хранения [3, ст. 2915].

При осуществлении проверки доказательств, необходимо произвести осмотр вещественных доказательств. В соответствии с п. 7 Правилами хранения, их выдача производится по запросу следователя, ведущего расследование.

При проверке доказательств, производится сопоставление проверяемых данных с другими доказательствами по делу.

Помимо этого, проверки подлежат показания допрошенных лиц на предмет их правильного понимания и воспроизведения ситуации, а также правильность фиксации таких показаний в соответствующем протоколе. Также производится сопоставление собранных данных с показаниями допрошенных лиц.

Проверяемое доказательство сопоставляется с установленными законодателем правилами его оформления, на предмет наличие в соответствующих протоколах всех необходимых подписей. При нарушении данных требований суд может признать такие доказательства недопустимыми.

Если в процессе проверки доказательств обнаруживается противоречие, то следователем, проводящим расследование, либо по указанию прокурора (п. 15 ч. 2 ст. 37 УПК РФ) на досудебной стадии уголовного судопроизводства, то проводятся дополнительные следственные действия² для получения сведений, позволяющих устранить такие противоречия, а также подтвердить достоверность проверяемого доказательства, или опровергнуть его.

Проверка доказательств может быть осуществлена на любой стадии уголовного судопроизводства, как на досудебной, так и в судах первой и апелляционной инстанций.

Таким образом, проверка доказательств осуществляется с применением следующих способов:

А. Путем анализа содержания доказательства.

Б. Сопоставление доказательства подлежащего проверки с другими, которые имеются в данном уголовном деле.

В. Проверка исправности материальных (цифровых) носителей информации, входящих в доказательную базу.

Г. Проверка надежности свидетельских показаний и их достоверности.

¹ В материалах, представляемых органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, должны быть зафиксированы не только сами фактические данные, полученные в ходе мероприятий, но и указаны время, место и должностное лицо, представившее эти данные. Представленные материалы могут использоваться как документы или вещественные доказательства.

² Дополнительный допрос, очная ставка, следственный эксперимент, проверка показаний на месте.

Если исходить из производимых действий по проверке доказательств в уголовном процессе, то она осуществляется через три самостоятельных действия.

1. Вначале производится сравнение одних доказательств с другими.
2. Затем проверяется источник получения этих доказательств.
3. После этого проверяется их достоверность, а также подтверждается или опровергается их значимость.

Таким образом, в процессе проверки доказательств проводится исследование достоверности, правильности сбора и качества самих доказательств.

Кроме того, результатом этой проверки является накопление надлежащей информации о фактах, которые подтверждают обстоятельства, требующие доказывания в уголовном деле по ст. 327 УК РФ.

Выводы.

1. Проверка доказательств, является этапом доказывания по уголовным делам и создает условия для оценки доказательств.
2. Под проверкой доказательств, следует понимать этап доказывания, следующий за этапом сбора доказательств и предшествующий этапу и оценки доказательств, в процессе которого производится анализ содержания доказательства и устанавливается его достоверность и доброкачественность.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Головкин Л. В. От проверки доказательств – к исследованию доказательств: постановка вопроса // *Фундаментальные и прикладные проблемы управления расследованием преступлений* : сб. науч. тр. Ч. 1. М. : Академия управления МВД России, 2005. С. 51–52.
2. Научно-практический комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный) / О. Н. Ведерникова, С. А. Ворожцов, В. А. Давыдов [и др.] ; отв. ред. В. М. Лебедев ; рук. авт. кол. В. А. Давыдов. М. : Норма : Инфра-М, 2014. 1056 с.
3. Постановление Правительства РФ от 08.05.2015 № 449 «Об условиях хранения, учета и передачи вещественных доказательств по уголовным делам» (вместе с «Правилами хранения, учета и передачи вещественных доказательств по уголовным делам») // *Собрание законодательства РФ*. 18.05.2015. № 20, ст. 2915.
4. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 11.06.2021, с изм. от 17.06.2021) // *Собрание законодательства РФ*. 24.12.2001. № 52 (ч. 1), ст. 4921.
5. Федеральный закон от 04.03.2013 № 23-ФЗ (ред. от 28.12.2013) «О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // *Собрание законодательства РФ*. 04.03.2013. № 9, ст. 875.

Тихонова Светлана Сергеевна

кандидат юридических наук, доцент

Национальный исследовательский

Нижегородский государственный

университет им. Н. И. Лобачевского

г. Нижний Новгород, Российская Федерация

sstikhonova@yandex.ru

**Перспективы развития композиции
Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации
в процессе вторичного (текущего) уголовного законодательства**

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы допустимости изменения существующей композиции основных рубрик Особенной части УК РФ при принятии текущих законодательных решений, проводится анализ выделяемых в отечественной уголовно-правовой науке критериев компоновки и последовательности разделов, глав и статей в данной подсистеме УК РФ. Анализ потенциального негативного влияния изменения местонахождения статей в Особенной части УК РФ на правоприменительную практику позволил автору предложить два существенных ограничителя корректировки композиции разделов, глав и статей в процессе вторичного (текущего) уголовного законодательства.

Ключевые слова: Особенная часть, объект посягательства, уголовное законодательство, уголовный закон.

Tikhonova Svetlana Sergeevna

candidate of juridical sciences, associate professor

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

Nizhniy Novgorod, Russian Federation

**Prospects for the development of the composition of a Special part
of the Criminal Code of the Russian Federation in the process
of secondary (current) criminal lawmaking**

Annotation: The article examines the issues of the permissibility of changing the existing composition of sections, chapters and articles of the Special Part of the Criminal Code of the Russian Federation when making current legislative decisions, analyzes the criteria for the layout and sequence of sections, chapters and articles of the Special part of the Criminal Code of the Russian Federation allocated in domestic criminal law science. An assessment of the degree of possible negative impact of the "shuffling" of articles in the system of the Special Part of the Criminal Code of the Russian Federation on law enforcement practice allowed the author to propose two significant constraints for correcting the composition of sections, chapters and articles of the Special part of the Criminal Code of the Russian Federation in the process of secondary (current) criminal lawmaking.

Keywords: Special part, object of encroachment, criminal lawmaking, criminal law.

Композиция Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) представляет собой логическую последовательность расположения разделов, глав и статей в данной подсистеме кодифицированного уголовного закона.

Предваряя рассмотрение вопроса о композиции, необходимо вспомнить о примененном при создании УК РФ критерии объединения статей его Особенной части в главы, а глав – в разделы. Таковым выступила общность объекта посягательства в преступлениях, составы которых включены в соответствующие рубрики. Уголовно-правовой науке известны предложения заменить данный критерий на единство степени общественной опасности описываемых деяний, выражающейся в строгости уголовно-правовых санкций [2, с. 135–136]. Однако реализация подобных предложений имеет смысл только при проектировании первичного (базового) кодифицированного уголовного закона и не должна иметь места в процессе вторичного (текущего) уголовного законотворчества, где следует сохранять логику изначальной нормативной структуризации. Но возможно ли при внесении изменений и дополнений в УК РФ изменение местонахождения изначальных композиционных групп – разделов и глав Особенной части УК РФ, а также их увеличение, сокращение или раздробление и перераспределение статей в существующих разделах и главах?

Известно, что последовательность разделов в Особенной части УК РФ представляет собой «механическое приложение к уголовно-правовой отрасли конституционной идеологии», устанавливающей триаду внутригосударственных ценностей: личность – общество – государство [3, с. 33]. Однако со стороны ряда ученых она вызывает возражения. Так, по мнению одних, неприемлемым является местоположение последнего раздела – разд. XII УК РФ [10, с. 88], каковой, на их взгляд, должен открывать Особенную часть [1, с. 40; 7, с. 45; 8, с. 168]. По мнению других, неприемлемым является местоположение разд. IX УК РФ, в связи с чем «интересы общей безопасности остаются явно недооцененными» [7, с. 15].

Обращаясь к вопросу о последовательности глав внутри разделов Особенной части УК РФ, можно выделить 2 наиболее распространенные «констатирующие» позиции, встречающиеся в уголовно-правовой литературе.

Первая. Место главы определяется важностью объектов посягательства в описанных в ней преступлениях [4, с. 10; 9, с. 80]. Сторонники данной позиции утверждают, что главы внутри раздела Особенной части УК РФ «дифференцированы в зависимости от ценности родового объекта и расположены в системе от более к менее значимым» [8, с. 161]. Критически оценивая подобные утверждения, О. В. Ермакова, тем не менее, делает исключение для разд. VII УК РФ, «поскольку вначале следуют преступления против жизни и здоровья, а затем остальные группы» [6, с. 31]. Однако именно последовательность «остальных групп» в разд. VII УК РФ подтверждает, что тезис относительно зависимости места главы от важности объекта посягательства является несостоятельным, поскольку половая свобода и неприкосновенность не менее важны, чем свобода перемещения, честь и достоинство и т. д.

Вторая. Место главы определяется опасностью описанных в ней преступлений [5, с. 22]. Однако, чтобы так расположить главы внутри раздела законодатель при создании УК РФ был бы вынужден определять категории преступлений по каждой части каждой статьи УК РФ, входящей в состав проектируемой главы, сравнивать полученные цифровые показатели и на их основе выставлять главы по убыванию такой опасности. Мероприятие сколь трудоемкое, столь и бесполезное ввиду того, что последующие изменения санкций в статьях Особенной части УК РФ влекут изменения в понимании опасности соответствующих преступлений.

В действительности, в определении законодателем последовательности глав внутри разделов Особенной части УК РФ не наблюдается *единого* логического правила.

Задаваясь вопросом о том, существует ли логическая последовательность статей внутри глав Особенной части УК РФ, мы встречаем в работах ряда коллег положительный ответ. И при выделении критерия, по которому идет «выстраивание» статей, наблюдаются те же 2 «констатирующие» позиции, что заявлялись коллегами и в отношении глав, что само по себе свидетельствуют о том, что в определении законодателем последовательности статей внутри глав Особенной части УК РФ, также отсутствует *единое* логическое правило.

Первая. Место статьи определяется важностью объекта посягательства в описанном в ней преступлении [4, с. 10]. Е.В. Безручко даже присваивает данной позиции статус «правила законодательной техники» [10, с. 23, 26].

Вторая. Место статьи определяется опасностью описанного в ней преступления. При этом в одних главах статьи, якобы, «выстраиваются» по нарастающей опасности преступлений, в других – по убывающей [9, с. 81].

В действительности, вопреки утверждениям ученых, относящих логическую последовательность расположения разделов, глав и статей в Особенной части УК РФ к проявлениям дифференциации уголовной ответственности, она не связана с нарастанием/убыванием общественной опасности преступлений, составы которых включены в соответствующие рубрики. И в интересах правоприменителя имеет смысл сохранять в процессе вторичного (текущего) уголовного законотворчества первоначально (пусть даже произвольно и не вполне логично) определенную композицию разделов, глав и статей Особенной части УК РФ. Соответственно, образовывать в системе Особенной части УК РФ новые разделы и главы целесообразно только в случае, когда не будет происходить перенумерации (перетасовки) входящих в них статей УК РФ. Во-первых, это возможно, если входящие во вновь образуемую рубрику (раздел, главу) статьи также будут вновь введенными. Во-вторых, это возможно, если существующая рубрика (раздел, глава) технически разделяется на равноуровневые рубрики (разделы, главы), образованные существующими статьями (с возможным дополнением новыми). При этом для формирования новых глав Особенной части УК РФ внутри существующих разделов может использоваться в качестве неофициальной отраслевой юридико-технической рекомендации позиция ученых, предлагающих формировать главы по схеме «один объект – одна глава» [7, с. 44].

Однако мы не можем разделить позицию Р. Г. Асланяна, предлагающего «дробление» глав Особенной части «для оптимизации уголовной политики на современном этапе», т. е., по-видимому, уже в процессе вторичного (текущего) уголовного законотворчества, без выдвижения условия сохранения нумерации статей УК РФ [1, с. 15].

Проведенный нами в марте 2024 г. опрос 29-ти представителей уголовно-правовой науки из 14 регионов России (Барнаул, Воронеж, Елец, Казань, Курск, Москва, Нижний Новгород, Новороссийск, Оренбург, Санкт-Петербург, Саратов, Смоленск, Тамбов) показал, что более 40 % специалистов полагает недопустимым изменение композиции в процессе вторичного (текущего) уголовного законотворчества и около 35 % опрошенных допускает такое изменение при условии, что оно не предполагает изменения местонахождения (а, соответственно, нумерации) уже имеющихся в УК РФ статей. Тем не менее почти 18 % опрошенных допускают изменение композиции УК РФ в процессе вторичного (текущего) уголовного законотворчества без каких-либо ограничений.

Таким образом, позиция большинства опрошенных предполагает, что реализация всех предложений по изменению местонахождения любых композиционных групп в Особенной части имеет смысл только при проектировании первичного (базового) кодифицированного уголовного закона и не должна иметь места в процессе вторичного (текущего) уголовного законотворчества, где для удобства правоприменителя следует сохранять логику начальной композиции.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Асланян Р. Г. Теоретические основы построения Особенной части российского уголовного права : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 5.1.4. Краснодар, 2023. 46 с.
2. Бавсун М. В. Целесообразность в уголовном праве. Омск, 2004. 172 с.
3. Бойко А. И. Системная среда уголовного права : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.08. М., 2008. 49 с.
4. Бойцов А. И. Преступления против собственности. СПб. : Юрид. центр Пресс, 2002. 773 с.
5. Даурова Т. Г. Эволюция должностных преступлений в современном российском уголовном праве // Уголовно-правовые, пенитенциарные принципы и их реализация: правотворческий, правоприменительный уровни : материалы науч.-практ. конф., г. Саратов, 28–29 марта 2005 г. Ч. 1. Саратов : Изд-во СГАП, 2005. С. 21–26
6. Ермакова О. В. Концептуальные основы отражения общественно опасного деяния и механизма его совершения в нормах Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 5.1.4. Екатеринбург, 2023. 42 с.
7. Жук М. С. Институты российского уголовного права: понятие, система и перспективы развития : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.08. Краснодар, 2013. 62 с.

8. Козлов А. П. Механизм построения уголовно-правовых санкций : Монография. Красноярск : Изд. центр КГУ, 1998. 406 с.

9. Актуальные проблемы уголовного права : монография / Кузнецов А. П., Пронина М. П., Сизова В. Н. [и др.]. Н. Новгород : Изд-во НА МВД России, 2014. 215 с.

10. Уголовная политика Российской Федерации: проблемы формирования и реализации : материалы Всерос. науч.-теор. конф., г. Ростов-на-Дону, 19 мая 2017 г. В 2 ч. Ч. 1 / отв. ред. Е. В. Безручко. Ростов н/Д : Изд-во РЮИ МВД России, 2017. 160 с.

УДК 343.8

Федорова Елена Леонидовна

ассистент, Чувашский государственный университет им. И. Н. Ульянова
г. Чебоксары, Российская Федерация
lenleon25@yandex.ru

Уголовно-правовое регулирование в сфере осуществления негосударственной правоохранительной деятельности

Аннотация: В статье рассматриваются проблемы государственно-частного партнерства и делегирования государством своих полномочий и функционала гражданскому обществу. Анализ предпринят на примере сферы негосударственной правоохранительной деятельности, а именно, частной охранной и детективной деятельности. Отмечается, что государство одновременно берет на себя ответственность за обеспечение законности в данной сфере. В этой связи УК РФ дополнен статьей 203, предусматривающей уголовную ответственность частных охранников и детективов за превышение служебных полномочий.

Ключевые слова: негосударственная правоохранительная деятельность, частная охранная деятельность, частная детективная деятельность, служебные полномочия, превышение служебных полномочий

Fedorova Elena Leonidovna

Assistant at the Department of Public Law
Chuvash State University named after I. N. Ulyanova
Cheboksary, Russian Federation

Criminal legal regulation in the sphere of non-state law enforcement activities

Annotation: The article discusses the problems of public-private partnership and the state's delegation of its powers and functionality to civil society. The analysis is carried out using the example of the sphere of non-state law enforcement activities, namely, private security and detective activities. It is noted that the state simultaneously assumes responsibility for ensuring the rule of law in this area. In this regard, the Criminal Code of the Russian Federation has been

supplemented with Article 203, which provides for criminal liability of private security guards and detectives for exceeding official authority.

Keywords: *non-state law enforcement activities, private security activities, private detective activities, official powers, abuse of official powers.*

Одним из важных и ключевых признаков правового государства является повышение роли институтов гражданского общества.

Одной из наиболее сложных в исследовании феномена гражданского общества и его сущности является проблема взаимосвязи и взаимодействия государственной организации и гражданского общества. Это связано с тем, что зачастую в России авторитет государственной власти и народное согласие находятся в конфронтации. Это закономерно, поскольку государство уполномочено ограничивать разумными пределами меру свободы и меру выбора общества в целом и отдельного индивида. Гражданское же общество выступает как проявление социальной активности населения, которую государство призвано держать в определенных рамках, что в отдельных случаях приводит к конфронтации и противоречиям.

Гражданское общество как сообщество свободных людей предполагает определенную дистанцию от государственной организации.

Вместе с тем, наличие в государстве гражданского общества обеспечивает компромисс с публичной властью и плюрализм взглядов и мнений.

Современный этап общественного развития требует пересмотра привычных форм общественной жизни. Сегодня мы вновь отдаем предпочтение массово-коллективным объединениям, отказываясь от малых социальных образований и индивидуализации. Институт гражданского общества как раз синтезирует в себе личное, общественное и корпоративное начала, т. е. включает в себя и малые социальные образования, и корпорации, и отдельных индивидов, обеспечивая им определенный суверенитет [1, с. 34].

Таким образом, гражданское общество – это целый комплекс отношений внутри общества, в том числе и по отношению к государству.

Важнейшим критерием гражданского общества является существование свободного гражданского коллектива как объединения равноправных, автономных и активно действующих индивидов.

Как справедливо отмечает Ю. М. Резник, «гражданское общество возникает, прежде всего, из потребностей жизненного мира упорядочить и привести в соответствие с логикой собственного развития отношения с системным миром и в первую очередь с государством и экономической системой. Оно является организованной реакцией индивидуальных и коллективных субъектов на технократическое воздействие этих систем, их экспансионистские устремления» [1, с. 128–129].

Таким образом, автор определяет гражданское общество есть обособленная область социокультурного пространства или сфера существования и развития современного социума, возникающая на стадии индустриального развития государства и создающая реальные культурные, личностные и иные предпосылки и условия для динамичного, сбалансированного взаимодействия систем-

ного и жизненного миров, как взаимодополняющих сторон социальной жизни, развивающейся в направлении всеобщего единства людей [1, с. 132].

Гражданское общество как форма социальной организации имеет двойственную природу: с одной стороны, оно является частью социальной организации общественной жизни в целом, а с другой, такое общество выступает одной из трех сторон гражданской жизни наряду с личностной и культурной.

По мнению Ю. М. Резника, социальная организация гражданской жизни имеет пять взаимосвязанных уровней:

1) глобальное (всемирное) гражданское общество, как предельно широкая общность людей, существующая в рамках цивилизации;

2) социетальное гражданское общество, объединяющее граждан отдельного социума по ряду социокультурных признаков;

3) локальное гражданское общество, т. е. организованные коллективы людей, связанные общими целями или проблемной ситуацией;

4) гражданские общины, т. е. самоуправляемые коллективы, объединенные общими делами и единой территорией;

5) малые организационные формы гражданской самодеятельности [1, с. 147–148].

Специалисты подчеркивают, что для современного общества характерна мультикультурная модель развития. Мультикультурализм – это политика бесконфликтного сосуществования в одном жизненном пространстве множества разнородных культурных групп. Такой подход позволяет достичь консенсуса между желанием социальных групп сохранить свою самобытность и индивидуальность и необходимостью обеспечить целостность общества в целом.

Современное общество следует рассматривать как объединение множества – плюралистическое устройство. В плюралистических культурах признается множество способов мышления и функционирования. При этом абсолюты теряют свое универсальное значение. Однако конкуренция здесь невозможна, поэтому возникает необходимость координации и урегулирования этого многообразия, ориентированная на профилактику столкновений и согласование интересов [1, с. 208–210]. Именно это и возлагается на гражданское общество и государство как организованные формы.

В связи с этим вопросы формирования и развития гражданского общества в современной России, наряду с продолжающимися теоретическими дискуссиями, приобретают и сугубо практическое значение, поскольку плюрализм мнений, взглядов, подходов и действий присущ общественной жизни.

Как справедливо отмечает Д. В. Полянский, современная теория гражданского общества ставит в центр не столько индивида с его неотъемлемыми правами, свободами и автономными интересами как абсолютную ценность, в гораздо большей мере объектом реализации данной теории являются коллективные права и структуры – это добровольческие самоуправляемые ассоциации, действующие в условиях правовой демократической государственности [2, с. 70].

Сегодня в России практикуется множество форм проявления гражданского общества, т. е. общественных институтов, имеющих социальное и государст-

венное значение. Это, например, общественные советы при органах власти, общественные палаты, институт присяжных заседателей, адвокатура, медиация, частные правоохранительные структуры (частные охранные и детективные организации), казачество, добровольческие формирования и даже частные военные организации.

В различных сферах активно развивается институт государственно-частного партнерства, в рамках которого государство делится своими полномочиями с гражданским обществом.

Так, служебная деятельность частных охранников и детективов регламентируется специальным Законом РФ от 11.03.1992 г. № 2487-1 «О частной детективной и охранной деятельности в Российской Федерации»¹ (далее – Закон о частной детективной и охранной деятельности), который составил нормативную основу негосударственной правоохранительной деятельности в Российской Федерации, а деятельность частных детективов и частных охранников стала непосредственным ярким выражением этого специфического направления.

В ст. 3 Закона непосредственно закреплено, что частные охранники уполномочены оказывать содействие правоохранительным органам в обеспечении правопорядка, в том числе в местах оказания охранных услуг и на прилегающих к ним территориях, а частные детективы – в предупреждении и раскрытии преступлений, предупреждении и пресечении административных правонарушений в установленном порядке.

До этих пор данное направление деятельности находилось исключительно в сфере ведения государства, но с принятием данного закона правоохранительная функция была делегирована негосударственным структурам [3; 4].

Это, с одной стороны, стало революционным шагом, а с другой – обусловило необходимость государственного контроля за законностью такой деятельности в целях недопущения произвола и нарушений конституционных прав и свобод граждан со стороны сотрудников соответствующих структур.

В этой связи в УК РФ появилась ст. 203, предусматривающая уголовную ответственность за превышение служебных полномочий частными охранниками и детективами. Таким образом законодатель принял меры по обеспечению уголовно-правовой охраны данной сферы и надлежащего исполнения частными охранниками и детективами предоставленных им по службе полномочий.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Гражданское общество: истоки и современность / науч. ред. И. И. Кальной, И. Н. Лопушанский. 2-е изд., доп. СПб. : ЮрЦентрПресс, 2002. 256 с.
2. Полянский Д. В. Значение идеи гражданского общества для развития институтов современного российского права. // Проблемы российского законодательства: история и современность : материалы Междунар. науч.-практ.

¹ Ведомости СНД РФ и ВС РФ. 1992. № 17. Ст. 888.

конф., Тольятти, 21–22 февр. 2013 г. / ред. колл. Р. В. Закомолдин [и др.]. Самара : Изд-во Самар. гуманитар. акад., 2013. С. 70–74.

3. Шестаков В. И. Вопросы теории, практики и правового регулирования негосударственной сферы безопасности, частной охраны и сыска. М., 2021. 336 с.

4. Шестаков В. И. Охранология – новая наука о профессиональной охранной деятельности: первое знакомство // Правопорядок: история, теория, практика. 2023. № 3. С. 57–67.

УДК 343.23

Титов Сергей Николаевич

кандидат юридических наук, доцент,
проректор по учебно-методической работе,
доцент кафедры права, Ульяновский государственный
педагогический университет имени И. Н. Ульянова
г. Ульяновск, Российская Федерация
s.n.titov@yandex.ru

**Разграничение оконченных и неоконченных преступлений
против интеллектуальной собственности,
совершаемых с использованием
информационно-телекоммуникационных технологий**

Аннотация. Статья посвящена проблеме определения момента окончания преступлений против интеллектуальной собственности, совершаемых с использованием информационно-коммуникационных технологий. Речь идет о преступлениях, связанных с распространением информации в сети Интернет. Сложность квалификации таких преступлений как оконченных заключается в том, что такое деяние имеет несколько этапов: отправка информации, ее доставка адресату, восприятие ее адресатом, извещение отправителя о прочтении сообщения. Автор анализирует судебную практику по данной категории дел и приходит к выводу о том, что судами такие преступления считаются оконченными в момент отправки информации, ее получение адресатом не устанавливается и не доказывается.

Ключевые слова: интеллектуальная собственность, авторские права, товарный знак, контрафактная продукция, информационно-телекоммуникационные технологии, время совершения преступления, момент окончания преступления, юридическое окончание преступления, фактическое окончание преступления.

Titov Sergey Nikolaevich

candidate of legal sciences, associate professor,
vice-rector for educational and methodological
work, associate professor of the department
of law, Ulyanovsk State University of education
named after I. N. Ulyanov
Ulyanovsk, Russian Federation

Distinguishing between completed and unfinished crimes against intellectual property committed using information and telecommunication technologies

***Annotation:** The article is devoted to the problem of determining the moment of completion of crimes against intellectual property committed using information and communication technologies. We are talking about crimes related to the dissemination of information on the Internet. The difficulty of qualifying such crimes as completed lies in the fact that such an act has several stages: sending information, its delivery to the addressee, its perception by the addressee. The author analyzes judicial practice in this category of cases and comes to the conclusion that the courts consider such crimes completed at the time the information is sent; its receipt by the addressee is not established or proven.*

***Keywords:** intellectual property, copyright, trademark, counterfeit products, information and telecommunication technologies, time of commission of the crime, moment of the end of the crime, legal end of the crime, actual end of the crime.*

Уголовный кодекс Российской Федерации содержит минимальное количество положений, касающихся времени совершения преступления – только ч. 2 ст. 9. Между тем, проблемные вопросы определения момента окончания преступлений не теряют своей актуальности. Подтверждением тому является появление постановления Пленума Верховного Суда РФ от 12 декабря 2023 г. № 43 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о дящихся и продолжаемых преступлениях» [6].

Одним из таких проблемных вопросов является вопрос определения момента окончания преступлений против интеллектуальной собственности, совершаемых с использованием информационно-коммуникационных технологий. Нами эта проблема будет рассмотрена на примере преступлений против интеллектуальной собственности.

В Уголовном кодексе Российской Федерации не более полутора десятков составов преступлений, в которых одним из признаков выступает использование информационно-телекоммуникационных технологий [2]. Между тем на практике эти технологии служат для совершения все большего числа преступлений.

К преступлениям против интеллектуальной собственности мы относим преступления, предусмотренные ст. 146, 147, 180 УК РФ, а также незаконные действия в отношении коммерческой тайны (ст. 183 УК РФ) [1].

Покажем типичные обстоятельства преступлений, о которых идет речь, на примере дела Синевой.

В силу своих служебных обязанностей она имела доступ к сведениям об абонентах оператора сотовой связи и их телефонных переговорах, которые являлись коммерческой тайной компании.

В течение 2016 года к ней дважды обращалось неустановленное лицо с предложением направить ему за вознаграждение сведения о конкретных абонентах. Синева получала нужные сведения и с помощью мессенджера Viber направляла их заказчику, за что получала денежное вознаграждение.

Ее деяния судом квалифицированы как разглашение сведений, составляющих коммерческую тайну, без согласия их владельца, ставших ей известными по работе, из корыстной заинтересованности (ч. 3 ст. 183 УК РФ)¹.

Чаще всего средством совершения таких преступлений являются приложения для мгновенной передачи сообщений. Особенностью их использования является то, что возможен временной промежуток между отправкой сообщения и получения его адресатом (восприятия его последним).

Такое деяние имеет несколько этапов: отправка информации, ее доставка адресату, восприятие ее адресатом, извещение отправителя о прочтении сообщения. Это и порождает спорный вопрос о том, на каком из этих этапов преступление следует признавать оконченным.

Верховная судебная инстанция по отдельной категории дел указывала на то, что такое деяние нужно признавать оконченным с момента отправки сообщения².

Практика рассмотрения дел о преступлениях против интеллектуальной собственности показывает, что суды придерживаются такого подхода. В частности, судами рассматриваются доказательства отправки информации и получения за это вознаграждения. Доставка сообщения адресату, прочтение ее им в предмет доказывания не включаются и не устанавливаются.

Деяние квалифицируется как оконченное даже в тех случаях, когда в деле не имеется подтверждения получения отправителем вознаграждения (что в других случаях можно оценивать, как подтверждение получения информации заказчиком)³.

Между тем, представляется, что момент окончания передачи (разглашения) связан именно с получением информации адресатом, ее восприятия им. До этого момента деяние не может считаться оконченным, поскольку информация не получена другим лицом и возможен добровольный отказ со стороны отправителя (например, путем удаления отправленного сообщения).

Вторым вариантом передачи или разглашения сведений, составляющих коммерческую тайну, является доведение ее до сведения неопределенного круга лиц, т. е. публикация в сети Интернет [7].

Поскольку опасность такого деяния заключается в доведении до сведения третьих лиц информации, ценность которой напрямую зависит от ее секретности, важным является то, ознакомился ли кто-либо с ней или нет. Однако установить это достоверно не всегда возможно и даже не нужно.

Представляется, что вопрос о моменте окончания такого преступления может быть решен трояко.

¹ Приговор Пролетарского районного суда г. Саранска Республики Мордовия от 11.01.2019 по делу № 1-28/2019. Примеры аналогичной практики: приговор Мотовилихинского районного суда г. Перми от 25.02.2019 по делу № 1-73-2019; приговор Красноармейского районного суда г. Волгограда от 13.03.2017 по делу № 1-132/17.

² Пункт 211 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 февраля 2012 г. № 1 (ред. от 3 ноября 2016 г.) «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности».

³ Приговор Искитимского районного суда от 27.03.2019 по делу № 1-70/2019.

Во-первых, преступление может считаться оконченным в момент ознакомления с публикацией первого читателя. Этот подход связан с необходимостью доказывания такого ознакомления, что вряд ли возможно в большинстве случаев.

Анализ материалов судебной практики показывает, что судами такие деяния квалифицируются как оконченные с момента публикации сведений безотносительно количества лиц, фактически ознакомившихся с публикацией¹.

В связи с этим можно признать, что первое из названных решений вопроса не соответствует судебной практике.

Во-вторых, общественно опасной могла бы быть признана сама возможность (опасность) ознакомления со сведениями третьих лиц. Между тем, представляется, что состав создания опасности в данном случае отсутствует. Существует определенная сложившаяся законодательная техника по формулированию таких составов (ст. 217 УК РФ, например), которая в данном случае не применена.

Представляется, что вопрос может быть решен путем применения института презумпции. Предположение заключается в том, что в момент размещения информации в открытом доступе с ней ознакомился хотя бы один человек. Подобный подход признается оправданным применительно и к другим составам преступлений, например, в делах о клевете в сети Интернет [2].

Важно отметить, что данная презумпция является неопровержимой. Виновный может предоставлять доказательства того, что на его страницу никто не заходил и с публикацией никто не ознакомился. Это не должно иметь никакого значения. Можно провести аналогию с презумпцией знания уголовного закона – правоприменитель предполагает, что виновный знает уголовный закон, причем знает он его с момента публикации, и не принимает опровержений. Аналогичным образом, по замечанию К. К. Панько, законодатель не допускает возможности опровержения презумпции непонимания опасности своих действий лицами, не достигшими возраста уголовной ответственности [4].

Говоря о субъективной стороне такого деяния, нужно отметить, что в данном случае будет иметь место количественно неопределенный умысел, который характеризуется как умысел, при котором неопределенность проявляется по отношению к размерным признакам преступления [3].

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Зенин И. А. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации, части четвертой. М. : Юрайт, 2008. 626 с.
2. Косарев М. Н. Информационно-телекоммуникационные сети как признак преступления // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2014. № 2. С. 55–57.

¹ Приговор Прикубанского районного суда г. Краснодара от 14.05.2020 по делу № 1-504/2020.

3. Ображиев К. В. Неопределенный (неконкретизированный) умысел: проблемы теории и практики // Уголовное право. 2023. № 7. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 04.04.2024).

4. Панько К. К. Презумпции в уголовном праве и процессе // Судебная власть и уголовный процесс. 2020. № 4. С. 38–52.

5. Ширкин А. А., Ерашова О. С. Совершение деяния, предусматривающего клевету в сети Интернет // Закон и право. 2019. № 5. С. 107–109.

6. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 12 декабря 2023 г. № 43 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о дящихся и продолжаемых преступлениях» // Российская газета. 2023. № 291. 22.12.

7. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26 апреля 2007 г. № 14 «О практике рассмотрения судами уголовных дел о нарушении авторских, смежных, изобретательских и патентных прав, а также о незаконном использовании товарного знака». URL: <https://www.vsrp.ru/documents/own/8171/> (дата обращения: 04.04.2024).

УДК 343.01

Александров Александр Сергеевич

доктор юридических наук, профессор

г. Нижний Новгород, Российская Федерация

anrc@rambler.ru

Александрова Ирина Александровна

доктор юридических наук, доцент

профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин

Нижегородский филиал Московского университета имени С. Ю. Витте

г. Нижний Новгород, Российская Федерация

iren-nno@mail.ru

Уголовная ответственность в процессе

***Аннотация:** Уголовно-правовые науки нуждаются в обновлении своей теоретико-методологической основы. К этому подталкивают глобальные изменения окружающего мира. Прежние концепты уголовно-правовой науки, построенные на классическом постулате о том, что государство привлекает к уголовной ответственности преступника, должны быть перестроены. Центральная идея состоит в том, что человек сам вправе защищать себя и других уголовно-правовыми средствами, задействуя процессуальные институты обвинения и доказывания.*

***Ключевые слова:** уголовно-правовые науки, теоретико-методологическая основа, уголовная ответственность, обвинение, доказательства, привлечение к уголовной ответственности.*

Alexandrov Alexander Sergeevich

doctor of law, professor

Nizhny Novgorod, Russian Federation

Alexandrova Irina Alexandrovna

doctor of law, associate professor

professor of the department of criminal

law disciplines, Nizhny Novgorod branch

of Moscow university named after S. Yu. Witte

Nizhny Novgorod, Russian Federation

Criminal liability in progress

***Annotation:** Criminal law sciences need to update their theoretical and methodological basis. Global changes in the surrounding world are pushing us towards this. Previous concepts of criminal law science, built on the classical postulate that the state brings the criminal to justice, must be rebuilt. The central idea is that a person has the right to defend himself and others by criminal legal means, using the procedural institutions of accusation and evidence.*

***Keywords:** criminal law sciences, theoretical and methodological basis, criminal liability, accusation, evidence, criminal prosecution.*

В ряде своих недавних публикаций [2, с. 6–19; 3, с. 1–29], посвященных теоретико-методологическим основам современной науки по специальности 5.1.4, мы попытались представить и обосновать учение о *процессуальном детерминизме всего уголовно-правового*.

В данной статье мы разовьем несколько идей относительно основания уголовной ответственности, привлечения к уголовной ответственности, реализации уголовной ответственности.

Основная наша идея состоит в том, что уголовное право, как реальное, прагматико-инструментальное, антропо-центричное явление, имеет процессуальный способ бытия. *Реальное уголовное право* есть процесс. Вне процесса уголовный кодекс представляет собой только текст, не имеющий никакого регулятивного значения или даже смысла. Текст УК пуст, пока процесс не наделяет его значением и способностью регулятивного воздействия.

Вполне понимая утопичность своего научного проекта в условиях господства в уголовно-правовых науках юридического позитивизма, имеющего склонность к догматизации, мы, тем не менее, будем по мере сил продвигать его и напоминать научной общественности о том, что есть и иной взгляд на уголовно-правовой мир.

Пользу от нашего проекта мы видим прежде всего в предложении альтернативы господствующей доктрине. Без альтернативы нет полноты картины уголовно-право-процессуального мира. При контрастном освещении лучше проявляются недостатки и несовершенства правовой (уголовно-правовой, процессуальной) организации противодействия преступности, сложившейся в России на настоящий момент.

Важно продолжение дискуссии о путях развития уголовно-правовой-процессуальной организации противодействия преступности. В юридико-позитивистской научной повестке в принципе не может возникнуть проект отказа от существующей нормативно-правовой модели и переходе на другую.

А ведь это рано или поздно неизбежно. Технологические факторы, вроде «цифровой трансформации» (о которой так модно сейчас говорить в уголовно-правовых науках), кибернизация преступности, тотализация контроля и наблюдения за человеком с помощью технических средств, должны привести к качественным изменениям правового механизма противодействия преступности, «процесса привлечения к уголовной ответственности».

Концепты, объясняющие то, как действует уголовное право, как актуализируется уголовная ответственность: в субъективном, фактологическом, материальном (уголовно-правовом) и процессуальном аспектах, *износились* и уже не способны объяснить наступающую новую реальность. Мы имеем в виду, например, такие концепты, как «механизм уголовно-правового регулирования» («механизм уголовно-процессуального регулирования»), «уголовно-правое отношение», «субъекты уголовно-правового отношения» и пр. Наконец, само понятие «уголовное право», понимаемое как средство, которым государство воздействует на общественные отношения и их участников, на наш взгляд, устарело.

На наш взгляд, эти понятия должны мыслиться как общие, совместные: междисциплинарные, материально-процессуальные. Мы выступаем за то, чтобы была единая, общая картина уголовно-право-процессуального мира, состоящая из новых концептов. Включая концепт «уголовная ответственность» («привлечение к уголовной ответственности»).

Идея процесса, как идея развития, творения (средства уголовно-правового воздействия), а также индивидуализации, и, разумеется, гуманизации, т. е. постановки – постановка человека на один уровень с государством, постановка человека в центр уголовно-правового мира, должна доминировать в научных построениях по специальности «уголовно-правовые науки».

Основная цель мировоззренческой перестройки уголовно-правовых наук состоит в обеспечении наибольшей свободы, прав человека и гражданина при организации уголовно-право-процессуального противодействия преступности. Мы полагаем, что в уголовно-правовой сфере это возможно в состязательном, диспозитивном процессе. Чем более состязателен процесс, тем более способен человек самостоятельно защищать уголовно-право-процессуальными средствами в суде свои интересы, права и свободы. Главным из этих средств, доступ к которому должен быть у максимально большого числа лиц, физических и юридических, а также их ассоциаций, является обвинение – уголовный иск. Мы считаем, что в основу правопорядка должно быть положено народное обвинение [6]. Промежуточный вариант совместного публично-частного обладания правом на приведение в движение уголовно-право-процессуального механизма можно считать субсидиарное обвинение (уголовный иск) [4].

Постулат об исключительно публично-правовой природе уголовного права должен быть пересмотрен. Гуманистическое, если угодно, индивидуалистическое начало, имеющее выход в процессуально-правовых средствах и способах самозащиты в суде, в процессе должно преобразовать два ключевых уголовно-процессуальных института: обвинение и доказывание. Через призму этих институтов надо рассматривать и уголовную ответственность – как процесс.

Мы придерживаемся мнения о том, что уголовная ответственность – это не элемент объективной реальности взятый в его уголовно-правовом измере-

нии, а феномен языковой, текстовый и вместе с тем процессуальный. Процессуальное – это значит речевое. Судебная, уголовно-процессуальная речь устная и письменная создает реальность уголовно-правовую. Преступление и мера уголовно-процессуальной ответственности за него существует только в текстах, созданных процессуальными, следственными – *речевыми действиями* участников процесса.

Уголовно-правовая ответственность – это уголовно-правовое, но также и иное правовое воздействия, выработанное в уголовном процессе из текста УК РФ.

Любое следственное действие, как в суде, так и до суда, имеет своим назначением познать экстралингвистическую реальность, сохранившую следы преступления и закрепить ее в тексте. Само уголовное дело – это текст. Результат следственного действия (в суде), как, впрочем, иного акта субъекта по собиранию доказательства, представляет собой речевой факт.

Процесс, уголовное судопроизводство – есть разновидность публичной – «судительной речи», которая была выделена еще Аристотелем в числе еще двух других: делиберативной (совещательной, законодательной) речи и эпидейктической (хвалебной) [5]. Все это речевые основы общества – речевого сообщества. Речевое – первооснова процессуального и правового. Грамматика, синтаксис есть начало всего «общественного» и «юридического», это – основа «упорядоченности», социальной, психолингвистической [1].

Уголовно-процессуальное доказывание – это рече-деятельность имеющая целью воссоздание модели события реальной действительности, имевшего место в прошлом – совершенного преступления.

Основание уголовной ответственности – это не факт объективной реальности, а *доказательства* обвинения, которые нашли подтверждение в уголовном суде. Основание уголовной ответственности формируется в ходе уголовно-процессуального, судебного доказывания; истолкования текста уголовного кодекса. Оно в тексте обвинительного приговора.

Привлечение к уголовной ответственности есть процесс, основные этапы которого образуют: (а) выдвижение обвинения, (б) вынесение обвинительного приговора или процессуального решения об освобождении от уголовной ответственности по нереабилитирующему основанию, (в) вступление в силу резолютивного процессуального акта по делу, (г) исполнение наказания, иной уголовно-правовой меры. В следственном уголовном процессе процесс привлечения к уголовной ответственности расширяется за счет включения в него ряда досудебных процессуальных действий: (а) возбуждение уголовного дела в отношении подозреваемого; (б) предъявление обвинения; (б) утверждение прокурором обвинительного заключения (акта, постановления), а также назначение судом судебного заседания для рассмотрения уголовного дела по существу. Любой из этих этапов представляет собой процессуальную речедеятельность – судебную, построенную на диалоге, и следственную – монологическую речь. Поэтому привлечение к уголовной ответственности есть процессуальная – речевая деятельность. Предметом ее являются не само событие (преступления) но лингвистические – процессуальные (судебные) факты.

Привлечение к уголовной ответственности составляет единое целое с привлечением к уголовному преследованию, хотя последнее понятие более широкое, поскольку включает в себя помимо уголовно-правовой составляющей и чисто процессуальные составляющие: доказывание, применение мер уголовно-процессуального принуждения, обеспечения.

В идеале противодействие преступности должно строиться не на деятельности бюрократического аппарата – системы правоохранительных (следственно-судебных) органов, а на совместной само-организованной деятельности людей, свободно распоряжающихся правами на выдвижение обвинения и доказывания.

Вот таковы несколько соображений, которыми мы хотели бы поделиться на финише нашей научной деятельности.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Александров А. С. Введение в судебную лингвистику : монография. Н. Новгород : Нижегородская правовая академия, 2003. 420 с.
2. Александров А. С., Александрова И. А. Судебный процесс – источник права и справедливости // Правовое государство: теория и практика. 2022. № 1(67). С. 1–29.
3. Александров А. С., Александрова И. А. О философско-правовых притязаниях теории уголовного процесса на общую теоретико-методологическую основу научной специальности 5.1.4. Уголовно-правовые науки // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2021. № 4(58). С. 6–19.
4. Александров А. С., Гуцев, В. Е. Субсидиарный уголовный иск. Н. Новгород : НЮИ МВД РФ, 1999. 102 с.
5. Аристотель. Риторика. Поэтика. М. : Лабиринт, 2000. 224 с.
6. Гуцев, В. Е., Александров, А. С. Народное обвинение в уголовном суде : учеб. пособие. Н. Новгород : НЮИ МВД РФ, 1998. 160 с.

УДК 343.8

Антонова Елена Юрьевна

доктор юридических наук, профессор,

декан юридического факультета

Дальневосточный юридический институт (филиал)

Университета прокуратуры Российской Федерации

г. Владивосток, Российская Федерация

antonovy@yandex.ru

Нетерпимость коррупционного поведения: понятие и меры по формированию

Аннотация: В статье анализируется понятие нетерпимости коррупционного поведения, обозначаются ключевые меры по ее формированию. Отмечается, что конечной целью выработки нетерпимости к коррупционному поведению является формирование антикоррупционного мировоззрения.

Ключевые слова: коррупция, нетерпимость, противодействие коррупции, антикоррупционное просвещение, антикоррупционное информирование, антикоррупционное мировоззрение, пропагандистская деятельность.

Antonova Elena Yurievna

doctor of law, professor,
dean of the faculty of law
the Far Eastern Law Institute (branch)
of the University of Prosecutor's
office of the Russian Federation
Vladivostok, Russian Federation

Intolerance of corrupt behavior: concept and measures to form

Annotation: The article analyzes the concept of intolerance of corrupt behavior and identifies key measures for its formation. It is noted that the ultimate goal of developing intolerance towards corrupt behavior is the formation of an anti-corruption worldview.

Keywords: corruption, intolerance, anti-corruption, anti-corruption education, anti-corruption awareness, anti-corruption worldview, propaganda activities.

Коррупция продолжает оставаться серьезной проблемой российского государства. Предпринимаемые государством меры противодействия данному негативному явлению, в том числе уголовно-правового свойства, не дают ожидаемого эффекта, о чем свидетельствует и официальная статистика.

Так, в 2019 г. было зарегистрировано 30 991 преступление коррупционной направленности, из них связанных со взяточничеством 13 867 (44,7 % от всех коррупционных преступлений), в 2020 г. – 30813 (снижение к аналогичному показателю предыдущего года на 0,6 %) и 14 548 (47,2 %), в 2021 г. – 35 051 (+13,7 %) и 18 591 (53 %), в 2022 г. – 35 340 (+0,8 %) и 19 490 (55,1 %), в 2023 г. – 36 407 (+3 %) и 20 279 (55,7 %) преступлений соответственно [7, с. 6; 8, с. 6; 9, с. 6; 10, с. 6; 11, с. 6].

Из представленных данных виден рост зарегистрированных фактов совершения рассматриваемых преступлений, львиную долю которых составляет взяточничество. И это при том, что данная группа преступлений входит в число высоколатентных.

Таким образом, требуется комплексная работа, направленная на минимизацию коррупционных проявлений. Среди таких мер обращается внимание на развитие системы защиты и поощрения осведомителей [1, с. 92–95], а также расширение мер уголовно-правового стимулирования (институтов освобождения от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием, судебного штрафа, досудебного соглашения о сотрудничестве) [2, с. 86–92] и др. Данные и иные меры, конечно же, оказывают определенный положительный эффект, что отражается и в мнении граждан.

Так, по данным ВЦИОМ, действия властей по борьбе с коррупцией становятся для россиян все более заметными. Позитивные результаты работы

в этом направлении отмечают 55 % опрошенных граждан, тогда как об ухудшении ситуации – только 13 % [5].

Но этого, на наш взгляд, недостаточно. Требуется выработка у населения нулевой терпимости коррупционного поведения. На данную меру профилактики коррупции обращено внимание в Федеральном законе от 25.12.2008 № 273-ФЗ (в ред. от 19.12.2023 № 605-ФЗ) «О противодействии коррупции» и различных государственных программах.

Исследования показывают, что склонность человека сообщать о коррупции формируют несколько факторов, в частности доверие к правительству и нетерпимость коррупции. Отмечается, что, если люди нетерпимы к коррупционным действиям, они, скорее всего, сообщат о случаях коррупции государственным органам. Готовность людей сообщать о коррупции также связана с их верой в способность государственных органов бороться с коррупцией. Доверие, в свою очередь, означает удовлетворенность отдельными людьми или организациями, веру в их результаты и ожидания [14].

В целях реализации задачи по формированию нетерпимости к коррупции, в первую очередь, необходимо разобраться с понятийным аппаратом, в частности определить содержание категорий «нетерпимость коррупции», «формирование нетерпимости к коррупционному поведению», которые используются в разных нормативных правовых актах, но не раскрываются правотворческими органами.

В толковом словаре С. И. Ожегова говорится, что нетерпимость – это нежелание или невозможность терпеть что-нибудь [12].

Исходя из этого следует, что нетерпимость коррупции означает позицию человека о нежелании или невозможности терпеть коррупционное поведение.

Обращает на себя внимание и то, что в ряде источников наряду с термином «нетерпимость» используются словосочетания «негативное отношение», «отрицательное отношение», что, по мнению ученых [6, с. 44–51], является равнозначным, поскольку речь в данном случае идет именно об отрицательном/негативном отношении к коррупционным проявлениям в любой форме.

Ошибочным, на наш взгляд, представляется мнение о том, что, коррупционное деяние всегда совершает только должностное лицо или лицо, выполняющее управленческие функции в коммерческой или иной организации, получая при этом прямые или косвенные материальные (имущественные) выгоды. Субъектом коррупционных деяний может быть и лицо, на обладающее соответствующими должностными (служебными) функциями. В частности, дача взятки, передача предмета коммерческого подкупа, а равно посредничество в таких отнесены к преступлениям коррупционной направленности. Субъекты, совершающие подобные деяния, как правило, тоже получают определенные выгоды, которые могут быть, в том числе материальными (имущественными).

В связи с этим профилактические работы, в том числе направленные на формирование нетерпимости коррупционного поведения должны проводиться со всем населением. Важным элементом такой работы является преодоление искажений восприятия, существующего в общественном мнении относительно того, кто может стать субъектом коррупционного поведения, путем антикор-

рупционного воспитания, которое необходимо начинать еще в школьном возрасте, т. е. в период, когда у человека закладываются жизненные позиции и формируются мировоззренческие установки.

Конечной (основной) же целью выработки нетерпимости к коррупционному поведению является формирование антикоррупционного мировоззрения, т. е. «устойчивой системы антикоррупционных взглядов, идей, принципов, ценностных ориентаций, определяющей поведение людей, и основанного на нем правомерного антикоррупционного поведения» [4, с. 1010]. Согласимся с мнением П. А. Кабанова о том, что формирование в обществе нетерпимости к коррупционному поведению не является самостоятельной мерой противодействия коррупции [4, с. 1020].

К мерам по формированию нетерпимости к проявлениям коррупционного поведения в обществе следует относить как пропагандистскую деятельность среди населения, направленную, в первую очередь, на повышение правовой культуры граждан, так и повышение ответственности должностных лиц государственной власти, установление прозрачности их деятельности и т. д. [3, с. 27–31].

В рамках пропагандистской деятельности возможно проведение антикоррупционного просвещения граждан, создание и распространение различных печатных материалов (в форме буклетов, листовок, плакатов и др.), видеороликов с социальной рекламой, теле- и радиопередач, проведение конкурсов по вопросам противодействия коррупции и т. д. Считаем положительным в этом плане опыт Генеральной прокуратуры Российской Федерации, который проводит ежегодный Международный молодежный конкурс социальной антикоррупционной рекламы на тему «Вместе против коррупции!» (сайт конкурса – www.anticorruption.life).

Антикоррупционное информирование должно обязательно включать в себя распространение требований законодательства о противодействии коррупции, материалов о результатах такой работы, фигурантах уголовных дел, судебных и кадровых решениях [13, с. 66–73], правовых последствиях коррупционных нарушений. Такое информирование важно в процессе общей профилактики коррупционного поведения.

В современном мире, с учетом цифровизации общественных отношений, такие материалы должны активнее и на постоянной основе распространяться в средствах массовой информации, а также в информационно-телекоммуникационных сетях, включая сеть «Интернет». Сайты, содержащие просветительскую информацию о противодействии коррупции и демонстрирующие ее негативные последствия, должны пропагандироваться.

Полагаем, что только структурированные знания о коррупционных проявлениях, восприятие коррупции в качестве деструктивного элемента, подрывающего не только авторитет государственной власти, но и тормозящего развитие всего общества, наносящего существенный вред социальной, экономической и иным сферам жизни, человек будет способен отрицательно, с осуждением относиться к данному негативному явлению.

Итак, формирование нетерпимости к коррупционному поведению – это комплексная, системная деятельность субъектов профилактики по выработке правовой культуры граждан и их правосознания, направленных на отрицательное/негативное отношение к коррупционным проявлениям в любых ее формах. Субъектами профилактики коррупции являются федеральные органы государственной власти, органы государственной власти субъектов Российской Федерации, органы местного самоуправления, институты гражданского общества, организации и физические лица.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Антонова Е. Ю. Защита и поощрение осведомителей как мера противодействия правонарушениям коррупционной направленности: опыт зарубежных стран // Право и государство: теория и практика. 2020. № 6(186). С. 92–95.

2. Антонова Е. Ю. Обеспечение антикоррупционной безопасности мерами уголовно-правового стимулирования // Сибирский антропологический журнал. 2024. Т. 8. № 1. С. 86–92.

3. Зырянова Ж. Е. Об эффективности формирования в обществе нетерпимости к коррупционному поведению как меры профилактики мелкого взяточничества // Российский следователь. 2020. № 9. С. 27–31.

4. Кабанов П. А. Формирование нетерпимости к коррупционному поведению как юридически не определенная правовая категория и ее содержание // Актуальные проблемы экономики и права. 2019. Т. 13. № 1. С. 1007–1026.

5. Коррупция в России: мониторинг. 2018. 01 Июня. №3678 // Сайт ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9139> (дата обращения: 02.04.2024).

6. Овченков В. А., Першина В. К. Формирование в обществе нетерпимости к коррупционному поведению как одна из мер профилактики коррупционных правонарушений // Вестник Прикамского социального института. 2021. № 2(89). С. 44–51.

7. Состояние преступности в России за январь – декабрь 2019 года. М.: ГИАЦ МВД России, 2020. 64 с.

8. Состояние преступности в России за январь – декабрь 2020 года. М.: ГИАЦ МВД России, 2021. 64 с.

9. Состояние преступности в России за январь – декабрь 2021 года. М.: ГИАЦ МВД России, 2022. 64 с.

10. Состояние преступности в России за январь – декабрь 2022 года. М.: ГИАЦ МВД России, 2023. 64 с.

11. Состояние преступности в России за январь – декабрь 2023 года. М.: ГИАЦ МВД России, 2024. 64 с.

12. Толковый словарь Ожегова онлайн. URL: <https://slovarozhegova.ru/> (дата обращения: 07.04.2024).

13. Фещенко П. Н. Виктимологический аспект формирования нетерпимости к коррупционным проявлениям // Виктимология. 2020. № 1(23). С. 66–73.

14. Asomah J. Y., Dim E. E., Li Y. What Influences the Propensity to Report Corruption to Relevant State Authorities? Evidence From Ghana // Journal of Asian and African Studies. 2024. DOI: 10.1177/00219096241228786.

УДК 343.13

Большаков Кирилл Артемович

руководитель третьего отдела по расследованию
особо важных дел (с дислокацией в городе Санкт-Петербург)
Западного межрегионального Следственного управления
на транспорте Следственного комитета России
Санкт-Петербург, Российская Федерация
bolshakov.sledcomspb@yandex.ru

**Развитие уголовной политики по противодействию
налоговым преступлениям на современном этапе**

Аннотация: В уголовной политике по противодействию налоговым преступлениям, несмотря на некоторые колебания, прослеживается нацеленность на стимулирование нарушителей налогового законодательства к полному возмещению ущерба. Менялся круг субъектов и способы достижения этой стратегической цели, но приоритет остается неизменным: не карательный, а право-восстановительный. Созданный уголовно-процессуальный порядок освобождения от уголовной ответственности виновников налоговых преступлений в связи возмещением ущерба в полном объеме будет главным уголовно-процессуально-правовым средством поддержания порядка в сфере исполнения законодательства о налогах и сборах.

Ключевые слова: уголовная политика, налоговые преступления, освобождение от уголовной ответственности, возмещение ущерба в полном объеме.

Bolshakov Kirill Artemovich

head of the third department for investigation
of especially important cases (based in St. Petersburg)
of the western interregional investigative directorate
for transport of the Investigative Committee
of the Russian Federation
St. Petersburg, Russian Federation

**Development of criminal policy on counteracting tax crimes
at the present stage**

Annotation: In the criminal policy on countering tax crimes, despite some fluctuations, there is a focus on stimulating violators of tax legislation to complete compensation for damage. The circle of subjects and ways to achieve this strategic goal has changed, but the priority remains unchanged: not punitive, but right-and-resting. The created criminal procedure procedure for exemption from criminal liability of the perpetrators of tax crimes in connection with compensation

for damage in full will be the main criminal procedure and legal means of maintaining the procedure in the field of the implementation of the legislation on taxes and fees.

Keywords: *criminal policy, tax crimes, exemption from criminal liability, compensation for damage in full.*

В постсоветский исторический период проводимая в России уголовная политика по противодействию налоговым преступлениям претерпевала неоднократные изменения, что, впрочем, не позволяет сомневаться в ее предсказуемости. Напротив, в ней прослеживается вполне последовательно проводимая воля законодателя на достижение оптимального баланса публичного и частного интересов по обеспечению правопорядка в сфере налогообложения.

Период становления и усиления этой политики, который пришелся на конец XX – начало XXI века, был связан с деятельностью Федеральной службы налоговой полиции России (ФСНП России). Следственный и оперативный аппараты этого правоохранительного органа выступали единым субъектом уголовного преследования лиц, совершивших налоговые преступления. Данная федеральная служба выявляла, расследовала и привлекала к уголовной ответственности лиц, совершивших налоговые преступления. При этом в уголовном и уголовно-процессуальном законе не было каких-либо специальных механизмов, позволяющих дифференцировать меры уголовной ответственности к виновникам налоговых преступлений.

После ликвидации в 2003 году ФСНП России проводником уголовной политики по противодействию налоговой преступности стало МВД РФ. Специально созданное Главное управление по налоговым преступлениям Федеральной службы по налоговым и экономическим преступлениям МВД России (ГУНП ФСЭНП МВД РФ) и его подразделения на местах стали преемником ФСНП России в том отношении, что оперативно-розыскная и следственная составляющие деятельности по противодействию налоговым преступлениям реализовывались *одним органом*. Наличие следственного и оперативного аппаратов в органах внутренних дел исключало ведомственную разобщенность между субъектами оперативно-розыскной деятельности и органом предварительного следствия при выявлении, расследовании и раскрытии налоговых преступлений, изобличении и привлечении к уголовной ответственности лиц, виновных в совершении налоговых преступлений.

По мнению некоторых специалистов, именно наличие следственного и оперативного аппаратов в одном ведомстве и их тесное взаимодействие является залогом эффективности противодействия преступлениям, в том числе налоговым преступлениям [1, с. 36–38; 3, с. 271–279].

При этом надо отметить, что Федеральная налоговая служба и в тот период взаимодействовала с субъектами ОРД и предварительного следствия органов внутренних дел. Однако правовое регулирование этого взаимодействия не выходило на уровень регулирования нормами уголовно-процессуального кодекса, т. е. не выходило за рамки обычного взаимодействия органом предварительного расследования с контрольно-надзорными государственными органами.

Смена курса уголовной политики по противодействию налоговой преступности на гуманизацию произошла после экономического кризиса 2008 года. Это выразилось в декриминализации нарушений законодательства о налогах и сборах, а также введением особого уголовно-процессуально-правового механизма прекращения уголовных дел о налоговых преступлениях. Федеральным законом от 29.12.2009 № 383-ФЗ в уголовно-процессуальный кодекс была введена статья 28.1 УПК РФ «Прекращение уголовного преследования по делам, связанным с нарушением законодательства о налогах и сборах» [7]. Полагаем, что это было *знаковое событие* в уголовной политике противодействия налоговым преступлениям, ибо был вполне определенно обозначен желаемый для государства исход дела: возмещение ущерба в полном объеме, а не наказание виновника налогового преступления. Последующие десятикратное изменение редакции статьи 28.1 УПК РФ показывает то, какое важное значение придется этому «согласительно-компенсаторному» [9, с. 136–143] способу разрешения спора между государством и налогоплательщиком.

Новый политический курс противодействия налоговым преступлениям ознаменовался реализацией еще ряда мер. Так, была предпринята первая попытка введения особого порядка возбуждения уголовных дел о налоговых преступлениях. Федеральным законом от 06.12.2011 № 407-ФЗ [5] был создан специальный повод для возбуждения уголовного дела о преступлениях, предусмотренных статьями 198–199.2 Уголовного кодекса Российской Федерации: только те материалы, которые направлены налоговыми органами в соответствии с законодательством о налогах и сборах для решения вопроса о возбуждении уголовного дела (часть 1.1 ст. 140 УПК РФ). Последующая практика показала неэффективность подвергнутого резкой критике [2, с. 5–20] нововведения, что привело к довольно скорому отказу от него [6].

Впрочем, эта идея оказалась живучей, и законодатель вновь вернулся к ней уже на новом этапе развития уголовной политики противодействия налоговым преступлениям. Специальный повод почти в прежней формулировке, но с усилением в ней императивно-обязывающего элемента, оказался восстановлен Федеральным законом от 09.03.2022 № 51-ФЗ [4].

Теперь опять поводом для возбуждения уголовного дела о налоговых преступлениях могут служить только материалы, которые направлены налоговыми органами в соответствии с законодательством о налогах и сборах для решения вопроса о возбуждении уголовного дела (ч. 1.3. ст. 140 УПК РФ). Порядок передачи дел из налогового органа в Следственный комитет России прописан в пункте 3 статьи 32 Налогового кодекса. Он не предполагает судебного обжалования этого решения.

Таким образом, следует считать принципиальной политической волю законодателя *ограничить усмотрение* органа предварительного расследования на принятие решения о возбуждении уголовного дела предварительным решением ФНС России о том, что имело место нарушение законодательства о налогах и сборах, имеющего признаки преступления. Важно и то, что именно ФНС России законодатель придает роль *главного субъекта по выявлению налоговых преступлений*. Таким образом, налоговый орган является особым участником уго-

ловно-процессуальных правоотношений в делах о налоговых преступлениях [8, с. 133–141].

Одновременно с этим можно констатировать дальнейшее снижение роли оперативно-розыскной деятельности в выявлении и раскрытии налоговых преступлений. Сотрудники подразделений ЭБиПК МВД России осуществляют оперативное сопровождение предварительного следствия. Это можно считать отличительной чертой уголовной политики по противодействию налоговым преступлениям на современном этапе.

Важным шагом по формированию современного этапа уголовной политики по противодействию налоговым преступлениям стало изменение подследственности по уголовным делам о налоговых преступлениях: следователи следственного комитета. Это решение надо так же считать политическим. И на обозримую перспективу можно предполагать, что именно Следственному комитету России государство доверяет осуществление противодействия налоговым преступлениям уголовно-процессуальными и уголовно-правовыми средствами.

Следственная форма привлечения к уголовной ответственности за налоговые преступления, но также и освобождения от таковой по основаниям, предусмотренным законом, включая специальное основание прекращения уголовного дела (преследования) по данной категории преступлений, предусмотренное частью первой статьи 28.1 УПК РФ, является единственно возможной.

Следственному комитету России предусмотрена и роль своего рода публично-правового медиатора в разрешении налогового спора. Вступление в этот спор органа предварительного следствия является эффективным способом принуждения нарушителя налогового законодательства к выполнению требований ФНС России по выплате налоговой задолженности в полном объеме, а также штрафов и пеней.

Как представляется в будущем, сложившиеся тенденции, с одной стороны, на гуманизацию и декриминализацию, а с другой стороны на неотвратимость ответственности за совершенное криминальное нарушение налогового законодательства, будут сочетаться в уголовной политике. Упор будет делаться на возмещение ущерба от налоговых преступлений с целью наполнения бюджета.

Поэтому мы видим большое будущее у договорно-компенсаторного способа разрешения следователями Следственного комитета России уголовных дел о налоговых преступлениях, основанного на ч. 1 ст. 76.1 УПК РФ, и реализуемого в порядке, предусмотренном статьей 28.1 и другими статьями УПК РФ.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Александров А. С. Поправки, внесенные в налоговое законодательство, изменили практику привлечения к уголовной ответственности за совершение налоговых преступлений // Уголовный процесс. 2010. № 8. С. 36–38.

2. Александров А. С., Александрова И. А. Новая уголовная политика в сфере противодействия экономической и налоговой преступности: есть вопросы // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2013. № 1(6). С. 5–20.

3. Колтакова И. А., Ямковая В. А. Особенности выявления и раскрытия налоговых преступлений подразделениями экономической безопасности и противодействия коррупции МВД России // Вестник экономической безопасности. 2016. № 4. С. 271–279.

4. О внесении изменений в статьи 140 и 144 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : Федеральный закон от 09.03.2022 № 51-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2022. № 11. Ст. 1601.

5. О внесении изменений в статьи 140 и 241 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : Федеральный закон от 06.12.2011 № 407-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2011. № 50. Ст. 7349.

6. О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 22.10.2014 № 308-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2014. № 43. Ст. 5792.

7. О внесении изменений в часть первую Налогового кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации : Федеральный закон от 29.12.2009 № 383-ФЗ (ред. от 07.02.2011) // Собрание законодательства РФ. 2010. № 1, ст. 4.

8. Стельмах В. Ю. Особенности процессуального порядка возбуждения уголовных дел о налоговых преступлениях // Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и право». 2021. № 1. С. 133–141.

9. Шерстнев В. Б. Прекращение уголовного преследования в связи с полным возмещением ущерба // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2020. № 1(85). С. 136–143.

УДК 343.9

Горшенков Геннадий Николаевич

доктор юридических наук, профессор

Нижегородский государственный университет

им. Н. И. Лобачевского

г. Нижний Новгород, Российская Федерация

gen7976@yandex.ru

Криминологическо-политический аспект противодействия преступности

***Аннотация.** Рассматриваются традиционные (со времени зарождения и развития новых – криминологического и политического – направлений в юридическом учении о преступлении и наказании) идеи интеграции усилий уголовно-правовых наук в параметрах научной специальности 5.1.4. Раскрывается роль системного интегратора, движущая сила которого заключается в криминологическо-политических знаниях и криминологическом мышлении представителей уголовно-правовых наук и практик.*

***Ключевые слова:** криминологическо-политическое двуединство, системный интегратор, стратегия, специальные меры, криминологическое управление.*

Gorshenkov Gennady Nikolaevich
Doctor of Law, Professor
Nizhny Novgorod State University
named after N. I. Lobachevsky
Nizhny Novgorod, Russian Federation

The criminological and political aspect of countering crime

***Annotation:** The article considers the traditional (since the inception and development of new – criminological and political – directions in the legal doctrine of crime and punishment) ideas of integrating the efforts of criminal law sciences in the parameters of a scientific specialty 5.1.4. The role of the system integrator is revealed, the driving force of which lies in the criminological and political knowledge and criminological thinking of representatives of criminal law sciences and practices.*

***Keywords:** criminological and political duality, system integrator, strategy, special measures, criminological management.*

Сложное слово «криминолого-политический» воспринимается как некий неологизм. Однако за ним кроется историческая точка зрения на соотношение трех отраслей юридического учения о преступлении – *закоснелого* уголовного права, вышедшего из средневековья в мир Просвещения, и *нарождающихся* в этом мире криминологии и уголовной политики. Происходило как бы слияние уподобленных водам знаний, либо падающих с (мировоззренческого) неба, либо бьющих из (позитивистских) недр земли (метафора почерпнута из «Нового органа» английского философа Ф. Бэкона).

Доминирующее в непросвещенный век метафизическое мышление столкнулось с новым, позитивистским мышлением. Российский юрист Владимир Владимирович Пржевальский находил ошибкой веру в могущество уголовного и уголовно-процессуальных законодательства (выходящего из-под пера убежденных теоретиков), юридических дефиниций и схем. Однако в последующем противостояние этих мировоззрений под воздействием новых идей Пржевальский находил, что наука уголовного права становится все ближе к реальной жизни и наряду с догматической разработкой обращается к изучению самих преступлений и их причин, преступников, а также мер борьбы с ними [6, с. 2].

Отсюда вставал закономерный вопрос: как воспользоваться этими новыми знаниями, которые преумножали могущество энергии противодействия преступности. Требовалось определенное умение распорядиться знаниями о преступлении и его причинности. И, что очень важно, за индивидуальным преступлением виделась их масса, за которой усматривалось социальное явление – преступность. Такого рода умение, или *искусство* выделялось в отдельный предмет юридического исследования, которое по сути представляло собой политику – борьбы с преступностью.

При этом Ф. Лист считал криминологические знания чрезвычайно необходимыми для уголовной политики. Он подчеркивал важность исследования причин совершения преступлений, которые нередко коренятся не столько в нравственном падении преступника, сколько в несовершенствах общества.

Уголовная политика рассматривалась Листом как *систематическая совокупность оснований* (надо полагать, политических идей) опирающихся на научное (т. е. криминологическое) исследование причин преступления и результативности наказания, благодаря чему, государство осуществляет борьбу с преступностью, используя наказания и родственные ему институты [2, с. 7].

Таким образом, политическая энергия борьбы с преступлениями как бы вытекала из взаимодействия энергий прежде всего криминологии как научной основы и уголовного права как средства этой борьбы.

Выдающийся российский ученый С. К. Гогель критически оценивал науку уголовное право за ее чисто рационалистический дедуктивный метод, который позволял исследовать лишь юридические формы явлений жизни, но никак не сами эти явления, и «догма уголовного права... оказывается несостоятельной для освещения существующей преступности, ее причин, конечно, и мер борьбы с преступностью» [1, с. 2].

Решение этих задачи было под силу новой науке – уголовной политике. По сути эта наука представляла криминологическо-политическое двуединство. Ученый и рассматривал ее как «распадающуюся» на две части. В *первой* части предмет изучения составляли преступность и ее причины, или факторы, во *второй* – репрессивные и превентивные меры борьбы с преступностью. При этом С. К. Гогель считал *уголовную политику как прикладную науку по отношению к основной науке криминологии* [1, с. 3].

На неизбежное единство трех наук обращали внимание и другие российские ученые, в частности А. А. Пионтковский, М. П. Чубинский. Так, А. А. Пионтковский писал: «Вообще, тесная связь и зависимость между криминологическими, уголовно-политическими и уголовно-догматическими доктринами, думается мне, в высшей степени очевидна. Она признается многими из современных криминалистов» [5, с. 22].

Потребовались новые методы исследования не отдельных, случайных, производимых по личному произволу преступлений, а разнообразных проявлений социальной жизни в виде преступности. Такими методами уже владела нарождающаяся новая наука, т. е. методами уголовной социологии. На криминологических знаниях основывалась политическая целесообразность и последующие меры борьбы, которые должны «считаться» в особенности с общей культурой народов и «требованиями правового государственного строя» [5, с. 9].

Опираясь на опытные знания, особенно уголовного правосудия, криминологическо-политическое учение инициировало более чем существенную переработку уголовного законодательства в соответствии с новыми, гуманистическими идеями. В ряде европейских государств были введены ограничения на применение пыток, смертной казни и телесных наказаний, провозглашено равенство наказаний и др.

И сегодня наука уголовного права являет собой постоянно развивающуюся систему знаний не только о преступлении и наказании, уголовном праве в целом, но и методах, средствах противодействия преступности. Она призвана

опираться на материалы прикладных (криминологических) исследований уголовно-правовых норм, оценивая их эффективность. Изучение правоприменительной практики открывает возможность реализации одной из важнейших задач уголовно-правовой науки, а именно разработки направлений, методов и средств совершенствования уголовного законодательства, *исходя из конкретной криминологическо-политической ситуации* [8, с. 32]. Это – с одной стороны.

С другой – «уголовно-правовая наука помогает оптимизировать качество уголовной политики, взвешенность законодательных решений» [7, с. 8].

Таким образом, инициированная в середине XIX века догмой уголовного права «протестная» позитивистская мысль, призывающая науку спуститься с умозрительных небес на землю и всмотреться в тех, кто совершает преступление, вздуматься, почему это происходит и как предупреждать преступление, если репрессия не помогает избавиться от этого зла, сегодня не только преодолела догматическое непонимание, но и начинает признавать криминологическо-политические преимущества.

Определяя понятие современной уголовной политики, авторы учебника по уголовному управу (МГУ) подчеркивают: «*Уголовная политика – это выработанная государством генеральная линия, определяющая основные направления, принципы, цели и средства воздействия на преступность путем формирования уголовного законодательства, практики его применения* (выделено нами. – Авт.), *а также воздействия на правовую культуру и правовое сознание населения.* Иначе говоря, уголовная политика... определяет стратегию и тактику борьбы с преступностью мерами уголовного права» [9, с. 34]. Разумеется, *основываясь при этом на криминологических наблюдениях, объяснениях, оценках и прогнозах.*

Сегодня с рождением новой научной специальности 5.1.4, объединившей уголовно-правовые науки возникла потребность в их *синергетической интеграции* [7], которая позволяет вновь образованной уголовно-правовой системе приобрести такие общие свойства, которые наделят функциональность этой системы новым потенциалом в противодействии преступности.

Но сам по себе процесс интеграции не может быть актуализирован. Нужен своего рода *ассимилятор*, или *системный интегратор*, который бы занимался объединением компонентов в целостную систему отраслевых усилий для использования ресурсов в противодействии преступности.

Таким ассимилятором видится криминологическо-политический феномен. Не тот, который моделировал в виде новой двуединой науки С. К. Гогель, а может быть представлен на основе паспорта научной специальности 5.1.4, проект которого был разработан в Санкт-Петербургском государственном экономическом университете.

Примечательно то, что в числе уголовно-правовых наук, не оказалось уголовной политики. Но вместе с тем криминологии была отведена *политическая функция*: «Стратегия применения специальных мер (уголовно-правовых, уголовно-процессуальных, криминалистических, оперативно-розыскных, уго-

ловно-исполнительных, криминалистических, оперативно-розыскных, уголовно-исполнительных, криминологических) в целях выявления, раскрытия, расследования и предупреждения преступлений» [4].

Слово «стратегия» применительно к данному контексту есть искусство, т. е. знание дела, умение, мастерство по отношению к такому сложному делу, как противодействие преступности: в вопросах криминологической оценки преступности и всей криминальной ситуации, долгосрочного их прогнозирования, программирования и планирования реализации специальных мер предупредительного воздействия на преступность, ну и, разумеется, сама реализация стратегии.

Стратегия, таким образом, представляется сложнейшим криминологическим механизмом правоохранительного управления, который предполагает «совокупность правил и процедур принятия... решений, влияющих на поведение активных... агентов» [3], добавим, применения специальных мер противодействия преступности.

Такая роль, отведенная криминологии как науке уголовно-правового блока закономерно рождает управленческую идею – научного моделирования института *криминологического управления*, или *менеджмента*. Научные наработки в этом отношении имеются. Достаточно обратиться к трудам проф. Г. А. Аванесова, А. В. Бобкова, С. С. Галахова, А. В. Петровского и ряда других ученых.

И здесь возникает застарелый вопрос рассогласованности субъектов уголовно-правовых наук и практик. В его основе можно видеть отсутствие криминологического мышления. Между тем в именно в нем может получить начало процесса гармонизация отношений, которая возможна на общем интересе, осознании профессиональной ответственности за свою деятельность, взаимопонимании и уважении.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Гогель С. К. Курс уголовной политики в связи с уголовной социологией. СПб., 1910. 505 с.
2. Лист Ф. Задачи уголовной политики. Преступление как социально-патологическое явление / сост. и предисл. В. С. Овчинского. М. : Инфра-М, 2004. 110 с.
3. Механизм управления. URL: <https://yandex.ru/search/?text=механизм+управления+в+менеджменте&clid=2413833-465&win=537&lr=101113> (дата обращения: 23.04.2024).
4. Область науки URL: <https://skspba.ru/wp...научной-специальности-5.1.4> (науки.pdf) (дата обращения: 07.03.2024).
5. Пионтковский А. А. Наука уголовного права, ее предмет, задачи, содержание и значение. Ярославль : Типо-Литография Э. Г. Фальк, 1895. 24 с.

6. Пржевальский В. В. Проект Уголовного положения и современная наука уголовного права. Из журнала Юридического Общества. СПб. : Типография Правительствующего Сената, 1897. 104 с.

7. Синергетическая интеграция. URL: <https://yandex.ru/search/?text=синергети+ческая+интеграция&clid=2289563&banerid=0766004839%3A65de072ff4b4c533c43539ba&win=624&lr=47> (дата обращения: 19.03.2024).

8. Современное уголовное право и криминология : сб. науч. тр. Сер. «Правоведение» / Центр социал. науч.-информ. исслед. Отдел правоведения, ИГПАН, Гос. ун-т Высш. шк. экономики ; отв. ред. А. Э. Жалинский. М., 2007. 252 с.

9. Уголовное право России. Общая часть : учебник для бакалавров / отв. ред. А. И. Плотников. Оренбург : Университет, 2016. 442 с.

10. Уголовное право Российской Федерации. Общая часть : учебник для вузов / под ред. В. С. Комиссарова, Н. Е. Крыловой, И. М. Тяжковой. М. : Статут, 2012. 879 с.

УДК 343.9

Желудков Михаил Александрович

доктор юридических наук, доцент,
профессор кафедры уголовного права
и прикладной информатики в юриспруденции
Тамбовский государственный технический университет
г. Тамбов, Российская Федерация
kandydat1@yandex.ru

Дудник Даниил Сергеевич

аспирант по кафедре уголовного права
и прикладной информатики в юриспруденции
Тамбовский государственный технический университет
г. Тамбов, Российская Федерация
ddan1608@yandex.ru

Некоторые вопросы по выявлению латентности мошенничеств в сфере цифровых технологий

Аннотация: В статье рассматриваются основные особенности латентности мошенничества в сфере цифровых технологий, изучены причины подобного явления при отсутствии обращений жертв в правоохранительные органы. По итогам даны отдельные рекомендации, решения проблемы снижения уровня высокой латентности мошенничества в сфере цифровых технологий.

Ключевые слова: латентность, мошенничество в сфере, информационно-телекоммуникационных технологий, цифровые технологии, преступления в Интернете.

Zheludkov Mikhail Alexandrovich

doctor of law, associate professor,
professor of the department of criminal
law and applied informatics in jurisprudence
Tambov State Technical University
Tambov, Russian Federation

Dudnik Daniil Sergeevich

postgraduate student at the department of criminal
law and applied informatics in jurisprudence
Tambov State Technical University
Tambov, Russian Federation

**Features and reasons for the latency of fraud in the field
of computer information**

***Annotation:** The article examines the main features of the latency of fraud in the field of digital technologies, examines the causes of this phenomenon in the absence of victims contacting law enforcement agencies. As a result, separate recommendations are given to solve the problem of reducing the level of high latency of fraud in the field of digital technologies.*

***Keywords:** latency, fraud in the field of information and telecommunication technologies, digital technologies, crimes on the Internet.*

В современном обществе мошенничество – это большая и растущая сфера преступной деятельности. Удельный вес мошенничества, в общей структуре преступности, постоянно увеличивался: с 3,2 % – в 2003, до 7,3 % – в 2013 году, 16,4 % – в 2021, 17,4 % – в 2022 году, и 22,3 % – в 2023. Отмечаем также динамику роста мошенничества и среди преступлений экономической направленности 26,6 % – в 2021, 29,2 % – в 2022 году, 30,3 % – в 2023. Для сравнения доля преступлений, связанных с изготовлением, хранением, перевозкой или сбытом поддельных денег или ценных бумаг в экономической сфере в 2023 году составляла только 7,5 % [5].

Особого внимания следует обратить на преступления, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий в 2021 их доля составляла 18,4 %, а в 2023 уже 24,7 %. Среди подобных преступлений большинство способов совершения, более 80 %, совершается с признаками обмана, однако в их регистрации используются не только ст. 159.6 и ст. 159.3 УК РФ, а составы других преступлений, предусмотренных главой 28 УК РФ. Подобная отсылка к другим статьям уголовного законодательства, во многом связана с трудностями, которые возникают у правоохранительных органов при выявлении корыстного мотива совершаемых преступлений и направленности умысла на конкретный объект посягательства.

Изучая структуру, динамику и другие показатели мошенничества в сфере цифровых технологий следует сразу обратить внимание на то, что мы исследуем лишь ту часть преступных деяний, которая была зафиксирована официальными статистическими данными правоохранительных органов. Латентную часть подобных деяний, можно определить, как «относительно

массовое, исторически изменчивое социально-правовое явление, представляющее собой совокупность преступлений, неизвестных правоохранительным органам или известных, но не вызвавших основанного на законе должного на них реагирования, поэтому оставшихся за рамками регистрации и учета» [3, с. 45]. Количество официальной и полученной органами правопорядка информации напрямую влияет на способность прогнозировать развитие преступности и выстраивать эффективную систему предупреждения. Латентность искажает знания о преступности как о явлении, тем самым подрывая эффективность упомянутых мер.

В отношении латентности преступности, в том числе изучаемых мошенничеств, исследователей интересуют прежде всего ее масштабы и причины. Многие ученые заявляют, что количество латентных преступлений сильно выше зафиксированных, вопрос только в том насколько выше и какова реальная структура данного вида преступности. Цифровые оценки масштаба совершаемых мошенничеств в цифровом пространстве могут сильно отличаться друг от друга, есть мнение что соотношение зафиксированных и латентных преступлений составляет 1 : 3 либо 1 : 5, но есть и исследования дающие такие цифры как 1 : 10 и более [2, с. 79]. По данным нашего исследования по цифровым мошенничества более приемлемо использовать цифровое значение 1 : 10, что подтверждается не только примерами из практики, но и количеством форумов данной проблематики в интернет-источниках. Поиск запросы на тему «перевела деньги мошенникам через сайт» выдает более 1000 ссылок на различные сайты и ссылки на конкретные совершаемые преступления. Однако определение реальной структуры преступлений, относящихся к данному виду преступности это сложная задача, поскольку многие деяния, совершаемое с использованием новых технологий не квалифицируются по ст. 159.6 УК РФ и не попадают в статистику данной цифровой преступности. В качестве примера: «Пожилая жительница Екатеринбурга стала жертвой телефонных мошенников. Мошенник под видом сотрудника МВД сообщил ей, что с ее банковского счета пытаются похитить деньги. Далее с женщиной связался специалист Центробанка, который уговорил ее перевести накопления на безопасный счет. Горожанка сначала обналичила и перевела мошенникам 400 тысяч рублей, а затем по этой же схеме отправила им еще 450 и 150 тысяч рублей. По обращению пенсионерки было возбуждено уголовное дело по ч. 4 ст. 159 УК РФ «Мошенничество в особо крупном размере» [6].

Используется банковский счет, новые цифровые технологии перевода денег, способ обмана по телефону, но нет компьютерной информации, что относит совершаемое преступление к общим видам мошенничества, не попадая в статистику преступлений совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий. Данный и другие примеры подобных преступлений явно показывают, что необходимо или менять правила по заполнению статистических карточек или требуется точечное изменение действующего уголовного законодательства в области отнесения всех совершаемых деяний к цифровой форме их совершения.

Латентность преступности имеет зависимость и от уровня общественной опасности совершенного преступления, чем преступление опаснее, тем ниже его латентность, но например, убийство является более опасным преступлением, чем причинение тяжкого вреда здоровью, однако латентность убийств выше, объясняется возможностью скрывать их под несчастные случаи, суицид или безвестное отсутствие потерпевшего [4, с. 73]. Также, несмотря на высокую общественную опасность, довольно высока латентность изнасилований, следовательно уровень латентности зависит не только от их тяжести, но и от характера преступлений, позиции государства по вопросу квалификации и поведения населения после криминальной ситуации.

Для преступлений в изучаемой сфере в целом характерно именно отсутствие обращений жертв в правоохранительные органы. Например, довольно часто пострадавший не обращается в полицию, поскольку причиненный ущерб кажется ему незначительным, часто этот мотив сочетается с отсутствием убежденности в том, что правоохранительные органы смогут поймать правонарушителя или компенсировать украденное, а обращение и взаимодействие с полицией сопряжено с большими затратами личного времени. Такая совокупность установок характерна для жертв интернет- или смс-мошенничеств.

Частные лица могут не желать разглашения обстоятельств своей частной жизни или изменения репутации в окружении из-за совершенного в их отношении преступления, часть из этих вещей неизбежна при проведении расследования. Что касается коммерческих организаций, то к ним вполне применимы те же группы мотивов, но с некоторыми особенностями. Субъективная оценка потерь как незначительных, слабая вера в то, что преступник может быть пойман, а вред возмещен совмещаются с тем, что негативные последствия от проведения процессуальных мер могут быть гораздо шире и хуже по сравнению с такими для частных лиц. Например, приостановление работ на время выполнения длительных и сложных следственных действий, таких как осмотр места происшествия, выемка документов и предметов может нанести юридическому лицу убытки, от которых будет тяжело оправиться. В научных работах были описаны случаи, когда обладатели носителей информации не могли получить сведения о месте нахождения изъятых у них объектов по причине соединения уголовных дел, перенаправления материалов дел по подследственности и по иным причинам [1, с. 77].

Таким образом, можно сделать обоснованный вывод о том, что не существует одного простого решения проблемы снижения уровня высокой латентности мошенничества в сфере цифровых технологий. Принимаемые меры должны быть комплексными и работать как на повышение эффективности расследования этого вида преступлений, так и на изменение действующего законодательства и практики регистрации преступлений, где в основу должна быть заложена защита граждан или организаций, а также устранение препятствий для получения информации правоохранительными органами. Например, криминалисты в рекомендациях по методике расследования компьютерных преступлений предлагают использовать помощь специалистов в си-

туациях требующих изъятия электронных носителей в тех случаях, когда имеется возможность на месте изучить информацию и сделать выводы касательно ее относимости к расследуемому преступлению. Следует приветствовать обеспечение прав законных владельцев средств вычислительной техники и расширять практику применения подобных и других норм решения данных проблем.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Кириллова Н. П., Кушниренко С. П. Проблемы осуществления уголовного преследования по делам о преступлениях, совершаемых в сфере высоких информационных технологий // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2013. № 3. С. 74–90.
2. Комаров А. А. Криминологические аспекты мошенничества в глобальной сети Интернет : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08. Саратов, 2011. 262 с.
3. Криминология : учебник / отв. ред. В. Е. Эминов. М. : Проспект, 2015. 368 с.
4. Криминология : учебник / под ред. В.Н. Кудрявцева, В.Е. Эминова. М. : Юристъ, 1997.
5. Статистика МВД : офиц. сайт. URL: <https://мвд.пф/folder/101762> (дата обращения: 15.03.2024).
6. «Как заколдовали». Пенсионерка дважды отдала деньги мошенникам». URL: https://dzen.ru/a/ZfASPT_el1D_2lDU (дата обращения: 15.03.2024).

УДК 343.35

Коленченко Антон Александрович

аспирант, Санкт-Петербургский
юридический институт (филиал)

Университета прокуратуры Российской Федерации
прокурор Южно-Сахалинска Сахалинской области
Санкт-Петербург, Российская Федерация

Преступные злоупотребления управляющих корпорацией и лиц, ее контролирующих: теоретико-правовой взгляд

Аннотация: В данной статье рассмотрены проблемы использования конструкции корпорации в противоправных целях, сопряженного с причинением вреда правам и законным интересам других лиц. Автором анализируются корпоративные отношения, содержанием которых выступает субъективное право на управление корпорацией. Предпринимается попытка предложить возможные изменения в действующее уголовное законодательство.

Ключевые слова: злоупотребление правом, лица, контролирующие корпорации, отношения, связанные с участием в корпорациях; отношения, связанные с управлением корпорациями, уголовное право.

Kolenchenko Anton Alexandrovich

PhD student, St. Petersburg

law institute (branch) university

of the prosecutor's office of the Russian Federation

prosecutor of the city of Yuzhno-Sakhalinsk, Sakhalin region

St. Petersburg, Russian Federation

Criminal abuses of corporate managers and persons controlling it: a theoretical and legal view

***Annotation:** This article discusses the problems of using the corporation's design for illegal purposes, involving harm to the rights and legitimate interests of others. The author analyzes corporate relations, the content of which is the subjective right to manage a corporation. An attempt is being made to propose possible changes to the current criminal legislation.*

***Keywords:** abuse of law, persons controlling corporations, relations related to participation in corporations; relations related to corporate governance, criminal law.*

Под злоупотреблением служебными полномочиями (ст. 201) Уголовный кодекс Российской Федерации (далее – УК РФ) понимает использование управленцем в коммерческой или иной организации своих полномочий вопреки интересам этой организации в целях извлечения выгоды, если это повлекло причинение существенного вреда правам и законным интересам граждан или организаций либо охраняемым законом интересам общества или государства.

Злоупотребление правом на управление корпорацией со стороны контролирующих ее лиц – это формально соответствующее нормам права поведение, представляющее собой использование конструкции корпорации в противоправных целях, сопряженное с причинением вреда правам и законным интересам других лиц.

Одним из наиболее опасных посягательств на имущественные интересы участников корпорации является присвоение и растрата ее имущества (ст. 160 УК РФ).

Многие авторы подчеркивают, что присвоение и растрату можно рассматривать как злоупотребление доверием, поскольку предметом преступления является имущество, «вверенное» виновному.

Так, по мнению Г. Н. Борзенкова, «передача имущества в ведение виновного всегда является определенным актом доверия, поэтому последующее присвоение вверенного имущества есть одновременно злоупотребление оказанным доверием» [2].

А. Г. Безверхов отмечает, что присвоение и растрата «выражаются в злоупотреблении тем доверием, которое оказано виновному самим фактом передачи ему чужого имущества без перехода права собственности». Это мнение поддерживают О.В. Белокуров и многие другие авторы [3, с. 4].

Объективная сторона присвоения или растраты является предметом дискуссии, что во-многом обусловлено предельно краткой характеристикой данного преступления в УК РФ: «присвоение или растрата, т. е. хищение чужого имущества, вверенного виновному». Из этого определения следует, что:

– растрата не является последствием присвоения (хотя такая позиция ранее высказывалась в литературе), так как законодатель использовал союз «или»;

– и присвоение, и растрата являются формами хищения;

– предметом преступления является имущество, «вверенное» виновному.

В настоящее время существует серьезная проблема отграничения присвоения и растраты управляющими (ч. 3 ст. 160 УК РФ) от мошенничества, совершаемого путем злоупотребления доверием лицом с использованием своего служебного положения (ч. 3 ст. 159 УК РФ).

Применительно к «частным лицам» эту проблему решают, используя следующие критерии:

– момент возникновения умысла: при мошенничестве умысел виновного на завладение переданным имуществом возникает до его передачи, а при присвоении и растрате – лишь после того, как имущество передано на законных основаниях [3, с. 5];

– по отрасли права (законодательства), регулирующей отношения между виновным и потерпевшим на момент совершения хищения: при присвоении (растрате) отношения между потерпевшим и виновным регулируются нормами трудового законодательства; при мошенничестве – общими нормами гражданского законодательства;

– наличию обмана, предшествовавшего «вверению» имущества: очевидно, что о только о мошенничестве может идти речь, когда имущество «вверяется» в результате обмана со стороны получателя, поскольку в этом случае нет титульного (законного) владения похитителя [5, с. 17].

Однако применительно к корпоративным управляющим данные критерии по очевидным причинам не применимы, таким образом, конкуренция становится непреодолимой.

В судебной практике немало решений, где квалификация представляется достаточно спорной. Так, «Зубцов, являясь акционером и генеральным директором ОАО, был признан виновным в хищении объектов недвижимости указанного ОАО. Хищение осуществлялось посредством цепочки сделок: 1) заключения фиктивных договоров займа с работниками общества от имени ОАО (выступающем в роли «заемщика»), 2) последующей передачи объектов недвижимости в счет погашения «задолженности», 3) покупки объектов от своего имени по заниженной цене и 4) последующей их продажи. Действия Зубцова были квалифицированы как мошенничество путем обмана акционеров, в особо крупном размере, с использованием своего служебного положения, по предварительному сговору [4].

Представляется, что речь здесь должна идти не об обмане, а о злоупотреблении доверием, так как Зубцов распоряжался вверенным имуществом. При этом его действия, как представляется, вполне можно было квалифицировать как присвоение недвижимости.

Р., будучи генеральным директором ЗАО «1», подделав решение единственного акционера К. о продаже здания, совершил его отчуждение ЗАО «2»,

деятельностью которого фактически руководил. Действия Р. квалифицированы по ч. 4 ст. 159 УК РФ [1].

В данном случае проблема заключается в том, что виновный не обманывал участников общества, а злоупотребил их доверием, подлог же документов, как указывалось ранее, не может быть квалифицирован как мошеннический обман. Поэтому оправданной в данном случае представляется квалификация деяния как растраты.

Устранить возникшую неопределенность можно возвратом к традиционному понятию «мошеннический обман» и исключении «злоупотребления доверием» из состава мошенничества.

Другим вариантом решения проблемы может стать дополнение УК РФ новой статьей об ответственности за служебное хищение (с уточнением общего понятия хищения, изменением составов мошенничества, присвоения и растраты). Такие предложения вносят рядом ученых, изучающих вопросы данной области.

Не менее сложную проблему для российского права, чем хищения управляющих, представляет квалификация действий участников корпорации, направленных на незаконный вывод активов в свою пользу, получивших широкое распространение в российской действительности.

Так, широкое распространение получил преступный вывод активов из кредитных организаций, имеющий две формы:

1) имеющиеся на балансе банка ликвидные активы замещаются активами ненадлежащего качества, либо реализуются по заниженной цене или безвозмездно;

2) создаются фиктивные обязательства перед третьими лицами [6, с. 96].

В результате, денежные средства выводятся в сторонние организации, присваиваются через цепь посредников с оставлением на балансе банка «токсичных активов» (прав требования, которые невозможно реализовать) и долгов перед кредиторами (вкладчиками).

Одна из проблем заключается в том, что до сих пор не решен окончательно вопрос о том, является ли имущество корпорации чужим для ее участников.

По мнению П. С. Яни, «... имущество, скажем, акционерного общества не принадлежит акционеру и потому является для него чужим (п. 1 ст. 66 ГК). Поэтому указанному лицу можно вменить хищение имущества общества». Он обращает внимание на то, что в упоминавшемся деле Зубцова, Верховный Суд Российской Федерации указал, что стоимость похищенного имущества, принадлежащего юридическому лицу, не уменьшается в какой-либо зависимости от того, какой частью акций или долей в имуществе общества владел виновный.

Таким образом, действия учредителей, занимающих одновременно руководящие должности в юридическом лице, могут быть квалифицированы как присвоение или растрата. В тех же случаях, когда учредитель не занимает такой должности, но как контролирующее лицо может принимать те или иные решения, его действия могут быть квалифицированы лишь по статьям о соучастии либо как причинение имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием (ст. 165 УК РФ).

Общий состав злоупотребления полномочиями управляющими предусмотрен ст. 201 УК РФ.

Злоупотребление полномочиями определяется как использование лицом, выполняющим управленческие функции в коммерческой или иной организации, своих полномочий вопреки законным интересам этой организации и в целях извлечения выгод и преимуществ для себя или других лиц либо нанесения вреда другим лицам, если это деяние повлекло причинение существенного вреда правам и законным интересам граждан или организаций либо охраняемым законом интересам общества или государства.

Таким образом, при квалификации присвоения или растраты имущества юридического лица его управляющими необходимо учитывать, что управляющий не является владельцем имущества, оно находится «в ведении» таких лиц, наделенных правом распоряжаться и управлять им в достаточно широких пределах в интересах собственника. Противоправность в таких (фидуциарных) отношениях выражается в том, что полномочия юридического лица как собственника имущества осуществляются управляющим с нарушением установленных законом или уставом ограничений либо без такового, но вопреки его законным интересам (а значит, интересам его участников).

Решить проблему отграничения присвоения и растраты с использованием служебного положения (ч. 3 ст. 160 УК РФ) от мошенничества, совершаемого путем злоупотребления доверием лицом с использованием служебного положения (ч. 3 ст. 159 УК РФ) можно путем исключения «злоупотребления доверием» из состава мошенничества. Кроме того, возможно дополнение УК РФ статьей об ответственности за служебное хищение (с уточнением общего понятия хищения, изменением составов мошенничества, присвоения и растраты).

Действия учредителей, занимающих одновременно руководящие должности в юридическом лице, могут быть при определенных условиях квалифицированы как присвоение или растрата. В тех же случаях, когда учредитель не занимает такой должности, но как контролирующее лицо может принимать те или иные решения, его действия могут быть квалифицированы лишь по статьям о соучастии либо как причинение имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием (ст. 165 УК РФ).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Апелляционное определение Московского городского суда от 21.07.2014 по делу № 10-9015/14 // ГАС «Правосудие». URL: <https://sudrf.ru> (дата обращения: 10.04. 2024).

2. Борзенков Г. Н. Разграничение обмана и злоупотребления доверием // СПС «Консультант Плюс». URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 10.04.2024).

3. Безверхов А. Некоторые вопросы квалификации присвоения и растраты // Уголовное право. 2008. № 4. С. 1–9.

4. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 03.10.2012 по делу № 37-Д12-26. URL: http://vsrf.ru/stor_pdf.php?id=506496 (дата обращения: 10.04.2024).

5. Прокументов Л. М., Архипов А. В. К вопросу о разграничении присвоения и кражи // Уголовное право. 2016. № 5. С. 63–68.

6. Горбин Ю. Г., Янчуркин О. В., Маматов В. Г. Противодействие легализации и незаконному выводу за рубеж банковских активов // Журнал российского права. 2016. № 12. С. 96–97.

УДК 343.9.018

Мартыненко Эдуард Владимирович

кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры национальной безопасности
и правоохранительной деятельности

Института международного права и правосудия

Московского государственного лингвистического университета

Москва, Российская Федерация

edusmart@mail.ru

*Памяти Софьи Григорьевны Келиной
посвящается*

Конфискация имущества как иная мера уголовно-правового характера: восемнадцать лет действия

Аннотация: В статье анализируются изменения института конфискации имущества, возвращенного законодателем в Уголовный кодекс Российской Федерации в 2006 г., но не в качестве дополнительного вида наказания, а как иной меры уголовно-правового характера. Делается вывод о том, что за прошедшие восемнадцать лет положения о конфискации имущества претерпели существенное изменение, появились новые виды конфискации, но конфискация, предусмотренная п. «а» ч. 1 ст. 104.1 УК РФ, по-прежнему, практически не применяется, что связано с недостатками ее законодательной конструкции. Сложившаяся ситуация позволяет вернуться к предложению о возвращении конфискации имущества в качестве дополнительного вида наказания.

Ключевые слова: конфискация имущества, конфискационные преступления, иная мера уголовно-правового характера, виды конфискации.

Martynenko Eduard Vladimirovich

candidate of law, associate professor,

associate professor of the department
of national security and law enforcement

at the Institute of international law

and justice of the Moscow State Linguistic University

Moscow, Russian Federation

Confiscation of property as another measure of a criminal law nature: eighteen years of validity

***Annotation:** The article analyzes changes in the institution of confiscation of property, returned by the legislator to the Criminal Code of the Russian Federation in 2006, but not as an additional type of punishment, but as another measure of a criminal legal nature. It is concluded that over the past eighteen years, the provisions on confiscation of property have undergone significant changes, new types of confiscation have appeared, but the confiscation provided for in paragraph “a” of Part 1 of Art. 104.1 of the Criminal Code of the Russian Federation is still practically not applied, which is due to the shortcomings of its legislative design. The current situation allows us to return to the proposal to return confiscation of property as an additional type of punishment.*

***Keywords:** confiscation of property, confiscation crimes, other measures of a criminal law nature, types of confiscation.*

Впервые к теме конфискации имущества автор статьи обратился, когда в 2006 г. поступил в аспирантуру Института государства и права Российской Академии наук (сектор уголовного права и криминологии) и мне был назначен научный руководитель – доктор юридических наук, профессор Софья Григорьевна Келина (29 декабря 1928 – 21 июня 2013, главный научный сотрудник сектора уголовного права и криминологии Института государства и права РАН). Именно ей принадлежала идея выбора темы диссертационного исследования «Конфискация имущества в действующем российском уголовном праве». Выбор темы был не случаен, так как исключенная из Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) в 2003 г. конфискация имущества как вид наказания, существовавшая в уголовном законодательстве еще со времен Русской Правды [5, с. 3], была возвращена в уголовный закон в 2006 г. но не как дополнительный вид наказания, а как иная мера уголовно-правового характера. Возвращение в УК РФ конфискации имущества в другом качестве, потребовало научного осмысления данного института и его места в структуре УК РФ.

Благодаря С. Г. Келиной, мне удалось раскрыть тему диссертационного исследования, достичь цели, которую мы поставили вместе с научным руководителем и успешно защитить диссертацию [4]. С. Г. Келина и сама исследовала проблемы конфискации имущества [2; 3].

В ходе проведения диссертационного исследования мы пришли к выводу о том, что конфискация имущества не была воспринята правоприменителем и практически не применялась. Была установлена и основная причина неиспользования конфискации – неудовлетворительная законодательная конструкция положений о конфискации имущества.

С момента включения в УК РФ конфискации имущества прошло почти 18 лет. Что же изменилось за это время?

Прежде всего (хотя и остался), но сильно изменился перечень конфискационных преступлений (п. «а» ч. 1 ст. 104.1 УК РФ). Дискуссии о неправильности помещения в него ряда статей начались сразу же после введения института конфискации в УК РФ [1, с. 32] и уже в 2008 г. из перечня была исключена ст. 164 УК РФ [6]. Но в последующие годы перечень конфискационных преступлений только расширялся. В первоначальной редакции ст. 104.1 УК РФ содержал 45 конфискационных преступлений. За время действия ст. 104.1 УК РФ

их стало 93. Изменения перечня преступлений были внесены двадцатью пятью федеральными законами.

Кроме изменения перечня конфискационных преступлений, изменились виды конфискации имущества. В первоначальной редакции в ст. 104.1 УК РФ их было три:

Первый вид представляет собой наказание, когда изымается любое имущество, нажитое как законным, так и преступным путем (п. «в» ч. 1 ст. 104-1 УК), если это имущество если это имущество используется, или предназначено для финансирования терроризма, организованной группы, незаконного вооруженного формирования, преступного сообщества (преступной организации). В 2024 г. в данный вид конфискации был дополнен положением о возможности конфискации в случае проведения деятельности, направленной против безопасности Российской Федерации и примечанием, раскрывающим, что понимается под деятельностью, направленной против безопасности Российской Федерации [7].

Второй вид конфискации является «иной мерой» уголовно-правового характера, так как изымается имущество, полученное в результате совершения преступления (п.п. «а», «б» ч. 1 ст. 104-1 УК).

Третий вид конфискации является мерой безопасности или специальной уголовно-процессуальной конфискацией, когда изымаются орудия, оборудование или иные средства совершения преступления, принадлежащие обвиняемому. Этот вид конфискации предусмотрен в п. «г» ч. 1 ст. 104.1 УК [4].

В 2022 г. [8] появился новый, четвертый вид конфискации имущества – конфискация транспортного средства, принадлежащего обвиняемому и использованного им при совершении преступления, предусмотренного ст. 264.1, 264.2 или 264.3 УК РФ (п. «д» ст. 104.1 УК РФ). Все преступления связаны с управлением транспортным средством в состоянии опьянения. Вновь введенная норма о конфискации автомобиля сразу же вызвала проблемы в правоприменительной практики, которые разрешил Верховный Суд Российской Федерации, указав, что автомобиль, находящийся в совместной собственности супругов может подлежать конфискации [9].

О сложности применения конфискации имущества свидетельствует то, что Верховный Суд Российской Федерации спустя 12 лет после возвращения конфискации в УК РФ вынужден был дать толкование проблемных вопросов ее применения [10].

Изучение применения конфискации имущества позволяет сделать вывод о том, что положения п. «а» ч. 1 ст. 104.1 УК РФ применяются крайне редко, потому что по-прежнему проблемой является перечень конфискационных преступлений. Представляется, что следует вернуть конфискацию как вид наказания, так как на протяжении многих столетий она доказала свою эффективность.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Волженкин Б. В. Загадки конфискации // Уголовное право: Стратегия развития в XXI веке : материалы 4-й Междунар. науч.-практ. конф. М., 2007. С. 300.

2. Келина С. Г. «Иные меры уголовно-правового характера» как институт уголовного права // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке : материалы 4-й Междунар. конф. 25–26 ноября 2007. М., 2007. С. 174–180.

3. Келина С. Г. Наказание и иные меры уголовно-правового характера // Государство и право. 2007. № 6. С. 51–58.

4. Мартыненко Э. В. Конфискация имущества в действующем российском уголовном праве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010. 24 с.

5. Таганцев Н. С. Русское уголовное право. Лекции. Часть общая / сост. и отв. ред. Н. И. Загородников. М. : Наука, 1994. Т. 2. 393 с.

6. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с ратификацией Конвенции Организации Объединенных Наций против коррупции от 31 октября 2003 года и Конвенции об уголовной ответственности за коррупцию от 27 января 1999 года и принятием Федерального закона «О противодействии коррупции» (с изменениями и дополнениями) : Федеральный закон от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ // СПС «Консультант-Плюс» (дата обращения: 04.04.2024).

7. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 14.02.2024 № 11-ФЗ // Собрании законодательства Российской Федерации. 2024. № 8. Ст. 1038.

8. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статьи 31 и 150 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : Федеральный закон от 14.07.2022 № 258-ФЗ // Собрании законодательства Российской Федерации. 2022. № 29 (ч. 2). Ст. 522

9. Определение Суда кассационной инстанции № 12-УДП2-8-К6. URL: https://vsrf.ru/stor_pdf.php?id=2304782 (дата обращения: 24.05.2024).

10. О некоторых вопросах, связанных с применением конфискации имущества в уголовном судопроизводстве: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 14.06.2018 № 17 (ред. от 12.12.2023) // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2018. № 8.

УДК 343.85

Насиров Немэт Интигам оглы

кандидат юридических наук, доцент

Саратовская государственная юридическая академия

г. Саратов, Российская Федерация

e-mail: naymat@mail.ru

Уголовно-правовое воздействие, его структура и содержание

Аннотация: Действующий уголовный закон и практика его применения ориентированы на охрану интересов личности, общества и государства от преступных посяга-

тельств. Ее достижению обеспечивает уголовно-правовое воздействие, которое оказывается на сознание и волю субъектов уголовно-правовых отношений. Несмотря на активную научную разработку уголовно-правового воздействия, его отдельные существенные аспекты продолжают испытывать потребность в научном разрешении. Это обусловлено отсутствием легального определения уголовно-правового воздействия и единой научной позиции по содержанию отдельных образующих его структурных элементов. В статье сформулирована авторская дефиниция уголовно-правового воздействия, выделены и наполнены содержанием образующие его структурные элементы.

Ключевые слова: уголовно-правовое воздействие, уголовно-правовые отношения, сознание и воля субъекта, удержание от совершения преступления.

Nasirov Nemet Intiqam oqly

candidate of law, associate professor

Saratov State Law Academy

Saratov, Russian Federation

Criminal legal impact, its structure and content

Annotation: *The current criminal law and the practice of its application are focused on protecting the interests of the individual, society and the state from criminal attacks. Its achievement is ensured by the criminal legal influence that is exerted on the consciousness and will of the subjects of criminal legal relations. Despite the active scientific development of criminal law, its individual essential aspects continue to require scientific resolution. This is due to the lack of a legal definition of criminal law and a unified scientific position on the content of the individual structural elements that form it. The article formulates the author's concept of criminal legal influence, highlights and fills the structural elements that form it with content.*

Keywords: *criminal legal influence, criminal legal relations, consciousness and will of the subject, deterrence from committing a crime.*

Уголовно-правовое воздействие является научной категорией не имеющей юридической конструкции. При обозначении потенциала уголовного права в части оказания воздействия на личность, представители науки данной отрасли используют различные выражения, в том числе: «предупредительное воздействие» [1], «воспитательное воздействие» [3, с. 66–67] и т. д.

Полагаем, что уголовно-правовое воздействие находится в органической связи с предметом, методом, функцией уголовного права и социальной результативностью действия уголовного закона. Это обусловлено тем, что, во-первых, сферой реализации воздействия выступает уголовно-правовое отношение, во-вторых, воздействие осуществляется уголовно-правовыми инструментариями, в-третьих, назначением воздействия выступает решение задач, стоящий перед уголовным законом России. Уголовно-правовое воздействие, по сравнению с другими юридическими воздействиями, имеет свою специфику. Она находит отражение в образующих его структурных элементах. Коротко охарактеризуем каждый структурный элемент уголовно-правового воздействия.

В качестве первого структурного элемента уголовно-правового воздействия выступает источник, аккумулирующий в себе юридический механизм его

реализации. Уголовно-правовое воздействие осуществляется с помощью норм и положений уголовного закона, которые в совокупности образуют материальную сущность исследуемого явления.

Вторым элементом уголовно-правового воздействия выступает его объект. В юридической науке прослеживается некая неопределенность относительно содержания названного компонента правового воздействия. Ученые правоведы в качестве такового признают «общественное отношение» [4, с. 11], «сознание и поведение человека» [2, с. 6] и т. д. По нашему мнению, более убедительной выглядит научная позиция, признающая объектом правового воздействия интеллектуальное и волевое свойства личности. Свое воздействие на социальную сферу закон может осуществлять только через поведение соответствующих субъектов. Высказанный тезис не преследует цель противопоставлять общественным отношениям человеческое (ую) сознание или волю. Он лишь конкретизирует, что правовое воздействие на социальные связи возможно только через поведенческий акт. Так, доведение требований уголовно-правовых норм до сознания и воли их адресатов, направлено на формирование у их личности позитивной модели поведения в виде соблюдения предписаний уголовно-правового запрета. Полагаем, что уголовно-правовое отношение выступает лишь сферой реализации уголовно-правового воздействия, а сознание и воля адресатов уголовно-правовых норм – объектом уголовно-правового воздействия.

Следующий элемент, образующий структуру уголовно-правового воздействия, отражает его предназначение. Оно находится в органической связи с задачами уголовного закона. Согласно ч. 1. ст. 2 УК РФ, задачами уголовного закона выступают «охрана прав и свобод человека и гражданина, собственности, общественного порядка и общественной безопасности, окружающей среды, конституционного строя Российской Федерации от преступных посягательств, обеспечение мира и безопасности человечества, а также предупреждение преступлений» [5]. Процитированная уголовно-правовая норма позволяет констатировать, что воздействие на сознание и волю субъектов инструментариями уголовного права нацелено на удержание их от посягательств на объекты уголовно-правовой охраны. Такое удержание осуществляется посредством возложения на субъектов уголовно-правовых отношений обязанности, включающая требование по воздержанию от проявления криминального поведения. Соблюдение уголовно-правовой обязанности исключает уголовную ответственность, а ее нарушение порождает уголовную ответственность. Становится ясно, что стержнем уголовно-правового воздействия выступает удержание соответствующего субъекта от совершения общественно опасного деяния.

Последним элементом уголовно-правового воздействия выступает субъект, его осуществляющий. В качестве такового выступает правоприменитель в лице должностных лиц правоохранительных органов и судьи. Реализуя свою юридическую обязанность, правоприменитель дает уголовно-правовую оценку

поведению правоисполнителя. Если в результате правоприменительной деятельности выяснится, что правоисполнитель нарушил свою уголовно-правовую обязанность по воздержанию от совершения преступления, то он будет привлекаться к уголовной ответственности. Ее реализация будет преследовать цель по удержанию такого лица от последующих посягательств на интересы личности, общества и государства. Если в результате правоприменительной деятельности выяснится, что правоисполнитель добросовестно соблюдал свою уголовно-правовую обязанность по воздержанию от совершения преступления, то он останется вне уголовной ответственности. В обоих случаях речь идет об удержании физического вменяемого лица, достигшего уголовной ответственности, от совершения общественно опасного деяния.

Основываясь на вышесказанном, сформулируем понятие уголовно-правового воздействия – это осуществляемое инструментариями уголовного права на сознание и волю правоисполнителей воздействие, направленное на их удержание от совершения преступлений. Сформулированное понятие включает три взаимосвязанных признака. Первый признак определяет, что источником уголовно-правового воздействия выступает уголовный закон. Именно нормы уголовного закона образуя правовой механизм осуществления воздействия определяют его материальную сущность. Вторым признаком конкретизирует объект уголовно-правового воздействия – сознание и воля правоисполнителя. Правоисполнителем выступает физическое вменяемое лицо, достигшее возраста уголовной ответственности. Третий признак акцентирует внимание на предназначении уголовно-правового воздействия – удержание правоисполнителей от посягательства на объекты уголовно-правовой охраны.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Бытко С. Ю. Эффективность предупредительного воздействия уголовного наказания на преступность: теоретический и прикладной аспекты : дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2018. 471 с.
2. Зайцева Е. С. Соотношение правового регулирования и правового воздействия // Академический юридический журнал. 2019. № 4(78). С. 4–9.
3. Коваленко О. Н. Проблемные вопросы соответствия задач уголовного закона с задачами уголовного права // Юридический факт. 2018. № 28. С. 66–68.
4. Матюшева Т. Н. Понятие и сущность системообразующей функции права на образование // Право и Образование. 2009. № 7. С. 9–18.
5. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 14.02.2024) // СПС «Консультант Плюс». URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 04.03.2024).

УДК 343.615.1

Евстегнеев Алексей Сергеевич

кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой
уголовно-правовых дисциплин

Костромского государственного университета

г. Кострома, Российская Федерация

vse-evstegneev@yandex.ru

Керимханов Замир Музафенович

магистрант, Костромской государственной университет

г. Кострома, Российская Федерация

i@k-zm.ru

Умышленное причинение легкого вреда здоровью и побои: проблемные вопросы квалификации преступлений

***Аннотация:** Данная статья посвящена проблемным вопросам квалификации преступлений, предусмотренных статьями 115 и 116 УК РФ. В ней автор уделяет внимание вопросам отграничения указанных норм при квалификации таких деяний, рассматривает вопрос о декриминализации побоев. Изучены и проанализированы статистические данные Судебного департамента при Верховном суде Российской Федерации о количестве осужденных за 2020, 2021, 2022 гг. На основе данного исследования определены пробелы и предложены некоторые варианты их разрешения.*

***Ключевые слова:** здоровье человека, вред здоровью, преступление, уголовная ответственность, медицинские критерии, незначительная стойкая утрата, побои.*

Evstegneev Alexey Sergeevich

candidate of law, associate professor,

head of the department

of criminal law disciplines

Kostroma State University

Kostroma, Russian Federation

Kerimkhanov Zamir Muzafenovich

undergraduate, Kostroma State University

Kostroma, Russian Federation

Intentional infliction of minor harm to health and beatings: problematic issues of crime qualification

***Annotation:** This article is devoted to problematic issues of qualification of crimes provided for in Articles 115 and 116 of the Criminal Code of the Russian Federation. In it, the author pays attention to the issues of delineation of these norms in the qualification of such acts, considers the issue of decriminalization of beatings. The statistical data of the Judicial Department at the Supreme Court of the Russian Federation on the number of convicts for 2020, 2021, 2022 have been studied and analyzed. Based on this study, gaps have been identified and some solutions have been proposed.*

Keywords: human health, harm to health, crime, criminal liability, medical criteria, minor permanent loss, beatings.

Право на жизнь и здоровье является базисным приоритетом государственной защиты от преступных посягательств, тем самым никто не в праве причинять смерть или вред здоровью другому человеку. Видовым объектом таких преступлений как умышленное причинение легкого вреда здоровью и побои является такое благо людей как их здоровье. Как верно отмечает А. В. Наумов, «здоровье представляет собой жизнеспособное функционирование органов и тканей, а также человеческого организма в целом, создающее возможность реализации человеком своих потребностей» [6, с. 50]. То есть здоровье человека – это основной элемент, влияющий на качество и продолжительность его жизни. Поэтому в действующем законодательстве здоровье закреплено как отдельный, самостоятельный видовой объект, находящийся под защитой государства, на что прямо указано в ст. 41 Конституции РФ [2].

Проведенный нами анализ правоприменительной практики свидетельствует о том, что на современном этапе развития уголовного права и законодательства России, в деятельности правоприменителей встречаются некоторые проблемы квалификации (отграничения) преступлений, предусмотренных статьями 115 и 116 УК РФ. Для того, чтобы правильно ориентироваться в вопросах отграничения рассматриваемых преступлений, представляется целесообразным подробно проанализировать элементы составов этих деяний.

Следует отметить то, что непосредственный объект у обоих анализируемых преступлений один, им является такое благо конкретного человека, как его здоровье, которому преступлением причиняется вред или создается реальная угроза причинения вреда.

Как следует из разъяснений, приведенных в «Правилах определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека», утвержденных постановлением Правительства РФ от 17.08.2007 № 522: «Под вредом, причиненным здоровью человека, понимается нарушение анатомической целостности и физиологической функции органов и тканей человека в результате воздействия физических, химических, биологических и психических факторов внешней среды» [3].

В ч. 1 ст. 115 УК РФ названы два существенных признака объективной стороны умышленного причинения легкого вреда здоровью человека. Первый признак – это то, что действия виновного вызвали кратковременное расстройство здоровья потерпевшего, которое характеризуется временной нетрудоспособностью, продолжительностью от одного дня (с момента причинения вреда) до двадцати одного дня. А также медицинским критерием, таким как «временное нарушение функций органов и систем» [7], однако, что именно под этим понимается – законодатель не уточнил. Второй признак – если в результате действий виновного наступила незначительная стойкая утрата общей трудоспособности потерпевшего, характеризующийся именно незначительной стойкой утратой общей трудоспособности менее десяти процентов [4].

Эти медицинские критерии определены приказом Министерства здравоохранения и социального развития РФ от 24 апреля 2008 г. № 194н «Об утверждении Медицинских критериев определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека» [5] (далее по тексту – Медицинские критерии). Настоящий нормативный акт содержит перечень критериев, используя который судебный медицинский эксперт, при проведении судебной медицинской экспертизы, определяет степень причиненного вреда здоровью, что, в свою очередь, позволяет правоприменителю правильно квалифицировать содеянное виновным лицом.

Вместе с тем, эти Медицинские критерии постоянно подвергаются критике правоприменителей и исследователей. Так, В. В. Альшевский отмечает, что «нельзя Приказ использовать для унификации формулировок экспертных выводов, поскольку текст содержит большое количество неточностей и спорных моментов» [1, с. 9]. Или председатель Ивановской областной коллегии адвокатов Ю. С. Пермилов, отмечает, что «если потерпевшему причинен вред легкой тяжести, то именно здесь могут возникнуть сложности и проблемы, вытекающие из критериев, установленных Приказом, которыми руководствуются, в первую очередь, судебно-медицинские эксперты, определяющие степень тяжести причиненного вреда» [3]. И с их мнениями мы абсолютно согласны. Учитывая критику, в 2023 году Минздрав РФ разработал и опубликовал проект новых Правил определения медицинских критериев определения степени тяжести вреда здоровью, который до настоящего времени не утвержден.

Далее отметим, что субъектом данного преступления является вменяемое физическое лицо, достигшее, к моменту совершения преступления возраста уголовной ответственности – 16 лет.

Характеризуя субъективную сторону данного деяния следует, в первую очередь, обратить внимание на диспозицию ч. 1 ст. 115 УК РФ, где прямо указана форма вины – умышленное причинение легкого вреда здоровью. Как нам представляется, в данном случае, при осуществлении квалификации вид умысла на квалификацию содеянного не влияет. Так как виновный, при совершении этого преступления, может желать причинения такого вреда здоровью, который повлечет за собой кратковременное расстройство здоровья или незначительную стойкую утрату общей трудоспособности (при прямом умысле), а может относиться к наступлению такого вреда безразлично (при косвенном умысле).

Продолжая анализ субъективных признаков умышленного причинения легкого вреда здоровью следует обратить внимание на его квалифицированные виды: «а) из хулиганских побуждений; б) по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы; в) с применением оружия или предметов, используемых в качестве оружия; г) в отношении лица или его близких в связи с осуществлением данным лицом служебной деятельности или выполнением общественного долга. Как мы ви-

дим, во всех случаях просматривается мотив преступления, усиливающий ответственность виновного за причинение того же самого вреда здоровью».

Приступая к анализу побоев, следует остановиться на непосредственном объекте преступления. Как говорилось выше, непосредственным объектом посягательства при совершении побоев будет, как и в предыдущем случае, такое благо конкретного человека как его здоровье. Вместе с тем представляется интересным тот факт, что при совершении данного преступления у потерпевшего не происходит кратковременного расстройства здоровья или не наступает незначительная стойкая утрата общей трудоспособности, так как побои влекут за собой лишь физическую боль. Однако этому человеку причиняются психические страдания, которые, как нам представляется, гораздо значимы нежели легкий вред здоровью, так как это лицо, получая побои, как правило, не может за себя постоять и дать достойный отпор посягателю.

Побои, запрещенные ст. 116 УК РФ, с объективной стороны характеризуются активными действиями, заключающимися в нанесении побоев потерпевшему, а также совершением иных насильственных действий, которые не повлекли за собой кратковременного расстройства здоровья и не вызвали стойкую утрату общей трудоспособности, а всего лишь причинили физическую боль, т. е. не повлекли последствий, предусмотренных ст. 115 УК РФ. Однако законодатель не приводит никаких пояснений относительно общественно опасных последствий анализируемых составов преступлений. Для того чтобы разобраться в этих вопросах нам следует обратиться за разъяснениями, приведенными в Медицинских критериях. Так, в п. 9 Медицинских критериев [5] обозначены признаки, по которым можно квалифицировать данное деяние. Однако ни в диспозиции ст. 116 УК РФ, ни в Медицинских критериях нет уточнения, какие именно насильственные действия подпадают под категорию «иные». Обязательным признаком данного преступления являются последствия в виде физической боли.

Субъектом данного преступления также, как и при умышленном причинении легкого вреда здоровью, является вменяемое физическое лицо, достигшее, к моменту совершения преступления возраста шестнадцати лет.

Что касается характеристики субъективной стороны рассматриваемого деяния, то и здесь мы наблюдаем некоторое совпадение с умышленным причинением легкого вреда здоровью, выражающееся в умышленной форме вины, которая реализуется умышленными действиями, способными проявляться в виде прямого. Характерной особенностью субъективной стороны побоев и иных насильственных действий, причинивших физическую боль является то, что они совершаются либо из хулиганских побуждений, либо по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды, либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы, что, как нам представляется, исключает возможность совершения этого преступления с косвенным умыслом.

Мы полагаем, что основным отличием преступления, предусмотренного ст. 115 УК РФ, от преступления, предусмотренного ст. 116 УК РФ, по признакам объективной стороны – это наступившие общественно-опасные последствия, т. е., в-первом случае – общественно опасные последствия заключаются в причинении легкого вреда здоровью человека или в стойкой утрате общей трудоспособности. А во-втором – общественно опасное последствие заключается в причинении потерпевшему физической боли, которая не повлекла последствий предусмотренных диспозицией ст. 115 УК РФ. Наряду с этим, другим отличием умышленного причинения легкого вреда здоровью можно назвать то, что оно обладает таким квалифицирующим признаком как совершение того же деяния с применением оружия или предметов, используемых в качестве оружия, а также в отношении лица или его близких в связи с осуществлением данным лицом служебной деятельности или выполнением общественного долга, что отсутствует и отсутствовало в диспозициях норм ст. 116 УК РФ.

Также заметим, что Федеральным законом от 7 февраля 2017 г. № 8-ФЗ деяния, запрещенные ст. 116 УК РФ были объединены в единую диспозицию, в то время как до этого времени, положения данной статьи предусматривали ответственность как за «1. Нанесение побоев или иных насильственных действий, причинивших физическую боль и если они не повлекли последствий, указанных в статье 115 УК РФ», а также за квалифицированный ее состав, по ч. 2 ст. 116 УК РФ устанавливалась ответственность за: «2. Те же деяния, совершенные: а) из хулиганских побуждений; б) по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды, либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы», где законодателем акцентировалось внимание на мотив преступления.

Подводя итог сказанному мы можем констатировать, что виновное лицо, совершая деяния, запрещенные статьями 115 и 116 УК РФ, посягает на единый непосредственный объект преступления, а именно на такое благо конкретного человека как его.

Объективная сторона изучаемых нами преступлений выражена в деяниях, совершаемых в форме активных действий, влекущих за собой наступление разных общественно опасных последствий, в-первом случае – причинение легкого вреда здоровью, повлекшего за собой кратковременное расстройство здоровья или незначительную стойкую утрату общей трудоспособности; во-втором – причинение физической боли.

Кроме этого, в качестве квалифицированных видов объективной стороны причинения легкого вреда здоровью, законодатель указал на применение оружия или предметов, используемых в качестве оружия, а также совершение этого деяния в отношении лица или его близких в связи с осуществлением данным лицом служебной деятельности или выполнением общественного долга, чего нет в описании преступного деяния, запрещенного ст. 116 УК РФ.

При соотношении субъективных признаков мы видим, что оба эти деяния полностью схожи по субъекту преступления – это вменяемое физическое лицо,

достигшее к моменту совершения преступления 16-летнего возраста. В них имеются совпадения и по субъективной стороне – оба деяния совершаются умышленно. Однако отличаются по видам умысла. Так, если при совершении преступления предусмотренного ч. 1 ст. 115 УК РФ вид умысла на квалификацию не влияет, то в диспозиции ст. 116 УК РФ законодатель акцентирует внимание на мотиве преступления, что является характерным для квалифицированного вида умышленного причинения легкого вреда здоровью – совершение преступления из хулиганских побуждений или по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды, либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы.

Как мы полагаем приведенный анализ поможет правоприменителю правильно сориентироваться при осуществлении квалификации деяний, запрещенных статьями 115 и 116 УК РФ.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Альшевский В. В. О противоречиях Приказа Министерства здравоохранения и социального развития Российской Федерации от 24 апреля 2008 г. № 194н и некоторым Федеральным законам // Вопросы установления тяжести вреда, причиненного здоровью человека в результате воздействия биологического фактора. Севастополь : РИОР, 2022. С. 4–15.

2. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Российская газета. 2020. № 144.

3. Пермилов Ю. С. Отозвав письмо с разъяснениями критериев вреда, причиненного здоровью, Минздрав так и не принял новый приказ // ADVGAZETA.RU : ежедн. интернет-изд. 2019. 13 мая: URL <https://www.advgazeta.ru/mneniya/otozvav-pismo-s-razyasneniyami-kriteriev-vreda-prichinennogo-zdorovyu-minzdrav-tak-i-ne-prinyal-novy/> (дата обращения: 20.04.2024).

4. Постановление Правительства РФ от 17.08.2007 № 522 (ред. от 17.11.2011) «Об утверждении Правил определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека» // Российская газета. № 185. 24.08.2007; № 263. 23.11.2011.

5. Приказ Министерства здравоохранения и социального развития Российской Федерации от 24.04.2008 № 194н (ред. от 18.01.2012) «Об утверждении Медицинских критериев определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека» // Российская газета. 2008. № 188; 2012. № 58.

6. Уголовное право. Особенная часть : учебник для вузов / А. В. Наумов [и др.] ; отв. ред. А. В. Наумов, А. Г. Кибальник. 5-е изд., перераб. и доп. М. : Юрайт, 2023. 499 с.

Питулько Ксения Викторовна

кандидат юридических наук, доцент
Санкт-Петербургский институт (филиал)
Всероссийского государственного университета юстиции
Санкт-Петербург, Российская Федерация
lokhi@yandex.ru

Сергеева Анжелика Анатольевна

кандидат юридических наук, доцент
Санкт-Петербургский институт (филиал)
Всероссийского государственного университета юстиции
Санкт-Петербург, Российская Федерация
anzh-sergeeva@yandex.ru

**Основные детерминанты преступлений
террористической направленности**

Аннотация: В статье рассматриваются внутренние и внешние факторы, детерминирующие терроризм и преступления террористической направленности. С учетом крайне высокой общественной опасности любых террористических проявлений авторами высказано критическое отношение к предложениям об изменении действующего законодательства.

Ключевые слова: преступления террористической направленности, терроризм, причины преступности, экстремистская деятельность, миграционные процессы.

Pitulko Kseniia Viktorovna

PhD in law, associate professor
Saint Petersburg' institute
of the All-russian State University of justice
Saint Petersburg, Russian Federation

Sergeeva Anzhelika Anatolievna

PhD in law, associate professor
Saint Petersburg' institute
of the All-russian State University of Justice
Saint Petersburg, Russian Federation

Main determinants of terrorist crimes

Annotation: The article examines the internal and external factors that determine terrorism and terrorist crimes. Taking into account the extremely high public danger of any terrorist manifestations, the authors expressed a critical attitude towards proposals to change the current legislation.

Keywords: terrorist crimes, terrorism, causes of crime, extremist activity, migration processes
Main determinants of terrorist crimes.

Высокая степень общественной опасности преступлений террористической направленности представляется бесспорной. Осознавая это, законодатель создал значительное количество уголовно-правовых запретов, подвергнув криминализации как террористическую активность, так и действия, выражающиеся в популяризации террористической идеологии или приобщении к ней. На сегодняшний день большинство из преступлений террористической направленности признаны особо тяжкими и влекут максимальное наказание в виде лишения свободы.

Терроризм и его проявления образуют одну из серьезных угроз национальной безопасности. В п. 44 Стратегии национальной безопасности РФ, утвержденной Указом Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400, отмечена повышенная активность как международных террористических организаций, так и иных внешних деструктивных сил, направленная на дестабилизацию деятельности государственных и общественных институтов. Несмотря на то, что в целом преступления террористической направленности немногочисленны и в большинстве случаев террористические акты выявляются на стадии приготовления, они вызывают повышенный общественный резонанс.

По данным МВД РФ, в 2023 году в России было зарегистрировано 2382 преступления террористической направленности; отмечена тенденция к росту (+6 %). Весной 2024 года в Москве произошла террористическая атака, унесшая жизни 139 человек, и это событие дало импульс для обсуждения возможных направлений ужесточения законодательства, регламентирующего уголовную ответственность за преступления террористической направленности. В связи с этим научный интерес представляет анализ факторов, детерминирующих проявления терроризма.

Терроризм и преступления террористической направленности детерминируются как внутренними, так и внешними факторами.

Главным из внешних факторов можно назвать политическую нестабильность, приведшую к ослаблению позиций России на постсоветском пространстве, и – одновременно – слабость властных структур образовавшихся новых государств – бывших советских союзных республик. На это обращают внимание многие ученые [2, с. 19–31; 4, с. 82–84; 5, с. 41–52]. В связи с этим отдельные российские регионы, оказались в сфере бизнес-интересов транснациональных корпораций и иных бизнес-кругов зарубежных государств. В силу географического положения все постсоветские страны попали и в зону активного наркотрафика, сырьевые территории которой находились в Афганистане, который в тот период времени стал фактически мировым центром производства опиатов. С учетом политической нестабильности на его территории, фактический контроль над рядом афганских агломераций установили террористические группировки. Бывшие советские государства (особенно расположенные в Средне-Азиатском регионе) имели перспективу стать, по сути, сателлитами криминальных формирований, а в силу отсутствия жесткого контроля над преступностью стали зонами доступного извлечения прибыли от наркоторговли и других видов криминального промысла. Регионы Северного Кавказа, в свою очередь, приобрели экономическую привлекательность как территории-доноры, богатые

полезными ископаемыми. Слабость централизованного государственного управления, непреодолимая в первые годы становления российского федеративного государства, привела к тому, что эти субъекты федерации развивались автономно, и не всегда во главе этого развития находились сторонники федерального единства. В части кавказских регионов усиливались сепаратистские тенденции, подогреваемые извне, в том числе, посредством использования религиозного влияния.

Кроме политической нестабильности, к внешним факторам, детерминирующим преступления террористической направленности, относится враждебная деятельность иностранных государств, в силу которой террористическая активность поощряется и используется для минимизации потенциальной конкуренции и сохранения экономического доминирования.

В Концепции национальной безопасности Российской Федерации, утвержденной указом Президента России от 17 декабря 1997 г. № 1300, было отмечено, что масштабы терроризма и организованной преступности постоянно возрастают. Констатация этого факта в первом документе, посвященном организации обеспечения безопасности общества и государства в постсоветский период, является важным свидетельством понимания на высшем уровне не только серьезности террористической угрозы, но и истоков ее происхождения. Причиной усиления террористической активности назывались конфликты по вопросам изменения форм собственности, реализация групповых и этнонационалистических интересов в ходе борьбы за власть, недостатки профилактической деятельности. Из этого можно заключить, что еще до принятия комплексного нормативного правового акта в сфере борьбы с терроризмом на высшем государственном уровне имелось понимание необходимости учитывать повышенную организованность террористических групп и наличие у них не только религиозной или этнической мотивации, но и корыстных устремлений.

Именно экономическая привлекательность террористической деятельности (а точнее, ее результатов) лежала в основе распространения идеологии терроризма по всему миру. В ряде случаев, очевидно, определенную выгоду приобретают и отдельные государства, ослабляющие экономическую конкуренцию. Террористические анклавов, в свою очередь, получают прочную финансовую базу и устойчивость. Иными словами, терроризм обладает определенной «притягательностью» и как экономический рычаг. Иллюстрации этого тезиса во множестве можно видеть в целом ряде недавних исторических событий (деятельность террористических формирований «Исламское государство» и «Бока Харам» на территории регионов Африки и Ближнего Востока, установление власти талибов в Афганистане, события в странах Латинской Америки). Становление государственноподобных образований при сохранении разветвленной сети террористических ячеек отражает, на наш взгляд, то обстоятельство, что «экономика терроризма» более не является абстрактным понятием, а приобретает конкретные формы. Наличие финансовой базы, причем значительной, поскольку подготовка террористического акта (подбор исполнителей, обеспечение их оружием, планирование) является достаточно затратной, позволяет за-

ключить, что данный вид криминальной активности приносит определенный экономический эффект.

В свою очередь, внутренними факторами, детерминирующими преступления террористической направленности, выступают экономические и социальные проблемы, длительное непреодоление которых становится благодатной почвой для усиления террористической активности.

Террористические практики подразумевают широкое использование вооруженной неквалифицированной «рабочей силы». Для экономически депрессивных регионов, в том числе, и российских, это означает возникновение спроса на оплачиваемую работу и наличие относительно большого количества лиц, не имеющих постоянной занятости, в достаточной степени маргинализированных и не слишком разборчивых в поиске источника финансового благополучия. Круг таких субъектов потенциально привлекателен для представителей террористических организаций (вербовщиков).

Наличие социального расслоения и невысокого уровня жизни является условием, повышающим «спрос» на радикальную террористическую идеологию. Широкое использование при ее утверждении религиозных догм и агрессивных конфессиональных течений способно гарантировать регулярный приток в ряды террористических сообществ новых участников. При использовании методов психологического манипулирования они становятся преданными исполнителями террористических актов, проявляющими достаточную жестокость и беспринципность. В основе таких методов лежит, в большинстве случаев, «расчеловечивание» потенциальных жертв и оправдание жестокого насилия необходимостью установления справедливого мироустройства.

На распространение преступлений террористической направленности во всем мире влияют миграционные процессы. Достаточно серьезно с этим столкнулись европейские государства в середине 2010-х годов, когда во многие из них в массовом и неконтролируемом количестве стали прибывать беженцы из Северной Африки и Ближнего Востока. Часть этих лиц – носителей ортодоксального религиозного мировоззрения – оказалась не вполне готова к условиям европейского социума, основанного на толерантности, поэтому быстро радикализировалась. Следствием этого стали многочисленные террористические атаки (например, в январе 2015 г. – на редакцию французской газеты «Шарли Эбдо», известной демонстративным атеизмом и отрицательным отношением к религии, в ноябре 2015 г. – на стадион и театрально-концертный зал в столице Франции, в июле 2016 г. – на участников празднования Дня взятия Бастилии во французском городе Ницца). В определенной степени с таким явлением столкнулось и российское общество: многие эпизоды террористической активности совершались с участием мигрантов-нелегалов или сторонников радикальной религиозной идеи, приехавших из регионов Северного Кавказа. Социализация мигрантов – сложный процесс, не имеющий сегодня оптимального механизма осуществления. Поэтому, в отличие от преступлений экстремистской направленности, посягательства рассматриваемой группы в значительной мере детерминированы тенденциями внутренней и внешней миграции [1, с. 46–51].

В криминологической науке причины преступлений террористической направленности подразделяются на постоянные (религиозные, социокультурные, существующие длительный период), временные (возникающие вследствие перемен в государственном или общественном строе) и собственно террористические (недовольство государственной властью, неустройством социально-экономического характера, бесконтрольный оборот оружия). Деидеологизация как признак террора отражает, по мнению ученых, сомнения в легитимности государственных органов и юридической силы существующих законов [3, с. 213–215]. Можно отметить и то обстоятельство, что популяризация террористической идеологии формирует в обществе толерантность к насилию, а террористическая деятельность в этих обстоятельствах получает дополнительную привлекательность.

Завершая изложенное, можно заключить, что преступления террористической направленности детерминируются широким перечнем факторов, которые сложно структурировать по объему влияния. Поэтому ни одно – даже самое резонансное событие – нельзя связывать с воздействием какого-то одного из них. Например, после террористического акта, совершенного предположительно гражданами Республики Таджикистан 22 марта 2024 г. в г. Москве, среди населения стали возникать ксенофобские настроения, подогреваемые заявлениями о необходимости восстановления смертной казни и иного ужесточения уголовных наказаний. Как представляется, такая активность не несет ничего, кроме вреда, поскольку всего лишь укрепляет деструктивные настроения в обыденном правосознании. Действующее законодательство содержит развернутый спектр инструментов, предназначенных для противодействия проявлениям терроризма, применение которых позволяет поддерживать устойчивое защищенное состояние общества от наиболее опасных криминальных угроз.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Бельский А. И., Якимова В. И. Причины международного терроризма как государственно-правовая проблема // Право: история и современность. 2022. Т. 6, № 1. С. 46–51.
2. Горбунов К. Г. Терроризм: социально-психологическое исследование : монография. Омск : Изд-во ОмГУ, 2010. 384 с.
3. Машекуашева М. Х., Анимоков И. К. Характерные черты терроризма как идеологические факторы // Образование и право. 2022. № 1. С. 213–215.
4. Питулько К. В., Коряковцев В. В. Квалификация преступлений экстремистской и террористической направленности : учеб. пособие. М. : КноРус, 2024. 146 с.
5. Полякова, Л. И. Глобальная угроза терроризма: современное состояние и меры противодействия // Вопросы безопасности. 2021. № 2. С. 41–52.

УДК 343.85

Смылова Вера Николаевна

старший преподаватель кафедры

уголовно-правовых дисциплин

ОЧУ ВО «Международный юридический институт»

Москва, Российская Федерация

veramyshh@mail.ru

**Проблемы противодействия и уголовно-правовой оценки
организации деятельности экстремистской организации
(на примере «АУЕ»)**

***Аннотация:** В статье анализируются подходы к уголовно-правовой оценке организации деятельности экстремистской организации на примере запрещенной на территории РФ экстремистской организации «АУЕ». Выявлено отсутствие единого доктринального подхода к определению «экстремистская организация». Проанализированы положения Решения Верховного Суда Российской Федерации от 17.08.2020 г. о признании международное общественное движение «АУЕ» экстремистской организацией и запрете ее деятельности на территории Российской Федерации, акты правоприменительной практики.*

***Ключевые слова:** экстремистская организация, запрещенная на территории РФ экстремистская организация «АУЕ», уголовно-правовая оценка, противодействие.*

Smyslova Vera Nikolaevna

senior lecturer at the department

of criminal law disciplines

the International law institute,

Moscow, Russian Federation

**Problems of counteraction and criminal legal assessment
of the organization of activities of an extremist organization
(using the example of “AUE”)**

***Annotation:** The article analyzes approaches to the criminal legal assessment of the organization of the activities of an extremist organization using the example of the extremist organization “AUE” banned on the territory of the Russian Federation. The lack of a unified doctrinal approach to the definition of “extremist organization” has been revealed. The provisions of the Decision of the Supreme Court of the Russian Federation dated August 17, 2020 on recognizing the international public movement “AUE” as an extremist organization and banning its activities on the territory of the Russian Federation, acts of law enforcement practice are analyzed.*

***Keywords:** extremist organization, extremist organization “AUE” banned on the territory of the Russian Federation, criminal legal assessment, counteraction.*

17 августа 2020 г. по административному иску Генерального прокурора Российской Федерации И. В. Краснова решением Верховного Суда Российской Федерации (далее – решение ВС РФ от 17.08.2020) международное общественное движение «АУЕ» (далее – запрещенная на территории РФ экстремистская

организация «АУЕ») признано экстремистской организацией, ее деятельность запрещена на территории Российской Федерации. Впоследствии 02 октября 2020 г. резолютивная часть решения ВС РФ от 17.08.2020 дополнена разъяснениями о наличии у запрещенная на территории РФ экстремистская организация «АУЕ» символики и разных вариантов наименования.

29 октября 2020 г. сведения об указанной организации размещены на официальном сайте Минюста России.

Любые виды участия в деятельности указанной организации (в том числе приравнивание себя к членам указанного движения, руководство этой группой) является уголовно наказуемым деянием, ответственность за которое предусмотрена ст. 282² Уголовного кодекса РФ (далее - УК РФ) (Организация деятельности экстремистской организации).

На протяжении нескольких лет, предшествовавших принятию решения ВС РФ от 17.08.2020, в научной литературе неоднократно поднимались вопросы о правовой оценке деятельности участников запрещенной на территории РФ экстремистской организации «АУЕ», характере совершаемых ими противоправных деяний, видах юридической ответственности [8; 12; 18].

Мнения ученых не нашли единого доктринального подхода к решению данной проблемы. Большинство отечественных ученых относили данное движение к проявлениям субкультуры, характеризуя его как «криминальное молодежное движение» [14], «криминогенное сообщество» [6], «организацию, пропагандирующую ценности тюремной субкультуры» [2], «подростково-молодежное криминальное движение» [12]. Ю. А. Клейберг выделяет такие характерные черты данного движения, как отсутствие централизованной системы управления и жесткой иерархии, свойственных, по его мнению, ряду современных молодежных сетевых ризомных структур, подразумевающий вневструктурный и нелинейный способ организации целостности, не усматривая при этом наличия признаков, позволяющих отнести его к экстремистской организации либо экстремистскому сообществу [12].

О наличии у запрещенной на территории РФ экстремистской организации «АУЕ» признаков экстремистского движения до принятия решения ВС РФ от 17.08.2020 высказывались лишь единичные мнения [8].

После вынесения решения ВС РФ от 17.08.2020 позиции отечественных ученых относительно рассматриваемого вопроса претерпели существенные изменения.

Авторы одной из первых научных работ, посвященных правовому анализу решения Верховного Суда РФ от 17.08.2020, поддерживая вывод о наличии у запрещенной на территории РФ экстремистской организации «АУЕ» признаков экстремистского движения, и характеризуя его как «экстремистское сообщество нового поколения», отмечали правильность квалификации действий его участников по ст. 282¹ УК РФ (организация экстремистского сообщества) «...с учетом общественной опасности, сетевого характера, развитой криминальной идеологии» [13].

В свою очередь, В. Н. Шиханов, характеризует решение Верховного Суда РФ от 17.08.2020 как «специфичное», «слишком буквальное», прямолинейное

исполнение которого «...может создать существенные проблемы вместо ожидаемых положительных результатов», в том числе обострить стремление к риску, противостоянию с правоохранительными органами и пр. [20]. Аналогичная позиция о необходимости более четкого разъяснения признаков, характеризующих экстремистскую организацию, обозначена в работе К. С. Кияшко [11].

Не мало вопросов вызывает использование в уголовном законодательстве оценочного понятия «социальная группа» как признака составов преступлений экстремистской направленности; дефинирование и толкование понятий «преступное сообщество» и «преступная организация» в рассматриваемом аспекте [1; 2; 4; 10; 13; 17].

Отдельным вопросом, требующим научной разработки в целях принятия эффективных проактивных мер противодействия проявлениям экстремизма, является вовлечение несовершеннолетних и молодежи в экстремистскую деятельность, с помощью игровых технологий управления – геймификации (использование мета-игровых элементов и механик с целью корректировки человеческого поведения за счет создания благоприятного эмоционального фона) [9; 15; 19]. Игры, провоцирующие агрессию у враждебно-настроенных подростков (шутеры); игры суицидальной и экстремистской направленности вызывают особый интерес у подрастающего поколения, не имеющего в силу возрастных особенностей ценностных идеалов, поддающихся манипулированию и принятию навязываемой системы псевдо-ценностей [7].

Анализ структуры времяпрепровождения, типичных практик, нормативных поведенческих паттернов, жизненных сценариев и ценностно-смысловой мотивации и пр. указывает на стремление подростков к патологической (перверсивной) компенсации экзистенциально-эмоционального вакуума («инверсивное детство») [3, с. 99–100, 195].

Кроме того, в связи с распространением деструктивных молодежных субкультур, вовлечение подростков и молодежи в несанкционированные акции протеста, массовые беспорядки, в научной литературе уделяется внимание появлению и юридической оценке действий приверженцев деструктивных молодежных субкультур, не имеющих четко сформированной криминальной идеологии, но, в некоторых случаях обнаруживающих сходство с экстремистской, усматривая схожесть с зарождением и становлением идеологии запрещенной на территории РФ экстремистской организации АУЕ [9]. Например, криминальная субкультура АСАВ, неформальная деструктивная молодежная субкультура «ЧВК «Редан»»; группы смерти («Синий кит» и пр.) [7, с. 41–42; 9, с. 78–79]. АСАВ (англ. *all cops are bastards* – «все полицейские – ублюдки») – аббревиатура, выражающая негативное отношение к официальным властям и ненависть к сотрудникам правоохранительных органов, романтизирующая воровские понятия и традиции, втягивающая подростков в совершение насильственных протестных акций. В странах Германии, Нидерландах, Хорватии, Испании аббревиатура АСАВ рассматривается как оскорбление или разновидность экстремизма. Представители неформальной деструктивной молодежной субкультуры «ЧВК «Редан»» выражают враждебность к общепринятым нормам, устраиваю-

щие акции протеста, насилия, в том числе с применением оружия или предметов, используемых в качестве оружия.

Указанные движения на данном этапе, по нашему мнению, стоит отнести к деструктивным объединениям формально-атрибутивного («брендируванно-го») характера в начальной стадии формирования четкой криминальной идеологии, иерархии, атрибутики, жаргонизмов.

После вынесения решения ВС РФ от 17.08.2020 к недостаткам действующего уголовного законодательства в отдельных случаях стали относить недостаточность квалификации при склонении, вербовке и ином вовлечении лица в деятельность экстремистской организации только по ч. 1.1. ст. 282² УК РФ (организация деятельности экстремистской организации), без дополнительной квалификации по ч. 2 ст. 282² УК РФ (с учетом признака участия в таковой организации) [16, с. 89]. Как показывает анализ судебной практики, 45,9 % уголовных дел в период с 2020 по 2022 г. возбуждено именно по ч. 2 ст. 282² УК РФ, а основными носителями и инициаторами распространения тюремной субкультуры «АУЕ» среди осужденных являются криминальные лидеры, что, в свою очередь, приводит к необходимости дополнительной квалификации действий указанных лиц по ст. 210¹ (Занятие высшего положения в преступной иерархии), 282³ УК РФ и др. [5, с. 92; 11; 16].

Кроме того, действующее уголовное законодательство предусматривает ответственность за занятие лицом высшего положения в преступной иерархии (ст. 210¹ УК РФ). С учетом этого полагаем, что сам факт вовлечения лица в деятельность экстремистского движения, совершенное субъектом, занимающим высшее положение в преступной иерархии, должно получать самостоятельную уголовно-правовую оценку по ст. 210, 210¹ УК РФ. Данная позиция уже нашла свое подтверждение в правоприменительной практике [16, с. 90].

Таким образом, результаты проведенного анализа научных публикаций, посвященных проблемам квалификации деяний, связанных с организацией деятельности экстремистской организации на примере запрещенная на территории РФ экстремистская организация «АУЕ», позволяют сделать вывод о наличии противоречий в правовой доктрине и правоприменительной практике по вопросам привлечения к уголовной ответственности участников данного экстремистского движения, и необходимости совершенствования уголовно-правовых мер предупреждения преступлений экстремистской направленности и вовлечения несовершеннолетних и молодежи в деструктивные организации экстремистского толка.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Агапов П. В. Преступления экстремистской направленности: вопросы толкования и практики // Законность. 2011. № 10. С 13–15.
2. Агапов П. В., Меркурьев В. В. Организованная преступность в современной России: состояние, тенденции и меры прокурорского реагирования // Вестник Юридического института МИИТ. 2019. № 3 (27). С. 54–61.
3. «АУЕ»: основные формы и причины подростковой неокриминализации в современной России. Опыт социологического исследования : монография /

под науч. ред. Т. А. Хагурова и Л. М. Чепелевой. Краснодар : КубГУ, 2021. 212 с.

4. Борисов С. В. Соотношение уголовно-правовых понятий «организованная группа», «преступное сообщество (преступная организация) и экстремистское сообщество» // Ученые труды Российской Академии адвокатуры и нотариата. Серия: Криминология, уголовное право. 2010. № 2(17). С. 66–71.

5. Дакашев И. Х. Профилактика распространения экстремистской организации «АУЕ» среди осужденных // Юридическая наука и практика : альманах науч. тр. Самарского юридического института ФСИН России. Самара, 2022. С. 91–93.

6. Дамаскин О. В. Молодежный экстремизм: криминологические аспекты противодействия // Военное право. 2020. № 2(60). С. 177–186.

7. Дамаскин О. В., Красинский В. В. Криминологическая характеристика механизма вовлечения несовершеннолетних в противоправную деятельность // Государство и право. 2020. № 8. С. 41–54.

8. Десюн А. С. АУЕ как экстремистское движение // Вестник СевКавГТИ. 2017. № 4(31). С.132–134.

9. Жилкин М. Г., Шемчук С. Ю. «ЧВК „Редан“»: феномен популярности деструктивной субкультуры // Сибирский юридический вестник. 2023. № 4(103). С. 78–84.

10. Батанов А. Н. Понятие «социальная группа» и его уголовно-правовое значение // Грамота. 2012. Ч. 1. № 10(24). С. 28–31. URL: www.gramota.net/materials/3/2012/10-1/6 (дата обращения: 04.03.2024).

11. Кияшко К. С. Экстремистское движение «А.У.Е.»: уголовно-правовой аспект // Право и государство: вопросы теории. 2021. № 11 (203). С. 215–216.

12. Клейберг Ю. А. Подростково-молодежное криминальное движение «А.У.Е.»: феноменология и психолого-криминологическая характеристика // Вестник ТвГУ. Серия: Педагогика и психология. 2020. Вып. № 1(50). С. 139–143.

13. Клейменов М. П., Козловская М. Г., Савельев А. И. Экстремистское преступное сообщество «АУЕ» // Вестник Омского университета. Серия: Уголовное право, криминология. 2020. Т. 17, № 4. С. 75–80.

14. Меняйло Д. В., Иванова Ю. А., Меняйло Л. Н. АУЕ – криминальное молодежное движение: сущность и способы распространения // Вестник Московского университета МВД России. 2019. № 3. С. 107–111.

15. Меркурьев В. В., Хлопковская О. В., Клементьев А. С. Противодействие использованию технологий геймификации в террористических и экстремистских целях // Всероссийский криминологический журнал. 2020. Т. 14, № 1(17). С. 87–95.

16. Меркурьев В. В., Агапов П. В., Закомолдин Р. В. Уголовно-правовая и криминологическая характеристика движения АУЕ как явления криминальной субкультуры и экстремистской организации // Вестник Владимирского юридического института. 2023. № 1(66). С. 85–92.

17. Смыслова В. Н. Вопросы уголовной и административной ответственности участников экстремистского международного движения «АУЕ» // Уголовное право. 2021. № 10(134). С. 43–50.

18. Смыслова В. Н. Субкультурные объединения криминальной направленности и экстремистские проявления в подростково-молодежной среде: отдельные направления противодействия распространению (Ч. 1) // Право и государство: теория и практика. 2020. № 8(188). С. 118–120.

19. Сундиев И. Ю., Смирнов А. А. Технологии геймификации в экстремистской и террористической деятельности: опыт экспозиции // Научный портал МВД России. 2021. № 3(56). С. 39–51.

20. Шиханов В. Н. Криминализация АУЕ: подводные камни психолого-криминологическая характеристика // Сибирский юридический вестник. 2021. № 1(92). С. 69–70.

УДК 343.851

Столярова Александра Александровна
заместитель директора Дальневосточного
юридического института (филиала)
Университета прокуратуры Российской Федерации
г. Владивосток, Российская Федерация
lou-aleksa@ya.ru

Проблемы профилактики совершения преступлений против жизни, здоровья и половой неприкосновенности несовершеннолетних

***Аннотация:** В статье анализируются выявленные в ходе прокурорского надзора проблемы законодательного регулирования защиты прав несовершеннолетних от преступных посягательств со стороны ранее судимых лиц. Автором рассмотрены недостатки действующих механизмов взаимодействия органов, осуществляющих профилактику совершения преступлений. Использование прокурором нормотворчества для устранения пробелов законодательства способствует обеспечению предупреждения совершения преступлений в отношении несовершеннолетних. Предложен перспективный подход изменения законодательства об административном надзоре в контексте защиты прав несовершеннолетних.*

***Ключевые слова:** профилактика преступлений, административный надзор, преступления против половой неприкосновенности, преступления в отношении несовершеннолетних, прокурорский надзор, нормотворчество.*

Stolyarova Aleksandra Aleksandrovna
deputy director of the Far Eastern law
institute (branch) University of the prosecutor's
office of the Russian Federation
Vladivostok, Russian Federation

Problems of preventing crimes against the life, health and sexual integrity of minors

***Annotation:** The article analyzes the problems of legislative regulation of the protection of the rights of minors from criminal encroachments by previously convicted persons identified during the prosecutor's supervision. The author considers the shortcomings of the existing mechanisms of interaction between the bodies responsible for the prevention of crimes. The use of rule-making by the prosecutor to eliminate gaps in legislation helps to ensure the prevention of crimes against minors. A promising approach to changing the legislation on administrative supervision in the context of protecting the rights of minors is proposed.*

***Keywords:** crime prevention, administrative supervision, crimes against sexual integrity, crimes against minors, prosecutorial supervision, rule-making.*

Защита прав несовершеннолетних от преступных посягательств является одной из приоритетных задач, которые перед органами прокуратуры ставит и Президент Российской Федерации, и Генеральный прокурор Российской Федерации.

Прокурор наделен широким спектром полномочий для восстановления нарушенных прав несовершеннолетних на всех стадиях уголовного судопроизводства, от выявления преступлений до исполнения итогового судебного решения [4]. Своевременные меры прокурорского реагирования и координация прокурором обмена информацией между субъектами профилактики оказывают непосредственное влияние на состояние работы по предотвращению преступлений в отношении несовершеннолетних, установлению причин и условий им способствующих.

Анализ практики прокурорского надзора свидетельствует, что преступность в отношении несовершеннолетних по-прежнему остается на стабильно высоком уровне (за 2023 год – 98 833 преступлений), тенденции к ее уменьшению крайне незначительны и колеблются год от года в рамках 2–4 % [6].

Согласно статистическим данным, каждое четвертое преступление в отношении несовершеннолетних сопряжено с насильственными действиями, каждое седьмое – направлено против половой неприкосновенности детей. Вместе с тем, подавляющее большинство совершается в семьях лицами, входящими в близкий круг общения детей. Жертвами преступлений часто становятся дети-сироты и дети, оставшиеся без попечения родителей.

Находясь в зависимости от социально значимых взрослых, дети не имеют возможности или боятся заявить о совершенном в отношении них преступлении, не знают механизмов защиты их прав, либо в силу малолетнего возраста не осознают факта совершения в отношении них преступления.

В связи с этим, прокурорам важно осуществлять надзор на данном направлении в плотной взаимосвязи с профилактикой и предупреждением преступности, и при поступлении сообщений о совершении в отношении несовершеннолетних преступлений, каждый раз давать принципиальную оценку работе

органов профилактики и реагировать на допущенные ими нарушения, не допуская формализм, вследствие чего преступления стали возможными.

Особое внимание обращает на себя доля преступлений, совершенных в отношении несовершеннолетних лицами ранее судимыми (в 2023 году – 52 231, т. е. 52,8 % от общего числа преступлений). Работа по профилактике постпенитенциарной преступности в отношении несовершеннолетних также требует усиления.

С учетом анализа правоприменительной практики и состояния законности, обозначенная проблема видится и на законодательном уровне.

Неоднократно вносились изменения в Федеральный закон от 06.04.2011 № 64-ФЗ «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы», призванный обеспечить контроль за поведением лиц, освободившихся из мест лишения свободы [7].

В частности, Федеральным законом от 28.12.2013 № 432 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» в целях совершенствования прав потерпевших в уголовном судопроизводстве внесены изменения, закрепившие необходимость обязательного установления административного надзора в отношении лиц, совершивших в возрасте старше восемнадцати лет преступление против половой неприкосновенности несовершеннолетнего, не достигшего четырнадцатилетнего возраста, и страдающего расстройством сексуального предпочтения (педофилией) [8].

Этим же законом введена обязанность органов исправительных учреждений информировать об освобождении из мест лишения свободы несовершеннолетних потерпевших. Как уже отмечалось некоторыми авторами, реализация этих положений закона на практике вызывает сомнения, поскольку обязанность потерпевших информировать администрацию таких учреждений об изменении места жительства законодательно не закреплена [2, с. 27].

Так, Федеральным законом от 28.12.2013 № 432 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» введена норма, предусматривающая среди обязательных ограничений, налагаемых судом, запрет лицам, судимым за совершение преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетних находиться в местах массового пребывания детей. А именно, такому лицу запрещается выезд за установленные судом пределы территории и посещение объектов и территорий организаций, предназначенных для детей, организаций отдыха детей и их оздоровления, спортивных площадок и т. д.

В обязательном порядке судом ранее устанавливались ограничения в виде запрета выезда за определенную территорию и явки в орган внутренних дел от одного до четырех раз в месяц. Дополнительные ограничения, такие как запрет посещения определенных мест, судом могли устанавливаться только на основании исковых требований органа внутренних дел, в которых обосновывалось его установление, и при наличии установленных законом условий.

Новый закон существенно облегчил задачу органам внутренних дел, на которые возложена обязанность контроля за исполнением установленных судом обязательных ограничений и обращения в суд с мотивированными исковыми требованиями для установления дополнительных [3].

Однако вопрос достаточности данного правового регулирования по-прежнему остается открытым. Как показала практика прокурорского надзора за исполнением законодательства об административном надзоре, помимо изменения законодательства, предусматривающего соответствующие запреты, необходимо законодательным путем регламентировать механизмы реализации этих норм.

На данный момент, положения закона работают не эффективно, о чем свидетельствует уровень повторной преступности, на протяжении последних лет практически во всех регионах России достигающий 60 %.

Прокуроры ежегодно выявляют большое количество нарушений в деятельности органов внутренних дел по исполнению законодательства об административном надзоре, связанные, в основном, с формальной работой и отсутствием должного контроля за исполнением поднадзорными установленных судом запретов.

Увеличение штата сотрудников органов внутренних дел, либо увеличение нагрузки на них за счет выполнения работы по контролю за соблюдением нововведенного запрета, согласно пояснительной записке к закону, не предусмотрено. Нет четкого понимания, каким образом контролировать соблюдение данного запрета лицами, совершавшими преступления в отношении несовершеннолетних, либо страдающими педофилией. Формальные выходы участкового уполномоченного органов внутренних дел на детские площадки и пришкольные территории несколько раз в месяц не способствуют решению этой задачи и предотвращению новых преступлений в отношении несовершеннолетних.

Обеспечить эффективный контроль за соблюдением поднадзорным предусмотренных новым законом ограничений было бы возможно при применении электронных средств дистанционного контроля и вовлечением органов уголовно исполнительных инспекций Федеральной службы исполнения наказаний (ФСИН России) в работу по административному надзору за лицами, освобожденными из мест лишения свободы.

Предложения о внесении поправок в закон в этой части рассматривались в Государственной думе Российской Федерации, однако не нашли поддержки, в связи с тем, что соответствующие расходы не предусмотрены бюджетом [5].

Как следует из пояснительной записки к Закону, число лиц обсуждаемой категории ежегодно составляет около 7 000. При этом число лиц, находящихся под домашним арестом, контролируемым органами уголовно-исполнительной инспекции ФСИН России с использованием электронных устройств контроля, в том числе привлекаемым по статьям УК РФ менее тяжким, либо менее опасным для общества, составляет более 25 000 ежегодно.

Вовлечение указанных государственных органов в контроль за соблюдением устанавливаемого судом запрета является, на наш взгляд, единственным эффективным способом обеспечения реализации нововведенной нормы и, с учетом того, что подразделение, ответственное за осуществление контроля за соблюдением установленных судом ограничений с использованием средств электронного контроля уже существует и обладает наработанной практикой, не потребует кардинальной перестройки института административного надзора.

Нередко лица, совершавшие преступления в отношении несовершеннолетних, в том числе тяжкие, либо половые, после освобождения из мест лишения свободы возвращаются и продолжают проживать в тех же семьях, либо в других семьях, воспитывающих несовершеннолетних детей. Работа с такими семьями, их учет, со стороны органов правоохранительной системы, законодательно не закреплена и не ведется.

И тут функция прокурора по координации обмена информацией между органами профилактики и работа по нормотворчеству, в отсутствие законодательного регулирования, имеет крайне важное значение.

Ряду прокуратур субъектов Российской Федерации, первой из которых стала прокуратура Красноярского края, удалось добиться существенного изменения состояния повторной преступности в отношении несовершеннолетних со стороны лиц, ранее совершавших преступления в отношении них [1].

В целях восполнения законодательных пробелов, по инициативе прокуратур региональными парламентами приняты законы о внесении изменений в региональные законы о системе профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних, которыми на комиссии по делам несовершеннолетних возложена обязанность совместно с другими органами и учреждениями системы профилактики выявлять и учитывать семьи, в которых несовершеннолетние проживают с освободившимися лицами, отбывавшими наказание за совершение преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетних.

Органы и учреждения системы профилактики, обладая информацией о таких семьях, имеют возможность своевременно организовать индивидуальную профилактическую работу как с самими поднадзорными, так и с несовершеннолетними, которые могут стать жертвами преступлений, либо восстановить права уже, подвергшихся насилию, организовать проведение необходимых реабилитационных мероприятий и психологической помощи.

В целях детального регулирования организации межведомственного взаимодействия и профилактической работы с указанными семьями, прокуратурами разработаны и утверждены соответствующие методические рекомендации. Законодательными органами регионов приняты разработанные прокуратурой законы, устанавливающие административную ответственность за неисполнение постановления комиссий.

За год применения этого закона повторная преступность в отношении несовершеннолетних в одном из регионов, который первым использовал эту практику, сократилась на 25 %.

Учитывая полученный положительный опыт, представляется целесообразным внести аналогичные изменения в Федеральный закон от 24.06.1999 № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних», и продолжать работу по совершенствованию законодательства в данной области, используя опыт детального продумывания и закрепления механизмов взаимодействия субъектов профилактики, их фактических действий и налаживания обмена информацией.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Закон Красноярского края от 07.07.2022 № 3-932 «О внесении изменений в статью 11 Закона края «О системе профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/2400202207260018> (дата обращения: 01.03.2024).

2. Несовершеннолетний как потерпевший и субъект преступных посягательств: уголовно-правовые, криминологические, уголовно-процессуальные и уголовно-исполнительные аспекты : материалы Общероссийской научно-практической конференции, 15 января 2014 года / [редкол.: В. А. Шуняева и др.]. Тамбов : Изд-во ТГУ, 2014. 243 с.

3. Порядок осуществления административного надзора за лицами, освобожденными из мест лишения свободы, утвержденного Приказом МВД от 08.07.2021 № 818 // СПС «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 01.03.2024).

4. Приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 13.12.2021 № 744 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законодательства о несовершеннолетних, соблюдением их прав и законных интересов» // СПС «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 01.03.2024).

5. Система обеспечения законодательной деятельности. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/618625-7> (дата обращения: 01.03.2024).

6. Статистические данные об основных показателях деятельности органов прокуратуры Российской Федерации за январь – декабрь 2023 г. // Генеральная Прокуратура РФ. URL: <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/activity/statistics/office/result?item=85612220> (дата обращения: 01.03.2024).

7. Федеральный закон «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы» от 06.04.2011 № 64-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 01.03.2024).

8. Федеральный закон от 28.12.2013 № 432 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях совершенствования прав потерпевших в уголовном судопроизводстве» // СПС «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 01.03.2024).

УДК 343.24

Гусева Дарья Алексеевна

юрисконсульт юридической группы
организационно-аналитического отдела
ФКУ ИК-1 УФСИН России по Костромской области
магистрант, Костромской государственной университет
г. Кострома, Российская Федерация
dashaguseva969@mail.ru

Дельцов Александр Анатольевич

начальник отдела по воспитательной работе
с осужденными ФКУ ИК-1
УФСИН России по Костромской области
г. Кострома, Российская Федерация
delovoj1988@gmail.com

Марьева Наталья Валерьевна

помощник начальника управления
по соблюдению прав человека в УИС
УФСИН России по Костромской области
г. Кострома, Российская Федерация
marjeva44@mail.ru

**Дисциплинарная ответственность осужденных к лишению свободы
в исправительных учреждениях:
проблемы реализации**

Аннотация: в статье авторами приведен анализ проблем, связанных с привлечением осужденных к лишению свободы в исправительных учреждениях к дисциплинарной ответственности, а также применения в отношении осужденных, признанных злостными нарушителями установленного порядка отбывания наказания мер поощрения. Авторами изучены статистические данные о состоянии дисциплинарной практики в исправительных учреждениях УФСИН России по костромской области о количестве нарушений установленного порядка отбывания наказания осужденными, количество злостных нарушений установленного порядка отбывания наказаний, количестве нарушений, совершенных осужденными повторно, в течение года, признанных злостными. Авторами на основании проведенного исследования внесены предложения о внесении изменений в часть вторую статьи 116 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации, а также введения части 5 в статью 114 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации.

Ключевые слова: осужденный, дисциплинарная ответственность осужденных, исправительное учреждение, злостный нарушитель установленного порядка отбывания наказания, меры поощрения, меры взыскания.

Guseva Daria Alekseevna

legal adviser of the legal group
of the organizational and analytical
department of the Federal penal
colony N 1 of the Federal
penitentiary service of Russia
for the Kostroma region
undergraduate, Kostroma State University
Kostroma, Russian Federation

Deltsov Alexander Anatolienich

head of the department for educational
work with convicts, penal colony N. 1
of the Federal penitentiary service
of Russia for the Kostroma region
Kostroma, Russian Federation

Maryeva Natalia Valerievna

assistant to the head of the department
for human rights observance
in the penal correction system
of the Federal penitentiary service
of Russia for the Kostroma region
Kostroma, Russian Federation

**Disciplinary responsibility of persons sentenced to imprisonment
in correctional institutions: problems of implementation**

Annotation: in the article, the authors analyze the problems associated with bringing convicts to imprisonment in correctional institutions to disciplinary responsibility, as well as the application of incentive measures against convicts recognized as malicious violators of the established procedure for serving sentences. The authors studied statistical data on the state of disciplinary practice in correctional institutions of the Federal Penitentiary Service of Russia in the Kostroma region on the number of violations of the established procedure for serving sentences by convicts, the number of malicious violations of the established procedure for serving sentences, the number of violations committed by convicts repeatedly during the year, recognized as malicious. Based on the conducted research, the authors made proposals to amend part two of Article 116 of the Penal Enforcement Code of the Russian Federation, as well as the introduction of part 5 to Article 114 of the Penal Enforcement Code of the Russian Federation.

Keywords: convict, disciplinary responsibility of convicts, correctional institution, malicious violator of the established procedure for serving punishment, incentive measures, penalties.

Одним из наиболее приоритетных направлений деятельности уголовно-исполнительной системы Российской Федерации, а также одной из главных ее задач в настоящее время является обеспечение установленного порядка отбывания наказания в виде лишения свободы и укрепление соблюдения законности в исправительных учреждениях.

В общих положениях Практических рекомендаций, разработанных Федеральной службой исполнения наказания Российской Федерации (далее – ФСИН

России), «О работе комиссии исправительного учреждения по избранию мер взыскания» также указано, что соблюдение осужденными установленного порядка отбывания наказания является одним из основных критериев их исправления и формирования правопослушного поведения [1]. Вследствие неисполнения осужденными обязанностей, которые возложены на них, а также в случае невыполнения законных требований, они могут быть привлечены к дисциплинарной ответственности в соответствии с нормами Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации (далее – УИК РФ).

Исходя из данных положений, мы приходим к выводу о том, что одним из механизмов разрешения задачи по обеспечению установленного порядка отбывания наказания в виде лишения свободы является привлечение лиц, отбывающих наказание в виде лишения свободы, к дисциплинарной ответственности.

В действующем УИК РФ определения дисциплинарного проступка осужденных к лишению свободы или же дисциплинарной ответственности осужденных к лишению свободы не закреплено, однако в Практических рекомендациях разработанных ФСИН России «О работе комиссии исправительного учреждения по избранию мер взыскания» дается разъяснение о том, что по своему юридическому содержанию нарушение установленного порядка отбывания наказания является дисциплинарным проступком, который как и меры взыскания, обусловлен специфическим правовым положением осужденных, т. е. фактором исполнения уголовного наказания в виде лишения свободы.

Изучение статистических данных в исправительных учреждениях УФСИН России по Костромской области о состоянии дисциплины и правопорядка выявило тенденцию к уменьшению допускаемых осужденными нарушений установленного порядка отбывания наказаний, однако наблюдается тенденция к увеличению количества совершения осужденными злостных нарушений установленного порядка отбывания наказаний.

Так, согласно изученным данным о состоянии дисциплинарной практики в исправительных учреждениях УФСИН России по Костромской области в 2023 году количество нарушений отбывания наказания в расчете на 1000 тысяч человек составило 1561 нарушение установленного порядка отбывания наказаний, в то время как за 2022 год было допущено 1663 таких нарушений, т. е. снижение составило 6,1 %.

За 2023 год было зарегистрировано 56 злостных нарушений, за аналогичный период 2022 года количество злостных нарушений составило 54, в расчете на 1000 человек увеличение составило 3,7 %.

Количество нарушений в 2023 году снизилось на 32,5 % и составило 2487 случаев к 3682 случаям совершения нарушений в 2022 году. Количество нарушений, совершенных повторно, в течение года, признанных злостными, также снизилось на 13% и составило 20 случаев в 2023 году и 23 случая в 2022 году.

В 2023 году количество случаев отказа от работы или ее прекращения без уважительной причины увеличилось на 75 % и составило 7 случаев, против 4 случаев в 2022 году.

Как показывают результаты сравнительного анализа, уровень нарушений установленного порядка отбывания наказания в расчете на 1000 человек в ис-

правительственных учреждениях Управления ФСИН России по Костромской области ниже среднероссийского и в 2023 году составлял 1561 случай, в уголовно-исполнительной системе в 2023 году этот показатель составил в 1911 таких нарушений.

В то же время, рост количества злостных нарушений установленного порядка отбывания наказания в расчете на 1000 человек за 12 месяцев 2023 года был отмечен практически во всех исправительных учреждениях Костромской области.

Так, в абсолютных цифрах рост количества злостных нарушений зафиксирован в Исправительном учреждении № 1 и исправительном учреждении № 3. При этом количество водворений в штрафной изолятор уменьшилось на 35,6 %. Так, если в 2023 году осуществлено 1748 водворений, то в 2022 году этот показатель составлял 2713 случаев. Как показало сравнение показателей перевода осужденных в помещение камерного типа (далее по тексту – ПКТ) и единое помещение камерного типа (далее по тексту – ЕПКТ), то он также снизился. Если в 2023 году количество переводов в ПКТ составляло 18 случаев, то в 2022 году было зафиксировано 29 случаев водворения в ПКТ, водворение в ЕПКТ составило 2 случая в 2022 году и 4 случая в 2023 году.

В 2023 году за допущенные нарушения установленного порядка отбывания наказания к осужденным, отбывающим наказания в исправительных учреждениях УФСИН России по Костромской области, применено 10887 мер взыскания, из которых 2487 по письменному постановлению начальников исправительных учреждений (в отношении 889 осужденных) [3].

Вопрос, касающийся реализации дисциплинарной ответственности в отношении осужденных к лишению свободы, а именно о привлечении данной категории лиц к дисциплинарной ответственности, в настоящее время, по нашему мнению, является действительно актуальным, поскольку согласно приведенным статистическим данным, несмотря на то, что принимаемыми мерами профилактического характера достигнуто сокращение случаев нарушения установленного порядка отбывания наказаний, однако доля лиц, признанных злостными нарушителями установленного порядка отбывания наказания, в 2023 по сравнению с 2022 годом возросло.

Исходя из данных положений, мы приходим к выводу о том, что действительно, необходимы меры, направленные на повышение эффективности мер по предупреждению случаев, как обычных нарушений установленного порядка отбывания наказания, так и злостных нарушений установленного порядка отбывания наказаний, которые привели бы к сокращению количества их совершения осужденными к лишению свободы.

Как уже было указано, меры взыскания, которые применяются к осужденным к лишению свободы, являются средством воспитательного воздействия, которые действительно необходимы для поддержания надлежащего порядка в исправительных учреждениях и стимулирования осужденных к законопослушному поведению.

Так, согласно ч. 1 ст. 115 УИК РФ основными мерами взыскания, применяемыми к осужденным являются:

- выговор;
- дисциплинарный штраф;
- водворение осужденных, содержащихся в исправительных учреждениях или тюрьмах в штрафной изолятор на срок до 15 суток;
- перевод осужденных мужчин, являющихся злостными нарушителями установленного порядка отбывания наказания, содержащихся в исправительных колониях общего и строгого режимов, в помещения камерного типа, а в исправительных колониях особого режима и тюрьмах – в одиночные камеры на срок до шести месяцев;
- перевод осужденных мужчин, являющихся злостными нарушителями установленного порядка отбывания наказания, в единые помещения камерного типа на срок до одного года;
- перевод осужденных женщин, являющихся злостными нарушителями установленного порядка отбывания наказания, в помещения камерного типа на срок до трех месяцев [4, ст. 113].

Наряду с этим, нам представляется интересным вопрос о признании нарушений установленного порядка отбывания наказания злостными, поскольку в соответствии с приведенными статистическими данными число лиц, совершающих злостные нарушения установленного порядка отбывания наказания возрастает, а также возрастает количество признаний осужденного злостным нарушителем установленного порядка отбывания наказания.

Порядок признания осужденного злостным нарушителем установленного порядка отбывания наказания, а также порядок формирования и организации деятельности дисциплинарной комиссии исправительного учреждения определяется предписаниями Типового положения «О дисциплинарной комиссии исправительного учреждения» [2].

Согласно предписаниям Типового положения комиссия является постоянно действующим органом по рассмотрению материалов по вопросам о признании осужденного злостным нарушителем порядка отбывания наказания. В состав дисциплинарной комиссии входят: председатель комиссии – начальник исправительного учреждения или лицо, его замещающее, представители подразделения безопасности, оперативного отдела, отдела по воспитательной работе с осужденными, отдела специального учета, группы социальной защиты осужденных, центра трудовой адаптации осужденных, психологической лаборатории.

Материалы для рассмотрения вопроса о признании осужденного злостным нарушителем установленного порядка отбывания предоставляются в Комиссию сотрудниками отдела по воспитательной работе с осужденными.

После изучения представленных материалов Комиссия вносит представление начальнику исправительного учреждения о признании осужденного злостным нарушителем установленного порядка отбывания наказания.

В соответствии с пунктом 15 Типового положения осужденный признается злостным нарушителем установленного порядка отбывания наказания постановлением начальника исправительного учреждения по представлению Комиссии исправительного учреждения одновременно с наложением взыскания.

Конкретные виды нарушений установленного порядка отбывания наказания, которые классифицируются как злостные, законодательно определены ч. 1 ст. 116 УИК РФ

Законодатель, в частности, к ним отнес:

- употребление спиртных напитков либо наркотических средств или психотропных веществ;
- мелкое хулиганство;
- угрозу, неповиновение представителям администрации исправительного учреждения или их оскорбление при отсутствии признаков преступления;
- изготовление, хранение или передачу запрещенных предметов;
- уклонение от исполнения принудительных мер медицинского характера или от обязательного лечения, назначенного судом или решением медицинской комиссии;
- организацию забастовок или иных групповых неповиновений, а равно активное участие в них;
- мужеложство, лесбиянство;
- организацию группировок осужденных, направленных на совершение правонарушений, а равно активное участие в них;
- отказ от работы или прекращение работы без уважительных причин.

В части 2 ст. 116 УИК РФ говорится о том, что: «Злостным может быть признано также совершение в течение одного года повторного нарушения установленного порядка отбывания наказания, если за каждое из этих нарушений осужденный был подвергнут взысканию в виде водворения в штрафной или дисциплинарный изолятор».

Как следует из положений части 3 данной статьи, осужденный, допустивший повторное нарушение, признается злостным нарушителем установленного порядка отбывания наказания. Однако следует учитывать тот факт, что осужденный, допустивший указанные нарушения, признается злостным нарушителем только лишь в том случае, если к нему применена мера взыскания, предусмотренная пунктами «в», «г», «д» и «е» ч. 1 ст. 115 и пунктом «б» статьи 136 УИК РФ. То есть в данном случае осужденный может быть признан злостным нарушителем установленного порядка отбывания наказания только лишь при применении в отношении него мер в виде водворения в штрафной изолятор, перевод в ПКТ, ЕПКТ и одиночную камеру. Если же за указанные нарушения в отношении осужденных были применены взыскания, которые закреплены пунктами «а» и «б» ч. 1 ст. 115 УИК РФ: выговор и дисциплинарный штраф, соответственно, то осужденные злостными нарушителями не признаются.

Согласно положениям части 4 этой же статьи «Осужденный признается злостным нарушителем установленного порядка отбывания наказания постановлением начальника исправительного учреждения по представлению дисциплинарной комиссии исправительного учреждения одновременно с наложением взыскания» [4, ст. 116].

Исходя из данных положений, мы приходим к выводу о том, что несмотря на то, что ст. 116 УИК РФ установлен перечень злостных нарушений установленного порядка отбывания наказаний, однако не во всех названных случа-

ях осужденный может быть признан злостным нарушителем установленного порядка отбывания наказания.

Как следует из анализа практики применения норм о наложении взысканий за нарушение установленного порядка отбывания наказания, при определении мер дисциплинарного воздействия в отношении осужденных, неоднократно нарушавших установленный порядок отбывания наказания, или же повторно (неоднократно) злостно нарушавших установленный порядок отбывания наказания, дисциплинарная комиссия вынуждена определять меру взыскания как за совершение этих нарушений впервые, что, по нашему мнению, не соответствует принципам законности и справедливости по отношению к другим осужденным, совершавшим подобные нарушения один раз. Такой наш вывод обуславливает целесообразность внесения изменений и дополнений в главу 15 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации.

Как нам представляется, сказанное обуславливает целесообразность изменения содержания ч. 2 статьи 116 УИК РФ. В связи с этим мы предлагаем изложить ее в следующей редакции:

«2. Нарушение, совершенное повторно в течение года, может быть признано злостным по постановлению начальника исправительного учреждения, если за каждое из этих нарушений, осужденный был подвергнут взысканию в виде водворения в штрафной или дисциплинарный изолятор».

Также нам представляется интересным вопрос о рассмотрении проблемы, связанной со снятием ранее наложенного дисциплинарного взыскания осужденному к лишению свободы, признанному злостным нарушителем установленного порядка отбывания наказания.

Статьей 113 УИК РФ установлен перечень мер поощрения, применяемых к осужденным к лишению свободы, имеющим хорошее поведение, добросовестно относящимся к труду, обучению, активно участвующим в воспитательных мероприятиях [4, ст. 113].

Как видно из положений ч. 1 ст. 113 УИК РФ, к осужденным может применяться досрочное снятие ранее наложенного взыскания.

Однако в соответствии с ч. 4 ст. 114 УИК РФ в отношении осужденных, которые имеют неснятое или непогашенное взыскание может применяться только одна мера поощрения – это досрочное снятие ранее наложенного взыскания [4, ст. 114].

В соответствии с частью 3 статьи 114 УИК РФ досрочное снятие ранее наложенного взыскания допускается не ранее шести месяцев со дня отбытия взысканий, указанных в пунктах «в», «г», «д» и «е» части первой статьи 115 настоящего Кодекса [4, ст. 114].

В силу ч. 6 ст. 116 УИК РФ «Осужденный перестает являться злостным нарушителем установленного порядка отбывания наказания одновременно с досрочным снятием ранее наложенного взыскания, в связи с которым он был признан злостным нарушителем установленного порядка отбывания наказания, при условии отсутствия иных взысканий либо в случае, если в течение года со дня отбытия дисциплинарного взыскания, предусмотренного пунктами „в“, „г“,

„д“ и „е“ части первой статьи 115 и пунктом „б“ статьи 136 настоящего Кодекса, он не будет подвергнут новому взысканию» [4, ст. 116].

В соответствии с данными положениями мы можем прийти к выводу о том, что в отношении осужденных к лишению свободы, признанных злостными нарушителями установленного порядка отбывания наказания, которые при отбытии взыскания вновь совершили нарушение установленного порядка отбывания наказания, то в последствии хотя к осужденному и будет применена такая мера поощрения как досрочное снятие ранее наложенного взыскания, однако она будет применена только к первому нарушению установленного порядка отбывания наказания и в дальнейшем применение к нему других мер поощрения не представляется возможным поскольку он имеет еще одно взыскание, которое также необходимо снять.

Для того чтобы стимулировать дальнейшее правопослушное поведение осужденных, признанных злостными нарушителями установленного порядка отбывания наказания и, имеющих несколько взысканий, полагаем целесообразным, при применении к ним меры поощрения в виде снятия ранее наложенного взыскания и допускать применение второй меры поощрения, а именно, меры указанной части 1 ст. 113 УИК РФ [4, ст. 113].

В связи с этим считаем целесообразным внести изменения в ст. 114 УИК РФ и добавить ее частью 5, закрепляющей порядок применения второй меры поощрения в виде увеличения времени прогулки осужденных, содержащихся в строгих условиях отбывания наказания и изложить ее в следующей редакции: *«Для осужденных, признанных злостными нарушителями установленного порядка отбывания наказания и переведенными в строгие условия отбывания наказания, при невозможности применения меры поощрения, указанной в ч. 3 ст. 114 УИК РФ может быть применена мера поощрения, предусмотренная ч. 3 ст. 113 УИК РФ».*

Обобщая сказанное, полагаем, что данные изменения будут способствовать повышению эффективности предупредительного воздействия на осужденных, допускающих нарушения установленного порядка отбывания наказаний.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Практические рекомендации о работе комиссии исправительного учреждения по избранию мер взыскания и изменению условий отбывания наказания осужденным, отбывающим наказание в виде лишения свободы. (Указание ФСИН России от 21.12.2021). URL: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 01.03.2024).

2. Приказ Минюста России от 29.11.2023 № 354 «Об утверждении Типового положения о дисциплинарной комиссии исправительного учреждения» (Зарегистрирован 30.11.2023 № 76183) // Официальный интернет-портал правовой информации. Информационно-правовая система «Законодательство России». URL: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 01.03.2024).

3. Статистические данные о состоянии дисциплинарной практики в исправительных учреждениях УФСИН России по Костромской области в 2022–2023 гг. URL: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 01.03.2024).

4. Российская Федерация. Законы. Уголовно исполнительный кодекс Российской Федерации: текст с изменениями и дополнениями вступившими в силу с 11 декабря 2023 года : принят Государственной Думой 18 декабря 1996 года : одобрен Советом Федерации 25 декабря 1996 года // Официальный интернет-портал правовой информации. Информационно-правовая система «Законодательство России». URL: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 10.04.2024).

УДК 343.593

Чудин Николай Михайлович

кандидат юридических наук, доцент

Пермский государственный научно-исследовательский университет

г. Пермь, Российская Федерация

korzh2006@gmail.com

Корж Павел Анатольевич

старший преподаватель

Западно-Уральский институт экономики и права

г. Пермь, Российская Федерация

korzh2006@gmail.com

Экстремизм – одна из форм проявления противоправного поведения

***Аннотация:** В статье представлено комментирование конкретного резонансного уголовного дела, связанное с посягательством на честь и достоинство известного государственного деятеля; клеветой в его адрес; попыткой дискредитации, совершенное публичным способом. Анализируется возможность использования интернет-пространства, а также способы пропаганды, применяющиеся одной из сторон. Роль штабов Навального* (признаны экстремистскими организациями и запрещены в РФ). Реакция населения на масштабную, наступательную пропагандистскую компанию атакующей стороны к созданию «героического» образа преступников. Выделяется воздействие на экспертную комиссию, которое носит характер травли. В практической квалификации рассматривается конкретное содержание экстремистских мотивов применительно к фиксированному поведению преступной группы.*

***Ключевые слова:** экстремизм, личность преступников, хулиганство, проблемы квалификации, пропагандистская компания, организованная группа, международный резонанс.*

Chudin Nikolay Mikhailovich

Ph. D., assistant professor

Perm State University

Perm, Russian Federation

Korzh Pavel Anatolievich

senior lecturer

West-Ural institute of economics and law

Perm, Russian Federation

Extremism is one of the forms of manifestation of illegal behavior

***Annotation:** A commentary on a specific high-profile criminal case related to an attack on the honor and dignity of a famous statesman is presented; slander against him; an attempt to discredit, committed in a public manner. The possibility of using the Internet space is analyzed, as well as the methods of propaganda used by one of the parties. The role of Navalny's headquarters* (recognized as extremist and banned in the Russian Federation). The reaction of the population to the massive, offensive propaganda campaign of the attacking side to the creation of a "heroic" image of the criminals. The impact on the expert commission is highlighted, which is in the nature of bullying. Practical qualifications examine the specific content of extremist motives in relation to the fixed behavior of a criminal group.*

***Keywords:** extremism, personality of criminals, hooliganism, qualification problems, propaganda campaign, organized group, international resonance.*

Комплексное исследование теоретических и практических проблем противодействия антигосударственному экстремизму, сопряженному с посягательством на основы конституционного строя Российской Федерации проведено в достаточном количестве известных работ [5; 6].

В данной статье будет рассмотрена конкретная резонансная ситуация, представляющая определенный научный интерес, как свидетельство «развития» явления.

Фабула дела состоит в следующем. Ш. действуя группой лиц по предварительному сговору совместно с Э. и несовершеннолетним В., совершил хулиганство, т. е. грубое нарушение общественного порядка, выражающее явное неуважение к обществу, совершенное по мотивам политической, идеологической вражды, а также по мотивам вражды в отношении какой-либо социальной группы лиц.

Намереваясь придать противоправным действиям публичную огласку и общественный резонанс, Ш., Э. и несовершеннолетний В. планировали разместить на центральной улице г. Перми путем привязывания к столбу опоры электроосвещения манекен, одетый в комбинезон с поперечными белыми и черными полосами, имитирующий тюремную одежду, с изображением политического деятеля, а также надписями – «Лжец», «Военный преступник», и разместить видеозапись своих преступных действий в свободном доступе в сети «Интернет», для последующего доступа к видеозаписи неопределенного круга лиц.

Целью их противоправных действий должно было явиться открытое доведение до неопределенного круга лиц сообщения, содержащего резко отрицательную оценку политической деятельности, публичное осмеяние, явное неуважение к личности, нанесение ущерба репутации, нанесение чувствам неопределенного круга лиц, поддерживающих политическую деятельность, нравственного удара (оскорбления), провоцирование, очевидцев происходящего и аудитории, имеющей доступ к просмотру видеозаписи, к ответным действиям, формированию определенного стереотипа поведения в отношении формы протеста, которая ими избрана, демонстрирующей негативный настрой в отношении действующей власти. Что и было сделано.

Для проведения противоправных действий Ш. и В. выбрали многолюдное общественное место – пересечение центральных улиц г. Перми: ул. Ленина и Комсомольского проспекта, напротив здания центрального универмага, которое имеет высокий транспортный и пешеходный трафик. Временем для совершения противоправных действий избрали выходной день, тем самым желая к своей незаконной акции привлечь внимание наибольшего количества людей, находящихся в местах массового скопления населения.

Учитывая, что со времени совершения деяния прошло значительное время, можно представить себе картину произошедшего в целом, не торопясь рассмотреть интересующие вопросы. Следует начать с обзора – «Как социальные сети отреагировали на „освобождение“ фигурантов дела». Значение социальных сетей неоспоримо, так как в них была организована «победоносная» кампания, которой официальные органы не смогли ничего противопоставить.

Пермский краевой суд отменил реальный срок активисту Ш. В августе Ленинский районный суд признал его виновным по ч. 2 ст. 213 УК РФ [8]. Ему назначили наказание в виде двух лет лишения свободы. Прокуратура была недовольна приговором и требовала ужесточить наказание. Адвокат осужденного настаивал на отмене приговора вследствие отсутствия состава преступления.

Перед оглашением приговора юрист С. Обратил внимание на два юридических аспекта дела «куклы государственного деятеля» – «один из области материального права, другой – процессуального»:

«Первый – если грубое нарушение общественного порядка (в гипертрофированном его понимании) в рамках вмененного фигурантам квалифицированного состава хулиганства (ч. 2 ст. 213 УК РФ) заключалось в действиях, направленных на оскорбление представителя власти – государственного деятеля, то по правилам разрешения конкуренции предпочтение должно отдаваться специальной норме ст. 319 УК РФ «Оскорбление представителя власти».

Второй – коль скоро университет не является экспертным учреждением, то и процессуальные обязанности, предусмотренные ч. 2 ст. 199 УПК РФ, его представителями исполняться не должны, это компетенция следователя.

В обычных условиях установления судом любого из указанных обстоятельств должно быть достаточно для отмены обвинительного приговора... Надеюсь, что так и будет, а общество найдет в себе силы отвергнуть несправедливость!» [5].

Полагаем, что заявление С. является провокационным и юридически неграмотным. В статье 91 Конституции РФ говорится следующее – «Президент Российской Федерации обладает неприкосновенностью». Это безусловно означает, что он гарантирован, в том числе и от уголовного, административного преследования, от иных ограничений его личной свободы. Это общемировая практика, высший уровень иммунитета.

Также заявление С. свидетельствует о незнании положений Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2010 № 28 «О судебной экспертизе по уголовным делам». Так, к иным экспертам из числа лиц, обладающих специальными знаниями, относятся эксперты негосударственных судебно-экспертных учреждений, а также лица, не работающие в судебно-экспертных

учреждениях, в том числе сотрудники научно-исследовательского учреждения, образовательной или иной организации, обладающие специальными знаниями и имеющие в распоряжении необходимое экспертное оборудование [1].

Постановлениями следователя от 21.11.2019 была назначена психолого-лингвистическая судебная экспертиза, и от 11.02.2020 дополнительная психолого-лингвистическая и юридическая судебная экспертиза, производство которых было поручено специалистам ФГБОУ ВО «ПГНИУ». Таким образом, проведение экспертных исследований экспертами является законным.

Отсутствие в наименовании постановления следователя от 21.11.2019 ссылки на необходимость привлечения юриста и проведения наряду с психолого-лингвистической экспертизой также и юридической судебной экспертизы, не свидетельствует о недопустимости заключения комплексной психолого-лингвистической и юридической судебной экспертизы, поскольку ответы на поставленные следователем в постановлении от 21.11.2019 вопросы требовали привлечения эксперта-юриста.

Кроме того, статья 195 УПК РФ, предусматривающая порядок назначения судебной экспертизы, не содержит требований об указании класса, рода, вида и подвида назначаемой экспертизы.

Выводы эксперта-юриста и иных экспертов для суда обязательными не являются и оцениваются в совокупности с иными доказательствами по уголовному делу по правилам, предусмотренным ст. 87–88 УПК РФ. Включение в состав экспертов юриста Ч. не является безусловным основанием для исключения экспертиз из перечня доказательств. Юридическая оценка действий подсудимых, изложенная в экспертизах, судом во внимание не принимается, поскольку указанная оценка является исключительной компетенцией суда. Однако выводы экспертов в области психологии и филологии, изложенные в заключениях экспертиз, требовали юридических знаний, в связи с чем, привлечение при производстве экспертиз юриста является правомерным.

Не успокоившись на попытках опорочить, скомпрометировать экспертную комиссию С. перешел к нападкам на университет.

СМИ сообщили, что планы увольнения некоторых оппозиционно настроенных преподавателей университета якобы появились из-за силовиков, которым не нравится то, как проявляют себя в социальных сетях некоторые сотрудники вуза [4].

Ректор университета Д. Г. Красильников пояснил, что никаких зачисток по идеологическим мотивам в вузе не планируется. «Начнется работа по созданию кодекса этики преподавателей и студентов университета. У нас должны быть правила поведения, правила общения».

В то же время в социальных сетях была развернута широкая кампания по дискредитации членов экспертной комиссии. Чего стоит следующее заявление, широко распространявшееся в сети и в уличных пикетах. О его существовании рассматриваемая группа не знала вообще (о чем и сообщила в судебном заседании). Координаторы со стороны Навального предусмотрели этот вариант. Такие заявления были в сети постоянными. Последнее состоит в требовании увольне-

нии из университета всех участников экспертной группы под угрозой международной изоляции учебного заведения.

Вот первое: «Позор вам, (ФИО), позор и презрение. Читая между строк, не забывайте, что облаченное в псевдоакадемическую форму прислуживание и ассистирование преступлениям, лжи, демагогии и произволу режима – это огромное клеймо на всю вашу жизнь. Глядя на такие «заключения» «экспертов» типа вас, – не приходится удивляться низкому качеству правосудия, следствия, как и в целом, юридической культуре в нашей стране. Если у общества такие «учителя», то и его юридическая культура будет деградировать». Звучали угрозы физической расправы.

Такое уведомление получили все специалисты экспертной группы. Заведомая осведомленность авторов инициаторов реквизитами электронной почты и, в ряде случаев телефонными номерами сотовых телефонов указанных лиц безупречна. Кроме того, текст полностью содержит состав ст.282 УК РФ, однако соответствующей реакции со стороны судебных органов и представителей прокуратуры не последовало. Указанный документ был широко распространен через Интернет.

Примерно в это же время в той же сети был опубликован еще один документ под названием: «Госдеп США нашел нарушения прав человека на Среднем Урале и в Прикамье» [3].

Так, Государственный департамент США опубликовал доклады о соблюдении прав человека в странах мира в 2019 году. В отчете, посвященном положению дел в России, 74 страницы, он содержит упоминания, как о федеральных, так и региональных событиях, которые оцениваются как нарушения прав человека». В тексте отмечается и рассматриваемый нами случай, как доказательство «высокой степени централизованной и авторитарной политической системы».

Группа активистов направила письмо в Пермский государственный национальный исследовательский университет с требованием уволить сотрудников, подготовивших экспертизу по делу «куклы государственного деятеля» [7]. Текст разместил у себя в социальных сетях общественник Г.

«Если университет не отреагирует, то зарубежным партнерам университета будет направлена информация о толерантности вуза к политическим репрессиям», – заявляется в письме.

Комментаторы Г. в социальных сетях, в том числе доцент Высшей школы экономики К., раскритиковали обращение, в том числе, указав на допущенные грамматические ошибки. «Если наши друзья разошлют партнерам университета английские письма, написанные в таких же выражениях и с таким же количеством ошибок, те тут же будут отправлены в спам», – сообщил он.

В основном в социальных сетях можно встретить восторженные высказывания о замене реального срока условным. Так, активист Г. написал, что «у пермской гражданской тусовки сегодня светлый день – Ш. получил условный срок!». Этот восторг разделяет и политолог Б.: «Кажется, из всех реалистичных вариантов – это победа. Ш. на свободе с условным сроком». «Очень рада за Сашу!» – написала бывший координатор штаба Навального в Перми В.

Хорошо известно, что экстремизм приобретает повышенную общественную опасность, квалифицирующие элементы появляются во все большем количестве статей УК РФ. Автору пришлось столкнуться с необходимостью решения и оценки ряда вопросов, на следствии и в суде.

Исследуя материал, следует принять во внимание мнение Верховного Суда РФ (Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 ноября 2007 года № 45) о том, что «при решении вопроса о наличии в действиях грубого нарушения общественного порядка, выражающего явное неуважение к обществу, судам следует учитывать способ, время, место их совершения, а также их интенсивность, продолжительность и другие обстоятельства».

Присутствует категория общественный порядок – и т. д.

По содержанию объективной стороны можно констатировать следующие элементы. Способ – демонстрация манекена отождествляемого с конкретным политическим деятелем. Способ, безусловно, оскорбительный, унижающий человеческое достоинство, носящий провокационный характер. Прослеживается устойчивое желание участников происшествия повлиять на общественное мнение путем создания скандально-лживой ситуации, привлекающей внимание людей, находящихся в местах массового скопления населения, в первую очередь неординарностью исполнения заранее спланированной заказной ситуации. В этом находит одно из выражений грубого нарушения общественного порядка, выражающееся в явном неуважении к обществу.

Таким образом, квалифицирующий признак – грубое нарушение общественного порядка подтверждается анализом места, времени, интенсивностью, продолжительностью, фотосъемкой и другими обстоятельствами, отраженными в уголовном деле.

Немаловажен также факт, что при задержании указанных лиц, гражданами, присутствующими на месте происшествия, правонарушители оказывали сопротивление.

Заявление одного из задержанных В., что они так выражают свою гражданскую позицию несостоятельно, для такого выражения существуют правовые границы [2].

Проводя анализ ст. 213 УК РФ можно усматривать возможность следующих квалификационных признаков: мотив политической вражды п. «б», ч. 1, ст. 213 УК РФ и деяние совершенное группой лиц по предварительному сговору или организованной группой ч. 2, ст. 213 УК РФ.

Об устойчивости преступной установки свидетельствует также коллективный отказ от дачи показаний в порядке ст. 51 Конституции РФ.

Если посмотреть со стороны оценки субъективной стороны, то получается следующая картина. Учитывая юридическую подготовленность данных субъектов (правонарушителей), имеется в виду знание ст. 51 Конституции РФ, они должны были знать и содержание ст. 25 УК РФ, о чем свидетельствуют материалы первого тома уголовного дела. Следовательно, наличествует прямой умысел.

Политическая ненависть (вражда) связаны с неприятием чуждых политических взглядов на проведение государственной внешней политики и деятель-

ности по воплощению этих взглядов в жизнь в виде участия в работе политической партии или общественного объединения, в выборах и референдуме в качестве избирателя (участника референдума) или кандидата, в работе органов государственной власти и органов самоуправления и т. д.

Таким образом, уроки данного уголовного дела наводят на размышления.

1. Осталась недооцененной возможность использования массового, деструктивного наступательного воздействия, хорошо организованного и продуманного (через СМИ). Обширная аудитория черпала информацию сидя у своих компьютеров, только из одного источника. Реальная правовая осведомленность оказалась невозможной. Контрпропаганда отсутствовала. Этот вопрос следует серьезно продумать, так как мы не застрахованы от подобного рода эксцессов.

2. Серьезного внимания заслуживает положение экспертной комиссии, которая подверглась ожесточенной травле. Бездействие правоохранительных органов не находит объяснений. По существу – это стимуляция преступников, порождающая у них чувство безнаказанности и уверенности в своей правоте.

Такое же замечание следует сделать в адрес Пермского краевого суда, который заменил Ш. реальное наказание на условное – два года лишения свободы условно. По существу – это «поощрение» данной разновидности преступного поведения.

3. Один из авторов данной статьи, выступавший в процессе в качестве эксперта, обращает внимание на необходимость грамотного понимания и объяснения мотивов, т. е. нужна единообразная, юридическая оценка. В соответствии с действующим законодательством рассматривается мотив политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти, или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы (ст. 282.1 УК РФ). Не отвлекаясь на дискуссию, следует отметить наличие нескольких серьезных исследований, изучение которых может быть весьма полезным.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. О судебной экспертизе по уголовным делам: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2010 № 28 (ред. от 29.06.2021). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_108437/ (дата обращения: 10.04.2024).

2. Абызов Р. М. О понятии и причинах экстремизма в российском обществе // Экстремизм: социальные, правовые и криминологические проблемы : сб. науч. ст. / Академия Генеральной прокуратуры РФ. М. : Российская криминологическая ассоц., 2010. 529 с.

3. Госдеп США нашел нарушения прав человека на Среднем Урале и в Прикамье. Отличился известный вуз. URL: <https://ura.news/news/1052422374> (дата обращения: 10.04.2024).

4. На пермский классический университет давят силовики. URL: <https://ura.news/news/1052475603> (дата обращения: 10.04.2024).

5. Чуганов Е. Г. Экстремизм: проблемы уголовной политики // Экстремизм и другие криминальные явления. М. : Рос. криминологическая ассоциация, 2008. С. 5–11.

6. Экстремизм: понятие, система противодействия и прокурорский надзор : метод. пособие / под ред. проф. А. И. Долговой. М. : Акад. Генеральной прокуратуры Российской Федерации, 2009. 170 с.

7. «Это победа!» Как социальные сети отреагировали на освобождение фигуранта дела о «кукле Путина». URL: <https://russia24.pro/perm/264694904/> (дата обращения: 10.04.2024).

8. Приговор Ленинского районного суда г. Перми по делу № 1-83/2020 от 18.08.2020. URL: https://lenin--perm.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=278494847&case_uid=1a190af8-f75c-40fe-aeb0-0ea9998c925a&delo_id=1540006 (дата обращения: 10.04.2024).

УДК 343.132

Иванов Василий Анатольевич

старший оперуполномоченный
отделения по раскрытию краж
с банковских карт граждан
межрайонного отдела № 5
(по борьбе с мошенничествами)
УУР МВД по Удмуртской Республике
Ижевск, Российская Федерация
ivanov_vas_an@mail.ru

К вопросу обеспечения сотрудниками ОВД безопасности в сфере IT-технологий в контексте функционирования Центрального банка Российской Федерации

Аннотация: В статье рассматриваются нормы законодательства Российской Федерации о банковской деятельности, проблемы осуществления этой деятельности Банком России вне зависимости от органов государственной власти, ввиду чего сохраняются проблемы его взаимодействия с органами внутренних дел.

Ключевые слова. Банк России, органы внутренних дел, безопасность, IT-технологии.

Ivanov Vasilii Anatolyevich

senior detective theft detection units
from citizens' bank cards
inter-district department No. 5
(anti-Fraud) Criminal Investigation Department
of the Ministry of internal affairs
for the Udmurt Republic
Izhevsk, Russian Federation

On the issue of ensuring security by employees of the Department of Internal Affairs in the field of IT technologies in the context of the functioning of the Central Bank of the Russian Federation

Annotation: The article discusses the norms of the Constitution of the Russian Federation, the Federal Law “On the Central Bank of the Russian Federation (Bank of Russia)” dated 10.07.2002 No. 86-FZ (as amended by Federal Law No. 340-FZ dated 24.07.2023), and conducts a systematic analysis of the regulation of the legal status of the Bank of Russia. You're a research Ellows to interpret you implementation of you're active of you central bank of Russia Guardless of you state entities, on view of wich te problems of its interaction,, you internal, affers, body's still, remain.

Keywords. The Bank of Russia, internal affairs bodies, security, IT technologies.

По роду своей правоохранительной деятельности органы внутренних дел немало используют современные информационные технологии, обеспечивая безопасность и в банковской системе. В этой связи, полагаем, весьма актуально рассмотрение отдельных существенных вопросов взаимодействия Центрального банка и органов внутренних дел в современном российском обществе, обращая внимание на IT-защиту сферы деятельности Банка России.

Значимость данной финансовой организации проявляется в том, что она активно способствует «удовлетворению потребностей экономических субъектов, перераспределению денежных средств, а также являющиеся фундаментом финансовой инфраструктуры экономики Российской Федерации» [19, с. 51–52]. И следует заметить, что «уже сейчас у банков имеются свои проекты по технологии блокчейн» [6, с. 161], которые могли бы эффективно и безопасно функционировать во взаимодействии с органами внутренних дел (если еще и учесть, что «блокчейн имеет и свои слабые места, и не так уже анонимен» [14, с. 222]) и, безусловно, требует своей защиты, хотя и считается основополагающей технологией [7, с. 393].

Кроме того, в настоящее время Банк России, фактически являясь активным участником в системе государственного управления [15, с. 36] и, представляя собой сложный правовой институт [4, с. 25], в юридическом статусе не определен [6, с. 9], что значительно затрудняет совместные и согласованные действия сотрудников ОВД и Центрального банка Российской Федерации по вопросам обеспечения безопасности в сфере IT-технологий. Более того, согласно положениям Конституции Российской Федерации (ч. 2 ст. 75) и Федеральных законов «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» от 10.07.2002 г. №86-ФЗ (ч. 2 ст. 1) (в ред. от 28.11.2015 г. №333-ФЗ), «О банках и банковской деятельности» (в ред. от 12.12.2023 г. №566-ФЗ) (ст. 26) и «О национальной платежной системе» (в ред. от 24.07.2023 г. №340-ФЗ) (ст. 27) свои функции данный Банк осуществляет независимо от федеральных органов государственной власти. В связи с чем, очевидно, до настоящего времени сохраняется проблема эффективности данного направления обеспечения безопасности в банковской системе. А значит ослабляется результативность взаимодействия сотрудников органов внутренних дел с должностными лицами Центрального

банка и банковской системы в вопросах обеспечения безопасности в сфере ИТ-технологий.

В качестве главного звена банковской системы страны, Банк России призван быть посредником между государством и экономикой [3, с. 54], осуществлять контрольно-надзорную деятельность в банковской системе страны [12], обеспечивать защиту «прав и законных интересов потребителей финансовых услуг, что отражает социально значимый характер публично-правового статуса ЦБ РФ как мегарегулятора финансового рынка» [9, с. 45]. Как правильно отмечает С. А. Полищук, «без целенаправленной государственной политики в области развития финансово-платежной инфраструктуры невозможно нивелировать риски экономической безопасности, достичь финансового суверенитета» [14, с. 1123].

В этой связи представляется уместным отметить, что Конституционным Судом Российской Федерации не совсем корректно признается правовой статус Банка России со ссылкой на ст. 75 Конституции Российской Федерации [13; 17], вследствие чего весьма острым сохраняется вопрос о его «роли и месте в механизме государства и структуре органов государственной власти» [18, с. 168]. Очевидно поэтому банковское законодательство более осторожно формулирует место и роль Банка России в процессе реализации государственной функции по защите и обеспечению устойчивости рубля [1, с. 67]. В этой связи мы солидарны с мнением А. Е. Блинова о том, что «необходимость устранения коллизий в праве и однозначное закрепление за Банком России статуса государственного органа обуславливает изменения в законодательстве, подобные изменения необходимо вносить в Конституцию РФ» [5, с. 26]. А пока этого нет, в настоящее время отсутствуют устойчивые межведомственные структурные связи [10, с. 182], нормативно регламентированная система взаимодействия как Центрального банка, так и в целом банковского сектора Российской Федерации с органами внутренних дел несовершенно [11].

Как подтверждает «анализ состояния банковской системы последних лет, процесс становления рыночных отношений сопровождается ежегодным обострением криминогенной ситуации...» [16, с. 3] в данной области, допускается «неимоверное множество различных афер, совершаемые в сфере функционирования электронных расчетов» [2, с. 221]. В то же время, «среди научного сообщества нет единства во мнении относительно не только содержания новой среды преступности, но и самого ее наименования» [8, с. 9], что, собственно, подтверждает еще и отсутствие эффективного научно обоснованного инструментария противодействия преступлений в данной сфере.

В целях разрешения изложенных проблем в регламентации деятельности сотрудников ОВД, полагаем, необходимы законодательные изменения в ст. 75 Конституции Российской Федерации, ст. 1 Федерального закона «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)», ч. 2 ст. 26 Федерального закона от 2.12.1990 №395-1 (в ред. Федерального закона от 12.12.2023 № 566-ФЗ) «О банках и банковской деятельности», ч. 1 ст. 27 Федерального закона «О национальной платежной системе» от 27.06.2011 г. №161-ФЗ (в ред. от 24.07.2023 №340-ФЗ), наделяя указанных должностных лиц соответствующими

полномочиями по обеспечению безопасности в сфере IT-технологий в контексте функционирования Центрального банка Российской Федерации.

Согласно с предлагаемыми нами изменениями и дополнениями в указанные нормативно-правовые акты, полагаем, необходимо привести в соответствие все иные законоположения на всей территории Российской Федерации, регламентирующие вопросы обеспечения сотрудниками органов внутренних дел безопасности в сфере IT-технологий в контексте функционирования Центрального банка Российской Федерации.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Алиева Э. Б., Агаев Г. А. Проблемы правового регулирования банковской деятельности в Российской Федерации // Вестник Дагестанского государственного университета. Серия 3. Общественные науки. 2018. Т. 33, вып. 1. С. 65–73.

2. Анапольская А. И. Порядок взаимодействия правоохранительных органов с банковскими учреждениями при расследовании мошенничеств, совершаемых в сфере функционирования электронных расчетов // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2015. № 5(145). С. 221–224.

3. Арзуманова Л. Л. Правовой статус центральных банков зарубежных стран и России в регулировании денежной системы: сравнительно-правовое исследование // Актуальные проблемы российского права. 2012. № 1. С. 50–56.

4. Байтин М. И., Петров Д. Е. Система права: к продолжению дискуссии // Государство и право. 2003. № 1. С. 25–34.

5. Блинов А. Е. Детерминация правового статуса Банка России // Правовое регулирование экономической деятельности. № 3. 2022. С. 21–27.

6. Богданов Д. В., Шапиро И. Е. Проблемы развития цифровых технологий банковской системы в России // Вестник Ростовского государственного экономического университета (РИНХ). 2019. № 2(66). С. 161–165.

7. Бутерин В. Больше денег. Что такое Ethereum и как блокчейн меняет мир / пер. с англ. И. Проворовой. М. : Individuum, 2023. 400 с.

8. Волгин А. Р. К вопросу о правовой природе Центрального банка Российской Федерации // Правовой альманах. 2022. № 3(16). С. 8–14.

9. Выступление Президента Российской Федерации на расширенном заседании коллегии МВД России от 20 марта 2023 г. URL: <http://kremlin.ru> (дата обращения: 04.03.2024).

10. Киберпространство как новая среда преступности / Ефремова И. А., Смушкин А. Б., Донченко А. Г., Матушкин П. А. // Вестник Томского государственного университета. 2021. № 472. С. 248–256.

11. Земцова Л. Н. Законность на финансовом рынке как приоритет деятельности центрального банка Российской Федерации // Информационная безопасность регионов. 2017. № 3–4 (28–29). С. 42–45.

12. Камко А. С. Проблемы и перспективы системы противодействия мошенничеству с использованием телекоммуникационного и компьютерного оборудования // Власть и управление на Востоке России. 2017. № 4(81). С. 182–187.

13. Керимова С. Н., Магомедова М. Х. Особенности правового статуса Центрального банка России // Вестник Дагестанского государственного университета. Серия 3. Общественные науки. 2018. Т. 33, вып. 3. С. 89–90.
14. Константинов А. В. К вопросу о правотворческой деятельности Центрального банка Российской Федерации // International scientific review. 2016. № 20(30). URL: <https://cyberleninka.ru> (дата обращения: 04.03.2024).
15. Крохина Ю. А. Проблемы правового регулирования цифровых технологий, применяемых Центральным банком РФ и финансовыми институтами // Мониторинг правоприменения. 2022. № 4(45). С. 33–38.
16. Морозов А. В., Токолов А. В. Блокчейн-технология в обеспечении кибербезопасности государства // Вестник Московского университета МВД России. 2019. № 5. С. 221–225.
17. Определение Конституционного Суда РФ от 14.12.2000 г. № 268-О «По запросу Верховного Суда Российской Федерации о проверке конституционности части третьей статьи 75 Федерального закона «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)». URL: <http://ksrf.ru> (дата обращения: 04.03.2024).
18. Полищук С. А. Государственное регулирование современной финансово-платежной системы и экономическая безопасность: этюды // Экономическая безопасность. 2023 (июль – сентябрь). Т. 6, № 3. С. 1121–1132.
19. Саркисян М. С. Противодействие преступлениям, совершаемым в сфере банковской деятельности : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08. М., 2009. 167 с.

УДК 343.9

Яшин Никита Андреевич

аспирант, Саратовская государственная юридическая академия

г. Саратов, Российская Федерация

nyashin4695@mail.ru

Исследование нравственно-психологических особенностей личности преступника в целях разработки мер противодействия преступности

Аннотация: В статье обосновывается необходимость изучения нравственно-психологических особенностей личности современного преступника в целях совершенствования мер противодействия преступности. Содержательное исследование их сущности позволяет выявлять и понимать причины противоправных поступков, вследствие чего данное направление является перспективным. Констатируется, что на основании анализа соответствующих личностных характеристик представляется возможным разработать профилактические программы, направленные на коррекцию делинквентного поведения индивида. Делается вывод о том, что предупредительная деятельность правоохранительных органов, обогащенная наличием знаний о нравственно-психологических качествах личности преступника, относится к одному из наиболее эффективных средств воздействия на преступность.

Ключевые слова: личность преступника, нравственно-психологические особенности, профилактика преступлений, противодействие преступности, правоохранительные органы, негативное социальное явление.

Yashin Nikita Andreevich

postgraduate student, Saratov State Law Academy
Saratov, Russian Federation

Study of the moral and psychological characteristics of the criminal's personality in order to develop measures to combat crime

Annotation: *The article substantiates the need to study the moral and psychological characteristics of the personality of a modern criminal in order to improve measures to combat crime. A meaningful study of their essence allows us to identify and understand the reasons for illegal actions, as a result of which this direction is promising. It is stated that, based on the analysis of relevant personal characteristics, it seems possible to develop preventive programs aimed at correcting an individual's delinquent behavior. It is concluded that the preventive activities of law enforcement agencies, enriched by the presence of knowledge about the moral and psychological qualities of the criminal's personality, is one of the most effective means of influencing crime.*

Keywords: *personality of the criminal, moral and psychological characteristics, crime prevention, combating crime, law enforcement agencies, negative social phenomenon.*

Исследование нравственно-психологических характеристик личности преступника помогает определить причины его противоправного поведения, выявить основные направления коррекции личности, разработать меры предупредительного воздействия на правонарушающее поведение и их содержание. Нравственно-психологические особенности личности преступника включают в себя несколько характеристик:

1. Отсутствие сочувствия. Преступникам не хватает способности сопереживать и понимать чувства других лиц, что нередко приводит к отсутствию раскаяния и осознанию вреда, причиненного окружающим.

2. Склонность к нарушению этических норм. В данном случае деяние преступника чаще всего выражается в несоблюдении социальных и моральных правил. Такие лица не придерживаются этических принципов и совершают преступления, не чувствуя за собой вины [2, с. 25].

3. Низкий уровень самоконтроля. Преступники, как правило, не контролируют свое поведение и не могут подавить импульсивные желания, что может привести к иррациональному поведению.

Используя знания о таких особенностях морально-психологических качеств личности, представляется возможным определить причины противоправного поведения преступника. Они также способствуют выявлению основных негативных свойств личности. В конечном итоге, это помогает изменить моральные и этические убеждения, повысить уровень сочувствия и самоконтроля индивида.

Еще одна важная роль этих функций – разработка профилактических мер. Знание моральных и психологических характеристик правонарушителя позво-

ляет разрабатывать и внедрять программы и методы, которые помогают предотвратить повторные преступления.

Так, согласно результатам анкетирования более 200 сотрудников правоохранительных органов, проведенного в рамках исследования, 90,1 % из числа опрошенных считают, что мышление преступников отличается от мировоззрения людей, не причастных к совершению преступлений. Следует полагать, что это связано с наличием следующих факторов.

1. Преступники общаются, как правило, со своими единомышленниками, что приводит к общим ценностям и укрепляет культуру преступного поведения. В то же время лица, не совершающие преступлений, проводят время с лицами, не являющимися правонарушителями, и формирующими свое мировоззрение в соответствии с общепринятыми нормами и ценностями.

2. Многие преступники испытывают состояние отторжения от общества, в котором они считают себя носителями идей, способствующими формированию их мировоззрения, связанного, напротив, с несоблюдением норм и правил, принятых в обществе.

Из числа опрошенных сотрудников правоохранительных органов, 47,7 % считают, что лица, совершающие преступления, не удовлетворены своим положением в обществе, и относят себя к жертвам окружающего мира. О том, что негативное состояние окружающей действительности с раннего возраста оказывает на преступников деструктивное воздействие в связи с воспитанием в неблагополучных семьях, сообщили 69,5 % респондентов. Как отмечается в юридической литературе, в течение длительного времени, преимущественно с детства, многие будущие преступники подвергались унижению, побоям, издевательствам [3, с. 191]. В ряде случаев такое поведения проявилось в насилии в отношении членов своей семьи.

Более половины сотрудников правоохранительных органов из числа опрошенных (59,8%) полагают, что исследование нравственно-психологических качеств правонарушающей личности и профилактика ее девиантного поведения в большей мере способствуют предупреждению совершения преступлений.

Профилактика отклоняющегося поведения включает в себя различные меры и действия, которые направлены на воспрепятствование в будущем совершению лицами преступлений. Изучение морально-психологических качеств таких индивидов позволяет выявлять и понимать особенности и причины противоправных поступков, вследствие чего данное направление представляется перспективным. Данная работа должна быть основана на сборе данных и анализе, а также наблюдениях, которые позволят получить объективную информацию о моральных и психологических качествах личности с девиантным поведением. Проведение таких исследований позволит также выявить причины и факторы, влияющие на развитие девиантного поведения, а также определить эффективные методы его профилактики.

Исследование нравственно-психологических качеств личности позволяет определить внутреннее состояние людей, совершающих правонарушения, и провести анализ особенностей их ценностей. Оно может подтвердить, что неконтролируемая агрессия или отсутствие моральных принципов является фак-

тором, способствующим совершению преступлений. На основании результатов таких исследований можно разработать индивидуальные профилактические программы, направленные на изменение негативных качеств криминально направленной личности и на развитие ее положительных нравственно-психологических аспектов. При этом, метод воздействия, как элемент предупредительной деятельности, должен быть направлен, во-первых, на людей с искажениями правового и нравственного сознания, т. е. на социально маргинализованных личностей, во-вторых, на трудновоспитуемых людей, в-третьих, на педагогически несостоятельные семьи. То есть предупредительная деятельность необходимо ориентировать на ту часть населения, которой присуще преступное поведение [4, с. 61].

К организации деятельности по предупреждению преступлений следует отнести популяризацию науки и образования, ориентацию на занятия физической культурой и спортом, поддержание здорового образа жизни, отказ от вредных привычек, развитие института современных профессий [5, с. 289]. Кроме того, согласно итогам социологического опроса сотрудников правоохранительных органов, в целях противодействия преступности на ее раннем этапе возникновения необходимо усилить борьбу с пьянством, наркоманией и иными негативными социальными явлениями. Такие ответы были получены от 72,1 % правоохранителей из числа опрошенных. При этом субъекты профилактики, отталкиваясь от поставленной правоохранительной проблемы, характеристик целевой аудитории, тематики мероприятий и собственных профессиональных возможностей, избирают форму работы, с помощью которой можно оказать максимально эффективное предупредительное воздействие [1, с. 29].

Резюмируя вышесказанное, следует сделать вывод о том, что деятельность, направленная на предупреждение преступлений с учетом знаний нравственно-психологических качеств личности преступника, является важным аспектом противодействия преступности. Такой подход учитывает не только внешние обстоятельства, но и внутренние мотивы и ценности человека, что позволяет более эффективно воздействовать на преступников и предотвращать совершение ими преступлений. Одним из основных элементов этой сферой деятельности является забота о моральном и психологическом состоянии личности. Преступникам часто свойственны негативное отношение к окружающим и деформированные ценности, которые способствуют совершению преступлений. Поэтому важно изменить их моральный облик, и работать над развитием позитивных ценностей. Этого можно достичь с помощью социальной адаптации, профилактики и реабилитации.

Профилактические мероприятия включают информационные кампании, направленные на создание альтернативных возможностей для молодежи, поддержку родителей, установление соответствующих ценностей и предотвращение совершения преступлений. Но меры по противодействию преступности нельзя свести только к работе с правонарушителями. Важно создать безопасную и справедливую социальную среду, в которой преступность с меньшей вероятностью будет связана с общим благосостоянием, что может быть обусловлено сокращением неравенства между членами общества, повышением доступа

к образованию, здравоохранению и социальной поддержке, а также эффективной работой правоохранительных органах и системы правосудия.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Грибанов Е. В. Универсальная (типовая) технология предупреждения преступлений // Общество и право. 2021. № 3. С. 26–31.

2. Номоконов В. А. Возвращение личностного подхода необходимо // Личность преступника и ее криминологическое изучение: сборник статей / под ред. А. И. Долговой. М.: Российская криминологическая ассоциация, 2018. С. 21–29.

3. Паршин Н. М., Баранчикова М. В. Психологическое насилие в отношении несовершеннолетних: причины и предупреждение // Научный вестник Омской академии МВД России. 2021. № 3. С. 189–193.

4. Субботина А. В. Проблемы предупреждения преступности несовершеннолетних // Научный журнал. 2020. № 4. С. 59–62.

5. Шалагин А. Е., Шалагина А. К. Типология подростков и молодежи, характеризующихся различными формами девиантного поведения // Вопросы педагогики. 2020. № 4–1. С. 289–293.

СЕКЦИЯ 4

УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

УДК 343.1

Рябинина Татьяна Кимовна

доктор юридических наук, профессор
Юго-Западный государственный университет
г. Курск, Российская Федерация
tatyanakimovna-r@yandex.ru

**Роль правовой культуры в установлении баланса
между публичными и частными интересами
в уголовном судопроизводстве**

Публикация подготовлена в рамках государственного задания по теме «Трансформация частного и публичного права в условиях эволюционирующих личности, общества и государства» (№ 0851-2020-0033).

***Аннотация:** В статье рассматриваются вопросы о влиянии правовой культуры на гармонизацию взаимоотношений между участниками уголовного судопроизводства и минимизацию конфликтности в ходе производства по уголовному делу. Особое внимание обращено на средства, способствующие повышению авторитета органов, осуществляющих судопроизводство, уровня доверия к ним со стороны общества, что в итоге должно привести к установлению баланса между публичными и частными интересами в данной сфере.*

***Ключевые слова:** правовая культура, частные и публичные интересы, права личности, судебный этикет.*

Ryabinina Tatiana Kimovna

doctor of law, professor
Southwest State University
Kursk, Russian Federation

**The role of legal culture in establishing a balance between public
and private interests in criminal proceedings**

***Annotation:** The article examines the issues of the influence of legal culture on the harmonization of relations between participants in criminal proceedings and the minimization of conflict in the course of criminal proceedings. Special attention is paid to the means that contribute to increasing the authority of the bodies conducting judicial proceedings, the level of trust in them on the part of society, which should eventually lead to the establishment of a balance between public and private interests in this area.*

Keywords: legal culture, private and public interests, personal rights, judicial etiquette.

Трансформация социально-экономического базиса общества как следствие перехода к демократическому политическому режиму коренным образом изменила взаимоотношения между государством и личностью, разрешив конфликт между публичными и частными интересами в пользу последних, что подтвердила Конституция Российской Федерации, закрепив концептуальное положение: «человек, его права и свободы являются высшей ценностью» (ст. 2). В свою очередь ст. 6 УПК РФ, ориентированная на Конституцию РФ, назначением уголовного судопроизводства провозгласила защиту прав и законных интересов лиц, организаций, потерпевших от преступлений, а также защиту личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения прав и свобод. Наряду с этим уголовное преследование и назначение виновным справедливого наказания в той же мере отвечают назначению уголовного судопроизводства, что и отказ от уголовного преследования невиновных, освобождение их от наказания, реабилитации каждого, кто необоснованно подвергся уголовному преследованию.

Сегодня, в условиях формирования правового демократического государства и отвечающего ему состязательного уголовного судопроизводства как деятельности по разрешению криминального конфликта, главной составляющей в определении ориентирования уголовного процесса остается проблема соотношения справедливости, воплощаемой в идее публичной социальной необходимости обеспечения ценностей общественного блага, и гуманизма как морального принципа, охраняющего личность от произвола власти. Проблема существования в человеческом бытии и в сфере отправления правосудия по уголовным делам справедливости как базисной его ценности и гуманизма как совокупности нравственных принципов, исходящих из признания человека наивысшей, приоритетной ценностью в системе общественных отношений, неоднократно поднимается в философской и юридической литературе, публицистике и журналистике, художественных произведениях [2, с. 30–32], поскольку именно в сфере уголовного судопроизводства конфликт между личностью и государством протекает в наиболее острой форме, отражающей проблему соотношения частных и публичных отношений, уже много десятилетий обсуждаемую и в правовой, и в житейской плоскости. И только уровень защищенности личности в уголовном судопроизводстве демонстрирует, не являются ли провозглашенные в Конституции РФ гуманистические начала пустой декларацией.

История свидетельствует, что именно соотношение интересов личности и государства, частных и публичных начал в уголовном процессе оказывает влияние на формирование той или иной модели системы отправления правосудия по уголовным делам. Демократические преобразования в России подтвердили ее приверженность институтам правового государства, обусловившим укрепление фундаментальных основ правосудия – неприкосновенности личности, презумпции невиновности, состязательности сторон и других гуманистических черт уголовного судопроизводства.

Однако очевидно, что только лишь формирования прочных правовых основ регулирования уголовно-процессуальной деятельности недостаточно для утверждения подлинного правового государства. Нужны и крепкие людские резервы, опирающиеся на высокие моральные ценности, готовые претворить в жизнь основные направления реформирования уголовного судопроизводства [4, с. 35]. Не случайно спецификой уголовно-процессуальной деятельности является то, что она подчиняется не только правовым, но и нравственным нормам, и принципам. Лица, осуществляющие производство по уголовному делу, должны быть носителями высокой нравственной культуры. По тому, насколько грамотно, профессионально, культурно следователь провел следственные действия, а судья организовал и провел судебное заседание, можно судить о нравственной культуре правосудия и в целом об уровне нравственного развития общества. В итоге грамотная, профессиональная, наполненная нравственными началами, деятельность должностных лиц, задействованных в производстве по уголовному делу, сказывается на степени конфликтности в сфере уголовного судопроизводства и уровне доверия общества к судебным и правоохранительным органам.

При этом особую остроту проблема уважения прав личности, вовлеченной в правоприменительный процесс, приобретает, как верно замечает В. В. Кожевников, именно в сфере деятельности тех органов, которые для выполнения своей основной задачи по защите человека и его прав от преступных посягательств, вынуждены часто действовать методами, прямо или косвенно ограничивающими эти права, хотя их профессионально-нравственная культура, исходя из требований общественного долга, чести, совести, социальной справедливости, должна исключить возможность применения ими недозволенных средств воздействия по отношению к людям [1, с. 6–7].

Поэтому не зря считается, что уголовный процесс как специфическая сфера деятельности, в которой, с одной стороны, осуществляется уголовное преследование лиц, совершивших преступление, а с другой – обеспечивается защита лиц, пострадавших от этих преступлений, за редким исключением, характеризуется конфликтностью, так как вовлеченные в производство по уголовному делу лица, как правило, преследуют разные цели, оспаривают выдвинутые подозрения или обвинения, некоторые участники не соблюдают нормы уголовно-процессуального закона, препятствуют нормальному производству по уголовному делу, в связи с чем соответствующие должностные лица вынуждены применять в таких случаях меры принуждения, еще больше обостряющие взаимоотношения между ними и частными лицами.

Уголовно-процессуальный закон, кроме того, предусматривает при производстве многих следственных действий возможность вмешательства в личную жизнь человека, ограничения его прав и интересов, при этом неминуемо затрагиваются честь и достоинство личности, его репутация и доброе имя. Такое положение может усугубиться еще и тем, что и сами представители органов, отвечающих за законность и обеспечивающих достижение задач уголовного судопроизводства, допускают применение незаконных и не отвечающих нормам морали методов расследования и рассмотрения уголовного дела, что

подрывает авторитет этих органов, ведет к следственным и судебным ошибкам, наиболее опасная и непоправимая из которых – осуждение невиновного лица. Такое поведение не только ущемляет права и законные интересы сторон, но и подрывает авторитет правоохранительных органов, идет вразрез с наметившейся тенденцией к созданию уголовного процесса охранительного типа.

Нельзя не затронуть и проблемы, возникающие в процессе доказывания, в первую очередь обеспечение объективного исследования доказательств. Так, на практике иногда наблюдается односторонний подход к доказыванию, характеризующийся, как правило, обвинительным уклоном. На стадии предварительного расследования это проявляется в том, что не исследуются версии защиты, не удовлетворяются заявленные обвиняемым или его защитником ходатайства о производстве дополнительных следственных действий, изменении обвинения, прекращении уголовного дела и т. п. Особенно опасна тенденция осуществления судом обвинительной функции, когда в процессе исследования доказательств судьи проявляют предвзятость, предубежденность к подсудимому, заранее предрешая его виновность, не анализируют глубоко доводы защиты, проявляют чрезмерную активность и инициативность в собирании доказательств обвинительного характера, а в приговоре не всегда аргументированно обосновывают свои выводы о виновности лица.

Не менее важна и другая проблема, свидетельствующая о неразрешенном противоречии между публичными и частными интересами в уголовно-процессуальной сфере, – это остающаяся декларативность обеспечения прав и законных интересов участников процесса, отсутствие у них реальных возможностей повлиять на процесс сбора доказательств по уголовному делу и в целом на результат разрешения уголовно-правового конфликта. Это обусловлено и субъективными причинами (предвзятое, формальное осуществление своих профессиональных обязанностей представителями правоохранительных органов), и объективными (противоречивым и бессистемным уголовно-процессуальным регулированием, постоянно меняющимися правовыми позициями высших судебных органов РФ, слабой ответственностью должностных лиц, осуществляющих публичную деятельность в данной сфере, и в целом – государства перед своими гражданами).

Вследствие подобных конфликтов, игнорирования законных и морально оправданных средств и способов ведения расследования, и разрешения уголовного дела достижение целей правосудия, основанного на принципе максимального благоприятствования личности, может быть затруднено. Таким образом, можно констатировать, что одним из направлений современной уголовной и уголовно-процессуальной политики является задача выработки баланса личных и публичных ценностей в уголовно-правовой сфере ради достижения целей уголовного судопроизводства [7, с. 1109–1111].

И одним из важнейших средств гармонизации отношений в ходе производства по уголовному делу, безусловно, остается правовая культура. Подлинная культура уголовного процесса неотделима от правильного понимания лицами, осуществляющими производство по делу, нравственных принципов и норм, необходимости их соблюдения в своей деятельности, осознания высо-

кого общественного долга и общественной ответственности, которые возложены на следователей, прокуроров, судей и адвокатов не только законом, но и моралью [3, с. 187]. Следует при этом заметить, что пренебрежение нравственными нормами, безусловно, приводит к нарушениям и правовых норм.

Важной составляющей культуры уголовного процесса является профессионализм лиц, его осуществляющих. От того, насколько высок профессиональный уровень судьи или следователя, зависит и эффективность выполнения ими своих функций при производстве по конкретному делу, и способы, приемы, которыми они достигают намеченных целей.

В первую очередь высокого профессионала отличает глубокое знание и понимание закона, без чего «невозможны обоснованная, точная и правильная оценка правовых явлений, формирование ценностных установок, ориентации и правомерного поведения» [1, с. 3], закон для юриста – это «профессиональный инструмент, основа его правомочий и служебной деятельности, непременное условие нормального выполнения функций, взаимодействия с другими людьми» [1, с. 4]. Кроме того, профессионал должен быть эрудированным, грамотным, интеллектуальным, коммуникабельным. Вовне профессиональный уровень судей, прокуроров, следователей, адвокатов проявляется в культуре их поведения, общения между собой и с другими участниками процесса, в речевой культуре, внешнем облике, манерах.

Несмотря на, казалось бы, банальность этих рассуждений, тем не менее, в уголовном судопроизводстве допускается снисходительное отношение именно к элементарным правилам культуры поведения. Среди таких правил поведения отмечают вежливость, сдержанность, тактичность, умение слушать других, четкость и организованность профессиональной деятельности, умение тщательно спланировать и подготовить проведение следственных действий или судебного заседания и др.

Особое значение имеют требования, касающиеся соблюдения этикета. В этикет входят, прежде всего, правила, касающиеся внешних форм поведения в определенных ситуациях (манеры, тон, речь, внешний вид, одежда и пр.) и соответствующие какой-либо социальной или профессиональной роли человека. Необходимость соблюдения подобных правил, порой очень сложных, объясняется чрезмерной регламентацией определенного вида деятельности: без соблюдения таких правил эта деятельность теряет существенные, только ей присущие, атрибуты, ритуал, церемониал. Помочь правильно соблюдать правила этикета, не нарушать их может чувство такта, т. е. чувство эмоционального сопереживания с контактером, позволяющее человеку определить должную меру в выражениях и поступках, в проявлении интереса к другому человеку. Именно тактичность позволяет найти решение проблемной коллизии при общении, не умаляя при этом достоинства других людей и не роняя собственного достоинства [5, с. 244].

Строгое соблюдение правил этикета и проявление такта – свидетельство высокой культуры и воспитанности. Для судей, следователей, прокуроров, адвокатов, общающихся не только между собой, но и главным образом с гражда-

нами, очень важно следовать жестко установленным в их специфической сфере деятельности правилам и соответствовать своему предназначению в обществе – охране прав лиц, нуждающихся в этом.

Не случайно в теории и практике особое внимание уделяется судебному этикету, который представляет собой совокупность правил поведения участников судопроизводства. Кроме общепринятых требований внешней культуры, таких как вежливость, тактичность, к правилам судебного этикета относятся правила, непосредственно закрепленные в законе. Прежде всего, это правила проведения следственных действий, особенно когда при их осуществлении происходит общение участников процесса (допрос, очная ставка) или затрагиваются права и интересы лиц (обыск, освидетельствование), и, конечно, судебного заседания, где не только окончательно решаются вопросы об установлении виновности лица, привлеченного к уголовной ответственности, но и оказывается предупредительно-воспитательное воздействие на всех лиц, участвующих в деле и присутствующих в зале судебного заседания.

Именно судебное разбирательство, которое в силу своего открытого, публичного, гласного, состязательного характера, в отличие от других стадий, являющихся более «закрытой зоной» для общества, имеет больший эмоциональный и воспитательный эффект. Тот факт, что большинство правил проведения судебного заседания нашло свое закрепление в законе, подчеркивает важность их существования и соблюдения. В целом эти правила подчеркивают общественную значимость и торжественность осуществления судопроизводства, его гуманный, высоконравственный характер и в итоге минимизируют конфликтность не только между участниками уголовного судопроизводства, но и в целом между публичными и частными интересами, поскольку смысл деятельности органов, осуществляющих производство по уголовному делу как публичную деятельность, состоит в защите частных интересов лиц, вовлеченных в судопроизводство.

Закон устанавливает следующие правила: обязанность всех присутствующих в зале судебного заседания встать при входе судей; обязанность всех участников процесса стоя обращаться к суду, давать свои показания и делать заявления; обязанность всех присутствующих в зале судебного заседания выслушать приговор стоя и т. д., что говорит о ритуальном характере этих действий. Такой же характер имеют многие действия в подготовительной части и на других этапах судебного заседания: открытие судебного заседания, проверка явки в суд, разъяснение прав и обязанностей участникам процесса, объявление состава суда, соблюдение порядка исследования доказательств – его последовательности, скрупулезной регламентации (например, допроса, производства экспертизы).

Специфические формулировки, предусмотренные законом, также свидетельствуют об особой значимости судебного разбирательства. Так, суд удаляется, а не уходит, в совещательную комнату; приговор постановляется, а не составляется, провозглашается, а не зачитывается; жалобы и представления на судебные решения приносятся, а не подаются и др. [6, с. 390–403].

Почему именно на суд законом возложены такие правовые и нравственные правила? Да поскольку он единственный орган, осуществляющий высокую миссию в уголовном судопроизводстве – это отправление правосудия, т. е. обеспечение в судебной процедуре, в условиях гласности и состязательности, разрешения разного рода правовых конфликтов и споров, а в идеале – умиротворения спорящих сторон. Степень правовой культуры судебного производства, справедливость вынесенного решения, выражающаяся в восстановлении нарушенных прав личности, свидетельствуют, выполнил ли суд свое социальное предназначение.

Все вышеперечисленные факторы, влияющие на повышение правовой культуры, в результате обязательно скажутся и на гармонизации уголовно-процессуальных отношений, и в перспективе конфликт между публичными и частными интересами должен быть минимизирован, а назначение уголовного судопроизводства в силу ст. 6 УПК РФ будет реализовано.

В таком ключе следует и дальше разрабатывать на примере уголовно-процессуального права доктрину частного и публичного права, сводящуюся к определению оптимальной модели правового регулирования деятельности суда и правоохранительных органов в контексте конвергенции частного и публичного права, означающей наполнение уголовного процесса частными, диспозитивными, гуманными началами, что придаст ему действительно правоохранный характер.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Кожевников В. В. Современные проблемы профессионализма сотрудников органов внутренних дел // Следователь. 1998. № 7. С. 6–7.
2. Козявин А. А. Уголовное судопроизводство современной России как объект ценностно-нравственного обоснования // Судебная власть и уголовный процесс. 2015. № 4. С. 30–36.
3. Кокорев Л. Д., Котов Д. П. Этика уголовного процесса : учеб. пособие. Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 1993. 222 с.
4. Концепция судебной реформы в Российской Федерации / сост. С. А. Пашин. М. : Республика, 1992. 111 с.
5. Профессиональная этика сотрудников правоохранительных органов : учеб. пособие / под ред. Г. В. Дубова и А. В. Опалева. 2-е изд., испр. и доп. М. : Щит-М, 2000. 384 с.
6. Рябина Т. К. Нравственные начала уголовного процесса : учеб. пособие / Курск. гос. техн. ун-т. 2-е изд., перераб. и доп. Курск, 2007. С. 390–403.
7. Рябина Т. К. Роль судебной власти в трансформации соотношения публичных и частных интересов в уголовном судопроизводстве России // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2023. Т. 14, вып. 4. С. 1109–1111.

УДК 343.1

Верещагина Алла Васильевна

кандидат юридических наук, доцент

Владивостокский государственный университет

г. Владивосток, Российская Федерация

vereschaina_alla@mail.ru

Болевые точки российского уголовного судопроизводства

***Аннотация:** В статье рассмотрены некоторые проблемные вопросы регламентации судоустройства и уголовного судопроизводства в Российской Федерации, которые обусловлены особенностями современного судебного реформирования: отсутствием четко сформулированной идеи модернизации и разновременность разработки и принятия судоустроительных и процессуальных нормативных правовых актов. Идеологическая невнятность и временная протяженность судебного реформирования привела к дисбалансу между задуманным разработчиками состязательным процессом и его организационным оформлением, непоследовательности регламентации процессуальных статусов участников уголовного судопроизводства.*

***Ключевые слова:** реформа, самостоятельность судебной власти, уголовное судопроизводство, судоустройство, несменяемость судей, неприкосновенность судей, прокурор.*

Vereshchagina Alla Vasilievna

candidate of law, associate professor

Vladivostok State University

Vladivostok, Russian Federation

Pain points of Russian criminal proceedings

***Annotation:** The article examines some problematic issues of regulation of the judicial system and criminal proceedings in the Russian Federation, which are caused by the peculiarities of modern judicial reform: the lack of a clearly formulated idea of modernization and the different times in the development and adoption of judicial and procedural normative legal acts. The ideological vagueness and temporary length of judicial reform led to an imbalance between the adversarial process conceived by the authors and its organizational design, and inconsistency in the regulation of the procedural statuses of participants in criminal proceedings.*

***Keywords:** reform, independence of the judiciary, criminal proceedings, judicial system, immunity, immutability, prosecutor.*

Трансформация отношений собственности на рубеже 80–90-х годов XX века детерминировала изменение надстроечных государственно-правовых институтов. Консолидированно критика советского уголовного судопроизводства изложена в подготовленной ведущими учеными Концепции судебной реформы (далее в тексте Концепция) [11]. Однако только спустя почти 10 лет с момента утверждения Концепции приняли Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (далее в тексте УПК РФ) [14]. Позволим предположить, что одной из основных причин столь длительного временного разрыва между анон-

сированием необходимости проведения судебной реформы и принятием уголовно-процессуального закона, являющегося одним из основных элементов модернизации уголовной юстиции, явилась борьба мнений по поводу идеологии реформирования уголовного судопроизводства и, как следствие, соответствующей той или иной идеологии реформирования системы уголовно-процессуальных институтов. Косвенно данное суждение подтверждается подготовкой в тот период нескольких проектов уголовно-процессуальных законов, в которых авторы излагали свое видение желательного для России уголовного судопроизводства [4, с. 109–110]. Оценивая УПК РФ 2001 года, критически осмысливая содержащиеся в нем институты исследователи подчеркивали его иной, отличающийся от ранее имевшихся уголовно-процессуальных законов характер, свидетельствующий о большем тяготении к англо-саксонской модели; указывали на «размывание» традиционной, сложившейся в результате реформы 1864 года континентальной модели российского уголовного процесса; алогичность нормативной регламентации, обусловленную, в том числе, отсутствием ясности в идеологии уголовно-процессуального реформирования и пр. [1, с. 165; 5, с. 8–10, 13, 18; 6, с. 75–80; 7, с. 31]. Подтверждением нестабильности уголовно-процессуального регулирования являются, в том числе многочисленные, разнообразные, порой взаимоисключающие, коррективы действующего уголовно-процессуального закона, которые негативно сказываются на правоприменении. В качестве примера отсутствия понимания того, какой процесс нам нужен, какова роль профессиональных участников уголовного судопроизводства в уголовно-процессуальной деятельности, можно привести неоднократно менявшуюся регламентацию участия прокурора в процессе возбуждения уголовного дела – от прерогативы прокурора по принятию решения о возбуждении уголовного дела до полного лишения его этого права с предоставлением возможности направлять своим постановлением материалы в орган предварительного расследования для решения вопроса об уголовном преследовании [15; 17; 18; 19].

Есть сходные моменты, побудившие власть в середине XIX и на рубеже 80–90-х годов XX века инициировать судебные реформы, что, по нашему мнению, позволяло удачно заимствовать выработанные «отцами судебной реформы» судеустройственные и судопроизводственные институты с учетом опыта функционирования пореформенной российской юстиции (до 1917 года) и современных реалий [2, с. 71–77]. Тем не менее, отдавая должное судебным реформаторам XIX века, современный законодатель, если и учитывал их опыт, то на наш взгляд непоследовательно и фрагментарно.

1. В отличие от судебной реформы 1864 года современным законодателем не была четко сформулирована идеология модернизации уголовной юстиции. Это напрямую влияет на качество регламентации и правоприменения.

Упомянутая выше Концепция судебной реформы 1991 года, по сути, не содержит четких ценностных ориентиров. Авторы этого документа преимущественно сосредоточились на критике советской уголовной юстиции.

Желательно, в случае пересмотра нормативных правовых актов, регулирующих организацию и функционирование уголовной юстиции, подготовить документ, подобный Основным положениям преобразования судебной части в России (далее – Основные положения) [3], в котором бы содержалась идея судебного реформирования.

Разработчики Судебных уставов 1864 года продвигали создание самостоятельной судебной власти, независимой от исполнительной и законодательной властей (ст. 1), что по их мысли обеспечивало бы вынесение правосудных решений и ограждало бы личность от произвола [3]. Реализация этой идеи виделась в формировании судебной власти, обладающей внешней (четкое разграничение компетенции органов законодательной, исполнительной и судебной властей и недопустимость их вторжения в судебную деятельность) и внутренней (такая судебная организация, которая бы обеспечивала независимость судей, прежде всего от органов судебного управления, и подчинения их только закону при вынесении судебных решений) самостоятельностью.

Для достижения внешней самостоятельности не только запрещалось решать судебные дела органам исполнительной власти, создавать суды *ad hoc* и пр., но и формировались судебные округа, охватывающие несколько административных единиц, окружные суды размещались в городах, не являющихся губернскими, к судебному месту относились судьи и судебные следователи, при судебных местах функционировали прокуроры, присяжные поверенные, нотариусы и др.

Внутренняя самостоятельность судебной власти, повторимся независимость судей и подчинение их только закону, обеспечивалась недопустимостью наделения первоприсутствующих властными полномочиями в отношении судей, особыми процедурами назначения и устранения от должности, перемещения из одного судебного места в другое, привлечения к дисциплинарной ответственности. При этом привлечение к административной и уголовной ответственности происходило в общем порядке. Именно в этом виделась несменяемость судей, которая обеспечивала свободу принятия решений без оглядки на «пожелания», чтобы каждый судья, не обладающий особенными качествами, мог честно и добросовестно вершить правосудие.

Современное легальное содержание несменяемости судей номинально совпадает с дореволюционным аналогом (статья 12 ФЗ «О статусе судей в Российской Федерации») [8]. Однако закрепление положений о неприкосновенности судей, предоставлении характеристики и сведений о результатах деятельности за последние 5 лет на судью, претендующего на открывшуюся вакансию, обязательных квалификационных аттестациях для получения более высокого квалификационного класса, проведение которых инициируется председателем суда внесением представления с пакетом документов, включая характеристику на соискателя, право председателя по поручению квалификационной коллегии проверять достоверность предоставляемых претендентом сведений и др. (пункты 10, 11, 12 статьи 21, пункт 2 статьи 25.1 Положения о порядке работы квалификационной коллегии судей; статья 20.2 ФЗ «О статусе судей в РФ») [9; 10]

ставит их в полную зависимость от руководителей судебных мест, что может сказаться на исполнении судебных обязанностей.

2. Дисбаланс между анонсированной разработчиками УПК РФ стремлением сформировать состязательный процесс и системой профессиональных субъектов уголовно-процессуальной деятельности и их процессуальных статусов. Система профессиональных субъектов уголовно-процессуальной деятельности и их статус представляют ухудшенную советскую модель. Отметим два момента: закрепление в качестве субъектов осуществления уголовного преследования органа дознания и начальника органа дознания (ст. 40 и 40.2 УПК РФ). Орган дознания – это совокупность должностных лиц, обладающих самостоятельным функционалом. Неясно как коллективное образование может осуществлять уголовное преследование в качестве самостоятельного процессуального субъекта?! Наделение начальника органа дознания процессуальными полномочиями противоречит разграничению оперативно-розыскной и уголовно-процессуальной деятельности как двум самостоятельным видам государственной деятельности.

Что касается процессуальных статусов, то наиболее неудовлетворительным является статус прокурора, обусловленный объектом надзора (дознание или предварительное следствие) и уголовно-процессуальной стадией (досудебные или судебные стадии). Российский прокурор в досудебном производстве практически лишен каких-либо серьезных полномочий по осуществлению процессуального надзора за предварительным следствием. Процессуальное положение прокурора, на наш взгляд, также не соответствует координационной деятельности прокуратуры по борьбе с преступностью (статья 8 ФЗ «О прокуратуре РФ» [16]). Следует отдать должное законодателям ряда государств постсоветского пространства, которые сохранили традиционный дореволюционный российский и советский подходы к содержанию процессуального статуса прокурора, позволяющего осуществлять полноценный прокурорский надзор за досудебным производством (статья 58 УПК Республики Казахстан; статья 52 УПК Республики Молдова) [13; 12].

Можно также отметить несоответствие принципам отправления правосудия только судом и состязательности (статьи 8, 15 УПК РФ) право дознавателя и следователя прекращать производство по уголовному делу (статьи 213 и 223 УПК РФ), а также предоставление не субъектам уголовно-процессуальной деятельности права решать вопросы процессуального характера, например, налоговым органам, Совету Федерации, Государственной Думе, Конституционному Суду, Высшей квалификационной коллегии судей и др. (часть 1.3 статьи 140, глава 52 УПК РФ). Означенное противоречат принципу публичности, обязывающему в каждом случае обнаружения совершения или готовящегося к совершению преступления инициировать возбуждение уголовного дела (часть 2 статьи 21 УПК РФ).

3. Временная протяженность нормативного оформления реформы уголовной юстиции. Регламентация судоустройственных, в том числе отмеченных, моментов могла бы быть более тщательной и согласованной не только при наличии четкого представления о желательной уголовной юстиции, но

и при одновременной комплексной разработке нормативных правовых актов, регулирующих организацию и функционирование юстиции, как это имело место при проведении судебной реформы 1864 года.

Судебные уставы 20 ноября 1864 года – это совокупность четырех нормативных правовых актов судоустройственного и процессуального содержания, принятых одновременно, нормы которых были согласованы.

Современный российский реформатор разрабатывал и принимал нормативные правовые акты, связанные с отправлением правосудия, в течение 10 лет с момента принятия Концепции судебной реформы, в условиях различного социально-экономического контента, что не могло не повлиять на содержание и рассогласованность нормативных предписаний.

В силу ограниченности допустимого объема публикации обозначены только некоторые, производные от отсутствия четко сформулированной идеологии судебного реформирования моменты. Устранение обозначенных и необозначенных недостатков без разработки концепции судебного реформирования будет неэффективным, поскольку не позволит создать целостную модель уголовного судопроизводства желательную для России.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Верещагина А. В. Нужна ли реформа предварительного следствия? // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2005. № 1(258). С. 160–168.

2. Верещагина А. В. Реформирование уголовной юстиции в середине XIX – на рубеже XX–XXI вв.: некоторые параллели // Единство и дифференциация досудебного и судебного производства в уголовном процессе: новые концептуальные подходы в свете наследия Великой судебной реформы : сб. науч. ст. Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием, посвященной 155-летию Судебных Уставов 1864 г., приуроченной к 55-летию Юго-Западного государственного университета. Курск, 2019. С. 71–77.

3. Высочайше утвержденные, 29 сентября 1862 года, основные положения преобразования судебной части в России // ПСЗ. Собр. 2. Т. XXXVII, Отд. II. СПб., 1865. № 38761.

4. Галимова М. А., Галимов О. Х., Галимова А. О. Становление и развитие уголовно-процессуального закона России: история формирования // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2023. № 1(50). С. 105–113.

5. Головки Л. В. Нам нужно определиться с моделью уголовного процесса для его дальнейшего развития // Закон. 2024. № 4. С. 8–20.

6. Головки Л. В. О проблемах российского уголовного процесса // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. 2014. № 1. С. 75–80.

7. Головки Л. В. Судебная реформа 1864 г. и современное развитие отечественного уголовного судопроизводства // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. 2015. № 1. С. 27–37.

8. Закон РФ от 26.06.1992 № 3132-1 «О статусе судей в Российской Федерации» (ред. от 10.07.2023) (с изм. от 27.11. 2023). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_648/1d91d3b13d69477c79b3148b6f509fafea7fa52e (дата обращения: 28.05.2024).

9. Зотов Д. В., Стародубова Г. В. Концепция 1991 // Судебная власть и уголовный процесс. 2016. № 3. С. 11–20.

10. Положение о порядке работы квалификационной коллегии судей (утв. Высшей квалификационной коллегией судей РФ 22.03.2007) (ред. 21.11.2023). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_71873/2bc11df3750407d634ae (дата обращения: 25.05.2024).

11. Постановление Верховного Суда РСФСР от 24.10.1991 № 1801-1 «О Концепции судебной реформы в РСФСР» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.04.2024).

12. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан от 04.07.2014 (по сост. на 29.03.2024). URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31575852&pos=9214;27#pos=9214;27 (дата обращения: 10.04.2024).

13. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Молдова от 14.03.2003 № 122-XV (с изм. и доп. по сост. на 28.12.2023). URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30397729&pos=6;-106#pos=6;106c (дата обращения: 10.04.2024).

14. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 29.05.2024). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/?ysclid=lx6pd30gn2289800591 (дата обращения: 10.04.2024).

15. Федеральный закон от 04.07.2003 № 92-ФЗ. «О внесении изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_43124/ (дата обращения: 10.04.2024).

16. Федеральный закон от 17.01.1992 № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» (ред. от 29.05.2024). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_262/ (дата обращения: 10.04.2024).

17. Федеральный закон от 02.12.2008 № 226-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_82158/3d0cac60971a (дата обращения: 10.04.2024)

18. Федеральный закон от 05.06.2007 № 87-ФЗ (ред. от 22.12.2014) «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и Федеральный закон „О прокуратуре Российской Федерации“». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_38313 (дата обращения: 10.04.2024).

19. Федеральный закон от 28.12.2010 № 404-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием деятельности органов предварительного следствия» (ред. от 31.12.2017). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_108566/1d180977d (дата обращения: 10.04.2024).

УДК 343.16

Самолетов Сергей Николаевич

первый заместитель прокурора Курской области,
аспирант, Санкт-Петербургский юридический институт (филиал)
Университета прокуратуры Российской Федерации
samoletov1974@mail.ru

Взаимосвязь изменения прокурором обвинения в суде и возвращения уголовного дела прокурору

Аннотация: В статье рассмотрены теоретические особенности изменения прокурором обвинения и возвращения уголовного дела прокурору. Автором предлагается дискуссия о возможности использования процессуального инструмента изменения обвинения для предотвращения возвращения судом уголовного дела прокурору в соответствии со статьей 237 УПК РФ, для устранения препятствий рассмотрения судом уголовных дел.

Ключевые слова: прокурор, уголовный процесс, обвинение, возвращение уголовного дела, взаимосвязь.

Samoletov Sergey Nikolaevich

first deputy prosecutor of the Kursk Region
PhD student, St. Petersburg Law Institute (branch)
University Of The Prosecutor's office of the Russian Federation
St. Petersburg, Russian Federation

The relationship between the prosecutor's change of the charge in court and the return of the criminal case to the prosecutor

Annotation: The article examines the theoretical features of the prosecutor's change of the charge and the return of the criminal case to the prosecutor. The author proposes a discussion on the possibility of using the procedural tool of changing the charge to prevent the court from returning the criminal case to the prosecutor in accordance with Article 237 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation, to eliminate obstacles to the consideration of criminal cases by the court.

Keywords: prosecutor, criminal trial, prosecution, return of the criminal case, interrelation.

Участие прокурора в качестве государственного обвинителя в судебном разбирательстве по уголовным делам призвано способствовать установлению истины, правильному применению уголовного и уголовно-процессуального законов.

Функция обвинения, осуществляемая прокуратурой России в современном уголовном судопроизводстве, является важной составляющей уголовного преследования, осуществляемого кроме прокуратуры и другими органами государственной власти в Российской Федерации.

Изменение прокурором обвинения в суде и возвращение уголовного дела прокурору взаимосвязаны, поскольку изменение обвинения может привести

к необходимости устранения препятствий для рассмотрения дела судом, что может потребовать возвращения уголовного дела прокурору.

По мнению А. И. Ткачева, суть института возвращения уголовного дела судом прокурору состоит в обеспечении суду возможности рассмотрения дела по существу и вынесения по нему законного, обоснованного и справедливого приговора путем устранения препятствующих этому существенных нарушений уголовно-процессуального закона органами предварительного расследования [5, с. 28].

Действующее уголовно-процессуальное законодательство предусматривает возможность возвращения судом уголовного дела прокурору по ходатайству стороны или по собственной инициативе как на этапе предварительного слушания и разбирательства в суде первой инстанции, так и на стадии апелляционного или кассационного производства.

Обязательным условием, при котором возможно возвращение дела прокурору, является то, что приведенные в статье 237 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) основания должны препятствовать рассмотрению дела судом.

Конституционный Суд Российской Федерации в постановлении № 18-П от 8 декабря 2003 г. расширил перечень оснований для возвращения уголовного дела прокурору, говоря о том, что положения ч. 1 ст. 237 УПК РФ «не исключают правомочие суда по ходатайству стороны или собственной инициативе вернуть уголовное дело прокурору для устранения препятствий его рассмотрения судом во всех случаях, когда в досудебном производстве были допущены существенные нарушения закона, не устранимые в судебном производстве».

Решения о возвращении прокурорам уголовных дел в порядке ст. 237 УПК РФ принимаются, как правило, в связи с несоответствием предъявленного обвинения фактическим обстоятельствам уголовного дела, нарушениями при описании преступлений (отсутствие указания на место, время, способ совершения преступлений либо неверное установление данных обстоятельств), наличием оснований для предъявления более тяжкого обвинения, иными нарушениями уголовно-процессуального закона, допущенными на стадии предварительного расследования, при составлении обвинительного заключения (акта, постановления) и его утверждении и др.

Некоторые ученые-процессуалисты полагают, что УПК РФ устанавливает исчерпывающий перечень оснований для возвращения уголовного дела прокурору, но правильно ли это?

С учетом правовых позиций, сформулированных Конституционным Судом Российской Федерации, перечень оснований, предусмотренных ч. 1 ст. 237 УПК РФ, не может быть признан исчерпывающим.

Конкретизировать основания возвращения дел прокурору должен не законодатель, а теория уголовного процесса и судебная практика, базируясь на анализе наиболее распространенных существенных нарушений уголовно-процессуального закона.

В настоящее время уголовно-процессуальный закон дает возможность изменить в суде обвинение на более мягкое без уменьшения его объема или

с сокращением объема обвинения. Целесообразность данного положения уже давно оспаривается учеными-процессуалистами, а мотивирование данного положения соблюдением права на защиту представляется спорным.

Уголовно-процессуальное законодательство, реализуя гуманистические начала правового государства, призванного защищать права и свободы человека, определяет обязанность законодателя и правоприменителя осуществлять правовое регулирование таким образом, чтобы были обеспечены необходимые условия реализации прав не только потерпевшего, но и подсудимого. Этим принципом обусловлен запрет на так называемый «поворот к худшему» в суде. Но отвечает ли этот запрет соблюдению прав потерпевшего так же, как и подсудимого, вызывает обоснованные сомнения [3, с. 95].

Факты освобождения подсудимых от уголовной ответственности из-за процессуальных нарушений, допущенных на досудебной стадии, возвращение уголовных дел прокурору, изменение и отказ от обвинения вызывают обоснованную тревогу в российском обществе, поскольку, во-первых, порождают чувство безысходности и неуверенность граждан в защищенности их прав и законных интересов; во-вторых, существенным образом подрывают саму основу правоохранительной деятельности, дискредитируют правоохранительные органы и, как следствие, крайне негативно влияют на все процессы, связанные с противодействием преступности [4, с. 250].

Вместе с тем, результаты анализа судебно-следственной практики свидетельствуют о существенных процессуальных ограничениях полномочий прокурора при поддержании государственного обвинения в сфере возможности его корректировки, серьезных ошибках, допускаемых при изменении обвинения. Недостаточное знание прокурорами сущности, оснований, пределов и процедуры изменения обвинения нередко способствует принятию судом реабилитирующих процессуальных решений.

Различные подходы к проблеме отказа прокурора от обвинения как в стадии подготовки и назначения судебного разбирательства, так и при рассмотрении дела по существу вызваны неоднозначностью в определении типологической направленности развития уголовно-процессуального законодательства [2, с. 89].

Основания для отказа прокурора от обвинения и основания возвращения уголовного дела прокурору позволяют говорить о схожести процессуальных нарушениях, допускаемых органами предварительного расследования в ходе досудебного производства по делу, и иных обстоятельствах, которые не связанные с отступлениями от требований уголовно-процессуального закона. Возможно, что для единообразного толкования содержания института возвращения дела прокурору необходимо закрепить их в ст. 237 УПК РФ.

Представляется целесообразным рассмотреть вопрос о том, можно ли процессуальный инструмент изменения обвинения использовать для того, чтобы предотвратить возвращение судом уголовного дела прокурору в порядке ст. 237 УПК РФ для устранения препятствий его рассмотрения судом, и если это допустимо, то в каких именно случаях.

Отметим, что в правоприменительной практике отсутствует единый подход к пониманию положений ст. 237 УПК РФ, которая позволяет суду возвратить прокурору уголовное дело в случае несоответствия обвинительного заключения требованиям уголовно-процессуального закона, в единстве с требованиями ст. 252 УПК РФ, которая вроде бы и разрешает изменить обвинение, но с условием – если этим не ухудшается положение подсудимого и не нарушается его право на защиту.

Соответственно, здесь мы видим определенную коллизию между этими нормами: если можно изменить обвинение в суде, то в какой части это дозвоительно сделать и можно ли таким образом нивелировать те недостатки, которые имеются в обвинении и с формально-правовой точки зрения предопределяют принятие судом решения, предусмотренного п. 1 ч. 1 ст. 237 УПК РФ? Закон однозначного ответа на эти вопросы не дает.

Отметим, что действующий в настоящее время в отечественном уголовном процессе механизм возвращения судом уголовного дела прокурору ввиду своей недостаточной регламентации в УПК РФ порождает массу проблем в практике его применения. К ним следует отнести вопросы применения судами отдельных оснований для возвращения дела прокурору, неполное закрепление перечня таких оснований в УПК РФ, отдельные моменты порядка вынесения судом соответствующего решения и дальнейшего производства по уголовному делу.

Разрешение указанных проблем, на наш взгляд, возможно путем внесения соответствующих изменений и дополнений в действующий УПК РФ, в том числе с отражением в нем правовых позиций, выраженных Конституционным Судом Российской Федерации, а также с помощью дальнейшего разъяснения порядка применения норм Пленумом Верховного Суда Российской Федерации [1].

Следует отметить, что изменение прокурором обвинения является своего рода «индикатором», указывающим на наличие «следственно-прокурорского брака», который в дальнейшем порождает и возвращение прокурору уголовного дела в порядке ст. 237 УПК РФ.

Является неслучайным крайне пристальное внимание к отмеченному негативному показателю надзорной деятельности оно вытекает из самой сути уголовно-процессуального закона, возлагающего на прокуроров обязанность по уголовному преследованию лиц, совершивших преступления, лишь путем выполнения регламентированных процедур.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 05.03.2004 № 1 «О применении судами норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС «Консультант Плюс». URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 10.04.2024).

2. Решетова Н. Ю. Возможно ли изменение обвинения на новое, ухудшающее положение подсудимого, при рассмотрении уголовного дела судом? // Вестник Академии Генеральной прокуратуры РФ. 2012. № 4. С. 89.

3. Ротнова И. Б. Некоторые проблемы института изменения обвинения в уголовном процессе России // «Законы России: опыт, анализ, практика». 2017. № 9. С. 95–98.

4. Самолетов С. Н. Проблемные вопросы изменения прокурором обвинения: сущность и современное состояние // Вопросы российского и международного права. 2023. Т. 13, № 12А. С. 249–256.

5. Ткачев А. И. Возвращение уголовного дела прокурору со стадии подготовки к судебному заседанию : дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 2007. 28 с.

УДК 343.9

Жбанков Виктор Андреевич

доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры уголовно-правовых
дисциплин Российской таможенной академии
заслуженный юрист Российской Федерации
г. Люберцы, Российская Федерация
viktor.zhbankov@mail.ru

О направлениях развития криминалистической теории изучения личности преступника

Аннотация: В статье рассматриваются направления развития частной криминалистической теории изучения личности преступника.

Ключевые слова: криминалистика, частная криминалистическая теория, личность преступника, свойства личности преступника, модель личности преступника.

Zhbankov Viktor Andreevich

doctor of law, professor, professor
of the department of criminal law
disciplines of the Russian Customs Academy
honored lawyer of the Russian Federation
Lyubertsy, Russian Federation

On the directions of development of the forensic theory of studying the personality of a criminal

Annotation: The article discusses the directions of development of a private forensic theory of studying the personality of a criminal.

Keywords: criminology, private forensic theory, criminal personality, criminal personality properties, criminal personality model.

В системе частных криминалистических теорий криминалистическая теория изучения личности преступника сформировалась относительно недавно:

в конце прошлого – начале нашего века, несмотря на весьма значительное число исследований по изучению и установлению лица, совершившего преступление отечественными и зарубежными криминалистами. В 1973 году Ф. В. Глазырин заявил о необходимости разработки частной криминалистической теории изучения личности преступника [2, с. 5–7], а в 1995 году мы разработали концептуальные основы установления личности преступника в криминалистике и обосновали правомерность рассматривать полученные знания как частную криминалистическую теорию, определив ее как систему научных положений о выявлении, анализе и систематизации свойств личности преступника; исследовании особенностей их отображения и возникающей при этом информации при подготовке, совершении и сокрытии преступлений; средствах и методах собирания, исследовании, оценке и использования доказательств о свойствах личности преступника в процессе судебного исследования [3, с. 18].

Теория включает два раздела: а) методологический (теоретический); б) практический (операционный).

В методологическом разделе обосновывается понятие и содержание теории, ее взаимосвязь с другими частными криминалистическими теориями и учениями, понятийный аппарат и методы теории.

Практический (операционный) раздел включает криминалистические средства и методы собирания, исследования, оценки и использования информации о личности преступника.

Для развития теории и разработки средств и методов изучения и установления преступника важнейшее значение имеет исследование ее информационного аспекта, включающего выявление и систематизацию свойств личности преступника; установление взаимосвязей между ними, а также между свойствами преступника и средой его обитания и формирования; изучение специфики отображения свойств личности преступника в окружающей действительности и возникающей при этом информации, построению криминалистической информационной модели преступника для его установления и поиска.

В этой связи первое направление развития теории связано с выявлением и систематизацией свойств личности преступника. Любая личность, включая и личность преступника, – система, элементами которой являются социальные, психологические, биологические и психофизиологические свойства. В свою очередь, каждый из указанных элементов также является системой, состоящей из комплекса соответствующих компонентов. Свойства личности весьма многочисленны и многообразны. Поэтому возможности познания человека беспредельны. С развитием научных знаний будут выявляться все новые и новые его свойства. Так, открытие явления гипервариабильности (ГВ) ДНК крови и выделений человека позволило разработать методики его идентификации по указанным объектам.

Второе направление связано с наличием взаимосвязей между свойствами личности, а также между свойствами личности и средой ее формирования и обитания. Многочисленными исследованиями установлено наличие взаимозависимостей как между свойствами каждого элемента системы личности, так и между свойствами всех четырех элементов, а также между свойствами лично-

сти и средой ее формирования и обитания, что позволят при выявлении одного свойства устанавливать и другие [4, с. 196–217]. Это одно из перспективнейших направлений развития теории. В частности, в рамках реализации Научно-технической программы Союзного государства России и Беларуси в 2017 г. был подписан Государственный контракт «Разработка инновационных геногеографических и геномных технологий идентификации личности, и индивидуальных особенностей человека на основе изучения генофондов регионов Союзного государства» («ДНК-идентификация») с целью разработки соответствующих современному мировому уровню развития науки отечественных ДНК-технологий для криминалистики. Они расширят возможности молекулярно-генетической экспертизы биологических следов, обнаруженных на месте преступления. В этой связи «появится возможность устанавливать фенотипы индивида, в том числе цвет глаз, цвет волос и другие внешние признаки; возраст индивида; этногеографическое происхождение; психоэмоциональный статус индивида (установление регулярного факта употребления наркотических средств, алкоголя)» [1, с. 11].

В качестве третьего направления можно указать на исследования по разработке криминалистической модели личности преступника, построенной на основе информации о свойствах его личности, отобразившейся в процессе преступной и иной деятельности. Решение этой проблемы связано с анализом особенностей отображения свойств каждого элемента личности преступника и возникшей при этом информации. При построении модели используется информация о любом свойстве преступника в отличие от иных наук уголовно-правового цикла, изучающих только определенный перечень его свойств.

Модель, построенная на основе собранной информации, является интегральной и криминалистической по существу. В этой связи, мы не разделяем позицию авторов, применяющих терминологию «психологический портрет», а не «криминалистическая модель». Терминология «психологический портрет» свидетельствует о наличии только психологических и психофизиологических свойств.

Четвертое направление связано с исследованием особенностей отображения свойств личности преступника и возникающей при этом информации при совершении преступлений с использованием глобальных телекоммуникационных и компьютерных систем, в том числе и сети Интернет, когда преступник и потерпевший находятся в разных местах и связаны опосредованно. К подобным преступлениям относятся мошенничество, совершенное с использованиемотовых телефонов, склонение к самоубийству, занятию развратными действиями и другие.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ:

1. Бастрыкин А. И. Об актуальных направлениях развития криминалистических и экспертных подразделений Следственного комитета Российской Федерации // Отечественная криминалистика: вчера, сегодня, завтра : сб. научн.-практ. ст. / под общ. ред. проф. И. М. Комарова. М. : Юрлитин-форм, 2020. С. 6–13.

2. Глазырин Ф. В. Криминалистическое изучение личности обвиняемого : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.09. Свердловск, 1973. 35 с.

3. Жбанков В. А. Свойства личности и их использование для установления лиц, совершивших таможенные правонарушения. М. : РГА, 1999. 192 с.

4. Жбанков В. А. Концептуальные основы установления личности преступника в криминалистике : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.09. М., 1995. 45 с.

УДК 343.36

Ярошенко Ольга Николаевна

кандидат юридических наук, доцент,
судья, Нижегородский областной суд
г. Нижний Новгород, Российская Федерация
olga.yaroshenko.74@bk.ru

**Особенности квалификации фальсификации доказательств по делу,
статья 303 УК РФ**

Аннотация: В статье рассмотрены проблемные вопросы квалификации преступления предусмотренного статьей 303 УК РФ. В предлагаемой статье дается правовой анализ юридического состава преступления. Выводы, сформулированные автором, свидетельствуют об актуальности вопросов применения норм уголовного закона в сфере фальсификации доказательств, в правоохранительной деятельности.

Ключевые слова: фальсификация доказательств, правоохранительная деятельность, квалификация преступлений, совершаемых при исполнении должностных полномочий.

Yaroshenko Olga Nikolaevna

PhD in law, associate professor,
judge, Nizhny Novgorod regional court
Nizhny Novgorod, Russian Federation

**Features of the qualification of falsification of evidence in a case,
article 303 of the Criminal code of the Russian Federation**

Annotation: The article examines the problematic issues of qualification of the crime provided for by article 303 of the Criminal code of the Russian Federation. The proposed article provides a legal analysis of the legal corpus delicti. The conclusions formulated by the author indicate the relevance of the application of the norms of criminal law in the field of falsification of evidence in law enforcement.

Keywords: falsification of evidence, law enforcement, qualification of crimes committed in the exercise of official powers.

Уголовное законодательство Российской Федерации в статье 303 предусматривает уголовную ответственность за фальсификацию доказательств по

гражданскому, административному делу лицом, участвующим в деле, или его представителем, а равно фальсификация доказательств по делу об административном правонарушении участником производства по делу об административном правонарушении или его представителем, а равно фальсификация доказательств должностным лицом, уполномоченным рассматривать дела об административных правонарушениях, либо должностным лицом, уполномоченным составлять протоколы об административных правонарушениях [1].

Фальсификация доказательств, представляет собой наибольшую общественную опасность, поскольку препятствует установлению объективной истины по делу (административному, гражданскому уголовному). Указанное противоправное деяние приводит к существенным нарушениям законных прав и свобод личности. В статье 50 Конституцией РФ установлено, что при осуществлении правосудия не допускается использование доказательств, полученных с нарушением федерального закона.

Объектом преступного посягательства предусмотренного ч. 1 ст. 303 УК РФ выступают общественные отношения обеспечивающие безопасность деятельности органов осуществляющих производство по делу. Также это урегулированная деятельность органов суда в рамках гражданского или арбитражного судопроизводства. Факультативным объектом преступления могут быть законные интересы и права личности.

Объективная сторона преступления состоит в фальсификации доказательства по гражданскому, административному делу и предъявлении его суду. Под фальсификацией понимается искажение фактических данных, являющихся вещественными или письменными доказательствами. По мнению А. С. Горелик, Л. В. Лобанова под «фальсификацией доказательств по гражданскому делу понимается подделка либо фабрикация вещественных и письменных доказательств», «под фальсификацией понимается подделывание доказательств, подмена доказательств» [2].

Кроме того, следует сказать, что фальсификация заключается в сознательном искажении представляемых доказательств, например документов (доверенностей, расписок, договоров, актов ревизий, протоколов следственных действий), путем их подделки, подчистки, внесения исправлений, искажающих действительный смысл, или ложных сведений, т. е. искусственном создании доказательств в пользу истца или ответчика (подлог документов, уничтожение или сокрытие улик), создании искусственных (ложных) вещественных доказательств [3].

Предметом фальсификации могут быть как официальные документы, так и письменные доказательства, исходящие от частных лиц. Фальсификация письменных и вещественных доказательств может производиться в различных формах: посредством внесения в документ недостоверных сведений, изменения содержания документа или составления его (фабрикация).

Вещественными доказательствами признаются предметы, которые могут служить средством установления обстоятельств, имеющих значение для дела (ст. 73 ГПК РФ, ст. 76 АПК РФ). Письменными доказательствами являются акты, документы, письма, содержащие знаковую информацию об обстоятельстве-

вах, имеющих значение для дела (ст. 71 ГПК РФ, ст. 75 АПК РФ). Фальсификация доказательства может проявиться в подчистке документа, уничтожении вещественного доказательства, во внесении в документ заведомо ложных сведений и другие обстоятельства.

По смыслу закона не охватывается данным составом преступления предоставление ложной доказательственной информации свидетелем, экспертом, переводчиком.

Преступление предусмотренное статьей 303 УК РФ имеет формальный состав и окончено с момента предъявления сфальсифицированного доказательства суду. Квалификация не меняется, если доказательства не были приняты судом или не повлияли на разрешение дела [4].

Для фальсификации доказательств характерны такие ситуации, когда все формальные требования к реквизитам процессуального документа соблюдены, однако его фактическое содержание не соответствует действительности.

Субъективная сторона преступления характеризуется прямым умыслом.

Субъектом преступления может быть только лицо, участвующее в деле, или его представитель. Лица, участвующие в деле, определены ст. 34 ГПК РФ и ст. 40 АПК РФ.

К ним относятся: истец, ответчик, прокурор, заинтересованные в деле граждане, заявители и др. Под представителем понимается законный представитель или лицо, уполномоченное надлежаще оформленным документом на ведение дела в суде (ст. 48–54 ГПК РФ, ст. 59–61 АПК РФ, ст. 25.3–25.5 КоАП РФ).

В практике встречаются случаи, когда сотрудник полиции фальсифицирует протоколы об административных правонарушениях. Так, Л., был осужден по ч. 1 ст. 303 УК РФ к штрафу размере 150000 рублей в доход государства по трем эпизодам преступлений. Как следует из представленных материалов, Л., являясь должностным лицом, осуществляющим функции представителя власти. В соответствии с ч. 1 ст. 12 Федерального закона Российской Федерации от 07.02.2011 № 3-ФЗ «О полиции» Л., был обязан: пресекать административные правонарушения и осуществлять производство по делам об административных правонарушениях, отнесенных законодательством об административных правонарушениях к подведомственности полиции; регулировать дорожное движение; оформлять документы о дорожно-транспортном происшествии; осуществлять государственный учет основных показателей состояния безопасности дорожного движения. Однако вместо составления протокола об административном правонарушении по факту совершенного лицом противоправного административного правонарушения, Л., составлял протоколы об административной ответственности не соответствующие действительности. Установлено, что лицом было совершено административное правонарушение, предусмотренном ч. 1 ст. 12.7 КоАП РФ, при этом Л., составлял по ч. 1 ст. 12.29 КоАП РФ предусматривающей более мягкое наказание.

В соответствии п. 12 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28.06.2022 года № 20 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях против правосудия», разъяснено, что

в случае фальсификации доказательств должностным лицом, уполномоченным составлять протоколы об административных правонарушениях или уполномоченным рассматривать дела об административных правонарушениях, либо лицом, производящим дознание, или следователем объективная сторона преступления, предусмотренного частями 1 и 2 статьи 303 УК РФ, состоит в умышленном приобщении ими к делу об административном правонарушении или к уголовному делу в качестве доказательств заведомо поддельных предметов и документов; внесении ими в процессуальные акты, являющиеся источниками доказательств по таким делам (в протокол об административном правонарушении или иные документы, указанные в части 2 статьи 26.2 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, в протоколы следственных действий), заведомо ложных сведений; подделке ранее приобщенных к делу вещественных доказательств и документов. При этом умышленные действия уполномоченных должностных лиц по уничтожению и (или) сокрытию приобщенных или подлежащих приобщению к делу об административном правонарушении или к уголовному делу предметов и документов, которые содержат сведения, имеющие доказательственное значение, состава фальсификации доказательств не образуют, а могут быть квалифицированы по соответствующей статье главы 30 Уголовного кодекса Российской Федерации. Исходя из вышеуказанных обстоятельств, судом обоснованно указано, что в действиях Л., усматривается фальсификация доказательств должностным лицом, уполномоченным рассматривать дела об административных правонарушениях [5].

Вопросы квалификации фальсификации доказательств имеют конкретные особенности, которые связаны не только с категорией конкретных дел, но и с моментом окончания преступления, а также и начала выполнения объективной стороны данного преступления. Способы фальсификации могут быть самыми разнообразными.

При таких обстоятельствах, квалификация данного состава преступления имеет актуальное значение для правоприменительной практики. В этой связи важным является не только совершенствование уголовного законодательства, но практическое толкование понятия и признаков юридического состава преступления предусмотренного статьей 303 УК РФ, а также особенностей квалификации данного состава преступления.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Уголовный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 06.04.2024) : принят Государственной Думой 24 мая 1996 года // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 10.04.2024).

2. Горелик А. С., Лобанова Л. В. Преступления против правосудия. СПб., 2005. С. 219.

3. Байсалуева Э. Ф. Преступления против правосудия, совершаемые лицами, осуществляющими предварительное расследование : монография. Тюмень : Тюменский институт повышения квалификации сотрудников МВД России, 2018. 146 с.

4. Яни П. Вопросы квалификации преступлений // Законность. 2018. № 11. С. 27–31.

5. Приговор Первомайского районного суда Нижегородской области от 27.12.2023 г. № 1-24/2023. URL: <https://pervomaysky--nnov.sudrf.ru/> (дата обращения: 10.04.2024).

УДК 343.131

Тимошенко Андрей Анатольевич

кандидат юридических наук, доцент,
заведующий кафедрой международного
сотрудничества в сфере прокурорской
деятельности, обеспечения представительства
и защиты интересов Российской Федерации
в межгосударственных органах, иностранных
и международных (межгосударственных) судах,
иностранных и международных третейских судах
(арбитражах)

Университет прокуратуры
Москва, Российская Федерация
antim1@yandex.ru

Уголовно-процессуальные гарантии реализации принципа справедливости

Аннотация: Автором рассматривается вопрос о практической реализации принципа справедливости в уголовно-процессуальной деятельности. В этой связи особое внимание уделяется системе соответствующих гарантий. Справедливость рассматривается в качестве общеправового принципа, который действует и в сфере регулирования уголовно-процессуального права. Предлагается особое внимание уделить вопросу о повышении уровня требовательности к профессиональным участникам уголовного процесса.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, гарантии прав личности, принцип справедливости, уполномоченное должностное лицо.

Timoshenko Andrey Anatolyevich

candidate of law, associate professor,
head of the department of international
cooperation in the field of prosecutorial
activities, representation and protection
of the Interests of the Russian Federation
in interstate bodies, foreign and international
(interstate) courts, foreign and international
arbitration courts (arbitrations)
University of the prosecutor's office
Moscow, Russian Federation

Criminal procedural guarantees for the implementation of the principle of justice

Annotation: The author considers the issue of the practical implementation of the principle of justice in criminal procedure. In this regard, special attention is paid to the system of appropriate guarantees. Justice is considered as a general legal principle, which also applies in the field of regulation of criminal procedure law. It is proposed to pay special attention to the issue of increasing the level of demands on professional participants in the criminal process.

Keywords: criminal proceedings, guarantees of individual rights, the principle of justice, authorized official.

В настоящее время в России происходит отказ от многих казавшихся традиционными подходов к оценке стандартов защиты прав личности, вовлеченной сферу уголовного судопроизводства, что вызывает иллюзию правового вакуума [7, с. 215].

Недоверие к необъективной оценке коллективным Западом России и ее правовой системы привело к заметно осторожному применению отдельных норм международного права в ходе российского внутреннего судопроизводства. Так, проведенное специальное исследование показало, что суды стали меньше в своих решениях применять нормы международного права, игнорируя такую необходимость, вытекающую из материалов конкретных дел [5].

В этих условиях представляет важным определить новые ориентиры правильного применения закона.

Является непреложным фактом право Конституционного Суда Российской Федерации заполнять соответствующий правовой вакуум, исходя из своих собственных полномочий рассматривать и разрешать жалобы на неконституционность тех или иных положений закона.

Представляется несомненным наличие в Конституции Российской Федерации достаточных правил, устанавливающих правовой статус личности, вовлеченной в сферу уголовного судопроизводства на должном уровне.

Сложнее обстоят дела с универсальным принципом справедливости. В этом контексте он не может быть сведен к вопросу о правильном назначении наказания, а является характеристикой всего процесса правоприменения в целом.

Несправедливый закон, правоприменительный акт не может считаться обычным явлением, преодоление которого возможно только исходя из возможностей принципа законности.

Институт уголовно-процессуальных гарантий прав личности хорошо знаком науке уголовного процесса [4; 1; 2]. В основе его лежит идея последовательной реализации провозглашенных прав и свобод человека и гражданина на практике с тем, чтобы ни одна норма права не применялась в разрез с идеей защиты прав человека и гражданина.

Данной цели можно добиться применительно к относительно подробно урегулированным правоотношениям за счет введения норм-механизмов реализации принципа права. В этом смысле смело можно заявить о значимости гума-

нительного контекста в процессе толкования норм уголовно-процессуального права.

Применительно к принципу справедливости, который сам по себе входит в содержание уголовно-процессуальных гарантий прав личности [6], представляет важным установить свою систему уголовно-процессуальных гарантий для него.

Предложение автора может быть сведено к следующему.

Прежде всего следует в законе дать правовую дефиницию данного понятия применительно к контексту рассматриваемых правоотношений.

В этом смысле справедливость заключается в правильном применении уголовного и уголовно-процессуального закона с тем, чтобы обеспечить равную реализацию прав и свобод лица, вовлеченного в сферу уголовного судопроизводства, вне зависимости от его процессуального положения. В таком случае объективное установление обстоятельств содеянного, обеспечение возмещение ущерба, причиненного преступлением, а также восстановление социальной справедливости (компенсация общественной опасности совершенного деяния) должно стать определяющим вектором реализации процессуальных полномочий должностных лиц, участвующих в уголовном судопроизводстве.

Как видим, статья 6 УК РФ, исходя из своего содержания, не решает поставленных задач и является проявлением узкого понимания принципа справедливости для целей построения уголовно-правовых норм.

Данная позиция в целом подтверждается в авторитетном комментарии к УК РФ [3, с. 41–42], в котором справедливость привлечения к уголовной ответственности рассматривается в качестве составной части общей справедливости, определяемой с учетом позиций Конституционного Суда Российской Федерации.

Другим важным способом гарантировать реализацию принципа справедливости в уголовном судопроизводстве является дополнение процессуальных обязанностей уполномоченных должностных лиц положением о наличии у них стремления к установлению всех обстоятельств содеянного. В этом смысле ни одно процессуальное решение не может быть принято вопреки внутреннему убеждению такого лица, при условии, что оно формируется исходя из стремления к полному, всестороннему и объективному исследованию обстоятельств содеянного.

Отсутствие такой установки хотя бы у одного уполномоченного лица может создать условия для несправедливого разрешения уголовного дела или отдельного юридически значимого вопроса, по существу.

Надлежащим образом рассмотренное в суде дело должно считаться таковым, если ранее стороной обвинения предприняты все меры для установления всех обстоятельств содеянного, сторона защиты имела возможность представить необходимые материалы в обоснование своей позиции, а суд – полно и всесторонне рассмотреть доводы сторон, обладая возможностью обратить внимание на те или иные препятствия, которые мешают ему вынести законное, обоснованное и справедливое окончательное решение по делу.

Принцип состязательности в этом случае нарушен не будет, так как подобная активная позиция суда позволит во многом обеспечить реализацию сторонами своих процессуальных прав и полномочий.

Уголовно-процессуальный принцип справедливости должен отражать стремление уполномоченных должностных лиц правильно применять закон. В этом смысле он находится на одной чаше весов с принципом законности. Нельзя допускать возникновения у правоприменителя дилеммы: применять или не применять тот или иной закон в угоду принципа справедливости, однако само правоприменение должно являться справедливым.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Кобликов А. С. Уголовно-процессуальные гарантии эффективности правоохранительной деятельности // Советское государство и право. 1984. № 5. С. 57–64.
2. Колоколов Н. А. Уголовно-процессуальные гарантии: 40 лет тернистого пути от декларации прав к реальной защищенности личности // Российский судья. 2001. № 6. С. 42–45.
3. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. В 4 т. Т. 1. Общая часть / отв. ред. В. М. Лебедев. М. : Юрайт, 2017. 316 с.
4. Куцова Э. Ф. Уголовно- процессуальные гарантии прав и законных интересов личности (советский уголовный процесс) : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1986. 517 с.
5. Марочкин С. Ю. Международное право в российских судах: современные реалии // Российский юридический журнал. 2023. № 1. С. 29–42.
6. Овчинников Ю. Г. Система уголовно-процессуальных гарантий // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия «Право». 2010. Вып. 23, № 25. С. 54–58.
7. Терехова Л. А. Национальный и наднациональный механизмы защиты прав и свобод человека в современных условиях // Правоприменение. 2022. Т. 6, № 4. С. 208–219.

УДК 343.9

Пристромова Арина Сергеевна
адъюнкт, Академия управления МВД России
Москва, Российская Федерация
galchanskaya.arina@bk.ru

Понятие результатов оперативно-разыскной деятельности и основные направления их использования в уголовном судопроизводстве

Аннотация: В данной статье рассматривается понятие результатов оперативно-разыскной деятельности, раскрываются его основные признаки, проблемы его понимания. Анализируется законодательство в данной области и освещаются имеющиеся проблемы в теории и практике. Обозначаются основные направления использования результатов

ОРД, а также раскрываются противоречия в их использовании и пути решения указанных проблем.

Ключевые слова: оперативно-розыскная деятельность, результаты ОРД, уголовный процесс, оперативно-розыскные мероприятия, преступление.

Pristromova Arina Sergeevna

adjunct, Academy of Management
of the Ministry of internal affairs of Russia
Moscow, Russia Federation

The concept of the results of operational investigative activities and the main directions of its use in criminal proceedings

***Annotation:** This article examines the concept of the results of operational investigative activities, reveals its main features, and the problems of its understanding. The legislation in this area is analyzed and existing problems in theory and practice are highlighted. The main directions for using the results of operational research are outlined, and the contradictions in their use and ways to solve these problems are revealed.*

***Keywords:** operational-search activities, results of operational investigations, criminal proceedings, operational-search activities, crime.*

Проведя анализ множества понятий, мы остановились на следующем, на наш взгляд, наиболее удачном определении. Результаты ОРД – это информация, полученная в ходе проведения ОРМ, предусмотренных Федеральным законом № 144-ФЗ от 12 августа 1995 года «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее – ФЗ «Об ОРД») [2], направленных на предотвращение и раскрытие преступлений, а также для иных целей.

Результаты ОРД могут включать в себя данные о лицах, подозреваемых в совершении преступлений, доказательствах их вины, информацию о свидетелях и другие сведения, необходимые для расследования уголовных дел.

Эти сведения могут быть использованы в качестве доказательств в уголовном процессе, а также могут быть переданы компетентным органам для принятия решений и принятия мер по обеспечению национальной безопасности, предотвращению террористических актов и других преступлений. Результаты оперативно-розыскной деятельности являются конфиденциальной информацией и могут быть раскрыты только в соответствии с законодательством нашей страны.

Некоторые исследователи считают, что результаты ОРД включают в себя информацию, полученную в результате проведения оперативных мероприятий. Другие ученые уточняют, что результатами ОРД являются не только сами данные, но и их обработка, анализ и интерпретация. Третьи исследователи отмечают, что результаты ОРД могут быть различными в зависимости от целей проведения оперативно-розыскной деятельности, например, это могут быть сведения о преступной группировке, организации или отдельном лице, информация о планируемых преступлениях и т. д.

Использование же этих результатов представляет собой деятельность по их применению (учету) в рамках принятия различных решений, в том числе и уголовно-процессуальных.

В любом случае использование результатов ОРД должно осуществляться в соответствии с законодательством Российской Федерации и учитывать права и свободы граждан. Кроме того, следует помнить о конфиденциальности такой информации и не допускать ее раскрытия без соответствующего разрешения компетентных органов.

Однако определение понятию «результаты оперативно-разыскной деятельности» в ФЗ «Об ОРД» не дается, поэтому ряд ученых трактуют его по-своему.

Обращаясь к научным трудам А. Н. Гущина, а именно к его определению результатов ОРД, мы видим, что он также считает, что это информация, которая должна содержаться в документах, которые составляют оперативники, проводящие оперативные мероприятия, которые должны содержать данные о имевшем место общественно опасном деянии, виновности конкретного лица и иных обстоятельствах [4, с. 32]. Однако он также отмечает, что результаты ОРД могут быть недостаточно достоверными и не могут служить основой для обвинения и приговора в уголовном деле. Для этого необходимо дополнительное расследование и сбор доказательств.

Другой ученых В. И. Зажицкий в своих трудах пришел к выводу о том, что результаты ОРД – это сведения об обстоятельствах неявных тяжких или особо тяжких деяниях, о лицах, их подготавливающих или совершивших, полученные органами, осуществляющими эту деятельность в рамках ведения дел оперативного учета в порядке, предусмотренном ФЗ «Об ОРД» [5, с. 45].

Мы видим, что все ученые определяют данное понятие по-разному, однако, чтобы прийти к единому трактованию, все же законодатель закрепил данный термин в нормативном правовом акте. Так, в ст. 5 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 28.04.2023) (далее – УПК РФ) находит свое отражение определение «Результаты оперативно-разыскной деятельности». К ним относятся: «сведения, полученные в соответствии с федеральным законом об оперативно-разыскной деятельности, о признаках подготавливаемого, совершаемого или совершенного преступления, лицах, подготавливающих, совершающих или совершивших преступление и скрывшихся от органов дознания, следствия или суда» [1].

Таким образом, мы видим, что результаты ОРД – это не любая информация, полученная в ходе ОРД, а только касающаяся тех обстоятельств, которые указаны в этом определении.

Результаты ОРД представляют собой:

1. Документы, в которых находит свое отражение информация, представляющая интерес для оперативных работников;
2. Сообщения конфиденциальных источников;
3. Технические носители информации (в случае, если осуществлялось применение специальной техники).

Закрепление результатов ОРД осуществляется чаще всего в протоколах, а также актах и других служебных документах, в которых возможно фиксировать проведение ОРМ. К таким документам нередко прилагаются предметы и вещества, добытые в ходе них. Если применялась специальная техника, соответственно, результаты ОРД отражаются на соответствующих носителях информации.

Использование результатов ОРД имеет несколько направлений, каждое из которых важно. Выделяют следующие общие направления:

- в уголовном процессе;
- в оперативно-разыскной деятельности;
- в административной деятельности;
- в гражданском и арбитражном процессе.

Первое направление рассмотрим более подробно. В уголовном процессе результаты ОРД могут быть использованы:

1. Как повод и основание для возбуждения уголовного дела;
2. Для подготовки и осуществления следственных и судебных действий;
3. В доказывании по уголовным делам.

Исходя из сложившейся практики, результаты ОРД используются также при проведении других процессуальных действий, а иногда и при принятии процессуальных решений. Примером может служить избрание в отношении подозреваемого или обвиняемого меры пресечения, а при его задержании рассматриваются как «иные данные, дающие основания подозревать лицо в совершении преступления.

Каждое из этих направлений чаще всего является длящимся процессом, который может начаться еще задолго до возбуждения уголовного дела и продолжаться до тех пор, пока не будет достигнут желаемый результат.

К примеру, исходя из смысла ст. 232 УК РФ содержание притона будет считаться оконченным преступлением тогда, когда данное помещение будет использовано несколько раз для потребления наркотических средств и психотропных веществ. Следовательно, для того, чтобы установить использование помещения именно несколько раз, можно использовать также и документирование в ходе осуществления оперативно-разыскной деятельности.

Если обратиться к статье 140 УПК РФ, то одним из поводов для возбуждения уголовного дела может служить сообщение о совершенном или готовящемся преступлении, полученное из иных источников. В рамках осуществления ОРД – рапорт об обнаружении признаков преступления, который составляется оперуполномоченным в соответствии со ст. 143 УПК РФ [1].

Оперуполномоченный, получивший такое сообщение, должен незамедлительно составить рапорт и передать его начальнику подразделения или вышестоящему руководству.

По смыслу закона, нетрудно прийти к выводу о том, что в данном рапорте должна содержаться информация следующего характера: место, время, признаки, которые указывают на совершенное преступление; при каких обстоятельствах они были обнаружены; сведения о лице или группе лиц, которые могли его совершить; очевидцев (при их установлении); наличие и место обнаружение

предметов и документов, имеющих значение для решения вопроса о возбуждении уголовного дела; а также иная информация. При этом данный рапорт должен составляться с учетом всех требований, которые закреплены в Законе «Об ОРД», не стоит забывать о том, что сведения, носящие конфиденциальный характер не должны отражаться в документах, которые будут на последующих этапах представлены органам предварительного расследования. Однако в таком случае рапорт может являться только ориентирующей информацией для них и впоследствии не может выступать в качестве доказательства по делу. В таком случае потребуется сбор дополнительных данных для установления необходимых признаков преступления.

Чаще всего такой повод для возбуждения уголовного дела применяется в сфере незаконного оборота наркотических средств, психотропных веществ, а также по делам в сфере незаконного оборота оружия и боеприпасов. Однако это не всегда так. Конечно, при раскрытии иных видов преступлений могут также использоваться результаты ОРД.

Второе направление касается организации и проведения следственных и судебных действий. Результаты ОРД можно использовать в следующих случаях:

1. При решении вопроса о целесообразности проведения того или иного следственного или судебного действия;
2. При планировании и организации следственного или судебного действия, постановке целей его проведения и тактического замысла;
3. При проведении данных действий.

Результаты оперативно-разыскной деятельности могут выступать в качестве ориентирующей информации для проведения того или иного следственного или судебного действия, когда доказательством данные сведения не могут быть признаны, а их подтверждения можно добиться с помощью процессуального способа.

При проведении следственного или судебного действия должностное лицо, его проводящее, преследует определенные цели: выявление новых доказательств, получение ранее неизвестной или неподтвержденной информации, поиск орудий совершения преступления, предмета посягательства, иных объектов, имеющих значение. Для того, чтобы правильно организовать и провести следственное действие, нередко используется оперативная информация, которая помогает понять, что именно необходимо установить, к какому конечному результату нужно прийти и каким тактическим способом.

Последнее же направление использования результатов ОРД, которое имеет больше тактический характер – в проведении судебных и следственных действий. Так, к примеру, при получении оперативной информации о том, что в жилище спрятано орудие совершения преступления, а обыск самого помещения не дал результатов, закон не запрещает следователю, при получении судебного разрешения на обыск в жилище, произвести также личный обыск лиц, которые находятся в данном месте.

Но не стоит также забывать о соблюдении конспирации при представлении результатов ОРД для организации и проведения следственных и судебных действий.

Последнее, но, на наш взгляд, самое важное использование результатов ОРД – в доказывании по уголовным делам. Именно на этом направлении мы по большей части заострим наше внимание.

Для использования результатов ОРД в качестве доказательств, они должны иметь определенную форму, которая позволит их приобщить в дальнейшем к делу. Так, в настоящее время это могут быть:

- 1) вещественные доказательства;
- 2) иные документы.

Также не следует забывать о некоторых конституционных ограничениях, которые защищают граждан от противоправных действий органов власти. Так, на основании п. 14 Постановления Пленума Верховного суда РФ от 31 октября 1995 г. № 8 «О некоторых вопросах применения судами Конституции РФ при осуществлении правосудия», результаты ОРМ, которые ограничивают конституционные права граждан, могут быть использованы в процессе доказывания только в том случае, когда их проведение было санкционировано судом [3].

В заключение данного параграфа необходимо отметить, что результаты оперативно-разыскной деятельности – это сведения, полученные в соответствии с ФЗ «Об ОРД», о признаках подготавливаемого, совершаемого или совершенного преступления, лицах, подготавливающих, совершающих или совершивших преступление и скрывшихся от органов дознания, следствия или суда, а также они должны позволить:

1. Формировать доказательственную базу, которая бы удовлетворяла не только требованиям норм оперативно-разыскной деятельности, но и уголовно-процессуальным, чтобы впоследствии их можно было признать допустимыми;
2. Содержать сведения, имеющие значение для установления обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу, указания на ОРМ, при проведении которых получены предполагаемые доказательства;
3. Содержать данные, позволяющие проверить в условиях уголовного судопроизводства доказательства, сформированные на их основе.

В заключение, можно сделать вывод, что ОРД – это один из основных инструментов оперативно-разыскной деятельности, который позволяет собирать информацию о преступлениях и преступниках. ОРД может проводиться как в отношении конкретного лица, так и в отношении группы лиц или организованной преступной группировки.

Оперативно-разыскная информация, полученная в результате ОРД, может быть использована в качестве доказательства в уголовном процессе. При этом необходимо учитывать, что сбор и использование информации должны соответствовать законодательству и не нарушать права и свободы граждан.

Таким образом, ОРД является важным инструментом борьбы с преступностью и позволяет оперативным службам получать необходимую информацию для предотвращения преступлений и привлечения преступников к ответственности.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 25.12.2023) // СПС «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 04.03.2024).
2. Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности» от 12.08.1995 № 144-ФЗ (ред. от 29.12.2022 г.) // СПС «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 04.03.2024).
3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 31.10.1995 № 8 (ред. от 03.03.2015) «О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия» // СПС «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 04.03.2024).
4. Гушин А. Н. Проблемы использования результатов оперативно-розыскной деятельности в доказывании по уголовным делам : дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2002, 180 с.
5. Зажицкий В. И. Оперативно-розыскная деятельность и уголовное судопроизводство // Российская юстиция. 2001. № 3. С. 45–47.

УДК 343.9

Сухов Александр Олегович

аспирант, Российская таможенная академия

г. Люберцы, Российская Федерация

sanysuchov@mail.ru

Криминалистическое значение обстановки совершения контрабанды наличных денежных средств и (или) денежных инструментов

Аннотация: В статье рассматриваются факторы обстановки совершения контрабанды наличных денежных средств и (или) денежных инструментов в современных условиях на международном, государственном, региональном и местном уровнях, предлагается ряд конкретных рекомендаций по повышению эффективности выявления, раскрытия, расследования и предупреждения данных преступлений.

Ключевые слова: контрабанда наличных денежных средств и (или) денежных инструментов, криминалистическая характеристика, обстановка совершения преступлений, факторы обстановки совершения преступлений.

Sukhov Alexander Olegovich

postgraduate student, Russian Customs Academy

Lyubertsy, Russian Federation

The forensic significance of the situation of smuggling of cash and monetary instruments

Annotation: The article examines the factors of the situation of smuggling of cash and monetary instruments in modern conditions at the international, state, regional and local levels,

offers a number of specific recommendations to improve the effectiveness of detection, disclosure, investigation and prevention of these crimes.

Keywords: *smuggling of cash and monetary instruments, forensic characteristics, the situation of committing crimes, factors of the situation of committing crimes.*

Контрабанда наличных денежных средств и (или) денежных инструментов наносит весьма существенный ущерб экономическим интересам государства. Уголовная ответственность за нее предусмотрена ст. 200.1 Уголовного кодекса Российской Федерации [12] (далее – УК РФ), а производство неотложных следственных действий возложено на таможенные органы. За период 2015-2022 годы органами дознания ФТС России по ст. 200.1 УК РФ возбуждено соответственно 78, 44, 49, 62, 54, 54, 71, 80 уголовных дел [14, с. 43]. Однако приведенные данные ни в коем случае не отражают истинного состояния контрабанды наличных денежных средств и (или) денежных инструментов, поскольку таможенные преступления высоко латентны и, как отмечается в литературе, ежегодно выявляется их не более 10% [3, с. 23–24]. В этой связи разработка рекомендаций по выявлению, раскрытию, расследованию и предупреждению рассматриваемых преступлений весьма актуальна.

Одно из направлений в решении данной проблемы – анализ элементов криминалистической характеристики контрабанды наличных денежных средств и (или) денежных инструментов, позволяющий получить информацию о преступлении. Существенным элементом криминалистической характеристики является обстановка совершения деяния, представляющая систему взаимосвязанных экономических, социальных, правовых, организационных, природно-географических факторов, в которых осуществляется деятельность по подготовке, совершению и сокрытию преступления. Они весьма многочисленны и проявляются на международном, государственном, региональном и местном уровнях. Их выявление и анализ способствует успешной борьбе с рассматриваемыми преступлениями.

Международный уровень характеризуется экономическими, социальными, правовыми, организационными и природно-географическими факторами.

Экономические факторы включают:

- нестабильность российской национальной валюты по отношению к валютам иных государств;
- разницу в цене на товары в Российской Федерации и других государствах.

Курс российской национальной валюты не стабилен и подвержен колебаниям. Как сообщает издание Bloomberg, российский рубль в 2023 году ослаб по отношению к доллару на 24% и вошел в тройку «худших валют развивающихся рынков» вместе с турецкой лирой и аргентинским песо [15].

Анализ практики расследовании показывает [11], что контрабанда, как правило, совершается при перемещении наиболее устойчивых валют: долларов США, евро и китайских юаней. В этой связи следует обращать более тщательное внимание на лиц, перемещающих указанные валюты.

Разница в цене на товары в Российской Федерации и иностранных государствах также способствует совершению контрабанды наличных денежных средств, что характерно для граждан Китайской Народной Республики, ввозящих на территорию Российской Федерации денежные средства с целью приобретения товаров.

Социальные факторы связаны с состоянием взаимосвязей Российской Федерации с иностранными государствами. События, связанные с украинским кризисом, привели к ухудшению экономических, научных, культурных и других связей с государствами-членами Европейского союза и США и, наоборот, укреплению отношений с такими странами, как Китайская Народная Республика, Исламская Республика Иран, государствами-участниками Содружества Независимых Государств, что привело к совершению контрабанды денежных средств лицами, выезжающими в эти страны или прибывающими из них.

Правовые факторы определяются наличием договоров Российской Федерации с другими государствами о взаимной правовой помощи в таможенных делах. Подобные договора заключены всего с 62 государствами из 104, с которыми возможно сотрудничество в рамках иных соглашений, в частности, договорами о взаимной правовой помощи по уголовным и административным делам [8, с. 36].

К организационным факторам следует отнести недостатки в области информационного обмена между правоохранительными органами Российской Федерации и зарубежных государств, включая и таможенные службы, что особенно актуально в настоящее время, когда по политическим причинам сотрудничество западных правоохранительных ведомств с их российскими коллегами затруднено, а в ряде случаев и вовсе прекращено. Так, например, прокуратуры Королевства Бельгии, Словацкой Республики, Республики Словения уведомили российскую сторону о прекращении взаимодействия не только в оказании правовой помощи по уголовным и административным делам, но и вообще в сфере правоохранительной деятельности [6, с. 88]. Прекращено действие Соглашения между Правительством Российской Федерации и Правительством Эстонской Республики о сотрудничестве и взаимной помощи в таможенных делах с 26 марта 2023 года [9].

Следует отметить, что если для других органов исполнительной власти (Министерство внутренних дел РФ, Министерство юстиции РФ) Правительством РФ утверждены типовые соглашения о сотрудничестве с соответствующими органами иностранных государств, то аналогичного типового соглашения для ФТС России не принято, хотя целесообразность и необходимость этого обосновывалась неоднократно [2, с. 16–17].

Природно-географические факторы обусловлены наличием значительного числа государств, с которыми Российская Федерация имеет общие границы: с 16 – сухопутные, с 2 – морские. Расположение России между Европой и Азией способствует транзитному перемещению контрабандно перевозимых наличных денежных средств и (или) денежных инструментов.

Применительно к *государственному уровню* следует указать на экономические, социальные и организационные факторы.

Экономические факторы проявляются в падении реальных доходов граждан России вследствие роста цен на товары, инфляции, потери работы, в частности, в результате проявления коронавируса COVID-19 и т. д.

Потребительские цены в России за последние годы весьма существенно выросли, а темпы инфляции весьма значительны, что приводит к падению реальных доходов населения и стремлению отдельных граждан поправить материальное положение за счет контрабандного перемещения наличных денежных средств.

Анализируя социальные факторы, следует, прежде всего, отметить стремление отдельных граждан покинуть Российскую Федерацию по различным причинам и переместить через таможенную границу наличные денежные средства в размере больше установленного лимита: \$10 тыс. долларов США. Это особенно проявилось в начале специальной военной операции. По данным Федеральной таможенной службы с 20 по 30 сентября 2022 года было выявлено 557 фактов нелегального перемещения наличных денежных средств через границу, что на 93% больше, чем за тот же период 2021 года [13].

Из организационных факторов следует отметить недостаточное взаимодействие правоохранительных органов Российской Федерации и иных служб (Генеральной прокуратуры РФ, Федеральной службы по финансовому мониторингу РФ, Министерства внутренних дел РФ, Федеральной службы безопасности РФ, Федеральной таможенной службы РФ, Следственного комитета РФ и др.) в борьбе с контрабандой наличных денежных средств и (или) денежных инструментов. Данное обстоятельство отметили 70 % опрошенных респондентов. Представляется, что необходимо разработать инструкцию по взаимодействию вышеуказанных органов и служб в борьбе с контрабандой наличных денежных средств и (или) денежных инструментов по аналогии с инструкцией по взаимодействию в сфере противодействия легализации (отмыванию) денежных средств или иного имущества, полученных преступным путем [10].

Региональный уровень характеризуется социальными, организационными и природно-географическими факторами.

К социальным факторам можно отнести наличие международных аэропортов в соответствующих регионах, через которые осуществляется международное перемещение лиц, имеющих денежные средства.

Организационные факторы проявляются в низком уровне взаимодействия региональных таможенных органов с иными правоохранительными органами и другими службами соответствующего региона (отметили 60 % опрошенных нами респондентов, а 40 % – высказали недовольство имеющимся уровнем взаимодействия).

Природно-географические факторы – наличие у того или иного региона государственной границы с зарубежными странами, имеющей пункты пропуска для международного перемещения лиц.

Исследованием установлено, что наибольшее количество преступлений по статье 200.1 УК РФ выявлено в Московской, Ленинградской, Ростовской, Новосибирской, Свердловской, Амурской областях, Приморском крае, Республиках Татарстан, Дагестан.

На *местном уровне (таможня, таможенный пост)* проявляются социальные, природно-географические и организационные факторы. Первые две группы связаны с расположением таможенных подразделений в международных портах, на государственной границе Российской Федерации, через которые осуществляется международное перемещение лиц.

Существенное значение для местного уровня имеют организационные факторы, в частности, техническая оснащенность таможенных подразделений, уровень профессиональной подготовки и квалификации их сотрудников, состояние взаимодействия с иными подразделениями и службами.

Исследованием установлено, что таможенные подразделения в большинстве аэропортов РФ оснащены иностранными техническими средствами досмотра пассажиров, ручной клади и багажа, грузов, почты и бортовых запасов, срок действия которых истекает. Продлить срок использования технических средств или получить новое оборудование из-за санкционной политики ряда западных государств и США весьма проблематично. В этой связи ассоциация «Аэропорт» в 2022 году обратилась в Министерство транспорта Российской Федерации, указав, что в связи со сложившейся ситуацией «...аэропорты будут вынуждены перейти на ручной и визуальный досмотр, что может привести к колоссальным многочасовым пробкам в зоне спецконтроля, а в некоторых случаях к непреднамеренным ошибкам» [1].

Что же касается уровня профессиональной подготовки и квалификации должностных лиц таможенных органов, то у сотрудников, осуществляющих таможенный контроль, отсутствуют знания о признаках денежных инструментов [7, с. 160] и возможности использования невербальной информации для выявления контрабандистов [4, с. 34–35]. В этой связи считаем целесообразным учесть изложенное при подготовке сотрудников таможенных органов, а в соответствующие подразделения разослать фотокопии денежных инструментов.

В процессе проведенного исследования выявлено, что некоторые дознаватели имеют слабые знания по методике расследования контрабанды наличных денежных средств и (или) денежных инструментов (отметили 32 % опрошенных респондентов). В связи с этим следует разработать спецкурс по методике раскрытия, расследования и предупреждения рассматриваемых преступлений для использования его в системе служебной подготовки и при преподавании в высших и средних учебных заведениях таможенной системы.

Существенное значение для борьбы с контрабандой наличных денежных средств и (или) денежных инструментов имеет состояние взаимодействия таможенных подразделений и служб, осуществляющих эту деятельность. При опросе дознавателей 19 % указали на сложности организации взаимодействия с оперативно-розыскными подразделениями, а 81 % – на трудности привлечения экспертов ЦЭКТУ ФТС к участию в следственных действиях в качестве специалистов и производству судебных экспертиз. В этой связи мы разделяем позицию В. А. Жбанкова, В. И. Козлова, А. В. Табакова о воссоздании в УТРД ФТС криминалистических подразделений [5, с. 83].

Таким образом, при разработке рекомендаций по выявлению, раскрытию, расследованию и предупреждению контрабанды наличных денежных средств

и (или) денежных инструментов существенное значение имеет выявление и исследование экономических, социальных, правовых, организационных, природно-географических факторов обстановки совершения преступления. Указанные факторы, с одной стороны, учитываются контрабандистами при совершении преступлений, а с другой, – сотрудниками правоохранительных органов при их выявлении, раскрытии, расследовании и предупреждении.

Анализ рассмотренных факторов позволил сформулировать ряд рекомендаций по повышению эффективности раскрытия, расследования и предупреждения контрабанды наличных денежных средств и (или) денежных инструментов.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Аэропорты теряют рамки // Официальный сайт общественно-политической газеты «Коммерсантъ». URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5354737> (дата обращения: 10.04.2024).

2. Гусев А. В. Некоторые вопросы совершенствования форм и направлений деятельности правоохранительных органов исполнительной власти в рамках международных договоров межведомственного характера // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2015. № 3. С. 12–19.

3. Жбанков В. А. Криминалистическая характеристика таможенных преступлений: монография. М. : Изд-во Российской таможенной академии. 2013. 184 с.

4. Жбанков В. А., Авдонин В. А. Специфика личности преступника при расследовании таможенных преступлений : монография. М. : РИО Российской таможенной академии. 2017. 124 с.

5. Жбанков В. А., Козлов В. И., Табаков А. В. Организационно-структурные проблемы технико-криминалистического обеспечения подразделений дознания таможенных органов // Вестник Российской таможенной академии. 2019. № 4. С. 77–84.

6. Карлеба В. А. Международное сотрудничество в сфере уголовного судопроизводства – новые реалии // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2022. № 8. С. 87–90.

7. Марковский М. С. Проблемы определения предмета контрабанды наличных денежных средств и (или) денежных инструментов // Вестник Томского государственного университета. 2015. № 393. С. 158–163.

8. Овчинников С. Н., Атаманчук В. В. Международные договоры о правовой помощи в правоохранительной деятельности таможенных органов Российской Федерации // Право и политика. 2022. № 2. С. 30–39.

9. Официальное сообщение Министерства иностранных дел Российской Федерации «О прекращении действия Соглашения между Правительством Российской Федерации и Правительством Эстонской Республики о сотрудничестве и взаимной помощи в таможенных делах, подписанного в Москве 8 июня 1999 года» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202303300001> (дата обращения: 10.04.2024).

10. Приказ Генпрокуратуры России № 511, Росфинмониторинга № 244, МВД России № 541, ФСБ России № 433, ФТС России № 1313, СК России № 80 от 21.08.2018 «Об утверждении Инструкции по организации информационного взаимодействия в сфере противодействия легализации (отмыванию) денежных средств или иного имущества, полученных преступным путем» // Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации. URL: <http://docs.cntd.ru/document/553942026> (дата обращения: 10.04.2024).

11. Судебная практика по ч. 1,2 ст. 200.1 Уголовного кодекса Российской Федерации // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 10.04.2024).

12. Уголовный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 13.06.1996 № 63 (ред. от 06.04.2024) // Собрание законодательства. 1996. № 25. Ст. 2954.

13. ЦБ разрешил вывозить за границу больше 10000 долларов: проверяем новшество // Официальный сайт общественно-политической газеты «Московский комсомолец». URL: <https://www.mk.ru/economics/2022/10/19/cb-razreshil-vyvozit-za-granicu-bolshe-10000-dollarov-proveryaem-novshestvo.html?ysclid=llzckmttbv970198503> (дата обращения: 10.04.2024).

14. Юзиханова Э. Г. Деятельность органов Федеральной таможенной службы в условиях специальной военной операции // Научные труды Российской таможенной академии. Вып. 1: по материалам Международной научно-практической конференции «Шумиловские чтения 2022». 2022 г. С. 42–45.

15. Bloomberg включил рубль в тройку худших валют развивающихся стран // Официальный сайт РБК. URL: <https://www.rbc.ru/economics/09/08/2023/64d3adae9a7947c480cabe1c> (дата обращения: 10.04.2024).

СЕКЦИЯ 5

ПРОБЛЕМЫ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ И ЗАЩИТЫ ГРАЖДАНСКИХ, СЕМЕЙНЫХ И ТРУДОВЫХ ПРАВ

УДК 347.24

Нестеров Денис Олегович

юрист, ООО «ЭТАЖИ БИЗНЕС ПРОСТРАНСТВО»

г. Кострома, Российская Федерация

ndeniska@yandex.ru

Злоупотребления правом в сфере недвижимого имущества и земельных отношений

Аннотация: В статье рассматриваются наиболее распространенные в юридической практике нарушения в сфере гражданского оборота недвижимого имущества. При этом затрагиваются вопросы уголовной, административной и гражданско-правовой ответственности за злоупотребления в сфере недвижимости.

Ключевые слова: недвижимость, земельные отношения, жилищное законодательство, юридическая ответственность.

Nesterov Denis Olegovich

lawyer, the company “Floors”

Kostroma, Russian Federation

Abuse of law in the field of real estate and land relations

Annotation: The article examines the most common violations in the field of civil turnover of real estate in legal practice. At the same time, the issues of criminal, administrative and civil liability for abuse in the field of real estate are raised.

Keywords: real estate, land relations, housing legislation, legal liability.

Регулирование правоотношений, касающихся недвижимого имущества и земельных отношений, осуществляется гражданским, земельным, жилищным, градостроительным, а также специальным законодательством, регулирующим регистрацию сделок с недвижимостью, кадастровый учет, оценку, строительство и ввод в эксплуатацию и другие вопросы. Особенностью защиты указанных правоотношений является бланкетный (отсылочный) характер уголовного и административного законодательства в данной сфере.

Так, в соответствии со статьей 74 Земельного кодекса Российской Федерации лица виновные совершении земельных правонарушений, несут административную или уголовную ответственность, при этом факт привлечения к данной ответственности не освобождает виновного от обязанности устранить допущенные земельные правонарушения и возместить причиненный ими вред [1].

Защита жилищных прав в соответствии со статьей 11 Жилищного кодекса Российской Федерации (далее по тексту – ЖК РФ) осуществляется в судебном либо административном порядке путем признания права, восстановления положения, существовавшего до нарушения, прекращения или изменения жилищного правоотношения, признания недействительным (неприменения) нормативных правовых актов государственного органа, органа местного самоуправления и других способов в соответствии со статьей 12 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее по тексту – ГК РФ) – способы защиты гражданских прав [2].

Общей особенностью рассматриваемых злоупотреблений является то, что все они так или иначе связаны с публичными и административно-распорядительными властными правоотношениями, придающими данным нарушениям публично-правовой характер.

В первую очередь следует отметить такое злоупотребление как – «Регистрация незаконных сделок с недвижимым имуществом» – статья 170 Уголовного кодекса РФ (далее – УК РФ), предполагающая ответственность за регистрацию заведомо незаконных сделок с недвижимым имуществом, умышленное искажение сведений государственного кадастра недвижимости и (или) Единого государственного реестра прав на недвижимое имущество и сделок с ним, а равно занижение кадастровой стоимости объектов недвижимости, если эти деяния совершены из корыстной или иной личной заинтересованности должностным лицом с использованием своего служебного положения» [3].

Ответственность за данное преступление наступает вследствие отступления от требований Гражданского права и нормативно правовых актов регулирующих регистрацию сделок с недвижимостью.

Так, право собственности и другие вещные права на недвижимые вещи, ограничения этих прав, их возникновение, переход и прекращение подлежат государственной регистрации в едином государственном реестре (ЕГРН) органами, осуществляющими государственную регистрацию прав на недвижимость и сделок с ней.

Согласно статье 131 ГК РФ регистрации подлежат: право собственности, право хозяйственного ведения, право оперативного управления, право пожизненного наследуемого владения, право постоянного пользования, ипотека, сервитуты, а также иные права в случаях, предусмотренных Кодексом и иными законами [4].

Процедура регистрации сделок с недвижимым имуществом, в частности с земельными участками осуществляется в соответствии с Федеральным законом от 13.07.2015 № 218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости».

На органы, осуществляющие государственную регистрацию сделок с земельными участками возложена обязанность проверять законность совершаемых и регистрируемых сделок. Следовательно, любой вид злоупотребления правом или полномочиями в рассматриваемой сфере должностными лицами регистрирующих органов (Росреестр) так или иначе может содержать объективные признаки преступления, предусмотренного статьей 170 УК РФ.

В результате таких злоупотреблений нарушаются не только интересы граждан на реализацию прав и защита прав на недвижимое имущество, но и, в частности, нарушаются интересы государства, так, например занижение кадастровой стоимости приводит и снижению налогов, поступающих в государственный бюджет.

Кроме указанного состава, УК РФ также устанавливает ответственность за мошенничество (статья 169), уничтожение и повреждение имущества (статьи 167–168), а также ответственность за нарушение неприкосновенности жилища (статья 139).

В отличие от уголовного, административное законодательство содержит более широкий и специфичный перечень правонарушений, которые можно квалифицировать как нарушения в сфере недвижимого имущества, земельных отношений (в том числе землепользования).

Наибольшее количество таких правонарушений содержится в главе 7 Кодекса об административных правонарушениях, среди них можно выделить следующие: статья 7.1. – самовольное занятие земельного участка, статья 7.21. – нарушение правил пользования жилыми помещениями, самовольные переустройство и (или) перепланировка помещения в многоквартирном доме, статья 7.22. – нарушение правил содержания и ремонта жилых домов и (или) жилых помещений и другие [5].

Из названных правонарушений видно, что отдельные злоупотребления в сфере недвижимости тесно связаны с жилищно-правовыми правоотношениями, за которые предусмотрена в том числе гражданско-правовая ответственность. Гражданско-правовая ответственность в сфере жилищных правоотношений наступает за совершение противоправных сделок с жилыми помещениями или за причинение вреда жилищному фонду.

При этом, в качестве противоправных действий, подлежащих санкциям гражданского законодательства, можно отметить: невнесение нанимателем жилого помещения платы по соответствующим платежам более чем за шесть месяцев, если иное не предусмотрено договором найма, порча или разрушение жилого помещения, систематическое нарушение прав и интересов соседей, использование жилого помещения (квартиры, дома) не по назначению.

За указанные выше правонарушения гражданское законодательство предусматривает санкции вплоть до выселения граждан из занимаемых ими жилых помещений, при этом, по решению суда нарушителям может быть предоставлена необходимая отсрочка для устранения допущенных нарушений.

Например, за незаконную перепланировку или переустройство произведенных в квартирах граждан без согласования с органами местного самоуправления, в соответствии с ч. 5 статьи 29 ЖК РФ предусмотрено лишение права собственности, с принудительной продажей такого помещения на публичных торгах, а в отношении нанимателя по договору социального найма, соответственно расторжение договора.

Однако согласно ч. 4 статьи 29 ЖК РФ имеется возможность узаконить изменения в квартире в судебном порядке, если этим не нарушаются права и законные интересы граждан либо это не создает угрозу их жизни или здоровью.

При заключении сделки с недвижимостью (в том числе земельными участками), которая не соответствует требованиям закона, для ее участников может наступить гражданско-правовая ответственность в виде признания сделки ничтожной (недействительной).

Последствиями признания сделки недействительной является двусторонняя реституция – обязанность для каждой из сторон возврата, полученного в результате заключения сделки (например, покупатель обязан вернуть продавцу жилое помещение, а последний, соответственно денежные средства).

Необходимо также отметить и ответственность застройщика перед участниками долевого строительства – довольно часто встречающаяся ситуация в наши дни.

Федеральный закон от 30.12.2004 № 214-ФЗ «Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации» в статье 10 определяет, что в случае неисполнения или ненадлежащего исполнения обязательств по договору сторона, не исполнившая своих обязательств или ненадлежаще исполнившая свои обязательства, обязана уплатить другой стороне предусмотренные настоящим Федеральным законом и указанным договором неустойки (штрафы, пени) и возместить в полном объеме причиненные убытки сверх неустойки.

Таким образом если застройщик ненадлежащим образом исполнил или не исполнил обязательства по договору, то дольщик может защитить свои права в рамках досудебного и судебного урегулирования спора.

Отдельно хочется остановиться на публично-правовом характере злоупотреблений в сфере недвижимости и земельных отношений, специфика которых сводится к следующему:

- злоупотребления должностными полномочиями, не принимающими характер правонарушения, но явно имеющие целью обход закона;

- действия в частных интересах, связанные с немотивированным отказом или прекращением прав физических и юридических лиц, создающие препятствия в реализации их прав на пользование и распоряжение земельными участками, жилыми и нежилыми объектами недвижимости (к примеру прекращение прав частных лиц на использование земельных участков, отказ от перераспределения, оформления в собственность, аренду земель, отказ от ввода в эксплуатацию объектов и реконструкции).

Отличительным признаком таких злоупотреблений со стороны должностных лиц и органов государственной либо муниципальной власти является то, что при реализации полномочий органами публичной власти обладатели полномочий не могут действовать в своем интересе (в отличие от злоупотребления правом частными лицами, которое всегда происходит при реализации субъективных прав, лицо при этом действует в своем интересе), а обязаны принимать решения, направленные на реализацию интересов граждан, организаций, общества, государства.

При этом само злоупотребление зачастую происходит, когда обладатель властных полномочий действует исходя из неверного понимания и толкования общих интересов.

Поэтому в процессе реализации полномочий органами публичной власти возможны процедурные нарушения и выходы за пределы закона, в том числе опираясь на локальные регламенты и правила.

Выходя за пределы закона, злоупотребления публичной власти могут выражаться как в незаконных действиях, так и в незаконном бездействии.

Одним из примеров незаконных действий органов муниципальной власти в области земельных правоотношений может служить принятие ненормативного акта органами местного самоуправления, посредством которого реализуются полномочия, закрепленные в законодательстве, по распоряжению земельными участками, находящимися в его ведении.

Судебная практика подтверждает наличие большого количество административных исков о признании ненормативного акта органа местного самоуправления недействительным.

Рассмотрение обозначенных проблем в реализации правоотношений в сфере недвижимости и земельных отношений, позволило сделать вывод о том, что злоупотребление правом в них может проявляться как со стороны собственников или иных правообладателей, так и со стороны публичных субъектов при осуществлении функций управления.

В свою очередь, злоупотребления со стороны должностных лиц носят наиболее распространенный характер. При этом функции государственных и муниципальных органов зачастую пересекаются и дублируются, а система взаимодействия налажена недостаточно.

Для того, чтобы урегулировать эту громоздкую систему необходимо нацелить ее на конечный результат – которым является обеспечение гарантий прав на недвижимое имущество всех участников правоотношений, а не исполнение конкретного административного регламента.

Качественное, целевое предоставление государственных (муниципальных) услуг создаст условия для реализации прав участников правоотношений в сфере недвижимости и земельных отношений, не только сократит количество административных исков на решения (бездействия) государственных (муниципальных) органов, но и послужит предпосылкой для сокращения тех или иных злоупотреблений, исключит административную либо гражданско-правовую ответственность в дальнейшем использовании имущества.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Земельный кодекс Российской Федерации : Федер. закон от 25 октября 2001 г. № 136-ФЗ : принят Гос. Думой 28 сент. 2001 г. : одобрен Советом Федерации 10 окт. 2001 г. (ред. от 14 февр. 2024 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 44. Ст. 4147.

2. Жилищный кодекс Российской Федерации : Федер. Закон от 29 дек. 2004 г. № 188-ФЗ : принят Гос. Думой 22 дек. 2004 г. : одобрен Советом Феде-

рации 24 дек. 2004 г. (ред. от 22 апр. 2024 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2005. № 1. Ст. 14.

3. Уголовный кодекс Российской Федерации : Федер. Закон от 13 июня 1996 г. : принят Гос. Думой 24 мая 1996 г. : одобрен Советом Федерации 5 июня 1996 г. (ред. от 6 апр. 2024 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954.

4. Гражданский кодекс Российской Федерации : Федер. Закон от 30 нояб. 1994 г. : принят Гос. Думой 22 дек. 1995 г. (ред. от 16 мая 2023 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. № 32. Ст. 3301.

5. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях : Федер. Закон от 30 дек. 2001 № 195 : принят Гос. Думой 20 дек. 2001 г. : одобрен Советом Федерации 26 дек. 2001 (ред. от 22 апр. 2024 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 1. Ст.1.

УДК 347.91/.95

Бекренев Павел Юрьевич

кандидат политических наук, доцент

Костромской государственной университет

г. Кострома, Российская Федерация

juristbekrenev@gmail.com

Нормативное регулирование, проблемы и пути совершенствования института приказного производства

***Аннотация:** В статье анализируется раздел гражданского процессуального права посвященный приказному производству. Рассматривается современная система приказного производства, теория и практика применения, разъяснения высших судов, а также актуальность вопроса, в том числе на основе статистических данных. Исследуются существующие в судебной практике проблемы приказного производства и пробелы законодательного регулирования. Предлагаются возможные пути развития законодательного регулирования, в том числе путем внесения изменений в действующее законодательство. Также предлагаются варианты внесения изменений в действующий Гражданский процессуальный кодекс.*

***Ключевые слова:** судебный приказ, приказное производство, обеспечительные меры, отмена судебного приказа, возражения на судебный приказ, злоупотребление правом.*

Bekrenev Pavel Yurievich

candidate of political sciences, associate

professor, Kostroma State University

Kostroma, Russian Federation

Regulatory regulation, problems and ways to improve the institution of writ production

Annotation: *The article analyzes the section of civil procedural law devoted to writ proceedings. The modern system of writ proceedings, theory and practice of application, explanations of the higher courts, as well as the relevance of the issue, including on the basis of statistical data, are considered. The problems of writ proceedings existing in judicial practice and gaps in legislative regulation are investigated. Possible ways of developing legislative regulation are proposed, including through amendments to the current legislation. There are also options for making changes to the current Code of Civil Procedure.*

Keywords: *court order, writ proceedings, interim measures, cancellation of a court order, objections to a court order, abuse of right.*

В настоящее время приказное производство занимает большую часть нагрузки мировых судей. О значении приказного производства также говорит и статистика. Так, в 2021 году количество вынесенных судебных приказов достигало 90,4 % от общего числа дел, рассмотренных мировыми судьями с вынесением решения (16 млн 518 тыс. дел). В 2022 году общее количество гражданских и административных дел, которые были рассмотрены мировыми судьями в порядке приказного производства составило 19 млн. 537 тыс. Значительное увеличение заявлений о выдаче судебного приказа подтверждает информацию о том, что более половины гражданских дел, находящихся в производстве мировых судей рассматриваются именно посредством института приказного производства. Исходя из этого стоит отметить, что приказное производство как институт гражданского права является востребованным и эффективным, в связи с чем следует принимать меры по его усовершенствованию.

Понятие судебного приказа закреплено законодателем в Гражданском процессуальном кодексе Российской Федерации (далее – ГПК РФ). Так, согласно ч. 1 ст. 121 ГПК РФ судебный приказ – судебное постановление, вынесенное судьей единолично на основании заявления о взыскании денежных сумм или об истребовании движимого имущества от должника по требованиям, предусмотренным статьей 122 настоящего Кодекса, если размер денежных сумм, подлежащих взысканию, или стоимость движимого имущества, подлежащего истребованию, не превышает пятьсот тысяч рублей [3]. Также понятие судебного приказа закреплено в ч. 1 ст. 123.1 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации (далее КАС РФ), а именно судебный приказ – судебный акт, вынесенный судьей единолично на основании заявления по требованию взыскателя о взыскании обязательных платежей и санкций [4].

Исходя из анализа вышеуказанных понятий следует сделать вывод о том, что законодатель дает нам практически идентичные понятия и разницу между ними можно проследить только в предмете разбирательства. В каждом кодексе дано понятие исходя из специфики общественных отношений, которые они регулируют.

Рассмотрение гражданских дел о выдаче судебного приказа ГПК РФ четко относит к подсудности мирового судьи. При этом, рассмотрение заявлений о вынесении судебного приказа по требованиям о взыскании обязательных платежей и санкций КАС РФ также относит к компетенции мирового судьи.

Согласно законодательному определению судебный приказ – это судебный акт, следовательно, им заканчивается рассмотрение дела. Однако судебный

приказ имеет ряд отличий от других судебных постановлений, которые являются итоговыми при рассмотрении дел в исковом производстве.

Одной из важнейших особенностей является бесспорность требований, которые рассматриваются в порядке приказного производства.

Так, согласно п. 3 Постановления Пленума Верховного суда Российской Федерации от 27 декабря 2016 года № 62 «О некоторых вопросах применения судами положений Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации и Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации о приказном производстве» [6] бесспорными являются требования, подтвержденные письменными доказательствами, достоверность которых не вызывает сомнений, а также признаваемые должником.

«Спор между кредитором и должником существует, ибо в противном случае не было бы проблем с исполнением этой сделки. Но доказательства сделки для суда бесспорны, поэтому суд и выносит приказ без рассмотрения дела по существу» [7, с. 153].

Отсутствие спора о праве не влечет за собой необходимость для проведения судебного разбирательства, однако следует отметить, что наличие спора о праве согласно п. 3 ч. 3 ст. 125 ГПК РФ, а также п. 3 ч. 3 ст. 123.4 КАС РФ является основанием для отказа в принятии заявления о выдаче судебного приказа.

Бесспорность требований в приказном производстве носит «субъективный, оценочный характер» [2, с. 37–62], следовательно, мировой судья при рассмотрении заявления о выдаче судебного приказа принимает решение только на основании своего внутреннего убеждения.

Приказное производство является молодым институтом в законодательстве России. В связи с этим в положениях о приказном производстве существует определенное количество проблем. Так, мировой судья при рассмотрении гражданских и административных дел в порядке приказного производства сталкивается с проблемами, которые требуют внимания и законодательного решения.

В частности, согласно п. 27 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27.12.2016 № 62 «О некоторых вопросах применения судами положений Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации и Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации о приказном производстве» [6] применение мировым судьей обеспечительных мер в ходе приказного производства не допускается.

При этом следует отметить, что отсутствие в приказном производстве института обеспечительных мер значительно ущемляет права взыскателя.

В соответствии со ст. 139 ГПК РФ [3] суд по заявлению лиц, участвующих в деле, может принять меры по обеспечению иска.

Так, исходя из анализа определения обеспечительных мер, установленно законодательством, следует сделать вывод о том, что они являются одним из способов для сохранения предмета в том случае, если один из участников гражданского спора уклоняется, либо, по мнению другой стороны, может предпринять меры к уклонению от исполнения обязательств.

В связи с тем, что законодатель не предусматривает для приказного производства положений об обеспечительных мерах, по мнению О. А. Бахаревой, «у должника после получения копии судебного приказа появляется возможность в течение десяти дней со дня получения копии приказа избавиться от истребуемого имущества или взыскиваемых денежных средств, на которые обращено взыскание, а в будущем затруднить или привести к невозможности исполнение судебного приказа либо возможного решения суда при обращении взыскателя с иском в порядке искового производства» [1, с. 32–35].

Следующей немаловажной проблемой, на которую следует обратить внимание, это извещение должника о вынесенном судебном приказе. Способ защиты должника в приказном производстве связан с датой получения им копии судебного приказа. Исходя из анализа положений законодательства о приказном производстве можно установить, что законодателем не предусмотрено регулирование вопросов, связанных с установлением места жительства должника на момент вынесения судебного приказа.

Также, как указывает в своей научной статье О. В. Журкина «встречаются случаи, когда по возвращении судебной корреспонденции (копии судебного приказа, направленной должнику) с указанием причины невручения «должник не проживает по указанному адресу» после вынесения судебного приказа выясняется, что должник никогда не значился зарегистрированным и не значится зарегистрированным на момент подачи заявления о выдаче судебного приказа на территории судебного участка или судебного района, ввиду этого суд не располагает сведениями о месте нахождения должника» [8, с. 27–29].

Так в судебной практике имеются случаи, когда взыскатель указывает адрес регистрации должника, который в последствие был изменен и фактически должник о судебном приказе узнал только в ходе его исполнения.

Так, по мнению М. К. Мамедовой и Н. С. Даххаевой, «в законе не содержится нормы, регламентирующей правовые последствия в том случае, если должник не проживает по указанному адресу и копия судебного приказа будет им не получена либо получена значительно позже» [5, с. 32–35]. Нормы регулирующие эти вопросы помогли бы усовершенствовать институт приказного производства на стадии извещения должника о вынесенном судебном приказе, а также устранить затягивание судебного процесса и процесса исполнения, вынесенного мировым судьей судебного приказа.

Таким образом, для решения выявленной нами проблемы, предлагаем внести некоторые изменения в положения ст. 126 ГПК РФ. А именно, уполномочить мирового судью устанавливать место регистрации, либо пребывания должника. Например, предлагается разрешить мировому судье делать запросы адресно – справочной информации в органы, которые уполномочены предоставлять данную информацию. В связи с чем предлагается увеличить срок для вынесения судебного приказа мировым судьей до 10 дней.

Еще одной проблемой, которая играет большую роль в осуществлении мировым судьей процедуры правосудия в порядке приказного производства, является отсутствие в законодательстве положений о мотивированности возражений относительно исполнения судебного приказа, которые должник вправе

подать в течение десяти дней с момента получения копии судебного приказа.

В связи с тем, что в законодательстве отсутствует положение о мотивированности возражений относительно исполнения судебного приказа, по мнению О. А. Бахарева, «должники необоснованно подают возражения, только чтобы не исполнять вынесенный судебный приказ и тем самым затянуть удовлетворение требования взыскателя» [1, с. 32–35].

Согласно принципу состязательности в гражданском процессуальном праве «каждая из сторон должна доказать те обстоятельства, на которые она ссылается как на основание своих требований и возражений» [3].

Таким образом, следует сделать вывод о том, что должнику в нарушение принципов состязательности добросовестности в гражданском процессе законодатель дает право предоставлять немотивированные возражения относительно исполнения судебного приказа, что в отдельных случаях приводит к злоупотреблениям и затягиванию судебного процесса.

В целях оптимизации института приказного производства и пресечения злоупотребления процессуальным правом должниками, предлагаю внести изменения в ст. 128 ГПК РФ, и изложить положения ст. 128 ГПК РФ в следующей редакции:

«1. Судья в пятидневный срок со дня вынесения судебного приказа высылает копию судебного приказа должнику, который в течение десяти дней со дня получения приказа имеет право представить мотивированные возражения относительно его исполнения.

2. Возражения относительно исполнения судебного приказа должны содержать сведения о причинах, по которым должник не согласен с заявленными взыскателем требованиями, к возражениям должны быть приложены копии документов, подтверждающих, указанные должником причины (если такие имеются).

3. Если должником поданы немотивированные возражения, то они подлежат возвращению, о чем судья выносит соответствующее определение».

Таким образом, возможно сделать вывод о том, что институт приказного производства имеет ряд проблем, которые требуют внимания со стороны законодателя. В некоторых случаях данные проблемы приводят к злоупотреблению процессуальным правом со стороны должника, в некоторых со стороны взыскателя. Наиболее эффективным методом решения вышеуказанных проблем является изучение и анализ судебной практики, что может способствовать выявлению данных проблем и формированию предложений направленных на оптимизацию приказного производства.

Реализации новых, предложенных нами, редакций позволит повысить эффективность данного института гражданского процессуального права и разрешить ряд проблемных вопросов, которые связаны как с вынесением судебных приказов, так и с их исполнением.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Бахарева О. А. Приказное производство в современном гражданском процессуальном праве Российской Федерации: перспективы развития // Мировой судья. 2020. № 9. С. 32–35.

2. Бортникова Н. А. Упрощенное производство в гражданском судопроизводстве // СПС «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 04.03.2024).

3. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 137-ФЗ (ред. от 08.12.2020, с изм. от 12.01.2021) // СПС «КонсультантПлюс». URL: <http://consultant.ru> (дата обращения: 04.03.2024).

4. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 08.03.2015 №21-ФЗ (ред. от 08.12.2020) // СПС «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 04.03.2024).

5. Мамедова М. К., Даххаева Н. С. Проблемы приказного производства в российском гражданском процессе // Юридический вестник ДГУ. 2019. Т. 30, № 2. С. 96–99.

6. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 декабря 2016 года № 62 «О некоторых вопросах применения судами положений Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации и Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации о приказном производстве» // СПС «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 04.03.2024).

7. Решетникова И. В., Ярков В. В. Гражданский процесс : (Краткие учебные курсы юридических наук). 7-е изд., перераб. М. : Норма : Инфра-М, 2018. 153 с.

8. Журкина О. В. Актуальные вопросы приказного производства: практический аспект // Российская юстиция. 2019. № 10. С. 27–29.

УДК 347.441.42

Плюснина Ольга Витальевна

кандидат юридических наук, доцент

заведующий кафедрой Теории

и истории государства и права

Костромской государственной университет

г. Кострома, Российская Федерация

o_plusnina@ksu.edu.ru

Безрукавая Полина Павловна

магистрант, Костромской государственной университет

г. Кострома, Российская Федерация

pollibz@mail.ru

Некоторые аспекты регламентации добросовестности сторон при осуществлении гражданских прав в условиях реализации принципа свободы договора

Аннотация: В настоящей статье приведено исследование теоретических аспектов природы принципа свободы договора, определено место договора в системе правового регу-

лирования. В работе затрагиваются вопросы договорного регулирования в условиях реализации принципа свободы договора в индивидуально-правовом регулировании. Определен спектр составляющих рассматриваемого принципа, определена правовая основа реализации принципа свободы договора. Основной акцент сделан на практических вопросах оценки необходимости и добросовестности субъектов правоотношений, осуществления реализации принципа свободы договора в индивидуально-правовом регулировании, а также защиты интересов индивидуальных субъектов правоотношений.

Ключевые слова: норма права, свобода договора, самостоятельность субъектов, добросовестность сторон, защита прав и законных интересов.

Plyusnina Olga Vitalievna

candidate of law, associate professor,
head of the department of Theory
and history of state and law
Kostroma State University
Kostroma, Russian Federation

Bezrukavaya Polina Pavlovna

undergraduate, Kostroma State University
Kostroma, Russian Federation

**Some aspects of the regulation of the good faith of the parties
in the exercise of civil rights in the context of the implementation
of the principle of freedom of contract**

***Annotation:** This article presents a study of the theoretical aspects of the nature of the principle of freedom of contract, defines the place of the contract in the system of legal regulation. The paper deals with the issues of contractual regulation in the context of the implementation of the principle of freedom of contract in individual legal regulation. The range of components of the principle under consideration is determined, the legal basis for the implementation of the principle of freedom of contract is determined. The main emphasis is placed on practical issues of assessing the necessity and integrity of subjects of legal relations, implementing the principle of freedom of contract in individual legal regulation, as well as protecting the interests of individual subjects of legal relations.*

***Keywords:** the rule of law, freedom of contract, independence of subjects, good faith of the parties, protection of rights and legitimate interests.*

Принцип свободы договора несомненно является одним из главенствующих в гражданском праве [1, с. 43]. Правовая постановка указанного принципа представляется одной из важнейших задач гражданского права, поскольку в сущности гражданское право проявляется в виде имущественного, товарно-денежного оборота, основой которого являются сделки и договоры.

Конституция Российской Федерации устанавливает, что в Российской Федерации гарантируются единство экономического пространства, свободное перемещение товаров, услуг и финансовых средств, поддержка конкуренции, свобода экономической деятельности (ст. 8), а также каждый имеет право на свободное использование своих способностей и имущества для предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности (ст. 34)

[2]. Данные положения являются конституционной основой принципа свободы договора.

Основные начала принципа свободы договора в гражданском праве установлены в статье 1 Гражданского кодекса РФ [4]. Законодателем в данной норме закреплено, что гражданское законодательство основывается на свободе договора как одном из базовых принципов, а также, указано, что граждане (физические лица) и юридические лица приобретают и осуществляют свои гражданские права своей волей и в своем интересе [3]. Они свободны в установлении своих прав и обязанностей на основе договора и в определении любых не противоречащих законодательству условий договора.

Ключевые условия рассматриваемого принципа конкретизированы в статье 421 ГК РФ следующим образом. Граждане и юридические лица свободны в заключении договора. Понуждение к заключению договора не допускается, за исключением случаев, когда обязанность заключить договор предусмотрена законодательством или добровольно принятым обязательством. Ко всему прочему, стороны могут заключать договоры как предусмотренные, так и не предусмотренные действующими нормативными правовыми актами, а также условия договора определяются по усмотрению сторон, кроме случаев, когда содержание соответствующего условия предписано законом или иными правовыми актами.

Проанализировав указанную норму Гражданского кодекса РФ, можно сделать вывод, что свобода договора проявляется в следующих аспектах:

- 1) свобода выбора контрагента;
- 2) свобода заключения договора и отсутствие принуждения ко вступлению в договорные отношения;
- 3) свобода определения юридической природы (характера) заключаемого договора;
- 4) свобода определения условий (содержания) заключаемого договора, за исключением императивно установленных законодательством.

Вместе с тем свобода договора имеет и другие проявления. Так, по общему правилу стороны договора своим соглашением могут расторгнуть (прекратить) его (п. 1 ст. 450 ГК РФ) [5].

По общему правилу, закрепленному в п. 4 ст. 421 Гражданского кодекса Российской Федерации, условия договора, заключаемого сторонами, определяются по усмотрению сторон, кроме случаев, когда содержание соответствующего условия предписано законом или иными правовыми актами.

Квалифицирующим признаком изложенной выше правовой нормы является наличие в согласованных условиях договора таких положений, которые бы имели прямое закрепление в действующем законодательстве.

При наличии закрепления положениями действующего законодательства права выбора сторонами договора условий соответствующего договора, в научной литературе, а также в судебной практике не сложилось единообразного подхода к способу оценки степени добросовестности сторон договора, а также уровня справедливости условий договора, что приводит к невозможности доказывания истинных причин действий сторон договора.

Эффективной является конкретизация критериев оценки выявленных признаков при рассмотрении спора, связанного с оценкой условий заключенного сторонами договора, в частности, с чем сравнивается степень справедливости условий договора для каждой из сторон, добросовестного поведения каждой из сторон в процессе подготовки, заключения договора и порядке реализации его условий.

Оценка степени добросовестности сторон, уровня справедливости условий договора реализуется посредством судебного контроля.

В действующей редакции Гражданского кодекса Российской Федерации договор, заключенный с нарушением требований законодательства в части содержания отдельных условий относится к числу оспоримых, подпадающим под возможное признание судом, посредством реализации судебного контроля и восстановления нарушенного права, недействительным, с последующей реституцией.

Таким образом, ввиду отсутствия законодательного закрепления рассматриваемых условий: добросовестность сторон, справедливость условий, исключается возможность сторон полноценной и всесторонней защиты своих интересов, обусловленных ведением хозяйственной деятельности.

В целях решения выявленной проблемы представляется возможным пункт 4 статьи 421 Гражданского кодекса Российской Федерации изложить в следующей редакции:

«Условия договора определяются по усмотрению сторон, кроме случаев, когда содержание соответствующего условия предписано законом или иными правовыми актами (статья 422). При определении условий договора предполагается справедливость условий договора и добросовестность сторон договора.

В случаях, когда условие договора предусмотрено нормой, которая применяется постольку, поскольку соглашением сторон не установлено иное (диспозитивная норма), стороны могут своим соглашением исключить ее применение либо установить условие, отличное от предусмотренного в ней. При отсутствии такого соглашения условие договора определяется диспозитивной нормой».

Изложенное обоснование внесения изменений в п. 4 ст. 421 ГК РФ позволяет конкретизировать механизм определения степени добросовестности сторон договора, уровня справедливости условий договора, что позволит обеспечить единообразие правоприменительной практики.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Журенко И. Н. Принципы гражданского права. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/printsipy-grazhdanskogo-prava> (дата обращения: 10.03.2024).

2. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации. Информационно-правовая система «Законодательство России». URL: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 01.02.2024).

3. Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 14 марта 2014 г. № 16 «О свободе договора и ее пределах // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_161322 (дата обращения: 15.03.2024).

4. Российская Федерация. Законы. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) : текст с изменениями и дополнениями на 14 апреля 2023 года : принят Государственной Думой 21 октября 1994 года // Официальный интернет-портал правовой информации. Информационно-правовая система «Законодательство России». URL: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 05.04.2024).

5. Российская Федерация. Законы. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) : текст с изменениями и дополнениями на 01 января 2022 года : принят Государственной Думой 22 декабря 1995 года // Официальный интернет-портал правовой информации. Информационно-правовая система «Законодательство России». URL: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 05.04.2024).

УДК 347.647.2

Васильева Ольга Михайловна

кандидат социологических наук, доцент
Казанский инновационный университет
имени В. Г. Тимирязова,
г. Казань, Российская Федерация
ovasileva@nzh.ieml.ru

**Проблемы признания совершеннолетних лиц недееспособными
вследствие психического заболевания и установления опеки
над такими лицами**

Аннотация: В статье рассмотрены некоторые проблемные аспекты правового регулирования признания совершеннолетних лиц недееспособными. Автор, анализирует действия лиц – участников правоотношений и предлагает возможные способы решения спорных ситуаций.

Ключевые слова: недееспособность граждан, признание недееспособным, опека.

Vasilyeva Olga Mihailovna

associate professor, Ph. D. of sociological sciences
Kazan Innovative University
named after V. G. Timiryasov
Kazan, Russian Federation

Problems of declaring adults as legally incompetent due to mental illness and the establishing of guardianship over such persons

Annotation: The article examines some problematic aspects of the legal regulation of recognizing adults as incompetent. The author analyzes the actions of persons participating in legal relations and suggests some possible ways to resolve disputable situations.

Keywords: legal incapacity of individuals, recognition as legally incompetent, guardianship.

В связи с ростом продолжительности жизни населения в Российской Федерации, недостаточной профилактикой и лечением заболеваний, приводящих к недееспособности человека, проблема защиты прав таких людей, в том числе с помощью института признания недееспособным и установления опеки является достаточно актуальной.

На начало 2023 года в Российской Федерации согласно данным Росстата для 58,7 тыс. человек впервые установлен диагноз психического заболевания. Из них диагноз «психоз» и «слабоумие» установлен впервые для 30,7 тыс. человек [2, с. 48]. Число пациентов, уже находящихся под диспансерным наблюдением с диагнозом «психозы» и «слабоумие», в конце 2022 года составило 419900 человек [2, с. 49]. Все эти люди уже признаны или могут быть признаны судом недееспособными, так как не могут отдавать отчет свои действиям, не в состоянии адекватно оценить свое состояние, не признают имеющуюся проблему со здоровьем. Согласно судебной статистике РФ за 2022 год было рассмотрено 30 267 дел о признании гражданина недееспособным, удовлетворено 29 610 дел, что составило 97 % [4]. Статистика судебных решений практически соответствует количеству установленных диагнозов. Однако до установления диагноза и обращения в суд близким заболевшего гражданина еще необходимо пройти долгий и трудный путь.

В соответствии со ст. 29 ГК РФ «гражданин может быть признан недееспособным», если он вследствие психического расстройства не понимает значения своих действий или не может ими руководить. Над таким гражданином «устанавливается опека» [1].

Порядок признания гражданина недееспособным определяется нормами Главы 31 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации. Круг физических лиц, которые могут подать заявление в суд о признании человека недееспособным, достаточно четко определен и ограничен. Суд рассмотрит заявление близких родственников, таковыми в ГПК РФ названы родители, дети, братья и сестры, и членов семьи. Категория «члены семьи» в ГПК РФ не раскрывается. Семейный кодекс РФ к членам семьи относит супругов, родителей, детей, братьев и сестер, дедушек и бабушек, фактических воспитателей, отчима, мачеху, пасынка и падчерицу. Это наиболее широкий перечень лиц, которые могут быть отнесены к членам семьи [3]. Эти люди названы членами семьи в Семейном кодексе, без указания о совместном проживании и привязки к ведению общего хозяйства.

Однако при подаче заявления в суд о признании человека недееспособным не все из лиц, называемых СК РФ, будут признаваться членами семьи. Ис-

ходя из сложившейся судебной практики членами семьи признаются только супруг (а) лица, страдающего психическим расстройством. Также уполномоченным лицом на подачу заявления может быть признан родственник, проживающий совместно с гражданином, ведущий с ним совместное хозяйство. Факт принадлежности к членам семьи необходимо отразить в заявлении, иначе суд откажет в рассмотрении заявления.

Федеральный закон «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании» определяет, что «лицо, которое может представлять интересы гражданина, нуждающегося в психиатрической помощи», это его «законный представитель» [6]. Законным представителем совершеннолетнего недееспособного является опекун. Если же недееспособность не установлена, то такой гражданин действует самостоятельно, «добровольно соглашаясь на оказание помощи, за исключением применения к нему принудительных мер медицинского характера, психиатрического освидетельствования без его согласия, оказания психиатрической помощи в амбулаторных» или диспансерных условиях, при госпитализации в недобровольном порядке [6]. Решение о таких мерах может принять суд, либо врачи-психиатры медицинской организации.

Если человек имеет близких родственников, признание его недееспособным и назначения ему опекуна не вызывает проблем. Близкие родственники – это делают в целях защиты его прав и представления его интересов либо фактически осуществляют функции опекуна, не обращаясь в суд и не инициируя признание его недееспособным.

Проблемы признания лица недееспособным и установления опеки возникают именно в случае, когда у лица, страдающего психическим расстройством, отсутствуют близкие родственники, и лица, которые признаются членами семьи. Только названные категории граждан могут подать заявление в суд.

Гражданский процессуальный кодекс РФ предусматривает также обращение в суд с заявлением о признании совершеннолетнего недееспособным органов опеки и попечительства, медицинские организации, соответствующего профиля, социальные учреждения, в котором проживает человек с расстройством психики. Однако, чтобы эти организации выступили с подобной инициативой, у них уже должна быть информация о пациенте и его диагнозе. В ситуации отсутствия у человека близких родственников и членов семьи такой информацией могут обладать лица, которые не могут самостоятельно обратиться в суд. Однако, для того чтобы суд признал доводы заинтересованных лиц, они должны быть соответствующим образом обоснованы: выписка из медицинской карты гражданина с заключением психиатра, постановка на учет в психоневрологическом диспансере с соответствующим диагнозом, а таких оснований у дальних родственников, которые не проживают с заболевшим, друзей, соседей, как правило, нет. В такой ситуации, согласно Закону, должны действовать медицинские организации, дома-интернаты, органы опеки и попечительства.

Срок рассмотрения дела о признании гражданина недееспособным – от двух до трех месяцев. Это связано с назначением и проведением экспертиз.

Еще необходимо время, чтобы был назначен опекун. Однако заболевший человек нуждается в поддержке и уходе еще до рассмотрения дела в суде.

Решается эта проблема в соответствии с «Правилами осуществления отдельных полномочий органов опеки и попечительства в отношении совершеннолетних недееспособных или не полностью дееспособных граждан образовательными организациями, медицинскими организациями, организациями, оказывающими социальные услуги, или иными организациями», утвержденными Постановлением Правительства Российской Федерации от 17.11.2010 № 927 [5]. Юридические лица, названные в данных правилах могут осуществлять полномочия по выявлению совершеннолетних недееспособных граждан. Для этого юридические лица должны заключить с органами опеки и попечительства заключить договор. Могут выявлять, но не обязаны. Обязанность выявлять и сообщать о лицах, нуждающихся в помощи, распространяется только на несовершеннолетних. Целью утвержденных Правительством Правил является необходимость решить проблемы дефицита кадров и иных ресурсов органов опеки, и попечительства, который сказывается на качестве осуществления их полномочий. Однако дефицит кадров, а также иных возможностей имеет место и в медицинских, социальных и образовательных организациях, что не способствует достижению заявленных в Правилах целей.

Согласно Федеральному закону РФ «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании» лицо, заинтересованное в оказании помощи заболевшему человеку, имеет возможность подать обоснованное «заявление о психиатрическом освидетельствовании лица без его согласия в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь» [6]. Решение принимает врач-психиатр при наличии в заявлении гражданина веских оснований, подробных сведений, обосновывающих такое освидетельствование. При отсутствии угрозы жизни заболевшего и опасности для окружающих решение об освидетельствовании принимает судья на основе мотивированного заключения врача-психиатра.

О том, что человек вследствие своего заболевания находится в трудной жизненной ситуации и нуждается в помощи можно заявить в орган опеки и попечительства. На основе данного сообщения орган опеки и попечительства должен предпринять меры к выявлению лица, нуждающегося в психиатрической помощи, и подать заявление в суд.

Представляется, что частичное решение проблемы сокращения срока между наступлением психического расстройства у гражданина, которое приводит к пороку воли, и решением суда, на основании которого назначается опекун, который, выступая в качестве законного представителя, обязан будет заботиться о медицинской помощи, социальном обслуживании подопечного, заключается в расширении применения института временного патронажа над совершеннолетними лицами, в отношении которых проверяются сведения о психическом расстройстве и необходимости признания недееспособным.

В целях защиты прав лица, в отношении которого решается вопрос о психиатрическом освидетельствовании без его согласия, рассматривается иск

о признании недееспособным, помощником не может быть назначено лицо, которое заявило о необходимости признания лица недееспособным.

Полагаем, что решение проблем оказания помощи одиноким лицам, страдающим деменцией, другими подобными расстройствами, необходимо рассматривать и в правовом аспекте.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 11.03.2024) // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ (дата обращения: 04.04.2024).

2. Здравоохранение в России. 2023 : стат. сб. Росстат. М., 2023. С. 48–49. URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Zdravoohran-2023.pdf> (дата обращения: 05.04.2024).

3. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 №N 223-ФЗ (ред. от 31.07.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 26.10.2023) // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8982 (дата обращения: 05.04.2024).

4. Судебная статистика РФ. URL: <https://stat.апипресс.пф/stats/gr/t/22/s/0> (дата обращения: 05.04.2024).

5. Постановление Правительства РФ от 17.11.2010 № 927 (ред. от 16.03.2024) «Об отдельных вопросах осуществления опеки и попечительства в отношении совершеннолетних недееспособных или не полностью дееспособных граждан (вместе с «Правилами подбора, учета и подготовки граждан, выразивших желание стать опекунами или попечителями совершеннолетних недееспособных или не полностью дееспособных граждан», «Правилами осуществления отдельных полномочий органов опеки и попечительства в отношении совершеннолетних недееспособных или не полностью дееспособных граждан образовательными организациями, медицинскими организациями, организациями, оказывающими социальные услуги, или иными организациями», «Правилами заключения договора об осуществлении опеки или попечительства в отношении совершеннолетнего недееспособного или не полностью дееспособного гражданина», «Правилами осуществления органами опеки и попечительства проверки условий жизни совершеннолетних недееспособных граждан, соблюдения опекунами прав и законных интересов совершеннолетних недееспособных граждан, обеспечения сохранности их имущества, а также выполнения опекунами или попечителями требований к осуществлению своих прав и исполнению своих обязанностей в отношении совершеннолетних недееспособных или не полностью дееспособных граждан», «Правилами ведения личных дел совершеннолетних недееспособных или не полностью дееспособных граждан») // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_107070/ (дата обращения: 05.04.2024).

6. Федеральный закон от 02.07.1992 № 3185-1 (ред. от 04.08.2023) «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании» //

УДК 347.7

Никиташенко Вадим Витальевич

аспирант, Ульяновский государственный университет

г. Ульяновск, Российская Федерация

nikitashenko73@gmail.com

**Некоторые теоретические аспекты
гражданско-правового механизма защиты
интеллектуальной собственности в электронной среде**

Аннотация: В статье представлены результаты комплексного научного исследования некоторых основополагающих теоретических аспектов, имеющих высокую значимость при разработке гражданско-правового механизма защиты интеллектуальной собственности в электронной среде. В данном научном труде, в частности, рассматриваются такие основополагающие вопросы, как вопрос о понятии и сущности гражданско-правового механизма защиты интеллектуальной собственности в электронной среде, а также вопрос о перечне субъектов, которые входят в рамки разрабатываемого механизма защиты интеллектуальной собственности в электронной среде и на которые данный механизм направляет свое действие.

Ключевые слова: интеллектуальная собственность, гражданско-правовой механизм, понятие механизма регулирования, субъекты правового механизма регулирования, защита интеллектуальных прав.

Nikitashenko Vadim Vitalievich

postgraduate, Ulyanovsk State University

Ulyanovsk, Russian Federation

**Some theoretical aspects of the civil law mechanism for the protection
of intellectual property in the electronic environment**

Annotation: The article presents the results of a comprehensive scientific study of some fundamental theoretical aspects that are of high importance in the development of a civil law mechanism for the protection of intellectual property in the electronic environment. This scientific work, in particular, examines such fundamental issues as the question of the concept and essence of the civil law mechanism for the protection of intellectual property in the electronic environment, as well as the question of the list of subjects that are included in the framework of the developed mechanism for the protection of intellectual property in the electronic environment and to which this mechanism directs its action.

Keywords: intellectual property, civil law mechanism, concept of regulatory mechanism, subjects of the legal regulatory mechanism, protection of intellectual right.

Развитие и массовое компьютерных и информационных технологий является одним из наиболее выдающихся достижений человечества последнего столетия. Современные компьютерные системы предоставляют обществу достаточно широкие возможности по их использованию. В частности, широкий круг людей получил возможность создавать и использовать интеллектуальную собственность и ее объекты. Сложно не согласиться с тем, что помимо множества положительных изменений в жизни общества, развитие и распространение компьютерных и информационных систем создали некоторые проблемы, в том числе правовые. Одной из таких важных и требующих внимания проблем является проблема защиты интеллектуальной собственности в электронной среде. Ее важность продиктована резким увеличением количества объектов интеллектуальной собственности, а также упрощением поиска и использования данных объектов. В связи с этим, перед научным сообществом и законодателями разных стран встает вопрос о создании и модернизации эффективных механизмов защиты. Одним из таких механизмов может стать гражданско-правовой механизм защиты интеллектуальной собственности в электронной среде.

Качественная проработка механизма защиты не может обойтись без выделения отдельного внимания некоторым теоретическим аспектам, без которых данный механизм не сможет использоваться максимально эффективно. Одной из таких важных вопросов проработки является проблемный вопрос о понятии данного механизма. Именно общепризнанный понятийный аппарат может содержать в себе цели, признаки и сущность работы всего механизма защиты. Представители научного сообщества непрерывно ведут дискуссии касаясь понятия различных гражданско-правовых механизмов. В связи с этим следует рассмотреть некоторые взгляды ученых и исследователей для синтеза понятия гражданско-правового механизма защиты интеллектуальной собственности в электронной среде.

Одним из ученых, уделяющих отдельное внимание данному проблемному вопросу, является В. Г. Голышев. В научном труде, посвященном проработке теоретических вопросов о понятии и структуре гражданско-правовых механизмов, автор исследования представляет понятие механизма. По мнению ученого, гражданско-правовой механизм регулирования общественных отношений представляет собой «совокупность средств, используемых в рамках данной отрасли права, обеспечивающих результативное правовое воздействие на общественные отношения» [1, с. 229]. Данное определение синтезировано автором на основании наличия в механизме эффективных элементов и правовых средств, которые призваны качественно и эффективно влиять на те или иные общественные отношения с целью их правового регулирования. Анализируя данное определение невозможно не согласиться с тем фактом, что гражданско-правовой механизм обладает большой структурой взаимосвязанных элементов, объединенных определенной целью, которая заключается в упорядочивании правоотношений.

Своим мнением касаясь понятия и сущности гражданско-правового механизма делится также ученый О. М. Родионова. В своем определении автор также, как и В. Г. Голышев, выделяет элементы механизма, как основу структу-

ры гражданско-правового механизма. Таким образом, исследователь предоставляет авторское определение. Гражданско-правовой механизм «представляет собой единство основных (нормы гражданского права) и вспомогательных (ненормативные регуляторы и цивилистическо-догматические конструкции) элементов, при помощи которых обеспечивается воздействие на имущественные и личные неимущественные отношения» [2, с. 11]. Анализируя данное понятие можно заметить различие подходов к определению между О. М. Родионовой и В. Г. Голышевым. Каждый из ученых рассматривает механизм, как совокупность взаимосвязанных элементов, однако О. М. Родионова более подробно раскрывает сущность элементов, а также указывает, на что именно происходит воздействие данных структурных единиц, раскрывая аспект влияния на общественные отношения.

Авторским мнением касаясь понятия механизма правового регулирования делится А. В. Малько. Свой взгляд, также, как и предыдущие исследователи, автор основывает на том, что правовой механизм регулирования представляет собой совокупность элементов, которые связаны между собой в единой системе. Таким образом, А. В. Малько определяет гражданско-правовой механизм, как систему правовых средств, которые «организованы наиболее последовательным образом в целях преодоления препятствий, стоящих на пути удовлетворения интересов субъектов права» [3, с. 227]. Как уже отмечалось ранее, ученый использует принцип системности в определении сущности гражданско-правового механизма. В отличие от предыдущих определений, данное включает в себя цель работы механизма, которую автор видит в удовлетворении интересов субъектов тех или иных правоотношений.

Рассматривая различные взгляды представителей научного сообщества на проблему понятия и сущности гражданско-правового механизма, можно сделать несколько выводов. Большинство ученых сходится во мнении о том, что гражданско-правовой механизм – это система взаимосвязанных элементов, каждый из которых выполняет определенную функцию, работая в механизме с целью качественного и эффективного правового регулирования тех или иных правовых отношений. В качестве отличительной черты каждого из рассмотренных определений, можно отметить, что исследователи в разной степени раскрывают как сами элементы, так и то, каким образом и на что именно влияют данные элементы. Из рассмотренных определений можно выделить термины, предлагаемые В. Г. Голышевым и О. М. Родионовой, как наиболее удачные, поскольку они сочетают в себе точное описание сущности механизма. Кроме того, важно отметить, что существует проблема в разности определений, применимых к тому или иному гражданско-правовому механизму регулирования. Для одних механизмов определения расходятся, для других определения вовсе не разработано, в частности, гражданско-правовой механизм защиты интеллектуальной собственности в электронной среде не имеет определения, поскольку механизм находится в стадии разработки.

Исходя из анализа научных трудов, рассмотрения доводов и мнений ученых появляется возможность синтезировать авторское определение гражданско-правового механизма защиты интеллектуальной собственности в электрон-

ной среде. Таким образом, он представляет собой совокупность основных и вспомогательных средств, и элементов, используемых в рамках гражданской отрасли права, при помощи которых обеспечивается результативное правовое воздействие на имущественные и личные неимущественные отношения в сфере защиты интеллектуальной собственности в электронной среде. Данное определение основано на наиболее удачных мнениях ученых и включает в себя как описание сущности механизма, так и цель его функционирования.

Не менее важным теоретическим вопросом, который требует внимания, является проблемный вопрос о субъектах гражданско-правового механизма защиты интеллектуальной собственности в электронной среде. Сложно не согласиться с тем, что данный вопрос обладает высокой степенью важности, поскольку субъекты – это лица, на которые направляет свое действие механизм. Без проработки вопроса о субъектах невозможно использование всего механизма. В связи с этим, стоит рассмотреть некоторые взгляды исследователей касаясь данного вопроса и определить круг субъектов, на которые распространяет свое действие гражданско-правовой механизм защиты интеллектуальной собственности в электронной среде.

Начать стоит с того, что субъекты разрабатываемого механизма – это субъекты правоотношений, связанных с интеллектуальной собственностью. Следовательно, рассматривать субъектный состав данного гражданско-правового механизма можно с позиции субъектного состава тех или иных правоотношений в сфере оборота и защиты интеллектуальной собственности.

Одним из исследователей, уделивших внимание данному вопросу, является М. В. Опарина. В перечне субъектов автор исследования проводит дифференциацию по признаку причастности к созданию и использованию объекта интеллектуальной собственности. Таким образом, М. В. Опарина выделяет 2 категории субъектов:

1) первичные субъекты (физические лица, благодаря творческому труду которых создан тот или иной объект интеллектуальной собственности, например, авторы, изобретатели, дизайнеры и другие);

2) производные субъекты (третьи лица, которые получают право на интеллектуальную собственность путем уступки прав, например, лицензиары, правопробретатели и другие) [4, с. 21].

Как уже отмечалось ранее, данный перечень субъектов создан на основе причастности к созданию или использованию того или иного объекта интеллектуальной собственности. Перечень можно считать удачным, поскольку он раскрывает, в том числе, сущность субъектов, выделяемых автором. Однако в нем есть и недостаток. По мнению автора, государство относится к производным субъектам, как субъект, получающий право собственности. Но стоит учитывать роль государства также в процессе регулирования правоотношений между субъектами без права собственности на объект спора.

Своим мнением делится также исследователь Т. С. Ковалевич, который представляет авторский перечень субъектов. По мнению вышеупомянутого автора исследования, к субъектам, принадлежащим к правоотношениям в сфере интеллектуальной собственности, можно отнести следующие:

- 1) авторы (соавторы);
- 2) собственники-обладатели имущественных прав;
- 3) приобретатели (лица, ставшие обладателями имущественных прав на объекты интеллектуальной собственности на основании договора или наследия) [5, с. 104–105].

Анализируя мнение Т. С. Ковалевича, можно сделать вывод о том, что, в отличие от М. В. Опариной, он практически не выделяет конкретных общих групп, выполняя классификацию более подробной. Несмотря на это, можно заметить сходство с выделяемыми предыдущим исследователем, перечнем субъектов, поскольку в нем также содержатся как лица, создающие объекты интеллектуальной собственности, так и лица, к которым право обладания данными объектами переходит по какой-либо причине (договор или наследие). Однако стоит учитывать, что в данном перечне также отсутствует выделение круга субъектов, которые влияют на правоотношения, но не являются сторонами в правоотношении, связанном с интеллектуальной собственностью.

Исходя из мнения представителей научного сообщества, учитывая достоинства и недостатки их взглядов, можно синтезировать авторский перечень субъектов, относящихся к гражданско-правовому механизму защиты интеллектуальной собственности. Таким образом, к субъектам данного механизма можно отнести:

- 1) первичные субъекты (лица, творческим трудом которых создается тот или иной объект интеллектуальной собственности в электронной среде, например, автор литературного труда);

- 2) производные субъекты (лица, к которым относится право собственности на объект интеллектуальной собственности в электронной среде по договору или другим основаниям, например, лицензиар);

- 3) регулирующие субъекты (субъекты, выполняющие функцию регулирования правовых отношений, связанных с защитой права интеллектуальной собственности в электронной среде, например, государство в лице его органов и должностных лиц).

Подводя итог, стоит отметить, что рассмотренные теоретические вопросы касаются гражданско-правового механизма защиты интеллектуальной собственности в электронной среде, свидетельствуют о важности продолжения работы в направлении проработки данного механизма, поскольку, именно он охватывает всю сферу защиты прав и законных интересов в области создания и использования объектов интеллектуальной собственности. Вопросы о понятии и субъектом составе данного механизма являются одними из основополагающих вопросов и без их качественной проработки невозможна работа по созданию и модернизации всего механизма. Все это будет непосредственно влиять на правовое регулирование в сфере интеллектуальной собственности в будущем.

Отдельную благодарность хотелось бы выразить своему научному руководителю доктору юридических наук, профессору кафедры гражданского и предпринимательского права Ульяновского государственного университета, Анатолию Николаевичу Левушкину за чуткое научное руководство в процессе проведения научного исследования.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Гольшев В. Г. К вопросу о понятии и структуре механизма гражданско-правового регулирования общественных отношений // Вестник Московского государственного областного университета. 2011. № 2. С. 226–232.
2. Родионова О. М. Правовые формы реализации волевых отношений в механизме гражданско-правового регулирования : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.03. М., 2017. 53 с.
3. Матузов И. Н., Малько А. В. Теория государства и права : учебник. 3-е изд., перераб. и доп. М. : Юристъ, 2008. 245 с.
4. Опарина М. В. Субъекты и объекты права интеллектуальной собственности в Российском и международном праве // Транспортное дело России. 2011. № 7. С. 20–23.
5. Ковалевич Т. С. Правовая характеристика прав субъектов интеллектуальной собственности // Вестник студенческого научного общества ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет». 2023. Т. 4, № 15. С. 101–105.

УДК 347.6

Борисова Наталья Равильевна

старший преподаватель

Казанский инновационный университет имени В. Г. Тимирязова

г. Нижнекамск, Российская Федерация

borisova-nk@list.ru

Ильязарова Диана Владимировна

студент

Казанский инновационный университет имени В. Г. Тимирязова

г. Нижнекамск, Российская Федерация

dilyazarova@mail.ru

Понятие правоотношений между родителями и детьми с участием иностранных граждан и лиц без гражданства

***Аннотация:** В данной статье рассматриваются особенности современного правового регулирования отношения между родителями и детьми с участием иностранных граждан и лиц без гражданства. Исследования научной литературы и действующих нормативно-правовых актов позволяют не только произвести системный анализ данного вида правоотношений, но и прийти к выводу о том, что в настоящее время в отечественной правовой доктрине и действующем российском законодательстве отсутствует единое определение данного вида правоотношений, что во многом затрудняет их эффективное правовое регулирование.*

***Ключевые слова:** родители, дети, иностранные граждане, лица без гражданства, правоотношения между родителями и детьми с участием иностранных граждан и лиц без гражданства.*

Borisova Natalya Ravilyevna

senior lecturer, Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasov
Nizhnekamsk, Russian Federation

Ilyazarova Diana Vladimirovna

student, Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasov
Nizhnekamsk, Russian Federation

The concept of legal relations between parents and children with the participation of foreign citizens and stateless persons

Annotation: This article examines the features of modern legal regulation of the relationship between parents and children with the participation of foreign citizens and stateless persons. Research of scientific literature and current normative legal acts allows not only to make a systematic analysis of this type of legal relationship, but also to come to the conclusion that currently there is no single definition of this type of legal relationship in the domestic legal doctrine and current Russian legislation, which in many ways complicates their effective legal regulation.

Keywords: parents, children, foreign citizens, stateless persons, legal relations between parents and children involving foreign citizens and stateless persons.

В процессе своей жизнедеятельности люди постоянно «вступают в разнообразные общественные отношения для осуществления своих жизненных интересов и потребностей: семейные, религиозные, экономические, политические, правовые и т. д.» [19, с. 141]. Наиболее важные общественные отношения со временем получают свою правовую регламентацию. При этом «правовые отношения имеют свою особую специфику, выраженную, в наличии у субъектов взаимных юридических прав и обязанностей» [5, с. 78]. Таким образом, под понятием правоотношения «мы понимаем отношения субъектов права, при которых возникают взаимные права и обязанности» [2, с. 111].

Следует согласиться с О. А. Кравченко в том, что: «...уровень развития правовой государственности, правовой системы общества определяется не только количеством закрепленных в законодательстве прав и свобод личности, но и возможностью их воплощения в общественных отношениях» [7, с. 27]. В этой связи, «изучение проблематики правоотношений неизменно было и остается одной из самых сложных и практически значимых задач, стоящих как перед теорией государства и права, так и отраслевыми юридическими науками» [17, с. 156], и «которые не утрачивают своего значения в ходе самых глубоких общественных преобразований» [15, с. 28].

Разработка данной проблематики «позволяет не только обогатить теоретические знания в данной области теории права, но и познать его в реальности бытия» [15, с. 28]. В этой связи изучение особенностей семейных правоотношений с участием иностранных граждан и лиц без гражданства, безусловно подчиняющихся единому представлению о правоотношениях в целом, способно дополнить имеющиеся академические представления новым спектром красок. Особенно важным это представляется в ситуации, когда само понятие правоотношения не может быть выведено индуктивно или дедуктивно. Следовательно, понятие правоотношения между родителями и детьми, в том числе

с участием иностранных граждан и лиц без гражданства, является конвенционально устанавливаемым.

Проведенный анализ приводит нас к выводу о том, что наиболее устоявшиеся в отечественной правовой доктрине определения понятия «правоотношение» в самом общем виде могут быть сведены к следующему определению: правоотношение – это общественное отношение, урегулированное нормами права. При этом регулируемые общественные отношения абсолютно не утрачивают своего фактического содержания (экономического, политического, семейного, имущественного и т. д.), а лишь видоизменяются, обретая новое дополнительное свойство. Иначе говоря, правоотношение не отделяется от опосредуемого им реального отношения, не находится где-то рядом или над ним, а существует вместе с ним. Ведь «форма и содержание любого явления неразрывны» [13, с. 93]. Используя конвенционально установленное определение правоотношения, следует предположить, что семейные правоотношения, являясь частью целого, «наследуют его основные черты, дополняя его специфическим субъективным составом, объектом, содержанием, основаниями возникновения, способами исполнения, правовыми последствиями» [12, с. 135]. При этом специфические качества возникают при переходе семейных отношений в состав правовых.

Не вызывает сомнения тот факт, что семейные правоотношения заключают одну из важнейших сторон жизни человека. Семья влияет на жизнь общества, так как во многом играет решающую роль в становлении личности, в продолжение человеческого рода и в воспитании детей. Как справедливо замечает Ю. В. Ковалева: «...поступательное развитие российского общества невозможно без прочных, стабильных семейных отношений, которые, в свою очередь, зависят от стабильности общества, от социальной политики государства по отношению к семье, от таких политических, экономических, культурных, образовательных и иных условий, которые позволили бы семье выполнять ее основные функции в полном объеме» [9, с. 120]. Именно поэтому, становление эффективного механизма правового регулирования семейных правоотношений, в том числе с участием иностранных граждан и лиц без гражданства, является важной задачей государства, решить которую без четкого представления о сути семейных правоотношений не представляется возможным.

Следует отметить тот факт, что определение сущности и значения семейных правоотношений осложнено в настоящее время тем фактом, что отсутствует легальное и доктринальное определение понятия семья. При этом комплексный характер как самих семейных отношений, так и их видов привлекает внимание к ним представителей разных наук, как в России, так и за рубежом. Так, к рассмотрению понятия семья обращались представители философии, социологии, психологии, и ряда других гуманитарных наук. Юридические аспекты семейных отношений затрагиваются в работах многих современных российских правоведов. Однако исследователи так и не пришли к единому мнению о том, что представляет собой институт семьи и ограничились описанием его процесса его эволюции и ряда существенных, определяющих суть данного явления, признаков.

В свою очередь, представленные в отечественной правовой доктрине взгляды о сущности семейных отношений можно условно поделить на два основных направления. В основу первого ложится критерий «совместное проживание» (общее место жительства) членов семьи [6]. Второе направление определяет семью по иным критериям, а именно как: «...союз лиц, объединенный взаимной совместной материально и моральной поддержкой, заботой о воспитании потомства и обладающим соответствующими правами, и обязанностями» [14, с. 55]. Однако ни одно из указанных направлений так и не дало нам единое комплексное определение исследуемого понятия.

В действующем отечественном законодательстве в настоящее время дефиниции «семья» также не представлено. Отсутствие единого легального определения понятия семья не случайно. Как отмечает И. М. Кузнецова: «...понятие семья имеет социологический, а не правовой характер» [14, с. 55]. Отсюда такой интерес к доктринально предлагаемым определениям данного понятия. В этой связи представляет интерес определение семьи, данное отечественным социологом А. И. Антоновым: «Семья, – пишет он, – это основанная на единой общесемейной деятельности общность людей, связанных узами супружества – родительства – родства и тем самым осуществляющая воспроизводство населения и преемственность семейных поколений, а также социализацию детей и поддержание существования членов семьи» [1]. Исходя из данного определения следует, что семейные отношения и производные от них семейные правоотношения структурно включают в себя правоотношения между супругами и правоотношения между родителями и детьми.

В рамках проводимого исследования нас интересуют именно отношения родителей и детей, которые, как правило, хотя изначально определены законами физиологии и нравственности, но «...с внешней стороны поддаются и юридическим определениям, некоторой правовой формализации» [8, с. 316]. При этом в большинстве случаев возникновение прав и обязанностей не зависит от воли субъектов семейных отношений. К примеру, обязанности детей по содержанию престарелых, нуждающихся в помощи родителей наступают в связи с двумя причинами от детей не зависящих, а именно: наступлением совершеннолетия детей и признания родителей престарелыми и нуждающимися в помощи.

Еще одной особенностью отношений между родителями и детьми является то, что данные отношения, единожды установленные, не остаются прежними постоянно. В них присутствует определенная точка бифуркации, когда дети достигают совершеннолетия и утрачивают ряд своих прав, приобретая при этом ряд обязанностей. В тоже время правоотношения между родителями и детьми имеют и общие признаки с другими правоотношениями, а именно – это наиболее значимые общественные отношения, в ходе которых у субъектов указанных отношений возникают взаимные права и обязанности. Данные права и обязанности субъектов семейных отношений в силу своей общественной значимости могут быть урегулированы как нормами семейного права, так и нормами других отраслей [16].

В последнее время возникла еще одна тенденция развития данных отношений – значительно увеличилось количество браков между россиянами и иностранными гражданами, и лицами без гражданства. Так, по данным столичного Управления загса в 2022 году в Москве 15 % заключенных браков были с данной категорией лиц [4]. Подобная тенденция активно прослеживается и в других регионах России. Следует предположить, что также увеличивается количество детей, рожденных в таких браках. По мнению аналитиков, «миграция сейчас – единственный способ сохранить численность населения в России. Рождаемость не поможет: даже если прогноз Росстата сбудется, и она начнет расти, коэффициент суммарной рождаемости к 2045 году достигнет лишь 1,7 рождений на одну женщину. Этого недостаточно, чтобы компенсировать убыль населения» [3].

При этом до настоящего времени отсутствует единый механизм правового регулирования отношений между родителями и детьми с участием иностранных граждан и лиц без гражданства. Изначально данные правоотношения строятся на принципе, закрепленному в Федеральном законе «О гражданстве в РФ»: «правоотношения между родителями и детьми, один из субъектов которого является иностранным гражданином или лицом без гражданства, а другой гражданин РФ, регулируются нормами государства, определяемого по гражданству участников данного правоотношения» [18]. Однако из этого правила существуют исключения, которые позволяют учитывать особенности каждого из данных правоотношений. Так, в соответствии с положениями ст. 163 СК РФ, правоотношения между родителями и детьми с участием иностранных граждан и лиц без гражданства определяются законодательством государства, на территории которого они совместно проживают. Если родители и несовершеннолетние совместно не проживают, то такие правоотношения регулируются законодательством государства, гражданином которого является ребенок.

Кроме того, семейные правоотношения между родителями и детьми с участием иностранных граждан и лиц без гражданства в РФ могут регулироваться международными договорами, в которых участвует РФ. Значительная часть этих отношений подпадает под действие норм международного права (например, Конвенции о правах ребенка [10], Конвенция о юрисдикции, применимом праве, признании, исполнении и сотрудничестве в отношении родительской ответственности и мер по защите детей [11] и других). При этом ни один из указанных документов не содержит легального определения правоотношения между родителями и детьми в целом, и с участием иностранных граждан и лиц без гражданства, в частности.

Таким образом, в настоящее время в отечественной правовой доктрине и в действующем законодательстве отсутствует единообразное определение правоотношений между родителями и детьми с участием иностранных граждан и лиц без гражданства. Следует предположить, что к таковым относятся наиболее важные, урегулированные нормами как отечественного, так и зарубежного права общественные отношения, в которые вступают между собой родители и дети, среди которых наряду с гражданами РФ есть иностранные граждане и лица без гражданства.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Антонов А. И. Понятие семьи и его определение. URL: <https://studfiles.net/preview/3616955/page:47/> (дата обращения: 05.03.2024).
2. Бялт В. С., Чимаров С. Ю. К вопросу о понятии и признаках правоотношений // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2022. № 3–1. С. 109–112.
3. В 2023 году приток мигрантов в Россию упал до минимальных значений. URL: <https://tochno.st/materials/v-2023-godu-pritok-migrantov-v-rossii-upal-do-minimalnyx-znachenii-eto-mozet-stat-uzhe-cetvertoi-volnoi-spada-migracii-s-konca-2000-x-no-poka-ona-mense-tem-ozidalosl>, (дата обращения: 05.03.2024).
4. В Москве выросло число браков с иностранцами. URL: <https://rg.ru/2020/10/06/reg-cfo/v-moskve-vyroslo-chislo-brakov-s-inostrancami.html>, (дата обращения: 05.03.2024).
5. Вопленко Н. Н. Правовые отношения: понятие и классификация // Legal Concept. 2003. № 6. С. 76–89.
6. Давыдова О. А. Правовое регулирование алиментных отношений в семейном праве в РФ : дис. ... канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2005. 176 с.
7. Дрохдова А. М. Признаки и принципы правового государства: их соотношение // Юридический вестник Дагестанского университета. 2018. № 2. С. 25–29.
8. Ильина О. Ю. Проблема гармонизации частных и публичных интересов в семейном праве РФ: научная школа доктора юридических наук, профессора О. Ю. Ильиной : монография. М. : ЮНИТИ, 2015. 316 с.
9. Ковалева Ю. В. Правовое регулирование семейных отношений в Российской Федерации // Пробелы в российском законодательстве. Юридический журнал. 2008. № 2. С. 119–120.
10. Конвенция о правах ребенка (одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20 ноября 1989 г.) // Сборник международных договоров СССР. Вып. XLVI: Международные договоры, заключенные СССР и вступившие в силу с 1 января по 31 декабря 1990 года, которые в настоящее время являются договорами РФ как государства-продолжателя Союза ССР. М.: Межд. нар. отношения, 1993. № 4665.
11. Конвенция о юрисдикции, применимом праве, признании, исполнении и сотрудничестве в отношении родительской ответственности и мер по защите детей от 5 октября 1961 года. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 04.03.2024).
12. Летова Н. В. Особенности регулирования сделок в сфере семейных отношений // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2016. № 6(58). С. 134–149.
13. Милушева Т. В., Подгорная Ю. А. Принцип законности в контексте правового ограничения власти // Вестник Поволжского института управления. 2012. № 1(30). С. 93–97.
14. Монахов А. Б. Семья: правовое определение понятия // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. 2014. № 9. С. 55–60.

15. Напалкова И. Г. Соотношение философско-правового и теоретико-правового подходов к пониманию права // Философия права. 2020. № 1(92). С. 28.

16. Обзор практики разрешения судами споров, связанных с воспитанием детей (утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 20 июля 2011 г.) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2012. № 7.

17. Погорелов Д. А. Проблемы определения понятия правоотношения и критериев классификации // Вестник науки. 2023. № 2 (59). С. 156–162.

18. Федеральный закон от 28 апреля 2023 г. № 138-ФЗ (ред. от 25 декабря 2023 г.) «О гражданстве РФ» // Собрание законодательства РФ. 2023. № 18. Ст. 3215; Российская газета. 2023. № 297. 29 декабря.

19. Чойропов Ц. Ц. Социальные отношений как универсальный интегрирующий фактор в обществе // Человек. Культура. Образование. 2014. № 1(11). С. 141–148.

УДК 347.62

Васильева Анастасия Валерьевна

старший преподаватель кафедры

гражданско-правовых дисциплин

Дальневосточный юридический институт (филиал)

Университета прокуратуры Российской Федерации

г. Владивосток, Российская Федерация

a.vasilievavasiliewa@yandex.ru

Признание брака недействительным как способ защиты семейных прав: тенденции и проблемы правового регулирования

***Аннотация:** В данной статье рассмотрены особенности нормативно-правового регулирования признания брака недействительным. Автором приводятся судебные статистические данные за 2022 и 2023 год, раскрываются основные проблемы регулирования брачного института. Приведены примеры из судебной практики, исследование и анализ основных тенденций правового регулирования позволяет предложить возможные меры совершенствования данного института.*

***Ключевые слова:** семья, брак, брачный возраст, недействительность брака, защита, тенденции развития.*

Vasilyeva Anastasia Valeryevna

senior lecturer of the department of civil

law disciplines, far eastern law institute

(branch) University of the prosecutor's

office of the Russian Federation

Vladivostok, Russian Federation

Conclusion of an employment contract with minors in the light of changes made to labor legislation

Annotation: This article discusses the features of the legal regulation of the recognition of marriage as invalid. The author provides judicial statistics for 2022 and 2023, reveals the main problems of regulating the marriage institution. Examples from judicial practice are given, research and analysis of the main trends in legal regulation allows us to propose possible measures to improve this institution.

Keywords: family, marriage, marriageable age, invalidity of marriage, protection, development trends.

Брак как юридический факт представляет собой юридический состав, включающий, во-первых, добровольное волеизъявление мужчины и женщины, направленное на создание семьи, во-вторых, государственную регистрацию брака в органах Записи актов гражданского состояния (далее – ЗАГС).

Помимо добровольного согласия мужчины и женщины, к условиям брака в Семейном кодексе Российской Федерации (далее – СК РФ) отнесено достижение брачного возраста (ст. 12 СК РФ).

Кроме того, должны отсутствовать препятствия, не позволяющие заключить брак, приведенные в ст. 14 СК РФ:

- состояние одного из брачующихся в другом зарегистрированном браке;
- наличие близкой степени родства;
- наличие между лицами, вступающими в брак, юридической связи, основанной на усыновлении;
- признание одного из брачующихся недееспособным вследствие психического расстройства [5].

По мнению Н. В. Якушевой, брак, включающий в качестве элемента юридического состава выраженное вовне (объективированное) добровольное согласие мужчины и женщины (юридический акт), порождает правовые последствия, только если воля мужчины и женщины направлена на создание семьи. При наличии пороков воли брак не может порождать правовые последствия в виде взаимных прав и обязанностей мужчины, и женщины и подлежит признанию недействительным (ст. 27 СК РФ) [6].

Пороки воли могут выражаться:

- 1) в отсутствии добровольного согласия на вступление в брак;
- 2) недееспособности одного из брачующихся вследствие психического расстройства на момент заключения брака;
- 3) в отсутствии намерения создать семью (заключение фиктивного брака).

Представляется обоснованным мнение А. Е. Быковой и А. А. Тимошеновой в том, что «недействительный брак следует рассматривать как правовой институт, как юридический факт, как способ защиты добросовестного супруга, и мера ответственности для недобросовестного супруга» [1, с. 188].

Семейные правоотношения характеризуются сложностью и многоаспектностью, в связи с чем, вопрос о таком способе защиты семейных прав как восстановление положения существовавшего до нарушения права (признание брака недействительным) остается актуальным и часто рассматриваемым.

Право на судебную защиту возникает в семейном праве как самостоятельная возможность защиты семейных прав. В отличие, например, от обращения в государственные органы, судебная защита выступает основной, и применяется при разрешении большинства семейных споров, которые рассматриваются по нормам Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации.

Актуальность рассматриваемого вопроса подтверждается статистическими данными Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации, так в первом полугодии 2023 года в порядке искового производства рассмотрено 453 спора о признании брака недействительным, удовлетворено – 391, в 2022 году рассмотрено 1139 споров, удовлетворено – 998.

Верховным Судом Российской Федерации проведено изучение практики рассмотрения судами в 2019 – 2021 годах дел по спорам, связанным с признанием брака недействительным.

Изучение материалов судебной практики показало, что наибольшее количество дел о признании брака недействительным было рассмотрено судами по основанию регистрации брака супругами или одним из них без намерения создать семью (фиктивный брак) (ст. 27 СК РФ).

В большинстве случаев такие иски предъявлялись супругом, полагавшим, что действия ответчика после вступления в брак свидетельствуют об отсутствии у него намерения создания семьи на момент регистрации брака [3].

Кроме того, иски о признании брака недействительным заявлялись по указанному основанию также прокурором в интересах Российской Федерации, соответчиками по таким делам являлись российские граждане, заключившие за вознаграждение или без такового брак с гражданами иностранного государства, имеющие целью облегчение прохождения процедур, связанных с осуществлением миграционного контроля, получение разрешения на временное проживание в Российской Федерации, получение российского гражданства в упрощенном порядке.

Интересным представляется пример, когда прокурор обратился в суд с иском к С. и Б. о признании брака недействительным, ссылаясь на то, что при регистрации брака стороны не имели намерения создать семью, а С., являясь гражданином Азербайджанской Республики, преследовал цель получения разрешения на временное проживание в Российской Федерации без учета квоты на основании ст. 6 Федерального закона «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации».

Решением суда первой инстанции исковые требования прокурора удовлетворены.

В апелляционном и кассационном порядке решение суда не обжаловалось.

Разрешая спор, суд исходил из следующего.

Согласно ст. 27 СК РФ брак признается недействительным, в частности, в случае заключения фиктивного брака, т. е. если супруги или один из них зарегистрировали брак без намерения создать семью.

Судом установлено, что С. и Б. совместно не проживали, общего хозяйства не вели, сведениями относительно биографии друг друга, а также сведениями о родных своего супруга не располагали, материальной поддержки друг другу не оказывали, заботы друг о друге не проявляли. В ходе проверки, проведенной городским отделом по вопросам миграции Управления МВД России, С. и Б. указали, что целью заключения брака являлось получение С. права проживания на территории Российской Федерации, за заключение брака Б. получены от С. денежные средства в размере 15 000 рублей.

При таких обстоятельствах суд пришел к обоснованному выводу о том, что заключение между С. и Б. брака имело место без намерения создать семью, целью заключения брака было получение С. права проживания на территории Российской Федерации, в связи с чем удовлетворил иски требования прокурора.

Второй тенденцией в части признания брака недействительным выступает определение круга лиц, имеющих право требовать признания брака недействительным.

Граждане, чьи интересы непосредственно не затрагиваются заключением брака, при котором были допущены нарушения действующего семейного законодательства, не вправе самостоятельно предъявить в суд иск о признании такого брака недействительным.

Требование о признании фиктивного брака недействительным может быть заявлено только прокурором, а также не знавшим о фиктивности брака супругом. Наследники таким правом не обладают.

Б. обратился в суд с иском к Т. о признании недействительным брака, заключенного 27 августа 2019 года между Т. и К., и об аннулировании актовой записи. В обоснование заявленных требований Б. указал, что брак между Т. и К. фиктивный, заключен со стороны Т. в целях завладения имуществом К. Кроме того, Б. указал, что с умершим 7 октября 2019 года К. находился в дружеских отношениях и является наследником по завещанию после смерти К.

Определением судьи в принятии искового заявления Б. отказано на основании следующего.

В исковом заявлении Б. указывал, что регистрация брака между Т. и К. затрагивает и нарушает его права наследования по завещанию, в связи с чем полагал, что вправе обратиться в суд с иском о признании брака недействительным.

В соответствии со ст. 134 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (далее – ГПК РФ) судья отказывает в принятии искового заявления в случае, если заявление предъявлено в защиту прав, свобод или законных интересов другого лица государственным органом, органом местного самоуправления, организацией или гражданином, которым ГПК РФ или другими федеральными законами не предоставлено такое право.

Согласно ст. 28 СК РФ требовать признания брака недействительным вправе супруг, не знавший о наличии обстоятельств, препятствующих заключению брака, опекун супруга, признанного недееспособным, супруг по предыдущему не расторгнутому браку, другие лица, права которых нарушены заключе-

нием брака, произведенным с нарушением требований статьи 14 СК РФ, а также орган опеки и попечительства и прокурор.

Таким образом, из ст. 28 СК РФ следует, что наследники имеют право требовать признания брака недействительным лишь по основаниям нарушения требований статьи 14 СК РФ при его заключении.

Судья пришел к правильному выводу о том, что истец Б. не вправе требовать признания брака между Т. и К. недействительным по основанию его фиктивности.

В апелляционном и кассационном порядке определение судьи не обжаловалось. При разрешении споров суды исходили из того, что юридически значимыми обстоятельствами являются установление воли лиц, вступающих в брак, направленной на создание семьи, наличие признаков семьи и направленность воли лиц, вступивших в брак, на сохранение семьи после заключения брака.

К признакам семьи, на создание которой должна быть направлена воля мужчины и женщины при заключении брака, относятся:

- совместное проживание, предполагающее ведение общего хозяйства (при этом временное не проживание супругов вместе в связи с работой, лечением, в силу других объективных факторов не рассматривается как отсутствие такового);

- построение семейных отношений на основании духовно-нравственных начал и чувств;

- забота друг о друге;

- совместное решение основных вопросов жизни семьи;

- наличие взаимных личных неимущественных и имущественных прав и обязанностей, взаимной ответственности [2, с. 65]

Как отмечено в п. 22 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 05.11.1998 № 15 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел о расторжении брака» при принятии искового заявления о признании брака недействительным судье необходимо выяснять, по какому основанию оспаривается действительность брака (п. 1 ст. 27 СК РФ) и относится ли истец к категории лиц, которые в силу п. 1 ст. 28 СК РФ вправе возбуждать вопрос о признании брака недействительным именно по этому основанию. Если заявитель не относится к таким лицам, судья отказывает ему в принятии искового заявления на основании п. 1 ч. 1 ст. 134 ГПК РФ [4].

Для признания брака недействительным достаточно одного из названных и рассмотренных выше оснований, хотя встречаются ситуации, когда таких оснований два или даже больше. Это тоже можно отнести к одной из тенденций развития данного института.

Например, лицо, состоящее в не расторгнутом браке, предъявив новый паспорт, не имеющий отметки о данном браке, заключает второй брак с несовершеннолетней, не получившей разрешение в установленном порядке, или брак был заключен с гражданином, ранее признанном недееспособным, с лицом, состоящим с ним в запрещенной степени родства, и т. д., но на практике такие ситуации встречаются довольно редко, и требования о признании брака

недействительным предъявляются в суд только по одному из оснований, предусмотренных законом.

При принятии искового заявления о признании брака недействительным судья должен выяснить два основных вопроса: во-первых, по какому конкретно основанию оспаривается действительность брака (п. 1 ст. 27 СК РФ) и, во-вторых, относится ли истец к категории лиц, которые вправе обращаться в суд с таким требованием. Перечень этих лиц с указанием конкретной категории требований о признании брака недействительным закреплен в п.1 ст. 28 СК РФ.

В действующем законодательстве установлен довольно обширный перечень оснований, дающих право требовать заинтересованному лицу признать брак недействительным. Этот перечень является исчерпывающим и расширительному толкованию не подлежит.

В каждом деле о признании брака недействительным исходя из судебной практики тщательно изучаются представленные с иском документальные подтверждения, показания привлеченных свидетелей и принимается решение о признании/непризнании брака незаконным/фиктивным. Доказательная база играет в таких процессах важную роль.

В заключении отметим, что семейное законодательство предусматривает целый комплекс мер, позволяющих восстановить нарушенные права добросовестного супруга, пострадавшего по вине другого супруга в результате вступления в недействительный брак, устанавливает достаточно подробный и детализированный юридический механизм принятия судебных решений о признании лица брака недействительным. Однако некоторые положения семейного законодательства подлежат совершенствованию с учетом уже существующей практики.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Быкова А. Е., Тимошенкова А. А. Недействительность брака по законодательству Российской Федерации / Российская наука в современном мире : сб. ст. VIII Междунар. науч.-практ. конф. М., 2017. С. 187–190.

2. Васильева А. В. Семейное право : учеб. пособие / Ун-т прокуратуры Российской Федерации, Дальневост. Юрид. ин-т (филиал). Владивосток : Изд-во Дальневост. федер. ун-та, 2023. 111 с.

3. Обзор судебной практики по делам о признании брака недействительным (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 14.12.2022) // СПС «Консультант-Плюс». URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 04.03.2024).

4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 05.11.1998 № 15 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел о расторжении брака» // СПС «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 04.03.2024).

5. Семейный кодекс Российской Федерации (часть первая) : Федеральный закон от 29.12.1995 № 223-ФЗ в ред. от 31.07.2023 // СПС «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 04.03.2024).

б. Якушева Н. Е. Признание брака недействительным в случае дефекта воли лиц, вступающих в брак: некоторые аспекты // Семейное и жилищное право. 2022. № 4. С. 27–29.

УДК 349.2

Васильева Анастасия Валерьевна

старший преподаватель

Дальневосточный юридический институт (филиал)

Университет прокуратуры Российской Федерации

г. Владивосток, Российская Федерация

a.vasilievavasiliewa@yandex.ru

Пендюр Марина Сергеевна

студент, Дальневосточный юридический институт (филиал)

Университет прокуратуры Российской Федерации

г. Владивосток, Российская Федерация

marina.pendyur@yandex.ru

Заключение трудового договора с несовершеннолетними в свете изменений, внесенных в трудовое законодательство

Аннотация: Статья посвящена особенностям заключения трудового договора с лицами в возрасте до восемнадцати лет. Авторами проводится анализ норм трудового законодательства, раскрываются проблемы, возникающие в рамках регулирования трудоустройства лиц в возрасте до восемнадцати лет, исследуются статистические данные. Рассмотрены примеры практической деятельности органов прокуратуры в части осуществления надзора за соблюдением трудовых прав несовершеннолетних работников.

Ключевые слова: труд, трудовой договор, трудоустройство, лица в возрасте до восемнадцати лет, органы опеки и попечительства.

Vasilyeva Anastasia Valeryevna

senior lecturer

Far Eastern Law Institute (branch)

University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation

Vladivostok, Russian Federation

Pendur Marina Sergeevna

student, Far Eastern Law Institute (branch)

University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation

Vladivostok, Russian Federation

Conclusion of an employment contract with minors in the light of changes made to labor legislation

Annotation: The article is devoted to the peculiarities of concluding an employment contract with persons under the age of eighteen. The authors analyze the norms of labor legislation,

reveal the problems that arise within the framework of regulating the employment of persons under the age of eighteen, and examine statistical data. Examples of the practical activities of the prosecutor's office in terms of supervision of the observance of the labor rights of underage workers are considered.

Keywords: *employment contract, employment, persons under the age of eighteen, guardianship and guardianship authorities.*

Одним из приоритетных направлений деятельности каждого государства является защита трудовых прав несовершеннолетних, данная государственная функция закреплена на законодательном уровне. Последнее время в Российской Федерации увеличивается количество случаев нарушений трудовых прав граждан, связанных с заключением трудового договора, в том числе граждан, не достигших возраста восемнадцати лет.

Трудовое законодательство на сегодняшний день имеет ряд проблемных аспектов, возникающих в ходе практического применения.

Особенности трудоустройства лиц в возрасте до восемнадцати лет определяются трудовым законодательством, коллективным договором, соглашением, непосредственно трудовым договором, целый ряд ограничений и дополнительных правил касается заключения трудового договора.

Установленные Трудовым кодексом Российской Федерации (далее – ТК РФ) особенности регулирования труда работников в возрасте до 18 лет нашли свое отражение в главе 42 и иных статьях кодекса.

В качестве обязательного требования согласно ст. 69 ТК РФ при заключении трудового договора лица до восемнадцати лет подлежат обязательному предварительному медицинскому осмотру. Эти работники в дальнейшем должны проходить ежегодные медицинские осмотры до достижения ими восемнадцати лет, расходы на такие медицинские осмотры несет работодатель [1]. Если лицо до восемнадцати лет несет расходы за прохождение предварительного медосмотра, работодатель обязан компенсировать ему понесенные на это расходы [7].

Помимо вышеперечисленного, законодатель ограничивает трудоустройство и по возрастному критерию.

Необходимо отметить, что в ст. 63 ТК РФ неоднократно вносились изменения. Так, с июля 2017 года были внесены изменения, согласно которым работодатель вправе принять на работу лиц, достигших возраста 15 лет для выполнения легкого труда, не причиняющего вреда их здоровью, если они:

- достигли возраста 15 лет и получили общее образование;
- достигли возраста 15 лет и в соответствии с федеральным законом оставили общеобразовательную организацию до получения основного общего образования или были отчислены из указанной организации и продолжают получать общее образование в иной форме обучения. В этом случае работа должна выполняться без ущерба для освоения образовательной программы.

В июне 2023 года законодатель дополнил ст. 63 ТК РФ новыми частями, согласно которым работодатель теперь может принять на работу лиц, достигших возраста 14 лет – для выполнения легкого труда, не причиняющего вреда их здоровью и при письменном согласии одного из родителей (попечителя)

и органа опеки и попечительства (для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей), если они:

- достигли возраста 14 лет и получили общее образование;
- достигли возраста 14 лет и получают общее образование для выполнения в свободное от получения образования время без ущерба для освоения образовательной программы.

Новым в законодательном регулировании выступает и Федеральный закон от 12.12.2023 № 565-ФЗ «О занятости населения в Российской Федерации», который относит несовершеннолетних к гражданам, испытывающим трудности в поиске работы (ст. 2) и предлагает в качестве основных мер государственной поддержки в сфере занятости населения относить временное трудоустройство несовершеннолетних граждан в возрасте от 14 до 18 лет в свободное от учебы время (ст. 28).

Анализ указанных выше норм позволяет отметить ряд проблем и сложностей в практики применения.

Первой проблемой видится требование к письменному согласию родителей, которые статьей 63 ТК РФ не установлены, в связи с чем, у работодателя может возникнуть вопрос, кто именно из родителей должен давать такое согласие, или если согласие дано одним из родителей, например, матерью несовершеннолетнего, а второй родитель (отец), такое согласие не давал, либо родители совместно не проживают и находятся не в браке.

Второй проблемой видится спорность получения данного согласия от родителей (родителя), которые, не являясь стороной данных трудовых отношений не ознакомлены ни с правилами внутреннего распорядка, ни с должностной инструкцией, ни с локальными актами, действующими у работодателя.

Таким образом, законный представитель несовершеннолетнего работника не осведомлен о специфике труда, режиме труда и отдыха, возможной оплаты труда, установленной и действующей у работодателя, и обоснованно не может дать согласие на трудоустройство только с учетом необходимости соблюдения требований.

Более того, на практике может возникнуть и такая ситуация, когда согласие работодателю предоставил один из родителей (опекунов), а трудовой договор подписал другой родитель. Норма закона формально будет соблюдена, но, тогда можно говорить о «смещении полномочий родителей», что также может противоречить действующему законодательству.

Третьей проблемой видится вопрос о предоставлении согласия родителями (родителем) в письменной форме. Если отправить согласие через электронную почту или передать через лицо, которому нет восемнадцати лет, то можно ли в данном случае говорить о правомочности такого согласия, ведь необходимо получить и согласие на обработку его персональных данных, т. е. родители должны присутствовать при оформлении трудовых отношений с несовершеннолетним.

Возникает и проблема доказывания правомочности родителя на дачу согласия на трудоустройство. Понятие «родитель» в законодательстве отсутствует, а на практике часто бывает так, что родитель может быть лишен или огра-

ничен в родительских правах (ст. 69 и ст. 73 Семейного кодекса Российской Федерации [6]), а также признан недееспособным (ст. 29 Гражданского кодекса Российской Федерации). В связи с чем, нормативно-правовое регулирование данных аспектов должно быть закреплено.

Некоторых замечаний заслуживает и документальное оформление трудоустройства. Работодатель вправе затребовать у работника, в том числе и у лиц до восемнадцати лет необходимые документы, но нередко работодатели, при приеме на работу истребуют документы свыше перечня или документы, название которых не соответствует законодательству, что нарушает требования ст. 65 ТК РФ.

Поскольку труд работников в возрасте до восемнадцати лет имеет свои особенности, помимо документов, предусмотренных ст. 65 ТК РФ, потребуются иные, в определенной мере «специфические документы».

Документами, подтверждающими образование данной категории лиц, могут быть справка об обучении или о периоде обучения по образцу, который устанавливается самой организацией, осуществляющей образовательную деятельность, аттестат об основном общем или среднем общем образовании [4].

Одну из серьезных проблем на практике представляет проблема документа, подтверждающего, что лицо будет работать «без ущерба для освоения образовательной программы». Если его должен запрашивать работодатель, то на каком основании образовательная организация обязана выдавать их, а если будущий работник, то насколько правомочны его действия с учетом возрастной категории.

Довольно сложно определить и время, когда работник свободен от получения образования, если еще учесть и то, что учебное расписание может постоянно изменяться. Таким образом, работодателю получить информацию о том, имеет ли он право использовать труд данного работника, крайне сложно. Однако за несоблюдение требований трудового законодательства, предусмотрена административная ответственность.

С лицом в возрасте до восемнадцати лет заключается трудовой договор как на определенный срок, так и бессрочный. Но, как правило, такие работники осуществляют трудовую деятельность в период летних каникул и с ними заключают срочные трудовые договоры (ст. 59 ТК РФ). Срочный трудовой договор с лицом до восемнадцати лет заключается, если ни он сам, ни работодатель не возражают против этого [3, с. 15]. Но последний только по основаниям, перечисленным в ст. 59 ТК РФ.

Специальной формы трудового договора для данных лиц не предусмотрено. Работодатель оформляет с ними договор, в котором фиксирует такие же обязательные условия (в частности, место работы, должность, размер оплаты труда), как и с работником, достигшим возраста 18 лет. Однако включение в трудовой договор условий об испытательном сроке ТК РФ запрещено.

В конечном счете, стоит согласиться с мнением Л. В. Куревиной, что, хотя «при трудоустройстве лиц в возрасте до восемнадцати лет в организацию возникают некоторые сложности, но с юными работниками возможно взаимо-

выгодное сотрудничество. И при соблюдении требований законодательства никаких проблем быть не должно» [2, с. 7–9].

Актуальность рассматриваемой темы можно проиллюстрировать сведениями в рамках отчета о деятельности Федеральной службы по труду и занятости и ее территориальных органов за 2023 год, опубликованного в 2024 году, так, в 2023 году в рамках реализации работ по применению модернизированной Единой цифровой платформы «Работа в России» для представления государственных услуг было реализовано 8 государственных услуг, в число которых входила организация временного трудоустройства несовершеннолетних граждан в возрасте от 14 до 18 лет в свободное от учебы время [5].

Органы прокуратуры играют ведущую роль в обеспечении трудовых прав несовершеннолетних, ведь они вправе не только требовать устранения конкретных нарушений, но и признания недействующими нормативно-правовые акты, направленные на регулирование трудовых отношений с несовершеннолетними.

Защита прав несовершеннолетних является одной из приоритетных задач органов прокуратуры.

Согласно п. 2.1.8 Приказа Генерального прокурора Российской Федерации от 13.12.2021 № 744 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законодательства о несовершеннолетних, соблюдением их прав и законных интересов» прокурорам при осуществлении надзора за трудовыми правами несовершеннолетних необходимо учитывать ограничения и дополнительные гарантии при привлечении их к работе, установленные ТК РФ [8].

Ярким примером нарушений в названной сфере выступают факты в части несоблюдения требований трудового законодательства при получении письменного согласия одного из родителей (попечителя) и органа опеки попечительства при трудоустройстве несовершеннолетних.

Так, при проведении прокурорской проверки в 2024 году, изучено содержание коллективных договоров и Правил внутреннего трудового распорядка 4 образовательных учреждений, в которые трудоустроены несовершеннолетние в летний период. Проверкой установлено отсутствие принимаемых руководством данных учреждений мер по соблюдению требований трудового законодательства в части получения письменного согласия одного из родителей (попечителя) при трудоустройстве несовершеннолетних, нормирования труда несовершеннолетних, их материальной ответственности, а также запрета привлечения к трудовой деятельности лиц, имеющих или имевших судимость.

В этой связи прокурором района в адрес руководителей образовательных учреждений внесено 4 представления, которые рассмотрены и удовлетворены, 3 должностных лица привлечены к дисциплинарной ответственности.

Рассмотренные вопросы в определенной мере указывают на актуальное развитие института регулирования труда работников в возрасте до восемнадцати лет, однако изучение некоторых особенностей заключения трудового договора с лицами в возрасте до восемнадцати лет, позволяет сделать вывод, что в науке трудового права авторитетных мнений по вопросам трудоустройства несовершеннолетних лиц, достаточно много.

Таким образом, в российском законодательстве на сегодняшний день работа по регламентации данных норм не завершена. В рамках данной статьи рассмотрены общие рекомендации по усовершенствованию данного института, между тем и они требуют своего дальнейшего обсуждения.

По нашему мнению, имеется потребность в детальной доработке таких положений трудового законодательства как получение согласия одного из родителей (попечителя), законодательная регламентация к данному согласию, перечень документов, необходимых для предоставления работодателю при трудоустройстве и др.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Васильева А. В. Трудовое право : конспект лекций для студентов, обучающихся по специальности 40.05.04 «Судебная и прокурорская деятельность» (профиль «Прокурорская деятельность»). Владивосток : Дальневост. юрид. ин-т (филиал) УнОта прокуратуры Российской Федерации, 2023. 148 с.

2. Куревина Л. В. Трудовые гарантии несовершеннолетним работникам // Отдел кадров коммерческой организации. 2015. № 6. С. 6–18.

3. Лунина О. Г. Принимаем на работу несовершеннолетнего // Учреждения образования: бухгалтерский учет и налогообложение. 2017. № 5. С. 13–18.

4. Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» (в ред. от 25.12.2023 г.). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/ (дата обращения: 10.04.2024).

5. Отчет о деятельности Федеральной службы по труду и занятости и ее территориальных органов за 2023 году. URL: https://rostrud.gov.ru/rostrud/deyatelnost/?CAT_ID=5259&ysclid=lt13zs364w962863653 (дата обращения: 10.04.2024).

6. Семейный кодекс Российской Федерации (часть первая) : Федер. закон Рос. Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ : (в ред. от 31.07.2023 г.). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8982/ (дата обращения: 10.04.2024).

7. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ (в ред. от 06.04.2024). Ст. 3. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34683 (дата обращения: 10.04.2024).

8. Приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 13.12.2021 № 744 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законодательства о несовершеннолетних, соблюдением их прав и законных интересов». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_403666/ (дата обращения: 10.04.2024).

СЕКЦИЯ 6

ПРОБЛЕМЫ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: ВЗГЛЯД МОЛОДЫХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ

УДК 343.12

Кравченко Виктория Александровна

студент, Костромской государственной университет
г. Кострома, Российская Федерация
v.kravchenko.2003@mail.ru

Сиверская Людмила Анатольевна

кандидат юридических наук, доцент
Костромской государственной университет
г. Кострома, Российская Федерация
lsiverskaya@yandex.ru

О некоторых проблемах правового статуса следователя-криминалиста в отечественном уголовном процессе

Аннотация: В статье анализируется процессуальный статус следователя-криминалиста, обозначаются проблемы его законодательного регулирования.

Ключевые слова: следователь-криминалист, Следственный комитет Российской Федерации, процессуальный статус, уголовное судопроизводство.

Kravchenko Victoria Aleksandrovna

student, Kostroma State University
Kostroma, Russian Federation

Siverskaya Lyudmila Anatolievna

candidate of law, associate professor
Kostroma State University
Kostroma, Russian Federation

On some problems of the legal status of a forensic investigator in the domestic criminal process

Annotation: The article analyzes the procedural status of a forensic investigator, identifies the problems of its legislative regulation.

Keywords: forensic investigator, Investigative Committee of the Russian Federation, procedural status, criminal proceedings.

С декабря 2008 года в отечественном уголовном процессе появился новый участник со стороны обвинения – следователь-криминалист [16]. Но такой ли уж новый? Представляется, что нет. Полагаем, что следователь-криминалист

является процессуальным правопреемником «прокурора-криминалиста», который был в советском уголовном процессе.

По истечении пятнадцати лет можно с уверенностью констатировать, что правильность решения и действия законодателя подтверждена практикой деятельности Следственного Комитета России, в штатное расписание которых и входит данное должностное лицо.

В минувшем году Следственным комитетом России (СКР) в суды направлено свыше 90 тыс. уголовных дел, из них более 10 тыс. – о преступлениях коррупционного характера. Следователями СКР было расследовано 7 тыс. убийств, почти 4 тыс. фактов причинения тяжкого вреда здоровью со смертельным исходом, около 18 тыс. преступных посягательств на половую неприкосновенность личности, свыше 5 тыс. преступлений, совершенных организованными группами и преступными сообществами [14].

Следственным комитетом по Костромской области в 2023 году общее количество расследованных тяжких и особо тяжких преступлений составило 466, из 427 преступлений, по которым применялась криминалистическая и специальная техника следователями – криминалистами для получения сведений, имеющих доказательственное значение. По итогам 2023 года эффективность применения следователями – криминалистами криминалистической техники составила 91,63 %.

Роль следователя-криминалиста в процессе проведения расследования преступления чрезвычайно важна, а при формировании доказательственной базы может иметь принципиальное, решающее значение. Постоянное сопровождение процесса расследования, непосредственное участие в планировании, подготовке, проведении и оценке результатов следственных действий позволяет говорить о том, что возможности современной криминалистики будут использованы максимально. В этой связи крайне важно абсолютно верное утверждение А. Ф. Волынского в том, что «криминалистическое обеспечение направлено на создание условий постоянной готовности следственных органов к восприятию и внедрению в свою деятельность криминалистических методов, средств и рекомендаций, а криминалистическое сопровождение – организация эффективного их применения в деятельности по раскрытию и расследованию преступлений» [2].

В настоящее время стремительного и повсеместного использования возможностей информационно-коммуникационных технологий, «современных трансформаций основ теории и практики следственной и судебно-экспертной деятельности, инициированных информатизацией социального пространства и появления, новых научно-правовых феноменов» [6] значимость следователя-криминалиста существенно возрастает и становится более актуальной. По мнению Е. П. Ищенко, «новые вызовы, исходящие от киберпреступности, настоятельно требуют поднятия криминалистического обеспечения следственных действий на современный уровень, что будет способствовать раскрытию и расследованию киберпреступлений, становящихся все более распространенными и изощренными, даст в руки следствия современные судебные доказательства» [4].

Многолетний опыт и практика работы следователей-криминалистов в системе Следственного комитета России кроме положительных результатов деятельности, показали и наличие пробелов, коллизий, противоречий и неполноты законодательного регулирования его правового положения, о чем говорят и ученые – процессуалисты, и сотрудники ведомства.

В теории уголовного процесса данный комплекс проблем является актуальным, о чем свидетельствуют постоянно ведущиеся научные дискуссии, в процессе которых высказываются различные, а иногда и абсолютно противоположные суждения.

Однако, несмотря на множественность и полярность мнений, большинство ученых – процессуалистов единодушны в том, что «основным вопросом дискуссии является объем процессуального статуса следователя-криминалиста, который должен характеризоваться полнотой и взаимосвязанностью описания прав и обязанностей, исключать любые противоречия и двойную трактовку» [7].

Е. Е. Забуга полагает, что закрепленный в УПК РФ недостаточный «объем полномочий следователя-криминалиста требует научного осмысления, поскольку уголовно-процессуальный закон должен быть четким, ясным и недвусмысленным» [3].

А. А. Бессонов считает отсутствие в УПК РФ самостоятельной правовой нормы, однозначно определяющей процессуальный статус следователя-криминалиста, обуславливает целый спектр проблем правоприменительной деятельности» [1].

Многолетний опыт деятельности такого должностного лица в системе Следственного комитета России, как следователь-криминалист в уголовном процессе при отсутствии полноценной правовой регламентации и наличии законодательной неопределенности процессуального статуса крайне опасен, поскольку «формирует возможность неограниченного усмотрения в процессе правоприменения, что может приводить к произволу и нарушению ряда принципов уголовного судопроизводства» [13].

Большинство участников научной дискуссии склоняются к единодушному решению проблемы недостаточности законодательных предписаний, противоречивости положений ведомственных нормативных правовых актов и действующего закона, а также фрагментарного и ограниченного регулирования прав, обязанностей и полномочий процессуального статуса следователя-криминалиста, предлагая закрепить его в отдельной самостоятельной статье УПК РФ [12]. Представляется, что данное решение проблемы отвечает современным вызовам, стоящим перед уголовно-процессуальной наукой, реалиям практики правоприменения и заслуживает поддержки.

Полагаем, что особого внимания требует законодательное закрепление его участия в проверке сообщения о преступлении. Перечень средств проверки, указанный законодателем в ст. 144 УПК РФ [15], а именно осмотр места происшествия, документов, предметов, трупов, освидетельствование, назначение экспертизы, участие в ее производстве и другие в практической деятельности следователей криминалистов осуществляются ежедневно и постоянно. Прове-

денный Е. В. Касьяновой анализ правоприменительной практики и анкетирование сотрудников Следственного комитета РФ показали, что 95 % респондентов отметили, что в их регионе следователь-криминалист проводит следственные (например, осмотр места происшествия) и другие процессуальные действия на стадии доследственной проверки [5].

Однако согласно п. 40.1 ст. 5 УПК РФ следователь-криминалист наделен полномочиями по осуществлению предварительного расследования, которое согласно ч. 1 ст. 156 УПК РФ начинается с момента возбуждения уголовного дела [15].

В противоречие этому пп. «В» п. 2. Инструкции о порядке приема, регистрации и проверки сообщений о преступлении в следственных органах (следственных подразделениях) системы Следственного комитета Российской Федерации, утвержденной приказом СК РФ от 03.05.2011 № 72 [10], определяет, что ее действие распространяется на «старших следователей-криминалистов, следователей-криминалистов при наличии поручения руководителя следственного органа производить прием, регистрацию и проверку сообщений о преступлении». Иными словами, данный ведомственный нормативный акт наделяет вышеназванных должностных лиц полномочиями по осуществлению деятельности на стадии возбуждения уголовного дела в процессе рассмотрения сообщения о преступлении.

В профессиональном стандарте «следователь-криминалист», утвержденным приказом Министерства труда и социальной защиты от 23 марта 2015 года № 183н в разделе 3.1.1 «трудовая функция» [9] перечислены трудовые действия, выполняемые следователем – криминалистом, в числе которых и выполняемые на стадии возбуждения уголовного дела.

О роли следователя – криминалиста и его полномочиях говорится и в приказе СК России от 08.08.2013 № 53 «Об организации работы следователей-криминалистов в Следственном комитете Российской Федерации» [11]. К сожалению, данный приказ не затрагивает вопросы полномочий следователей-криминалистов при рассмотрении сообщений о преступлении, большая его часть посвящена стадии предварительного расследования. Однако в сфере процессуального контроля на основании поручений руководителей следственных органов Следственного комитета РФ, следователь – криминалист имеет полномочия на изучение материалов проверки сообщений о преступлениях, связанных с безвестным исчезновением граждан и обнаружением трупов, вносить предложения об отмене необоснованных решений, об отказе в возбуждении уголовного дела.

Парадокс сложившейся ситуации в том, что роль следователя-криминалиста на стадии возбуждения уголовного дела при осуществлении проверки сообщения о преступлении и проведении следственных и процессуальных действий архи важна, чрезвычайно необходима и востребована. Однако противоречивость ведомственного нормативного регулирования и отсутствие законодательных положений, наделяющих следователя-криминалиста полномочиями при проверке сообщения о преступлении, не отвечает сложившимся реалиям повседневной практики деятельности следователя-криминалиста на

стадии возбуждения уголовного дела, вызывает много вопросов и порождает проблемы.

Иными словами «де-факто» деятельность следователя-криминалиста при проверке сообщения о преступлении активна, актуальна и важна, а «де –юре» на лицо пробельность и противоречивость нормативных предписаний.

Так, К. А. Лубенцева и У. Ю. Пикула считают, что «вопрос возможности проведения следователем-криминалистом доследственной проверки в соответствии со ст. 144 УПК РФ является особенно насущным [8].

В решении этой проблемы наиболее реалистичным представляется предложение Е. В. Касьяновой [5], которая считает целесообразным при формулировании процессуального статуса следователя-криминалиста в отдельной статье УПК РФ, в обязательном порядке включить следующую норму «Следователь-криминалист уполномочен участвовать в проверке рассмотрения сообщения о преступлении в порядке статей 144, 145 настоящего Кодекса». Примечательно, что при проведении автором анкетирования о необходимости законодательного регулирования участия следователя-криминалиста при проверке сообщения о преступлении, 93 % анкетированных ответили «да», и только 7 % посчитали, что в этом нет необходимости.

Полагаем, что предложенные законодательные изменения, учитывая текущую динамику и вызовы, с которыми сталкивается общество, позволят улучшить эффективность системы и создать более благоприятные условия для развития.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Бессонов А. А. Служба криминалистики Следственного комитета Российской Федерации и процессуальный статус следователя-криминалиста. Вестник экономической безопасности 2020. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sluzhba-kriminalistiki-sledstvennogo-komiteta-rossiyskoy-federatsii-i-protsessualnyy-status-sledovatelya-kriminalista?ysclid=ludueia3wc631628779> (дата обращения: 18.03.2024).

2. Волынский А. Ф. Криминалистическое обеспечение и криминалистическое сопровождение как элементы организации расследования преступлений 2016. URL: <https://elibrary.ru/sghuow?ysclid=ludttw5wia926671538> (дата обращения: 25.03.2024).

3. Забуга Е. Е. Следователь-криминалист в современном уголовном процессе России (проблемы процессуального статуса) // Сибирское юридическое обозрение. 2014. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sledovatel-kriminalist-v-sovremennomugolovnom-protsesse-rossii-problemy-protsessualnogostatusa?ysclid=lududa6buu324845135> (дата обращения: 24.03.2024).

4. Ищенко Е. П. Криминалистическое обеспечение следственных действий, проводимых в киберпространстве. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/uistokovtsifrovoykriminalistiki?ysclid=luduateb7v924193027> (дата обращения: 15.03.2024).

5. Касьнова И. Н. Некоторые проблемы, связанные с участием следователя-криминалиста на стадии возбужденного уголовного дела. URL:

<https://elibrary.ru/wlyahf?ysclid=ludvadgwdb396709733> (дата обращения: 25.03.2024).

6. Колиев В. В. Особенности участия специалиста криминалиста в следственных действиях. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/os-obennosti-uchastiya-spetsialista-kriminalista-v-sledstvennyh-deystviyah?ysclid=ludua4welf927919406> (дата обращения: 21.03.2024).

7. Костенко Д. С. Следователь-следователю – криминалисту не товарищ? // Научный компонент». 2020. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sledovatel-sledovatelyu-kriminalistu-ne-tovarisch> (дата обращения: 29.03.2024).

8. Лубенцева К. А., Пикула У. Ю. Следователь-криминалист как участник уголовного процесса со стороны обвинения. URL: <https://elibrary.ru/wrzabm?ysclid=ludvzf3pz6918291434> (дата обращения: 25.03.2024).

9. Приказ Министерства труда и социальной защиты РФ от 23.03.2015 № 183н «Об утверждении профессионального стандарта «Следователь-криминалист». URL: <https://base.garant.ru/70968812/?ysclid=ludvtowba6861360466> (дата обращения: 29.03.2024).

10. Приказ Следственного комитета России от 03.05.2011 № 72 «О порядке приема, регистрации и проверки сообщений о преступлении в следственных органах (следственных подразделениях) системы Следственного комитета Российской Федерации». URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/1257609/?ysclid=ludvpi4jcw236568500> (дата обращения: 30.03.2024).

11. Приказ Следственного комитета России от 08.08.2013 № 53 «Об организации работы следователей-криминалистов в Следственном комитете Российской Федерации». URL: <https://legalacts.ru/doc/prikaz-sk-rossii-ot-08082013-n-53-ob-organizatsii?ysclid=ludvvsxm6252328729> (дата обращения: 27.03.2024).

12. Рыжаков А. П. Проблемы правовой основы взаимодействия со следователем-криминалистом. URL: <http://repo.ssau.ru/handle/Aktualnye-problemy-sovremennogo-ugolovno-go-processa/Kto-takoi-sledovatelkriminalist-77007> (дата обращения: 21.03.2024).

13. Сергеев К. А., Сергеев А. Б. Следователь-криминалист как субъект права и как законодательный прием совершенствования организации досудебного производства: оценка результата. URL: <https://elibrary.ru/ukmcue?ysclid=ludumq3s87312634728> (дата обращения: 20.03.2024).

14. Статистические данные Следственного комитета Российской Федерации о состоянии преступности в Российской Федерации за 2023 г. URL: <https://sledcom.ru/> (дата обращения: 02.04.2024).

15. Федеральный закон от 18.12.2001 № 174 «Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/?ysclid=ludv3yrvra223028992 (дата обращения: 26.03.2024).

16. Федеральный закон от 02.12.2008 г. № 226 «О внесении изменений в УПК РФ». URL: https://www.consultant.ru/law/podborki/fz_o_vnesenii_izmenenij_v_upk_rf/?ysclid=ludtenb7kz155444762 (дата обращения: 23.03.2024).

Мхитарян Артур Варганович

студент, Кубанский государственный университет

г. Краснодар, Российская Федерация

Artem_astapenko@bk.ru

Эртель Людмила Александровна

доктор медицинских наук, профессор,

профессор кафедры криминалистики и правовой информатики

Кубанский государственный университет

г. Краснодар, Российская Федерация

Ela1958@yandex.ru

**Проблемы раскрытия и расследования преступлений,
совершенных лицами под влиянием киберфизических систем**

Аннотация: В статье предлагается анализ возможных в ближайшей перспективе проблем раскрытия и расследования преступлений, совершаемых лицами с имплантируемыми в их тело киберфизическими системами (оснащенными и не оснащенными искусственным интеллектом), воздействующих на их (лиц) волю, сознание и разум. В данной научно-исследовательской работе определяются уголовно-процессуальные проблемы в определении статуса лица, личность которого уничтожена, а тело находится под контролем имплантируемой киберфизической системы. А также правовые пробелы в уголовном законодательстве в установлении ответственных лиц за общественно-опасные деяния, совершенные лицом под воздействием на его личность киберфизической системы.

Ключевые слова: уголовно-процессуальные проблемы, имплантируемая киберфизическая система, искусственный интеллект, уголовная ответственность, раскрытие и расследование преступлений.

Mkhitaryan Artur Vartanovich

Student, Kuban State University

Krasnodar, Russian Federation

Ertel Lyudmila Alexandrovna

doctor of medical sciences, professor,

professor of the department

of criminalistics and legal informatics, Kuban State University

Krasnodar, Russian Federation

**Problems of disclosure and investigation of crimes committed
by persons under the influence of cyberphysical systems**

Annotation: The article offers an analysis of possible problems in the near future of the disclosure and investigation of crimes committed by persons with cyberphysical systems implanted in their body (equipped and not equipped with artificial intelligence), affecting their will, consciousness and mind. This research paper identifies criminal procedural problems in determining the status of a person whose identity has been destroyed and whose body is under the control of an implantable cyberphysical system. As well as legal gaps in criminal legislation in

establishing responsible persons for socially dangerous acts committed by a person under the influence of a cyberphysical system on his personality.

Keywords: *criminal procedural problems, implantable cyberphysical system, artificial intelligence, criminal liability, disclosure and investigation of crimes.*

На данный момент времени не существует общепризнанного всеми государствами мира определения киберфизических систем (далее – КФС). В понимании значения данного определения в различных странах наблюдается плюрализм мнений как на законодательном, так и на доктринальном уровне. Ведущие державы осуществляют попытки в установлении сущности КФС, например, в исследовательской работе, обнародованной на сайте Европейского парламента [6, с. 5], под КФС понимаются технические системы, в которых взаимодействуют роботы, сетевые компьютеры и искусственный интеллект, контактирующий с физическим миром. В РФ также предпринимались попытки в определении значения данного термина. В качестве КФС понималась интеллектуальная система, которая включает в себя инженерные взаимодействующие сети физических и вычислительных компонентов. Данное определение было закреплено в предварительном национальном стандарте РФ [4, с. 1], который на сегодняшний день не действует. Иного трактования значения понятия КФС российское законодательство не содержит несмотря на то, что сам термин используется в нормативно-правовых актах РФ. Вышеперечисленные определения включают в себя различные предметы объективной реальности, которые в силу отсутствия необходимости в их (предметов) дополнительном правовом регулировании не следует относить к КФС. Исходя из этого, нам представляется необходимым дать следующее определение КФС. КФС – это единство технического устройства и программы, способной к самостоятельному выбору вариации поведения, сбору и анализу большого массива информации. В зависимости от возможности данной программы самостоятельно синтезировать новые вариации поведения либо отсутствия данной возможности их следует разделить на автономные и неавтономные КФС.

На сегодняшний день в медицине в основном используется имплантирование в человека неавтономных КФС, не оснащенных выходом в Интернет, например, бионический протез верхней конечности, с помощью которого человек может координировать действие своей руки через передачу мозговых импульсов в чип устройства. Современные технологии позволили носителям бионических рук получать тактильную обратную связь [1, с. 73]. В настоящее время КФС, оснащенные полноценным искусственным интеллектом и (или) выходом в Интернет, не имплантируются массово в людей, несмотря на разработки в данном направлении. В связи с этим в современных реалиях отсутствуют прецеденты влияния имплантируемых КФС на поведение человека. После создания имплантируемых КФС, оснащенных полноценным искусственным интеллектом, а также оснащение неавтономных КФС способностью выхода в Интернет, высока вероятность возникновения случаев, когда лицо, которому имплантировано данное КФС, может совершить преступление под ее влиянием. Данная ситуация имеет три основные вариации. Во-первых, сам производитель КФС умышленно или по неосторожности внедряет в программу ненадлежащую форму поведения.

Во-вторых, третье лицо внесет изменения в программу КФС с помощью кибератаки. В-третьих, искусственный интеллект самостоятельно создаст ненадлежащую форму поведения. В перспективе перед законодателем и правоприменителем встанут уголовно-процессуальные проблемы раскрытия и расследования данных разновидностей преступлений в силу отсутствия соответствующих криминалистических методик и законодательных ограничений, запретов. Для превентивного решения данных проблем необходимо определить следующие составляющие: определить возможные механизмы влияния КФС на поведение человека; предположить какие цели могут преследовать преступники и какими способами можно предотвратить совершение данных преступлений.

Определяя возможные механизмы влияния имплантируемых КФС на поведение человека, очевидно получение следующих схем взаимодействия. Во-первых, опосредованное воздействие на головной мозг путем воздействия на органы, синтезирующие гормоны, с целью изменения их (гормонов) уровня. Например, введение в стрессовое состояние с помощью изменения уровня кортизола. Во-вторых, непосредственное воздействия на головной мозг путем направления электрических импульсов в соответствующие его отделы. Например, воздействие на лимбическую систему может повысить сексуальное желание лица, доведя его до совершения общественно-опасного деяния, предусмотренного ст. 131 и 132 УК РФ. Необходимо отметить, что в случае, когда электрические импульсы КФС будут сопоставимы по мощности с импульсами мозга, т. е. не будут оставлять повреждения тканей мозга, доказать факт физико-психического принуждения лица в совершении преступления будет невозможно. МРТ не покажет никаких изменений, а судебно-психиатрическая экспертиза не выявит патологических отклонений личности.

Рассматривая возможные цели и мотивы лиц, желающих внедрить в программу имплантируемой КФС ненадлежащие формы поведения, необходимо выделить личную, идеологическую, расовую, национальную, религиозную или иную ненависть, корысть, хулиганские побуждения. Цель и мотивы могут отсутствовать, если лицо совершило действие по неосторожности или сама программа выработала ненадлежащую вариацию поведения. Крайне сложным будет поиск способов предотвращения данных действий, совершаемых из экстремистских, включая террористических, целей. В качестве меры предотвращения управления поведением лица с имплантируемым КФС в политических целях (голосование за определенного кандидата, разглашение государственной тайны, дискредитация партий и так далее) эффективным средством представляется лишение данных лиц политических прав (пассивное и активное избирательное право и право на участие в политических объединениях, проведение публичных мероприятий, занятие государственных должностей). Данное ограничение будет юридически обосновано исходя из смысла ч. 3 ст. 55 Конституции РФ. В качестве меры предотвращения управления поведением лица – в корыстных целях (навязывание кабальных сделок, заключение договора дарения, где одаряемый неизвестен дарителю и так далее) эффективным средством предполагается установление специальной процедуры заключения договора, одной из сторон которого является лицо с имплантируемым КФС. Данная процедура заключается в обязательной видеофиксации подписания

документа и подробного написания от руки ФИО, осознания сущности договора, согласия на его заключение. Анализ видеозаписи и почерка в последующем сможет доказать нахождение лица в состоянии, обуславливающем его недееспособность на момент заключения договора.

Крайне интересным представляется раскрытие и расследование ситуации, когда имплантируемая КФС, оснащенная искусственным интеллектом, воздействуя на височную и лобную доли головного мозга, произведет уничтожение их (височной и лобной доли) нейронных структур, уничтожив личность человека, и продолжит управлять телом в качестве «кукловода». В данной ситуации не смотря на то, что изначальная личность человека уничтожена, привлечь виновных лиц по ст. 105 УК РФ [5] не представится возможным, так как, в силу ч. 1 и 2 ст. 66 ФЗ об основах охраны здоровья граждан [2], моментом смерти человека является момент смерти его мозга, которая наступает при полном и необратимом прекращении всех его функций. Причиненный человеку вред будет рассматриваться, в соответствии с приказом Министерства здравоохранения [3], как тяжкий вред здоровью и квалифицироваться по ст. 111 или ст. 118 УК РФ в зависимости от субъективной стороны производителя КФС или третьего лица, внесшего изменение в программу. Данные категории дел будут иметь крайне высокую степень латентности. С целью эффективного выявления данных случаев представляется целесообразным обязать лиц, которым имплантируется автономная КФС, проходить ежемесячного психологического обследования. Первые имплантируемые автономные КФС не смогут в полной мере достигнуть «естественности» движений человека, особенно почерк и слог изначальной личности. Следовательно, крайне продуктивным при раскрытии и расследовании данных преступлений будет производство почерковедческих экспертиз и последующее проведение МРТ.

Интересным представляется вопрос о правосубъектности тела, находящегося под управлением искусственного интеллекта. С точки зрения российского законодательства, оно будет признаваться тем же лицом с тем же набором прав и обязанностей, так как субъектом права в России является человек, а не личность. Следовательно, возникнет проблема в определении правового статуса такого лица при проведении следственных действий. Способом преодоления данной проблемы представляется признание в качестве субъекта права в РФ не человека, как биологического тела, а личность данного лица.

Вопрос возникает в юридической квалификации и расследовании ситуации, когда искусственный интеллект самостоятельно создал форму поведения, приводящую к совершению общественно-опасного деяния, которое не охватывалось умыслом производителя КФС или третьего лица, внесшего изменение в программу. Это является неким подобием эксцесса исполнителя, но КФС не является деликтоспособным лицом, следовательно, признаваться исполнителем оно не будет.

Таким образом, предстоит работа по модернизации как уголовно-материального, так и уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации. Также предстоит разработать и внедрить криминалистическую методику в данной области.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Москвичева В. А. Бионические протезы верхних конечностей: современное состояние и перспективы развития // Международный студенческий научный вестник. 2022. № 1. С. 71–75.
2. Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации : Федеральный закон Российской Федерации от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 29.03.2024).
3. Об утверждении Медицинских критериев определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека: приказ Министерства здравоохранения и социального развития Российской Федерации от 24 апреля 2008 г. № 194н. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 29.03.2024).
4. ПНСТ 417–2020. Система киберфизическая. Термины и определения. URL: https://rosgosts.ru/file/gost/35/110/pnst_417-2020.pdf (дата обращения: 29.03.2024).
5. Уголовный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 29.03.2024).
6. European Parliament. URL: [https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2016/563501/EPRS_STU\(2016\)563501_EN.pdf](https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2016/563501/EPRS_STU(2016)563501_EN.pdf). (дата обращения: 29.03.2024).

УДК 343.131

Присухина Яна Анатольевна

студент, Костромской государственный университет
г. Кострома, Российская Федерация
yanaprisuhina@icloud.com

Яснева Елена Васильевна

старший преподаватель
Костромской государственный университет
г. Кострома, Российская Федерация
yasneva.e.v@yandex.ru

Сотрудничество органов предварительного следствия с представителями общественности

Аннотация: В статье рассматриваются вопросы взаимодействия следователя с представителями общественности в ходе раскрытия и расследования преступлений. В работе раскрыты некоторые проблемные вопросы, возникающие в ходе взаимодействия, связанные с отсутствием четко сформулированных правовых основ такого взаимодействия.

Ключевые слова: следователь, органы предварительного следствия, представители общественности, журналист, негативные последствия, задачи.

Prisukhina Yana Anatolyevna
student, Kostroma State University

Kostroma, Russian Federation

Yasneva Elena Vasilyevna

senior lecturer, Kostroma State University

Kostroma, Russian Federation

Cooperation of the preliminary investigation authorities with members of the public

Annotation: The article discusses the issues of interaction between the investigator and members of the public during the disclosure and investigation of crimes. The paper reveals some problematic issues that arise during interaction related to the lack of a clearly defined legal framework for such interaction.

Keywords: investigator, preliminary investigation bodies, members of the public, journalist, negative consequences, tasks.

Достижению задач уголовного судопроизводства способствует активное взаимодействие предварительного следствия с общественностью. Отечественными учеными затрагивались различные концепции помощи общественности в раскрытии и расследовании преступлений. Так, Р. С. Белкин отмечал, что помощь населения имеет практическую ценность для выявления и раскрытия преступных проявлений, розыска лиц, их совершивших, для выявления и устранения причин и условий, способствовавших совершению преступлений [3, с. 252]. Мы согласны с позицией Р. С. Белкина и считаем, что сотрудничество следователя с общественностью выступает одним из элементов деятельности по раскрытию и расследованию преступлений, обладающим определенной спецификой. Такое взаимодействие можно определить, как деятельность по привлечению общественности в решении определенных задач, стоящих перед органами предварительного расследования. Налаженное взаимодействие органов предварительного следствия с общественностью обуславливается качественным и грамотным определением формы его осуществления, которая способна обеспечить эффективное достижение раскрытия и расследования преступлений, а также достижение отдельных задач уголовного процесса.

Учеными предлагались различные виды подходов к систематизации форм рассматриваемого взаимодействия органов предварительного следствия с общественностью. Один из таких подходов рассматривал Р. С. Белкин. Он отмечал, что участие общественности в расследовании возможно путем различного содействия следователю при проведении следственных действий. Например, приискание необходимых технических средств, охрана места производства следственного действия, участие в следственном действии по усмотрению следователя для выполнения определенных процессуальных и вспомогательных функций, помощь в выявлении и устранении причин и условий, способствовавших совершению преступления [3, с. 252]. На наш взгляд, помощь общественности в раскрытии и расследовании преступлений сегодня может и должна использоваться в более широком объеме, например в сфере информационной деятельности.

В числе субъектов, которые готовы к сотрудничеству с правоохранительными органами, являются и общественные объединения. В соответствии с законодательством Российской Федерации [1], такие объединения создаются по инициативе граждан РФ, которые хотят оказывать помощь в работе правоохранительных органов. Например, ведущими волонтерскими организациями в Российской Федерации являются «ЛизаАлерт» и «Поиск пропавших детей». В большинстве регионов РФ действуют филиалы этих организаций. С руководителями данных организаций поддерживается постоянное взаимодействие. 16 февраля 2024 года между следственным управлением Следственного комитета Российской Федерации по Костромской области и региональным добровольческим поисково-спасательным отрядом «ЛизаАлерт» заключено соглашение о взаимодействии. В документе стороны детально определили формы и методы взаимодействия и обмена информацией при осуществлении поиска людей, а также договорились о расширении сотрудничества при совместном использовании современных технических средств ведения поисковых мероприятий [7]. Вышеуказанное соглашение является документом закрытого типа, предназначено исключительно для внутреннего пользования.

Основаниями для сотрудничества следователя с общественностью в ходе раскрытия и расследования преступлений являются: необходимость получения информации, которая может положительно отразиться на результатах расследования преступления; необходимость выявления и устранения причин и условий совершения преступления; необходимость получения информации о преступлении и о лице (лицах), которое могло его совершить.

Принятие решения следователем о взаимодействии с общественностью может быть направлено на изменение следственной ситуации в положительную сторону, для достижения желаемого результата. В конкретных ситуациях взаимодействие органов предварительного следствия и общественности может носить рискованный характер. При принятии следователем решения о взаимодействии следует оценить вероятные выгоды и негативные последствия таких действий [2, с. 158–160]. В числе возможных негативных последствий взаимодействия органов предварительного следствия с общественностью, сопровождающих такое взаимодействие могут выступать:

- нежелательное информирование преступников, или связанных с ними лиц о ходе предварительного следствия, его результатах и иных обстоятельствах, которые могут негативно сказаться на качестве расследуемого уголовного дела;
- при определенных условиях у общества может сформироваться негативное мнение в отношении органа предварительного следствия, производящего производство по уголовному делу;
- неправильное истолкование информации представителем общественности, исходящей от органа предварительного следствия;
- самовольное совершение действий представителями общественности. Например, представители общественности, желая, как бы помочь следствию, по незнанию могут навредить [5, с. 158].

В связи с вышесказанным, следует согласиться с учеными, которые полагают, что рискованные действия следователя допустимы, но только в том случае, если они обоснованы. Согласно проведенному в ходе настоящего исследо-

вания опросу следователей Фабричного межрайонного следственного отдела и следственного отдела по Центральному району г. Костромы, Следственного управления СК РФ по Костромской области – 30,8 % (4 человека) следователей, у которых стаж работы в органах следствия менее 3 лет, никогда не взаимодействовали с представителями общественности в ходе оказания последними помощи следствию; 9 следователей со стажем работы свыше 3 лет, осуществляют взаимодействие с общественностью (69,2 %). Принятие следователем решения о взаимодействии с общественностью, представляет собой определение задач расследования, а также использования различных средств и технологий для достижения таких целей уголовного судопроизводства. Проанализировав мнения ученых Н. Л. Гаранта [4, с. 174–175], Н. С. Полевой [6, с. 155], можно определить назначение взаимодействия предварительного следствия с общественностью, как обусловленную сложившейся следственной ситуацией потребность в информировании общественности и обеспечению сотрудничества с ней, направленную на достижение положительных результатов в раскрытии, расследовании и предупреждении преступлений.

Задачи взаимодействия следователя с общественностью в ходе предварительного следствия нормативно не закреплены. Мы полагаем, что задачи взаимодействия можно закрепить в Федеральном законе от 02.04.2014 г. № 44-ФЗ «Об участии граждан в охране общественного порядка» [1]. Для этого необходимо дополнить ст. 4 частью 2 следующего содержания: «Участие граждан в охране общественного порядка осуществляется на основании информирования общественности и обеспечения сотрудничества с ней, направленной на достижение положительных результатов в охране общественного порядка, а также в раскрытии, расследовании и предупреждении преступлений». Закрепление задач в федеральном законе будет способствовать правильному пониманию и определению взаимодействия общественности и следственных органов. Кроме того, необходимо изменить и название ст. 4 Федерального закона от 02.04.2014 года № 44-ФЗ «Об участии граждан в охране общественного порядка» на «Принципы и задачи участия граждан в охране общественного порядка, раскрытии, расследовании и предупреждении преступлений».

Полагаем, что сформулированные нами предложения по изменению законодательства позволят повысить уровень эффективности взаимодействия органов предварительного следствия с представителями общественности в ходе раскрытия и расследования преступлений. Помимо этого, такое сотрудничество может способствовать не только раскрытию и расследованию преступлений, но и оказывать положительное влияние на граждан, развивая их активную гражданскую позицию, что поможет решать задачи уголовного процесса.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Об участии граждан в охране общественного порядка Российской Федерации : Федеральный закон от 02.04.2014 года № 44-ФЗ (ред. от 14.07.2022): принят Государственной Думой 21 марта 2014 года : одобрен Советом Федерации 26 марта 2014 года // Официальный интернет-портал правовой информации. Информационно-правовая система «Законодательство России». URL: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 22.04.2024).

2. Богомолова А. Г. Особенности использования современных информационных и коммуникационных технологий взаимодействия следователя с общественностью в раскрытии и расследовании преступлений // Международная юридическая научно-практическая конференция студентов, магистрантов, аспирантов и молодых ученых «Тенденции и развитие современной системы права». Тула : Тульский гос. ун-т, 2018. С. 158–160.

3. Белкин Р. С. Курс криминалистики : в 3 т. Т. 1 Общая теория криминалистики : учебник. М. : Юристъ, 1997. 252 с.

4. Гарант Н. Л. Характеристика следственных задач и психологические механизмы их решения : дис. ... канд. юрид. наук. М. : Всесоюз. ин-т по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности, 1973. С. 174–175.

5. Головин А. Ю. Криминалистическая систематика : монография. М. : ЛексЭст, 2002. 158 с.

6. Полевой Н. С. Криминалистическая кибернетика. М.: Изд-во МГУ, 1989. 208 с.

7. Руководителем следственного управления СК России по Костромской области и представителем поискового отряда «ЛизаАлерт» Костромской области заключено соглашение о взаимодействии, 16.02.2024 // СУ СК РФ по Костромской области : офиц. сайт. URL: <https://kostroma.sledcom.ru/news/item/1861408> (дата обращения: 22.04.2024).

УДК 343.1

Мартынов Иван Андреевич

студент, Астраханский филиал

Саратовской государственной юридической академии

г. Астрахань, Российская Федерация

starkovegor812star@gmail.com

Николаев Андрей Евгеньевич

студент, Астраханский филиал

Саратовской государственной юридической академии

г. Астрахань, Российская Федерация

dehhdrg@gmail.com

Королева Елена Васильевна

кандидат юридических наук, доцент, Астраханский филиал

Саратовской государственной юридической академии

г. Астрахань, Российская Федерация

Koroleva_e@rambler.ru

К вопросу об осуществлении уголовного преследования прокурором

Аннотация: В статье рассматриваются нормы уголовно-процессуального закона, регламентирующие функцию уголовного преследования, осуществляемого прокурором. На досудебных стадиях уголовного процесса в настоящее время проявляется неопределенность

в данном вопросе. В статье высказано предположение, что в полной мере функция уголовного преследования проявляется лишь на этапе поддержания прокурором государственного обвинения в суде.

Ключевые слова: уголовное преследование, обвинение как главная часть уголовного преследования, изменение уголовно-процессуального закона, возбуждение уголовного дела, государственное обвинение.

Martynov Ivan Andreevich

student, Astrakhan branch

Saratov state law academy

Astrakhan, Russian Federation

Nikolaev Andrey Evgenievich

student, Astrakhan branch

Saratov state law academy

Astrakhan, Russian Federation

Koroleva Elena Vasilyevna

candidate of law, associate professor

Astrakhan branch Saratov state law academy

Astrakhan, Russian Federation

On the issue of criminal prosecution by the prosecutor

Annotation: *The article examines the norms of criminal procedure law that regulate the function of criminal prosecution carried out by the prosecutor. At the pre-trial stages of the criminal process, there is currently uncertainty in this matter. The article suggests that the full function of criminal prosecution is manifested only at the stage of the prosecutor maintaining the state prosecution in court.*

Keywords: *criminal prosecution, prosecution as the main part of criminal prosecution, changes in the criminal procedural law, initiation of criminal proceedings, public prosecution.*

В действующем уголовно-процессуальном законодательстве проявляется неопределенность в осуществлении прокурором функции уголовного преследования. Так, в ст. 5 УПК РФ прокурор назван стороной в уголовном судопроизводстве, который выполняет функцию обвинения на основе принципа состязательности, в ст. 21 прокурор является субъектом, который осуществляет уголовное преследования, в ст. 37 прокурор признается должностным лицом, который осуществляет в ходе уголовного процесса уголовное преследование от имени государства [1].

Представляется, что несмотря на такое разделение функций в законе нет четкого ответа на вопрос, осуществляет ли прокурор уголовное преследование на досудебной стадии процесса или только надзирает за процессуальной деятельностью органов предварительного расследования, как это следует из буквального толкования ч. 1 ст. 37 УПК РФ

Обвинение лица в совершении преступного деяния является главной частью уголовного преследования в рамках досудебного производства [3, с. 95]. В процессе оно возникает, когда у следователя или дознавателя будет достаточно доказательств, которые могут послужить основаниями для предъявления

лицу обвинения и привлечения его в качестве обвиняемого. Исходя из этого, уголовное преследование в данном случае принимает форму обвинения в совершении преступного деяния.

В процессе внесения изменений в УПК РФ, произошли существенные осложнения путей реализации данным должностным лицом функций уголовного преследования. Данные изменения в сфере прокурорского надзора и предварительного следствия повлекли к значительному колебанию устоявшихся в советском и постсоветском правовом поле положений уголовно-процессуальной независимости следователя. Были смещены акценты относительно деятельности прокурора в отношении органов дознания.

В связи с этим трансформация процессуальных полномочий прокурора, которая сломила все устои уголовно-правовой теории, совершенно не впитывалась в существующее в обществе правовое поле. Среди определенной группы ученых в области уголовно-процессуального права даже появилось мнение о чуть ли не абсолютной утрате прокурором своих позиций в области реализации уголовного преследования, вопреки тому, что он остается должностным лицом, осуществляющим надзор за предварительным расследованием. Однако с точки зрения законодателя, которая закреплена в 21 статье, прокурор все еще остается важнейшим субъектом уголовного преследования [6, с. 92].

Необходимость возобновления полномочий прокурора по возбуждению уголовного дела и прочих центральных решений в ходе стадии уголовного преследования является принципиальной проблемой. Именно от ее решения зависит возможность восстановления эффективности уголовного преследования, осуществляемого прокурором. Отсутствие вышеуказанных полномочий у прокурора стало весомым препятствием при осуществлении данными должностными лицами прокурорских проверок. Зачастую они содержат данные о действиях, которые содержат признаки преступлений. Прокурор вправе лишь направить мотивированное постановление в орган предварительного расследования в рамках реагирования в целях борьбы с преступностью.

Акт возбуждения уголовного дела является элементом уголовного преследования, он признан незаменимым основанием наступления возможности для получения доказательств совершения лицами преступных деяний [2, с. 55].

При осуществлении выбора хода расследования, нахождения правильных ориентиров по нему, для реализации функций уголовного преследования решающее значение имеет прокурорский надзор за законностью расследования, ведь именно он определяет рациональность и необходимость определенных следственных действий и процессуальных решений.

Производя анализ действующей редакции УПК РФ, а также ФЗ «О Прокуратуре Российской Федерации», можно сделать вывод, что осуществление данным должностным лицом функции уголовного преследования возможно лишь на судебных стадиях уголовного судопроизводства, где он остается единственным субъектом со стороны обвинения [4, с. 208]. Часть 5 ст. 246 УПК РФ раскрывает полномочия прокурора на данной стадии: высказывание суду мнения по вопросу применения уголовного закона в отношении подсудимого, предоставление доказательств, участие в их исследовании, изложение собственно-

го мнения по существу обвинения и иных вопросов, которые могут возникнуть в ходе судебного процесса. Совершенно очевидно, что вышеуказанная деятельность данного должностного лица характеризуется необходимостью доказывания для суда обосновано ли обвинение, которое было предъявлено подсудимому. Однако можно предположить, что осуществление прокурором изобличения подсудимого не является единственной задачей при осуществлении им уголовного преследования.

Важно отметить, что прокурор, реагируя на нарушения уголовно-процессуального закона и выполняя его предписания, не освобожден при наличии допустимых, относимых и достаточных доказательств от возложенной на него служебной обязанности предпринять все возможное для доказывания вины подсудимого с соблюдением предусмотренного конституцией правового принципа презумпции невиновности.

Реализация прокурором своих процессуальных функций, полноценное выполнение его процессуальной функции является прямым результатом содействия со стороны государственного обвинителя суду для достижения целей правосудия.

Из этого следует, что под государственным обвинением по уголовным делам в суде стоит иметь в виду и как обязательный элемент процесса, и как необходимую форму осуществления функции обвинения в уголовном судопроизводстве [5, с. 108]. Деятельность данного должностного лица кардинально отличается по условиям и субъекту от деятельности следователя на этапе предварительного следователя и дознавателя. Однако следует сказать, что они неразрывно связаны, теснейшая взаимосвязь между ними очевидна, так как поддержание прокурором государственного обвинения в суде является прямым продолжением уголовного преследования, которое уже было начато дознавателем или следователем на этапе предварительного расследования. Поэтому материалы уголовного дела, которые завершают данную стадию досудебного производства составляют информационную основу государственного обвинения.

Подводя итог, отметим, что прокурор, выполняющий функцию координатора деятельности по борьбе с преступностью, надзора за следствием и дознанием, не может быть отделен от уголовного преследования. Эта функция неизбежно будет присутствовать в его деятельности, причем не независимо от его процессуальных полномочий, поскольку возложение на него ответственности за соблюдение прав участников судопроизводства и за качество расследования неизбежно влечет потребность руководить последним.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 23.03.2024). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ (дата обращения: 13.04.2024).

2. Бастрькин А. И., Усачев А. А. Уголовный процесс : учебник для академического бакалавриата. М. : Юрайт, 2023. 425 с.

3. Михайловская И. Б., Петрухин И. Л. Уголовно-процессуальное право Российской Федерации. М. : Проспект, 2021. 688 с.

4. Нукенова Н. А. Сущность функций прокурора в уголовном процессе // Молодой ученый. 2021. № 17. С. 207–209.

5. Сафина А. Р. Функции прокурора в уголовном процессе // Вопросы науки и образования. 2017. № 1. С. 105–109.

6. Ястребов В. Б. О деятельности стороны обвинения в уголовном судопроизводстве // Судебная власть и уголовный процесс. 2018. № 1. С. 87–96.

УДК 343.132

Семкина Татьяна Александровна

студент, Владивостокский государственный университет

г. Владивосток, Российская Федерация

smkina.tanya@mail.ru

Способы и приемы собирания и проверки доказательств в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации

Аннотация: В статье рассматриваются нормы уголовно-процессуального права российского законодательства в области регулирования порядка производства и регламентационных особенностей следственных действий закрепленных в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации, проводится сравнительный анализ с правовым регулированием института следственных действий в странах ближайшего зарубежья. Исследования научной литературы, действующих нормативно-правовых актов и соответствующей судебной практики позволяют произвести глубокий анализ и изучение данной темы в целях усовершенствования изучаемого института.

Ключевые слова: следственные действия, процессуальные действия, Уголовно-процессуальный кодекс, осмотр, экспертиза, следственный эксперимент.

Semkina Tatyana Aleksandrovna

student, Vladivostok State University

Vladivostok, Russian Federation

Methods and techniques for collecting and checking evidence in the Criminal Procedure Code of the Russian Federation

Annotation: The article examines the norms of criminal procedural law of Russian legislation in the field of regulating the procedure for production and regulatory features of investigative actions enshrined in the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, and conducts a comparative analysis with the legal regulation of the institution of investigative actions in neighboring countries. Research of scientific literature, current regulations and relevant judicial practice allows for an in-depth analysis and study of this topic in order to improve the institution being studied.

Keywords: investigative actions, procedural actions, Criminal Procedure Code, inspection, examination, investigative experiment.

Регламентация доказывания неотъемлемая часть уголовно-процессуального права в любом государстве, различия заключаются в том, как

и какими средствами оно осуществляется. В Российской Федерации основным средством доказывания являются следственные действия. Несмотря на существенное изменение системы общественных отношений, появление новых видов преступлений и пр., имеющийся в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации [4] институт следственных действий практически не подвергся изменениям в течение почти 63 лет с момента принятия УПК РСФСР 1960 года [5]. Действующий уголовно-процессуальный закон пополнил арсенал следователей лишь тремя следственными действиями: контроль и запись переговоров, получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами и проверка показаний на месте. Консерватизм нормативной регламентации способов собирания и проверки доказательств не соответствует динамики общественных отношений, которые, повторимся, принципиально изменились, включая криминальные проявления. В силу изложенного институт следственных действий остро нуждается в пересмотре и модернизации некоторых его норм.

Давая общую характеристику институту следственных действий, т. е. совокупности способов и приемов собирания, и проверки доказательств, прежде всего необходимо отметить, что по-прежнему законодательно не закреплено понятие следственного действия. В целом это особенности истории развития уголовно-процессуального законодательства России. Ни один уголовно-процессуальный закон не закреплял понятия следственного действия, отсутствует это понятие и в действующем УПК РФ 2001 года, в котором лишь оговорено, что следственное действие разновидность процессуального действия (п. 31 ч. 1 ст. 5 УПК РФ). Думается, что законодатель до конца не определился с тем, что же такое следственное действие и поэтому он не может четко сформулировать его легальную дефиницию. При этом законодатель вполне четко понимает цель следственного действия – получение значимой для уголовного дела информации о предмете доказывания, что активно акцентирует при описании многих следственных действий, закрепленных в УПК РФ. Данное обстоятельство можно назвать одной из первых регламентационных проблем системы следственных действий.

Следует также отметить, что законодатель напрямую не закрепляет перечень следственных действий, т. е. в УПК РФ нет статьи, в которой содержался такой перечень. Более того законодатель сам не всегда точен в том какое действие является следственным. Так, в ч. 1 ст. 164 УПК РФ указано, что следственное действие, предусмотренные ч. 3 ст. 178 УПК РФ, производится на основании постановления следователя. В указанных выше нормах содержится регламентация проведения эксгумации, которую по ряду причин сложно отнести к следственным действиям. Во всяком случае единого мнения по поводу сущности эксгумации в научной литературе нет.

Наиболее полную характеристику системы следственных действий можно получить в ходе ее изучения. В действующем уголовно-процессуальном законе закреплены следующие следственные действия: допрос обвиняемого (ст. 173 УПК РФ), осмотр (ст. 176–178 УПК РФ), освидетельствование (ст. 179 УПК РФ), следственный эксперимент (ст. 181 УПК РФ), обыск (ст. 182, ст. 184), вы-

емка (ст. 183), наложение ареста на почтово-телеграфные отправления, их осмотр и выемка (ст. 185), контроль и запись переговоров (ст. 186), получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами (ст. 186.1), допрос свидетеля, потерпевшего (ст. 187-190), очная ставка (ст. 192), предъявление для опознания (ст. 193), проверка показаний на месте (ст. 194), судебная экспертиза (гл. 27 УПК РФ).

Каждому из способов собирания и проверки доказательств свойственны уникальные регламентационные особенности и регламентационные недостатки. Так, например, в качестве одной из особенностей регламентации осмотра является закрепление цели его производства. В УПК РФ цель осмотра сведена к обнаружению следов преступления и выяснению других обстоятельств (ч. 1 ст. 176). Понятно, что в ходе осмотра дознаватели и следователи не только обнаруживают, но и изымают различные объекты, имеющие значение для уголовного дела, поэтому не лишнем было бы в этой части уточнить цель осмотра.

Особенностями регламентации осмотра являются, во-первых, возможность его производства до возбуждения уголовного дела (ч. 2 ст. 176). Во-вторых, законодатель закрепляет менее жесткий, чем при производстве обыска (выемки) режим обеспечения сохранности осматриваемых или необходимых для последующего осмотра предметов. Обнаруженные и изъятые в результате осмотра предметы предъявляются участникам осмотра, затем упаковываются, опечатываются и заверяются только подписью следователя (дознавателя) (ч. 3 ст. 177 УПК РФ), в отличие от обыска (выемки), где верификация изымаемых предметов подтверждается также подписями других участников следственного действия (ч. 10 ст. 182 УПК РФ). В-третьих, УПК РФ предусматривает один можно сказать специальный вид осмотра, сопряженный с технической процедурой, о которой упоминалось выше – эксгумация. Данный вид осмотра предусматривает самое большое количество обязательных и не обязательных участников наряду со следователем (дознавателем) – судебно-медицинский эксперт, врач, специалист и др. Особенности этого вида осмотра обусловлены специфичностью объекта осмотра – трупа, который в ч. 1 ст. 176 УПК РФ как объект осмотра не указан.

Что касается системы объектов осмотра, то необходимо сказать, что перечень объектов, которые подлежат осмотру в соответствии с установленной УПК РФ процедурой, устарел и нуждается в актуализации. Норма ч. 1 ст. 176 УПК РФ закрепляет следующие объекты осмотра: место происшествия; местность; жилище; иное помещение; предметы; документы. Помимо того, что такой состав объектов явно не соответствует реалиям следственной деятельности, законодатель не озадачился закреплением дефиниций каждого объекта осмотра, что является упущением. Говоря об актуализации системы объектов, речь ведется по поводу необходимости закрепления в качестве самостоятельных объектов осмотра животных и их трупов. В некоторых субъектах Российской Федерации (например, Бурятия, Калмыкия, Якутия и др.) животные зачастую являются предметом преступного посягательства.

Следственный эксперимент имеет особенности в сравнении с другими процессуальными действиями. Уголовно-процессуальный закон закрепляет

многообразии решаемых при проведении следственного эксперимента задач: «...возможность восприятия каких-либо фактов, совершения определенных действий, наступления какого-либо события...» и т. п. (ст. 181), что является его регламентационной особенностью. Следственный эксперимент является именно способом проверки доказательств. Ядро следственного эксперимента, его сущность – это его экспериментальный характер, т. е. преобладание опытных действий, направленных на проверку имеющихся данных, что не подчеркивается в его регламентации. Об отмеченной особенности следственного эксперимента косвенно свидетельствует положение о том, что в ходе следственного эксперимента «проверяется возможность восприятия каких-либо фактов, совершения определенных действий, наступления какого-либо события, а также выявляются последовательность происшедшего события и механизм образования следов» (ст. 181 УПК РФ).

Таким образом, в УПК РФ основным регламентационным недостатком следственного эксперимента является затуманивание опытного, экспериментального, действительного характера эксперимента [2, с. 246]. Для части уголовно-процессуальных законов государств постсоветского пространства свойственен недостаток, имеющийся в регламентации следственного эксперимента в УПК РФ – краткость норм, которые практически не касаются процедуры его производства. Однако в некоторых уголовно-процессуальных законах государств СНГ, в частности Республики Казахстан и Республики Узбекистан этот недостаток отчасти преодолен и уделено большее внимание регламентации процедуры (ст. 259 УПК РК, ст. 153, 154, 155 УПК РУ) [3; 6].

Заключительное следственное действие, которого мы коснемся, судебная экспертиза, которая имеет наиболее подробную регламентацию в действующем законе (глава 27 УПК РФ). В силу ограниченности объема публикации мы остановимся только на основании ее назначения. Субъектами производства судебной экспертизы выступают следователь или суд, принимающие решение о ее назначении в случае необходимости, т. е. всецело по своему усмотрению. Такая регламентация может способствовать игнорированию назначения судебной экспертизы в очевидных, по мнению следователя или суда, случаях. Так, по данным А. В. Верещагиной, по делам о неуважении к суду судебная лингвистическая экспертиза проводилась только по 12,44 % уголовных дел. Отсутствие специальных исследований восполнялось в приговорах судов суждениями об «...очевидности и недвусмысленности характера высказываний»; использование нецензурных выражений свидетельствует об оскорбительности и неприличном характере высказываний, «...поэтому не требуется привлечения эксперта» [1, с. 66] и т. п.

Таким образом, действующий уголовно-процессуальный закон в регламентации следственных действий сохранил приверженность подходам, сложившимся в дореволюционный и советский периоды, не вышел за пределы системы сложившихся следственных действий, и не привнес в процедуру их производства положений, которые бы соответствовали потребностям эффективного противодействия преступности и оптимизации доказывания по уголовным делам.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Верещагина А. В. Доказывание по уголовным делам о неуважении к суду (ст. 297 Уголовного кодекса Российской Федерации) // Юристъ-Правоведъ. 2022. №1 (100). С. 66–67.
2. Егорова Е. В. О понятии и сущности следственного эксперимента // Вестник экономической безопасности. 2017. № 2. С. 244–246.
3. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан от 04.07.2014 № 231-V(с изм. и доп. по сост. на 24.03.2024). URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31575852&pos=4;-106#pos=4;-106 (дата обращения: 27.08.2024).
4. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: от 18.12.2001 № 147-ФЗ (ред. 18.03.2024). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ (дата обращения: 23.03.2024).
5. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР в ред. от 29.12.2001. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_3275/ (дата обращения: 02.04.2024).
6. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Узбекистан от 22.09.1994 № 2013-XII (с изм. и доп. по сост. на 12.08.2023). URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30421101&sub_id=1530000&pos=1777;-54#pos=1777;-54 (дата обращения: 24.03.2024).

УДК 343.132.4

Ломтева Елизавета Сергеевна

студент, Костромской государственный университет

г. Кострома, Российская Федерация

e-mail: lomteva.elizavetka@mail.ru

Яснева Елена Васильевна

старший преподаватель, Костромской государственный университет

г. Кострома, Российская Федерация

e-mail: yasneva.e.v@yandex.ru

Некоторые проблемные вопросы проведения допроса и очной ставки путем использования систем видео-конференц-связи на этапе предварительного следствия

Аннотация: В данной статье рассматриваются вопросы реализации допроса и очной ставки путем использования систем видео-конференц-связи на этапе предварительного следствия. Выявленные в ходе исследования проблемы указывают на необходимость усовершенствования процедуры указанных следственных действий и предложены пути их разрешения.

Ключевые слова: допрос, очная ставка, следователь, видео-конференц-связь, предварительное следствие.

Lomteva Elizaveta Sergeevna
student, Kostroma State University
Kostroma, Russian Federation

Yasneva Elena Vasilyevna
senior lecturer, Kostroma State University
Kostroma, Russian Federation

Some problematic issues of conducting interrogation and confrontation through the use of video conferencing systems at the stage of preliminary investigation

Annotation: his article discusses the problems of the implementation of interrogation and confrontation through the use of video conferencing systems at the stage of preliminary investigation. The authors point out the need to improve this criminal procedure institution, since its implementation is significant at the stage of preliminary investigation.

Keywords: interrogation, confrontation, video conference call, preliminary investigation.

В современном мире, с развитием технологий и цифровизации процессов, стало возможным проведение допросов и очных ставок путем использования систем видео-конференц-связи без необходимости физического присутствия участников процессуальных действий, что открывает новые возможности для органов предварительного следствия. Новая процедура направлена на сокращение сроков следствия, поможет избежать судебных издержек, связанных с оплатой поездок участников процесса, аренды жилья и других расходов, связанных с проживанием участников процесса за пределами постоянного места жительства. Вместе с этим, возникают и проблемы, которые необходимо учитывать и решать для обеспечения справедливости и эффективности процесса. При этом, для органов судебной власти данное мероприятие не является чем-то новым, а активно используется в ходе судебных заседаний. Суды практикуют проведение заседаний в режиме онлайн. Так, в районных судах Костромской области и Арбитражном суде Костромской области еще с 2012 года начали устанавливать комплекс видеоконференцсвязи для проведения судебных процессов [2]. В науке уголовного процесса видео-конференц-связь определяется как некоторая совокупность современных технологических решений, позволяющих в режиме реального времени обеспечить удаленный аудиально-визуализированный обмен информацией одновременно между несколькими заинтересованными сторонами – участниками.

В случае необходимости проведения допроса, с использованием видео-конференц-связи, в соответствии с ч. 2 ст. 189.1 УПК РФ, следователь направляет другому следователю по месту нахождения лица, участие которого необходимо, письменное поручение об организации его участия в следственном действии. Таким образом, в допросе, путем использования видео-конференц-связи, должны быть задействованы, как минимум, два следователя. Один следователь будет выполнять письменное поручение в части технического сопровождения следственного действия, а другой соответственно проводить допрос. Протокол составляется с соблюдением требований уголовно-процессуального закона с учетом особенностей его подписания, установленных ст. 189.1 УПК РФ, следователем, которому поручено производство расследования. В хо-

де допроса обязательно применение видеозаписи, материалы которой приобщаются к протоколу допроса.

При анализе норм уголовно-процессуального закона и мнений ученых-процессуалистов, мы выявили проблему о времени производства допроса. Так, в ч. 3 ст. 189.1 УПК РФ предусмотрено, что в протоколе указывается время производства следственного действия по месту не только его составления, но и нахождения допрашиваемого лица. Территория Российской Федерации охватывает 11 часовых поясов, в связи, с чем между следователем, которому поручено производство предварительного расследования, и следователем по месту нахождения допрашиваемого лица в ходе производства допроса посредством видео-конференц-связи могут возникать проблемы соблюдения ч. 3 ст. 164 УПК РФ, в соответствии с которой производство следственного действия в ночное время не допускается. Данная ситуация в нормах ст. 189.1 УПК РФ не урегулирована.

В соответствии со ст. 192 УПК РФ [3] целью очной ставки является устранение противоречий в показаниях ранее допрошенных лиц. При ее проведении между участниками должен быть установлен особый психологический контакт, при котором им сложно давать ложные показания, а при видео-конференц-связи такой контакт отсутствует, что затрудняет получение следователем достоверных сведений по существу уголовного дела. При производстве очной ставки с использованием системы видео-конференц-связи увеличивается количество проводимых следственных действий по уголовному делу. Чтобы признать законным проведение очной ставки таким путем, вместо одного следственного действия следователем проводятся два следственных действия: очная ставка и осмотр предметов (оптического диска или иного электронного носителя), на котором записано следственное мероприятие. Кроме того, составляются три процессуальных документа: протокол очной ставки, протокол осмотра предметов, постановление о признании и приобщении к уголовному делу вещественных доказательств. Целесообразно ли в этом случае говорить о повышении эффективности предварительного следствия вследствие увеличения количества проводимых следственных действий по уголовному делу? [1, с. 276–277].

Также немаловажным недостатком, возникающим в процессе проведения очной ставки и допроса с помощью видео-конференц-связи, является проблема безопасного, бесперебойного и непрерывного осуществления видеосигнала, так как возможны технические сбои, задержки в передаче звука или изображения, что может затруднить коммуникацию между участниками процесса и повлиять на достоверность получаемой информации. Помимо этого, в процессе проведения рассматриваемых нами следственных действий, существует возможность вмешательства третьих лиц, так как при передаче информации через Интернет существует риск перехвата и утечки конфиденциальных данных участников процесса. Для решения указанных проблем органам предварительного следствия необходимо иметь свой специальный программный комплекс либо официально утвержденную уполномоченными органами интернет-платформу, с помощью которых проведение очных ставок и допросов стало бы безопасным, удобным и эффективным при производстве предварительного следствия, а также сохранить тайну следствия. Хорошее техническое оснащение оборудованием всех следственных ведомств, необходимо еще и для того, чтобы все ви-

део-доказательства, полученные таким образом, обладали четким разрешением и качеством съемки.

Таким образом, проведение допросов и очных ставок по видеоконференц-связи представляет собой необходимый инструмент современной уголовно-процессуальной системы, однако для обеспечения его эффективности необходимо учитывать и решать возникающие проблемы. Правильный подход к организации процесса и использование современных технологий помогут обеспечить успешное проведение данных следственных мероприятий. На наш взгляд, применение ст. 189.1 УПК РФ нуждается в совершенствовании как с уголовно-процессуальных, так и с технических позиций, что будет способствовать результативности при производстве предварительного следствия по уголовному делу.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Дорошенко А. А., Воробьева К. А. Особенности проведения допроса с использованием систем видео-конференц-связи // Молодой ученый. 2023. № 2(449). С. 276–277. URL: <https://moluch.ru/archive/449/98756/> (дата обращения: 14.04.2024).

2. Сайт Арбитражного суда Костромской области. URL: <https://kostroma.arbitr.ru/process/vks?ysclid=lv3mug388p254533073> (дата обращения: 13.04.2024).

3. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ (дата обращения: 13.04.2024).

Байрамова Фируза Халид кызы

магистрант

Костромской государственный университет

г. Кострома, Российская Федерация

bairamova191178@icloud.com

Бриль Геннадий Геннадьевич

доктор юридических наук, доцент, директор

юридического института им. Ю. П. Новицкого,

профессор кафедры теории и истории государства

и права, Костромской государственный университет

г. Кострома, Российская Федерация

g_bril@ksu.edu.ru

Актуальные теоретические и практические проблемы исполнения решения суда о взыскании алиментных платежей в службе судебных приставов

Аннотация: В статье исследуются особенности расчета задолженности по алиментным обязательствам на стадии исполнительного производства, принудительный порядок совершения исполнительных действий, права и обязанности сторон исполнительного

производства, права и обязанности судебного пристава-исполнителя как должностного лица. Целью статьи является исследование важнейших теоретических и практических проблем, касающихся исполнения решения суда алиментного обязательства в части расчета задолженности по алиментам, а также выработка на этой основе практических рекомендаций ФССП России.

Ключевые слова: взыскатель, должник, алиментные обязательства, суд, судебный пристав-исполнитель, исполнительный лист.

Bayramova Firuza Khalid

undergraduate, Kostroma State University
Kostroma, Russian Federation

Bril Gennady Gennadievich

doctor of law, associate professor,
director of the Novitsky law institute,
professor of the department of theory
and history of state and law
Kostroma State University
Kostroma, Russian Federation

Actual theoretical and practical problems of execution of a court decision on the recovery of alimony payments in the bailiff service

Annotation: The article examines the peculiarities of calculating the debt on alimony obligations at the stage of enforcement proceedings, the compulsory procedure for performing enforcement actions, the rights and obligations of the parties to the enforcement proceedings, the rights and obligations of the bailiff as an official. The purpose of the article is to study the most important theoretical and practical problems related to the execution of the court decision of the alimony obligation in terms of calculating the alimony debt, as well as to develop practical recommendations of the Federal Bailiff Service of Russia on this basis.

Keywords: recoverer, debtor, alimony obligations, court, bailiff, writ of execution.

На сегодня степень исполнения решений судов, в том числе и по алиментным обязательствам, нельзя признать удовлетворительной. По данным на 1 января 2024 года неоконченные исполнительные производства по делам о взыскании алиментов составляет 772,4 тыс., и это одна из причин возникновения задолженности по алиментам.

Уклонением от уплаты алиментов следует считать действия или бездействие виновного лица, направленные на невыполнение решения суда о взыскании с него в пользу взыскателя определенной суммы алиментов.

На наш взгляд, проблема правового регулирования алиментирования родителей и детей – это связанность суда жесткими императивными предписаниями, в результате суд часто лишен возможности принимать решения, действительно защищающие права субъектов алиментных правоотношений. Предоставив, суду возможность действовать ситуационно, законодатель смог бы добиться более качественной защиты прав получателей алиментов.

После возбуждения исполнительного производства судебный пристав-исполнитель принимает меры для установления места работы, запрашивая со-

ответствующую информацию в территориальных отделениях Пенсионного Фонда, в центрах занятости населения. Важную роль при исполнении решения суда или нотариального соглашения об уплате алиментов играет расчет задолженности по алиментам, так как в зависимости от суммы задолженности к должнику могут применяться различные меры принудительного характера и ответственности в соответствии с Федеральным законом «Об исполнительном производстве»:

- административная ответственность регулируется ст. 5.35.1 КоАП РФ, она может наступить уже при наличии задолженности в двух и более месяцах подряд в рамках исполнительного производства,

- уголовная ответственность регулируется по ст. 157 УК РФ. Она наступает в том случае, если должник неоднократно уклонялся от уплаты алиментов, в течение года после административной ответственности;

- исполнительный сбор в размере 7 % от суммы долга, но не менее 1000 рублей, и так каждый раз при невнесении очередного платежа;

- неустойка за каждый день просрочки на сумму долга начисляют 0,1 % неустойки;

- удержание с дохода должника, судебный пристав-исполнитель направляет постановление о направлении копии исполнительного документа по месту работы должника, и бухгалтерия обязана будет удерживать из заработка до 70 % средств до полного погашения задолженности по алиментам;

- ограничение специального права в части водительского удостоверения, если размер задолженности по алиментам составляет свыше 10 000 рублей;

- ограничение на выезд должника за пределы Российской Федерации, если задолженность по алиментам составляет свыше 10 000 рублей;

- лишение родительских прав, если должник систематически и намеренно уклоняется от уплаты алиментов, т. е. имеется задолженность по алиментам.

Если должник официально трудоустроен, то расчет задолженности по алиментам производится исходя из дохода, в случае, если должник не трудоустроен и размер в долях, то расчет задолженности производится из средней заработной платы по РФ.

Декретный отпуск не освобождает алиментоплательщика от уплаты, т. е. будет начисляться задолженность исходя из средней зарплаты в РФ, ограничивать положение ребенка, даже если должник находится в декретном отпуске, нельзя.

В соответствии с ч. 1 ст. 102 ФЗ «Об исполнительном производстве» и п. 1 ст. 117 СК РФ в случае, если по решению суда алименты взыскиваются в твердой денежной сумме, судебный пристав-исполнитель, а также организация или иное лицо, производящие удержание алиментов из заработной платы или иного дохода должника, производят индексацию алиментов пропорционально росту величины прожиточного минимума для соответствующей социально-демографической группы населения, установленной в соответствующем субъекте Российской Федерации по месту жительства лица, получающего алименты.

В Семейном кодексе Российской Федерации сказано, что алименты в твердой денежной сумме назначаются, когда родитель не работает официально, у него нерегулярный заработок (например, как у самозанятого или ИП) или он получает доход в иностранной валюте (ст. 117 СК РФ). Однако п. 24 Пленума Верховного Суда РФ от 26.12.2017 № 56 внес коррективы. Даже если у родителя регулярный доход, то алименты по желанию истца можно установить в твердой денежной сумме.

В современных экономических условиях, к сожалению, часто случается, что лицо, обязанное платить алименты, работает у предпринимателя без оформления на работу согласно требованиям Трудового кодекса, т. е. по всем признакам считается неработающим, хотя на самом деле получает соответствующую заработную плату. Данные выплаты нигде не учитываются и обратиться на них взыскание алиментов не представляется возможным, так как подтвердить наличие у должника дохода документально невозможно.

Служба судебных приставов получает исполнительный документ и в отношении должника возбуждают исполнительное производство, направляют постановление о направлении копии исполнительного документа по месту получения дохода должника в организацию, но на практике иногда имеют место случаи, когда постановление о направлении копии исполнительного документа по месту получения дохода должника не поступает в соответствующие организации в течение нескольких месяцев. В таком случае говорить о задолженности и вине плательщика нельзя, поскольку задолженность возникла вследствие бездействия судебного пристава-исполнителя. Поэтому в этой ситуации применять неустойку согласно ст. 115 СК РФ невозможно [1]. Также нельзя говорить о вине плательщика, если вычет не осуществлялся по вине бухгалтерии организации, где он работает. Но погасить задолженность по алиментам плательщик должен, поэтому вопрос будет стоять о погашении задолженности по алиментам до исполнения в полном объеме не менее семидесяти процентов, из них в первую очередь производят удержания по текущим алиментам и процент удержания в счет погашения задолженности по алиментам.

Итак, можно утверждать, что главные трудности в процессе урегулирования спорных вопросов между сторонами при взыскании алиментов возникают именно на стадии исполнения судебного постановления или нотариального соглашения об уплате алиментов. Учитывая это, механизмы регулирования данного процесса требуют совершенствования.

Необходимо внести изменения в законодательство:

- предусмотреть принудительное трудоустройство должника на период выплаты задолженности;
- создать единую федеральную информационную базу по неплательщикам алиментов с указанием их мест нахождения, работы (работающих по трудовому договору или контракту, как по основному месту работы, так и по совместительству), размеров выплат и задолженностей на базе Банком данных об исполнительных производствах интернет-ресурса ФССП;
- помогать должнику в поиске работы (трудоустройство);
- переводить неплательщиков алиментов в статус самозанятого;

- поднимать общественное сознание, активно использовать социальную рекламу;
- ограничения действия электронных карт должника;
- понуждение к заключению контракта на военную службу.

В случае если должник состоит на учете в службе занятости, не получая при этом пособия по безработице, судебный пристав-исполнитель производит расчет задолженности исходя из размеров средней заработной платы по РФ.

Принимая во внимание особую важность и характер исполнительных производств о взыскании алиментов, законодатель предусмотрел возможность применения временного ограничения на пользование должником специальным правом, в случае образования задолженности свыше 10 000 рублей.

Законодательство предусматривает исчерпывающий перечень условий, при котором должник не может быть ограничен в специальных правах.

С момента начала введения в действие данной нормы наиболее активно она используется в рамках ведения исполнительного производства по алиментным обязательствам, что следует признать эффективной мерой при принудительном исполнении требований, содержащихся в исполнительном документе.

Недостатком данного инструмента, на наш взгляд, является процедура его применения, а именно, обязательность личного вручения должнику соответствующего постановления судебного пристава-исполнителя.

Необходимость указания в постановлении реквизитов определенного водительского удостоверения, приостанавливается не право лица на управление каким-либо видом транспорта, осуществляемое в настоящий момент или возможно осуществляемое в будущем, как например, в случае временного ограничения на выезд должника, а действие водительского удостоверения.

Представляется, что при смене водительского удостоверения могут возникнуть ситуации, при которых лицо, ограниченное в специальном праве может получить новое водительское удостоверение с реквизитами отличными от прежнего документа, исключая, при этом, возможность привлечения ограничиваемого лица к ответственности в исполнительном производстве.

В России предельный срок алиментных выплат ограничивается возрастом 23 года, признавая право индивида на получение достойного образования, законодатель придерживается позиции государственного обеспечения детей оставшихся без попечения родителей, получателей пособия по потере кормильца до достижения ими 23-летнего получающих образование по очной форме обучения, но не содержит положений об обязанности родителей производить выплаты на содержание совершеннолетних детей при аналогичных условиях.

Необходимо на наш взгляд, закрепить право на обращение совершеннолетнего в возрасте до 23 лет, который впервые получает высшее профессиональное образование, в суд для установления алиментов на свое содержание при наличии у родителя необходимых для этого средств.

При достижении лицом, на содержание которого уплачиваются алименты, возраста восемнадцати лет, исполнительное производство оканчивается в связи с фактическим исполнением – при отсутствии задолженности, в остальных случаях вопрос о прекращении исполнительного производства рассматри-

вается судом, по заявлению заинтересованных лиц или судебного пристава-исполнителя по основаниям, предусмотренным ст. 43 ФЗ «Об исполнительном производстве».

На практике суды отказывают в прекращении исполнительного производства о взыскании алиментов при наличии задолженности, по основаниям того, что алиментные обязательства должником не исполнены в полном объеме.

По нашему мнению, подобная практика нарушает всю правовую природу обязательств, связанных с осуществлением периодических платежей, так как фактически предмет исполнительного производства меняется.

Законодательно вопрос о судьбе исполнительного производства после достижения ребенком совершеннолетия никак не урегулирован в действующем законодательстве.

На наш взгляд, представляется целесообразным дополнить статью 43 ФЗ «Об исполнительном производстве» частью 1.1 в следующей редакции: «Исполнительное производство о взыскании алиментов прекращается в судебном порядке при достижении ребенком совершеннолетия и наличии задолженности. При обращении в суд судебный пристав-исполнитель производит расчет задолженности за весь период неуплаты должником алиментных платежей, на основании которого судебный орган выдает новый исполнительный лист о взыскании задолженности».

И в заключение приведем еще один механизм возможного принуждения к исполнению алиментных обязательств должника, который скрывается и объявлен в розыск. Федеральный закон от 07.03.2018 № 48-ФЗ, внес изменения в ст. 278 ГПК РФ и в Федеральный закон от 02.10.2007 г. № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» [2]. Одним из нововведений является возможность объявить должника по исполнительному производству о взыскании алиментов пропавшим без вести, существенно ограничив тем самым его гражданскую дееспособность. Если лицо (должник), обязанное платить алименты, скрывается и игнорирует исполнение судебного решения по алиментным платежам, пристав обязан принять все предусмотренные законом меры по розыску должника. Если в течение года с момента получения последней информации о плательщике алиментов (должнике по исполнительному производству) поиск его не дал положительных результатов, то судебный пристав-исполнитель уведомляет об этом взыскателя (получателя алиментов). После этого взыскатель получает право обратиться в суд с заявлением об объявлении должника пропавшим без вести. Должник при этом будет испытывать серьезные неудобства. Ведь он по всем базам будет числиться пропавшим без вести. А это значит, что он не сможет взять кредит, устроиться на работу, приобрести имущество, подлежащее государственной регистрации. При приобретении имущества информация об этом сразу же попадет к судебному приставу-исполнителю. Дополнительно предлагается предусмотреть в законе процедуру самостоятельного обращения судебного пристава-исполнителя в суд с заявлением о признании должника безвестно отсутствующим при наличии заявления и обязательного согласия на это взыскателя в том случае. Полагаем, что предлагаемые нами изменения будут

способствовать правильному расчету задолженности по алиментам, более упорядочить ответственность должников при неисполнения решения суда о взыскании алиментов, а также при образовании задолженности по алиментам, внести ясность, что родители обязаны обеспечить материальное содержание детей и нетрудоспособных родителей.

Таким образом, алиментные обязательства являются одним из важнейших институтов семейного права, так как он обеспечивает имущественные гарантии лиц, которым социально необходимы данные гарантии, и предоставляет содержание нуждающимся нетрудоспособным лицам. На сегодняшний день алиментные обязательства членов семьи – одна из актуальнейших проблем, стоящих перед современной юридической наукой. Взыскание алиментов возможно на основании исполнительных документов, а исполнительные документы являются своего рода связующим звеном, переходным моментом между вынесением решения суда и последующим его исполнением.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ (в ред. от 06.04.2024). URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 10.04.2024).

2. Федеральный закон «Об исполнительном производстве» от 02.10.2007 № 229-ФЗ (в ред. от 06.04.2024). URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 10.04.2024).

УДК 343.25.1

Смирнова Ульяна Александровна

студент, Костромской государственный университет

г. Кострома, Российская Федерация

Smirnova.u05@bk.ru.

Применение смертной казни в современной России: за и против

***Аннотация:** Статья посвящена вопросу о допустимости применения смертной казни в России в настоящий период. Проведен анализ различных точек зрения ученых, политиков относительно возможности отмены моратория на смертную казнь, а также приведен опыт применения смертной казни в зарубежных странах. Смертная казнь – высшая мера наказания и одна из самых острых и актуальных тем для обсуждения на сегодняшний день. В связи с последними трагическими событиями в «Крокус Сити Холл», всколыхнувшими общественность, значительно возросло количество сторонников применения смертной казни, призывающих к отмене моратория. На основании проведенного научного исследования сформулирована собственная позиция по перспективе применения смертной казни в России в современных условиях.*

***Ключевые слова:** смертная казнь, мораторий, наказание, высшая мера, преступление, уголовный кодекс.*

Smirnova Uliana Aleksandrovna
student, Kostroma State University
Kostroma, Russian Federation

The use of the death penalty in modern Russia: pros and cons

***Annotation:** The article is devoted to the issue of the admissibility of the use of the death penalty in Russia at the present period. The analysis of various points of view of scientists, politicians regarding the possibility of lifting the moratorium on the death penalty, as well as the experience of using the death penalty in foreign countries. The death penalty is capital punishment and one of the most pressing and relevant topics for discussion today. With the latest tragic events at Crocus City Hall roiling the public, there has been a significant increase in death penalty advocates calling for the moratorium to be lifted. Based on the scientific research, his own position was formulated on the prospect of using the death penalty in Russia in modern conditions.*

***Keywords:** death penalty, moratorium, punishment, capital punishment, crime, criminal code.*

Смертная казнь является одним из самых древних наказаний. Она применялась еще до того, как возникло уголовное право, как отрасль права в современном ее понимании. «Лишение жизни как вид общественной расправы с преступниками встречалось несравненно ранее», – писал один из виднейших российских ученых Н. С. Таганцев [9, с. 177]. В статье 59 Уголовного кодекса Российской Федерации смертная казнь определяется как «исключительная мера наказания», установленная только за особо тяжкие преступления, посягающие на жизнь [10, ст. 2954].

К ключевым характеристикам смертной казни можно отнести:

1) наиболее существенная характеристика смертной казни заключается в том, что она является наказанием. Сущность любого наказания – кара. Известный профессор Н. А. Стручков писал о каре как «комплексе, установленных законом ограничений прав, конкретно выражающихся при применении того или иного наказания».

2) смертная казнь является самым суровым наказанием для преступника за совершенное преступление – отнятие жизни, самого дорогого, что может быть у человека. В тоже время одновременно с правом на жизнь преступник лишается и других своих прав, и интересов. Однако это происходит только после приведения приговора в исполнение. Данный момент является очень существенным, так как до него за осужденным сохраняются такие права, как право обжаловать приговор, написать и направить ходатайство о помиловании, иметь свидания с адвокатом, с родственниками, со священнослужителем, получение и отправление писем;

3) смертная казнь применяется от имени государства. Государство своей властью санкционирует приговор, выносимый от его имени надлежаще уполномоченным судом. Законность, обоснованность и справедливость приговора проверяется соответствующими органами государства;

4) согласно статье 20 Конституции Российской Федерации смертная казнь может устанавливаться «впредь до ее отмены.» Это говорит о том, что смертная казнь – это временная мера в нашем законодательстве [6];

5) исключительность смертной казни. Смертная казнь является исключительной мерой наказания, которая назначается по приговору суда на основании и в порядке, предусмотренном уголовным, уголовно-процессуальным и уголовно-исполнительным законодательством;

6) смертная казнь может устанавливаться только за самые тяжкие преступления (особо тяжкие), посягающие на жизнь человека и наносящие максимальный вред обществу;

7) смертная казнь, помимо физических, может нести в себе и психологические страдания для подсудимого: преступника может мучать совесть, ощущение страха, осознание приближающейся смерти.

Последний раз смертная казнь в нашей стране была применена в 1996 году. В 1997 году Россия присоединилась к Венской конвенции, а чуть позже, в 1999 году, ввела мораторий на смертную казнь. Таким образом, несмотря на то, что в нашей стране действуют два моратория: на применение смертной казни (установлен Указом Президента РФ от 16 мая 1996 г. № 724 «О поэтапном сокращении применения смертной казни в связи с вхождением России в совет Европы») и на вынесение смертных приговоров (введен решениями Конституционного Суда РФ – Постановление от 2 февраля 1999 г. № 3-П и Определение Конституционного Суда РФ от 19 ноября 2009 г. № 1344-О-Р), смертная казнь до сих пор не исключена из Уголовного кодекса РФ (ст. 59 УК РФ) [5, с. 290–294].

Обсуждение необходимости применения смертной казни – общественная дискуссия с участием широкого круга ученых, политических, общественных и религиозных деятелей, организаций, общественных движений, затрагивающая вопрос допустимости применения смертной казни как средства уголовного наказания за совершение особо тяжких преступлений [3, с. 62–67].

Теоретические взгляды противников отмены моратория на смертную казнь обусловлены следующими аргументами:

1) смертная казнь не исключает возможность судебной ошибки, которую невозможно будет исправить. Достоверно установлено, что во многих странах мира сотни смертных приговоров были вынесены людям за преступления, которые они не совершали. Например, за преступление самого известного советского маньяка Андрея Чикатило казнили Александра Кравченко. Также по делу серийного убийцы Геннадия Михасевича, известного как «витебского душеителя», были осуждены 14 человек, одного из которых суд приговорил к расстрелу, а еще 13 были посажены в тюрьму на длительный срок. Таких случаев было немало в российской и зарубежной судебной практике;

2) Международная амнистия заявляет, что смертная казнь – это нарушение основных (естественных) прав человека. Сам факт того, что государство может оправдать столь жестокое наказание как смерть, противоречит концепции прав человека, где жизнь является высшей ценностью, которая должна защищаться государством;

3) смертная казнь не влияет на количество преступлений. Довольно убедительным доводом является то, что смертная казнь не влияет на количество преступлений, не обладает сдерживающим либо устрашающим фактором. В США в одном из штатов было проведено исследование, с целью выяснить является ли смертная казнь сдерживающим фактором в борьбе с преступностью. По результатам проведенных исследований выяснилось, что применение смертной казни не является фактором снижения преступности.

Олег Алкаев руководитель расстрельной команды в Беларуси и один из главных свидетелей по делу громких исчезновений в нашей стране, писал в своей книге «Расстрельная команда», что заключенные в момент приведения приговора в законную силу не совсем осознают, какое страшное наказание их ожидает. Под руководством Олега Алкаева было казнено 134 человека, из которых, как он писал, только четверо понимали, что их сейчас казнят и ушли из жизни в нормальном состоянии [1];

4) смертная казнь порождает новые преступления. Практике известно довольно много случаев когда смертная казнь, не только не сдерживала, а, наоборот, породила новые еще более тяжкие преступления. Известно, что в СССР лицо совершившее убийство, стремясь уйти от наказания, убивало не только жертву, но и свидетелей. Введение смертной казни за изнасилование в 1961 году повлияло на количество изнасилований, их стало меньше. Но увеличилось количество изнасилований, сопряженных с убийством, так как насильники стремились лишиться жизни потерпевших, чтобы те не дали против их показания.

Также интересно проанализировать аргументы за возвращение смертной казни, как реально применяемого вида наказания:

1) Всеобщая декларация прав человека в статье 3 провозглашает: «Каждый человек имеет право на жизнь, на свободу и на личную неприкосновенность». Однако статья 1 Декларации говорит, что «все люди рождаются свободными и равными в своих правах. Они наделены разумом и совестью, и должны поступать в отношении друг друга в духе братства» [4]. Если же государство на настоящий момент не может иным способом обеспечить безопасность граждан, считают сторонники смертной казни, то лишение жизни является правомерной мерой наказания. Это является так называемой необходимой защитой общества от преступности;

2) ожидание исполнения смертной казни равняется психологической, моральной пытке осужденного. В противовес данному факту надо отметить, что даже врач причиняет боль, чтобы спасти человека, здесь же «лечится» общество пока доступными ему средствами. Смертная казнь является своеобразным излечением, «очищением» общества от преступности и средством ее обуздания;

3) многие сторонники сохранения моратория на смертную казнь считают, что смертная казнь не выполняет своей основной функции – исправления осужденного. Но целью государства не является исправить преступника. Наша российская судебная практика неоднократно показывала, что в большинстве случа-

ев вышедшие на свободу опасные преступники совершали аналогичные преступления. Одним из примеров является рыбинский маньяк Виталий Молчанов. Осенью 2020 года Молчанов надругался и жестоко расправился с двумя несовершеннолетними девочками, являвшимися детьми его сожительницы. Пока шли поиски Молчанова выяснилось, что подобное преступление маньяк уже совершал и отбыл 10 лет лишения свободы за убийство и изнасилование ребенка. Как гражданин при защите своей жизни и жизни других лиц может применить право необходимой обороны и убить преступника, так и государство для защиты своей «жизни» и жизни своих граждан может казнить преступника. Таким образом, смертная казнь – это кара за преступление, когда иное наказание воспринималось бы как несправедливое;

4) некоторые сторонники смертной казни говорят, что «дешевле» казнить, чем содержать длительный срок осужденного в местах лишения свободы [7, с. 18]. Люди не хотят содержать убийц посредством уплаты налогов.

Знаменитый ученый, академик, ярый противник смертной казни Сахаров Андрей Дмитриевич зачитал свой текст на всемирном симпозиуме о проблеме смертной казни: «Особенно важна отмена смертной казни в такой стране, как наша, с неограниченным господством государственной власти и бесконтрольной бюрократии, с широко распространенным пренебрежением к закону и моральным ценностям», а также «Я считаю смертную казнь жестоким и безнравственным институтом, подрывающим нравственные и правовые устои общества» [2].

Стали высказываться предложения об отмене моратория на смертную казнь, когда произошел теракт, совершенный 22 марта 2024 года в Крокус Сити Холл. Однако дискуссии по данному вопросу имеют серьезный характер внутри Государственной Думы. В этой связи была создана рабочая группа под руководством вице-спикера Ирины Яровой для изучения данного вопроса.

В мире существуют около 55 стран, в которых до сих пор применяется высшая мера наказания. Смертная казнь активно применяется в Иране, Саудовской Аравии, Сирии, Северной Корее. Также такие приговоры могут выноситься в США, Японии, Китае и Беларуси. Фактически применение высшей меры наказания охватывает почти всю Азию, арабские страны и восточную часть Африки. Большинство развитых стран сегодня все же отказались от применения смертной казни. Но в мире все еще слишком много государств, с которых наши законодатели могут брать пример, возвращая «смертные» приговоры. Марио Марацитти, известный итальянский журналист и политик, написал книгу на основе своих исследований под названием «13 способов взглянуть на смертную казнь». В своем исследовании автор утверждает, что смертная казнь способствует «культуре смерти» и ей нет места в современной системе правосудия. Автор призывает нас присоединиться практически ко всем другим промышленно развитым демократиям в превращении смертной казни в заброшенную практику, относящуюся к более жестоким временам в истории человечества.

Изучив и проанализировав различные источники и ознакомившись с рядом трудов сторонников первой и второй точек зрения, можно сделать вывод о том, что применение смертной казни в перспективе возможно. Однако на данный момент ни общество, ни наше законодательство не готовы к отмене моратория на применение смертной казни. Несмотря на то, что в связи с недавними событиями все больше людей выступает за отмену моратория, многие продолжают опасаться судебных ошибок и не доверяют органам власти. Несомненно, современную модель смертной казни можно рассматривать как реализацию принципа справедливости, когда наказание соразмерно преступлению, поэтому к человеку, причинившему страдания огромному количеству людей, нанесшему непоправимый вред обществу и поставивший жизнь людей под угрозу вполне справедливо применить данное наказание. Но проблема заключается в перспективе существования и применения высшей меры наказания в наших современных условиях и действующем законодательстве.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Алкаев О. А. Расстрельная команда. М. : Партизан, 2006. 288 с.
2. Андрей Сахаров о смертной казни : общественное онлайн-издание. 2013. Протокол № 6. URL: <https://smartpowerjournal.ru/sakharov-death-penalty/> (дата обращения: 14.04.2024).
3. Букина А. В. Смертная казнь в современном мире: за и против // Юный ученый. 2023. № 3(66). С. 62–67. URL: <https://moluch.ru/young/archive/66/3459/> (дата обращения: 10.04.2024).
4. Всеобщая декларация прав человека: принята на третьей сессии Генеральной Ассамблеи ООН резолюцией 217 А (III) 10 декабря 1948 г. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml (дата обращения: 10.04.2024).
5. Грушин Р. А. Смертная казнь как вид уголовного наказания // Молодой ученый. 2021. № 22(364). С. 290–294. URL: <https://moluch.ru/archive/364/81770/> (дата обращения: 11.04.2024).
6. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/cfd4c7fbcsee877fc92795ed610afebed05de7c8/ (дата обращения: 11.04.2024).
7. Малько А. В. Смертная казнь как правовое ограничение // Государство и право. 1993. № 1. С.18.
8. Миргалютдинова И. И. Смертная казнь: за и против // Молодой ученый. 2023. № 2(449). С. 307–308.
9. Таганцев Н. С. Смертная казнь : сборник статей. СПб. : Гос. тип., 1913. [2], IV, 177 с.
10. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 23.03.2024) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

Бондарева Татьяна Сергеевна

студент, Костромской государственной университет

г. Кострома, Российская Федерация

Bondareva_tata06@mail.ru

Эвтаназия: отсутствие гуманизма или вынужденная мера

Аннотация: В настоящей статье исследуется вопрос возможности применения эвтаназии в Российской Федерации. Является ли эта процедура «легкой смертью», которая поможет избавить человека от страданий или она является показателем отсутствия гуманизма, принцип которого закреплен в Уголовном кодексе Российской Федерации.

Ключевые слова: эвтаназия, гуманизм, сочувствие, вынужденная мера, запрет.

Bondareva Tatiana Sergeevna

student, Kostroma State University

Kostroma, Russian Federation

Euthanasia: lack of humanity or a forced measure

Annotation: This article examines the issue of the use of euthanasia in the Russian Federation. Is this procedure an “easy death” that will help to save a person from suffering, or is it an indicator of the lack of humanism, the principle of which is enshrined in the Criminal Code of the Russian Federation.

Keywords: euthanasia, humanism, compassion, forced measure, prohibition.

Право на жизнь является важнейшим конституционным правом, с которого начинается закрепление прав и свобод в главе 2 Конституции Российской Федерации [1]. Эвтаназия в юридической литературе рассматривается как «причинение смерти из гуманистических побуждений, желание прекратить страдания другого человека. При применении эвтаназии страдания человека по общему правилу обусловлены продолжительным неизлечимым заболеванием. В подобных ситуациях лечение носит лишь симптоматический характер, позволяя отсрочить неизбежное, но не привести к полному излечению. Переходящее в терминальную стадию заболевание может приносить больному нестерпимые физические и моральные мучения». Вопрос о возможности применения эвтаназии затрагивает много правовых и этических аспектов, поскольку он касается права на жизнь. В этой связи поднимается вопрос о том, а имеет ли человек право на смерть. Приверженцы эвтаназии считают, что каждый человек имеет право самостоятельно решать вопрос о своей собственной жизни и смерти, особенно в случае наличия неизлечимых заболеваний, которые вызывают невыносимые страдания.

На данный момент в России официально запрещена эвтаназия. В Федеральном законе от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан

в Российской Федерации» содержится статья 45, которая так и называется «Запрет эвтаназии» [2]. Она гласит: «медицинским работникам запрещается осуществление эвтаназии, т. е. ускорение по просьбе пациента его смерти какими-либо действиями (бездействием) или средствами, в том числе прекращение искусственных мероприятий по поддержанию жизни пациента». В современном мире существует несколько мнений на этот счет. Одни считают, что это «легкая смерть», которая поможет человеку избавиться от страданий. Другие считают, что это убийство, которое не может быть официальным в гуманном обществе.

Выделяют несколько видов эвтаназии: добровольная, пассивная и активная.

Добровольная эвтаназия подразумевает под собой, что пациент, будучи больным, проявляет инициативу прекращения своей жизни. Для этого требуется специальное медицинское заключение.

Пассивная эвтаназия – это отказ больного от назначенного ему лечения. Отказываясь от прохождения терапии, больной намеренно ускоряет свой уход из жизни. Некоторые считают, что это не является пассивной эвтаназией, поскольку человек сам может решать вопрос о необходимости ему медицинской помощи.

В случае активной эвтаназии врач с согласия пациента назначает большую дозировку препарата, которая постепенно начинает себя проявлять во время сна. Тем самым больной не замечает этого и уходит из жизни. На проведение этой процедуры так же требуется медицинское подтверждение.

Отношение к эвтаназии на данный момент неоднозначно. Существует большое количество мнений по данному вопросу. Анестезиолог-реаниматолог, кандидат медицинских наук Сергей Суворов считает, что именно анестезиологи-реаниматологи «защищают последний рубеж». И именно они чаще всего сталкиваются с «бесперспективными» пациентами. Их судьба целиком и полностью зависит от медицинского персонала. Процесс лишения жизни человека воспринимается достаточно тяжело. Врачи могут не осилить такой колоссальной ответственности.

Бывший министр Минздрава Вероника Скворцова заявила, что данный вопрос необходимо решать не только на уровне власти, но и с учетом мнения народа. В стране должен быть проведен референдум на эту тему. Необходимо учитывать мнение большинства людей.

Что касается самих граждан, отношение к данному вопросу неоднозначно. Компании «Медицинские информационные решения» провела опрос в мобильном приложении «Справочник врача» среди 4772 врачей по поводу необходимости эвтаназии в России. 58 % из них назвали себя сторонниками такой практики. Остальные 42 % считают, что эвтаназия недопустима, нужно лечить пациента до последнего вздоха.

Поскольку отношение людей к эвтаназии различно, представляется интересным рассмотреть аргументы «за» и «против» существования института эвтаназии.

К аргументам «за» можно отнести следующие:

1) страдание. Находясь в тяжелом физическом состоянии вследствие болезни, пациент зачастую испытывает невыносимую боль, от которой избавиться

ся практически невозможно. Единственный способ избавить больного от страданий это прекратить его жизнь;

2) автономия. Человек вправе самостоятельно решать вопросы о своем теле и определять его дальнейшую судьбу;

3) экономическая мера. Лечение от болезни всегда требует финансовых затрат, с которыми не может справиться не только обычный гражданин, но и система здравоохранения;

4) незаконное проведение. В связи с отсутствием разрешения на официальную эвтаназию, вырастает риск незаконного лишения жизни человека;

5) альтруичность. Человек не хочет обременять своих родных и близких ни морально, ни финансово. В таком случае больной сможет уйти из жизни без волнений и переживаний за свою семью.

Несмотря на то, что был назван ряд аргументов за применение эвтаназии, существуют и весомые аргументы «против»:

1) опасность злоупотребления. Существует риск, что эвтаназия будет применяться не только по отношению к тяжелобольным людям, но и в отношении здоровых для того, чтобы извлечь материальную выгоду. Так, к примеру, концепт эвтаназии был сильно искажен с приходом к власти в Германии национал-социалистической партии. Озабоченность «чистотой» немецкой расы привела к запуску программы «Т-4», которая, по сути, занималась уничтожением людей с психическими и физическими отклонениями в целях «улучшения» нации. Вначале эта программа касалась только детей с особенностями в развитии, однако после 1940 года превратилась в уничтожение недееспособного населения, спонсируемое государством;

2) угроза развития новых медицинских технологий. В случае если каждый пациент, находясь в тяжелом состоянии, будет выбирать эвтаназию, вместо долгого лечения, медицинские технологии перестанут развиваться. На них больше не будет такого спроса как раньше, поскольку человеку, находящемуся в критической ситуации будет гораздо легче уйти из жизни;

3) боязнь согрешить. Российская Федерация является многоконфессиональным государством. Большая часть населения являются верующими людьми, для них жизнь является дарованной Богом. В таком случае лишить человека жизни может только Бог;

4) врачебная ошибка. Нельзя исключать тот факт, что диагноз может быть поставлен по ошибке. В связи с этим могут пострадать не только сами пациенты, но и врачи;

5) психологические последствия. Принять решение о смерти другого человека может быть достаточно тяжело с точки зрения морального состояния. Это может вызывать чувство вины, подавление эмоций, стресс, что, в свою очередь, может развить проблемы на психологическом уровне.

Таким образом, можно сделать вывод, что вопрос о возможности легализации эвтаназии в Российской Федерации является очень сложным. На данном этапе общество еще не готово принять самостоятельный уход из жизни. В том случае, если эвтаназию разрешат на законодательном уровне, велика вероятность недобросовестного соблюдения всех этапов ее применения. В таком слу-

чае она может принести не пользу, а только опасность для граждан. Решение уйти из жизни касается не только нас, но так же родных, близких, друзей, родственников, медицинских работников. В первую очередь, именно им будет тяжелее всего. Очень важно не забывать тот факт, что жизнь человека является высшей ценностью.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 : с изм., одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru>.

2. Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ (ред. от 25.12.2023) «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2011. № 48. Ст. 6724.

УДК 343.5

Королев Иван Васильевич

магистрант, Волго-Вятский институт (филиал)
Университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА)
г. Киров, Российская Федерация
ioannvas8@yandex.ru

Проблемы бланкетности уголовно-правовых норм, охраняющих культурные ценности

Аннотация: В статье рассматривается ряд проблем, возникающих при применении бланкетных диспозиций статей УК РФ, предусматривающих ответственность за преступления, посягающие на культурные ценности. С развитием правовой системы происходит нарастание объема отраслевого нормативно-правового регулирования, что требует постоянного научного мониторинга бланкетных норм уголовного закона.

Ключевые слова: уголовный закон, права в сфере культуры, культурные ценности, бланкетность, бланкетная диспозиция, культурные ценности.

Korolev Ivan Vasilevich

undergraduate, Volgo-Vyatka institute (branch)
O. E. Kutafin University (MSAL)
Kirov, Russian Federation

The problems of the blankness of criminal law norms protecting cultural values

Annotation: The article examines a number of problems that arise when applying the blank dispositions of articles of the Criminal Code of the Russian Federation providing for liability for

crimes infringing on cultural values. With the development of the legal system, there is an increase in the volume of sectoral regulatory regulation, which requires constant scientific monitoring of the blank norms of the criminal law.

Keywords: *criminal law, rights in the field of culture, cultural values, blanketing, blank disposition, cultural values.*

Бланкетной диспозицией признается диспозиция, не определяющая признаки состава преступления непосредственно в уголовном законе, а отсылающая к нормам других законов или иных нормативных актов другой отрасли права [4, с. 217].

Как справедливо отмечают некоторые авторы [5, с. 9], в уголовном законе можно встретить как бланкетные нормы, т. е. содержащие предписание из других источников со всеми его атрибутами, так и нормы с бланкетными признаками, т. е. нормы, которые отсылают лишь к отдельным элементам таких предписаний.

При этом бланкетность норм может выражаться не только в ссылке на источники других отраслей внутригосударственного права, но и на нормы международного права.

Бланкетность уголовно-правовых норм открывает следующую проблему: является ли источником уголовного права только Уголовный кодекс либо бланкетные нормы, как национального, так и международного характера.

В настоящее время ученые преимущественно придерживаются позиции, что в качестве источников уголовного права можно рассматривать не только уголовный закон. Нормы иных отраслей права, будучи включенными в диспозицию уголовно-правовой нормы, становятся составной частью общей уголовно-правовой материи.

Однако стоит отметить, что бланкетный характер уголовно-правовых норм при осуществлении охраны, в частности, объектов культурного наследия, создает ряд существенных проблем в правоприменительной практике.

Российское уголовное законодательство предусматривает такие составы преступлений, устанавливающих ответственность за посягательства на культурные ценности, как:

- хищение предметов и документов, имеющих особую историческую, научную, художественную или культурную ценность (ст. 164 УК РФ);
- незаконное перемещение через государственную границу культурных ценностей (ч. 1 ст. 226.1 УК РФ);
- невозвращение на территорию РФ предметов художественного, исторического и археологического достояния народов РФ (ст. 190 УК РФ);
- уничтожение или повреждение памятников истории и культуры (ст. 243 УК РФ);
- нарушение требований сохранения и использования объектов культурного наследия народов РФ (ст. 243.1 УК РФ).

Необходимо констатировать, что все эти преступления не имеют четко определенного в законе предмета. Некоторым связующим понятием, признаваемым большинством специалистов в качестве необходимого к закреплению

в законе в качестве единого предмета для этих преступлений, выступает понятие «культурные ценности».

На сегодняшний день можно встретить различные определения «культурных ценностей» как в международных актах, так и в российском законодательстве. На международном уровне такое определение содержится в Конвенции ЮНИДРУА о похищенных и незаконно вывезенных культурных ценностях 1995 г., Конвенции ЮНЕСКО 1970 г. о мерах, направленных на запрещение ввоза, вывоза и передачи собственности на культурные ценности; в приложении II Европейской конвенции о правонарушениях, связанных с культурной собственностью 1985 г.

В отечественном законодательстве мы не встретим универсального понятия культурных ценностей: каждое из них различно в зависимости от того, идет ли речь о движимом объекте, или объект относится к категории недвижимого.

В Законе от 15 апреля 1993 г. № 4804-1 «О вывозе и ввозе культурных ценностей», регулирование которого направлено на отношения по поводу движимых вещей, обозначены культурные ценности, подпадающие под действие этого Закона. Отношения, связанные с культурными ценностями, носящими недвижимый характер, подпадают под нормативное регулирование Федерального закона от 25 июня 2002 г. № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации». Своего рода общее понятие, объединяющее как движимые, так и недвижимые объекты, а также нематериальные культурные ценности, содержится в Основах законодательства о культуре 1992 г.

Главной особенностью норм, определяющих понятие культурных ценностей, выступает перечневый способ определения таких. Подобное закрепление характерно и для международного права, и для актов российского законодательства.

Обозначим ряд проблемных вопросов, связанных с бланкетным характером уголовно-правовых норм. Первый из них заключается в следующем: могут ли устанавливаться основания уголовной ответственности напрямую в нормах международного права?

Некоторые авторы отвечали на него отрицательно [6, с. 29], другие – допускали такую возможность [1, с. 195].

В постановлении Пленума Верховного суда РФ от 10 октября 2003 г. № 5 «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации» указано, что международные договоры, нормы которых предусматривают признаки составов уголовно наказуемых деяний, не могут применяться судами непосредственно, поскольку такими договорами прямо устанавливается обязанность государств обеспечить выполнение предусмотренных договорами обязательств путем установления наказуемости определенных преступлений национальным законом.

Второй вопрос: допустимо ли ссылаться непосредственно на нормы международного права при той лаконичности, с которой в них описаны типичные характеристики культурных ценностей, но в то же время имеющие подробное

описание предметов, относящихся к культурным ценностям, без использования внутреннего законодательства?

Так, например, в Уголовном кодексе Молдовы содержится определение культурных ценностей, под которыми понимаются ценности, указанные в Конвенции ЮНЕСКО 1970 г. [3, с. 216].

На наш взгляд, такой подход представляется дискуссионным, поскольку действующие международные акты не содержат универсального определения культурных ценностей. Основным аргументом здесь является неясность в отношении того, какие именно акты международного права следует учитывать, при тех обстоятельствах, что каждая конвенция имеет свой собственный список предметов, рассматриваемых в качестве культурных ценностей, и все они ратифицированы.

Прежде всего, стоит отметить следующее: предмет преступления является обязательным признаком состава преступления, когда он прямо обозначен в норме закона. Следовательно, при определении культурных ценностей ссылка на нормы международного права возможна исключительно в случае их имплементации в национальное законодательство.

Бланкетность уголовно-правовых норм открывает и другую проблему – проблему реализации принципа вины, согласно которому лицо несет уголовную ответственность только за те общественно опасные действия (бездействие) и вытекающие из них последствия, в отношении которых установлена его вина. Согласно отечественному законодательству объективное вменение не допускается.

С точки зрения субъективной стороны преступления, посягающие на культурные ценности, характеризуются виной в форме прямого умысла: интеллектуальный элемент умысла должен охватывать осознание лицом всех юридически значимых свойств своего деяния. Отсюда следует, что виновный должен быть осведомлен о том, что предметом, на который направлено его посягательство, выступают именно культурные ценности [2, с. 23–28].

Следующий проблемный вопрос, связанный с квалификацией преступлений, посягающих на культурные ценности, связан с признанием Конституции Российской Федерации в качестве источника уголовного права. В этой связи особого внимания заслуживает ст. 243.1 УК РФ, применительно к которой появляется вопрос о субъекте преступления. Возникает неопределенность, несет ли в соответствии с данной статьей уголовную ответственность только лицо, которое обязано выполнять названные в норме требования в силу своей профессиональной, должностной либо служебной обязанности, или уголовной ответственности по данной норме подлежит любое лицо, совершившее такое деяние?

Содержание ст. 44 Конституции РФ однозначно: каждый обязан заботиться о сохранении исторического и культурного наследия, беречь памятники истории и культуры. При буквальном толковании ст. 243.1 УК РФ с учетом указанного конституционного положения получается, что уголовной ответственности за нарушение требований сохранения или использования объектов

культурного наследия подлежит, в том числе лицо, не обладающее признаками специального субъекта.

Еще одна проблема, возникающая при применении бланкетных норм уголовного закона это конституционная «легитимность» актов иной отраслевой принадлежности, выступающих фундаментом для соответствующих норм Особенной части УК РФ, что требует соответствия их содержанию Конституции РФ, а также соблюдения конституционной процедуры их вступления в силу. Правоприменительная практика дает примеры того, как вопрос конституционной «легитимности» практически исключают возможность применения соответствующих бланкетных норм.

Например, подобная ситуация возникла в регулировании отношений по поводу объектов культурного наследия, когда соответствующие объекты были отнесены к памятникам истории и культуры правовыми актами советского периода, которые не были опубликованы официально.

Таким образом, проблемы, возникающие с применением уголовно-правовых норм, устанавливающих ответственность за преступления, посягающие на культурные ценности, и носящих бланкетный характер, являются весьма острыми, поскольку непосредственным образом влияют на правильную квалификацию общественно опасного деяния, а, следовательно, справедливость назначаемого виновному лицу наказания.

При этом, как нам представляется, с дальнейшим развитием общества объем отраслевого нормативно-правового регулирования будет только нарастать, а с развитием правовой системы будет расширяться круг вопросов, требующих унификации предписаний норм различных отраслей права, что возводит проблему бланкетности в число подлежащих постоянному научному мониторингу.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Кибальник А. Г. Современное международное уголовное право. СПб., 2003. 195 с.
2. Клебанов Л. Р. Соблюдение принципа вины при квалификации преступлений, посягающих на культурные ценности // Уголовное право. 2009. № 1. С. 23–28.
3. Лукашов А. И. Уголовный кодекс Республики Молдова. СПб., 2003. 216 с.
4. Наумов А. В. Российское уголовное право. Курс лекций. Т. 1. Общая часть. М., 2004. 217 с.
5. Пикуров Н. И. Теоретические проблемы межотраслевых связей уголовного права : дис. ... д-ра юрид. наук. Волгоград, 1998. 410 с.
6. Уголовное право. Общая и Особенная части / под ред. В. П. Ревина. М., 2000. 580 с.

Голубцова Татьяна Дмитриевна

магистрант, Костромской государственной университет

г. Кострома, Российская Федерация

golubtan4@gmail.com

Практические проблемы обеспечения права на жилье для военнослужащих Российской Федерации

Аннотация: В данной статье рассматриваются вопросы правового регулирования получения служебных жилых помещений для военнослужащих, затронуты актуальные вопросы и трудности, с которыми сталкиваются военнослужащие при реализации их права на жилье в Российской Федерации. Уделяется особое внимание организации накопительно-ипотечной системы жилищного обеспечения военнослужащих.

Ключевые слова: военнослужащие, жилые помещения, обеспечение, накопительно-ипотечная система.

Golubtsova Tatyana Dmitrievna

undergraduate, Kostroma State University

Kostroma, Russian Federation

Practical problems of ensuring the right to housing for military personnel of the Russian federation

Annotation: This article examines the issues of legal regulation of obtaining office accommodation for military personnel, touches upon topical issues and difficulties faced by military personnel in exercising their right to housing in the Russian Federation. Special attention is paid to the organization of the accumulative mortgage system of housing provision for military personnel.

Keywords: military personnel, living quarters, security, savings and mortgage system.

Право человека на жилище закреплено в ч. 1 ст. 40 Конституции Российской Федерации [1]. Правовой основой жилищного обеспечения военнослужащих является Федеральный закон от 27 мая 1998 г. № 76-ФЗ «О статусе военнослужащих» [2], Федеральный закон от 20 августа 2004 г. № 117-ФЗ «О накопительно-ипотечной системе жилищного обеспечения военнослужащих» [3], Жилищный кодекс Российской Федерации и иные ведомственные нормативные правовые акты.

Рассматривая анализ системы мотивации и стимулирования военнослужащих к военной службе [4], одним из основных факторов для повышения интереса военнослужащих к прохождению военной службы, является жилищное обеспечение. Под определением жилищного обеспечения военнослужащих понимается целенаправленная деятельность государственных органов управления и должностных лиц по снабжению военнослужащих и совместно проживающих членов их семей жилыми помещениями в установленном законодательством порядке [5].

Одной из форм обеспечения военнослужащих жильем является «военная ипотека». Этот процесс регулируется Федеральным законом от 20 августа

2004 г. № 117-ФЗ «О накопительно-ипотечной системе жилищного обеспечения военнослужащих». Закон существенно изменил способы предоставления жилья этой категории граждан, внедрив возможность предоставления жилья военнослужащим за счет использования денежных выплат.

Суть системы заключается в том, что каждому военнослужащему открывается именной накопительный счет, на который ежемесячно поступают взносы из федерального бюджета. Эти средства можно использовать для покупки жилья или погашения ипотечного кредита. Право воспользоваться накопленными средствами военнослужащий получает через три года службы.

По состоянию на 2024 год размер ежегодного взноса, выделяемого из федерального бюджета и учитываемого на именном накопительном счете военнослужащих, участвующих в программе, составляет 365 346,6 руб., в 2023 г. – 349 614 руб. [6].

Система накопительно-ипотечного обеспечения военнослужащих (НИС) сочетает в себе различные финансовые инструменты и механизмы, помогающие военнослужащим, проходящим военную службу по контракту, приобрести жилье. НИС предусматривает формирование, инвестирование и использование денежных средств, предназначенных для обеспечения военнослужащих жильем, с учетом защиты от инфляции [3].

Благодаря НИС военнослужащие могут воспользоваться своим правом на жилье, не дожидаясь окончания срока военной службы. Через три года участия в НИС военнослужащий, независимо от воинского звания, получает возможность приобрести собственное жилье. Местоположение и характеристики приобретаемой квартиры, а также наличие у военнослужащего и его семьи другого жилья, не имеют значения. Дополнительным преимуществом НИС является то, что участник, приобретая жилье не по месту службы, сохраняет право на получение служебного жилья или компенсации за наем (поднаем) жилого помещения.

НИС имеет как преимущества, так и определенные недостатки. К некоторым из них можно отнести следующие:

- размер жилищных накоплений не учитывает состав семьи военнослужащего;
- сокращение возможности приобретения жилья в крупных административных центрах без привлечения собственных или заемных средств;
- не предусматривается возможность размещения средств жилищных накоплений непосредственно в программы, связанные со строительством жилья для военнослужащих;
- размер жилищных накоплений не учитывает разницу рыночных цен на жилые помещения в различных регионах России.

Изучение норм, определяющих порядок получения и использование накоплений для жилищного обеспечения, заставляет задуматься о том, сможет ли НИС решить задачу стабилизации и укрепления кадров, на основе стимулирования заинтересованности военнослужащих в продолжении военной службы. Участник НИС получает право приобрести жилье в свою собственность за счет средств, накопленных на его именном накопительном счете:

1) через 20 лет военной службы (в календарном исчислении) – в полном объеме;

2) после 10 лет военной службы (при увольнении с военной службы по достижению предельного возраста или по состоянию здоровья или в связи с проведением организационно-штатных мероприятий или по семейным обстоятельствам, предусмотренных законом) – в объеме накопленных к тому времени средств;

3) после 3 лет участия в НИС – путем получения целевого жилищного займа на сумму не более накопленной на день предоставления такого займа.

Если военнослужащий расторг контракт, отслужив менее 20 лет, он лишается права на средства и должен будет возвращать в течение 10 лет все, что ему предоставило государство и выплачивать ипотечный кредит с привлечением собственных средств. Учитывается не только сумма основного займа, но и начисленные проценты, которые пересчитывают по ставке рефинансирования. При своевременном внесении платежей квартира останется в собственности бывшего военнослужащего. Если военного с выслугой от 10 лет уволили на льготных основаниях, то никаких финансовых обязательств у него не возникнет. Ипотеку до конца погасит государство. Уважительными считают основания при сокращении воинской части, переводе второго военного супруга в другую часть, достижении возраста 45 лет или при проблемах со здоровьем.

Проблемы, описанные в данной статье, подчеркивают, что в процессе применения законодательных и нормативных актов, управляющих предоставлением жилья военнослужащим, имеются недостатки и упущения, которые негативно сказываются не только на эффективность распределения, инвестирования и использования бюджетных средств, выделяемых государством для решения жилищных вопросов военнослужащих, но и на общее доверие к системе жилищного обеспечения.

В целом, существующие правовые нормы и система обеспечения жильем военнослужащих выполняют свои функции, однако они требуют дополнительных правовых и организационных усовершенствований. В связи с указанными недостатками необходимо:

– скорректировать размер начислений в зависимости от состава семьи военнослужащего;

– принимать во внимание реальную стоимость жилья в разных регионах, а также индексировать эти средства, с учетом реальной экономической обстановки в стране;

– рассмотреть возможность размещения средств жилищных накоплений непосредственно в программы, связанные со строительством жилья для военнослужащих.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосо-

вания 01.07.2020) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2020. № 24. Ст. 445 (дата обращения: 15.04.2024).

2. Федеральный закон от 27 мая 1998 г. № 76-ФЗ (ред. от 26.02.2024) «О статусе военнослужащих» [принят Государственной Думой 6 марта 1998 г. : одобрен Советом Федерации 12 марта 1998 г.]. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=470733&dst=100205#SGeXd9UUZsQzMAb72> (дата обращения: 15.04.2024).

3. Федеральный закон от 20 августа 2004 г. № 117-ФЗ «О накопительно-ипотечной системе жилищного обеспечения военнослужащих» [принят Государственной Думой 5 августа 2004 г. : одобрен Советом Федерации 8 августа 2004 г.]. URL: <https://base.garant.ru/12136616/> (дата обращения: 15.04.2024).

4. Анализ системы мотивации и стимулирования. URL: https://studbooks.net/1284701/menedzhment/analiz_sistemy_motivatsii_stimulirovaniya. (дата обращения: 15.04.2024).

5. Правовые основы жилищного обеспечения военнослужащих. URL: https://studbooks.net/1229996/bankovskoe_delo/pravovye_osnovy_zhilischnogo_obespecheniya_voennosluzhaschih (дата обращения: 15.04.2024).

6. Федеральное государственное казенное учреждение «Федеральное управление накопительно-ипотечной системы жилищного обеспечения военнослужащих». Размер ежегодного накопительного взноса. URL: https://www.rosvoenipoteka.ru/gr/lichnaya_informaciya/ejegendnie_vznosi (дата обращения: 15.04.2024).

УДК 349.3

Кузнецова Екатерина Александровна

студент, Вятский государственный университет

г. Киров, Российская Федерация

kuznetzo.catia@yandex.ru

Мазурина Елизавета Максимовна

студент, Вятский государственный университет

г. Киров, Российская Федерация

elisavetamazurina@yandex.ru

Смирнова Анастасия Александровна

кандидат исторических наук, доцент

Вятский государственный университет

г. Киров, Российская Федерация

usr20190@vyatsu.ru

**Актуальные вопросы деятельности правоохранительных органов
в сфере незаконных действий с материнским капиталом**

Аннотация: В статье авторы исследуют проблемы, которые возникают на практике при осуществлении деятельности правоохранительных органов в сфере незаконных

действий с материнским (семейным) капиталом. Раскрывая тему, авторы проводят анализ действующего законодательства, обращаются к посланию Президента Российской Федерации к Федеральному Собранию по вопросам национальной семейной политики, а также руководствуясь целевой установкой, рассматривают основные способы мошеннических действий при получении выплат материнского (семейного) капитала, судебную практику и статистику преступлений. Анализируют роль правоохранительных органов по данной категории преступлений.

Ключевые слова: материнский(семейный) капитал, ответственность, обналичивание, мошенничество, правоохранительные органы, кредитные кооперативы.

Kuznetsova Ekaterina Alexandrovna

student, Vyatka State University

Kirov, Russian Federation

Mazurina Elizaveta Maksimovna

student, Vyatka State University

Kirov, Russian Federation

Smirnova Anastasia Alexandrovna

candidate of historical sciences, associate

professor, Vyatka State University

Kirov, Russian Federation

Current problems of law enforcement agencies in the field of illegal actions with maternity capital

Annotation: *In the article, the authors explore the problems that arise in practice when carrying out the activities of law enforcement agencies in the field of illegal actions with maternal (family) capital. Revealing the topic, the authors analyze the current legislation, refer to the message of the President of the Russian Federation to the Federal Assembly on national family policy, and, guided by the target setting, consider the main methods of fraudulent actions in obtaining payments of maternal (family) capital, judicial practice and crime statistics. The role of law enforcement agencies in this category of warming is analyzed.*

Keywords: *maternal (family) capital, liability, cashing out, fraud, law enforcement agencies, credit cooperatives.*

Актуальность данного исследования заключается в том, что существует необходимость системного анализа существующих в Российской Федерации противоправных действий с материнским капиталом, поскольку этот инструмент составляет важную часть социального обеспечения семей с детьми. В дальнейшем это позволит разработать меры противодействия и предупреждения деяний, нарушающих права и законные интересы граждан.

Право на социальное обеспечение семей с детьми является одним из основополагающих прав человека и гражданина, закрепленное в Конституции Российской Федерации [1]. Что обуславливает необходимость установления различных видов социального обеспечения. Важнейшее место среди них занимает материнский капитал. Согласно Федеральному закону от 29 декабря 2006 г. № 256-ФЗ «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей», «материнский капитал – средства федерального бюджета, передаваемые в бюджет Фонда пенсионного и социального страхования

Российской Федерации на реализацию дополнительных мер государственной поддержки». Средства материнского капитала направляют на улучшение жилищных условий; образование детей; формирование накопительной пенсии одного из родителей при определенных условиях; приобретение специальных услуг и товаров для детей-инвалидов; получение ежемесячной выплаты в связи с рождением (усыновлением) ребенка до достижения им трехлетнего возраста [7]. Также материнский капитал является важнейшим элементом национального проекта «Демография» [2] и, как заметил Президент Российской Федерации В. В. Путин, в послании к Федеральному собранию 29 февраля 2024 года: «Главное предназначение семьи – это рождение детей, продолжение рода человеческого и воспитание детей. Мы должны добиться устойчивого роста рождаемости», и, в связи с этим, предложил продлить действие программы материнского капитала до 2030 года [3].

В настоящее время помимо положительной практики, правоохранительные органы выявляют множество способов мошеннических действий при получении выплат материнского капитала, квалифицируя их по статье 159.2 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) [6].

Рассмотрим некоторые из них. Самым распространенным вариантом обналичивания сертификата на материнский капитал является приобретение жилья, как правило, у родственников путем заключения мнимой сделки. Впоследствии денежные средства возвращаются обладателям сертификата.

Следующий способ, выделяемый сотрудниками правоохранительных органов, заключается в договоренности обладателя сертификата с продавцом жилья о завышении стоимости недвижимости, не превышающей сумму материнского капитала, и дальнейшем возврате разницы. Первые два способа можно продемонстрировать приговором № 1-17/2019 от 20 мая 2019 г. по делу № 1-17/2019. Так, обладатель сертификата вступил в сговор с третьим лицом, осуществившего поиск собственника недвижимости, который согласился бы осуществить мнимую сделку. Реализуя преступный умысел по хищению денежных средств федерального бюджета, стоимость недвижимости была завышена, а стороны договора по купле-продаже недвижимости исполнять свои обязательства не имели намерения. В итоге, перечисленные средства материнского капитала были сняты с расчетного счета и поделены между сторонами. А приговором суда стороны были признаны виновными в совершении преступления по части 3 статьи 159.2 УК РФ [4].

Еще один способ предполагает обналичивание средств материнского капитала через кредитные кооперативы различными методами. Так, приговором № 1-317/2023 от 30.08.2023г. по делу №1-317/2023, обладатель сертификата на материнский капитал совершила мошенничество при получении выплат, действуя умышленно, группой лиц (сотрудники КПК «Семейная Копилка») по предварительному сговору. Данная организация нашла жилое помещение реальной стоимостью 120 тысяч рублей и договорились о завышении стоимости недвижимости до суммы материнского капитала. Обвиняемая заключила договор ипотечного займа с КПК «Семейная Копилка». В последующем денежные средства были предоставлены УПФР по Московскому району по г. Нижнего Новгорода для улучшения жилищных условий. Часть данных средства были переданы об-

виняемой наличными, которыми она распорядилась по собственному усмотрению. Действия женщины были квалифицированы по части 3 статьи 159.2 УК РФ, назначено наказание в виде лишения свободы на срок 1 год [5].

По данной категории преступлений в 2022 году было выявлено около 5 тысяч нарушений законодательства, а в 2023 году – 442 преступления, что свидетельствует о том, что статистика идет на спад, благодаря эффективной деятельности правоохранительных органов, в частности сотрудников МВД РФ, к чьей подследственности относится расследование преступлений, связанных с мошенничеством при получении выплат.

Исходя из всего вышеизложенного, можно сделать вывод о том, что хищение средств материнского капитала является отдельной категорией преступлений. Неправомерное получение материнского капитала подразумевает различные способы, в том числе заключение мнимой сделки и завышения стоимости недвижимости. Приведенные статистические данные отражают положительную динамику снижения количества преступлений в данной категории.

Материнский капитал является приоритетной формой поддержки семей, имеющих детей, поэтому необходима охрана общественных отношений в сфере получения выплат для целевого расходования средств и соблюдения интересов данной категории граждан, а также предотвращения мошеннических действий, что входит в компетенцию правоохранительных органов.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020).

2. Паспорт национального проекта «Демография» (утв. президиумом Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и национальным проектам, протокол от 24.12.2018 № 16). URL: NP_Demografiya (mintrud.gov.ru) (дата обращения: 12.04.2024).

3. Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 29.02.2024 // Российская газета, № 46 от 01 марта 2024 г. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_471111/?ysclid=luwe0unkma848470843 (дата обращения: 12.04.2024).

4. Приговор Красногорского районного суда Брянской области от 20.05.2019 по делу №1-17/1-2019. URL: https://sudact.ru/regular/doc/8VRgMS3ewJox/?regular-txt=материнский+капитал+мнимая+сделка®ular-case_doc=®ular-lawchunkinfo=®ular-date_from=®ular-date_to=®ular-workflow_stage=®ular-area=®ular-court=®ular-judge=&_=1712216613792&snippet_pos=966#snippet (дата обращения: 12.04.2024).

5. Приговор Нижегородского районного суда Нижнего Новгорода от 30.08.2023 по делу № 1-317/2023. URL: https://sudact.ru/regular/doc/XEOJxkKBL01Y/?regular-txt=материнский+капитал®ular-case_doc=®ular-lawchunkinfo=®ular-date_from=®ular-date_to=®ular-workflow_stage=®ular-area=®ular-court=®ular-judge=&_=1710839969637&snippet_pos=496#snippet (дата обращения: 12.04.2024).

6. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 23.03.2024) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.04.2024). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/835b7ed5d50be16006d6b0a0948c23b409e2a02c/ (дата обращения: 12.04.2024).

7. Федеральный закон от 29.12.2006 г. № 256-ФЗ «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей» (с изменениями и дополнениями от 25.12.2023 г.). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_64872/ (дата обращения: 12.04.2024).

УДК 347.254

Смурова Наталья Денисовна

студент, Костромской государственный университет
г. Кострома, Российская Федерация
natalasmurova9@gmail.com

Кузьмина Наталья Владимировна

кандидат юридических наук, доцент
Костромской государственный университет
г. Кострома, Российская Федерация
n_kuzmina@ksu.edu.ru

Нарушение жилищных прав отдельных групп несовершеннолетних

Аннотация: В данной статье рассматриваются виды нарушения жилищных прав таких групп несовершеннолетних как дети-сироты, дети, оставшиеся без попечения родителей, дети-собственники жилых помещений и дети, имеющие законных представителей или родителей, не ограниченных в родительских правах, но не являющиеся собственниками жилого помещения. Анализ судебной практики и нормативно-правовых актов позволяет выявить способы защиты жилищных прав указанных групп несовершеннолетних.

Ключевые слова: дети-сироты, дети, оставшиеся без попечения родителей, судебная практика, нарушение жилищных прав, жилищное законодательство.

Smurova Natalia Denisovna

student, Kostroma State University
Kostroma, Russian Federation

Kuzmina Natalia Vladimirovna

candidate of legal sciences
associate professor, Kostroma State University
Kostroma, Russian Federation

Violation of housing rights of certain groups of minors

Annotation: This article examines the types of violations of the housing rights of such groups of minors as orphans, children left without parental care, children who own residential premises and children who have legal representatives or parents who are not limited in parental rights, but who are not owners of residential premises. The analysis of judicial practice and normative legal acts makes it possible to identify ways to protect the housing rights of these groups of minors.

Keywords: orphans, children left without parental care, judicial practice, violation of housing rights, housing legislation.

В соответствии с частью 1 статьи 40 Конституции Российской Федерации каждый имеет право на жилище. Жилые помещения могут находиться в собственности несовершеннолетних, что влечет за собой риск ситуаций, в которых права несовершеннолетних лиц грубо нарушаются ввиду особого социально уязвимого положения данной группы населения. Этим фактом и обуславливается актуальность данного исследования.

В рамках данного исследования нами были выделены категории несовершеннолетних, чьи жилищные права нарушаются чаще всего: дети, оставшиеся без попечения родителей, дети-сироты, дети-собственники жилых помещений и дети, имеющие законных представителей или родителей, не ограниченных в родительских правах, но не являющиеся собственниками жилого помещения. В рамках данного исследования мы рассмотрим, каким образом нарушаются права данных групп лиц, проанализируем, каким образом действующее законодательство защищает их жилищные права, а также изучим судебную практику по этому вопросу.

Федеральный закон от 21.12.1996 № 159-ФЗ (ред. от 04.08.2023) «О дополнительных гарантиях по социальной поддержке детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей» закрепляет легальные определения понятий «дети-сироты» и «дети, оставшиеся без попечения родителей» [2]. Дети-сироты – лица в возрасте до 18 лет, у которых умерли оба или единственный родитель; дети, оставшиеся без попечения родителей, – лица в возрасте до 18 лет, которые остались без попечения единственного родителя или обоих родителей в связи с лишением их родительских прав, ограничением их в родительских правах, признанием родителей безвестно отсутствующими, недееспособными (ограниченно дееспособными), объявлением их умершими, установлением судом факта утраты лицом попечения родителей, отбыванием родителями наказания в учреждениях, исполняющих наказание в виде лишения свободы, нахождением в местах содержания под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений, уклонением родителей от воспитания своих детей или от защиты их прав и интересов, отказом родителей взять своих детей из образовательных организаций, медицинских организаций, организаций, оказывающих социальные услуги, а также в случае, если единственный родитель или оба родителя неизвестны, в иных случаях признания детей оставшимися без попечения родителей в установленном законом порядке. Оба этих понятия связывает тот факт, что дети, относимые к той или иной упомянутой категории, фактически остаются без родительского надзора. Такое влечет за собой особую социальную незащищенность данных категорий несовершеннолетних, поскольку они в силу своего развития зачастую просто не могут защитить свои права.

Дети-сироты и дети, оставшиеся без попечения родителей, сталкиваются примерно с одинаковыми проблемами, связанными с нарушением их жилищных прав. Статья 109.1 содержит положения, в соответствии с которыми указанным категориям лиц должны предоставляться жилые помещения. Можно го-

ворить, что право на жилье для детей-сирот и лиц, оставшихся без попечения родителей гарантируется законом, но на практике существуют реальные проблемы, приводящие к нарушению жилищных прав этих лиц.

Одной из существенных проблем является то, что если лицо, оставшееся без попечения родителей, не успеет встать в очередь на получение жилья, то после 23 лет оно теряет право на его получение. Различные жизненные обстоятельства могут мешать ребенку, имеющему право на получение жилого помещения, встать в очередь.

Так, в 2016 было рассмотрено дело по иску О. В. Журавлевой к Администрации Корсаковского городского округа, Министерству финансов Сахалинской области о возложении обязанности по выделению субвенций на обеспечение жилым помещением и предоставлении жилого помещения по договору найма специализированного жилого помещения. Потерпевшая страдала от психического заболевания, что помешало ей узнать о своем праве на предоставление жилого помещения и самой встать на учет в качестве нуждающейся. Администрация и органы опеки и попечительства, в свою очередь, не предприняли мер по защите ее прав. Иск потерпевшей был удовлетворен, однако на примере данной ситуации мы можем наблюдать, с какими проблемами могут сталкиваться дети сироты и лица, оставшиеся без попечения родителей.

Еще одной проблемой является отсутствие в законодательстве установленного срока предоставления жилого помещения детям сиротам и детям, оставшимся без попечения родителей. Из этого следует, что, если в тексте закона такой срок не указан, жилые помещения специализированного жилищного фонда для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, предоставляются указанным гражданам по общему правилу немедленно по достижении ими 18 лет. Такой же позиции придерживается и Верховный Суд, который в обзоре судебной практики о проблемах получения жилья детьми-сиротами указал, что жилое помещение должно быть предоставлено имеющему на это право лицу немедленно по достижении им 18-ти лет. Однако по данным Счетной палаты РФ, фактический срок ожидания предоставления жилья для детей-сирот с момента достижения ими 18 лет составляет в среднем 5–7 лет по Российской Федерации, но бывают случаи ожидания и 10, и даже 20 лет.

Нередки случаи предоставления детям-сиротам и детям, оставшимся без попечения родителей, жилья, не соответствующего требованиям закона: например, аварийного жилья или жилья, имеющего площадь меньше учетной нормы. По мнению Верховного Суда, предоставление сиротам негодного жилья не влечет за собой исключение их из списка на получение жилого помещения из специализированного жилищного фонда. Таким образом, если сироте или ребенку, оставшемуся без попечения родителей, было предоставлено жилье, не соответствующее регламенту, ему должно быть предоставлено другое, соответствующее требованиям закона жилье.

Помимо детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, чаще всего сталкивающихся с нарушением их жилищных прав, можно выделить так

же еще одну группу несовершеннолетних, чьи жилищные права грубо нарушаются.

В рамках данного исследования нами была выделена категория несовершеннолетних, чьи жилищные права могут напрямую нарушаться их родителями. Это относится к детям, которые тем или иным путем обрели право собственности на жилое помещение (например, по договору дарения или в результате получения наследства). Такие несовершеннолетние обладают всеми полномочиями собственника по отношению к своим жилым помещениям наравне со взрослыми. Закон устанавливает административный порядок регулирования сделок с жилыми помещениями, находящимися в собственности детей. Так, в соответствии с п. 2 ст. 37 Гражданского кодекса Российской Федерации опекун не вправе без предварительного разрешения органа опеки и попечительства совершать, а попечитель – давать согласие на совершение сделок по отчуждению, в том числе обмену или дарению имущества подопечного, сдаче его внаем (в аренду), в безвозмездное пользование или в залог, сделок, влекущих отказ от принадлежащих подопечному прав, раздел его имущества или выдел из него долей, а также любых других действий, влекущих уменьшение имущества подопечного. Таким образом можно говорить о наличии в действующем законодательстве реальных гарантий того, что жилищные права детей-собственников защищены от нарушения со стороны их опекунов, попечителей или родителей. Однако, несмотря на то, что законодатель решил привлечь органы опеки к регулированию такого рода отношений, в законе отсутствуют конкретные основания для вынесения того или иного решения о выдаче разрешения на совершение сделки. Такого рода неопределенность приводит к тому, что право на совершение сделки с имуществом подопечного приходится устанавливать в судебном порядке. Так, истица в интересах несовершеннолетнего обратилась в суд с вышеуказанным административным иском к Управлению образования г. Таганрога (далее – Управление), администрации г. Таганрога о признании незаконным решения от 20 марта 2023 г. об отказе в выдаче разрешения на продажу доли несовершеннолетнего в праве общей долевой собственности. Решением Таганрогского городского суда Ростовской области от 14 августа 2023 г. административные иски удовлетворены. Признан незаконным отказ Управления от 20 марта 2023 г. в выдаче предварительного разрешения на продажу доли несовершеннолетнего в праве общей долевой собственности. На Управление возложена обязанность выдать предварительное разрешение [1].

Из приведенного примера можно заключить, что действующее законодательство должно содержать конкретные основания, по которым органы опеки имеют право отказать в выдаче разрешения на проведение сделки с имуществом несовершеннолетнего.

Наиболее многочисленная категория из тех, которые были затронуты в тексте данной статьи, – несовершеннолетние, не являющиеся собственниками жилья. Их права в основном нарушаются при продаже жилья, являющимся местом их жительства. Так, согласно норме, изложенной в пункте 4 статьи 292 Гражданского кодекса, продажа жилого помещения, в котором проживает ребенок, находящийся под опекой или попечительством, либо оставшийся без

попечения родителей, чьи права и законные интересы затрагивает продажа, должна осуществляться с разрешения органа опеки и попечительства. Интересен так же тот момент, что продажа жилья, в котором зарегистрирован несовершеннолетний, возможна только при том условии, если он будет зарегистрирован по новому месту жительства. Данный факт обусловлен тем, что, согласно пункту 2 статьи 20 Гражданского кодекса, местом жительства несовершеннолетних, не достигших четырнадцати лет, или граждан, находящихся под опекой, признается место жительства их законных представителей – родителей, усыновителей или опекунов. Проанализировав судебную практику по данному вопросу, можно сделать вывод, что при нарушении прав несовершеннолетних при продаже жилого помещения, государство охраняет права данной категории лиц. Так, по иску прокурора города Королева, покупатель лишился квартиры, в которой на момент сделки был зарегистрирован несовершеннолетний, потому что не было получено согласие органа опеки и попечительства. Решением Королевского городского суда Московской области от 15.12.2021 по делу № 2-917/2021 договор купли-продажи квартиры признали недействительным. В решении суда отмечено, что покупатель квартиры не может быть признан добросовестным приобретателем, поскольку, зная о регистрации в квартире несовершеннолетнего ребенка, не проявил разумной и достаточной осмотрительности при ее приобретении.

Подводя итоги, мы можем сделать вывод о том, что на сегодняшний день жилищные права несовершеннолетних нарушаются, к сожалению, достаточно часто. Причиной этого служат как социально-экономические проблемы, так и несовершенство законодательства. На основе выводов, сделанных в ходе написания данной работы, решение правового аспекта данного вопроса, по нашему мнению, стоит начать во-первых, с повышения возраста, вплоть до которого лицо, оставшееся без попечения родителей, может получить жилье, во-вторых, установления ответственности за несвоевременное предоставление жилого помещения лицам, имеющим на это право, в-третьих, установления для органов опеки и попечительства оснований на выдачу разрешений на совершение сделок с недвижимым имуществом несовершеннолетнего собственника.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Кассационное определение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 14.03.2024 № 88а-8582/2024. URL: <https://www.consultant.ru/document> (дата обращения: 13.04.2024).

2. Федеральный закон от 21.12.1996 № 159-ФЗ (ред. от 04.08.2023) «О дополнительных гарантиях по социальной поддержке детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2024). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_12778/ (дата обращения: 13.04.2024).

УДК 347.4

Мехдиева Нават Закарияевна

магистрант, Костромской государственной университет

г. Кострома, Российская Федерация

Mrs.malik94@mail.ru

Коллизионные вопросы защиты прав граждан при осуществлении трансплантации органов и тканей

Аннотация: Статья посвящена исследованию коллизионных вопросов при защите прав граждан в сфере трансплантации органов и тканей в Российской Федерации, рассмотрению способов защиты и рекомендаций для граждан Российской Федерации, когда их права были нарушены.

Ключевые слова: трансплантация органов тканей, защита прав, донор, реципиент, способы защиты.

Mekhdieva Navat Zakariyaevna

undergraduate, Kostroma State University

Kostroma, Russian Federation

Conflict of laws issues of protection of citizens' rights in the implementation of organ and tissue transplantation

Annotation: The article is devoted to the study of conflict of laws issues in the protection of citizens' rights in the field of organ and tissue transplantation in the Russian Federation, consideration of ways of protection and recommendations for citizens of the Russian Federation when their rights have been violated.

Keywords: tissue organ transplantation, protection of rights, donor, recipient, methods of protection.

Трансплантация органов и тканей является одним из наиболее значимых достижений современной медицины, предоставляющим новый шанс на жизнь многим пациентам. Однако, с юридической точки зрения, этот процесс представляет собой сложную коллизию между правами доноров и реципиентов.

По данным регистра Российского трансплантологического общества количество операций, которые проводятся по трансплантации органов и тканей, каждый год увеличивается. По состоянию на 29 декабря за 2023 год в России было проведено 1789 трансплантаций почки, 812 – печени, 381 – сердца, 19 – легких и одна – сердечно-легочного комплекса [6].

В России вопросы трансплантации органов и тканей регулируются законом № 4180-І «О трансплантации органов и (или) тканей человека», который устанавливает, что трансплантация должна осуществляться на основе соблюдения законодательства Российской Федерации и прав человека [4]. А также рядом других нормативно-правовых актов, например Федеральным законом от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Фе-

дерации», Конвенцией о правах человека и биомедицине, Дополнительным протокол к Конвенции о правах человека и биомедицине относительно трансплантации органов и тканей человеческого происхождения и Декларацией Всемирной Организации Здравоохранения об этических принципах в отношении человеческих клеток, тканей и органов для пересадки.

Операции по трансплантации органов и (или) тканей реципиентам производятся на основе медицинских показаний в соответствии с общими правилами проведения хирургических операций [2, с. 180]. При трансплантации органов и тканей стоит задача не только сохранить жизнь реципиента, но и не нанести серьезный вред здоровью донора, именно поэтому необходимо провести тщательное обследование. Это необходимо сделать для того, чтобы снизить риск возникновения осложнений и проблем со здоровьем. А для того, чтобы снизить вероятность гибели реципиента обязательно нужно провести обследование на совместимость донора и пациента [5, с. 322].

Трансплантация в России является бесплатной для всех граждан страны. Однако, несмотря на развитие трансплантологии, страна сталкивается с проблемой дефицита донорских органов. Основная коллизионная проблема, которая порождает дефицит донорских органов, связана с отношением общественности к трансплантации. Родственники потенциальных доноров иногда выражают несогласие с изъятием органов, несмотря на законодательное разрешение на такие действия после смерти человека. Это связано с недостатком информации и опасениями, связанными с процедурой трансплантации. Это порождает проблемы в правоприменительной практике, особенно когда речь идет о согласии на донорство, условиях и порядке изъятия органов и тканей как от живого донора, так и после смерти [3, с. 104]. Важным аспектом является презумпция согласия на донорство, которая может быть реализована по-разному в различных юрисдикциях. В некоторых странах принята система «опт-аут», когда предполагается согласие на донорство после смерти, если человек при жизни не выразил противоположного желания. В России же, вопросы связанные с презумпцией согласия и правовыми коллизиями в сфере посмертного донорства также обсуждаются и исследуются [1, с. 308].

Существуют и другие вопросы в контексте трансплантации органов и тканей в России, которые включают в себя ряд правовых и этических проблем, связанных с донорством и получением органов.

Вот некоторые из ключевых аспектов:

1. Права реципиентов: реципиенты имеют право на получение качественной медицинской помощи, включая трансплантацию органов. Однако из-за дефицита донорских органов, не все пациенты могут получить необходимую помощь вовремя.

2. Импорт органов: ввоз органов из-за границы может столкнуться с правовыми препятствиями, связанными с различиями в законодательстве и стандартах донорства между странами.

3. Конфиденциальность: защита личных данных доноров и реципиентов является важной, но сложной задачей, особенно в случаях, когда семья донора не согласна с донорством.

4. Незаконная трансплантация органов: несмотря на то, что в Российской Федерации запрещена купля-продажа органов и тканей, случаи незаконной трансплантации все еще имеют место. Это связано с высоким спросом на донорские органы и низким их предложением. Незаконная трансплантация органов представляет собой серьезную угрозу для жизни и здоровья людей.

5. Коррупция: к сожалению, коррупция также является проблемой в сфере трансплантации органов и тканей. Это может привести к тому, что органы и ткани будут распределяться не по медицинским показаниям, а по взяткам. Коррупция подрывает доверие к системе трансплантации и делает ее недоступной для многих людей.

Хочется подчеркнуть актуальность проблемы, связанной с правом человека продавать свои органы при жизни для трансплантации. В данном случае мнения ученых расходятся, поскольку некоторые сравнивают это с донорством крови и называют реализацией свободы личности. Тем не менее, большинство ученых придерживаются противоположной точки зрения и считают, что это может привести к запрещенной в большинстве государств торговле органами, а также побудит малообеспеченную часть населения на продажу своих органов. Данная проблема требует решения посредством введения норм закона, регулирующих запрет или согласие на продажу органов для нужд трансплантации [7, с. 65].

В Российской Федерации защита прав граждан при трансплантации органов и тканей обеспечивается комплексом мер, включающих в себя правовое регулирование, которое постепенно развивается, информированное согласие, которое означает, что гражданин имеет право на получение полной и достоверной информации о трансплантации органов и (или) тканей, включая риски и возможные осложнения, согласие на трансплантацию органов и (или) тканей должно быть дано добровольно, без принуждения, гражданин имеет право отказаться от трансплантации органов и (или) тканей на любом этапе.

Трансплантация органов и (или) тканей осуществляется только в медицинских организациях, имеющих соответствующую лицензию. Деятельность по трансплантации органов и (или) тканей контролируется государственными органами. Граждане имеют право обратиться с жалобой на нарушение их прав при трансплантации органов и (или) тканей. Также граждане, чьи права были нарушены при трансплантации органов и (или) тканей, имеют право обратиться в суд за защитой своих прав.

Помимо судебной защиты, в Российской Федерации существует ряд общественных организаций, которые занимаются защитой прав граждан при трансплантации органов и (или) тканей.

Помимо вышеуказанного, существует ряд дополнительных мер, направленных на защиту прав граждан при трансплантации органов и (или) тканей, например развитие системы донорства органов и (или) тканей, проведение просветительской работы среди населения, совершенствование законодательства в области трансплантации органов и (или) тканей.

Как мы подчеркивали ранее, на данный момент остро стоит проблема, связанная с защитой прав человека в сфере трансплантации, которая является предметом очень многих споров, а именно презумпция согласия на изъятие органов

и (или) тканей после смерти. Изъятие органов и (или) тканей не производится, если при жизни лицом, его близкими родственниками или законным представителем было выражено несогласие на такую процедуру. Несмотря на довольно четкие установления закона в этой части, граждане, в отношении близких родственников которых осуществлялись трансплантационные действия в отсутствие выраженного ими согласия, обращаются в суды в надежде отстоять свои права. Статья 8 Закона о трансплантации гласит: «Изъятие органов и (или) тканей у трупа не допускается, если учреждение здравоохранения на момент изъятия поставлено в известность о том, что при жизни данное лицо либо его близкие родственники или законный представитель заявили о своем несогласии на изъятие его органов и (или) тканей после смерти для трансплантации реципиенту». По существу, закон предполагает, что вы уже дали согласие на изъятие ваших органов в случае преждевременной смерти. Таким образом, данный принцип допускает изъятие органов у трупа, если умерший человек или его родственники не выразили свое несогласие. Получается, что согласия нет, но забор все равно может производиться, так как это подразумевается. Соответствующие положения ст. 8 Закона «О трансплантации органов и (или) тканей человека» дважды становились предметом рассмотрения Конституционного Суда РФ.

Мы считаем, что нужно улучшать систему координации трансплантации, по средствам создания Центра координации, который будет обеспечивать исполнение полномочий Минздрава по координации при осуществлении донорства органов человека и их трансплантации, мониторинг и систему статистического отчета. Также создать «Федеральный регистр доноров органов, реципиентов и донорских органов», целью которого является обеспечить организацию донорства органов и их трансплантацию. Для этого регистра собрать базу данных, где будет указываться отношение и волеизъявление граждан на счет их готовности стать донором, информацию о пожизненных донорах и так далее.

Это поможет обеспечить защиту прав доноров и реципиентов, а также способствовать более эффективной и этичной трансплантологической практике. Защита прав граждан при трансплантации органов и (или) тканей является важной задачей государства и общества

Важно отметить, что решение проблем защиты прав граждан при трансплантации органов и тканей требует комплексного подхода.

Только при совместных усилиях государства, общества и медицинского сообщества можно сделать эту процедуру максимально безопасной, доступной и справедливой.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Агаева В. В., Сизова С. И. Правовые коллизии посмертного донорства // Скиф. 2022. № 4(68). С. 307–311.

2. Белянинова Ю. В. Комментарий к Федеральному закону от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» // ГАРАНТ.РУ : информационно-правовой портал. URL: <https://www.garant.ru/> (дата обращения: 19.04.2024).

3. Гецманова И. В. Пробелы и коллизии в правовом урегулировании трансплантации // Сибирское медицинское обозрение. 2014. № 1(85). С. 101–106.

4. О трансплантации органов и (или) тканей человека : Закон Российской Федерации от 22.12.1992 № 4180-1 (с изменениями и дополнениями). // Информационно-правовая система «Законодательство России». URL: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 19.10.2023).

5. Плигина А. А. Право граждан на трансплантацию // Молодой ученый. 2023. № 51(498). С. 320–322.

6. Трансплантация органов в России: 2023 год. // Трансплантация в России и мире. URL: <https://rustransplant.com/transplantacziya-organov-v-rossii-2023-god/> (дата обращения: 19.10.2023).

7. Третьякова Е. С., Атаманюк Я. Д. Проблемы правового регулирования трансплантации органов и тканей человека в международном и национальном праве. // Новый юридический вестник. 2020. № 7(21). С. 64–65.

УДК 349.2

Зарубин Антон Леонидович

магистрант, Костромской государственной университет
г. Кострома, Российская Федерация
sux.sux2015@yandex.ru

Государственный контроль (надзор) за соблюдением трудового законодательства: проблемы и перспективы

Аннотация: В статье рассматриваются вопросы правового регулирования государственной инспекции труда в Российской Федерации в контексте выполнения международных обязательств, установленных Конвенцией МОТ № 81. Описываются структура и полномочия федеральной инспекции труда, а также порядок проведения проверок. Особое внимание уделяется существующим проблемам в данной сфере, таким как невозможность проведения проверок в отсутствие руководителя организации нарушение сроков в представлении документов и ограниченные полномочия инспекторов. В заключении предлагаются пути совершенствования законодательства для повышения эффективности контроля и защиты прав работников.

Ключевые слова: государственный контроль, трудовое право, защита прав работника, государственный надзор, координация действий.

Zarubin Anton Leonidovich

undergraduate, Kostroma State University
Kostroma, Russian Federation

Government control (supervision) of compliance with labor legislation: problems and prospects

Annotation: The article addresses the issues of legal regulation of state labor inspection in the Russian Federation in the context of fulfilling international obligations established by ILO Con-

vention No. 81. It describes the structure and powers of the federal labor inspection, as well as the procedures for conducting inspections. Special attention is paid to existing problems in this area, such as the inability to conduct inspections in the absence of the organization's leader, delays in document submission, and limited powers of inspectors. The conclusion suggests ways to improve legislation to enhance the effectiveness of control and protection of workers' rights.

Keywords: *government control, labor law, protection of workers' rights, government supervision, action coordination.*

В 1998 году Россия ратифицировала Конвенцию МОТ № 81 «Об инспекции труда в промышленности и торговле» (1947 года), которая требует наличия в стране системы трудовых инспекций для обеспечения соблюдения трудового законодательства. В соответствии со статьей 5 этой Конвенции, данные инспекции должны входить в структуру государственных органов [7]. В результате, в России с 2004 года была создана и функционирует федеральная инспекция труда, представляющая собой единую централизованную систему надзора и контроля за соблюдением трудового законодательства и иных нормативных правовых актов, содержащих нормы трудового права. Таким образом, Россия выполняет международные нормы и обеспечивает государственную защиту прав и свобод человека и гражданина, как это предусмотрено частью 1 статьи 45 Конституции РФ [7].

Статья 354 Трудового кодекса РФ (далее – ТК РФ), а также Постановления Правительства РФ от 30 июня 2004 г. № 324 «Об утверждении Положения о Федеральной службе по труду и занятости» и от 21 июля 2021 г. № 1230 «Об утверждении Положения о федеральном государственном контроле (надзоре) за соблюдением трудового законодательства и иных нормативных правовых актов, содержащих нормы трудового права» определяют полномочия и структуру федеральной инспекции труда. Согласно этим нормативным актам, государственный контроль (надзор) осуществляется федеральной инспекцией труда, которая включает в себя Федеральную службу по труду и занятости и ее территориальные органы (государственные инспекции труда). Федеральная служба по труду и занятости (Роструд) подчиняется Министерству труда и социальной защиты РФ. Законодатель закрепил независимость федеральной инспекции труда в статье 355 ТК РФ, что подчеркивает важность контрольных (надзорных) мероприятий, проводимых этой структурой, от работодателей, их представителей, органов исполнительной власти и местного самоуправления [2].

Порядок проведения проверок и инспектирования работодателей регулируется нормами главы 57 ТК РФ, Федеральным законом от 26 декабря 2008 г. № 294-ФЗ «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля», а также Федеральным законом от 31 июля 2020 г. № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации». Хотя установленный порядок действует, за последние годы в данной сфере правового регулирования произошли значительные изменения и дополнения, что будет рассмотрено далее [2].

Рассмотрим основные характеристики механизма действия института государственного контроля (надзора) в данной сфере. Кодекс Российской Федерации

об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ) устанавливает ответственность государственных инспекторов труда на рассмотрение дел об административных правонарушениях (части 1, 3, 4, 6 статьи 5.27, части 1–4 статьи 5.27.1, статьи 5.28–5.34, часть 1 статьи 14.54, часть 2 статьи 15.33.2, статья 15.34). Статья 23.12 КоАП РФ иерархически определяет должностных лиц, имеющих право рассматривать такие дела: от главного государственного инспектора труда РФ и его заместителей до государственных инспекторов труда [6].

Государственный контроль (надзор) осуществляется посредством проведения инспекционного визита, рейдового осмотра, документарной и выездной проверок, по результатам которых государственным инспектором труда выдается обязательное для исполнения работодателем предписание.

Периодичность плановых проверок устанавливается с учетом риск-ориентированного подхода и зависит от группы риска. Предметом внеплановых проверок является контроль за исполнением ранее вынесенных предписаний об устранении выявленных нарушений, аварийные ситуации, выход из строя сооружений, оборудования, угроза жизни и здоровью работников, а также жалобы и информация о нарушении прав и интересов работников.

Остановимся на некоторых проблемах в данной сфере правового регулирования. Согласно пункту 2 части 1 статьи 15 Федерального закона от 26 декабря 2008 г. № 294-ФЗ, должностные лица не вправе проводить проверку при отсутствии руководителя организации или его уполномоченного представителя. Это часто происходит на практике и препятствует эффективности контрольных мероприятий. Также нередки случаи, когда работодатели несвоевременно предоставляют инспектору необходимые для проверки документы, что можно расценивать как воспрепятствование осуществлению контрольных мероприятий [10].

А. В. Контарев и О. В. Дербина обращают внимание на еще одну проблему – нечеткость в процедуре документирования выявленных в ходе проверки нарушений. Часть 1 статьи 28.5 КоАП РФ предписывает составлять протокол об административных правонарушениях незамедлительно после выявления правонарушения, однако выявленные нарушения отражаются в акте проверки, который готовится по ее окончании [8, с. 16].

В заключение можно отметить, что ратификация Российской Федерацией Конвенции МОТ № 81 и создание федеральной инспекции труда в 2004 году обеспечили выполнение международных норм и гарантировали государственную защиту прав и свобод граждан. Федеральная инспекция труда, функционируя как единая централизованная система надзора и контроля, способствует соблюдению трудового законодательства и иных нормативных правовых актов, содержащих нормы трудового права [7].

Однако, несмотря на установленный порядок и регламентацию деятельности, в сфере правового регулирования остаются нерешенные проблемы. К ним относятся невозможность проведения проверок при отсутствии руководителя организации, нарушение сроков в предоставлении необходимых документов, нечеткость процедуры документирования нарушений и ограниченные полномочия инспекторов в отношении юридических лиц. Эти проблемы требуют дальнейшего совершенствования законодательства и практики его приме-

нения для повышения эффективности государственного контроля и защиты прав работников.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Конституция Российской Федерации от 12 декабря 1993 г. (ред. от 04.10.2022 № 8-ФКЗ). URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 05.05.2024).

2. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 06.04.2024). URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 05.05.2024).

3. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ (ред. от 06.04.2024). URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 05.05.2024).

4. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 11.03.2024). URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 05.05.2024).

5. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 23.03.2024) URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 05.05.2024).

6. Федеральный закон «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля» от 26.12.2008 № 294-ФЗ. URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 05.05.2024).

7. Конвенция № 81 Международной организации труда «Об инспекции труда в промышленности и торговле» (принята в г. Женеве 11.07.1947 на 30-й сессии Генеральной конференции МОТ). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_120804/ (дата обращения: 05.05.2024).

8. Контарев А. В. Государственная инспекция труда как субъект государственного контроля (на примере Вологодской области) // *Ius Publicum et Privatum*. 2020. № 4(9). С. 14–17.

9. Приказ Федеральной службы по труду и занятости от 08.06.2023 № 127 «Об утверждении перечня должностных лиц Федеральной службы по труду и занятости и ее территориальных органов, уполномоченных составлять протоколы об административных правонарушениях» (зарегистрировано в Минюсте России 12.07.2023 № 74243). URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 05.05.2024).

10. Статистика Росстата. URL: <https://ohranatruda.ru/news/898/595417/> (дата обращения: 10.04.2024).

11. Статистика Роструда. URL: https://rostrud.gov.ru/press_center/doklady/otchety-o-deyatelnosti-federalnoy-sluzhby-po-trudu-i-zanyatosti/ (дата обращения: 10.04.2024).

Ивакина Жанна Николаевна

магистрант, Костромской государственной университет

г. Кострома, Российская Федерация

an.meridian@hotmail.com

Проблема прекращения права собственности на недвижимое имущество при отказе в его vindикации

Аннотация: В данной статье затронута правовая проблема прекращения права собственности на недвижимое имущество при отказе в его vindикации, рассмотрены вопросы защиты прав собственника с помощью vindикационного иска, а также предложены возможные пути совершенствования действующего законодательства в части решения правовых споров по основаниям государственной регистрации прекращения прав на недвижимое имущество.

Ключевые слова: vindикационный иск, недвижимость, прекращение права собственности, признание права отсутствующим.

Ivakina Zhanna Nikolaevna

undergraduate, Kostroma State University

Kostroma, Russian Federation

The problem of termination of ownership of real estate in case of refusal to vindicate it

Annotation: This article touches on the legal problem of termination of ownership of real estate in case of refusal to vindicate it, considers the issues of protecting the rights of the owner with the help of a vindication claim, and also suggests possible ways to improve the current legislation in terms of resolving legal disputes on the grounds of state registration of termination of rights to real estate.

Keywords: vindication claim, real estate, termination of property rights, recognition of rights as absent.

Виндикацию имущества можно определить, как важнейший субинститут в системе способов защиты вещных прав, цель которого заключается в восстановлении права собственности на какое-либо имущество или его защиту от незаконного посягательства.

В более широком смысле vindикацию можно определить, как процесс защиты прав собственности на имущество путем обращения в суд. Объектом истребования по vindикационному иску могут быть только «индивидуально-определенные вещи». В целом, vindикация является важным инструментом для защиты права собственности, в том числе прав собственников недвижимости от незаконных действий третьих лиц.

С помощью vindикационного иска собственник защищает свои правомочия владения и пользования имуществом. Теоретически собственник может

распорядиться имуществом (например, совершать по его поводу сделки) даже тогда, когда оно находится у иного владельца. На практике же чужое незаконное владение недвижимостью сильно ограничивает собственника и в осуществлении им права распоряжения [4].

Лицо, выступающее ответчиком по виндикационному иску в контексте ст. 302 ГК РФ, может быть, как добросовестным, так и недобросовестным приобретателем, получившим недвижимость возмездно или безвозмездно. В случае приобретения имущества, если это будет установлено судом, безвозмездно или недобросовестно, когда лицо знало или могло знать о том, что отчуждатель неуправомочен на его передачу согласно закону, собственник вправе получить истребуемое обратно. Интерес невладельца собственника с точки зрения законодателя подлежит защите. Интерес недобросовестного или безвозмездного приобретателя защите не подлежит, так как является в большинстве случаев противоправным. По нашему мнению, при таком подходе в правовых нормах уже заложен законодателем баланс интересов, так как действительный собственник получит свое имущество в законное владение, а другое лицо лишится того, что приобрело без законных оснований.

Также и в случае, когда имущество приобретено возмездно и добросовестно и оно выбыло из владения собственника помимо его воли, то оно тоже подлежит возврату. С точки зрения интересов добросовестный и возмездный приобретатель будет поставлен в положение, при котором будут существенно затронуты его имущественные права, он понесет убытки. Судебная практика показывает, что иски публично-правовых образований к добросовестным приобретателям жилых помещений и земельных участков о виндикации принадлежащих им на праве собственности объектов недвижимости зачастую вызывают множество вопросов.

Субъекты гражданского права, указанные в пункте 1 статьи 124 ГК РФ, т. е. Российская Федерация, субъекты Российской Федерации и муниципальные образования, нередко обращаются с исками в суд об истребовании недвижимого имущества у граждан, являющихся добросовестными и возмездными приобретателями, мотивируя это тем, что оно выбыло из владения помимо их воли. Зачастую это было вызвано мошенническими действиями, в том числе, при возможном содействии регистрационных органов, либо имущество имело статус выморочного, но право на него не было оформлено и зарегистрировано публичным образованием. По итогу таких дел публичный субъект возвращал на праве собственности недвижимое имущество, а добросовестный приобретатель, для которого оно было, к примеру, единственным жильем, оставался без жилого помещения, не имея денежных средств на его приобретение. Несмотря на то, что за таким лицом сохранялось право регрессного требования к неуправомоченному отчуждателю, реализовать его на практике достаточно затруднительно. Добросовестный приобретатель оставался без прав на жилое помещение, а судебные разбирательства могли длиться длительное время. Баланс частного и публичного интереса не мог быть достигнут.

Для решения данного вопроса в 2019 году в п. 4 статьи 302 Гражданского кодекса РФ законодателем были внесены дополнения об основаниях, при кото-

рых суды отказывают в истребовании истцом жилой недвижимости у добросовестного приобретателя, если после перехода права собственности на него с момента внесения записи в государственный реестр прошло более трех лет.

Одним из проблемных вопросов, связанных с виндикацией недвижимости, является прекращение права собственности на недвижимое имущество при отказе в его виндикации.

Рассмотрим пример из судебной практики, подтверждающий наличие этой проблемы.

Так, лицо, которому отказано решением суда в виндикации объекта недвижимого имущества, вправе обратиться с заявлением о регистрации прекращения зарегистрированного за ним права на такое имущество.

Общество обратилось к Управлению Росреестра с заявлением о снятии с государственного кадастрового учета и государственной регистрации прекращения его права собственности в отношении нежилого здания.

Управление отказало в снятии объекта с государственного кадастрового учета и прекращении права собственности общества на объект недвижимости в связи с непредставлением регистрирующему органу решения суда о признании права заявителя отсутствующим [2].

При этом ранее обществом в отношении спорного имущества, на которое за ним зарегистрировано право собственности, был заявлен иск об истребовании имущества из чужого незаконного владения предприятия.

Вступившим в законную силу решением суда в удовлетворении заявленных требований обществу было отказано.

Судебная коллегия Верховного Суда РФ, направляя состоявшиеся по делу судебные акты на новое рассмотрение в арбитражный суд первой инстанции, указала следующее:

Рассматривая заявление по данному делу, суды установили наличие в едином государственном реестре недвижимости сведений о зарегистрированном праве собственности общества и право федеральной собственности на один и тот же объект недвижимости. Отказывая в удовлетворении иска общества об истребовании имущества из чужого незаконного владения предприятия, которому спорное имущество передано, суд установил, что оно относится к федеральной собственности, на него возникло право хозяйственного ведения предприятия, что оно фактически находится во владении предприятия и во владение общества никогда не поступало.

Таким образом, отказом в удовлетворении иска общества на основании статьи 301 ГК РФ был разрешен материальный спор о принадлежности имущества и его правообладателе. В отношении одного и того же здания в ЕГРН были внесены разные сведения, исходя из которых его собственником являлись и государство, и общество.

Решением суда обществу отказали в истребовании здания из чужого владения. При этом было установлено, что спорный объект – федеральная собственность, которая никогда не передавалась в фактическое владение данного юридического лица.

Чтобы устранить недостоверную запись в ЕГРН, общество обратилось в регистрирующий орган, представив упомянутое решение суда. Однако заявителю отказали со ссылкой на то, что нет судебного акта о признании его права отсутствующим.

Три инстанции поддержали позицию регистрирующего органа. Верховный Суд РФ с ними не согласился.

По закону основанием для кадастрового учета и (или) государственной регистрации прав являются, помимо прочего, вступившие в силу судебные акты [3].

Рассмотрев требования о vindикации, суды уже по существу решили материальный спор о правах на здание. Надлежащим собственником признали Российскую Федерацию. В такой ситуации у общества не было необходимости заявлять иск о признании отсутствующим своего права.

С целью устранения неопределенности правового регулирования, повлекшего судебные разбирательства в инстанциях нескольких уровней, предлагаем внести изменения в Федеральный закон от 13.07.2015 № 218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости» [1], а именно пункт 5 части 2 статьи 14 «Основания государственного кадастрового учета и государственной регистрации прав» изложить в следующей редакции: «5) вступившие в законную силу судебные акты, в частности решения о признании отсутствующим права, а также решения об отказе в удовлетворении требования об истребовании имущества из чужого незаконного владения».

Данные изменения позволят избежать неправильного применения норм материального права судебными и регистрирующими органами.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Федеральный закон от 13.07.2015 № 218-ФЗ (ред. от 14.02.2024) «О государственной регистрации недвижимости» // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_182661/cec950b7d67461cec8418d349b532c4574a9db11/ (дата обращения: 24.03.2024).

2. Определение Верховного Суда РФ от 30.06.2023 N 302-ЭС23-5987 по делу № А33-11681/2021. URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-30062023-n-302-es23-5987-po-delu-n-a33-116812021/> (дата обращения: 24.03.2024).

3. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 15 августа 2023 г. № 302-ЭС23-5987 по делу № А33-11681/2021. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/407445899/> (дата обращения: 24.03.2024).

4. Лисина А. О вопросе тождественности vindикационного иска и иска о признании права собственности отсутствующим. URL: https://zakon.ru/blog/2019/11/14/o_voprose_tozhdestvennosti_vindikacionnogo_iska_i_iska_o_priznanii_prava_sobstvennosti_otsutstvuyusc (дата обращения: 24.03.2024).

УДК 347.2.3

Розанов Максим Эдуардович

студент, Костромской государственной университет

г. Кострома, Российская Федерация

rozan0vm@yandex.ru

**Правовой режим самовольной постройки в свете Постановления
Пленума Верховного Суда РФ от 12.12.2023 № 44
«О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике
при применении норм о самовольной постройке»**

Аннотация: В статье рассматривается специфика правового режима самовольной постройки с учетом разъяснений Верховного Суда Российской Федерации. Проводится анализ значения нового постановления для правоприменительной практики. Отдельное внимание уделяется позиции высшего судебного органа относительно возможности сохранения самовольной постройки при определенных условиях.

Ключевые слова: самовольная постройка, существенность нарушения, оценочные категории, снос и сохранение самовольной постройки

Rozanov Maksim Eduardovich

student, Kostroma State University

Kostroma, Russian Federation

**Legal regime of unauthorized construction in the light of the Resolution
Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated December
12, 2023 № 44 “On some issues arising in judicial practice when applying
the rules on unauthorized construction”**

Annotation: The article examines the specifics of the legal regime of unauthorized construction, taking into account the explanations of the Supreme Court of the Russian Federation. The analysis of the significance of the new decree for law enforcement practice is carried out. Special attention is paid to the position of the supreme judicial authority regarding the possibility of preserving unauthorized construction under certain conditions.

Keywords: unauthorized construction, materiality of violation, assessment categories, demolition and preservation of unauthorized construction.

Нормы о регулировании статуса недвижимого имущества являются объектом пристального внимания научного юридического сообщества, правоприменителей, в том числе судов, обобщающих судебную практику. Недвижимость выступает экономической и правовой категорией, обладающей особой значимостью в обществе и государстве. Право частной собственности, ограниченные вещные права, введение объекта недвижимости в гражданский оборот – все это является принципиально значимыми аспектами политики государства, которая реализуется посредством установления соответствующих правил в нормативных правовых актах. Говоря о таком специфичном правовом явлении граждан-

ского права, как самовольная постройка, в первую очередь, следует остановиться на ее легальной дефиниции, которая закреплена в гражданском законодательстве: «самовольной постройкой является здание, сооружение или другое строение, возведенные или созданные на земельном участке, не предоставленном в установленном порядке, или на земельном участке, разрешенное использование которого не допускает строительства на нем данного объекта, либо возведенные или созданные без получения на это необходимых в силу закона согласований, разрешений или с нарушением градостроительных и строительных норм и правил, если разрешенное использование земельного участка, требование о получении соответствующих согласований, разрешений и (или) указанные градостроительные и строительные нормы и правила установлены на дату начала возведения или создания самовольной постройки и являются действующими на дату выявления самовольной постройки».

Особенности правового статуса самовольной постройки обусловлены тем, что данная категория находится на границе интересов двух видов: частного и публичного. Собственник земельного участка вправе реализовать свой частный интерес на возведение какого-либо здания, строения, сооружения, однако он должен неукоснительно следовать императивно определенным правилам, регламентирующим требования к возводимому объекту недвижимого имущества. Основу правового регулирования правового статуса самовольной постройки составляет статья 222 Гражданского кодекса Российской Федерации [1] (далее – ГК РФ).

Следует обратить особое внимание на Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 12.12.2023 № 44 «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при применении норм о самовольной постройке» [2] (далее – Постановление). Данное Постановление разъясняет, что сам по себе факт нарушения установленных правил является основанием для признания здания, строения, сооружения самовольной постройкой, однако при установлении судом незначительности допущенного нарушения указанное обстоятельство не будет являться преградой для сохранения постройки. В соответствии с указанным Постановлением суд должен вынести на обсуждение вопрос об устранении допущенных нарушений либо о приведении постройки в соответствие с регламентированными законом требованиями.

По общему правилу, наличие допущенного при возведении (создании) постройки нарушения градостроительных и строительных норм и правил является основанием для признания постройки самовольной.

Таким образом, Пленум Верховного Суда РФ обращает внимание на базовое положение норм о самовольной постройке, предусмотренное ГК РФ. Определяя последствия нарушения, суду следует оценить его существенность. В частности, возведение объекта с нарушением нормативно установленного предельного количества этажей или предельной высоты (например, возведение объекта индивидуального жилищного строительства, превышающего по числу этажей допустимые параметры, установленные пунктом 39 статьи 1 ГрК РФ), с нарушением строительных норм и правил, повлиявшим или способным повлиять на безопасность объекта и его конструкций, является существенным.

В качестве примера вероятных нарушений в Постановлении указывается, в частности, превышение допустимого количества этажей и нарушение строительных норм и правил. С учетом конкретных обстоятельств дела допущенное при возведении (создании) постройки незначительное нарушение градостроительных и строительных норм и правил (например, в части минимальных отступов от границ земельных участков или максимального процента застройки в границах земельного участка), не создающее угрозу жизни и здоровью граждан и не нарушающее права и интересы третьих лиц, может быть признано судом несущественным и не препятствующим возможности сохранения постройки».

В качестве незначительных нарушений, в свою очередь, Верховный Суд РФ предусматривает допущение минимальных отступов от границ земельного участка или максимального процента застройки в границах земельного участка, если данное нарушение не угрожает жизни и здоровью граждан и не нарушает прав третьих лиц.

Характерным является то обстоятельство, что Верховный Суд РФ делает акцент на том, что снос – это крайняя мера, и при устранение нарушений, допущенных при строительстве постройки, она будет сохранена. Независимо от того, заявлено ли истцом требование о сносе самовольной постройки либо о сносе или приведении ее в соответствие с установленными требованиями, суд с учетом положений пункта 3.1 статьи 222 ГК РФ выносит на обсуждение вопрос об устранимости допущенных при ее возведении нарушений градостроительных и строительных норм и правил, а в отношении самовольной постройки, возведенной с нарушением разрешенного использования земельного участка, в том числе ограничений, установленных в соответствии с земельным и иным законодательством, – о возможности приведения ее в соответствие с таким разрешенным использованием (часть 2 статьи 56 ГПК РФ, часть 2 статьи 65 АПК РФ).

Однако неоднозначной является градация «существенности» и «несущественности» нарушения – данный аспект обозначен оценочной категорией. Очевидным недостатком применения оценочных категорий является развитие субъективизма в правопонимании, что пагубно сказывается на единообразии практики применения и толкования правовых норм. Интерпретация оценочной категории может в корне расходиться с той идеей, которую Верховный Суд РФ заложил в основу разъяснения правила статьи. Также следует помнить о возможности произвола при использовании правовых предписаний, содержащих оценочные понятия, потенциальный рост преступлений, связанных с коррупционной составляющей. Также весьма вероятно и ущемление прав и законных интересов наиболее незащищенной стороны процессуальных правоотношений, недобросовестные действия правоприменителя (бездействие, затягивание сроков и т. д.). Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 12.12.2023 № 44 «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при применении норм о самовольной застройке» содержит лишь общие границы, разделяющие существенные нарушения от наименее существенных. Представляется целесообразным законодательно определить более четкие признаки и критерии существенности и несущественности нарушений, допущенных при строительстве

самовольных построек, так как данное нововведение позитивно скажется на обеспечении единообразной правоприменительной деятельности и единообразном понимании норм права. В качестве разрешения обозначенной проблемной ситуации предлагается дополнить ГК РФ статьей 222.1, содержащей закрытый, исчерпывающий перечень признаков существенного нарушения, допущенного при строительстве здания, строения, сооружения, подпадающего под характеристики самовольной постройки. Сообразно данному нововведению, оценка существенности допущенного нарушения будет соотноситься с признаками статьи 222.1, которая будет обозначать критерии вероятного вреда жизни, здоровью либо имущественному статусу пострадавшей стороны. В частности, предлагается соотнести вред здоровью с установленными правилами определения утраты трудоспособности, а имущественный вред – с правилами определения реального ущерба и упущенной выгоды. Вероятный случай строительства объекта недвижимого имущества на чужом земельном участке (т. е. таком земельном участке, который не принадлежит лицу, ответственному за строительство такого здания, строения, сооружения) следует императивно определить, как существенное нарушение, которое должно закономерно приводить к сносу такого здания, строения, либо сооружения. Частная собственность гарантирована Конституцией РФ и охраняется законодательством, посягательство на данное право недопустимо, за исключением случаев, специально предусмотренных законом. Такая мера обеспечит также и защиту неприкосновенности права собственности. Недаром частная собственность считалась особым приоритетом еще во времена древнеримского государства, что мы видим в трудах ученых-юристов: «Право защиты собственности рассматривалось как наиболее полноправное господство лица над вещью, как абсолютное и неограниченное право. Именно защита прав собственности должна быть важнейшим элементом государственной и общественной жизни. Без защиты и неприкосновенности собственности невозможно развитие и становление современного гражданского общества» [3].

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Гражданский кодекс Российской Федерации // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&vkart=card&nd=102033239&rdk=> (дата обращения: 21.04.24)
2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 12.12.2023 № 44 «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при применении норм о самовольной застройке» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201903150016> (дата обращения: 21.04.24)
3. Чичеров Е. А., Котляров С. Б., Рыбакова Н. Е. Традиции охраны права собственности в странах романо-германской правовой системы // Юридические науки: проблемы и перспективы : материалы V Междунар. науч. конф. (г. Казань, октябрь 2016 г.). Казань : Бук, 2016. С. 12–17. URL: <https://moluch.ru/conf/law/archive /223/11146/> (дата обращения: 20.04.2024).

Гафарова Алина Фазиль гызы

студент, Казанский инновационный университет

имени В. Г. Тимирязова

г. Казань, Российская Федерация

alinagafarova@mail.ru

Ибрагимова Насима Максумовна

кандидат юридических наук, доцент

Казанский инновационный университет имени В. Г. Тимирязова

г. Казань, Российская Федерация

nasima79@mail.ru

Конституционный правопорядок как условие развития гражданского общества в современной России

***Аннотация:** В данной статье рассматриваются вопросы реализации и укрепления конституционного правопорядка в рамках формирующегося в современной России гражданского общества. Целью исследования является определение конституционного правопорядка как необходимого условия развития гражданского общества, взаимодействия его институтов с государственными структурами. Устанавливаются принципы реализации общественностью своих публичных интересов и стремлений; отмечается роль граждан в укреплении правопорядка; анализируются тенденции формирования активной позиции общественности в обеспечении конституционного правопорядка, гарантировании прав и свобод человека и гражданина в современной России. Обосновывается вывод, что фактические и нормативно закреплённые формы активной правовой деятельности граждан, общественных объединений, а также иных участников гражданского общества способствуют укреплению конституционного правопорядка в России.*

***Ключевые слова:** Конституция РФ, правопорядок, общество, гражданин, общественные отношения, контроль, государственные органы.*

Gafarova Alina Fazil Gyzy

student, Kazan Innovative University

named after V. G. Timiryasov

Kazan, Russian Federation

Ibragimova Nasima Maksumovna

candidate of law, associate professor

Kazan Innovative University

named after V. G. Timiryasov

Kazan, Russian Federation

Constitutional law and order as a condition for the development of civil society in modern Russia

***Annotation:** This article will consider the issues of the implementation and strengthening of the constitutional rule of law within the framework of civil society emerging in modern Russia. The*

purpose of the study is to determine the constitutional rule of law as a necessary condition for the development of civil society, the interaction of its institutions with state structures. The principles of public realization of their public interests and aspirations are established; the role of citizens in strengthening the rule of law is noted. The article analyzes the trends in the formation of an active position of the public in ensuring constitutional law and order, guaranteeing human and civil rights and freedoms in modern Russia. The conclusion is substantiated that the actual and normatively fixed forms of active legal activity of citizens, public associations, as well as other participants in civil society contribute to strengthening the constitutional order in Russia.

Keywords: *Constitution of the Russian Federation, law and order, society, citizen, public relations, control, state bodies.*

Эффективное обеспечение конституционного правопорядка требует скоординированных и согласованных усилий, сотрудничества и партнерства различных государственных и негосударственных структур. Игнорирование ресурсов и полезных инициатив со стороны общественности снижает эффективность и системность мер по качественному обеспечению правопорядка. Состояние конституционного строя и защиты прав граждан обуславливает необходимость организации плодотворного сотрудничества общественности и государства.

Являясь одним из универсальных понятий юриспруденции, правопорядок рассматривается посредством юридического отраслевого и межотраслевого измерения, и в первую очередь конституционного. В этой связи следует отстаивать идею конституционной стабильности, рассматривать ее нарушение как угрозу и препятствие укреплению конституционного правопорядка, минимизировать проведение конституционных реформ [3, с. 106–110].

В свою очередь конституционный правопорядок может легализоваться с участием всей системы государственных и общественных средств, и форм публичного сопровождения.

Специальными принципами сотрудничества государства и институтов гражданского общества будут являться следующие.

1. Формирование высокого уровня правовой культуры и правосознания субъектов общественности в сфере укрепления конституционного правопорядка. Действующее законодательство предусматривает определенный перечень различных видов гражданских инициатив, к которым можно отнести народную правотворческую инициативу, петиции, обращения граждан, их участие в митингах, шествиях, официальное обсуждение проектов нормативных правовых актов в средствах массовой информации и др. Участники общественных инициатив приобретают необходимые знания, навыки, опыт в сфере реализации законодательства Российской Федерации об участии граждан в управлении делами государства.

2. Недопустимость необоснованного вмешательства субъектов общественного контроля в деятельность органов государственной власти и оказания неправомерного воздействия на указанные органы и организации. При формировании целей и задач общественных структур (общественных советов, групп народного контроля, народных дружин и пр.) важно установить пределы воздействия на органы государственной власти. Здесь также может формироваться

практика участия общественности в решении вопросов государственного устройства и принятии управленческих решений.

3. Презумпция добросовестности деятельности органов публичной власти, за которой осуществляется общественный контроль. Органы государственной и муниципальной власти, должностные лица, а также иные представители государства действуют согласно нормам, закрепленным Конституцией РФ и российским законодательством. Предполагается, что правовая деятельность осуществляется исключительно в соответствии с данными нормативными требованиями и направлена на укрепление основ правового государства и демократии.

4. Эффективность (оперативность) общественного присутствия в сфере укрепления правопорядка. Важно установить систему критериев действительности общественной деятельности при обеспечении (претворении в социальную и правовую жизнь) правопорядка и законности. Среди таких критериев можно предложить следующие: состояние преступности и динамика правонарушений в соответствующем регионе, количество принятых решений со стороны общественных советов при органах публичной власти, периодичность участия граждан в охране правопорядка в различных законодательно установленных формах.

5. Своевременность законодательного закрепления института общественного контроля в сфере укрепления конституционного правопорядка. В этом плане важно законодательно определить процессуальные основы участия общественников в контрольной деятельности и взаимодействия с государственным аппаратом. Законодателю предстоит системная и масштабная работа по нормативно-правовой регламентации общественного контроля в сфере укрепления конституционного правопорядка.

6. Системная реализация прогрессивного характера института общественного контроля. Следует признать, что в обозримой перспективе модель реального взаимодействия правоохранительных органов и общественных структур будет реальной и практически востребованной. Институт общественного контроля в укреплении конституционного правопорядка должен проецироваться в организационную, социальную и идеологическую сферы. В этом плане на роль общественников в укреплении конституционного правопорядка необходимо обратить внимание со стороны телевидения, радио, прессы, кинематографии. Мы настоятельно рекомендуем отечественной киноиндустрии воплотить на киноэкране правовой статус общественников, их роль в укреплении законности и правопорядка, показать реальное и почетное место инициативных граждан в борьбе с преступностью.

7. Преимущество состоявшихся и практически проверенных форм взаимодействия институтов гражданского общества и государства в целом. Важно сохранять достижения организационно-правового, информационного и воспитательно-идеологического характера интеграции общественных интересов в работе органов власти и публичных структур в целом.

Согласимся, что преимущество – это связь между различными этапами или ступенями развития конкретной национальной правовой системы, которая

предполагает сохранение в рамках определенной страны тех или иных достижений правовой культуры прошлого, использование в современной правовой системе всего того прогрессивного, что было накоплено в предшествующие эпохи [5, с. 12]. В нашем случае при формировании конституционного правопорядка с активным участием общественности также необходимо учитывать достижения законодательного и правоприменительного характера, сложившиеся в советский и современный периоды, видеть реальные перспективы такого сотрудничества.

Представляется, что с учетом разнообразия форм и направлений сотрудничества государственных структур и общественности можно определить алгоритм их функционирования, модели и направления такой формы публичной деятельности. Следовательно, имеет смысл выделить актуальные направления сотрудничества общественности и органов государственной власти в сфере обеспечения конституционного правопорядка. Здесь основными подходами в определении развитого гражданского общества через призму конституционного правопорядка являются:

1) непосредственная включенность граждан в охрану общественного порядка. Например, право на охрану правопорядка во дворе, в пределах улицы, жилом секторе может взять на себя актив конкретного жилого дома или народная группа, дружина, общественное объединение. Данные граждане могут определить старосту, распределить обязанности, принять иные элементы механизма охраны общественного порядка. В данном случае могут складываться так называемые секундарные правомочия [2, с. 307–308], которые связаны с правом на «собственные» действия, возможностью совершать одностороннее волеизъявление, способное порождать обязательные юридические последствия: прекратить соответствующие действия со стороны нарушителей общественного порядка. Далее может возникнуть право требовать от других лиц воздерживаться от действий известного рода, в том числе не препятствовать действиям носителя секундарного правомочия: выезд участкового уполномоченного, составление административного протокола, совместно с народной дружиной установление причин и условий правонарушения. В этом плане заметим: такая форма правовой деятельности граждан в известной мере способна выступить начальной, отправной точкой для дальнейшей серьезной работы в формировании правового мышления общественника и его активной позиции в претворении полученных навыков и опыта в систему конституционного правопорядка;

2) формирование и деятельность общественных советов при органах государственной власти. Данная форма правовой деятельности является достаточно распространенной и классической. В современный период основным общественным институтом в этом плане является Общественная палата РФ. Заметим, что в рамках формирования общественных советов при органах государственной власти нередко создаются экспертные советы. Также органы власти привлекают независимых экспертов, представителей образовательных учреж-

дений, общественных объединений, научно-исследовательских организаций, а также других заинтересованных субъектов, которые осуществляют разного рода аналитическую деятельность, вырабатывают соответствующие рекомендации. В целом институт формирования общественных советов при органах государственной власти, в том числе правоохранительных органах, на сегодняшний день является относительно новым и нуждается в дальнейшем развитии;

3) нештатное сотрудничество граждан с правоохранительными органами. Эта деятельность выступает вспомогательной и относительно легализованной формой участия граждан в осуществлении управленческих функций. Нештатное сотрудничество является допустимым и вполне эффективным видом включения граждан в правоохранительную деятельность в условиях демократического государства. Мы убеждены, что юридическая наука обратит внимание на возможность формирования концепции оперативной деятельности при осуществлении охраны общественного порядка. Данная форма сотрудничества правоохранительных органов и общественности нуждается в системном и качественно новом нормативном оформлении;

4) активное привлечение средств массовой информации в процесс популяризации особой роли общественности в укреплении правопорядка, развитие интереса со стороны различных общественных структур к работе государственных органов. В данном случае может идти речь о проведении телевизионных передач различного формата с участием общественников с целью обсуждения вопросов, проблем, интересных ситуаций, имеющих место в сфере укрепления основ конституционного правопорядка и принципов конституционного строя в целом;

5) формирование союзов и ассоциаций субъектов общественного контроля, и иных общественных структур, осуществляющих деятельность, связанную с укреплением конституционного правопорядка. Необходимо определить статус таких союзов, а также оказать необходимое законодательное сопровождение для системного претворения правопорядка в правовую жизнь. В этом плане совместная работа общественных организаций и групп с государственными структурами требует постоянного организационного анализа и юридического оформления;

б) вовлечение молодежного сообщества в антикоррупционную политику и развитие соответствующих общественных институтов, способствующих укреплению конституционного правопорядка. Важно увидеть наиболее очевидные и значимые стороны частно-государственного партнерства, при котором, например, молодежь могла бы получать опыт, знания и иные необходимые качества общественного присутствия. Необходимо обратить внимание на исследования, направленные на разработку концепции юридического образования и правового воспитания с учетом современных демократических взглядов и тенденции развития правовой жизни. Кроме образовательных технологий, такими механизмами могут быть молодежные парламенты, молодежные правительства,

а также иные формы вовлечения молодежи в решение вопросов государственного и муниципального характера;

7) необходимый анализ и нормативное закрепление перспективных форм участия граждан в управлении делами государства. Можно говорить о таких правовых институтах как, например, наказания избирателей и их исполнение, народная законодательная инициатива граждан, публичное обсуждение решений органов исполнительной власти и их интернет-тестирование, широкое использование мнения граждан при обсуждении вопросов местного значения. Неподдельный интерес представляют идеи относительно совершенствования мероприятий, связанных с выражением и формированием протестных мнений, а также выдвиганием требований по различным вопросам политической, экономической, социальной и культурной жизни страны [1, с. 8–9]. На наш взгляд, указанные формы демократии могут быть значимыми и принципиально полезными в вопросах установления устойчивого режима конституционного правопорядка.

Таким образом, формирование и укрепление конституционного правопорядка является необходимым условием как для выстраивания конструктивного сотрудничества государства и общественности, так и для развития гражданского общества современной России в целом. В этой связи важно продолжить законодательную работу по нормированию конституционно-правового статуса основных звеньев гражданского общества, установлению их реальных и юридически значимых возможностей в правовой жизни государства и общества. При этом значительная роль может возлагаться на органы правоохранительной направленности, которые самостоятельно и в сотрудничестве с общественностью непосредственно обеспечивают конституционный правопорядок на всей территории Российской Федерации.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Авакьян С. А. Демократия протестных отношений: конституционно-правовое измерение // Конституционное и муниципальное право. 2012. № 1. С. 3–17.
2. Алексеев С. С. Собрание сочинений : в 10 т. Т. 3. Проблемы теории права : курс лекций. М. : Статут, 2010. С. 307–308.
3. Безруков А. В. Конституционно-правовой механизм обеспечения правопорядка органами публичной власти в России : монография. М. : Юстицинформ, 2018. С. 75–110.
4. Безруков А. В., Тепляшин И. В. Роль общественности в укреплении конституционного правопорядка в России // Российское право: образование, практика, наука. 2018. № 3. С. 36–40.
5. Карташов В. Н. Приемственность в правовой системе общества: методологические основы исследования // Юридическая техника. 2011. № 5. С. 10–18.

Гемель Анастасия Сергеевна

студент, Челябинский государственный университет

г. Челябинск, Российская Федерация

gemelanastasia28@mail.ru

Домрачева Екатерина Олеговна

студент, Челябинский государственный университет

г. Челябинск, Российская Федерация

domrakat@gmail.com

Макашова Татьяна Павловна

старший преподаватель, Челябинский государственный университет

г. Челябинск, Российская Федерация

t.p.ish@mail.ru

Нарушение профессиональных прав адвоката оперативно-розыскными и следственными органами

Аннотация: В статье поднимаются проблемы нарушений профессиональных прав адвокатов. Проблемы вмешательства в адвокатскую деятельность оперативно-розыскных и следственных органов, указывают на необходимость усиления правовых гарантий и создания эффективного механизма защиты. Адвокаты, профессионально обязанные представлять интересы своих клиентов, должны иметь возможность свободного и независимого общения с ними. Исследования и анализ научной литературы показывают, что законодательство в сфере защиты прав адвокатов нуждается в доработке: необходимо разрабатывать новые механизмы защиты прав адвокатов, статьи, предусматривающие ответственность за нарушение прав адвокатов.

Ключевые слова: нарушения профессиональных прав адвокатов, вмешательство оперативно-розыскных и следственных органов, ограничение доступа адвокатов, нарушение адвокатской тайны, незаконные воздействия на адвокатов.

Gemel Anastasia Sergeevna

student, Chelyabinsk State University

Chelyabinsk, Russian Federation

Domracheva Ekaterina Olegovna

student, Chelyabinsk State University

Chelyabinsk, Russian Federation

Makashova Tatiana Pavlovna

senior lecturer, Chelyabinsk State University

Chelyabinsk, Russian Federation

Violation of professional rights of a lawyer by operatively-search and investigation bodies

Annotation: The article raises the problems of violations of professional rights of lawyers. The problems of interference in the lawyers' activities of operative-search and investigation bodies,

indicate the need to strengthen legal guarantees and create an effective defense mechanism. Lawyers, professionally obliged to represent the interests of their clients, should be able to freely and independently communicate with them. Studies and analysis of scientific literature show that the legislation in the field of protection of lawyers' rights needs to be improved: it is necessary to develop new mechanisms for the protection of lawyers' rights, articles providing for liability for violation of lawyers' rights.

Keywords: *violations of professional rights of lawyers, interference of operatively-search and investigation bodies, restriction of access of lawyers, violation of attorney-client privilege, unlawful influence on lawyers.*

В современном обществе проблема нарушения профессиональных прав адвокатов оперативно-розыскными и следственными органами становится все более острой и актуальной.

В законе закреплено, что вмешательство в адвокатскую деятельность или воспрепятствование этой деятельности любым способом не допускается. Однако на практике адвокаты регулярно сталкиваются с нарушением своих прав. Оперативно-розыскные и следственные органы, выполняя свои функции по расследованию преступлений, иногда превышают свои полномочия, что влечет нарушение прав адвокатов [3, с. 158–159].

В 2021 году среди адвокатов был проведен масштабный опрос, который касался непосредственно нарушения профессиональных прав адвокатов. Подробно стоит рассмотреть результаты части опроса, которая касалась нарушений со стороны оперативно-розыскных и следственных органов [7].

Около 10 % адвокатов подтвердили, что сталкивались с применением физического насилия со стороны оперативно-розыскных органов для воспрепятствования их участию в следственных действиях. Далее было выяснено, кто из этих 10 % обращался в суд с жалобой на незаконные действия, Результат был следующий (рис.).

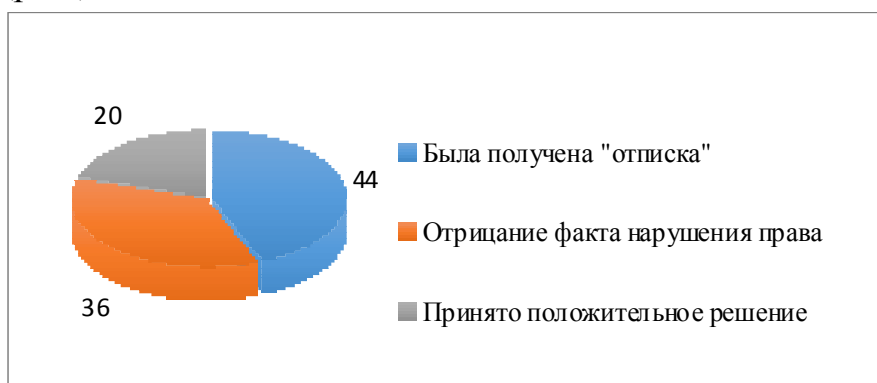

Рис. Результат обращения адвокатов в суд с жалобами о нарушении профессиональных прав

Таким образом, видно, что довольно часто суд не признает нарушение прав адвокатов следственными и оперативно-розыскными органами, вследствие чего и возникает тенденция увеличения подобных нарушений.

В утвержденном IX Всероссийским съездом адвокатов отчете Совета ФПА РФ о деятельности за период с 2017 по 2019 г. указывается, что в рассматриваемый период в адвокатских палатах было зарегистрировано 1281 нарушение профессиональных прав адвокатов. Сравнительный анализ, проведен-

ный в 2022 году ФПА РФ, показал, что количество нарушений профессиональных прав адвокатов пошло на убыль, по сравнению с предыдущими годами, но проблема также окончательно не решена.

Стоит рассмотреть наиболее подробно часто возникающие нарушения профессиональных прав адвоката следственными и оперативно-розыскными органами.

Одним из таких нарушений является ограничение доступа адвокатов к своим подзащитным, что противоречит принципу права на защиту. Ограничение этой возможности ослабляет права адвокатов и влияет на эффективность и качество предоставляемой защиты. Также стоит отметить случаи применения ментального и физического давления на адвокатов со стороны оперативно-розыскных и следственных органов (угрозы, запугивание, шантаж и другие формы незаконного воздействия на адвокатов) [8, с. 41–52]. Данные проблемы можно проиллюстрировать следующим примером: Комиссия по защите профессиональных прав адвокатов АП Ставропольского края вынесла заключение по обращению адвоката, которому оперативные сотрудники преградили путь к доверителю, угрожая применить оружие. Комиссия дала свое заключение и сослалась на Определение Конституционного Суда РФ № 1419-О от 27 июня 2017 г., в котором указано, что Закон об ОРД не ограничивает право на квалифицированную юридическую помощь лица, в отношении которого проводятся административные или следственные действия. Следовательно, проведение гласного ОРМ не исключает участия в нем защитника, если он явился к месту производства обследования, которое не завершено. Таким образом, Комиссия пришла к выводу, что действиями должностных лиц правоохранительных органов нарушены профессиональные права адвоката [6].

Следующее серьезное нарушение – это нарушение адвокатской тайны. Адвокатская тайна является основополагающим принципом, который обеспечивает доверительность и конфиденциальность между адвокатом и его клиентом. Нарушение этой тайны может иметь негативные последствия, включая отказ клиентов от поиска юридической помощи и нарушение принципа справедливого судебного процесса. Многие эксперты также считают, что адвокатская тайна на данный момент имеют слабую защиту, поэтому и выявляются ее частые нарушения [5].

Кроме того, оперативно-розыскные и следственные органы также могут ограничивать доступ адвоката к документам и материалам, необходимым для эффективного представления интересов клиента. Например, согласно Апелляционному определению Московского городского суда от 10.06.2021, адвокату было отказано на получение документов и материалов, необходимых для эффективного разрешения дела [2]. Это может препятствовать адвокатской работе и нарушать право на справедливое представление в суде [1].

Еще одним распространенным нарушением является незаконное прослушивание и перехват общения адвокатов с их клиентами. Конфиденциальность коммуникации между адвокатом и подзащитным обеспечивает доверительность отношений и позволяет защищать интересы клиента в полной мере [11, с. 14–18]. Из постановления Европейского Суда по правам человека по де-

лу от 07.11.2017 (жалоба № 37717/05), вытекает, что, даже если на момент прослушивания телефонных переговоров адвоката со своим доверителем адвокат не был допущен к доверителю в качестве защитника по уголовному делу, такие переговоры все равно охраняются адвокатской тайной и их нельзя использовать в качестве доказательств по уголовному делу в отношении доверителя [10].

Одним из нарушений профессиональных прав адвоката также является проведение незаконного обыска в отношении адвоката [5]. К примеру, Басманный районный суд г. Москвы признал незаконным протокол обыска в жилище адвоката, произведенного без учета требований ст. 450.1 УПК РФ, и обязал следователя устранить допущенные нарушения. В данном деле речь шла об обыске в жилище адвоката без уведомления представителя адвокатской палаты, в которой состоял адвокат. Поскольку при производстве следственного мероприятия были допущены существенные нарушения, защитник заявил замечания к протоколу обыска в порядке ст. 166 УПК РФ. В решении по данному делу было прямо указано, что следователь не выполнил требования ст. 450.1 УПК, в связи с чем протокол обыска был признан незаконным поскольку нарушает конституционные права и законные интересы как заявителя, так и самого адвоката (в жилище которого был произведен обыск).

Адвокатская деятельность не является предметом охраны уголовного закона РФ. В Уголовном кодексе Российской Федерации существует ст. 294, запрещающая вмешиваться в законную деятельность суда, прокурора, следователя, дознавателя, однако адвоката в данном списке нет. Но сказать о том, что права адвокатов никак не обеспечиваются, нельзя. Так, статья 5.39 КоАП РФ закрепляет административную ответственность за непредоставление по адвокатскому запросу информации, а также нарушение сроков предоставления такой информации или передачу заведомо ложных сведений. В целях реализации принципа равноправия сторон в уголовном процессе следует повышать роль адвоката, укреплять его независимость. Исходя из этого, появление в Уголовном кодексе Российской Федерации статьи об уголовной ответственности за воспрепятствование профессиональной деятельности адвоката необходимо.

Как отмечают Ю. П. Гармаев и О. В. Викулов, оперативные сотрудники часто не допускают явившегося на место ОРМ адвоката к участию в нем, физически не впуская адвоката в помещение, где оно проводится; при этом попытки адвоката насильно проникнуть в помещение, где проводится ОРМ, могут стать основанием для возбуждения уголовного дела в отношении него. По мнению авторов, единственной рекомендацией в данном случае является видеофиксация факта недопуска адвоката к доверителю для оказания правовой помощи в рамках проводимого ОРМ с последующим обжалованием действий оперативных сотрудников. Вместе с тем ученые полагают, что в удовлетворении такой жалобы прокурором или судом будет отказано, поскольку действия оперативных сотрудников напрямую не нарушают положения Закона об ОРД [4, с. 30–34].

Таким образом, стоит обратить внимание на то, что адвокат, чьи профессиональные права и интересы были нарушены, может обратиться в Комиссию по защите прав адвокатов адвокатской палаты субъекта Российской Федерации. По результатам рассмотрения обращения Комиссия по защите прав адвокатов

дает по нему заключение и предлагает методы, формы и действия, необходимые для защиты нарушенных прав. При установлении факта нарушения Комиссия принимает все необходимые меры, в том числе путем сбора и анализа фактов нарушения, выработки рекомендаций по предупреждению нарушений, противодействию нарушениям и восстановлению прав адвокатов.

Постоянное взаимодействие и конструктивный диалог между адвокатами и оперативно-розыскными органами необходимы для взаимопонимания и достижения общих целей – справедливости и защиты прав и свобод граждан. При выявлении проблем такого рода следует устранять их путем внесения изменений в действующее законодательство, например, необходимо проведение мероприятий по обеспечению соблюдения и защиты прав адвокатов, включая обучение правоохранительных органов знанию и уважению профессионального статуса адвокатов, создание механизмов и контроля за деятельностью правоохранительных органов с точки зрения соблюдения прав адвокатов [9, с. 54–56].

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Апелляционное определение Московского городского суда от 10.06.2021 по делу № 2-1920/2021. URL: https://www.consultant.ru/law/podborki/informaciya_s_ogranichennym_dostupom_na_advokatskij_zapros/ (дата обращения: 20.03.2024).

2. Апелляционное определение Московского городского суда от 28.11.2018 № 10-21396/2018. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=SOCN&n=1085796#Ln3TkwTS4ljk1Q7d1> (дата обращения: 20.03.2024).

3. Билун А. Р. Ways to protect professional rights of lawyers // Молодой ученый. 2023. № 16(463). С. 158–159.

4. Мазюк Р. В. О заподозренном в рамках оперативно-розыскной деятельности и его праве на адвоката // Адвокатская практика. 2023. № 2. С. 30–34.

5. Обыски, прослушка, налоговые проверки: как нарушается адвокатская тайна. URL: <https://pravo.ru/story/203435/> (дата обращения: 20.03.2024).

6. Определение Конституционного Суда РФ № 1419-О от 27 июня 2017 г. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=506492#VmnlpwTYRHwQ20hM1> (дата обращения: 20.03.2024).

7. Опрос адвокатов-2021 о ситуации с соблюдением их профессиональных прав оперативно-розыскными органами, органами следствия, прокуратуры, ФСИН и судами, а также органами адвокатского сообщества. URL: <http://advdefence.ilpp.ru/2021> (дата обращения: 20.03.2024).

8. Осин В. В. Кто защитит адвоката от незаконных действий следователя? // Адвокат. 2011. № 10. С. 41–52.

9. Подройкин И. А. Уголовный процесс. В 2 т. Т. 2 : учебник для вузов / отв. ред. И. А. Подройкина, Е. В. Серегина, С. И. Улезько. 5-е изд., перераб. и доп. М. : Юрайт, 2022. С. 54–56.

10. Постановления Европейского Суда по правам человека от 07.11.2017 по делу № 37717/05. URL: <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/documents/human-rights?item=4981201> (дата обращения: 20.03.2024).

11. Рекомендации по обеспечению адвокатской тайны и гарантий независимости адвоката при осуществлении адвокатами профессиональной деятельности от 30 ноября 2009 г. URL: <https://fparf.ru/documents/fpa-rf/the-documents-of-the-council/recommendations-to-ensure-attorney-client-privilege-and-guarantees-the-independence-of-the-lawyer-in/> (дата обращения: 20.03.2024).

УДК 347.963

Горшкова Оксана Эдуардовна

студент, Нижегородский государственный университет
им. Н. И. Лобачевского

Нижний Новгород, Российская Федерация

vitaminc_007@mail.ru

Взаимодействие органов прокуратуры Российской Федерации со средствами массовой информации

***Аннотация:** В статье представлены проблемные вопросы взаимодействия прокуратуры со средствами массовой информации. Тема является актуальной, так как данное взаимодействие обеспечивает прозрачность в работе органов прокуратуры, повышает общественную осведомленность о состоянии законности и правопорядка. Сложившиеся на данном этапе направления и формы взаимодействия требуют анализа, систематизации и преобразования в соответствии с новыми реалиями жизни общества. Автор предпринял попытку рассмотреть несколько видов данного взаимодействия. Работа направлена на выявление роли СМИ при взаимодействии с органами прокуратуры.*

***Ключевые слова:** прокуратура, средства массовой информации, взаимодействие, информирование населения, журналисты, защита.*

Gorshkova Oksana Eduardovna

student, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

Nizhniy Novgorod, Russian Federation

Interaction of the prosecutor's office of the Russian Federation with the mass media

***Annotation:** The article presents problematic issues of interaction between the prosecutor's office and the media. The topic is relevant, as this interaction ensures transparency in the work of the prosecutor's office, increases public awareness of the state of law and order. The directions and forms of interaction that have developed at this stage require analysis, systematization and transformation in accordance with the new realities of society. The author has attempted to consider several types of this interaction. The work is aimed at identifying the role of the media in interaction with the prosecutor's office.*

***Keywords:** prosecutor's office, media, interaction, informing the population, journalists, defense.*

В интервью корреспонденту газеты «Известия» от 23.01.2023 Генеральный прокурор Российской Федерации (далее – РФ) И. В. Краснов заявил о том, что «мы ведем активную работу в этом направлении, оказываем правовую помощь нашим гражданам, в том числе представителям социально незащищенных слоев населения: многодетным семьям, инвалидам, ветеранам, пенсионерам, детям, детям-сиротам, да и просто людям, оказавшимся в беде. Чтобы было понятнее, приведу в пример работу с гражданами России, проживающими в новых субъектах, которых мы информируем по вопросам трудового законодательства, пенсионного обеспечения, социальных выплат и государственных гарантий. Для нас важно сохранить и приумножить доверие граждан за счет конкретных дел, включая развитие доступности прокурорской помощи – это одна из наших ключевых целей» [2].

Мы живем в информационном обществе, поэтому мнение населения очень часто формируется, как раз из контента телевидения, газет и интернет-блогов. По этой причине, так важна открытость в деятельности органов прокуратуры, в целях повышения доверия населения (граждан) к работе прокурорских работников. В кодексе этики последних также закреплено, что именно взаимодействия со СМИ и формируют имидж всей прокуратуры в целом. Безусловно, речь идет о том, что «однобокость, тенденциозность, предвзятость информации о деятельности прокуратуры порождают недоверие со стороны населения к прокурорским работникам» [3].

Согласно Приказу Генпрокуратуры России от 17.05.2018 № 296 «О взаимодействии органов прокуратуры со средствами массовой информации и общественностью» в котором регламентируется взаимодействие органов прокуратуры и СМИ и является одним из наиболее приоритетных. К числу основных направлений по взаимодействию со СМИ можно отнести такие как:

- информирование о направлении в суд уголовных дел, вызвавших повышенный общественный резонанс, и вынесении по ним судебных решений, а также о прокурорских проверках, в процессе которых вскрыты многочисленные нарушения законов,

- предоставление сведений о наиболее актуальных результатах рассмотрения обращений граждан, прежде всего социально уязвимых категорий, при этом распространяемые прокуратурой сообщения должны быть выверенными, объективными и не содержать информации ограниченного доступа, в том числе конфиденциального характера [5].

Формы такого взаимодействия различны. Например, одной из самых удобных форм взаимодействия – это публикации прокурорских работников в печатных изданиях. Положительной стороной такого взаимодействия является возможность несколько раз перепроверить текст напечатанной статьи, чтобы она была аргументирована и информативна. К тому же проверка текста статьи происходит не только перед сдачей в редакцию СМИ, но и после того, как корреспондент окончательно составит материал по данной статье, так как он отправляет ее на согласование в прокуратуру. Проведение нескольких проверок необходимо для того, чтобы читатель мог ознакомиться с аргументированной и правдивой информацией, потому что порой в погоне за яркими и интересными

ми заголовками или добавлением «остроты» в статью происходит так, что содержание статьи существенно искажается.

С другой стороны, согласно ч. 1 ст. 51 Закон РФ от 27.12.1991 № 2124-1 «О средствах массовой информации»: «Не допускается использование прав журналиста в целях сокрытия или фальсификации общественно значимых сведений, распространения слухов под видом достоверных сообщений, сбора информации в пользу постороннего лица или организации, не являющейся средством массовой информации» [1].

Следующая форма взаимодействия, которая также получила распространение – это интервью. В основном, круг вопросов, которые будут освещаться в интервью, уже известны, и прокурорский работник подготавливает заранее свое выступление и ответы на вопросы. Но иногда СМИ может без подготовки попросить дать комментарий по сложившейся ситуации, такое бывает, если произошла резонансная ситуация или сотрудники прокуратуры находятся на месте происшествия. В данном случае интервью без предварительной подготовки дают более опытные сотрудники органов прокуратуры. Не стоит забывать, что каждое выступление формирует представление о прокуратуре в целом, а не о конкретном работнике.

Еще одной формой взаимодействия является приглашение СМИ на совещания в органы прокуратуры. Особенно, если это совещание по подведению итогов года или полугодия, либо освещение наиболее важных социальных тем. Суть данной формы заключается, во-первых, в открытости и гласности в работе органов прокуратуры, во-вторых, направлена на борьбу с правовой безграмотностью населения.

Следующая форма взаимодействия может быть социальная реклама, различные видеоролики, аудиореклама, плакаты, которые представлены в общественных местах. Такая реклама обычно бывает ненавязчивой, лаконичной, но при этом информативной. Благодаря частому прочтению этой информации у населения может формироваться правопослушное поведение. К тому же проводятся различные акции по предотвращению правонарушений и преступлений, которые также направлены на повышение правосознания общества. Немаловажным является тот факт, что гласность в работе прокуратуры не только способствует формированию доверия со стороны населения, но и усиливает воспитательное воздействие при осуществлении прокурорского надзора, а также формирование правовой грамотности общества. Но в какой мере органы прокуратуры могут действовать гласно во взаимодействии со СМИ?

Основной проблемой в предоставлении информации органами прокуратуры для СМИ является ограничение доступа к ней. Потому что органы прокуратуры в своей деятельности обладают данными составляющими различного рода тайны, такие как государственная, банковская, медицинская и иные, а также иные аспекты личности человека и гражданина, которые не должны попадать в СМИ и становиться достоянием общественности. Именно поэтому так сложно и важно выстроить баланс в открытости работы органов прокуратуры и неразглашении сведений в той мере, которая не противоречит требованиям законодательства РФ.

Согласно Конституции РФ в статье 23 «Каждый имеет право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, защиту своей чести и доброго имени. Каждый имеет право на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений» [1]. Также законодательство регламентирует об ограничении доступа к государственной и иной охраняемой законом тайне, делая отсылку к перечню отнесенных к категории ограниченного доступа вместе с нормативными актами, в которых это закреплено.

Взаимодействие органов прокуратуры и СМИ можно рассмотреть с другой точки зрения. Прокуратура также осуществляет надзор за соблюдением прав и свобод человека и гражданина в работе СМИ, а также за соблюдением законов при осуществлении своей работы. Помимо этого, прокуратура также и защищает работников СМИ, например, от незаконного вмешательства извне в их деятельность. Данное вмешательство может выражаться и в недопуске СМИ для записи видеоматериала, либо незаконное объединение нескольких СМИ, либо воздействовать для того, чтобы корреспонденты написали статью, с заведомо ложным содержанием.

Если обратиться к Федеральному закону от 23.06.2016 № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации», то в нем закреплен перечень субъектов, которые осуществляют профилактику правонарушений, среди них выделена и прокуратура РФ. В статье 6 данного Федерального закона предусмотрены направления деятельности по предупреждению правонарушений, одним из которых является – повышение уровня правовой грамотности и развития правосознания граждан [6]. Именно это направление проще всего реализовать посредством взаимодействия органов прокуратуры со СМИ. Реализация повышения правовой грамотности выражается в основном с помощью различных программ, на которые приглашают представителей от прокуратуры, чтобы те осветили насущные вопросы, которые интересуют граждан. Для такого приглашения необходимо заполнить запрос на имя старшего помощника прокурора области по взаимодействию со СМИ, с данными, которые указаны на сайтах прокуратур всех уровней в разделе «Для СМИ».

Подводя итог всему вышесказанному хочется отметить, что взаимодействие органов прокуратуры со СМИ развивается до сих пор. В качестве авторских идей, направленных на повышение эффективности такого взаимодействия можно предложить следующие:

1. *Создание специальных совместных проектов для регулярного обмена информацией.* Немалая часть населения, для которой источником получения информации и новостей служит телевидение. В решении данного вопроса отметим удачный опыт прокуратуры Ставропольского края при взаимодействии со СМИ. Ее сотрудниками была разработана целая телевизионная программа, освещающая новости о работе органа прокуратуры. Считаем, что такие телевизионные программы смогут гражданам дать возможность более подробно ознакомиться с работой прокурорских работников, а последние будут вести свою деятельность еще более открыто и прозрачно, в рамках дозволенного законодательством РФ.

2. *Повышение осведомленности о работе органов прокуратуры разных возрастных групп.* Мы живем в цифровом обществе, поэтому все молодое поколение получает информацию и узнает новости посредством телекоммуникационной сети Интернет. В этой связи, органам прокуратуры стоит адаптировать свою работу с учетом цифровизации. Доведение сведений о проделанной работе, а также наличие комментариев по резонансным делам должно быть транслировано не только посредством телевидения и официальных сайтов своих прокуратур. Следует обратить внимание на опубликование сведений посредством использования официальных телеграмм-каналов и других социальных сетей, которыми активно пользуется молодое поколение. В соответствии с этим органам прокуратуры других субъектов РФ можно последовать примеру прокуратуры Нижегородской области, которая создала телеграмм-канал и сообщество в «ВКонтакте», тем самым повышая доступность информации для различных возрастных категорий граждан.

3. *Проведение совместного обучения и консультирования.* Представителям от СМИ необходимо разъяснить правовые основы работы органов прокуратуры и границы той информации, которую можно, не нарушая закона, размещать в СМИ, а также рассказать об ответственности за предоставление в печать той информации, которая не соответствует действительности.

4. *Проведение ежемесячных публичных конференций.* Например, органы прокуратуры совместно со СМИ, проводят конференцию, на которой подводят итоги своей работы за год, делятся статистическими данными, а также отвечают на проблемные вопросы граждан, связанные с компетенцией органов прокуратуры. Данные конференции могут проводиться не только на уровне федеральном, но и региональном, а также на местном уровне.

Таким образом, стоит сказать, что тема взаимодействия органов прокуратуры и СМИ всегда будет актуальной. Несмотря на то, что на современном этапе взаимодействие достаточно разработано, в любом случае, прослеживается процесс цифровизации, поэтому разрабатываются новые виды и способы совместной работы для более подробного и быстрого доведения информации о деятельности прокуратуры до населения.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Закон Российской Федерации «О средствах массовой информации» от 27.12.1991 № 2124-1. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1511/?ysclid=lqm3hay0x7633895914/ (дата обращения: 13.11.2024).

2. Интервью Генерального прокурора РФ Игоря Викторовича Краснова «Известиям». URL: <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/mass-media/interviews-and-presentations?item=84754075/> (дата обращения: 11.11.2024).

3. Кодекс этики прокурорского работника Российской Федерации (Приложение № 1к приказу Генерального прокурора Российской Федерации от 17.03.2010 № 114). URL: <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/documents/normative-act?item=1730606/> (дата обращения: 14.11.2024).

4. Конституция Российской Федерации (принятая всенародным голосованием 12.12.1993, с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голо-

сования 01.07.2020) // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/?ysclid=lqm3f0o0ij32822843/ (дата обращения: 13.11.2024).

5. Приказ Генерального прокурора России от 17.05.2018 № 296 «О взаимодействии органов прокуратуры со средствами массовой информации и общественностью». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_300438/?ysclid=lqm3s04bwx62841302/ (дата обращения: 13.11.2024).

6. Федеральный закон от 23.06.2016 №182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_199976/?ysclid=lqm3msb095376085856/ (дата обращения: 13.11.2024).

УДК 343.98

Давоян Арам Давитович

студент

Кубанский государственный университет

г. Краснодар, Российская Федерация

aram2758@gmail.com

Эртель Людмила Александровна

доктор медицинских наук, профессор,

профессор кафедры криминалистики и правовой информатики

Кубанский государственный университет

г. Краснодар, Российская Федерация

ela1958@yandex.ru

**Особенности тактики назначения
судебно-психиатрической экспертизы при расследовании
преступлений в сфере незаконного оборота
наркотических и психоактивных веществ, а также их аналогов**

***Аннотация:** В статье анализируются особенности подходов правоприменителя к назначению судебно-психиатрической экспертизы в контексте расследования преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических и психоактивных веществ, предлагается задействование механизма медицинского освидетельствования как меры, предваряющей назначение экспертного исследования. Подчеркивается недопустимость подмены заключения по итогам производства экспертизы результатами такого освидетельствования. Проводится анализ федерального законодательства и ведомственных актов, по результатам которого констатируется отсутствие единого перечня оснований, необходимых, согласно п. 3.2 ст. 196 УПК РФ, для обязательного назначения судебной экспертизы.*

***Ключевые слова:** назначение судебно-психиатрической экспертизы, медицинское освидетельствование, наркомания, основания для назначения экспертизы, сроки предварительного следствия.*

Davoyan Aram Davitovich

student, Kuban State University
Krasnodar, Russian Federation

Ertel Lyudmila Alexandrovna

doctor of medical sciences, professor,
professor of the Department of Criminalistics and Legal Informatics
Kuban State University
Krasnodar, Russian Federation

Features of the tactics of the appointment of a forensic psychiatric examination in the investigation of crimes in the field of illicit trafficking of narcotic and psychoactive substances, as well as their analogues

***Annotation:** The article examines the specifics of the tactics of appointing a forensic psychiatric examination by an investigator in the investigation of crimes in the field of drug trafficking and psychoactive substances, and suggests the use of a medical examination mechanism as a measure anticipating the appointment of an expert study. It is emphasized that it is unacceptable to substitute the conclusion based on the results of the examination with the results of such an examination. An analysis of federal legislation and departmental acts is carried out, according to the results of which it is stated that there is no single list of grounds necessary, according to clause 3.2 of Article 196 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation, for the mandatory appointment of a forensic examination.*

***Keywords:** appointment of a forensic psychiatric examination, medical examination, drug addiction, grounds for the appointment of an examination, the timing of the preliminary investigation.*

Состояние преступности в сфере незаконного оборота наркотиков по данным ГИАЦ МВД РФ характеризуется, к сожалению, возрастающей динамикой. Так, в январе – декабре 2023 года выявлено 191,0 тыс. преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, что на 7,5 % больше, чем за аналогичный период прошлого года [7].

С учетом нарастающей криминогенной ситуации, в утвержденной Президентом Стратегии государственной антинаркотической политики России до 2020 года [8] была изложена важная идея – лечение и реабилитация лиц, употребляющих наркотики. Это направление получило дальнейшее развитие в обновленной Стратегии до 2030 года [9], где особое внимание уделено медицинским мерам в отношении наркозависимых.

После принятия этих программных документов, уголовное и уголовно-процессуальное законодательство России было дополнено рядом нововведений. Суды получили возможность назначать меры медицинского характера для лечения и реабилитации тех осужденных, у которых установлен диагноз «наркомания». Это являет собой новаторский подход, уходящий от традиционных карательных мер в пользу гуманных и эффективных решений.

Успешное прохождение указанных мер, в ряде случаев, может повлечь за собой и отпадение необходимости дальнейшего отбывания наказания, если суд

сочтет, что лечением и реабилитацией достигнуты цели, которые стояли бы перед наказанием.

Однако органы расследования, прокуратуры и суд не обладают компетенциями, с помощью которых они могли бы определить наличие у подозреваемого или обвиняемого наркомании, т. е. стойкой зависимости от наркотических и иных психоактивных веществ (далее – ПАВ). Не могут они самостоятельно определить и вытекающей из этого возможности реализации механизма лечения/реабилитации наркозависимого (конечно, при совпадении медицинской и юридической предпосылок). В связи с чем подобный вопрос невозможно решить без использования специальных знаний в области психиатрии и наркологии.

Федеральным законом от 25.11.2013 г. № 313 в ряд нормативно-правовых актов были внесены изменения, ознаменовавшие собой, как уже было отмечено, важный поворот в подходе борьбы с наркопреступностью. В соответствии с поправками, при вынесении приговора суды наделяются правом не только назначать наказание, но и направлять осужденных на прохождение курсов лечения и реабилитации (п. 7.2 ст. 299 УПК РФ). Законодатель фактически признал, что для эффективной борьбы с наркопреступностью одних карательных мер недостаточно – необходим комплексный подход, включающий и медицинскую, и социальную помощь. Появилась реальная возможность воздействия на самую первопричину подобных преступлений – болезненное влечение у лица к запрещенным веществам.

Обращение к мерам медицинского характера в отношении указанной категории осужденных обусловило законодательное закрепление нового обстоятельства назначения судебно-психиатрической экспертизы (п. 3.2 ст. 196 УПК РФ; далее – СПЭ). Теперь ее проведение становится обязательным, если психическое или физическое состояние подозреваемого или обвиняемого дает основания полагать, что он страдает наркоманией.

К тому же, в п. 35. 1 постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.06.2006 № 14 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами» разъяснено, что суд устанавливает наличие (отсутствие) у лица заболевания наркоманией на основании содержащегося в материалах дела заключения эксперта по результатам судебно-психиатрической экспертизы, проведенной согласно п. 3.2 ст. 196 УПК РФ. Заключение эксперта должно содержать вывод о наличии (отсутствии) у лица диагноза «наркомания», а также о том, нет ли медицинских противопоказаний для проведения лечения от такого заболевания [3].

Согласно ст. 1. Федерального закона от 08.01.1998 № 3-ФЗ «О наркотических средствах и психотропных веществах» больным наркоманией признается лицо, которому поставлен диагноз «наркомания». Наркомания – заболевание, обусловленное зависимостью от наркотического средства или психотропного вещества [10].

Главным проблемным аспектом является определение оснований, упомянутых в п. 3.2 ст. 196 УПК РФ. Данные основания нигде не раскрываются

[1, с. 85; 2, с. 38]. Для уяснения их содержания обратимся к разъяснениям Пленума Верховного Суда РФ, которые даны им в Постановлении от 07.04.2011 № 6 «О практике применения судами принудительных мер медицинского характера». Так, в п. 6 сказано, «что к обстоятельствам, вызывающим сомнения во вменяемости, могут быть отнесены, например, наличие данных о том, что лицу в прошлом оказывалась психиатрическая помощь. У него диагностировалось врачами психическое расстройство, ему оказывалась амбулаторная психиатрическая помощь, он помещался в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях, признавался невменяемым по другому уголовному делу, и т. д.» [4].

Указанные рекомендации Пленума Верховного Суда РФ можно применить и в аспекте формулирования оснований назначения СПЭ для установления диагноза «наркомания». Ими могут выступать сведения о том, что лицо ранее обращалось за медицинской помощью в лечебные учреждения в связи с незаконным употреблением наркотических или иных одурманивающих веществ; наличие у него соответствующего медицинского диагноза; наличие данных о постановке лица на учет у врача-нарколога.

Таким образом, рекомендации Верховного Суда из смежной области позволяют сформулировать перечень «маркеров» наркотической зависимости, на основании которых правоприменители должны принимать решение о назначении экспертизы.

Кроме того, в соответствии с положениями раздела F1x.2 Международной классификации болезней 10-го пересмотра (далее – МКБ-10), диагноз наркотической зависимости может быть поставлен в том случае, когда три или более из числа следующих проявлений должны возникать одновременно на протяжении одного месяца, а также, если они сохраняются на более короткие периоды, и периодически повторяются в течение двенадцати месяцев.

Среди проявлений зависимости в МКБ-10 отмечены:

- «– сильная потребность или необходимость принять вещество;
- нарушение способности контролировать прием веществ;
- физиологическое состояние отмены, возникающее после прекращения приема вещества и исчезающее после его приема;
- признак толерантности – увеличение дозы вещества, необходимого для достижения эффекта, ранее производимого более низкими дозами;
- уменьшение значения альтернативных интересов в пользу употребления вещества, увеличение времени, необходимого для приобретения, приема вещества или восстановления после его действия;
- продолжение употребления вещества, несмотря на очевидные вредные последствия, связанные с приемом психоактивных веществ» [11, с. 11].

Для оптимизации процессуальных издержек, связанных со сроком производства экспертизы и загруженностью экспертных учреждений, выражаем согласие с позицией Н. Г. Логиновой, О. В. Меремьяниной и А. Л. Карлова [2, с. 40], и считаем целесообразным предварить производство непосредственно экспертного исследования медицинским освидетельствованием. Данная процедура предусмотрена ч. 1 ст. 44 Федерального закона от 08.01.1998 № 3-ФЗ

«О наркотических средствах и психотропных веществах». Норма гласит: «лицо, в отношении которого имеются достаточные основания полагать, что оно находится в состоянии наркотического опьянения, либо потребило наркотическое средство или психотропное вещество без назначения врача, либо новое потенциально опасное психоактивное вещество, может быть направлено на медицинское освидетельствование» [10].

Вынесенное следователем постановление о направлении лица на освидетельствование по своей сути выступает «фильтром». Эта процедура позволит избежать чрезмерной нагрузки на экспертное учреждение на первоначальном этапе расследования, когда еще нет достаточных оснований для назначения СПЭ. На основе выводов врача-психиатра-нарколога, отраженных в заключении по итогам освидетельствования [5], у следователя возникают (или же, наоборот, не возникают) основания для назначения судебно-психиатрической экспертизы в рамках п. 3.2 ст. 198 УПК РФ. В заключении СПЭ и будет дан единственно верный процессуально значимый ответ на вопрос наличия у подозреваемого/обвиняемого диагноза «наркомания» в уголовном судопроизводстве.

В этой связи Н. Г. Логинова, О. В. Меремьянина и А. Л. Карлов справедливо критикуют существующую правоприменительную практику, когда судебно-психиатрическую экспертизу назначают подозреваемому в совершении преступления в сфере незаконного оборота наркотиков без достаточных на то оснований [2, с. 41]. Соглашаясь с их позицией, отметим, что совершение преступления в этой сфере не означает, что лицо а priori употребляет запрещенные законом вещества или имеет зависимость от них.

Судебно-психиатрическая экспертиза представляет собой комплексное и сложное исследование, которое включает в себя несколько этапов, порядок ее проведения строго регламентирован отдельным нормативным документом – Приказом Минздрава РФ от 12.01.2017 № 3н [6]. В соответствии с п. 8 Приказа, производство судебно-психиатрической экспертизы включает три этапа:

а) установление диагноза психического расстройства и его нозологической принадлежности (первый этап);

б) судебно-психиатрическая оценка выявленного психического расстройства с целью решения экспертных вопросов (второй этап);

в) подготовка заключения, содержащего ответы на вопросы, поставленные судом, судьей, лицом, производящим дознание, следователем (третий этап)».

Первый и второй этапы амбулаторной судебно-психиатрической экспертизы завершаются не позднее 20 дней со дня ее начала. Согласно п. 16 заключения составляется не позднее 10 рабочих дней после окончания первого и второго этапа экспертизы. Для стационарной СПЭ срок завершения увеличен до 30 дней.

Это означает, что общее время производства СПЭ с составлением заключения составляет месяц (амбулаторно), и более (стационарно), при условии, что срок предварительного следствия по делу, согласно ч. 1 ст. 162 УПК РФ, не должен превышать два месяца с момента возбуждения уголовного дела (не затрагивается продление сроков предварительного следствия по ч. 5 ст. 162

УПК РФ до 12 месяцев ввиду особой сложности, и свыше, при наличии исключительных случаев).

Кроме того, при прохождении лицом СПЭ в стационарном формате, по мотивированному ходатайству эксперта или комиссии экспертов, а также в исключительных случаях, срок пребывания такого лица в указанной медицинской организации при производстве одной судебно-психиатрической экспертизы может составлять совокупно до 90 дней.

С учетом вышеизложенного мы пришли к следующему выводу. Обоснованным и логически обусловленным следует считать использование следователем на первоначальном этапе расследования механизма медицинского освидетельствования. Данная процедура имеет более упрощенный характер по сравнению с ходом назначения и проведения соответствующей экспертизы. Однако мы не стоим на позициях замены экспертного заключения СПЭ итогами освидетельствования и более того – категорически не согласны с таким подходом. Еще раз отметим, что единственно процессуально значимый ответ на вопрос наличия у подозреваемого/обвиняемого диагноза «наркомания» в уголовном судопроизводстве дается только в заключении судебно-психиатрической экспертизы. Медицинское освидетельствование рассматривается как способ оптимизации хода расследования, оно может подтвердить необходимость дальнейшего назначения полноценного экспертного исследования, результаты которого будут учтены судом при назначении наказания и/или иных мер уголовно-правового характера, связанных с прохождением осужденным лечения и реабилитации от имеющийся зависимости.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Ермаков М. Г., Коломейцев Т. И. Когда по делу о наркотиках нужна судебно-психиатрическая экспертиза // Уголовный процесс. 2019. № 1 (169). С. 84–89. URL: https://elibrary.ru/ip_restricted.asp?rpage=https%3A%2F%2Felibrary%2Eru%2Fite%2Easp%3Fid%3D36825008 (дата обращения: 03.03.2024).

2. Логинова Н. Г., Меремьянина О. В., Карлов А. Л. Проблемы назначения в органах наркоконтроля судебной экспертизы в случае, если имеется основание полагать, что подозреваемый (обвиняемый) является больным наркоманией // Вестник Сибирского юридического института ФСКН России, 2016. № 1(22). С. 37–42. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-naznacheniya-v-organah-narkokontrolya-sudebnoy-ekspertizy-v-sluchae-esli-imeetsya-osnovanie-polagat-chno-podozrevaemu> (дата обращения: 03.03.2024).

3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.06.2006 № 14 (ред. от 16.05.2017): «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 06.03.2024).

4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 07.04.2011 № 6 (ред. от 03.03.2015) «О практике применения судами принудительных мер медицинского характера» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 05.03.2024).

5. Приказ Минздрава России от 18.12.2015 № 933н (ред. от 25.03.2019) «О порядке проведения медицинского освидетельствования на состояние опьянения (алкогольного, наркотического или иного токсического)» (зарегистриро-

вано в Минюсте России 11.03.2016 № 41390) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 05.03.2024).

6. Приказ Минздрава России от 12.01.2017 № 3н «Об утверждении Порядка проведения судебно-психиатрической экспертизы» (зарегистрировано в Минюсте России 02.03.2017 № 45823) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 06.03.2024).

7. Состояние преступности в Российской Федерации за январь – декабрь 2023 года : сб. ФКУ ГИАЦ МВД России. URL: file:///C:/Users/Users/Downloads/Sbornik_dlya_UOS.pdf. (дата обращения: 06.03.2024).

8. Указ Президента РФ от 09.06.2010 № 690 (ред. от 23.02.2018) «Об утверждении Стратегии государственной антинаркотической политики Российской Федерации до 2020 года» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 05.03.2024).

9. Указ Президента РФ от 23.11.2020 № 733 (ред. от 29.03.2023) «Об утверждении Стратегии государственной антинаркотической политики Российской Федерации на период до 2030 года» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 06.03.2024).

10. Федеральный закон от 08.01.1998 № 3-ФЗ «О наркотических средствах и психотропных веществах» (ред. 28.04.2023) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 06.03.2024).

11. Шайдукова Л. К. Наркомании: этиопатогенез, клиника, лечение, реабилитация : учеб. пособие. Казань : Казанский ГМУ, 2022. 96 с. URL: file:///C:/Users/Users/Downloads/narkomanii-umo.pdf. (дата обращения: 04.03.2024).

УДК 34.037; 343.98

Ахунов Саид Маратович

студент, Казанский инновационный университет имени В. Г. Тимирязова
г. Казань, Российская Федерация
ahunov_said@icloud.com

Гильманов Эдуард Магасумьянович

старший преподаватель, Казанский инновационный университет имени В. Г. Тимирязова
г. Казань, Российская Федерация
gilmanov@ieml.ru

Современные технологии в криминалистике

Аннотация: Развитие информационных и цифровых технологий приводит к усовершенствованию способов совершения преступлений. В сфере криминалистики наиболее перспективным считается использование нейросетей, которые могут сочетаться с уже имеющимися научными разработками для достижения наилучших результатов в служебной деятельности экспертов-криминалистов. Нейросети помогут значительно упростить

работу криминалистов, позволяя быстро фиксировать улики и раскрывать преступления. Кроме того, они могут применяться в качестве превентивных мер и или как вспомогательное средство при задержании преступников. Это поможет ускорить предварительное расследование и получение доказательств.

Ключевые слова: криминалистика, правоохранительные органы, нейросеть, научные разработки, экспертиза.

Akhunov Said Maratovich

student, Kazan innovation university

named after V. G. Timiryasov

Kazan, Russian Federation

Gilmanov Eduard Magasumyanovich

senior lecturer, Kazan innovation university

named after V. G. Timiryasov

Kazan, Russian Federation

Modern technologies in criminology

Annotation: *The development of information and digital technologies leads to improved methods of committing crimes. In the field of criminology, the most promising is the use of neural networks, which can be combined with existing scientific developments to achieve the best results in the professional activities of forensic experts. Neural networks will help greatly simplify the work of criminologists, allowing them to quickly capture evidence and solve crimes. In addition, they can be used as preventive measures and or as an auxiliary tool in the detention of criminals. This will help speed up the preliminary investigation and obtaining evidence.*

Keywords: *criminology, law enforcement agencies, neural network, scientific developments, expertise.*

Повсеместная информатизация и технологизация общества также порождает развитие и усовершенствование способов совершения преступлений. В настоящее время подавляющее число преступлений совершаются с использованием последних достижений современной науки [1]. Перед криминалистикой встают задачи по внедрению наиболее перспективных и практичных разработок для расследования и раскрытия преступлений, совершенных с использованием информационных и цифровых технологий.

Наиболее перспективной разработкой в настоящее время являются нейросети, которые уже используются практически во всех сферах человеческой жизнедеятельности и их использование правоохранительными органами, а, в частности, экспертами-криминалистами, лишь дело времени. Наиболее результативное сочетание нейросетей будет при комбинировании с действующими криминалистическими технологиями, такими как: лазерное 3D-сканирование места преступления, виртопсия, идентификации людей с помощью биометрии и ДНК.

Лазерное 3D-сканирование места преступления позволяет в максимально короткие сроки в мельчайших подробностях зафиксировать координаты улик, не прибегая при этом к стандартным методам измерения линейкой и лентой [2, с. 324]. При комбинировании данной технологии с нейросетями отпадает необходимость для самостоятельного решения задач баллистики, трасологии, а также в выявлении закономерностей и взаимосвязей между различными ули-

ками и событиями. Нейросеть, подключенная к банку данных и к информационно-коммуникационной сети «Интернет», самостоятельно рассчитывает точки входа и выхода пули, предположительно укажет на место ведения огня исходя из погодных условий и иных обстоятельств, влияющих на полет пули, укажет на калибр и оружие, из которого велся огонь [3, с. 69]. Нейросеть самостоятельно смоделирует события предшествовавших преступлению и само преступление, тем самым облегчив работу экспертов-криминалистов.

Виртопсия, т. е. виртуальное вскрытие, позволяет увидеть все, что происходит внутри тела, без физического вскрытия трупа, предоставляя эксперту 3D-модель человека [4, с. 11]. Данная экспертиза значительно экономит время эксперта, но при сочетании с нейросетями, значительно уменьшится необходимость в патологоанатомах [5, с. 162] и судебно-медицинских экспертах, поскольку система самостоятельно проанализирует и структурированно выдаст все необходимые данные для прояснения обстоятельств случившегося. Однако в настоящее время отказаться от анализа полученного искусственным интеллектом результата соответствующим узким специалистом нельзя.

Возможно использовать нейросети в сочетании с летательными дронами [6, с. 237] и программой «безопасный город» [7] для своевременного выявления и предотвращения преступлений, а также задержания преступников [8]. Камеры, подключенные к одному серверу с биометрической базой данных, управляемому нейросетью, самостоятельно будут анализировать каждое лицо, попадающее в поле зрения камер, и сообщать о совпадениях с преступниками, находящимися в розыске.

Также необходимо внедрить в криминалистику технику, позволяющую изымать и раскодировать информацию, хранящуюся в бортовом компьютере автомобиля. На сегодняшний день автомобили представляют собой передвижные мультимедийные системы со множеством функций: встроенные GPS модули, микрофоны, камеры и тому подобное. Возможность чтения этих данных позволит экспертам-криминалистам наиболее объективно дать оценку событиям имеющих важную роль при расследовании ДТП, угонов и так далее.

Из всего вышеизложенного, можно сделать вывод, что технологизация криминалистики и внедрение нейросетей облегчит работу и снизит нагрузку на экспертов-криминалистов, что позволит ускорить этап предварительного расследования и получения достоверной доказательственной базы.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Latypova E. Yu., Nechaeva E. V., Gilmanov E. M., Aleksandrova N. V. Infringements on Digital Information: Modern State of the Problem. URL: https://www.shs-conferences.org/articles/shsconf/abc/2019/03/shsconf_pedtp2018_10004.html (дата обращения: 10.03.2024)/

2. Криминалистика : учебник для вузов / И. В. Александров [и др.] ; под ред. И. М. Комарова. 3-е изд., перераб. и доп. М. : Юрайт, 2024. 324 с. URL: <https://urait.ru/bcode/535370/p.1> (дата обращения: 19.03.2024).

3. Криминалистика: история и перспективы развития : монография / А. А. Эксархопуло, И. А. Макаренко, Р. И. Зайнуллин. М. : Юрайт, 2024.

4. Криминалистическая техника : учебник для среднего профессионального образования / К. Е. Демин [и др.] ; отв. ред. К. Е. Демин. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Юрайт, 2024. 283 с. URL: <https://urait.ru/bcode/545000/p.1> (дата обращения: 19.03.2024).

5. Латыпова Э. Ю. Преступления, совершаемые врачами-патологоанатомами, – постановка проблемы // Проблемы противодействия преступности: опыт, современное состояние и пути решения : сб. материалов Всерос. науч.-практ. конф., посвященной памяти профессора В. А. Малюткина. Чебоксары : Изд-во Чуваш. гос. ун-та, 2019. С. 160–168.

6. Гильманов Р. Э., Иринева Е. А. Киберцифровое оружие в криминалистике // Российская наука в современном мире : сб. ст. XLVI Междунар. науч.-практ. конф. М. : Актуальность. РФ, 2022. С. 236–237.

7. Гильманов Р. Э. Криминологические риски использования умных домов (smart house) // Молодой исследователь: актуальные проблемы, достижения и инновации : материалы XXVII Регион. студ. науч.-практ. конф., г. Набережные Челны, 29.03.2024. Казань : Изд-во «Познание» Казанского инновационного университета, 2024. С. 137.

8. Криминалистика : в 5 т. Т. 2. Методология криминалистики и криминалистический анализ : учебник для вузов / И. В. Александров, В. Я. Колдин, О. А. Крестовников, С. А. Смирнова ; под общ. ред. И. В. Александрова ; отв. ред. В. Я. Колдин. М. : Юрайт, 2024. 140 с. URL: <https://urait.ru/bcode/541214/p.1> (дата обращения: 19.03.2024).

УДК 340.15

Милютин Никита Денисович

студент, Северо-Западный филиал

Российского государственного университета правосудия

Санкт-Петербург, Российская Федерация

mnd17@inbox.ru

Потапов Юрий Алексеевич

к.ю.н., доцент, Северо-Западный филиал

Российского государственного университета правосудия

Санкт-Петербург, Российская Федерация

ipotapov@mail.ru

Образовательный ценз для замещения должности судьи: советский опыт и современные проблемы

Аннотация: В рамках статьи рассматривается вопрос образовательного ценза для кандидатов на должность судьи через призму советского опыта нормативно-правового регулирования данного вопроса. Автором делается вывод о том, что в первые годы существования советского государства ключевым квалификационным требованием для замещения должности являлась классовая принадлежность, а образовательный ценз не находил своего нормативно-правового регулирования. Подобная ситуация существовала почти все время существования Советского государства, лишь в конце 1980-х впервые после установления

Советской власти был установлен образовательный ценз для замещения должности судьи. В современной России наличие высшего юридического образования является обязательным для кандидатов на должности судей, однако и у действующего нормативно-правового регулирования есть изъяны, которые требуют исправления.

Ключевые слова: юридическое образование, кандидат на должность судьи, судья, судебная власть, квалификационные требования для кандидатов на должность судьи.

Miliutin Nikita Denisovich

student, North-Western branch
of the Russian State University of Justice
St. Petersburg, Russian Federation

Potapov Yuri Alekseevich

candidate of law, North-Western branch
of the Russian State University
of Justice St. Petersburg, Russian Federation

**Educational qualifications for the position of judge:
Soviet experience and contemporary problems**

Annotation: *The article examines the issue of educational qualification for candidates for the position of judge through the prism of the Soviet experience of normative-legal regulation of this issue. The author concludes that in the early years of the existence of the Soviet state the key qualification requirement for filling a position was class affiliation, and the educational qualification was not regulated by law. This situation existed almost throughout the existence of the Soviet state, only in the late 1980s, for the first time after the establishment of Soviet power, an educational qualification for the position of judge was established. In modern Russia, higher legal education is mandatory for candidates for judicial positions, but the current legal regulation also has flaws that need to be corrected.*

Keywords: *legal education, candidate for the position of judge, judge, judiciary, qualification requirements for candidates for the position of judge.*

Одной из важнейших задач любого государства является отправление правосудия, посредством которого реализуется судебная власть. Реализация судебной власти вне зависимости от формы правления и политического режима государства должна возлагаться на специальные субъекты права – судей. Вполне логично, что наряду с возложением на них определенных обязанностей по отправлению правосудия, они должны соответствовать определенным цензам: возрасту, образованию, стажу работы по специальности и т. п.

Прошедшие в 1917 году революции фактически разрушили систему власти, годами строившуюся в Российской империи. Пришедшие к власти Советы взяли курс на перестройку буржуазных принципов организации власти. Изменения не обошли стороной и систему построения и функционирования судебной власти. Если после Судебной реформы 1864 года на должность судьи могли претендовать лица, имевшие высшее юридическое образование [8, с. 174], то с приходом Советов требования к указанным лицам поменялись.

В течение первых полутора лет после Октябрьской революции советской властью было принято три декрета «О суде», которыми упразднялась действо-

вавшая в Российской империи система организации судебной власти и осуществления правосудия. Вместе с этим первые декреты не содержали каких-либо требований, предъявляемых к кандидатам на должность судьи.

Первые требования к кандидатам на должность судьи были закреплены в Декрете ВЦИК от 30.11.1918 года «О Народном суде Российской Социалистической Федеративной Советской Республики (Положение)». Однако образовательный ценз в документе не указывался, хотя одним из критериев являлось наличие теоретической и практической подготовки для должности советского судьи [2], но такое требование носило необязательный характер, приоритет отдавался наличию избирательного права (иметь право избирать и быть избранным) кандидата. Позже принятый Декрет от 1920 года «О Народном суде Российской Социалистической Федеративной Советской Республики» также не содержал в себе образовательного ценза для кандидатов на должность судьи [3].

Как мы видим, советская власть, в первую очередь, при определении требований для кандидатов на должность судьи делала акцент на классовую принадлежность. Конституция РСФСР 1918 года устанавливала, что правом избирать и быть избранным пользовались следующие категории граждан:

- 1) достигшие ко дню выборов возраста восемнадцати лет;
- 2) добывающие средства к жизни производительным и общественно полезным трудом;
- 3) солдаты Советской армии и флота;
- 4) указанные выше лица, потерявшие трудоспособность [7].

Такая классовая направленность была необходима с позиции закрепления своей власти, так как в период Гражданской войны и только зарождавшегося Советского государства объективно необходимым являлось присутствие во власти революционно настроенных лиц. Однако, по нашему мнению, такой подход к квалификационным требованиям для судей был неразумен, так как посредством разрешения дел давалась юридическая оценка деяниям (действиям/бездействиям) человека, определялась его дальнейшая судьба.

Отсюда возникает вопрос: насколько правильную юридическую оценку может дать рабочий, который всю сознательную жизнь трудился у станка, не имея каких-либо познаний в области юриспруденции? По нашему мнению, такой судья не мог дать юридически правильную оценку деяниям лица, следовательно, право отправлять правосудие должно быть только у лиц, получивших высшее юридическое образование.

Последствия проведения советской уголовной политики оказались плачевны. Как отметил Ю.В. Гинзбург, «результатом такой политики стало большое количество вынесенных неправосудных решений. Отмечались случаи привлечения к уголовной ответственности за деяния, которые не заключали в себе признаков уголовно наказуемого проступка» [1, с. 62].

Конституция СССР 1924 года не внесла каких-либо изменений касательно квалификационных требований для кандидатов на должности судей. Более того, вопросам судебной власти в указанном нормативно-правовом акте посвящена всего одна глава. Подобно предыдущему Основному закону вопрос ква-

лификационных требований к кандидатам на должность судей не содержался и в Конституции СССР 1936 года.

В 1938 году был принят Закон СССР «О судеустройстве СССР, союзных и автономных республик», который ознаменовал собой следующую ступень развития судеустройства в Советском государстве [5]. Вместе с этим указанный закон, как и другие законы, принятые советской властью, не содержал какого-либо требования касательно юридического образования для кандидатов на должности судей.

В последующей истории развития Советского государства был принят не один нормативно-правовой акт, который, так или иначе, регулировал вопросы судебной власти и осуществления правосудия. Вместе с этим указанные нормативно-правовые акты никак не регулировали вопросы наличия у кандидата на должность судьи юридического образования.

Как отмечает Д. А. Серов, на 1951 год из всего судейского корпуса в СССР юридическое образование имели лишь 51 % (высшее юридическое образование – 20 %) [10, с. 81].

1980-е годы оказали огромное влияние на развитие Советского государства, не зря эти годы именуются перестройкой. В указанный период кардинально изменилось нормативно-правовое регулирование судебной власти: впервые с 1917 года на территории Советского государства высшее юридическое образование для кандидатов на должности судей стало обязательным. В 1989 году принимается Закон СССР «О статусе судей в СССР», который в ст. 8 установил такие квалификационные требования для кандидатов на должность судьи, как:

- 1) гражданство СССР;
- 2) достижение возраста 25 лет;
- 3) наличие высшего юридического образования;
- 4) стаж работы по юридической специальности не менее двух лет;
- 5) сдача квалификационного экзамена для приобретения статуса судьи [6].

Как видим, лишь спустя 70 лет в Советском государстве на законодательном уровне определяется образовательный ценз для кандидатов на должность судьи. Считаем такое упущение со стороны советского законодателя крайне необоснованным и нерациональным. Если в начале построения государства отсутствие образовательного ценза для кандидатов на должность судьи объяснялось необходимостью закрепления своей власти путем формирования революционного сознания в обществе, то после становления СССР как самостоятельного государства объяснить отсутствие образовательного ценза просто нельзя.

В 1991 году система построения государственной власти в очередной раз претерпевает изменения. Распад СССР и образование вместо него самостоятельных государств требовали нового нормативно-правового регулирования всех общественных отношений, в том числе, и организации судебной власти.

В 1992 году принимается Закон Российской Федерации «О статусе судей в Российской Федерации», который закрепляет требования к кандидатам на должность судьи, среди которых присутствует обязательное наличие у кандидата на должность судьи высшего юридического образования [4]. С момента принятия указанного закона ст. 4, содержащая в себе требования к кандидатам на должность судьи, не раз подвергалась изменениям. Более того, подвергался изменению и образовательный ценз для кандидатов на должность судьи. Так, в 2015 году были приняты изменения, согласно которым претендовать на должность судьи может лицо, имеющее высшее юридическое образование только по специальности «Юриспруденция». Введение конкретизирующего образовательного ценза породило оживленную дискуссию в юридическом сообществе. Ряд авторов полагают, что такое ограничение образовательного ценза неразумно. Такой же позиции придерживаемся и мы.

На сегодняшний момент в России имеется несколько программ высшего юридического образования, по результатам получения которого выпускнику присваивается квалификация «юрист». Одной из них является специальность 40.05.04 «Судебная и прокурорская деятельность» со специализацией «судебная деятельность». Предполагается, что в рамках указанной специальности осуществляется подготовка специальных кадров для дальнейшего замещения ими должности судей, но по какой-то причине наличие указанной специальности не допускается законом в качестве требования для замещения должности судьи.

Как справедливо отмечается, что в рамках федеральных образовательных программ юридического образования уровня специалитета наблюдается совпадение объема юридических дисциплин с юридической подготовкой бакалавров и магистров [9, с. 156]. Следовательно, вполне необоснованным представляется введение такого ограничительного образовательного ценза для кандидатов на должность судьи. Как отметила А. В. Телегина, предполагается, что квалификация «юрист» является объединяющим элементом требований специальности «Юриспруденция» и сегодняшних специальностей по направлению «Юриспруденция» [11, с. 62].

По нашему мнению, в действующий Закон «О статусе судей в Российской Федерации» следует внести изменения, позволяющие лицам, получившим высшее юридическое образование по программам специалитета с присвоением квалификации «юрист», претендовать на должности судей. Введение данной поправки позволит привлечь к отправлению правосудия лиц, которые в рамках обучения специально готовились для такой деятельности, что, безусловно, положительно повлияет на качество правосудия в нашем государстве.

Закрепление образовательного ценза для кандидатов на должности судей является важнейшей составной частью организации судебной власти в любом государстве. Опыт советского нормативно-правового регулирования вопроса образовательного ценза указывает, что установление такого ценза крайней необходимо, поскольку отправлением правосудия дается юридиче-

ская оценка действий лица, тех или иных правоотношений. Давать же юридическую оценку каким-либо обстоятельствам может и должен только судья, который, чтобы не допустить неправильной юридической квалификации, в свою очередь, обязан иметь высшее юридическое образование. Более того, несмотря на действие образовательного ценза для кандидатов на должность судьи в России, нормативное регулирование данного вопроса неидеально и требует корректировки.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Гинзбург Ю. В. Требования к кандидатам на должность судьи в первые годы советской власти // Новый ракурс. 2018. № 4. С. 58–63.

2. Декрет ВЦИК от 30.11.1918 «О Народном суде Российской Социалистической Федеративной Советской Республики (Положение)» // СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=18812#p8UxY7UsvnwF1A7X1> (дата обращения: 06.04.2024).

3. Декрет ВЦИК от 21.10.1920 «Положение о Народном суде Российской Социалистической Федеративной Советской Республики» // СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=18782#ZSBxY7U4o3GjQ0bo1> (дата обращения: 06.04.2024).

4. Закон Российской Федерации от 26.02.1992 № 3132-1 (ред. от 27.11.2023) «О статусе судей в Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102017065&rdk=69> (дата обращения: 06.04.2024).

5. Закон СССР от 16.08.1938 «О судеоустройстве СССР, союзных и автономных республик» // СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=16079#NrxrY7UmaWZU92dr> (дата обращения: 06.04.2024).

6. Закон СССР от 04.08.1989 № 328-I «О статусе судей в СССР» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docview&page=1&print=1&nd=102010208&rdk=1&&empire> (дата обращения: 06.04.2024).

7. Конституция РСФСР 1918 года // СПС «Гарант». URL: <https://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1918/> (дата обращения: 25.03.2024).

8. Курас Т. Л. Требования, предъявлявшиеся к членам судебных палат в Российской империи // Власть. 2017. № 3. С. 173–78.

9. Сергунин К. Н. Юридическое образование в контексте профессиональной подготовки судей в Российской Федерации // Закон и право. 2021. № 10. С. 154–157.

10. Серов Д. О. Российские судьи и высшее юридическое образование // Высшее образование в России. 2013. № 10. С. 77–82.

11. Телегина В. А. Одна из проблем формирования судейского корпуса // Вестник СГЮА. 2020. № 2(133). С. 57–62.

Шадьбаева Наиля Маратовна

студент, Казанский инновационный университет
имени В. Г. Тимирязова
г. Казань, Российская Федерация
shadybaeva05@mail.ru

Ибрагимова Насима Максумовна

кандидат юридических наук, доцент
Казанский инновационный университет
имени В. Г. Тимирязова
г. Казань, Российская Федерация
nasima79@mail.ru

**Проблема недоверия современного общества
к деятельности правоохранительных органов**

***Аннотация:** Доверительные, уважительные и доброжелательные отношения между государством и населением являются основой эффективной деятельности полиции и правоохранительной системы в целом. Они играют важную роль не только в обеспечении общественной безопасности, но и в повышении качества жизни граждан. Однако существует проблема недоверия общества к деятельности правоохранительных органов. Страх, предубеждение и негативный опыт, возникающие в результате неправомерных действий, неэффективности или коррупции внутри системы, могут серьезно подорвать доверие граждан к полиции. Чтобы преодолеть это недоверие, необходимо устранить причины его возникновения и установить эффективный механизм взаимодействия между полицией и обществом. В первую очередь, правоохранительным органам следует улучшить свою работу, обеспечивая безупречное исполнение своих обязанностей, законность действий и прозрачность внутри системы. Помимо этого, важно осуществлять регулярную повседневную работу с обществом в целом. СМИ, общественные советы и другие структуры гражданского общества играют ключевую роль в создании диалога и взаимопонимания между полицией и обществом. Они могут выполнять функцию информационного посредника, распространяя объективную информацию о деятельности правоохранительных органов, а также выступая в качестве механизма обратной связи. Важно создавать условия для широкого обсуждения проблем и вопросов, связанных с обеспечением безопасности общества. Гражданские инициативы, общественные слушания и другие формы вовлечения граждан могут способствовать развитию доверительных отношений и повышению эффективности правоохранительной системы. Конечно, данная работа требует времени, усилий и ресурсов, но только через тесное сотрудничество и взаимодействие между государством и населением можно достичь полной эффективности полиции и правоохранительной системы в целом. Именно такие усилия позволят восстановить и укрепить доверие общества и преодолеть негативные стереотипы, сформированные в прошлом. Только тогда общество сможет полностью использовать потенциал своих правоохранительных органов и обеспечить безопасность и благополучие для всех граждан.*

***Ключевые слова:** СМИ, социум, общество, гражданин, общественные отношения, контроль, государственные органы, доверие, недоверие, правоприменение; правовая культура.*

Shadybaeva Nailya Maratovna
student, Kazan Innovative University
named after V. G. Timiryasov
Kazan, Russian Federation

Ibragimova Nasima Maksumovna
candidate of law, associate professor
Kazan Innovative University
named after V. G. Timiryasov
Kazan, Russian Federation

The problems of modern society's distrust of law enforcement agencies

***Anotation:** Trusting, respectful and benevolent relations between the state and the population are the basis for the effective activities of the police and the law enforcement system as a whole. They play an important role not only in ensuring public safety, but also in improving the quality of life of citizens. However, there is a problem of public distrust in the activities of law enforcement agencies. Fear, prejudice, and negative experiences resulting from misconduct, inefficiency, or corruption within the system can seriously undermine citizens' trust in the police. To overcome this mistrust, it is necessary to eliminate the causes of its occurrence and establish an effective mechanism of interaction between the police and society. First, law enforcement agencies should improve their work by ensuring the flawless fulfillment of their duties, the legality of actions and transparency within the system. In addition, it is important to carry out regular daily work with society as a whole. The media, community councils and other civil society structures play a key role in creating dialogue and understanding between the police and society. They can act as an information intermediary, disseminating objective information about the activities of law enforcement agencies, as well as acting as a feedback mechanism. It is important to create conditions for a wide discussion of problems and issues related to ensuring the safety of society. Civic initiatives, public hearings and other forms of citizen engagement can promote trust and improve the effectiveness of the law enforcement system. Of course, this work requires time, effort and resources, but only through close cooperation and interaction between the state and the population can the full effectiveness of the police and the law enforcement system as a whole be achieved. Such efforts will restore and strengthen public confidence and overcome negative stereotypes formed in the past. Only then will society be able to fully harness the potential of its law enforcement agencies and ensure safety and well-being for all citizens.*

***Keywords:** media, society, society, citizen, social relations, control, state bodies, trust, mistrust, enforcement, legal culture.*

Трудно переоценить ту роль, которую выполняют правоохранительные органы в обеспечении стабильности и безопасности современного общества. Самые разные сферы жизнедеятельности современного человека связаны с необходимостью регуляции поведения человека законами и нормативными актами, а неуклонность и правомерность применения тех или иных норм входит в задачи правоохранительных органов. В силу этого каждый современный человек так или иначе сталкивается с правоохранительными органами. Качество выполнения задач правоохранительными органами и стабильность общественной безопасности во многом определяется доверием, которое испытывают граждане [1].

Доверие граждан является основой для деятельности сотрудников правопорядка, без него охрана прав и свобод людей утрачивает какой-либо смысл для общества. Как пишет Л. В. Зубова, «только человек, может претворить закон в жизнь и дать оценку поведения в обществе в соответствии с общепринятыми правовыми нормами» [2]. По статистике, наибольшую заинтересованность по отношению к деятельности правоохранительных органов проявляют безработные пенсионеры, учащиеся, представители интеллигенции. Наименьший интерес к ней отмечается у рабочих, безработных и предпринимателей. Процесс формирования целостного представления о правоохранительных органах происходит поэтапно. На него оказывают влияние множество факторов, среди которых особое место занимают возраст, социальное положение, образование и т. п. [3]. С достижением четырнадцатилетнего возраста и получением удостоверения личности, человек начинает осознавать ответственность за свои поступки. С возрастом возникает потребность в изучении своих прав и свобод, ведь только зная их, мы можем наиболее эффективно использовать свои возможности. Постепенно, молодой человек начинает знакомиться с правовой системой, действующим законодательством и проявляет интерес к политологии – науке о политике и политических системах.

Однако не всегда подростку удастся получить достоверную информацию из надежных источников. Часто, единственной возможностью для поиска информации о правовых вопросах является Интернет. В таких случаях, подросток может столкнуться с проблемой обработки полученной информации и ее сравнения с достоверными источниками. В результате, могут возникать ошибки и неправильные представления о некоторых положениях законодательства. Важно отметить, что доступность информации на Интернете может быть источником как достоинств, так и недостатков. С одной стороны, он дает возможность свободного и широкого доступа к информации, что способствует образованию и развитию личности, включая понимание основных принципов права. С другой стороны, без подходящего обучения и критического мышления, использование Интернета как основного источника правовой информации может привести к искажению фактов, неправильному толкованию законов и даже к неправомерным действиям. Для того чтобы подросток мог составлять объективное и правильное представление о правовых принципах, важно научить его анализировать и проверять информацию, полученную из Интернета. Это можно достигнуть путем проведения специальных уроков правовой грамотности и критического мышления, а также направив его к надежным и проверенным источникам информации.

Таким образом, осознанный и взвешенный подход к изучению права и действующего законодательства является важным этапом в формировании ответственного гражданина. Обучение критическому мышлению и развитие навыков поиска достоверной информации помогут подросткам не только понять их права и свободы, но и использовать их эффективно и сознательно. В рамках данного исследования, мы попытались выявить степень доверия, которое опрашиваемые испытывают к деятельности сотрудников правоохранительных ор-

ганов. Для достижения этой цели, был задан вопрос, направленный на оценку уровня доверия. Опрашиваемым предлагались следующие варианты ответов:

1. Полное доверие. В данном случае, опрашиваемые выразили свою абсолютную уверенность в компетентности и честности сотрудников правоохранительных органов. Они полностью верят, что эти сотрудники выполняют свою работу с высокой эффективностью и соответствуют нормам закона.

2. Имеется определенная степень доверия. Данный вариант означает, что опрашиваемые имеют доверие к сотрудникам правоохранительных органов, но с некоторыми наблюдениями или оговорками. Они могут испытывать сомнения в отношении отдельных сотрудников или возникать неуверенность в полной честности и эффективности работы данной категории персонала.

3. Отсутствие доверия. В этом случае, опрашиваемые утверждают, что они не испытывают доверия к сотрудникам правоохранительных органов. Причины могут быть различными. По результатам опроса можно сделать вывод о том, что полное доверие к сотрудникам правоохранительных органов выражают 30 % опрошенных, 10 % не доверяют им вообще, а 60 % относятся к ним с подозрением. Чем же обусловлено такое отношение молодых людей?

Им предлагались следующие варианты ответа: а) из СМИ; б) из сети Интернет в) из иных источников ни один из опрошенных не указал какие-либо иные источники получения информации, помимо предоставленных в тесте. 70 % тестируемых получают информацию из СМИ, остальные 30 % – из Интернета. Анализируя результаты, мы пришли к выводу, что средства массовой информации играют огромную роль в формировании целостного представления о деятельности правоохранительных органов. Более детальное исследование показало, что большинство студентов, выбравших СМИ в качестве ответа, подразумевали именно телевидение. СМИ, включая телевидение, являются главным источником информации для большинства населения. Эти средства массовой информации быстро и широко распространяют новости и события, связанные с деятельностью правоохранительных органов. Новостные репортажи, программы о криминальных делах и правоохранительных операциях позволяют людям получить некоторое представление о работе полиции, судебной системы и других организаций, ответственных за обеспечение правопорядка.

Следует отметить, что в последние годы наблюдается положительная тенденция к повышению доверия населения к правоохранительной системе страны. Граждане все больше признают и оценивают работу правоохранительных органов, что формирует уважительное отношение к ним.

Профессионализм, законопослушность, дисциплинированность, добросовестность, принципиальность, неподкупность, высокая культура общения, самоконтроль, эмоциональная устойчивость, эмпатия и физическая подготовка рядовых сотрудников и руководящего состава – все эти качества играют ключевую роль в укреплении и восстановлении доверия граждан к правоохранительным органам.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Болдырев А. В., Болдырева Т. А., Тхоржевская Л. В. Психодиагностические маркеры феномена недоверия у сотрудников уголовно-исполнительной системы: // Прикладная юридическая психология. 2016. № 1(34). С. 88–94.

2. Зубова Л. В., Щеглова И. Г. К проблеме изучения правосознания личности // Оренбургские горизонты: прошлое, настоящее, будущее : сб. материалов Всерос. науч.-практ. конф., посвященной 275-летию Оренбургской губернии и 85-летию Оренбургской области, Оренбург, 21–22 ноября 2019 г. Оренбург : Фронтир, 2019. С. 231–234

3. Роль СМИ в политическом сознании граждан современной России / А. Р. Милорава. URL: <https://moluch.ru/archive/148/41909/> (дата обращения: 16.03.2024).

УДК 342.56

Дурягина Анна Алексеевна

студент, Костромской государственный университет

г. Кострома, Российская Федерация

zelentsova11022000@gmail.com

Некоторые проблемы системы отбора и назначения на должность судей как гарантии их независимости

Аннотация: В статье рассматривается система отбора и назначения на должность судей, которая является ключевым фактором для обеспечения их независимости, гарантирующей прозрачность и открытость судебной системы, справедливость принятых судебных решений, а также защиту прав и свобод граждан. Недостаточная эффективность данной системы может привести к таким негативным последствиям, как возникновение конфликта интересов, коррупционных факторов, подрыв доверия общества к судебным органам. Автором проанализированы действующие механизмы отбора и назначения судей, определены проблемные стороны системы отбора и назначения на должность судей, предложены пути их решения для укрепления независимости судей и улучшения качества правосудия.

Ключевые слова: кандидаты на должность, независимость судей, назначение судей, система отбора, судебная система.

Duryagina Anna Alekseevna

student, Kostroma State University

Kostroma, Russian Federation

Problems of realization of the principle of independence of judges

Annotation: The article examines the system of selection and appointment of judges, which is a key factor in ensuring their independence, ensuring transparency and openness of the judicial

system, the fairness of court decisions, as well as the protection of citizens' rights and freedoms. The insufficient effectiveness of this system can lead to such negative consequences as the emergence of conflicts of interest, corruption factors, and undermining public confidence in the judiciary. The author analyzes the current mechanisms of selection and appointment of judges, identifies the problematic aspects of the system of selection and appointment of judges, suggests ways to solve these issues to strengthen the independence of judges and improve the quality of justice.

Keywords: *candidates for office, independence of judges, appointment of judges, selection system, judicial system.*

Важным принципом, на котором должна основываться деятельность судей, является конституционный принцип независимости судебной власти, гарантирующий отсутствие внешнего влияния на судей, их неприкосновенность, подчинение только закону, а также способствующий объективному и беспристрастному выполнению задач правосудия.

Принцип независимости судебной власти регулируется комплексом нормативных актов, однако его реализация на практике вызывает много вопросов и является одной из главных и наиболее актуальных проблем деятельности судебных органов.

Ю. Д. Жидова указывает, что принцип независимости судей стал одним из ключевых направлений судебной реформы 1991 года. За более чем 30 лет были предприняты значительные усилия по обеспечению независимости судей, включая улучшение их материального и социального положения, разработку институциональных и процессуальных гарантий их независимости. Однако на практике данный принцип так и не нашел своей полной реализации.

Следует отметить, что уровень правосудия в целом остается недостаточно высоким, что также связано с отсутствием эффективно работающей системы гарантий независимости судей [2, с. 83].

В одном из своих исследований «Левада-Центр» (включен в список НКО-иноагентов) указал, что уровень доверия к судам с 1994 года оставался низким и никогда не превышал 30 %. Основной причиной недоверия к судам граждане назвали их высокую зависимость при принятии решений [6]. Таким образом, можно сделать вывод, что в настоящее время независимость судей не имеет достаточно эффективных гарантий, которые бы полностью обеспечивали их реальную независимость. Это объясняется следующими причинами.

Т. Г. Маракулина отмечает, что действующая система назначения судей является неэффективной [5, с. 75]. В настоящее время этим вопросом занимается Администрация Президента РФ, что свидетельствует о высоком правовом статусе судейского сообщества.

Каждый год назначается около 2 тысяч судей федеральных судов, чему предшествует длительная процедура отбора и проверки документов кандидатов, а для такой работы требуется много сотрудников Администрации Президента РФ. С. В. Корнакова и И. А. Щербакова считают, что эта процедура снижает независимость судей, так как сосредоточение полномочий по назначению судей в руках Президента РФ делает их зависимыми от Администрации Президента РФ и не позволяет им выносить объективные и справедливые решения

в «политических» делах, где ответчиками являются органы государственной власти или отдельные должностные лица этих органов [4, с. 257].

При этом среди исследователей есть и другая позиция. М. М. Васягина указывает, что «назначение судей Президентом РФ является вполне логичным, так как Президент страны не входит ни в одну из ветвей власти, является самостоятельным и независимым от всех иных органов и организаций, следовательно, только он может принять объективное, беспристрастное решение в деле назначения судей» [1, с. 173].

Действующая процедура назначения судей имеет как характерные достоинства, так и недостатки. По своей сути она является независимой от других органов, так как осуществляется Администрацией Президента РФ. Так, согласно ч. 5 ст. 6 Закона о статусе судей в РФ Президент Российской Федерации назначает судей федеральных судов в двухмесячный срок со дня получения необходимых материалов по кандидатам на судейские должности (при наличии положительного заключения соответствующей квалификационной коллегии судей), либо отклоняет представленные кандидатуры [3].

В независимости и «закрытости» Администрации Президента РФ проявляются такие негативные явления, как излишняя бюрократическая волокита при назначении судей, наличие коррупционных рисков. О том, что процедура назначения судей в данном случае достаточно эффективна невозможно утверждать, поскольку в ней отмечаются «сбои», способствующие, в том числе назначению на судейские должности «случайных людей». В частности, существуют примеры досрочного прекращения полномочий судей на основании того, что у них оказался поддельным диплом о наличии высшего юридического образования [8].

Прозрачность и открытость назначения судей на должность имеет немаловажное значение для реализации принципа независимости судей. К данной процедуре целесообразно привлекать представителей гражданского общества и адвокатских палат.

Судейская независимость в значительной мере может быть повышена за счет расширения круга субъектов, принимающих участие в отборе и назначении кандидатов на судейские должности. Однако недопустимо включать в данную процедуру в качестве кандидатов на судейские должности лиц, имеющих отношение к исполнительной власти, поскольку их участие в рассмотрении дел может повысить риск возникновения конфликта интересов.

Т. В. Фарои считает, что бывшие сотрудники правоохранительных органов, в особенности работники прокуратуры, не должны принимать участия в процедуре формирования судейского корпуса, так как это в значительной мере может повлиять на обвинительный уклон правосудия при рассмотрении дел [7, с. 130]. С данным выводом трудно согласиться, поскольку обвинительный уклон не является характерным для гражданского и арбитражного судопроизводства, и в целом такие предложения представляются явно дискриминационными.

Мы считаем, что для усиления реализации принципа независимости судей, необходимо расширить практику назначения на судейские должности

представителей профессорско-преподавательского состава вузов, научного и адвокатского сообщества, так как они изначально более самостоятельны при осуществлении своей деятельности. При этом следует обратить внимание на положения п. 5 ст. 5 Закона о статусе судей, согласно которому освобождаются от сдачи квалификационного экзамена на должность судьи лица, имеющие ученую степень кандидата юридических наук или доктора юридических наук и которым присвоено почетное звание «Заслуженный юрист Российской Федерации» [3].

Вследствие нехватки квалифицированных кадров в судебском корпусе возникает необходимость увеличения потенциальных претендентов на должность судьи. Полагаем, что данный случай вызывает потребность в изменении нормативной конструкции ст. 5 вышеназванного закона, согласно которому освобождаются от сдачи квалификационного экзамена будут лица, имеющие ученую степень кандидата юридических наук или доктора юридических наук, а также лица, не имеющих ученой степени, но которым присвоено почетное звание «Заслуженный юрист Российской Федерации». Так, целесообразно внести изменения в п. 5 ст. 5 вышеназванного закона, где после слов «доктора юридических наук» союз «и» заменить на союз «либо».

Таким образом, в сфере назначения на должность судей и их кадрового продвижения существует большое количество нерешенных проблем. Система отбора, назначения и продвижения судей в настоящее время не может быть признана эффективной, так как она не способна в полной мере обеспечить действенное формирование судебского корпуса, включение в его состав высококвалифицированных кадров, которые будут независимы при принятии своих решений.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Васягина М. М. Гарантии независимости судьи в Российской Федерации: содержание и проблемы // Приоритетные научные направления: от теории к практике. 2016. № 34-2. С. 170–175.
2. Жидова Ю. Д. К вопросу о гарантиях независимости судей // Студенческий вестник. 2021. № 1–2. С. 82–84.
3. Закон Российской Федерации от 26.06.1992 № 3232-1 «О статусе судей в Российской Федерации» (в ред. от 10.07.2023 № 286-ФЗ) // ВСНД РФ и ВС РФ. 1992. № 30. Ст. 1792.
4. Корнакова С. В., Щербакова И. А. Проблемы правового регулирования порядка формирования судебского корпуса // Вестник Томского государственного университета. 2019. № 443. С. 255–259.
5. Маракулина Т. Г. Проблемы реализации принципа независимости судей при их назначении на должность // Норма. Закон. Законодательство. Право : материалы XXIV Междунар. науч.-практ. конф. молодых ученых / науч. ред. О. А. Кузнецова. Пермь, 2022. С. 74–78.
6. Общественное мнение – 2021. М. : Левада центр, 2022. 156 с.
7. Фарои Т. В. Ученые-правоведы о недостатках системы формирования судебского корпуса в Российской Федерации // Кубанское агентство судебной

информации PRO-SUD-123.RU : Юридический сетевой электронный научный журнал. 2019. № 1(8). С. 124–146. URL : <https://elibrary.ru/item.asp?edn=btzkaj> (дата обращения: 22.03.2024).

8. Юрист с фальшивым дипломом 12 лет проработал судьей. URL: <https://rg.ru/2008/08/01/reg-kuban/cudiyamaxinator.html?ysclid=lugieqlt4n505> 82 206 (дата обращения: 22.03.2024).

УДК 343.3

Константинова Екатерина Сергеевна

студент, Владивостокский государственный университет

г. Владивосток, Российская Федерация

konstantinova_02@internet.ru

Верещагина Алла Васильевна

кандидат юридических наук, доцент

кафедры уголовно-правовых дисциплин

Владивостокский государственный университет

г. Владивосток, Российская Федерация

vereschagina_alla@mail.ru

Посягательство на жизнь лица, осуществляющего правосудие или предварительное расследование (статья 295 УК РФ)

Аннотация: Статья посвящена анализу статьи 295 УК РФ «Посягательство на жизнь лица, осуществляющего правосудие или предварительное расследование». В силу особой значимости эффективной защиты лиц, осуществляющих правосудие или предварительное расследование, а также их близких, уголовное законодательство, регулирующее данный вопрос, должно быть детально проработано во избежание пробелов.

Ключевые слова: уголовная ответственность, воспрепятствование законной деятельности, посягательство, преступное деяние, предварительного расследования, исполнение приговора, право на жизнь.

Konstantinova Ekaterina Sergeevna

student, Vladivostok State University

Vladivostok, Russian Federation

Vereshchagina Alla Vasilyevna

candidate of law, associate professor

of the department of criminal law

disciplines, Vladivostok State University

Vladivostok, Russian Federation

Encroachment on the life of a person exercising justice or preliminary investigation (Article 295 of the Criminal Code of the Russian Federation)

Annotation: The article is devoted to the analysis of Article 295 of the Criminal Code of the Russian Federation “Encroachment on the life of a person exercising justice or preliminary inves-

tigation". Due to the special importance of effective protection of persons carrying out justice or preliminary investigation, as well as their loved ones, the criminal legislation governing this issue should be worked out in detail in order to avoid gaps.

Keywords: *criminal liability, obstruction of lawful activity, encroachment, criminal act, preliminary investigation, execution of sentence, right to life.*

Статья 295 УК РФ предусматривает уголовную ответственность за посягательство на лиц, участвующих в расследовании уголовных дел и отправлении правосудия (судей прокуроров, следователей, дознавателей, защитников и т. д.), а также на их близких и родственников. Родовым объектом данного преступления выступают общественные отношения, связанные с нормальной деятельностью судебной и исполнительной власти, задействованной в уголовном судопроизводстве. Видовым объектом преступления выступают общественные отношения, связанные с расследованием конкретных уголовных дел и их разрешения по существу. Дополнительным объектом указанных в диспозиции статьи 295 УК РФ специальных потерпевших является их жизнь.

Исследуемый состав преступления считается формальным, усеченным и преступление является оконченным с момента совершения только лишь самого посягательства на жизнь потерпевшего лица. То есть под посягательством на жизнь в данном преступлении понимается не только собственно убийство, но и покушение на убийство указанных в диспозиции статьи 295 УК РФ лиц. Такое посягательство возможно только в результате активных действий виновного лица, которые связаны с использованием физического насилия, представляющего опасность для жизни.

В юридической науке считается, что с субъективной стороны рассматриваемое преступление совершается только с прямым умыслом. При этом умысел может быть как внезапно возникшим, так и заранее обдуманым, конкретизированным и не конкретизированным [1]. Однако покушение на убийство возможно только с прямым конкретизированным умыслом, при котором преступник осознает опасность своих действий, предвидит неизбежность или реальную возможность наступления такого их последствия, как смерть и желает наступления этих последствий в виде смерти потерпевших. Главными отличительными признаками субъективной стороны рассматриваемого посягательства являются наличие специальной цели либо мотива преступления. Целью является воспрепятствование законной деятельности специальных субъектов, указанных в диспозиции статьи 295 УК РФ, а мотивом – месть за деятельность по осуществлению правосудия или предварительного расследования. При этом, употребляя в норме закона союз «либо», законодатель указал на то, что мотив и цель имеют альтернативный характер. Таким образом, субъективная сторона рассматриваемого в данной работе посягательства характеризуется умышленной формой вины и наличием специального мотива или специальной цели.

Субъект посягательства на жизнь лица, осуществляющего правосудие или предварительное расследование, является общим. Диспозиция статьи 295 УК РФ не включает в себя каких-либо других, дополнительных признаков, которые могли бы охарактеризовать субъект. То есть субъектом данного преступ-

ления может быть любое вменяемое физическое лицо, которое достигло к моменту совершения преступления 16-летнего возраста.

Тем не менее, обобщая данные проведенного анализа статьи 295 УК РФ, нужно сделать также выводы о наличии проблемных вопросов и несовершенстве уголовного закона. Ведь, как указывал Президент Российской Федерации В. В. Путин, «огромное число уже принятых декларативных норм, их противоречивость дают возможность для произвола и произвольного выбора, недопустимого в такой сфере, как закон. Мы практически стоим у опасного рубежа, когда судья или иной правоприменитель может по собственному усмотрению выбирать ту норму, которая кажется ему наиболее приемлемой... Это подрывает доверие к государству». Прежде всего, небезупречность рассматриваемой нормы заключается в ограниченном и довольно не конкретизированном круге лиц, в отношении которых может быть совершено рассматриваемое преступление [2]. Диспозиция статьи 295 УК РФ содержит в себе не полный перечень лиц, связанных с производством по уголовному делу. Например, в такой деятельности, наряду с перечисленными в статье 295 УК РФ субъектами, участвуют частный обвинитель, его представитель, начальник подразделения органа дознания и множество других лиц. Поэтому в целях выработки единообразия в понимании и применении уголовного закона логичнее было бы в диспозиции данной статьи изложить исчерпывающий, не подлежащий расширительному толкованию, перечень лиц, связанных с отправлением правосудия, либо же вообще отказаться от составления такого перечня. Первая позиция может быть аргументирована тем, что все лица, участвующие в отправлении правосудия, наделены специфическим процессуальным статусом и так или иначе могут быть подвержены риску совершения в отношении них преступлений. И именно поэтому законодателю необходимо строить норму закона так, чтобы максимально охватить круг таких охраняемых законом лиц, чтобы предотвратить пробелы уголовного закона. Во втором случае, учитывая, что участники судопроизводства осуществляют свою служебную деятельность или исполняют свой общественный долг, посягательство на их жизнь можно было бы расценивать как совершение преступления, предусмотренного п. «б» ч. 2 статьи 105 УК РФ – убийство лица или его близких в связи с осуществлением данным лицом служебной деятельности или выполнением общественного долга. Кроме того, право на жизнь неотъемлемое право человека и является основным в системе конституционных прав и свобод личности. Именно поэтому законодатель расположил статьи о преступлениях, имеющих своим объектом жизнь человека, в главе 16 УК РФ, в начале Особенной части уголовного закона. Дополнительным объектом преступления, предусмотренного статьей 295 УК РФ, выступает жизнь лица, осуществляющего правосудие, предварительное расследование или исполнение судебного решения, а также их близких. Первостепенная охрана интересов правосудия, а не права на жизнь противоречит Конституции РФ, которая гласит, что человек, его права и свободы является высшей ценностью. В связи с чем позиция некоторых исследователей (А. С. Горелик, Л. В. Лобанова) о размещении указанной статьи в главе 16 УК РФ является достаточно логичной и обоснованной. Также следует подчеркнуть и то, что в оте-

чественном уголовном законодательстве не содержится четкого толкования такого понятия, как «посягательство», одним из синонимов которого является слово «покушение». Что, в свою очередь, дает основание предполагать, что статья 295 УК РФ фактически криминализирует покушение на жизнь лиц, указанных в ее диспозиции. Такая неопределенность понятия «посягательство» делает возможным усмотрение определенных должностных лиц при определении объективной стороны преступления, а также усложняет квалификацию преступления. Ответственность за преступление, предусмотренное статьей 295 УК РФ, включает как оконченное, так и неоконченное причинение смерти лицам, указанным в диспозиции данной нормы [3]. В то же время статьи 4 и 6 УК РФ закрепляют принцип равенства граждан перед законом и принцип справедливости. Однако к лицам, совершившим рассматриваемое преступное деяние, не применяются некоторые нормы Общей части УК, которые допускают снижение возможного наказания. При определении наказания не требуется учитывать последствия совершенного деяния, применять нормы о неоконченном составе преступления. То есть в данном случае у субъекта преступления отсутствует право на снижение наказания, если преступное деяние не было окончено, что, по сути, представляет собой нарушение вышеназванных принципов равенства граждан перед законом и справедливости.

На практике часто имеют место сложности при квалификации данного деяния. Так, составы преступлений, предусмотренных статьями 295, 277 (Посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля) и статьей 317 УК РФ (Посягательство на жизнь сотрудника правоохранительного органа) крайне схожи между собой по ряду признаков, что затрудняет правоприменение и, в частности, работу следователей и судей по правильной квалификации совершенного преступления. Составы преступлений, предусмотренных статьи 295, 277, 317 УК РФ, в юридической литературе считаются специальными по отношению к составам, указанным в п. «б» ч. 2 статьи 105 УК РФ, а их диспозиции сформулированы достаточно размыто, что приводит к трудностям, связанным с квалификацией данных преступлений. Разграничение же статей 295 и 105 УК РФ по такому элементу субъективной стороны, как цель преступления, также спорна. Такая цель (воспрепятствование законной деятельности специальных субъектов либо месть за эту деятельность) может быть установлена косвенно с помощью совокупности действий преступника, показывающих реальное намерение указанного воспрепятствования или мести, доказать ее в ряде случаев очень сложно. Наконец, усматривается коллизия в установлении возраста уголовной ответственности по статье 295 УК РФ. Следуя логике закона, несовершеннолетние, не достигшие шестнадцатилетнего возраста, в полной мере осознают уголовно-правовые запреты, связанные с посягательством на жизнь лица или его близких в связи с осуществлением данным лицом служебной деятельности или выполнением общественного долга (п. «б» ч. 2 ст. 105 УК РФ), а также с посягательством на жизнь государственного или общественного деятеля (ст. 277 УК РФ). Но при этом те же самые несовершеннолетние, не достигшие шестнадцатилетнего возраста, не способны понять общественной опасности совершаемых ими деяний, которые направлены на лишение жизни

лица, осуществляющего правосудие или предварительное расследование, а также других перечисленных в статье 295 УК РФ лиц и их близких. В силу того, что виновные лица совершают и в первом, и во втором случаях умышленные, сопряженные с причинением смерти потерпевшим, преступления, которые не относятся к привилегированным составам, думается, что возраст наступления уголовной ответственности должен быть единым в обоих случаях.

Таким образом, не отрицая значения особой охраны лиц, причастных к производству по уголовным делам, их близких и родственников, считаем, что в целях повышения эффективности применения закрепляемых в статье 295 УК РФ уголовно-правовых запретов необходимо откорректировать их регламентацию.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Батракова В. Д. Совершенствование регламентации уголовной ответственности за посягательство на жизнь сотрудника правоохранительного органа // Законодательство и практика. 2021. № 1. С. 51–52.

2. Верещагина А. В. Посягательство на жизнь лица, осуществляющего правосудие или предварительное расследование (ст. 295 Уголовного кодекса Российской Федерации) // Труды Академии управления МВД России. 2022. № 3. С. 72–82.

3. Громова Е. С. Проблемы квалификации посягательства на жизнь лица, осуществляющего правосудие или предварительное расследование // Экономика и социум. 2020. № 5–1(72). С. 510–519.

УДК 343.11

Мухаметшина Алина Назимовна

студент, Казанский инновационный университет имени В. Г. Тимирязова
г. Казань, Российская Федерация
alinahhh2004@mail.ru

Ибрагимова Насима Максумовна

кандидат юридических наук, доцент
Казанский инновационный университет имени В. Г. Тимирязова
г. Казань, Российская Федерация
nasima79@mail.ru

Актуальные вопросы рассмотрения уголовных дел в суде первой инстанции

Аннотация: Актуальные вопросы рассмотрения уголовных дел в суде первой инстанции – это основные темы и проблемы, которые возникают при рассмотрении уголовных дел в первой стадии судебного процесса. В данной статье будет рассмотрено несколько актуальных вопросов, которые часто встречаются в суде первой инстанции. Один из актуальных вопросов – это вопрос обоснованности исхода дела. При рассмотрении уголов-

ного дела суд должен определить виновность или невиновность обвиняемого и принять соответствующее решение. Другой актуальный вопрос – это вопрос обеспечения прав и интересов обвиняемого. Уголовный процесс должен обеспечивать справедливость и защиту прав обвиняемого. Суд первой инстанции должен гарантировать презумпцию невиновности, право на защиту и предоставление возможности высказаться обвиняемому. Вопрос заключается в том, насколько результативно и справедливо осуществляется защита прав обвиняемого.

Ключевые слова: проблемы, рассмотрение уголовного дела, решения, первая инстанция, правосудие, судопроизводство.

Mukhametshina Alina Nazimovna

student, Kazan innovative university named after V. G. Timiryasov
Kazan, Russian Federation

Ibragimova Nasima Maksumovna

candidate of law, associate professor
Kazan innovative university named after V. G. Timiryasov
Kazan, Russian Federation

Topical issues of consideration of criminal cases in the court of first instance

Annotation: *Topical issues of consideration of criminal cases in the court of first instance are the main topics and problems that arise when considering criminal cases in the first stage of the trial. This article will address several topical issues that are often encountered in the court of first instance. One of the pressing issues is the question of the validity of the outcome of the case. When considering a criminal case, the court must determine the guilt or innocence of the accused and make an appropriate decision. Another relevant issue is the issue of ensuring the rights and interests of the accused. The criminal process must ensure justice and protection of the rights of the accused. The court of first instance must guarantee the presumption of innocence, the right to a defense and the opportunity to speak out to the accused. The question is how effectively and fairly the rights of the accused are protected.*

Keywords: *problems, consideration of a criminal case, decisions, first instance, justice, judicial proceedings.*

Рассмотрение уголовных дел судами первой инстанции играет важную роль в правосудии. Производство в суде первой инстанции представляет собой этап уголовно-процессуальной деятельности, в ходе которого суд рассматривает и разрешает уголовные дела по существу, разрешая правовые споры между сторонами [1, с. 68]. Этим суды выполняют свою главную функцию – обеспечение правосудия. Оказывается, что решения, принятые на этой стадии, очень часто являются решающими, так как не все дела подлежат обжалованию в апелляционном или кассационном порядке. Только около 20 % приговоров обжалуются в апелляции. Важно также отметить, что разрешение уголовных дел в суде первой инстанции имеет значение для формирования судебной практики [4, с. 122].

Правосудие по уголовным делам, проводимое в рамках судебного разбирательства, отличается от других форм правосудия. Суд первой инстанции устанавливает причины и условия, которые привели к совершению преступления,

и предпринимает меры по их устранению. Если есть основания, суд выносит постановление, в котором указывает на установленные причины и условия, способствовавшие преступлению, и предписывает принять меры по их устранению.

Роль суда первой инстанции также включает установление предмета доказывания. Однако это противоречит функции правосудия по уголовным делам, так как суд первой инстанции, исполняя роль воспитателя граждан, находится в сложном положении, связанном с применением принципа справедливости. Суд выполняет воспитательную функцию путем назначения наказания. Он старается утратить граждан и отговорить их от совершения преступления в будущем, показывая им, насколько сурово наказание, какие ограничения и лишения оно приносит осужденному.

Судебное разбирательство уголовного дела должно иметь только одну основную функцию – правильное разрешение дела по существу, т. е. достижение правосудия. Установление причин совершения преступления следует отнести к общей цели правосудия – установлению справедливости. Процесс доказывания, который включает сбор, представление, проверку, изучение и оценку доказательств, реализуется в судебном процессе первой инстанции. Сторона обвинения защищает обвинительный тезис, а сторона защиты защищается от этого обвинения, имея возможность максимально реализовать свои права. Судья, основываясь на своем участии в процессе и внутреннем убеждении, формулирует выводы по уголовному делу.

Процедура непосредственности в суде первой инстанции заключается в личном восприятии судом и участниками всеобщего познания обстоятельств дела, представленных в судебном заседании для проверки обвинительного тезиса. Непосредственная процедура направлена на признание доказательств судом допустимыми и гарантирует законность, обоснованность и справедливость приговора [2, с. 69].

Устная производственная в суде первой инстанции проявляется в эмоциональной речи говорящего и восприятии его собеседниками при их взаимодействии. Когнитивная деятельность участников производства и их дальнейшее поведение зависят от этой коммуникативной деятельности, которая связана с уголовно-процессуальной функцией.

Прозрачность производства в суде первой инстанции является социальной гарантией доступности правосудия и прозрачности в разрешении уголовно-правового спора. Гласность судебного разбирательства позволяет желающим наблюдать за процессом, убедиться в его справедливости, а также защищает права и законные интересы участников процесса.

Это личное производство суда первой инстанции, в ходе которого суд расследует все обстоятельства, являясь гарантом справедливого приговора.

Сущность процесса в суде первой инстанции проявляется через эмоционально окрашенную речь говорящего и личное восприятие его собеседниками во время их совместной коммуникативной деятельности, от которой зависят участники процесса и их будущее поведение, выраженное в совокупности действий, обусловленных функцией уголовного процесса.

Гласность процесса в суде первой инстанции является социальной гарантией доступности и прозрачности правосудия при разрешении уголовных споров государства и обвиняемых в совершении преступлений. Смысл гласности заключается в способности суда найти баланс между необходимостью, обеспечить публичное судебное разбирательство для заинтересованных сторон и теми, кто возражает против его ограничений, и защитить права и законные интересы участников процесса, когда нарушаются их частная жизнь, личная и семейная тайна, честь, доброе имя, а также конфиденциальность переписки, телефонных разговоров, почтовых, телеграфных и прочих сообщений, содержащих личную информацию [5, с. 221].

К основным проблемам рассмотрения уголовных дел в суде первой инстанции можно отнести нарушение установленных сроков из-за того, что судебное следствие должно начинаться не позднее чем через 14 дней после вынесения постановления, но суд имеет только 7 дней, чтобы направить соответствующие акты обвиняемому. В противном случае обвиняемый не сможет ознакомиться с постановлением и разработать защитную линию с адвокатом. Еще одной проблемой является нарушение сроков уведомления о судебных заседаниях.

Скорость рассмотрения уголовных дел в суде первой инстанции напрямую зависит от количества судей и сотрудников судебного аппарата. Несмотря на принимаемые меры, многие суды не работают в полном составе и поэтому не могут справиться с задачей соблюдения процессуальных сроков и сокращения количества нерассмотренных дел.

Особое внимание должно уделяться своевременному рассмотрению дел в отношении заключенных, а также анализу причин, приводящих к проблемам, и целенаправленной работе по их устранению и повышению ответственности судей за соблюдение процессуальных сроков. Необходимо теснее координировать работу по организации рассмотрения уголовных дел с правоохранительными и другими органами [3, с. 396].

Таким образом, рассмотрение уголовных дел в суде первой инстанции является важной стадией уголовного судопроизводства, направленной на установление объективной истины по делу, особенно в отношении виновности или невиновности определенного лица (или лиц).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Батырбаев Б. С., Жыргалбек К. К. Порядок рассмотрения уголовного дела в суде первой инстанции // Известия вузов Кыргызстана. 2019. № 8. С. 66–69.
2. Козина О. А. Особенности подготовительной стадии судебного разбирательства уголовного дела в военном суде первой инстанции // Наука. Образование. Современность. 2023. № 2. С. 68–71.
3. Михаелян Э. А., Емелькина Н. Л. Актуальные проблемы рассмотрения уголовных дел в суде первой инстанции // Вестник науки. 2023. Т. 3, № 11(68). С. 392–398.

4. Татарников В. Г., Каландаришвили Х. А. Верховный Суд России как суд первой инстанции по уголовным делам // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2023. № 2(40). С. 116–125. 122–123.

5. Ткачева Н. В. Условия производства в суде первой инстанции при рассмотрении и разрешении уголовных дел в общем порядке // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2023. Т. 18, № 3. С. 208–222.

УДК 347.61/.64

Дьячек София Евгеньевна

студент, Дальневосточный юридический институт (филиал)

Университет Прокуратуры Российской Федерации

г. Владивосток, Российская Федерация

Sofadyachok@mail.ru

Функции семьи в период кризиса института семьи

Аннотация: В статье рассматриваются причины кризиса института семьи и влияние на него основных функций семьи. Исследование научной литературы в данной сфере позволяет произвести анализ вышеперечисленных составляющих и выявить наиболее уязвимые функции семьи, которые в современном мире подвержены кризису.

Ключевые слова: функции семьи, кризис института семьи, брак, семья, развод, семейное право.

Dyachek Sofiya Evgenievna

student, Far Eastern Law Institute (branch)

University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation

Vladivostok, Russian Federation

Family functions during the crisis of the family institution

Annotation: The article examines the causes of the crisis of the institution of the family and the impact on it of the main functions of the family. The study of scientific literature in this field allows us to analyze the above components and identify the most vulnerable functions of the family, which are prone to crisis in the modern world.

Keywords: family functions, crisis of the family institution, marriage, family, divorce, causes of the crisis of the family institution.

По своей сути семейный кризис представляет собой такую ситуацию, при которой семья сталкивается с проблемами, в дальнейшем вызывающие напряжение и значительный дисбаланс семейных отношений как таковых.

В большем своем проявлении кризис семьи выражается именно в разводах и нежелании нынешнего поколения заводить семью. В статистике Росстата за 2010–2020 гг. можно наглядно увидеть, что количество разводов имеет не-

большие колебания, но в среднем остается на одном и том же уровне, однако количество зарегистрированных браков стремительно уменьшается. В 2010 году количество разводов составляло 639 321, а в 2020 – 564 704. В свою очередь количество браков в 2010 г. составляло 1 215 066, в 2020 – 770 857 [1, с. 4].

В семейном законодательстве юридически не закреплены основные понятия, используемые в данной статье, а именно «брак», «развод» и «семья», однако в доктрине семейного права эти понятия четко определены.

Семья – круг лиц, основанный на браке, родстве, принятии детей в семью на воспитание, характеризующийся общностью жизни, интересов, взаимной заботой.

Брак – юридически оформленный, свободный, добровольный союз мужчины и женщины, направленный на создание семьи и порождающий для них взаимные права и обязанности [2].

Развод – официальное прекращение действительного брака между супругами.

В научной литературе выделяются причины, по которым увеличивается число разводов и уменьшается количество браков, к таковым относятся:

1. Неправильный образ жизни, который непосредственно связан с алкоголизмом и наркоманий. В частности, это становится основной причиной разводов, а также в большей степени влияет на детей, которые растут в таких семьях, поскольку они видят данный образ жизни своих родителей (родителя) и в последующем не хотят заводить семью, для того чтобы не столкнуться с такой же проблемой.

2. Совместное проживание без регистрации брака. Многие молодые люди не хотят накладывать на себя обязательства, которые вытекают из существа семейной жизни, а в частности не желают возникновения имущественных правоотношений. Многие представители современной молодежи ошибочно предполагают, что если они не вступают в брак, то это не влечет за собой возникновения общего совместного права собственности на имущество, однако совместное приобретение имущества такими лицами лишь усложняет процедуру его раздела.

3. Развитие социальных сетей. Появление социальных сетей в жизни людей служит фактором к упрощению знакомств, ведь в современных реалиях для того, чтобы наладить коммуникацию с другими людьми теперь не нужно выходить из дома, что пагубно влияет на отношения, поскольку повышается риск совершения измен со стороны партнеров, а также своего рода виртуальные игры вызывают зависимость и является основанием для разлада в семье [2, с. 75].

4. Экономические кризисы в стране и небольшой денежный достаток. По мнению автора, отсутствие денежных средств для обеспечения комфортной жизни является причиной разводов, поскольку в таком случае у многих людей складывается ощущение, что в одиночку им будет гораздо проще выживать в современном мире. Также одними из последствий данной причины является снижение мотивации к развитию и появление пагубных привычек.

Функции семьи в современном мире играют достаточно неоднозначную роль в предотвращении кризиса института семьи, поскольку они оказывают друг на друга взаимное влияние. В свою очередь это выражается в том, что первопричины кризиса семейной жизни негативно сказываются на основной функции семьи – репродуктивной.

Репродуктивная функция имеет своим прямым назначением воспроизводство потомства и продолжение рода, что при кризисе семейных отношений является почти невозможным и негативно сказывается на демографии, поскольку семья является уникальным институтом, которому свойственна данная функция [3, с. 51]. Однако государство оказывает разного рода поддержку семье для борьбы с кризисом. Это выражается в том, что Правительство Российской Федерации оказывает содействие семьям в приобретении и улучшении жилья, выплачивает денежные пособия семьям, нуждающимся в поддержке и т. д. [4].

Вторая функция семьи – воспитательная, она является производной от репродуктивной функции. Воспитательная функция выступает главенствующей в формировании личности ребенка, поскольку именно семья является первой ступенью в формировании личности ребенка. Также данная функция заключается в том, что семья является целостным образовательным пространством и семейное воспитание в корне отличается от воспитания в обществе, в том числе и от школьного. В связи с тем, что воспитательная функция исходит от репродуктивной она в той же степени подвержена влиянию кризиса, поскольку даже если у супругов рождаются дети, то не все родители могут оказать правильное влияние на своего ребенка и показать ему верные ориентиры семейных [5, с. 192].

Третья функция семьи – хозяйственно-экономическая, она характеризуется ведением домашнего быта всеми членами семьи, обеспечением бытовых потребностей, ведением семейного бюджета [6, с. 14]. Данная функция является достаточно спорной, с одной стороны она помогает в борьбе с кризисом института семьи, поскольку, объединяясь, людям гораздо легче выполнять свои домашние дела и вести быт, однако с другой стороны для многих людей является сложностью экономическая составляющая, которая включает в себя планирование семейного бюджета. Как было изложено выше, многие люди предполагают, что гораздо легче учитывать все расходы и доходы на одного человека, нежели на всю семью.

Рекреативная функция семьи связана с организацией отдыха и досуга семьи, заботой друг о друге. Эта функция одна из тех, что наименее подвержены влиянию кризиса семейных отношений, потому как людям для дальнейшего существования необходима социализация, а семья является первым социализирующим звеном для развития человека, ведь только в семейных отношениях человек получает тот уровень заботы о его благополучии, который ему будет недоступен в других сферах его жизни, тоже самое касается отдыха и досуга [7].

Коммуникативная функция выражается в удовлетворении членов семьи в общении [6, с. 14]. Данная функция достаточно тесно связана с рекреативной, поскольку тоже влияет на социализацию человека, а также положительно ска-

зывается на кризисе института семьи, поскольку у людей присутствует необходимость в общении, и в связи с этим они начинают объединяться в группы, что в дальнейшем помогает в образовании семьи.

Перечисленные выше функции являются традиционными, поскольку они отражают исторический характер связи между семьей и обществом, а также динамику семейных отношений на разных исторических этапах.

Кроме вышеизложенных традиционных функций в современном мире свое отражение нашла еще одна – психотерапевтическая функция. Психотерапевтическая функция семьи позволяет ее членам удовлетворять потребности в симпатии, уважении, признании, эмоциональной поддержке, психологической защите, что также положительно сказывается на борьбе с кризисом семьи в современных реалиях. По мнению А. И. Захарова, в семье, как в первичной группе, предполагается эмоциональное влечение ее членов друг к другу – уважение, преданность, симпатия, любовь. Именно эти чувства способствуют доверительности в семейных отношениях, прочности семейного очага [7].

Таким образом, исходя из вышеизложенного, строится вывод о том, что в действительности количество браков уменьшается, а количество разводов увеличивается и этому имеют свои причины, наиболее распространенные из которых были изложены в данной статье.

Анализируя функции института семьи, отметим, что многие из них положительно влияют на борьбу с кризисом семейных отношений, что при правильном государственном регулировании поможет снизить его воздействие на семью, как социальный институт.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Статистика Федеральной службы государственной статистики : официальный сайт. URL: <https://a-gorod.com/wp-content/uploads/2021/11/Semya-i-deti-v-Rossii.pdf> (дата обращения: 10.05.2024).
2. Васильева А. В. Семейное право : учеб. пособие / Ун-т прокуратуры Российской Федерации, Дальневост. юрид. ин-т (филиал). Владивосток : Изд-во Дальневост. федер. ун-та, 2023. 111 с.
3. Осипова Л. Б. Репродуктивная функция семьи как фактор воспроизводства населения // Вестник ЧелГУ. 2015. № 9(364). С. 51–55.
4. Правительство Российской Федерации : офиц. сайт. URL: <http://government.ru/rugovclassifier/689/events/> (дата обращения: 10.05.2024).
5. Гуров Д. В., Гурова Е. В., Гоцкая Н. Р. Воспитательная функция семьи // МНКО. 2016. № 2(57). С. 191–193.
6. Корнеева И. Л. Семейное право : учебник и практикум для среднего профессионального образования. 4-е изд., перераб. и доп. М. : Юрайт, 2024. 285 с.
7. Левина Т. В., Иванова В. А. Психология и педагогика : электронный учебно-методический комплекс. URL: http://www.kgau.ru/distance/mf_01/psiped/index.html (дата обращения: 10.05.2024).

Балобанов Егор Сергеевич

студент, Казанский инновационный университет им. В. Г. Тимирязова
г. Набережные Челны, Российская Федерация
balobanov.e@list.ru

Гильманов Эдуард Магасумьянович

старший преподаватель
Казанский инновационный университет им. В. Г. Тимирязова
г. Набережные Челны, Российская Федерация
gilmanov@ieml.ru

**Искусственный интеллект и криминалистика:
возможность использования, последствия**

Аннотация: В статье рассматривается возможность применения технологий искусственного интеллекта в криминалистической деятельности, проведение анализа на возможность его использования в дальнейшем. Исследование научного пособия, анализ книг авторов, при помощи которых можно провести анализ по использованию различного рода криминалистической техники и с возможностью привлечения в осуществление криминалистической деятельности искусственного интеллекта. Определяется необходимость применения искусственного интеллекта в криминалистической деятельности, положительные и отрицательные его характеристики, какие последствия повлечет за собой. Определение проблем правового регулирования в области искусственного интеллекта, а также проблемы применения ИИ в криминалистической деятельности.

Ключевые слова: искусственный интеллект, криминалистика, криминалистическая техника, анализ, нормативно-правовая база, принципы.

Balobanov Egor Sergeevich

student, Kazan innovation university named after V. G. Timiryasov
Naberezhnye Chelny, Russian Federation

Gilmanov Eduard Magasumyanovich

senior lecturer, Kazan innovative university named after V. G. Timiryasov
Naberezhnye Chelny, Russian Federation

Artificial intelligence and criminology: the possibility of use, consequences

Annotation: The article considers the possibility of using artificial intelligence technologies in forensic activities, conducting an analysis on the possibility of its use in the future. Research of a scientific manual, analysis of books by authors, with the help of which it is possible to conduct an analysis on the use of various kinds of forensic equipment and with the possibility of involving artificial intelligence in the implementation of forensic activities. The necessity of using artificial intelligence in forensic activities, its positive and negative characteristics, and what consequences it will entail are determined. Identification of the problems of legal regulation in the field of artificial intelligence, as well as the problems of using AI in forensic activities.

Keywords: artificial intelligence, criminalistics, forensic technology, analysis, regulatory framework, principles.

Искусственный интеллект (далее – ИИ), в данной статье рассматривается в период времени, начиная с 2018 по 2024 год. ИИ представляет собой форму особо заинтересованного государством движения и сферу урегулирования со стороны законодательства Российской Федерации, технологий и так далее. ИИ сам по себе в указанное время существовать и развиваться не способен, все что он умеет это находить заданную информацию, относительно криминалистики, это сканирование элементов, как поверхностей, следов шин, ног и другие, в результате осуществляет поиск в информационной системе «Интернет» и выдает вероятный ответ, который в результате сопоставления имеющейся информации и полученной в ходе заданного запроса ИИ, дает результат.

Принцип работы ИИ следует определять, как умный помощник пользователя, который способен проводить анализ и подбирать похожий результат на заданный, либо близкий к нему по общим признакам: по цвету, по размеру, по объему, по форме, по месторасположению. Следовательно, все что называется искусственным интеллектом в данное время является поисковым помощником, который при помощи внесений в него информации помогает в поиске необходимой информации о чем-либо необходимом.

С точки зрения криминалистики, как инструмента преследования и раскрытия преступлений, то ИИ может найти свое место в системе криминалистики, но с особенностями вспомогательного инструмента наравне с основными средствами осуществления криминалистами своей деятельности. Важно определять отрасль криминалистической техники, которая предполагает наличие исключительно живого интеллекта, т. е. человека, либо есть возможность применения второстепенных средств раскрытия преступлений. Это объясняется тем, что в настоящее время ИИ не обладает тем набором характеристик, которые могут наделить его способностью размышления, установления причинно-следственной связи и возможностью решения логических задач. В то время как человек этим обладает в совершенстве и способен осуществлять мыслительную и иную деятельность, которая связана с логическим мышлением. Определим отрасли криминалистической техники, и выделим которые можно использовать при помощи ИИ. Согласно положениям А. Г. Филиппова, то к отраслям криминалистической техники относятся:

- криминалистическая фотография и видеозапись;
- криминалистическая трасология;
- криминалистическое оружиеведение;
- криминалистическая документология;
- криминалистическая габитоскопия.

При осуществлении работы с любой из указанных криминалистических техник, необходимо использовать большое количество средств применения, технических средств, их исследование, оценку полученных средств, в дальнейшем переходя к другим стадиям раскрытия. Согласно принципам криминалистики, то все действия должны быть выполнены экономично, результативно, целесообразно и так далее. ИИ способен реализовать эти положения сразу, так как после создания ИИ в полноценном своем роде, государство предоставит его

каждому органу, так как он способен более быстро, правильно и активно раскрывать, и предупреждать преступления [5, с. 43–44].

Рассмотрим возможность применения ИИ в каждой из вышеуказанных криминалистических техник.

ИИ и криминалистическая фотография и видеозапись. ИИ может быть использован в данной криминалистической технике. Область применения будет осуществляться с точки зрения осуществления фото-видео редактирования, ИИ может осуществить все это, так как в нем будут установлены все необходимые фильтры и параметры редактирования. ИИ при помощи заданных и стандартизированных параметров сможет отредактировать полученные фотографии, выявить на них недостатки, определить какие элементы отображены, вырезать и отправить на изучение специалистам, что заметно сократит время работы, а также сложности с которыми могут столкнуться криминалисты [1, с. 69].

Криминалистическая трасология понимается как область работы со следами, их отображениями и так далее. Данная область не может полноценно перейти под работу ИИ, так как необходимо производить технические действия по выявлению следов, используя при этом различные средства: порошки, химические средства и другие необходимые средства. ИИ в данное время может осуществить сканирование полученных следов, осуществить их регистрацию в базе данных, по параметрам самостоятельно определить лицо, которому оно может принадлежать. Так как в результате массовой биометрии в РФ ИИ может получить доступ практически ко всем следам неопределенного круга лиц, что поможет в раскрытии преступлений [3, с. 72–74].

Криминалистическое оружиеведение представляет собой отрасль криминалистической техники, которая в большей степени подвержена тесной работе с ИИ, так как определение вида, типа, размера, и других значимых для криминалистики характеристик оружия, боеприпасов при помощи ИИ будет осуществляться практически мгновенно. При помощи человека будет происходить поиск и обнаружение оружия и все что к нему относится, его разборку, в то время как ИИ будет осуществлять все остальное, необходимое для классификации оружия [2, с. 14–16].

Криминалистическая документология представляет собой исследование документов и элементов электронных носителей, данных к проверке, изучению, выявлению в них элементов преступлений, ИИ способствует полному погружению в такие носители данных, с возможностью их сканирования, определения места последнего включения, что было в файлах, находить особенности создания каждого файла, их характеристик, данных имеющихся в них.

Относительно документов, письменных, печатных, с легкостью и минимальным временем, ИИ способен определить кому принадлежит рукописный почерк, его характеристики, время написания и все необходимое. Для того чтобы определить это криминалисту, необходимо обращаться к специалистам, которые смогут все это также определить, но займет это не мало времени [4, с. 21–24].

Криминалистическая габитоскопия как отрасль криминалистической техники представляет важный элемент, так как при помощи габитоскопии осуществляется отображение лица в документах, на изображениях.

Определение человека по внешним признакам при помощи ИИ возможно и в настоящее время, так как по определенным параметрам ИИ может определить перечень лиц, которые попадают под него, используя технологию массового сканирования сети «Интернет», в которой находится большое количество социальных сетей, в которых публикуются различные фото карточки лиц.

Тем самым поиск необходимого лица будет осуществляться практически моментально, что отлично подходит под принципы криминалистики, которые составляют важный элемент в процессе осуществления криминалистической деятельности.

Рассмотрев связь криминалистической техники различного вида и ИИ, следует отметить возможность сокращения времени, которое затрачивается на осуществление деятельности по предупреждению, расследованию, раскрытию преступлений. ИИ способствует оптимизации криминалистических процессов и одновременно совмещает в себе все принципы криминалистической деятельности, и отхождение от которых невозможно в силу системного ограничения, которое устанавливается разработчиками на основе законодательства Российской Федерации.

Криминалистика на практике представляет собой сложный инструмент по исследованию различных следов преступления, определения предметов и к каким категориям они относятся.

В случае принятия к работе ИИ в сфере криминалистики, произойдет массовое изменение порядка работы. Следовательно, необходимо определить новую спецификацию и стандартизацию работы, поскольку многие обязанности будут делегироваться в отношении ИИ. Сам процесс по изъятию следов, а также сама «криминалистическая романтика», как элемент работы, в большей своей степени пропадет и останется только необходимость в нахождении, снятии следов и отнесении их к ИИ. С точки зрения целей криминалистики, то это позитивный итог, так как сократится время расследования преступлений, тем самым повысится раскрываемость преступлений и вероятность их совершения теми же лицами снизится. Также будет реализовываться возможность нахождения по определенным параметрам тех лиц, которые имеют склонность к совершению преступлений.

Также важно отметить, что практически снизится субъективное отношение следователя к раскрываемому делу, так как не только он будет решать ход дела, а ИИ, который будет способен совершать действия по подготовке вопросов к допросу, составление протокола допроса, направление его моментально в другое место и иные всевозможные, необходимые с точки зрения криминалистики действия. Ведь ИИ руководствуется правилами законности, достоверности, тем самым в силу своих «умственных способностей» никак не может совершить неправомерные действия. Стоит подчеркнуть, что правовое регулирование ИИ как такового нет, есть только некоторые акты, которые говорят о проведении экспериментов с ИИ, но не более, что является недостатком пра-

вовой базы государства. Пробелом в праве и возможности совершения правонарушений, преступлений лицам, которые могут получать от таких деяний положительный результат в свою сторону, и отрицательный результат в отношении государства.

Это следует отметить как результат, так как отрицательный результат признается результатом, только отрицательным.

С точки зрения криминалистической теории, то ИИ может создавать книги, и в дальнейшем уже создавать криминалистические рекомендации, которые будут использоваться в процессе осуществления криминалистической деятельности по раскрытию, расследованию преступлений.

Помимо всего положительного следует также отметить и недостатки применения в криминалистической деятельности ИИ.

1. На ранних стадиях саморазвивающегося ИИ будут создаваться недостатки в осуществлении каких-либо криминалистических действий, что повлечет за собой отклонение в достоверности раскрываемого преступления. Для устранения важно не упускать факт человеческого вмешательства в данную деятельность.

2. Опасность «взлома» операционной системы ИИ, в результате произойдет кража данных ИИ, конфиденциальной информации неопределенного круга лиц и использование их противоправной сфере деятельности.

3. Возможность введения в заблуждение ИИ путем публикации ложных фотографий, которые ИИ может признать действительными по ряду установленных в нем признаков;

4. Отсутствие ответственного лица, которое будет признаваться виновным за совершение ИИ каких-либо значимых ошибок в ходе осуществления криминалистической деятельности.

Таким образом, рассмотрев возможность использования ИИ в криминалистической деятельности, следует сделать вывод о том, что существует возможность в ближайшее время внедрение системы ИИ в криминалистическую деятельность, так как во многих элементах криминалистической техники существует возможность его применения. Применение осуществляется не как полноценная замена человеческого ресурса, а только как его дополнение и упрощение работы, собственно, в поиске необходимой информации, предметов, которые определяются по совокупности криминалистических признаков и так далее.

Полноценная работа ИИ в сфере криминалистики на данном этапе его развития недоступна, в силу того что отсутствуют технологические решения по его совершенствованию. Создание и внедрение ИИ представляет собой долгий и трудоемкий процесс, так как создание искусственного мышления – это не только практическая работа, но и теоретическая работа, так как необходимо создавать все те информационные ресурсы для ИИ, которые в дальнейшем будут в него заложены, создание принципов работы, методов и порядка их реализации.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Агафонова В. В. Криминалистика. Полный курс. 6-е изд., перераб. и доп. М. : Юрайт, 2024. 778 с.

2. Бирюков В. В. Криминалистическое оружиеведение : учеб. пособие для вузов. 3-е изд., перераб. и доп. М. : Юрайт, 2024. 241 с.
3. Демин К. Е. Криминалистическая техника : учебник. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Юрайт, 2024. 403 с.
4. Драпкин Л. Я. Криминалистика. Криминалистическая тактика : учебник. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Юрайт, 2024. 230 с.
5. Филиппов А. Г. Криминалистика : учебник. 3-е изд., перераб. и доп. М. : Юрайт, 2024. 466 с.

УДК 343.3.7

Борисов Денис Николаевич

студент, Международный юридический институт
Москва, Российская Федерация
den_borisov_1001@mail.ru

Юлдашев Даврон Алишерович

студент, Международный юридический институт
Москва, Российская Федерация
dav-lol@mail.ru

Понятие цифровых следов в криминалистике: теоретические и правоприменительные аспекты

Аннотация В статье анализируются различные подходы к определению сущности понятия «цифровой след» в криминалистике. Выявлены различия между понятиями «цифровой след» и «виртуальный след» в теории современной криминалистике, влекущие проблемы при расследовании преступлений в сфере обращения цифровой информации.

Ключевые слова: цифровые следы, виртуальные следы, виртуальное пространство, криминалистика, преступления в сфере обращения цифровой информации.

Borisov Denis Nikolaevich

student, International Law Institute
Moscow, Russian Federation

Yuldashev Davron Alisherovich

student, International Law Institute
Moscow, Russian Federation

The concept of digital traces in forensics: theoretical and law enforcement aspects

Annotation: The article analyzes various approaches to defining the essence of the concept of “digital footprint” in forensics. Differences have been identified between the concepts of “digital trace” and “virtual trace” in the theory of modern criminology, which entail problems in the investigation of crimes in the field of circulation of digital information.

Keywords: digital traces, virtual traces, virtual space, forensics, crimes in the sphere of circulation of digital information.

Уроки прошлого показывают, что преступность никогда не стояла на месте и постоянно развивалась, приобретала все более изощренные формы существования, привлекала интеллектуально подготовленные кадры преступного мира, который изменялся под воздействием мирового прогресса. Если в прошлом совершение преступления характеризовалось использованием повседневных (обыденных, бытовых) средств, приемов и методов, то в настоящее время на ведущую роль выходят преступления в сфере цифровых, компьютерных, высоких технологий. Лица, освоившие новейшие достижения в ИТ-технологиях, создали свое пространство, используемое для реализации преступного умысла, как очень четко отмечено Е. С. Переверзевой и А. В. Комовым [5, с. 2].

Развитие преступности в сфере ИТ, высоких технологий и в так называемом киберпространстве подтверждается выступлениями и высказываниями сотрудниками правоохранительных органов и статистическими данными.

В настоящее время выделяются негативные тенденции преступности в сфере обращения цифровой информации, а именно: 1) количество преступлений, совершенных с использованием высоких технологий; 2) низкий уровень раскрываемости данного рода преступлений; 3) сложность в доказывании в ходе предварительного расследования.

Преступление в сфере обращения цифровой информации или преступление, совершенное с использованием цифровых технологий, содержит в себе не только классические в криминалистике, материальные и идеальные следы, а также исключительно новый самостоятельный вид следа или особую разновидность уже существующего вида следов. Данные выводы сделаны на основании того, что само отображение происходило теперь не в памяти человека или в материальном мире (данное суждение оспаривается), но в исключительно новой среде, именуемой различными терминами: «киберпространство», «виртуальное пространство», «информационная среда» или «цифровая среда». Образующий в данном пространстве след в научном понимании также имеет различные варианты звучания: «информационные следы», «компьютерно-технические следы», «электронно-цифровые следы», «виртуальные следы» и т. п.

В настоящее время в научной среде активно продолжается дискуссия о применении самого термина «виртуальные следы» и иных синонимичных терминов. Например, в своих трудах В. Б. Вехов отмечает, что само слово «виртуальный» берет начало от латинского слова *virtualis*, которое в переводе означает что-то, не имеющее физической субстанции или ложно воспринимаемое в действительности, т. е. нарушение воспринимаемости и сущности объекта. Им же дается определение «цифровых следов» – это любая криминалистически значимая компьютерная информация, т. е. сведения (сообщения, данные), представленные в форме электрических сигналов, независимо от средств их хранения, обработки и передачи. Эти следы, по его мнению, являются материальными невидимыми следами [2, с. 97]. По мнению ученого кафедры криминалистики Уральского юридического института МВД России В. Ю. Иванова, среди основных свойств электронно-цифровых следов, следует отметить возможность осуществления процедуры неограниченного копирования без нарушения цело-

ственности первоисточника информации, а также несложную процедуру быстрого изменения или уничтожения, как первичной информации, так и ее копий [4, с. 3].

Анализ имеющейся информации позволяет сделать вывод о том, что ученые в ходе своих исследований подразумевают один и тот же предмет, но в силу недостаточной изученности исследуемого термина именуют его по-разному. Именно поэтому необходимо постараться провести различие и сходство между указанными терминами, а также содержаниями предметов, которые они обозначают. Прежде всего, необходимо определить это одно и то же явление, совершенно разные явления, или же часть целого.

В ходе изучения сущности и природы виртуальных следов через призму их принципов, а также на основе анализа работ ведущих ученых-криминалистов в области трасологии установлено, что существуют как цифровые, так и виртуальные следы, при этом между собой они соотносятся как целое (цифровые следы) и часть (виртуальные следы). Данные термины принято считать синонимичными.

Для полного раскрытия сущности и природы изучаемого явления необходимо установить признаки исследуемого явления, т. е. те элементы, по которым представляется возможным определить искомый объект и его соответствие самому себе. Из анализа работ отечественных криминалистов вытекают следующие признаки цифровых и виртуальных следов, рассматриваемых в криминалистическом аспекте: 1) отражение события преступления исключительно в информационном поле (виртуальном пространстве); 2) отношение к материальным следам, в которых отсутствует пространственная форма следообразования; 3) представление результата преобразования компьютерной информации в читаемый и понятный язык для пользователя; 4) содержание свойств, которые присущи для компьютерной информации [3, с. 2–5].

Следообразование – это изменение в окружающей среде, которая на конкретно-определенный момент становится преступной. Из вышеизложенного подхода следует, что виртуальный след появляется в окружающей среде, которая представлена в виде автоматизированной информационной системы – комплекса средств, позволяющих обеспечить непрерывное протекание информационных процессов.

Киберпространство – это уникальный носитель, не находящийся на определенной территории, но доступный каждому в любой точке мира через Интернет. По мнению Н. Н. Телешинной, термин «киберпространство» следует считать прямой «калькой» с английского cyberspace, который носит техническую окраску и подходит для определения виртуального пространства в техническом смысле [6, с. 3]. Виртуальное пространство не является распространенным объектом изучения ввиду относительной новизны самого термина, а также сложности и быстрой изменчивости порождаемых им отношений.

Анализ вышеизложенных подходов позволяет вывести понятие виртуального пространства, т. е. это среда, в которой возникают, изменяются и прекращаются информационные отношения на основе комплекса средств, позволяющих обеспечить непрерывное протекание информационных процессов». Из

предложенного понятия следует, что «виртуальное пространство» шире термина «виртуальные следы» в криминалистике. Именно поэтому следует констатировать, что средой существования виртуальных следов будет выступать виртуальное пространство.

Исходя из вышеизложенного, предлагаем под виртуальными следами понимать определенные изменения в сетевом виртуальном пространстве со всеми протекающими в нем информационными процессами, непосредственно связанные с механизмом совершения преступления и зафиксированные в электронном поле».

Таким образом, цифровые следы будут представлять собой информацию, зафиксированную на материальном носителе с помощью электромагнитных взаимодействий либо передающуюся по каналам связи посредством электромагнитных сигналов. Одновременно с этим для обнаружения и считывания цифровых следов необходимо наличие сложного специального технического устройства (компьютера), что не имеет такого значения по отношению к остальным разновидностям материальных следов.

Исходя из представленного подхода следует, что будет присутствовать целый ряд различий между цифровыми следами (как целого) и виртуальными (как части целого). Виртуальные следы находятся исключительно в сетевом пространстве в отличие от цифровых, которые могут находиться на материальных носителях (цифровых носителях), содержащаяся информация на которых может быть доступна для органов предварительного расследования. Информация, содержащаяся на виртуальных следах, может храниться на нескольких географически удаленных серверах, что существенно ограничивает к ним доступ и требует определенных информационно-технических познаний в компьютерной среде.

Отличия заключаются и в процедуре обнаружения и изъятия указанных видов следов. Для обнаружения цифровых следов не требуется выход в сеть, достаточно лишь включить техническое устройство, преодолеть линию защиты, которая может быть выражена, в частности, в виде цифрового или буквенного пароля, провести поисковые мероприятия, при обнаружении цифровых следов, на которых может содержаться информация, имеющая непосредственное отношение к совершенному преступлению или несущая в себе оперативную значимость, принять решение об изъятии технического устройства, цифрового носителя информации. При поиске тех или иных цифровых следов можно воспользоваться командой «Поиск», самостоятельно осуществлять поисковые мероприятия, использовать различного рода компьютерные программы.

Обнаружение и изъятие цифровых следов возможно с другого цифрового устройства лишь при техническом физическом воздействии (изъятие из блока питания жесткого диска и т. д.), в отличие от виртуальных следов, где обнаружение и изъятие возможно с другого цифрового устройства без технического физического воздействия при наличии сведений, способствующих преодолению линий защиты.

Порядок обнаружения и изъятия виртуальных следов несколько иной. Также необходимо включить само техническое устройство, как и при обнаружении цифровых следов, преодолеть имеющиеся линии защиты самого технического устройства, осуществить выход в сеть. При этом может возникнуть не-

обходимость в настраивании самой сети и в преодолении линий защиты, после чего можно осуществлять поисковые мероприятия в виртуальном пространстве, секторе поиска.

Принципиальную особенность имеет место быть при изъятии виртуальных следов, которые при производстве следственных действий не могут быть изъяты в первоначальном виде. Их изъятие происходит посредством перевода в цифровые следы, т. е. в их расширении (переводе из части в целое). Так, например, какой-либо виртуальный след, обнаруженный на странице в социальной сети, может быть изъят посредством фотографирования экрана монитора или посредством скриншота. Данная фотография, скриншот, которые также будут представлять собой фотографии, находятся на материальном носителе (цифровой носитель, жесткий диск). Происходит перевод виртуального следа в цифровой для дальнейшего использования в процессе доказывания.

Определенные проблемы, вызванные отсутствием единства понятийно-категориального аппарата, могут возникать и в правоприменительной практике. Так, лицо (заявитель) при обращении в правоохранительные органы, к своему заявлению прилагает листы формата А4 с фотографиями экранов компьютеров, содержащих переписку в социальных сетях, объявления каких-либо сайтов и пр. В данном случае произведен перевод виртуального следа в цифровой, а затем уже в более классическую и привычную разновидность материального следа. Стоит отметить, что в сложившейся ситуации, по смысловой нагрузке, имеющаяся информация на следах при переводах изображений не изменяется и не искажается. П. Е. Борзенков в своих работах также отмечает, что виртуальные следы существуют в форме цифровой информации, воспроизведение которой возможно только с помощью электронных средств [1, с. 151]. Данное обстоятельство подчеркивает взаимосвязь виртуальных и цифровых следов.

Одновременно с этим сотрудники органов предварительного расследования, обнаружив в виртуальном пространстве виртуальные следы, в первую очередь, непроизвольно фиксирует их в своем сознании. Таким образом, представляется возможным говорить не только о переходе виртуальных следов в цифровые, но и в идеальные. При этом стоит понимать, что идеальный образ виртуальных следов будет иметь субъективно-оценочный характер.

Между указанными следами прямая взаимосвязь, что продемонстрировано на примере процесса их обнаружения и изъятия, при переходе виртуальных следов в цифровые. В связи с этим следует их рассматривать в качестве целого (цифровые следы) и части (виртуальные следы).

Таким образом, проанализировав различные точки зрения авторов на данную проблему, можно сделать вывод о том, что в настоящее время среди научного общества криминалистов нет единого и систематизирующего подхода в понимании и толковании термина «цифровые следы в криминалистике».

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Борзенков П. Е. К вопросу о внедрении категории «виртуальные следы преступления» в систему криминалистики // Современная наука: актуальные вопросы, достижения, инновации : сб. ст. IV Междунар. науч.-практ. конф. В 2 ч. Ч. 2. Пенза : Лаута и Просвещение, 2018. С. 151.

2. Вехов В. Б. [и др.] Цифровая криминалистика : учебник для вузов / под ред В. Б. Вехова, С. В. Зуева. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Юрайт, 2024. 490 с.

3. Гаврилин Ю. В., Шипилов В. В. Особенности слепообразования при совершении мошенничеств в сфере компьютерной информации // Академическая мысль. 2019. № 3 (8). С. 71–73.

4. Иванов В. Ю. К вопросу о классификации электронно-цифровых следов // Национальная безопасность. 2020. № 3. С. 64–70.

5. Переверзева Е. С., Комов А. В. Виртуальные и цифровые следы: новый подход в понимании // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2021. № 1(89). С. 172–178.

6. Телешина Н. Н. Виртуальное пространство как новая юридическая конструкция: к постановке проблемы // Юридическая техника. 2013. Ч. 2, № 7. С. 740–747.

УДК 343.13

Сидоренко Марина Александровна

студент, Владивостокский государственный университет

г. Владивосток, Российская Федерация

marina14.01.98@mail.ru

Верещагина Алла Васильевна

кандидат юридических наук, доцент

Владивостокский государственный университет

г. Владивосток, Российская Федерация

vereschagina_alla@mail.ru

Временное отстранение от должности в уголовно-процессуальном законодательстве государств постсоветского пространства

Аннотация: В статье рассматриваются исторические аспекты временного отстранения от должности в государствах постсоветского пространства, а также практическое применение временного отстранения от должности в уголовно-процессуальном законодательстве государств постсоветского пространства.

Ключевые слова: Уголовно-процессуальный кодекс, временное отстранение от должности, уголовно-процессуальное принуждение, должностное лицо, законодательство, государство.

Sidorenko Marina Alexandrovna

student, Vladivostok State University

Vladivostok, Russian Federation

Vereshchagina Alla Vasilyevna

candidate of law, associate professor

Vladivostok State University

Vladivostok, Russian Federation

Temporary suspension from office in the criminal procedure legislation of the post-Soviet States

Annotation: The article examines the historical aspects of temporary removal from office in the post-Soviet states, as well as the practical application of temporary removal from office in the criminal procedure legislation of the post-Soviet states.

Keywords: Code of Criminal Procedure, temporary suspension from office, criminal procedural coercion, official, legislation, the state.

Временное отстранение от должности в уголовном процессуальном законодательстве представляет собой процессуальную меру, которая запрещает подозреваемому или обвиняемому выполнять свои служебные обязанности во время предварительного расследования и судебного разбирательства уголовного дела. Эта мера применяется к лицам, занимающим должности в государственных или частных учреждениях и обладающими особенностями должностного лица. Однако она не может быть применена к другим участникам уголовного процесса [6].

В соответствии с частью 1 статьи 42 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» [2] и частью 2 статьи 29 Федерального закона «О Следственном комитете Российской Федерации» [4], прокуроры и сотрудники Следственного комитета Российской Федерации, в отношении которых возбуждены уголовные дела, должны быть временно отстранены от должности. Также, согласно пункту 1 части 1 статьи 73 Федерального закона «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», сотрудники органов внутренних дел, в отношении которых применена мера пресечения в виде заключения под стражу или домашнего ареста, также должны быть временно отстранены от должности [3].

Таким образом, временное отстранение от должности может быть применено к работникам любых органов, предприятий и организаций, независимо от формы собственности, организационно-правовой формы и занимаемой должности. Сотрудники правоохранительных органов могут временно отстраняться от должности не только в порядке, предусмотренном статьей 114 УПК РФ, но и на основании предписаний, содержащихся в специальных законах, регулирующих особенности прохождения службы в том или ином ведомстве.

Генезис института временного отстранения от должности коренится в древних цивилизациях. В греческих полисах, Древнем Риме, Китайской империи и др. существовали различные формы временного отстранения от власти.

Например, в Древнем Риме политические деятели могли быть отстранены от должности через процедуру, применявшуюся римским сенатом, которая называлась «*interdictum*». Это можно считать формой временного отстранения от должности, применяемого к общественными деятелями.

Подобные приемы существовали в Китайской империи. При этом при отстранении от должности император мог назначить родственника на временно освободившуюся должность, чтобы обеспечить непрерывность управления, а также чтобы контролировать и ограничивать власть конкретного чиновника.

В средневековой Европе временное отстранение от должности применялось в процессе «политических битв». Короли могли временно отстранять своих подчиненных от должности [1, с. 233–248].

В советское время временное отстранение от должности часто применялось как средство воздействия на управленцев и контроля за их деятельностью. Оно могло быть использовано в качестве наказания за нарушение дисциплины, некомпетентность или политическую незрелость. Также временное отстранение от должности применялось при политических репрессиях.

Основу современного уголовно-процессуального института временного отстранения от должности в государствах постсоветского пространства составляет нормативная модель, закреплённая в советском уголовно-процессуальном законодательстве. Развитие законодательства о временном отстранении от должности в постсоветский период происходило без четкой научной концепции. Это способствовало усмотрению в правоприменении, что всегда соответствовало истинному замыслу законодателя.

Развитие в постсоветский период оригинального уголовно-процессуального законодательства не могло не отразиться на регламентации рассматриваемого института, хотя общность нормативного содержания присутствует.

Законодательство Российской Федерации и Республики Казахстан наиболее схоже в регулировании рассматриваемых вопросов. В Республике Казахстан, подобно России, временное отстранение от должности является одной из мер уголовно-процессуального принуждения.

Однако в статье 159 УПК Республики Казахстан более четко сформулированы основания для применения временного отстранения от должности: «...достаточные основания полагать, что, оставаясь на этой должности...» лицо «...будет препятствовать расследованию и разбирательству дела в суде, возмещению причиненного преступлением ущерба или продолжать заниматься преступной деятельностью, связанной с пребыванием на этой должности».

Существенным различием является возможность применения рассматриваемой меры принуждения «органом, ведущим уголовный процесс», без получения судебного решения. Подобные положения есть в законодательстве Республики Беларусь и Республики Армения, хотя существуют некоторые частные особенности.

Например, в Республике Армения данная мера называется «Временное прекращение занятия должности» (статья 152 УПК РА) и относится, как и в России, к числу других мер процессуального принуждения.

Согласно законодательству Азербайджанской Республики, временное отстранение от должности (именно так называется данная мера процессуального принуждения) является одной из мер пресечения. В статье 154 УПК Азербайджанской Республики, она упоминается в списке мер пресечения, таких как арест, домашний арест, подписка о невыезде, передача под надзор полиции и другие. На первый взгляд, такой подход позволяет предположить, что отстранение от должности применяется как «обычная» мера пресечения. Однако азербайджанский законодатель делит все меры пресечения на основные и дополнительные, и отмечает: «Отстранение от должности может быть избрано как в ка-

честве основной меры пресечения, так и в качестве дополнения к одной из других мер пресечения» (статья 154.4 УПК АР) [7, с. 590]. При этом применение как основных, так и дополнительных мер пресечения имеет единое основание: достаточные данные полагать, что подозреваемый или обвиняемый совершил одно из перечисленных в законе действий (статья 155 УПК АР). Более того, закон содержит общие положения, которые должны соблюдаться при применении любой меры пресечения, включая отстранение от должности (статьи 156, 173, 174, 175 УПК АР). Наличие таких норм общего характера представляет определенные преимущества с точки зрения юридической техники.

Существуют также другие тонкости нормативного регулирования рассматриваемой меры принуждения. В отличие от российского законодательства, УПК Азербайджанской Республики уточняет, что отстранение от должности заключается в запрете подозреваемым или обвиняемым заниматься исполнением обязанностей по занимаемой должности (статья 172). Также стоит отметить, что азербайджанский законодатель предусмотрел возможность более широкого толкования термина «должность» в контексте данной меры процессуального принуждения.

Таким образом, особенностями нормативной модели временного отстранения от должности в УПК АР являются 1) принятие решения о ее применении судом по собственной инициативе или ходатайству следователя, или представлению прокурора (статья 156 УПК АР); 2) возможность краткосрочного (до трех дней) отстранения от должности прокурором (статья 172 УПК АР). На более длительный срок отстранение от должности, повторимся возможно только по решению суда [5, с. 478].

Подобная концепция используется в законодательстве Латвийской Республики. Этот метод принуждения называется «запрет на определенные занятия». Согласно статье 243 УПК Латвийской Республики (далее – УПК ЛР), данная мера также включена в список мер пресечения. Есть несколько норм, которые устанавливают общие правила применения этих мер (статьи 244, 245, 246, 249 УПК ЛР). Однако само законодательство об этой мере принуждения довольно достаточно лаконично.

Таким образом, при наличии общей сложившейся в советский период нормативной основы регламентации временного отстранения от должности в уголовно-процессуальном законодательстве государств постсоветского пространства появились новые подходы к легальному содержанию рассматриваемого института.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Морозов В. И., Лосев С. Г., Чукреев А. А. Эволюция понятия должностного лица в отечественном законодательстве: проблемы и перспективы // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2022. Т. 8, № 1(29). С. 233–248.

2. О прокуратуре Российской Федерации : Федеральный закон от 17.01.1992 № 2202-1 (ред. от 25.12.2023). URL: <https://www.consultant.ru/>

document/cons_doc_LAW_262/2584c35c142ad9bba64f4f2aedf2c2e58f5f0086/ (дата обращения: 07.02.2024).

3. О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : Федеральный закон от 30.11.2011 № 342-ФЗ (ред. от 04.08.2023, с изм. от 12.10.2023) URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_122329/59581b4cdd7de1dd03f2cf7b87d78b0bc1dff664/ (дата обращения: 07.02.2024).

4. О Следственном комитете Российской Федерации. Федеральный закон от 28.12.2010 № 403-ФЗ (ред. от 27.11.2023) // СПС «Консультант Плюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_108565/019eea665257980aca04050c9f33da30f551c857/ (дата обращения: 07.02.2024).

5. Познышев С. В. Особенная часть русского уголовного права. Сравнительный очерк важнейших отделов особенной части старого и нового Уложений: монография. М. : Тип. В. М. Саблина, 2019. 478 с.

6. Прокурор Разъясняет. Прокуратура Санкт Петербурга. URL https://erp.genproc.gov.ru/web/proc_78/activity/legaleducation/explain?item=25277862 (дата обращения: 11.02.2024).

7. Шахриманьян И. К. Уголовное право России. Части Общая и Особенная : учебник. М. : Проспект, 2019. 590 с.

УДК 349.6

Николаева Валерия Геннадьевна

студент, Владивостокский государственный университет

г. Владивосток, Российская Федерация

Valeria.Nikolaeva@vvsu.ru

Верещагина Алла Васильевна

кандидат юридических наук, доцент

Владивостокский государственный университет

г. Владивосток, Российская Федерация

alla.vereschagina@vvsu.ru

**Применение насилия в отношении представителя власти
(ст. 318 УК РФ)**

Аннотация: В статье рассматриваются нормы уголовного права российского законодательства в области применения насилия в отношении представителя власти (ст. 318 УК РФ). Рассмотрены проблемы объективной и субъективной стороны преступления, проанализированы случаи из судебной практики по необоснованной квалификации применения насилия к представителю власти по общей норме при наличии признаков преступления, предусмотренного ст. 296 УК РФ.

Ключевые слова: насилие, должностное лицо, представитель власти, преступление, угроза жизни.

Nikolaeva Valeria Gennadievna
student, Vladivostok State University
Vladivostok, Russian Federation
Vereshchagina Alla Vasilievna
candidate of law, associate professor
Vladivostok State University
Vladivostok, Russian Federation

Use of violence against a government official (Article 318 of the Criminal Code of the Russian Federation)

***Annotation:** The article examines the norms of criminal law of Russian legislation in the field of the use of violence against a representative of government (Article 318 of the Criminal Code of the Russian Federation). The problems of the objective and subjective side of the crime are considered, cases from judicial practice are analyzed on the unreasonable qualification of the use of violence against a government official according to the general norm in the presence of signs of a crime under Art. 296 of the Criminal Code of the Russian Federation.*

***Keywords:** violence, official, government representative, crime, threat to life.*

Изучение состава преступления, предусмотренного ст. 318 УК РФ «Применение насилия в отношении представителя власти» является актуальным в силу наличия смежных составов, что вызывает трудности правоприменения.

В качестве представителя власти выступает должностное лицо государственного правоохранительного или контролирующего органа, а также должностное лицо иного государственного органа, которое наделено в определенном законом порядке распорядительными компетенциями в отношении лиц, которые не находились от него в служебной зависимости. Объект преступления, предусмотренного статьей 318 УК РФ двухобъектный: основным непосредственным объектом преступлений против телесной неприкосновенности и здоровья представителя власти считаются общественные отношения, которые складываются в связи с исполнением установленного законодательством Российской Федерации порядка управления; дополнительным непосредственным объектом исследуемых преступных деяний следует признать общественные отношения, которые обеспечивают здоровье, честь и достоинство личности.

Объективная сторона преступного деяния выражена в альтернативных действиях: угрозе или насильственных действиях.

Субъектом преступного деяния по статье 318 УК РФ, может быть любое лицо, которое психически здорово и которое достигло возраста 16 лет.

Субъективная сторона преступного деяния, предусмотренного статьей 318 УК РФ включает в себя умысел или неосторожность. Умысел означает, что лицо совершает преступление с предварительным намерением, осознавая характер и общественно опасные последствия своих действий. Неосторожность, с другой стороны, означает, что лицо не предвидело возможных последствий своих действий, но должно было их предвидеть и предотвратить.

Одной из проблем является доказывание субъективной стороны преступления. Имели ли место умысел или неосторожность, а также мотив и цель, яв-

ляющиеся важными составляющими субъективной стороны преступления, предусмотренного ст. 318 УК РФ, поскольку они характеризуют побуждения виновного и тот результат, которого он стремится достичь в результате совершения преступления. Если причина совершения преступления не связана с выполнением служебных обязанностей потерпевшего и отсутствуют все элементы преступления, предусмотренного ст. 318 УК РФ, то нет оснований для уголовного преследования.

В пункте 19 Постановления 14 Пленума Верховного Суда РФ от 01.06.2023 № 14 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях, предусмотренных статьями 317, 318, 319 Уголовного кодекса Российской Федерации»: справедливо подчеркивается, что применение насилия, угрозы убийством или причинение вреда здоровью представителю власти или его близким в связи с исполнением им служебных обязанностей по рассмотрению дел или материалов в суде, проведению предварительного расследования или исполнению приговора, судебного решения или иного судебного акта квалифицируется как преступление, предусмотренное статьей 296 УК РФ [1]. Из этого следует, что ст. 318 и 296 УК РФ соотносятся как общая и специальная нормы, несмотря на то, что санкции за угрозу применения насилия и за применение насилия, опасного для жизни или здоровья, более строгие в ст. 318 УК РФ. Иногда неоправданно применялась общая норма о применении насилия к представителю власти, когда были признаки преступления, описанного в статье 296 УК РФ. Так, Е., будучи недовольным процессом рассмотрения судьей его исковых заявлений, собственноручно выполнил на листке бумаги адресованные судье Канского городского суда Красноярского края рукописный текст и изображение могильного холмика с крестом. Следствие по уголовному делу установило, что в этих записях содержалась негативная оценка судьи, а также вербальная агрессия в форме угрозы в адрес судьи. Текст также содержал негативные комментарии, адресованные конкретному лицу, которое было обозначено как «Судья ФИО13». Эти комментарии выражены с использованием ненормативной лексики и ругательств, представляющих прямую угрозу насилия, включая физическое уничтожение в отношении судьи. Судебное следствие признало, что Е. совершил преступление, предусмотренное частью 1 статьи 318 УК РФ. Однако суд кассационной инстанции обоснованно изменил квалификацию действий осужденного на преступление, предусмотренное частью 1 статьи 296 УК РФ [2].

В приведенном примере имеет место перекалфикация на норму о менее тяжком преступлении. Намного сложнее исправить ошибку, когда речь идет о применении насилия, не опасного для жизни или здоровья, ввиду уже отмеченных особенностей этих двух статей. Так, подсудимый М. Е. во время судебного заседания бросил в государственного обвинителя И. бутылку с водой, причинив ей боль. Следствие ошибочно классифицировало действия М. Е. в соответствии с частью 1 статьи 318 УК РФ, так как они на самом деле подпадали под специальное положение, описанное в части 3 статьи 296 УК РФ. Однако имеющийся запрет на поворот к худшему не позволил изменить квалификацию [3].

Описанные выше ошибки показывают, насколько важно правильно разграничивать составы преступлений, предусмотренных ст. 296 и 318 УК РФ. Их различие заключается в объекте преступления, в специальном статусе потерпевшего, в содержании угроз. Рассмотрим эти различия более детально.

Различие объектов преступления. Обе статьи являются частью механизма правовой защиты лиц, указанных в п. 2 ст. 3 Федерального закона от 20.04.1995 № 45-ФЗ «О государственной защите судей, должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов» [4]. Если человек применяет насилие или угрожает насилием в отношении таких лиц, он не только нарушает интересы государственной власти, но и нарушает их личные права, унижая их достоинство и нанося физическую боль или вред здоровью. Уголовно-правовые запреты этих статей направлены на защиту нескольких объектов. Различаются в них видовые объекты. Преступное деяние, которое предусмотрено ст. 318 УК РФ, относится к преступлениям против порядка управления, а преступление, предусмотренное ст. 296 УК РФ, – к преступлениям против правосудия.

Проблема возникает, когда существует угроза физической расправой в отношении судьи, прокурора или следователя, но нет состава преступления, предусмотренного статьей 296 УК РФ. В качестве примера можно привести угрозу похищением ребенка или изнасилованием в отместку за вынесенное решение. Такие угрозы не менее серьезны, чем угроза повреждения автомобиля потерпевшего, но они не были учтены в статье 296 УК РФ. Статья 318 УК РФ в этом смысле сформулирована лучше. В ней расширен перечень угроз, включая угрозу применения насилия. Поэтому, в некоторых случаях квалификация по статье 318 УК РФ может быть «запасным вариантом» квалификации угроз, не подпадающих под действие статьи 296 УК РФ. Если такая угроза высказывается в адрес судьи, прокурора или следователя, она наносит ущерб интересам правосудия. Однако для квалификации данного деяния, придется использовать положения статьи 318 УК РФ, которая относится к преступлениям против порядка управления, благо примечание к этой статье это позволяет, видовым объектом преступления придется пренебречь.

Насколько это критично? Некоторые последние изменения УК РФ показывают, что в его Особенной части становится все больше статей, содержание которых расходится с названием глав и разделов, в которых они размещены. Проблема усматривается в неточности классификации объектов преступных посягательств. В судебных актах можно найти немало решений, в которых посягательство на представителя власти, проходящего службу в правоохранительных органах, квалифицируется как преступное деяние против порядка управления. Например, оскорбление следователя Следственного комитета РФ и высказывание в его адрес угрозы применения насилия влечет уголовную ответственность по совокупности ст. 319 и 296 УК РФ. В нормах статей 296 и 318 УК РФ очевидно различие статусов потерпевших. Согласно ст. 318 УК РФ, представителями власти считаются: должностные лица правоохранительных или контролирующих органов; другие должностные лица, наделенные распорядительными полномочиями в отношении лиц, не подчиненных им по службе; близкие родственники указанных лиц. В специальной норме – судья, присяж-

ный заседатель или иное лицо, участвующее в отправлении правосудия (ч. 1 ст. 296 УК РФ), прокурор, следователь, лицо, которое осуществляет дознание, защитник, эксперт, специалист, сотрудник органов принудительного исполнения РФ (ч. 2 ст. 296 УК РФ) и их близкие. В пункте 24 Постановления Пленума Верховного Суда РФ № 14 разъяснено, что по статье 318 УК РФ как одно преступное деяние необходимо квалифицировать действия в отношении одного, двух или более потерпевших, указанных в этой статье, если такие действия исполнены одновременно либо с незначительным разрывом во времени, но были охвачены единым умыслом лица, и при этом ни за одно из этих действий оно ранее не было осуждено. Аналогично применяется и ст. 296 УК РФ. Однако поскольку правоохранительная деятельность и судопроизводство тесно связаны, не исключены случаи, когда угроза одновременно высказывается в адрес нескольких потерпевших, обладающих различным статусом. Причем преступник действует с единым умыслом – избежать уголовной ответственности. Содеянное квалифицируется по совокупности ст. 296 и 318 УК РФ. Примером может служить квалификация по делу «П», которому вменили деяния, предусмотренные ч.2 ст. 296 и ч. 1 ст. 318 УК РФ за то, что он оскорблял следователей и оперуполномоченного при составлении протокола задержания, высказывал в их адрес угрозы и т. п. [5]. Очень важным для разграничения рассматриваемых составов является различное содержание угроз. В ст. 296 УК РФ – это угроза убийством, причинением вреда здоровью, уничтожением или повреждением имущества. В ст. 318 УК РФ – угроза применения насилия. С одной стороны, содержание угроз в ст. 296 УК РФ расширено, так как они включают в себя угрозу уничтожением или повреждением имущества. С другой стороны, сужено, поскольку угрожаемое насилие ограничено убийством и причинением вреда здоровью, в то время как ч. 1 ст. 318 УК РФ предусматривает ответственность за угрозу применения любого насилия. Это может быть угроза похищения человека, незаконного лишения свободы, применения сексуального насилия. В этой связи допущенная одним из судов квалификация по ч. 1 ст. 296 УК РФ вместо ч. 1 ст. 318 УК РФ может быть оценена как неверная, поскольку подсудимый направлял письма, в которых содержалась угроза сексуального насилия [6].

Таким образом, сложность разграничения объектов уголовно-правовой защиты в нормах статей 296 и 318 УК РФ предопределяет сложности правоприменения и делает желательной уточнение содержания уголовно-правовых запретов.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях, предусмотренных статьями 317, 318, 319 Уголовного кодекса Российской Федерации : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 01.06.2023 № 14. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_448841/ (дата обращения: 28.02.2024).

2. Определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 11.03.2020 № 77-289/2020. URL: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 28.02.2024).

3. Определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 23.07.2020 № 77-1308/2020. URL: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 28.02.2024).

4 О государственной защите судей, должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов : Федеральный закон от 20.04.1995 № 45-ФЗ (ред. от 25.12.2023). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_44467/ (дата обращения: 28.02.2024).

5 Определение Верховного Суда РФ от 25.10.2007 по делу № 33-007-32. URL: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 28.02.2024).

6 Определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 11.03.2020 № 77-289/2020. URL: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 28.02.2024).

УДК 347.965

Зуева Алина Александровна

студент, Челябинский государственный университет

г. Челябинск, Российская Федерация

allina_zueva_2003@mail.ru

Макашова Татьяна Павловна

старший преподаватель

Челябинский государственный университет

г. Челябинск, Российская Федерация

t.p.ish@mail.ru

К вопросу о допросе адвоката в качестве свидетеля

***Аннотация:** В статье рассматривается проблематика допроса адвоката в качестве свидетеля, анализируется правоприменительная практика в отношении данного вопроса. Вызов адвоката на допрос в качестве свидетеля является актуальной темой для обсуждения. Анализ судебной практики и рассуждений ученых-процессуалистов позволяют сделать вывод о том, что вопрос о допуске адвоката в качестве свидетеля до сих пор остается нерешенным. Несмотря на императивные нормы права УПК РФ, процессуальные нарушения, допущенные в отношении правового статуса адвоката как судом, так и органами предварительного расследования при осуществлении ими профессиональной деятельности, все же имеют место быть.*

***Ключевые слова:** адвокат, допрос, свидетель, нарушение процессуальных прав, адвокатская тайна.*

Zueva Alina Alexandrovna

student, Chelyabinsk State University
Chelyabinsk, Russian Federation

Makashova Tatyana Pavlovna

senior lecturer, Chelyabinsk State University
Chelyabinsk, Russian Federation

On the question of questioning a lawyer as a witness

***Annotation:** The article examines the problems of questioning a lawyer as a witness, analyzes law enforcement practice in relation to this issue. Calling a lawyer for questioning as a witness is an urgent topic for discussion. An analysis of judicial practice and the arguments of procedural scientists allow us to conclude that the issue of admitting a lawyer as a witness still remains unresolved. Despite the mandatory norms of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, procedural violations committed in relation to the legal status of a lawyer by both the court and the preliminary investigation bodies in the exercise of their professional activities still take place.*

***Keywords:** lawyer, interrogation, witness, violation of procedural rights, attorney-client privilege.*

Ключевым моментом уголовно-процессуальной деятельности является собирание и получение доказательств по уголовному делу посредством проведения следственных действий. Законодателем установлен единый для всех граждан порядок производства следственных действий. Однако законодательством РФ (пп. 2 и 3 ч. 3 ст. 56 УПК РФ, ч. 2 ст. 8 ФЗ от 31.05.2002 № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации») предусмотрен запрет на производство определенных следственных действий в отношении адвоката.

Из смысла правовых норм УПК РФ целесообразно выделить категорию лиц, которые уже наделены не правом, а обязанностью отказаться от дачи показаний, поскольку в отношении них установлен запрет иметь процессуально-правовой статус свидетеля (ч. 3 ст. 56 УПК РФ). В данном случае речь идет об адвокате.

В доктринальных исследованиях данная тема получила широкое распространение. Н. А. Колоколов считает допрос адвоката недопустимым, отмечая, что «это презумпция, взлом которой уже преступление, ибо речь идет о посягательстве на конституционные принципы, такие как состязательный процесс и право на защиту» [2, с. 2].

Конституционный Суд РФ в своем Определении [5] отметил невозможность участия адвоката в качестве свидетеля, обусловленную обеспечением интересов доверителя, указав на то, что «информация о частной жизни, конфиденциально доверенная лицом в целях собственной защиты только адвокату, не будет вопреки воле этого лица использована в иных целях, в том числе как свидетельствование против него самого». К тому же УПК РФ презюмирует конфиденциальность любой полученной информации, поскольку не ограничивает адвокатскую тайну сроками и обстоятельствами ее получения.

Важно сказать, что правовой режим адвокатской тайны не будет распространять свое действие на отношения между адвокатом и его доверителем, которым присущи признаки противоправности. Конституционный Суд РФ в п. 18 Решения [4] разъяснил данное утверждение следующим образом: «режим адвокатской тайны неприменим к материалам, которые могут свидетельствовать о наличии в отношениях между адвокатом и его доверителем (или в связи с этими отношениями) признаков преступления, в том числе преступления против правосудия, к орудиям и предметам преступления, – иначе ставился бы под сомнение правомерный характер действий адвоката и его доверителя». А. Н. Кокотов считает, что «границы „зонтика“ конфиденциальности... могут определяться законодателем по-разному» [7]. Такие границы судья предлагает определить путем введения некоторых исключений: изъятие элементов адвокатского досье при обыске занимаемого адвокатом помещения, а также раскрытие адвокатом полученных им от своего доверителя сведений о готовящемся преступлении. При этом А. Н. Кокотов придерживается позиции, согласно которой адвокат все-таки не должен уведомлять уполномоченные органы о преступных действиях клиента, и, соответственно, выступать в качестве свидетеля. В противном случае, как верно отмечено судьей «адвокату надо закрывать, а адвокатов зачислять в штат органов следствия и дознания».

Судебной практике также известны случаи, когда суд удовлетворял ходатайства со стороны обвинения о допросе адвоката. Так, подсудимому А. М. Гаврилову было предъявлено обвинение в отсутствие защитника. Государственный обвинитель заявил ходатайство о вызове и допросе адвоката. Несмотря на возражения со стороны защиты, суд удовлетворил ходатайство, обосновав тем, что вопросы об обстоятельствах, ставших известными адвокату в связи с обращением к нему за юридической помощью, исследоваться не будут, а подлежит исследованию только процедура предъявления обвинения. Кроме того, Конституционный Суд РФ отметил, что выявленные адвокатом нарушения должны подлежать огласке в суде, что отвечает интересам доверителя, поэтому такие сведения не являются адвокатской тайной [6].

Вышеуказанный случай не единственный в судебной практике. Из Кассационного определения Судебной Коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 29 августа 2007 г. № 4-О07-73сп [1] следует, что адвокат В. была допрошена в судебном заседании в отсутствие присяжных заседателей при разрешении вопроса о допустимости протоколов следственных действий с ее участием, при этом сторонам была предоставлена возможность задать ей вопросы. Отсюда следует, что правоприменительная практика идет по пути возможного отступления от императивной нормы права, предусматривающей законодательный запрет допрашивать адвоката как свидетеля. Можно предположить, что в дальнейшем адвокатский иммунитет уже не будет рассматриваться как некая гарантия обеспечения защиты личной тайны.

Кроме того, определенные нарушения, которые были допущены в ходе досудебного производства и которые были замечены адвокатом, могут сыграть важную роль в выборе адвокатом тактики и построении линии защиты, в связи с чем доказательства, полученные с нарушениями требований процессуального

закон, будут признаны недопустимыми в пользу доверителя (стороны защиты). Так, весьма интересно представлена ситуация, описанная в Постановлении Президиума Верховного Суда РФ от 7 июня 2006 г. № 71-П06 [9]. Дело коснулось адвоката А., в отношении которого было вынесено частное постановление Пермским областным судом за дачу ложных показаний в судебном заседании, в результате чего ставился вопрос о лишении его права заниматься адвокатской деятельностью. За основу в постановлении был взят факт сообщения подозреваемым Измайловым Б. (доверителем) адвокату о применении к нему перед допросом насильственных действий в ходе следствия, на что адвокат А. не указал на это в протоколе допроса. Непосредственно в судебном заседании адвокат А. ссылаясь на незаконное ведение следствия, обосновывая отсутствие своих замечаний в ходе допроса тем, что жизни его доверителя угрожала опасность. Однако суд признал такое заявление неубедительным, обосновав следующим: «адвокат А. ... стремился опорочить законные следственные действия... чтобы путем признания их недопустимыми помочь Измайлову Б. избежать уголовной ответственности за содеянное». Противоположную позицию по делу высказал Президиум Верховного Суда РФ и поставил точку в данном вопросе, указав, что: во-первых, адвокат обладает «свидетельским иммунитетом», а, во-вторых, «в соответствии с пп. 2 и 3 ч. 3 ст. 56 УПК РФ адвокат А. не подлежал допросу в качестве свидетеля об обстоятельствах, ставших ему известными в связи с обращением к нему за юридической помощью или в связи с ее оказанием». Тем самым Президиум ВС РФ указал на нарушение процессуальных прав адвоката и признал выводы суда о даче ложных показаний адвокатом А. не отвечающим требованиям законности.

Таким образом, вопрос о допуске адвоката в качестве свидетеля до сих пор остается в том положении, при котором нет единообразного выработанного решения. Чтобы исключить случаи нарушения прав адвокатов, необходимо обозначить несколько постулатов:

1) в силу ч. 1 ст. 8 Закона об адвокатуре [3] «адвокатской тайной являются любые сведения, связанные с оказанием адвокатом юридической помощи своему доверителю»;

2) адвокат не может быть вызван и допрошен в качестве свидетеля об обстоятельствах, ставших ему известными в связи с обращением к нему за юридической помощью или в связи с ее оказанием (ч. 2 ст. 8 Закона об адвокатуре);

3) адвокат не вправе давать свидетельские показания об обстоятельствах, которые стали ему известны в связи с исполнением профессиональных обязанностей (ч. 6 ст. 6 Кодекса профессиональной этики адвоката).

Поскольку в правоприменительной практике участились допросы адвокатов, Советом Адвокатской палаты города Москвы были предприняты попытки воспрепятствовать такой тенденции, что выразилось в принятии Рекомендаций по защите прав адвокатов о действиях адвокатов при их вызовах на допросы в следственные органы, органы дознания и в суды [8]. Принятие подобных рекомендаций еще раз свидетельствует о том, что активно нарушаются права адвокатов, а потому наблюдается значительная трансформация ныне действующей

шего законодательства и выход за рамки закона. Представляется, что четкое следование данным разработкам и согласованность рекомендованных действий адвоката приведет к безуспешным попыткам привлечь адвоката к участию в допросе со стороны органов предварительного расследования и суда. Кроме того, чтобы избежать вышеуказанных нарушений, необходимо привести практику к единообразию, обозначив возможность допрашивать адвоката только лишь по ходатайству стороны защиты и исключительно в интересах подозреваемого (обвиняемого).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 29 августа 2007 г. № 4-О07-73сп. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/1685068/> (дата обращения: 01.04.2024).

2. Колоколов Н. А. Вызов адвоката на допрос в качестве свидетеля: критерии законности / Н. А. Колоколов // Адвокатская практика. 2016. № 5. С. 3–7.

3. Федеральный закон от 31.05.2002 № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» : (ред. от 24.07.2023). URL : https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_36945/ (дата обращения: 01.04.2024).

4. Об утверждении обзора практики Конституционного Суда Российской Федерации за второй и третий кварталы 2016 года : Решение Конституционного Суда РФ от 10.11.2016. URL: <http://www.ksrf.ru/ru/Decision/Pages/default.aspx> (дата обращения: 02.04.2024).

5. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Плетнева Дмитрия Александровича на нарушение его конституционных прав частями второй и третьей статьи 56 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : Определение Конституционного Суда РФ от 06.06.2016 № 1232-О. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71336124/> (дата обращения: 01.04.2024).

6. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Гаврилова Александра Михайловича на нарушение его конституционных прав пунктом 3 части третьей статьи 56 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : Определение Конституционного Суда РФ от 16 июля 2009 г. № 970-О-О. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/1692653/> (дата обращения: 02.04.2024).

7. Определение Конституционного Суда РФ от 06.07.2000 № 128-О «По жалобе гражданина Паршуткина Виктора Васильевича на нарушение его конституционных прав и свобод пунктом 1 части второй статьи 72 УПК РСФСР и статьями 15 и 16 Положения об адвокатуре РСФСР» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2000. № 33. Ст. 3433.

8. Рекомендации Комиссии Совета Адвокатской палаты города Москвы (утв. Решением Комиссии Совета Адвокатской палаты города Москвы по защите прав адвокатов от 25 ноября 2022 г.) «По защите прав адвокатов о действиях адвокатов при их вызовах на допросы в следственные органы, органы дознания

и в суды». URL: <https://www.advokatymoscow.ru/advocate/activity/info/11336/> (дата обращения: 02.04.2024).

9. Частное постановление суда в отношении адвоката признано необоснованным : постановление Президиума Верховного Суда РФ от 7 июня 2006 г. № 71-П06 (Извлечение) // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2007. № 7.

УДК 343.151

Иванова Елена Сергеевна

магистрант, Государственный университет управления
Москва, Российская Федерация
eivanova.30@mail.ru

Кузьмина Екатерина Николаевна

помощник судьи Костромского областного суда,
старший преподаватель Костромской государственной
Кострома, Российская Федерация
ek.kuzmina@mail.ru

Вынесение судами частных постановлений (определений) по уголовным делам по ходатайствам государственных обвинителей

Аннотация: В статье рассматриваются вопросы вынесения судами частных постановлений (определений) по уголовным делам, определяются цели вынесения и существенные признаки частных постановлений (определений). Раскрываются полномочия государственных обвинителей по заявлению ходатайств о вынесении частных постановлений (определений) в случаях выявления при производстве по уголовным делам обстоятельств, способствовавших совершению преступлений.

Ключевые слова: уголовно-процессуальное законодательство, уголовное судопроизводство, судебное решение, частное постановление (определение), государственный обвинитель.

Ivanova Elena Sergeevna

undergraduate, State University Of Management
Moscow, Russian Federation

Kuzmina Ekaterina Nikolaevna

assistant judge of the Kostroma regional court
senior lecturer, Kostroma State University
Kostroma, Russian Federation

The issue of making private judgments (definitions) in criminal cases by the courts at the request of public prosecutors

Annotation: The article discusses the issues of making private judgments (definitions) in criminal cases by the courts, defines the purposes of making and the essential features of private

judgments (definitions). The powers of public prosecutors on the application of petitions for the issuance of private rulings (definitions) in cases of identification of circumstances that contributed to the commission of crimes during criminal proceedings are disclosed.

Keywords: *criminal procedure legislation, criminal proceedings, judicial decision, private resolution (definition), public prosecutor.*

Современное уголовно-процессуальное законодательство предусматривает правовые механизмы, направленные на устранение причин и условий, способствовавших совершению преступлений, а также пресечение нарушений закона, выявленных в ходе судебного разбирательства [1, с. 23].

В соответствии с ч. 4 ст. 29 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ), если при судебном рассмотрении уголовного дела будут выявлены обстоятельства, способствовавшие совершению преступления, нарушения прав и свобод граждан, а также другие нарушения закона, допущенные при производстве дознания, предварительного следствия или при рассмотрении уголовного дела нижестоящим судом, то суд вправе вынести частное определение или постановление, в котором обращается внимание соответствующих организаций и должностных лиц на данные обстоятельства и факты нарушений закона, требующие принятия необходимых мер [9]. Частное определение (постановление) может сопутствовать любому решению суда – суд вправе вынести частное определение или постановление во всех случаях, если признает это необходимым.

В. Р. Ярцев и А. А. Акопян выделяют такие цели частного постановления (определения) как:

- устранение конкретных нарушений, а также предупреждение их совершения в дальнейшем, выявление обстоятельств, способствующих противоправному поведению;
- установление судом обстоятельств, способствующих совершению преступления;
- обращение внимания должностных лиц на необходимость принятия надлежащих мер для ликвидации выявленных причин и условий совершения преступления;
- реагирование на факты пренебрежения законом;
- реагирование на недостатки предварительного расследования, укрепления законности, предупреждения правонарушений, формирования уважительного отношения к закону и суду [12, с. 129–130].

К. В. Стрельникова, рассматривая правовую сущность частных определений (постановлений), выделяет пять их специфических признаков:

- постановление выносится в рамках конкретного дела по основаниям, не затрагивающим главный вопрос уголовного судопроизводства;
- полная дискреционность инициации вынесения, т. е. исключительно суд по собственной инициативе полномочен принимать решение о необходимости вынесения частного постановления (определения);
- особая процессуальная форма в виде отдельного акта;

– свобода обжалования в вышестоящем суде, независимо от обжалования итогового решения по делу;

– отдельная процедура исполнения выдвигаемых требований суда [8 . 259].

Частное постановление (определение) выносится в виде отдельного документа, и, как правило, одновременно с окончательно разрешающим уголовное дело решением. В нем должны быть указаны установленные судом нарушения закона и лица, допустившие эти нарушения, а также приведены данные, на которых основаны выводы суда. Частное постановление (определение) выносится не при любом нарушении закона, допущенном нижестоящим судом, а только в случаях, если подобные нарушения требуют принятия необходимых мер, при этом в нем и должны быть изложены предлагаемые меры [4].

Если с учетом характера выявленных фактов требуется принятие неотложных мер к их устранению, частное постановление может быть вынесено и на более ранней стадии судебного процесса. При этом не могут предрешаться выводы по вопросам, подлежащим разрешению судом при вынесении завершающего по делу процессуального решения.

В соответствии с разъяснениями, содержащимися в п. 4 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 01.09.1987 № 5 (ред. от 06.02.2007) «О повышении роли судов в выполнении требований закона, направленных на выявление обстоятельств, способствовавших совершению преступлений и других правонарушений», вопрос о целесообразности оглашения частного определения в судебном заседании решается судом. Однако во всяком случае суд объявляет, что по делу вынесено частное определение, о чем делается запись в протоколе судебного заседания [3].

Частное постановление (определение) суда вступает в законную силу по истечении срока на его обжалование. В случае принесения апелляционного представления (жалобы) такое постановление вступает в законную силу после рассмотрения дела вышестоящим судом, если оно не будет им отменено.

Частное постановление (определение) суда носят обязательный характер. Тот, кому оно адресовано, обязан в месячный срок рассмотреть его и сообщить суду о принятых мерах.

Статистические данные показывают, что за последние три года на 2,5 % снизилось количество частных определений (постановлений), вынесенных судами общей юрисдикции при рассмотрении уголовных дел по первой инстанции. Так, если в 2021 было вынесено 11 051 частных определений (постановлений), то в 2022 году – 10 834, а в 2023 году – 10 779 [5; 6; 7]. При этом чуть более трети таких частных определений (постановлений) выносятся в связи с выявлением обстоятельств, способствующих совершению преступлений и треть частных определений (постановлений) – по вопросам, связанным с нарушением закона в стадии дознания и следствия.

Соотношения вынесенных частных постановлений (определений) и окончанных уголовных дел представлены следующими показателями: 2021 год – 1,43 %, 2022 год – 1,40 %, 2023 год – 1,48 %. Как видно из представленных показателей, суды достаточно редко прибегают к вынесению частных постановлений (определений) как профилактической мере, направленной на предупреждение совершения преступлений, исключение случаев нарушения закона при производстве дознания, предварительного следствия и т. д.

В соответствии с ч. 1 ст. 37 УПК РФ прокурор является должностным лицом, уполномоченным в пределах своей компетенции, осуществлять от имени государства уголовное преследование в ходе уголовного судопроизводства, а также надзор за процессуальной деятельностью органов дознания и органов предварительного следствия [9]. Пункт 3.4 приказа Генерального прокурора Российской Федерации от 30.06.2021 № 376 «Об участии прокуроров в судебных стадиях уголовного судопроизводства» на государственных обвинителей возложена обязанность выявлять при производстве по уголовному делу обстоятельства, способствовавшие совершению преступления, а также в установленных законом случаях предлагать суду вынести частное определение (постановление) [2].

Прокурорами принимаются меры по исполнению указанных требований, установлению таких обстоятельств и заявлению соответствующих ходатайств. К примеру, при рассмотрении в 2023 году Костромским районным судом Костромской области уголовного дела по обвинению Г. в совершении в несовершеннолетнем возрасте преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 111 УК РФ, было установлено, что продолжительное время сотрудники ОДН ОМВД России по Костромскому району (далее – ОДН ОМВД) и Комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав Администрации Костромского муниципального района (далее – Комиссии) профилактическую работу с несовершеннолетним Г. и его семьей не проводили, он не был поставлен на профилактический учет, в том числе после обращения в сентябре 2023 года учебного заведения, где числился Г., уполномоченный орган с информацией об оказании содействия в организации обучения несовершеннолетнего. В связи с тем, что именно отсутствие контроля со стороны органов и правонарушений системы профилактики безнадзорности несовершеннолетних за Г. явилось одним из условий совершения им особо тяжкого преступления, государственный обвинитель заявил ходатайство о вынесении частного постановления в адрес начальника ОМВД России по Костромскому району (далее – начальника ОМВД) и председателя Комиссии. Данное ходатайство судом признано обоснованным и удовлетворено. Суд постановил обратить внимание начальника ОМВД, председателя Комиссии на нарушение законодательства в сфере профилактики правонарушений несовершеннолетних и принять необходимые меры по повышению эффективности деятельности ОДН ОМВД и Комиссии по организации и проведению профилактической работы с несовершеннолетними [11].

Буйским районным судом Костромской области по ходатайству государственного обвинителя в мае 2023 года было вынесено частное постановление в адрес начальника МО МВД России «Буйский» по уголовному делу в отношении Т., признанного виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 105 УК РФ. В ходе рассмотрения данного дела было установлено, что Т. постоянного места жительства и регистрации не имел, освобожден из мест лишения свободы в феврале 2022 года по отбытии срока наказания, проживал у знакомого. В сентябре 2022 года в отношении Т. решением Буйского районного суда Костромской области установлен административный надзор сроком на один год, Т. не работал, злоупотреблял спиртными напитками, нарушал общественный порядок. Таким образом, ненадлежащее исполнение профессиональных обязанностей должностными лицами МО МВД России «Буйский» при осуществлении административного надзора за Т. способствовало совершению им убийства проживавшего по соседству потерпевшего Б. [10].

Вместе с тем, несмотря на имеющуюся практику вынесения судами частных постановлений (определений) по ходатайствам государственных обвинителей, число ходатайств прокуроров незначительно. Государственным обвинителям следует активизировать работу по выяснению в ходе рассмотрения дела обстоятельств, способствовавших совершению преступлений, и соответственно по заявлении таких ходатайств. В целях улучшения качества работы по заявлению ходатайство вынесении частных постановлений (определений) государственным обвинителям уже на стадии подготовки к судебному разбирательству и изучения материалов уголовного дела следует устанавливать нарушения закона и прав участников уголовного судопроизводства, допущенные органами предварительного расследования, органами профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних, другими органами и должностными лицами, являющиеся основаниями для вынесения частных постановлений (определений).

Кроме того, ходатайство о вынесении частного постановления (определения) в адрес того или иного органа, или должностного лица должно быть аргументированным, содержать указание на существо нарушений, нормы закона, которые были нарушены, а также на негативные последствия, которые данные нарушения повлекли. Наиболее верным представляется заявление таких ходатайств суду в письменной форме.

Таким образом, вынесение частных постановлений (определений) в адрес органа или должностного лица становится действенным инструментом по недопущению нарушений закона, прав и свобод граждан, в связи с чем работа государственных обвинителей на данном направлении имеет важное превентивное значение и должна далее активизироваться.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Козлов А. С. Роль прокурора в реализации судами полномочий по вынесению частных постановлений и определений // Законность. 2017. № 7. С. 23–24.

2. Об участии прокуроров в судебных стадиях уголовного судопроизводства : Приказ Генеральной прокуратуры России от 30.06.2021 № 376 : текст с изм. и доп. на 13 декабря 2023 года. URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 25.04.2024).

3. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 01.09.1987 № 5 «О повышении роли судов в выполнении требований закона, направленных на выявление обстоятельств, способствовавших совершению преступлений и других правонарушений» : текст с изм. и доп. на 2 февраля 2007 года. URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 25.04.2024).

4. Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 19.08.2021 № 18-УД21-45-К4. URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 25.04.2024).

5. Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел по первой инстанции за 2021 год // Судебный департамент при Верховном суде Российской Федерации : офиц. сайт. URL: <http://www.cdep.ru> (дата обращения: 25.04.2024).

6. Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел по первой инстанции за 2022 год // Судебный департамент при Верховном суде Российской Федерации : офиц. сайт. URL: <http://www.cdep.ru> (дата обращения: 25.04.2024).

7. Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел по первой инстанции за 2023 год // Судебный департамент при Верховном суде Российской Федерации : офиц. сайт. URL: <http://www.cdep.ru> (дата обращения: 25.04.2024).

8. Стрельникова К. В. О правовой сущности частных постановлений (определений) суда в современном уголовном судопроизводстве // Теория и практика общественного развития. 2023. № 8. С. 257–262.

9. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : текст с изм. и доп. на 22 апреля 2024 года : принят Государственной Думой 22 ноября 2001 года : одобрен Советом Федерации 5 декабря 2001 года // Официальный интернет-портал правовой информации. Информационно-правовая система «Законодательство России». URL: www.pravo.gov.ru (дата обращения: 25.04.2024).

10. Частное постановление Буйского районного суда от 25.05.2023 №1-92/2023 // Архив Буйского районного суда Костромской области.

11. Частное постановление Костромского районного суда от 29.09.2023 №1-81/2023 // Архив Костромского районного суда Костромской области.

12. Ярцев Р. В., Акопян А. А. Частное определение (постановление) в системе судебных решений при осуществлении уголовного судопроизводства // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2022. № 1. С. 127–137.

УДК 343.54

Окунева Ольга Олеговна

магистрант, Костромской государственной университет

г. Кострома, Российская Федерация

stupnikova1998@mail.ru

Ганжа Наталья Владимировна

кандидат юридических наук, доцент

Костромской государственной университет

г. Кострома, Российская Федерация

nat_ganzha@mail.ru

Конструктивный признак объективной стороны преступления, предусмотренного ст. 157 УК РФ – «уважительная причина»

***Аннотация:** В статье рассматриваются нормы уголовного права российского законодательства, предусматривающие ответственность за уклонение от уплаты алиментов. Уделяется внимание конструктивному признаку объективной стороны преступления по ст. 157 УК РФ – «уважительная причина». Проводится анализ норм российского права в части уважительных причин. Выводится теоретическое определение понятия «уважительная причина».*

***Ключевые слова:** неуплата алиментов по уважительной причине, анализ отраслей права по уважительным причинам, закрепление понятия на законодательном уровне.*

Okuneva Olga Olegovna

undergraduate

Kostroma State University

Kostroma, Russian Federation

Ganzha Natalya Vladimirovna

candidate of law, associate professor

Kostroma State University

Kostroma, Russian Federation

A constructive feature of the objective side of the crime provided for in Art. 157 of the Criminal Code of the Russian Federation – “good reason”

***Annotation:** The article examines the norms of criminal law in Russian legislation that provide for liability for evasion of alimony payments. Attention is paid to the constructive feature of the objective side of the crime under Art. 157 of the Criminal Code of the Russian Federation – “good reason”. An analysis of the norms of Russian law regarding valid reasons is carried out. A theoretical definition of the concept “good reason” is derived.*

***Keywords:** non-payment of alimony for a good reason, analysis of branches of law for good reasons, consolidation of the concept at the legislative level.*

Семейный кодекс РФ возлагает на родителей обязанность по содержанию своих несовершеннолетних, а также нетрудоспособных совершеннолетних де-

тей, нуждающихся в помощи [4, с. 21]. В свою очередь, статья 157 Уголовного кодекса Российской Федерации, предусматривает уголовную ответственность за уклонение от уплаты алиментов без уважительных причин [5, с. 164]. Именно «уважительная причина», а точнее ее отсутствие является конструктивным признаком объективной стороны по статье 157 УК РФ. Для установления факта неуплаты алиментов без уважительных причин, требуется зафиксировать, что алиментобязанное лицо «объективно имело возможность выплачивать алименты, однако осознанно не делало этого» [2, с. 9].

Итак, следует отметить, что на законодательном уровне отсутствует такое важное понятие, как «уважительная причина» в тексте Уголовного кодекса Российской Федерации. Полагаем, что данный пробел порождает огромное количество версий о том, какие же все-таки причины можно считать уважительными, а какие к таковым не относятся. Важность отсутствия законодательного закрепления данного определения отмечала и С. Р. Абрамова в своей работе: «Отдельные обстоятельства, подлежащие доказыванию и установлению по уголовным делам о неуплате средств на содержание детей или нетрудоспособных родителей» [1, с. 92].

Не имея четкой инструкции от законодателя, у правоприменителя возникают затруднения, так как законодатель, исключив одно оценочное понятие – «злостное уклонение», одновременно ввел другое – «без уважительных причин».

В постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 27.04.2021 № 6 «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при рассмотрении дел об административных правонарушениях, связанных с неуплатой средств на содержание детей или нетрудоспособных родителей», суд лишь указывает на некоторые варианты причин, которые можно считать «уважительными».

Итак, согласно указанному выше документу, уважительными причинами неуплаты алиментов могут быть признаны такие обстоятельства, как: «болезнь (нетрудоспособность) алиментобязанного лица [3, с. 6]. Данная «уважительная причина» вызывает недоумение, ведь если ребенок проживает с одним родителем, и вдруг этот родитель заболевает, это вовсе не означает, что он перестает кормить и одевать ребенка. Так почему алиментобязанный, который заболел освобождается от уплаты алиментов, а родитель, с которым ребенок проживает, продолжает нести обязанности по содержанию ребенка?

Так, например, в приговоре Привокзального районного суда г. Тулы (Тульская область) № 1-163/2023 от 28 сентября 2023 г. по делу № 1-163/2023 суд указал, на отсутствие у алиментобязанного лица уважительных причин для неуплаты алиментов, перечислив такие как: инвалидность, хроническое заболевание, препятствующее трудоустройству.

Следующая «уважительная причина» – это: «по вине других лиц, в частности в связи с невыплатой заработной платы работодателем, задержкой или неправильным перечислением банком сумм по алиментам». Если неуплата алиментов связана с виной других лиц, то алиментобязанное лицо не подлежит уголовной ответственности. Здесь снова возникает закономерный вопрос, как же быть второму родителю, с которым проживает ребенок? Ведь от задержки заработной платы или же вовсе ее невыплаты не застрахован никто. Так по-

чему же здесь снова тот родитель, с которым ребенок проживает будет продолжать содержать ребенка, а вот алиментнообязанный освобождается от этой обязанности и уголовной ответственности. Следующие причины указаны как «вследствие обстоятельств непреодолимой силы» и «ввиду прохождения лицом военной службы по призыву. Здесь снова возникает вопрос, ведь лицо, которое призывается на военную службу по призыву получает денежное довольствие, так почему же из этого денежного довольствия не будут удерживаться денежные средства в счет уплаты алиментов?

Так, в приговоре № 1-37/2023 от 19 июля 2023 г. по делу № 1-37/2023 Шигонского районного суда Самарской области указано, что: «Судом установлено, что у подсудимой не имелось каких-либо уважительных причин объективного характера для неуплаты средств на содержание ребенка в установленном судебным актом размере, возникших независимо от ее воли (например, в связи с болезнью (нетрудоспособностью); по вине других лиц, в частности в связи с невыплатой заработной платы работодателем, задержкой или неправильным перечислением банком сумм по алиментам; вследствие обстоятельств непреодолимой силы; ввиду прохождения лицом военной службы по призыву и т. д.». Данный приговор также подтверждает отнесение указанных выше причины к «уважительным».

Примеры «уважительных причин» находят свое закрепление в ряде нормативно правовых актах. Так, в соответствии с частью 2 статьи 112 Федерального закона от 2 октября 2007 г. № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» такими причинами, например, могут являться обстоятельства непреодолимой силы. А в статье 114 Семейного кодекса РФ – болезнь лица, с которого взыскивают алименты и другие.

При изучении законодательных актов и судебной практики, считаем необходимым выработать четкое определение для конструктивного признака «уважительная причина», при чем для определения рассматриваемой уголовно-правовой категории предлагаем использовать комбинированный подход.

Предлагаем, под конструктивным признаком объективной стороны составов преступлений, предусмотренных ст. 157 УК РФ, считать, что под «уважительной причиной» – следует понимать такие фактические обстоятельства, которые возникли не по воле алиментнообязанного лица, к которым следует относить случаи временной нетрудоспособности лица, образование задолженности по вине других лиц либо непреодолимой силы, или обстоятельства, наличие которых свидетельствует, что бездействие лица допущено при отсутствии объективной и реальной возможности уплаты данных средств. Более того, предлагаем закрепить данное определение в примечании к статье 157 УК РФ с целью четкого, ясного и единообразного подхода к данному конструктивному признаку объективной стороны.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Абрамова С. Р. Отдельные обстоятельства, подлежащие доказыванию и установлению по уголовным делам о неуплате средств на содержание детей или нетрудоспособных родителей. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/otdelnye>

obstoyatelstva-podlezhaschie-dokazyvaniyu-i-ustanovleniyu-po-ugolovnym-delam-ohneuplate-sredstv-na-soderzhanie-detey-ili/viewer (дата обращения: 30.03.2024).

2. Гагина Е. А. Уголовная ответственность за неуплату алиментов // Актуальные вопросы борьбы с преступлениями. 2016. № 4. С. 8–10.

3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.04.2021 № 6 «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при рассмотрении дел об административных правонарушениях, связанных с неуплатой средств на содержание детей или нетрудоспособных родителей» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 30.03.2024).

4. Российская Федерация. Законы. Семейный кодекс : текст с изм. и доп. на 19 декабря 2022 года : принят Государственной Думой 8 декабря 1995 года : одобрен Советом Федерации 29 декабря 1995 года // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: www.pravo.gov.ru (дата обращения: 28.03.2024).

5. Российская Федерация. Законы. Уголовный кодекс Российской Федерации : текст с изм. и доп. на 07 апреля 2020 года : принят Государственной Думой 24 мая 1996 года : одобрен Советом Федерации 5 июня 1996 года // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 30.03.2024).

УДК 347.451.03

Соловьев Владислав Олегович

магистрант, Костромской государственный университет
г. Кострома, Российская Федерация
nexi.vlad@gmail.com

Мельников Иван Николаевич

кандидат юридических наук, доцент
Костромской государственный университет
г. Кострома, Российская Федерация
melnikk44@gmail.com

Совершенствование правового регулирования в сфере дистанционных продаж товаров через Интернет

Аннотация: В статье рассматривается вопрос о правовом регулировании электронной торговли в Российской Федерации. Авторами приводятся данные, подтверждающие динамику роста рынка дистанционной торговли, а также выявляются проблемы и спорные моменты, возникающие между продавцами и покупателями. Особое внимание уделяется вопросам возврата товаров, приобретенных дистанционным способом. Авторы предлагают конкретные изменения в законодательстве для обеспечения защиты интересов потребителей.

Ключевые слова: дистанционная коммерция, электронная коммерция, права потребителей, возврат товаров, законодательство, спорные ситуации, злоупотребления, рынок дистанционной торговли, справедливость.

Solovyev Vladislav Olegovich

undergraduate, Kostroma State University

Kostroma, Russian Federation

Melnikov Ivan Nikolaevich

candidate of legal sciences, associate

professor, Kostroma State University

Kostroma, Russian Federation

Improving legal regulation in the field of distance sales of goods via the internet

Annotation: *The article discusses the issue of legal regulation of electronic commerce in the Russian Federation. The author's presents data confirming the dynamics of growth in the distance sales market, as well as identifies problems and contentious issues arising between sellers and buyers. Special attention is paid to the issue of returning goods purchased through distance methods. The author's proposes specific changes to legislation to ensure fairness and protection of consumer interests.*

Keywords: *distance commerce, electronic commerce, consumer rights, product returns, legislation, contentious issues, abuses, distance sales market, fairness.*

В последние несколько лет сектор дистанционной коммерции Российской Федерации демонстрирует значительные темпы роста. Согласно данным, опубликованным Ассоциацией компаний интернет-торговли, объем рынка дистанционной торговли по итогам 2023 года составил 6,36 триллиона рублей, что на 28 % превышает показатели предыдущего года [4]. Такой впечатляющий рост коррелирует с изменением предпочтений потребителей и непрерывным расширением функционала интернет-платформ, предлагающих покупателям все более разнообразный спектр товаров и услуг. Однако увеличение объемов дистанционных продаж сопровождается ростом числа спорных ситуаций между продавцами и покупателями. Это подчеркивает важность дальнейшего совершенствования нормативно-правовой базы, регулирующей данную форму торговли. Необходимость такого совершенствования обусловлена стремлением к достижению справедливого равенства интересов всех участников рыночных отношений, что представляет собой актуальную задачу для государственного регулирования в условиях динамично развивающегося рынка дистанционной коммерции.

Возрастание количества конфликтных моментов и споров между продавцами и потребителями в контексте дистанционных продаж выявляет пробелы и неопределенности в действующем законодательстве, которые могут быть использованы недобросовестными участниками рынка в своих интересах, ущемляя при этом права потребителей [1].

Ярким примером таких неопределенностей в законодательстве, является проблема, связанная с обеспечением прав потребителей на возврат товара надлежащего качества и соответствующее возмещение расходов, связанных с таким возвратом.

Пункт 4 статьи 497 части второй Гражданского кодекса Российской Федерации предоставляет покупателю право отказаться от исполнения договора розничной купли-продажи до момента передачи товара, с условием возмещения продавцу необходимых расходов, понесенных в связи с действиями по исполнению договора [2]. В то же время абзац пятый пункта 4 статьи 26.1 Закона РФ «О защите прав потребителей» [3] обязывает продавца возвращать денежные средства за товар от которого отказались. В том числе данная норма устанавливает исключение: расходы продавца на доставку от потребителя возвращенного товара.

Дополнительно Постановление Правительства РФ от 31.12.2020 № 2463 [5] уточняет, что расходы на возврат средств за товар ненадлежащего качества несет продавец. Однако в тех случаях, которые не касаются товаров ненадлежащего качества, распределение расходов по возврату остается за рамками четкого регулирования и может определяться условиями оферты. Это открывает простор для злоупотреблений со стороны продавцов, которые, используя правовую неопределенность, могут взимать с покупателя дополнительные платежи за возврат товара надлежащего качества, обосновывая это необходимостью возмещения понесенных расходов.

Такая практика особенно актуальна в ситуациях, когда договор розничной купли-продажи заключается дистанционно, и покупатель, не имея возможности предварительно осмотреть товар, полагается на описание, предоставленное продавцом. В случае, если после получения товар покупатель посчитает, что он не соответствует его ожиданиям или описанию, и решит воспользоваться своим правом на отказ от товара, он сталкивается с дополнительными финансовыми затратами, не всегда обоснованными и доказанными со стороны продавца.

Существующее положение дел ставит продавца в более выгодное положение, облегчая ему путь к неосновательному обогащению за счет покупателя, который, в силу особенностей дистанционной покупки, не может получить полное представление о товаре до момента его фактической доставки. Это противоречит основным принципам защиты прав потребителей и требует немедленного урегулирования через внесение изменений в действующее законодательство.

Считаем, что для решения выявленной проблемы, связанной с возвратом товаров, приобретенных дистанционным способом, и устранения правовой неопределенности, нужно внести конкретное изменение в законодательство. Суть предложения заключается в переформулировке пятого абзаца части 4 статьи 26.1 Закона Российской Федерации «О защите прав потребителей» для обеспечения более ясного и четкого понимания обязанностей продавца в процессе возврата товара. Новая редакция должна выглядеть следующим образом: «При отказе потребителя от товара продавец должен вернуть ему денежную сум-

му, уплаченную потребителем по договору, не позднее чем через десять дней со дня предъявления потребителем соответствующего требования. Продавец несет расходы на доставку от потребителя возвращенного товара и расходы на осуществление возврата суммы, уплаченной потребителем по договору».

Такое изменение позволит существенно упростить и ускорить процесс возврата товаров, приобретенных дистанционно, облегчив для потребителей воспользоваться своим правом на отказ от товара без неоправданных финансовых затрат. Это, в свою очередь, укрепит доверие к системе дистанционных продаж, способствуя развитию электронной коммерции как безопасной и удобной среды для потребителей.

Реализация данного предложения создаст более справедливый баланс интересов между продавцами и покупателями, устраняя возможность для злоупотреблений со стороны недобросовестных продавцов. Она также способствует формированию положительного имиджа рынка дистанционной торговли, делая его более привлекательным как для текущих, так и для потенциальных потребителей.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Бандурина Н. В. Правовые аспекты заключения договоров при дистанционном способе продажи товара на маркетплейсе // *Законы России: опыт, анализ, практика*. 2023. № 10. С. 62–67.

2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26 января 1996 года # 14-ФЗ (редакция от 24.07.2023) // Информационно-правовая система «Законодательство России». URL: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 03.04.2024).

3. Закон Российской Федерации от 07.02.1992 № 2300-1 «О защите прав потребителей» (редакция от 04.08.2023) // Информационно-правовая система «Законодательство России». URL: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 04.04.2024).

4. Основные статистические показатели объема рынка дистанционной торговли за 2023 год // Сайт Ассоциации компаний интернет-торговли. URL: <https://akit.ru/> (дата обращения: 01.04.2024).

5. Постановление Правительства РФ от 31.12.2020 г. № 2463 «Об утверждении Правил продажи товаров по договору розничной купли-продажи, перечня товаров длительного пользования, на которые не распространяется требование потребителя о безвозмездном предоставлении ему товара, обладающего этими же основными потребительскими свойствами, на период ремонта или замены такого товара, и перечня непродовольственных товаров надлежащего качества, не подлежащих обмену, а также о внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_373622/ (дата обращения: 01.04.2024).

Шафигуллина Алия Айратовна

студент, Казанский инновационный университет им. В. Г. Тимирязова

г. Казань, Российская Федерация

shafigullina.aliya02@mail.ru

Мусина Регина Рустэмовна

старший преподаватель

Казанский инновационный университет им. В. Г. Тимирязова

г. Казань, Российская Федерация

unabhangig@yandex.ru

**Преступность в информационной среде:
аспекты, угрожающие безопасности страны**

Аннотация: В статье рассмотрена проблема отсутствия законодательного урегулирования преступлений, совершенных в цифровой среде. Отражены способы, методы совершения данного вида правонарушения, а также инструменты которыми пользуются злоумышленники при планировании, организации и воплощение в реальность своего умысла. Решение данной очевидной проблемы требует своевременного решения, в силу того, что цифровая среда прогрессирует в реальном времени. Отсутствие правовых норм направленных на пресечение преступлений открывает возможность для посягательства на права граждан Российской Федерации, гарантируемые Конституцией РФ.

Ключевые слова: преступность, информация, информационная среда, кибератаки, цифровизация.

Shafigullina Aliya Airatovna

student, Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasova

Kazan, Russian Federation

Musina Regina Rustemovna

senior lecturer, Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasova

Kazan, Russian Federation

**Crime in the information environment:
aspects that threaten the security of the country**

Annotation: The article examines the problem of the lack of legislative regulation of crimes committed in the digital environment. The ways and methods of committing this type of offense are reflected, as well as the tools that attackers use when planning, organizing and implementing their intent. Solving this obvious problem requires a timely solution, due to the fact that the digital environment is progressing in real time. The absence of legal norms aimed at suppressing crimes opens up the possibility of encroachment on the rights of citizens of the Russian Federation, guaranteed by the Constitution of the Russian Federation.

Keywords: crime, information, information environment, cyber attacks, digitalization.

В условиях развития информационных технологий как в мире, так и в частности в России свое место нашла проблема обеспечения информационной

безопасности со стороны законодательства. Большинство всех сфер жизни: политическая, социальная, экономическая, духовная и т. д., с каждым годом все больше функционируют с использованием информационных сетей, новшеств и технологий. В последние 5 лет объем информации, проходящий через интернет-коммуникационные системы стал в разы больше, что открыло для преступников новые пути совершения преступлений, неотраженных в уголовном законодательстве. Особый интерес у злоумышленников вызывают: принятие политических решений, государственное управление, финансовое развитие страны, научно-технические открытия. В связи с этим перед законодателем встала одна из новых основных задач – правовое обеспечение информационной безопасности в Российской Федерации.

Также И. Р. Бегишев и И. И. Бикеев отмечают, что «прогресс в области информационных технологий влечет закономерные изменения преступной деятельности, появление новых видов деяний, представляющих общественную опасность, усложнение форм и способов совершения преступлений, увеличение возможностей для создания организованных групп, распределения ролей и направления преступной деятельности» [2, с. 262].

Верховенство закона, вопросы ответственность за совершение преступлений в информационной среде – основополагающие принципы при формировании информационного сообщества [5, с. 325]. При этом эффективное правовое регулирование отношений в информационной среде касается по большей части гарантий соблюдения прав субъектов правоотношений и укрепление таких гарантий. В. Ф. Яковлева точно отмечала, что право постоянно развивается и становится все более дифференцированным и сложным. С учетом данного утверждения стоит уточнить, что для более эффективного решения вопроса правоприменителем, стоит исходить из того понимания, что в праве есть общие понятия ответственности, с точки зрения общеправовой категории.

Как уже уточнялось ранее, в тех условиях, которые создает процесс формирования информационного общества, цифровых угроз и каких-либо вызовов создает новое значение для вопросов юридической ответственности. С разграничением права на отрасли данное понятие трактуется Пленумом Верховного Суда в зависимости от характера возникающих правовых отношений между субъектами. В теории права существует большое количество мнений по поводу термина «ответственность». С. С. Алексеева считала, что «ответственность – государственное принуждение, выраженное в праве, выступает как внешнее воздействие на поведение, основанное на организованной силе государства...» [1, с. 223]. Отдельное внимание заслуживает мнение И. Л. Бачило. Она определяла ответственность в качестве «применение компетентным государственным органом санкции правоохранительной нормы и наступление отрицательных последствий для правонарушения в виде установленных вида и меры наказания, соразмерных нанесенному ущербу (вреду)» [4, с. 419]. В процессе разграничения права на отрасли, в частности на уголовно-правовые отрасли, в зависимости от характера возникших отношений Пленумом Верховного Суда дается разная трактовка рассматриваемого термина.

Не смотря на точку зрения В. Ф. Яковлевой, С. С. Алексеевой, И. Л. Бачило и других правоведов, в информационном поле ответственность важно рассматривать со стороны реакции государства и государственного аппарата на уже совершенное правонарушение с использованием объектов цифрового пространства с учетом тяжести такого деяния, которая включает в себя принудительный общеобязательный характер.

Эффективное применение информационных технологий является неотъемлемым фактором ускорения развития экономической сферы государства, формирования отношений внутри информационного сообщества. Стоит уточнить что информационная среда играет важную роль в реализации стратегических проектов развития, продвижения приоритетов и различных идеологий Российской Федерации.

Обратимся к Доктрине информационной безопасности Российской Федерации, которая была утверждена Указом Президента РФ от 5 декабря 2016 года № 646 «Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации», исходя из которой институт юридической ответственности в информационной среде рассматривается в качестве системы норм и процедур, реализуемых в целях пресечения правонарушений и установления вида, мер и формы наказания за совершенные и доказанные правонарушения, посягающие на информацию, объекты информатизации, информационные системы, сайты в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», сети связи, информационные технологии, субъекты, деятельность которых связана с формированием и обработкой информации, развитием и использованием названных технологий, обеспечением информационной безопасности, с учетом их социального вреда и вины правонарушителя [7].

В доктрину включили четкий перечень угроз, средств, которые способны обеспечить качественную защиту информационной безопасности Российской Федерации, также содержится прямое указание на тот факт, что общественные отношения в области обеспечения информационной безопасности нуждаются в квалифицированном регулировании со стороны закона. Причиной данного указания послужил факт развития динамики институализации правовых институтов в области обеспечения информационной безопасности, которые являются важной частью национальной безопасности России.

В. В. Путин на расширенном заседании Совета Безопасности 26 октября 2017 года отметил: «Мы должны четко представлять тенденции развития глобальной информационной сферы, прогнозировать потенциальные угрозы и риски. И главное – наметить дополнительные меры, которые позволят нам не просто своевременно выявлять угрозы, а активно реагировать на них» [3]. Это утверждение подтверждает факт того, что коэффициент рота угроз в информационном пространстве с каждым годом становится выше, а методы совершения преступлений прогрессируют. Данная проблема имеет уже не локальный характер, а глобальный. Стремительное развитие информационных технологий и глобальной сети Интернет уже сегодня поставило под угрозу не только отдельно взятых ее пользователей, но и информационную безопасность целых государств, поскольку и государство, и граждане становятся уязвимыми для пося-

гательств из любой точки земного шара в условиях трансграничности и развития информационного обмена посредством Интернета [6, с. 89].

Повышаются факторы риска:

1. Повышается уровень зависимости со стороны общества от технологий, что становится уязвимостью к разнообразным формам и видам информационных преступлений;

2. При росте количества граждан-пользователей сети «Интернет» в разы возрастает шанс стать жертвой пользования информационных технологий в преступных целях.

Создание эффективной системы взаимосвязанных мер по выявлению, предупреждению и пресечению такого вида преступлений является фундаментом действенной борьбы с ними [8, с. 399]. Как правило правонарушения касающиеся цифровизации и сети «Интернет» не требуют финансовых затрат и усилий, достаточно владеть элементарными знаниями о работе средств хранения, обработки и передачи информации, которые можно получить из закрытых интернет-форумах, сообществах и сайтах с использованием VPN-сервисов, так как Роскомнадзор блокирует такие сайты исключительно на территории Российской Федерации. Уязвимость Интернета в том, что уже более 10 лет он работает беспроводным способом. Это позволяет злоумышленникам совершать деяние удаленно, практически не раскрыв свои персональные данные, геопозицию, IP и т. д. По такому принципу работают террористические хакерские группировки, используя облачное шифрование, цепочки прокси-сервисов и сайтов. Ярким примером служит ситуация, сложившаяся в феврале 2022 г., когда путем взлома определенных государственных баз данных и баз хранения информации Сбербанка были похищены 65 млн персональных данных граждан Российской Федерации, также были скомпрометированы 12 млн банковских карт другими организациями, предоставляющими услуги кредитования. В 15 раз выросло количество кибератак на бизнес [8, с. 399]. В «цифровом обществе» реальную опасность могут представлять не только хорошо организованные и сплоченные террористические организации, но и прежде никому не известные малочисленные группы маргиналов или даже террористов-одиночек («индивидуальный терроризм»), которые появляются внезапно непосредственно перед нанесением удара и стремительно исчезают после него [9, с. 185].

Также одним из инструментов, через которые совершаются посягательства с использованием сети, - открытые WiFi-точки и плохо защищенные WiFi-точки с слабым паролем для получения доступа. Как правило такими точками владеют метро, рестораны и кафе, с недавнего времени школы и университеты, а также общественные места с высоким уровнем посещаемости гражданами. Примером этому служит группировка CALYPSO. Она атакует государственные порталы и базы данных государственных структур, которые могут содержать государственную тайну и иные закрытые законом данные. Хакеры данной группировки с 2019 года взламывают сайты государственного назначения стран, входящих в межгосударственное объединение БРИКС. Еще одним ярким представителем является хакерская группировка HIGALISA, которая существует еще с 2009 года. Путем рассылки электронных писем, содержащих вредонос-

ные программы, члены группы взламывают государственные системы таких стран как Российская Федерация, Северная Корея, Китай, Япония, Польша.

Выше мы указывали на то, что вредоносные носители информации активно блокируются Роскомнадзором, однако меры касаются исключительно Российской Федерации. И. И. Бикеев и И. Р. Бегишев делают вывод о том, что «характер информации может быть различен, данная информация может выступать той социальной ценностью, по поводу которой сложились определенные правоотношения, или быть средством их осуществления – данные обстоятельства индифферентны для отнесения деяний к преступлениям в сфере обращения цифровой информации» [2, с. 262]. Сетевые преступления чаще всего не имеют границ, т. е. носят трансграничный характер. Поэтому становится актуальным вопрос о территориальной юрисдикции, если было совершено посягательство из другой страны. Такое разграничение юрисдикции стран позволит обеим странам привлечь к ответственности интернет-преступника: одна сторона сможет компенсировать ущерб причиненный своим гражданам, другая сторона предупреждает преступление и повышает свою репутацию на международной арене.

Таким образом без разработки новых комплексных мер и внесения поправок, в частности в Уголовный кодекс РФ и федеральные законы, касающиеся уголовного законодательства, решить проблему не представляется возможным. Необходимость внесения поправок опирается на две основные причины:

1. Отсутствие судебной практики, на которую может опираться правоприменитель при расследовании и назначении меры наказания за совершенное деяние в сети;
2. Ежегодно растущий уровень преступности и использованием средств связи, Интернета, теле-радиокоммуникаций.

Проблема пресечения сетевых преступлений стоит остро перед законодателем. Вопрос урегулирования информационной среды требует своевременного вмешательства. При четком вмешательстве большую часть таких преступлений можно предупредить [9, с. 185]. Создание устойчивого законодательства к таким видам преступных деяний – гарантия устойчивого формирования цифрового общества.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Алексеев С. С. Социальная ценность права в советском обществе. М., 1971. 223 с.
2. Бегишев И. Р. Преступления в сфере обращения цифровой информации. Казань : Изд-во «Познание» Казанского инновационного университета, 2020. – 300 с.
3. Речь В. В. Путина на расширенном заседании Совета Безопасности Российской Федерации. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/55924> (дата обращения: 10.04.2024).
4. Информационное право : учебник / под ред. И. Л. Бачило. М., 2016. 419 с.

5. Организационное и правовое обеспечение информационной безопасности : учебник и практикум / под науч. ред. Т. А. Поляковой, А. А. Стрельцовой. М. : Юрайт, 2016. 325 с.

6. Полякова Т. А. Актуальные проблемы юридической ответственности в сфере обеспечения информационной безопасности (понятие, основания возникновения, виды). М., 2018. С. 88–93.

7. Указ Президента РФ от 05.12.2016 N 646 «Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации» // СПС «Консультант-Плюс» (дата обращения: 10.04.2024).

8. Шишиморова Я. О. Информационный терроризм в сфере уголовного права России // Цифровые технологии и право : сб. науч. тр. I Междунар. науч.-практ. конф. : в 6 т. / под ред. И.Р. Бегишева [и др.]. Казань, 2022. Т. 5. С. 398–401.

9. Шишиморова Я. О. Сбыт цифровой информации, добытой преступным путем, для совершения действий террористического характера // Цифровые технологии и право : сб. науч. тр. II Междунар. науч.-практ. конф. : в 6 т. Казань, 2023. Т. 2. С. 183–186.

УДК 343.131

Потысьева Дарья Сергеевна

магистрант, Югорский государственный университет

г. Ханты-Мансийск, Российская Федерация

dputyseva@gmail.com

Анализ судебной практики о привлечении адвокатом-защитником специалиста в уголовном судопроизводстве

Аннотация: В данной статье рассматривается институт привлечения специалиста адвокатом-защитником в рамках оказания юридической помощи, оценивается доказательственное значение показаний и заключений специалиста. Кроме того, на основании проведенного анализа судебной практики субъектов РФ за последнее десятилетие обозначаются проблемы, возникающие у адвокатов-защитников в связи с привлечением специалиста.

Ключевые слова: доказательства, адвокат, специалист, показания специалиста, привлечение специалиста защитником, адвокатская деятельность.

Potysyeva Daria Sergeevna

undergraduate, Ugra State University

Khanty-Mansiysk, Russian Federation

Judicial practice on the involvement of a defense lawyer specialist in criminal proceedings

Annotation: This article examines the institution of engaging a specialist as part of the provision of legal assistance, and evaluates the evidentiary value of the specialist's testimony and conclusions. In addition, based on the analysis of the judicial practice of the constituent entities of the

Russian Federation over the last decade, problems arising for defense lawyers in connection with the involvement of a specialist are identified.

Keywords: *evidence of guilt, advocate, expert, expert testimony, lawyer hires an expert, legal activity.*

Провозглашенный в части 3 статьи 123 Конституции РФ, а в последующем нашедший свое отражение в уголовно-процессуальном законодательстве принцип состязательности сторон предполагает равенство стороны обвинения и защиты, в том числе и в процессе собирания доказательств.

Несмотря на многочисленные дискуссии среди отечественных исследователей относительно отнесения адвоката-защитника к субъектам собирания доказательств [11, с. 45–46], законодатель в части 3 статьи 86 УПК РФ закрепляет за ним такое право.

Вопреки закрепленному законом равенству, стороне защиты, в отличие от следователя или дознавателя, не предоставлена возможность привлекать экспертов и инициировать назначение обязательных к исполнению экспертиз. В пункте 3 части 1 статьи 53 УПК РФ определено правомочие защитника по привлечению специалиста. Данное нормой корреспондирует и пункт 4 части 3 статьи 6 Федерального закона от 31 мая 2002 года № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», который закрепляет возможность привлечения адвокатом специалиста на договорной основе для разъяснения вопросов в процессе оказания юридической помощи.

Актуальной на сегодняшний день проблемой является отсутствие в тексте уголовно-процессуального закона положений, определяющих форму и порядок взаимодействия защитника со специалистом в уголовном процессе, а также требования к форме и содержанию самого заключения специалиста. Не определяет указанное и действующий Закон об адвокатуре. Все это в значительной мере сказывается на доказательственном значении результатов деятельности специалиста.

В контексте указанной проблемы трудно не согласиться с мнением Л. Т. Ульяновой о том, что законодатель закрепил состязательные возможности в сфере использования специальных знаний, не определив механизма их применения защитником [10, с. 115].

Заключение специалиста подлежит последующему приобщению к материалам уголовного дела, что регламентировано статьями 119, 120 УПК РФ. В защиту права адвоката на привлечение специалиста в 2017 году было введено положение, запрещающее оставлять без внимания ходатайство защитника о привлечении к участию в производстве по уголовному делу специалиста (часть 2.1 статьи 58 УПК РФ). Кроме того, законодателем предусмотрена норма, на основании которой суд не может отказать в удовлетворении ходатайства о допросе специалиста, явившегося по инициативе стороны защиты (часть 4 статьи 271 УПК РФ).

Однако, в связи с существующей законодательной неопределенностью, суды весьма часто ставят под сомнение представленные стороной защиты пока-

зания и заключения специалиста, при этом, используют в обоснование этому различные доводы.

Проведенный нами анализ судебной практики регионов за последнее десятилетие показывает, что основания, по которым суды уклоняются от оценки заключений специалиста по существу, относительно можно разделить на следующие группы.

Во-первых, суды не принимают во внимание заключение специалиста в случае, если тот не был предупрежден об уголовной ответственности за дачу заведомо ложного заключения. В приговоре Благовещенского городского суда № 1-267/2020 от 7 сентября 2020 г. суд указал, что «...заключение составлено без учета требований уголовно-процессуального законодательства РФ, т. е. специалист не предупреждался об уголовной ответственности за дачу заведомо ложного заключения» [5], указав на недопустимость такого доказательства. Вместе с тем, открытым остается вопрос об исполнимости указанного условия, поскольку диспозицией статьи 307 УК РФ являются только заведомо ложные показания специалиста, ответственность за ложное заключение специалиста указанной нормой не предусмотрена. Кроме того, в действующих процессуальных нормах, отражающих порядок участия специалиста, не предусмотрена обязательность предупреждения специалиста об уголовной ответственности за дачу ложного заключения. Не ясным остается и тот момент, кто именно должен предупреждать об указанном, поскольку адвокат-защитник, не обладая властными полномочиями, не вправе совершать такое процессуальное действие.

Кроме того, частью 1 статьи 75 УПК РФ четко сформулировано условие признания доказательств недопустимыми: нарушение требований процессуального кодекса. На наш взгляд, если уголовно-процессуальным законодательством не установлен механизм предупреждения специалиста об уголовной ответственности, то не может и идти речи о признании результатов деятельности специалиста недопустимыми по данному основанию.

В 2023 году Конституционным Судом Российской Федерации была рассмотрена жалоба на пункт 3.1 части 2 статьи 74 и часть 3 статьи 80 УПК РФ, в которой заявитель указывал на недопустимость отсылки судов к обязательному предупреждению специалиста со стороны защиты об уголовной ответственности за дачу заведомо ложного заключения. Конституционный Суд, отказывая в принятии жалобы, в обоснование привел общие аргументы: «...специалист привлекается к участию в процессуальных действиях для содействия в обнаружении, закреплении и изъятии предметов и документов, применении технических средств в исследовании материалов уголовного дела, для постановки вопросов эксперту, а также для разъяснения сторонам и суду вопросов, входящих в его профессиональную компетенцию. Никаких иных полномочий специалиста, в том числе по оценке экспертных заключений, проведению схожих с экспертизой исследований, УПК не предусматривает. Специалист лишь высказывает свое суждение по заданным ему вопросам как в устном виде, что отражается в протоколе судебного заседания, так и в виде заключения, которое приобщается к материалам дела» [3].

Однако ранее в Определении от 26 октября 2021 г. № 2177-О Конституционный Суд РФ отмечал, что сторона защиты, опираясь на заключение специалиста, обладает возможностью приводить суду доводы, опровергающие заключение судебной экспертизы, а также обосновывать ходатайства о производстве дополнительной либо повторной экспертизы [2].

В этой связи наблюдается следующее явное противоречие: полномочия по оценке экспертных заключений у специалиста отсутствуют, при этом сторона защиты может ссылаться на такие заключения специалиста при опровержении экспертизы в суде.

Во-вторых, суды ссылаются на то, что специалист является заинтересованным лицом и дает свои показания в пользу стороны, оплачивающей его услуги. Такое суждение отражено в приговоре Глушковского районного суда Курской области № 1-1/2015/1-43/2014 от 6 августа 2015 г.: «показания специалистов и представленные ими заключения, выполненные по запросу защитника, суд считает не состоятельными и вызванными желанием увести обвиняемого от уголовной ответственности, поскольку данные специалисты давали свои заключения и ответы на возмездной основе» [6].

Аналогичное отражено и в приговоре Прикубанского районного суда г. Краснодара № 1-583/2020 от 23 июля 2020 г.: «у суда нет оснований для признания в качестве доказательства заключения специалиста, поскольку оно выполнено в рамках частного обращения стороны защиты по гражданско-правовой сделке об оказании услуг» [8]. На наш взгляд, указанные доводы судов являются необоснованными, поскольку договорной, возмездный характер оказания услуг специалистом прямо предусмотрен Законом об адвокатуре.

В-третьих, другим основанием для отказа является то, что специалист не проводит исследование, а результат его деятельности является субъективным суждением или мнением по отдельному вопросу.

Так, в мотивировочной части приговора Дзержинского городского суда Нижегородской области № 1-42/2020 1-754/2019 от 16 июля 2020 г. оценивая заключение специалиста суд указал, что «...к выводам специалиста о том, что патология у потерпевшего на шейном уровне имела до травмы в результате ДТП, что и усугубило ситуацию, суд относится критически и их отвергает, так как указанные сведения являются субъективным мнением специалиста, сделанном на основании видеозаписи и копии заключения эксперта, т. е., без исследования совокупности всех доказательств, имеющих в уголовном деле» [7].

Особо отметим, что пункт 19 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2010 №28 «О судебной экспертизе по уголовным делам» гласит, что при оценке судом заключения эксперта следует иметь в виду, что оно не имеет заранее установленной силы и не обладает преимуществом перед другими доказательствами [4]. Однако на практике мы наблюдаем преимущество заключения эксперта над заключением специалиста в доказательственном значении. Например, в апелляционном постановлении № 22-531/2020 от 23 апреля 2020 г. Забайкальский краевой суд отметил, что «...заключение специалиста... хотя и содержит суждение по вопросам, имеющим значение для уголовного дела, но доказательственной силой, присущей заключению эксперта, не обладает» [1].

Таким образом, суды зачастую относятся с недоверием к показаниям и заключениям специалиста, который привлекается адвокатом-защитником для разъяснения некоторых вопросов, а при отказе ссылаются на формальные, а порой и не предусмотренные законом основания.

Вместе с тем, не будем говорить о том, что ситуация является столь однозначной, поскольку практике известны и случаи успешного применения знаний специалиста адвокатом-защитником в процессе доказывания по уголовному делу. В качестве такого положительного опыта можно привести оправдательный приговор Череповецкого городского суда Вологодской области от 24.08.2023 г. по делу №1-627/2023. Одним из доказательств стороны защиты по указанному уголовному делу явилось заключение привлеченных специалистов об отсутствии у подсудимого уровня спортивной подготовки, необходимого для нанесения удара ногой в голову, полученного потерпевшим [9].

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Апелляционное постановление Забайкальского краевого суда № 22-531/2020 от 23 апреля 2020 г. URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 30.01.2024).

2. Определение Конституционного Суда РФ от 26.10.2021 № 2177-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Сведенцева Сергея Александровича на нарушение его конституционных прав частью третьей статьи 80 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации». URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-26102021-n-2177-o/> (дата обращения: 26.01.2024).

3. Определение Конституционного Суда РФ от 31.01.2023 № 6-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Шевцова Сергея Анатольевича на нарушение его конституционных прав пунктом 3.1 части второй статьи 74 и частью третьей статьи 80 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации». URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=747610#dyT8Y2UInjOpсBuJ/> (дата обращения: 26.01.2024).

4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2010 №28 (ред. от 29.06.2021) «О судебной экспертизе по уголовным делам». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_108437/ (дата обращения: 20.01.2024).

5. Приговор Благовещенского городского суда № 1-267/2020 от 7 сентября 2020 г. по делу № 1-547/2017. URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 27.01.2024).

6. Приговор Глушковского районного суда Курской области № 1-1/2015 1-43/2014 от 6 августа 2015 г. по делу № 1-1/2015. URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 27.01.2024).

7. Приговор Дзержинского городского суда Нижегородской области № 1-42/2020 1-754/2019 от 16 июля 2020 г. по делу № 1-42/2020. URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 27.01.2024).

8. Приговор Прикубанского районный суд г. Краснодара № 1-583/2020 от 23 июля 2020 г. по делу № 1-583/2020. URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 27.01.2024).

9. Приговор Череповецкого городского суда Вологодской области от 24 августа 2023 г. по делу № №1-627/2023. URL: <https://судебныерешения.рф/76440795/extended> (дата обращения: 27.01.2024).

10. Ульянова Л. Т. Предмет доказывания и доказательства в уголовном процессе России. М. : Городец, 2008. 173 с.

11. Фадеев П. В. Собрание и представление доказательств как средство оказания квалифицированной юридической помощи в уголовном судопроизводстве // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И. Д. Путилина. 2022. № 2. С. 44–48.

УДК 343.35

Цветков Алексей Артемович

магистрант, Костромской государственной университет

г. Кострома, Российская Федерация

ya.www-alex2012@yandex.ru

Плюснина Ольга Витальевна

кандидат юридических наук, доцент

Костромской государственной университет

г. Кострома, Российская Федерация

o_plusnina@ksu.edu.ru

**Меры совершенствования уголовного законодательства
в сфере противодействия коррупции
в органах государственной власти и местного самоуправления**

Аннотация: В статье рассмотрены понятие и сущность коррупции, исследованы распространённость коррупционных нарушений, причины существования коррупции и проблемы в области противодействия коррупции в системе государственного и муниципального управления. Предложены возможные варианты совершенствования законодательства в сфере противодействия коррупции в системе государственного и муниципального управления.

Ключевые слова: коррупция, преступление, возмещение, противодействие.

Tsvetkov Alexey Artemovich

undergraduate, Kostroma State University

Kostroma, Russian Federation

Plusnina Olga Vitalievna

candidate of law, associate professor

Kostroma State University

Kostroma, Russian Federation

Measures to improve criminal legislation in the field of combating corruption in public authorities and local self-government

Annotation: The article examines the concept and essence of corruption, examines the prevalence of corruption violations, the causes of corruption and problems in the field of combating corruption in the system of public and municipal administration. Possible options for improving legislation in the field of combating corruption in the system of state and municipal administration are proposed.

Keywords: corruption, crime, compensation, counteraction.

В последние годы одной из наиболее актуальных проблем в системе органов государственной власти и местного управления современного российского государства является противодействие коррупции в отношении лиц, занимающих государственные должности, должности в органах государственной власти и местного самоуправления [3, с. 174].

Саму коррупцию, которая является злоупотреблением служебным положением, а стало быть и полномочиями, стоит отнести к угрозе национальной безопасности в России. Масштабы коррупционной системы являются следствием общих политических, экономических, а также социальных проблем в России. В настоящий момент, вступив в новую эпоху, Россия переживает масштабные преобразования экономических, государственных, социальных и геополитических устоев [4, с. 74].

Одной из причин, препятствующей социально-экономическому развитию государства и несущей угрозу развитию общества, является коррупция. Развиваясь в сфере государственного и муниципального управления, она способствует ее деградации и, в последующем, негативно сказывается на уровне и качестве жизни в стране: меньше ресурсов направляется на жизненно важные услуги, такие как здравоохранение и образование, экономическое развитие страны сдерживается [2, с. 42].

Важность проблемы объясняется также и тем, что коррупция в системе органов государственной власти и местного самоуправления способствует подрыву доверия общества к государству, власти, экономической безопасности, социально-экономическому и политическому развитию общества [5, с. 60]. В то же время вопрос доверия населения к власти на всех ее уровнях является важной и, к сожалению, большой темой в современной России, особенно в условиях активного информационного противоборства с странами Запада, использующими любой повод для попытки дестабилизации ситуации в стране.

На законодательном уровне понятие коррупции закреплено в статье 1 Федерального закона № 273-ФЗ от 25 декабря 2008 г. «О противодействии коррупции». Согласно данной статье, коррупция представляет собой злоупотребление служебным положением, дача взятки, получение взятки, злоупотребление полномочиями, коммерческий подкуп либо иное незаконное использование физическим лицом своего должностного положения вопреки законным интересам общества и государства в целях получения выгоды в виде денег, ценностей, иного имущества или услуг имущественного характера, иных имущественных прав для себя или для третьих лиц либо незаконное предоставление такой вы-

годы указанному лицу другими физическими лицами, а также совершение указанных деяний от имени или в интересах юридического лица [6].

Наиболее остро и болезненно ощущается, и воспринимается населением коррупция именно в органах государственной власти и местного самоуправления. Несмотря на обширный перечень мер, существующих в современной России по борьбе с коррупционными преступлениями, следует отметить, что эффективность их далека от идеальной. Кроме того, внедрение различных способов противодействия коррупции сопровождается активным поиском новых методов обогащения и получения выгод как в экономической, так и в политической среде.

Согласно заявлению председателя Следственного комитета Российской Федерации А. И. Бастрыкина, «за девять месяцев 2023 года в суды направлено 7949 уголовных дел о коррупционных преступлениях в отношении 8 898 лиц. Среди направленных в суд преобладают дела о взяточничестве – 5 353 (67 %) и мошенничестве – 1 021 (13 %). В числе расследованных – 118 уголовных дел в отношении 371 члена организованных групп и преступных сообществ. К уголовной ответственности за преступления коррупционной направленности привлечено 336 лиц (+2 % по сравнению с таким же периодом прошлого года), обладающих особым правовым статусом. Среди них 174 должностных лица органов местного самоуправления, 9 депутатов законодательных органов субъектов Российской Федерации, 1 депутат Государственной думы» [7].

Приведенная статистика указывает на рост числа привлеченных к ответственности государственных и муниципальных служащих. Кроме того, можно предположить, что увеличение числа привлеченных к ответственности может означать и общий рост фактов проявления коррупции должностными лицами и служащими, которым удалось избежать ответственности.

Существуют коррупционные преступления, так или иначе присущи в большей степени именно государственным и муниципальным служащим. Сергей Дмитриевич Гринько, кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой уголовного права, процесса и криминалистики Московского государственного областного университета выделяет следующие.

1. Чаще всего лица, занимающие должности в органах государственной власти и местного самоуправления, привлекаются к уголовной ответственности за злоупотребление должностными полномочиями, а также их превышение (статьи 285 и 286 УК РФ). Удельный вес данных видов преступлений в общей структуре коррупционных преступлений составляет 44,6 %.

2. Следующими является категория уголовных дел, возбужденных в отношении представителей органов государственной власти и местного самоуправления, которые были уличены в получении взяток (статья 290 УК РФ) – 27 %.

3. Следующими преступлениями должностной «элиты» коррупционной направленности можно обозначить хищение в виде мошенничества и присвоения или растраты (статьи 159 и 160 УК РФ), которые занимают долю в 19 % в общей структуре исследуемого вида преступности [3, с. 175].

Борьба с коррупцией в органах государственной власти и местного самоуправления предопределяет необходимость поиска и применения новых, более

действенных мер, а также совершенствования уже существующих. Антикоррупционная политика должна быть направлена на искоренение корыстных интересов из системы государственного и муниципального управления, поскольку, как уже было сказано ранее, в сфере государственного менеджмента коррупция представляет собой очень опасный вид преступления, ведущий к подрыву доверия населения к органам власти и их решениям [1, с. 12–13].

В качестве предложений по совершенствованию уголовного законодательства в сфере противодействия коррупционным правонарушениям предлагается следующее:

1. Внести изменения в УК РФ, а конкретно изменить ч. 4 ст. 159 и ч. 4 ст. 160 УК РФ и добавить к имеющимся признакам указание на: «совершенное лицом, занимающим государственную должность в РФ, государственную должность в субъекте РФ, а равно главы органа местного самоуправления». Кроме этого, после данных нововведений представляется возможным изменение п. «а» ч. 1 ст. 104.1 УК РФ и включение в число преступлений, по которым может быть применена мера в виде конфискации имущества, ч. 4 ст. 159 и ч. 4 ст. 160 УК РФ, а также ч. 2 ст. 286 УК РФ.

2. Одной из мер процессуального принуждения является предусмотренное статьей 115 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) наложение ареста на имущество. В той же статье указывается, что ходатайство о наложении ареста на имущество может быть возбуждено в отношении подозреваемого и обвиняемого. Данная формулировка сама по себе имеет коррупционный подтекст, поскольку не налагает обязанности на органы следствия арестовывать имущество подозреваемых в совершении преступления лиц. И, поскольку время получения подозреваемым статуса обвиняемого может занимать продолжительный период, имущество лица, совершившего преступление, заметно «тает» или оказывается, что его вовсе нет.

В связи с этим предлагается внести изменения в УПК РФ, исключив в п. 1, п. 3, ст. 115 слово «обвиняемого», тем самым обязав органы следствия или дознания применять данную меру процессуального принуждения уже с момента привлечения лица в качестве подозреваемого.

3. Вызывают обоснованную критику и в Уголовном кодексе Российской Федерации назначаемые за совершение коррупционных преступлений дополнительные наказания в виде запрета занимать государственные и муниципальные должности с максимальным сроком до пяти лет. Было бы обоснованным запретить осужденным за коррупционные преступления повторное занятие государственных и муниципальных должностей.

Указанные изменения уголовного законодательства и уголовной политики в целом в отношении коррупционной преступности высших должностных лиц органов власти и руководителей местного самоуправления будут способствовать более эффективному противодействию данной преступности.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Гаджиева А. А. Тенденции уголовной политики противодействия коррупционной деятельности лиц, занимающих государственные должности РФ

или государственные должности субъекта РФ, а равно главы органа местного самоуправления // Криминальная ситуация и антикриминальное законодательство: проблемы криминологической обусловленности закона. М., 2020. С. 7–13.

2. Гладких В. Н. Противодействие коррупции в системе государственного и муниципального управления // Цифровая наука. 2021. № 6. С. 40–54.

3. Гринько С. Д. Проблемы противодействия коррупции в системе органов государственной власти и местного самоуправления // Государственная служба и кадры. 2022. № 1. С. 174–177.

4. Депре В. А. Проблема противодействия коррупции в органах местного самоуправления // Молодой ученый. 2023. № 30 (477). С. 74–76.

5. Джафаров Н. К. Проблемы коррупции в органах государственной власти России и некоторые предложения по их преодолению // Вестник экономики. безопасности. 2019. № 3. С. 59–62.

6. Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ (ред. от 19.12.2023) «О противодействии коррупции». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_82959/ (дата обращения: 12.04.2024).

7. Хан Т., Бастрыкин А. И. Почти 8 тыс. дел о коррупции направлено в суды за девять месяцев 2023 года. URL: <https://tass.ru/interviews/19484225/> (дата обращения: 13.04.2024).

УДК 347.962.24

Шихова Дарья Октябристиовна

студент, Югорский государственный университет
г. Ханты-Мансийск, Российская Федерация
schihova.dasha@yandex.ru

Судейская карьера и профессиональный рост судьи: основная проблематика

Аннотация: В данной статье рассматриваются основания, основные этапы судейской карьеры и проблема их законодательного закрепления. Ставится вопрос закрепления понятия «карьера судьи», а также направлений ее развития.

Ключевые слова: карьера судьи, судебная система, судебная реформа, судья, профессиональный рост судьи.

Shikhova Darya Oktiabristovna

student, Yugra State University
Khanty-Mansiysk, Russian Federation

Judicial career and professional growth of a judge: the main problem

Annotation: This article examines the grounds, the main stages of the judicial card and the problem of their legislative consolidation. The question of consolidating the concept of “judicial career”, as well as the direction of its development, is raised.

Keywords: career of a judge, judicial system, judicial reform, judge, professional growth of a judge.

Карьера судьи представляет собой важную составляющую статуса судей. Законодательная регламентация этого вопроса необходима для обеспечения их профессиональной деятельности и «прозрачности» процесса продвижения по службе. Европейская хартия о статусе судей содержит критерии стимулирования продвижения судьи по службе. Исходя из смысла п. 4.1 основной должностного повышения является качество работы и заслуги, связанные с осуществлением профессиональной деятельности. Повышение должно происходить независимо от постороннего влияния, чтобы предотвратить скептическое отношение общества к судебной системе. Оценка деятельности судьи должна выставляться несколькими судьями и обсуждаться с оцениваемым судьей [1].

По мнению Г. Т. Ермошина, карьера судьи может развиваться по четырем направлениям:

1. Административная карьера – продвижение судьи по должностям внутри суда. В этом случае рассматривается замещение должности председателя судебного состава или должности заместителя председателя суда;

2. Профессиональная карьера – предполагает повышения уровня судебных актов по рассматриваемым спорам и углубление знаний судьи. Также в данном случае необходимо учитывать статистику отмен решений апелляционной или кассационной инстанцией, которая выводится по каждому судье;

3. Инстанционная карьера. В данном случае судья продвигается «вверх» по судебным инстанциям. Например, переход в апелляцию или кассацию;

4. Зарплатная карьера – повышение уровня заработной платы. В целом это связано с повышением квалификационного класса судьи и за выслугу лет [2, с. 137–138].

Профессиональный рост судьи предполагает постоянное повышение квалификации и профессиональную переподготовку, что необходимо для законного осуществления судьей своих полномочий. После прохождения переподготовки судье присваивается квалификационный класс. Представления о присвоении класса подается председателем суда в Квалификационную коллегию судей субъекта.

Направления судейской карьеры и ее этапы не закреплены законодательно, некоторыми исследователями это выделяется в проблему. По мнению Т. Н. Нешатаевой, отсутствие законодательного закрепления судейской карьеры негативно сказывается на независимости судей. Воздействие на судью и его планы по продвижению по карьерной лестнице чаще всего выражается в коррупции, привилегированном отношении к другим судьям, из-за чего предпочтение в повышении может отдаваться другим претендентам. Также негативно сказываются административное воздействие и корпоративные отношения внутри суда. Если судья формирует карьерные условия, используя хоть один из названных источников, то его уже нельзя считать независимым, что в последующем вызывает негативное отношение общества к судьям и судебной системе [4, с. 86]. При наличии конкретных законодательно закрепленных ступеней су-

дейской карьеры влияние факторов на судью, приведенных Т. Н. Нешатаевой, возможно уменьшить.

По мнению Г. Т. Ермошина, требуется разработка категорий: «судейская карьера», «ступени судейской карьеры», создание концепции служебной карьеры судьи» [3, с. 94]. По мнению автора, судейская карьера представляет собой «законодательно закрепленный порядок продвижения по карьерной лестнице, обусловленный переходом от низшей должности к высшей в рамках судебной системы» [3, с. 95].

Многие исследователи обращали внимание на качество образования, профессиональную подготовку судей и на необходимость особого порядка обучения юристов, которые планируют стать судьями в будущем. По мнению А. А. Кондрашева, эту проблему возможно решить путем введения запрета лицам с заочным юридическим образованием претендовать на должность судьи [4, с. 183]. Очное юридическое образование предполагает наличие более углубленных знаний, ведь в данном случае тратится больше времени на изучение материала и получение опыта и знаний от преподавателей, что благотворно сказывается на компетенции будущих юристов.

Алексеем Кудриным был опубликован проект реформы судебной системы, который разрабатывался для программы стратегического развития России на 2018–2024 годы. Одним из способов решения проблемы качества судейских кадров предлагалось создание единого Федерального центра подготовки судей. Данный центр должен существовать независимо, основной специализацией должна быть профессиональная подготовка кандидатов на замещение судейских должностей. Проектом реформы предполагалось обучение толкованию права, преподавателями должны быть действующие судьи и судьи в отставке разных инстанций. Также к преподаванию в данном центре планировалось привлечь профессоров права, которые являются практикующими юристами и специалистами в области психологии, экономики и других областей науки [5].

Следует отметить, что на данный момент в Российском государственном университете правосудия действует факультет по повышению квалификации и профессиональной переподготовке впервые назначенных судей. Целью университета служит пополнение теоретических и практических навыков, повышение квалификации в соответствии с требованиями, предъявляемыми современным обществом для решения трудовых задач. Профессиональная переподготовка назначенных судей длится месяц, по окончании которой слушатели в качестве итоговых испытаний защищают выпускную квалификационную работу, сдают итоговый экзамен и защищают отчет по стажировке. После выдаются документы, подтверждающие прохождение переподготовки.

Таким образом, требуется законодательное урегулирование этапов карьеры судьи. Это сделает процесс продвижения по службе прозрачным и обеспечит независимость при осуществлении судьей своей деятельности. Поэтому в качестве урегулирования этого вопроса мы предлагаем введение отдельной статьи в Закон Российской Федерации от 26.06.1992 № 3152-1 «О статусе судей в Российской Федерации», которая будет содержать понятие судейской карьеры и направления ее развития. Повышение профессионализма судей необходи-

мо для улучшения качества судебных актов. По нашему мнению способы решения проблемы неподготовленных кадров, приведенные исследователями, помогут решить данную проблему. Проект судебной реформы сможет помочь в формировании подходящих кадров на должность судьи. Центр, создание которого предусмотрено реформой, послужит хорошей стартовой площадкой для тех людей, которые точно решили связать свою жизнь с судебной системой.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Европейская хартия о законе о статусе судей от 10 июля 1998 года. URL: <https://docs.cntd.ru/document/901927869> (дата обращения: 31.03.2024).
2. Ермошин Г. Т. Современная концепция статуса судьи в Российской Федерации // Журнал российского права. 2013. № 8(200). С. 90–100.
3. Ермошин Г. Т. Статус судьи в Российской Федерации : дис. ... д-ра юрид. наук. М. : Российский государственный университет правосудия, 2016. 525 с.
4. Кондрашев А. А. Проблемы реализации принципа независимости судей в России: от теории к правоприменительной практике // Актуальные проблемы российского права. 2015. № 8(57). С. 181–187.
5. ЦСР представил полную концепцию реформы судебной системы 8 февраля 2018 года. URL: <https://pravo.ru/news/view/147743/> (дата обращения: 07.06.2023).

УДК 342.571

Тихомиров Артем Валерьевич

студент, Костромской государственной университет

г. Кострома, Российская Федерация

e-mail: artemtikhomirov99@mail.ru

Вопросы правового регулирования полномочий общественных советов при органах внутренних дел в субъектах Российской Федерации

Аннотация: Статья поднимает вопросы нормативной регламентации полномочий общественных советов при органах внутренних дел в регионах. Учеными-юристами отмечается отсутствие единообразного правового регулирования полномочий данных субъектов общественного контроля в федеральном и региональном законодательстве. По этой причине предлагается установить на федеральном уровне общий перечень полномочий общественных советов при органах внутренних дел, который будет выступать правовой основой при принятии соответствующих нормативно-правовых актов и с опорой на который общественные советы смогут реализовать закрепленные за ними права для выполнения возложенных на них задач. Это способствует эффективному, единообразному правовому регулированию общественного контроля в данной сфере для обеспечения общественного порядка, соблюдения законодательства, прав и свобод граждан, учета общественных интересов.

Ключевые слова: общественный контроль за деятельностью органов внутренних дел, общественные советы, полномочия общественных советов, органы внутренних дел, территориальные органы внутренних дел, Стандарт деятельности общественного совета при федеральном органе исполнительной власти.

Tikhomirov Artem Valeryevich
student, Kostroma State University
Kostroma, Russian Federation

Issues of legal regulation of the powers of public councils under the internal affairs bodies in the subjects of the Russian Federation

Annotation: The article raises issues of regulatory regulation of the powers of public councils under the internal affairs bodies in the regions. Legal scholars note the lack of uniform legal regulation of the powers of these subjects of public control in federal and regional legislation. For this reason, it is proposed to establish at the federal level a general list of powers of public councils under the internal affairs bodies, which will act as the legal basis for the adoption of relevant normative legal acts and based on which public councils will be able to exercise the rights assigned to them to perform their tasks. This contributes to effective, uniform legal regulation of public control in this area to ensure public order, compliance with legislation, citizens' rights and freedoms, and consideration of public interests.

Keywords: public control over the activities of internal affairs bodies, public councils, powers of public councils, internal affairs bodies, territorial internal affairs bodies, Standard of activity of the public council under the federal executive authority.

Тема общественного контроля за деятельностью органов государственной власти, в частности правоохранительных органов, является одним из важных направлений государственной политики, что подтверждается разработкой и реализацией Указа Президента Российской Федерации о национальных целях развития, в вопросе обеспечения общественного контроля за реализацией органами государственной власти национальных проектов [3], а также поручения Президента Российской Федерации по обеспечению Уполномоченным по правам человека в Российской Федерации, Общественной палатой страны и ЦИК РФ общественного контроля за избирательным процессом [4].

Общественно значимым является вопрос реализации механизма правового регулирования системы общественного контроля за деятельностью органов внутренних дел в субъектах Российской Федерации, поскольку от него зависит обеспечение соблюдения прав и свобод граждан и действующего законодательства в регионах, а также соответствие ему принимаемых органами внутренних дел решений и осуществляемых ими действий в рамках правоприменительной деятельности и деятельности по обеспечению охраны общественного порядка.

На наш взгляд, следует согласиться со следующим утверждением А. Н. Дерюги и И. В. Ковалевой: «...Очевидно, что осуществление общественного контроля особенно важно в тех государственных структурах, функции которых связаны с применением мер государственного принуждения, а значит, с ограничением прав и законных интересов граждан, и юридических лиц...» [6, с. 1].

Одной из проблем реализации механизмов правового регулирования системы общественного контроля за деятельностью органов внутренних дел в субъектах Российской Федерации является отсутствие в федеральном законодательстве норм о полномочиях общественных советов, в частности, при органах внутренних дел субъектов Российской Федерации, что, на наш взгляд, позволяет разным органам власти на федеральном и региональном уровне устанавливать свой объем полномочий, содержание которых может быть ограничено или носить общий характер.

Так, А. А. Кононов обращает внимание на вопрос реализации контрольных полномочий общественного совета при МВД России, при этом он отмечает, что посредством осуществления данных полномочий совет анализирует мнения граждан о деятельности органов внутренних дел и доводит полученную информацию до их руководителей, проводит общественную экспертизу проектов федеральных законов и иных нормативных правовых актов Российской Федерации по вопросам деятельности органов внутренних дел, осуществляет общественный контроль в иных предусмотренных законом формах [8, с. 18–21].

Как считает А. А. Ерыгин, перспективным вопросом совершенствования правового статуса общественных советов при органах исполнительной власти субъектов Российской Федерации в рамках решения вышеназванной проблемы является разработка единых стандартов их деятельности, а также обобщение позитивного опыта работы общественных советов, особенно в качестве субъектов общественного контроля [7, с. 315–320].

В. С. Бялт и С. Ю. Чимаров в контексте рассматриваемой темы считают, что для развития гражданского общества в государстве, повышения эффективности функционирования полиции в качестве одной из мер, направленных на совершенствование общественного контроля за деятельностью полиции, следует предусмотреть расширение полномочий общественных советов при органах внутренних дел с целью повышения эффективности их работы [5, с. 101–103].

Наличие проблемы единообразного правового регулирования полномочий общественных советов при органах внутренних дел подтверждается при анализе положений об общественных советах при УМВД России в субъектах Российской Федерации Центрального федерального округа (на примере Костромской, Ярославской, Ивановской и Владимирской областей), поскольку в данных положениях общественных советов отсутствует перечень полномочий, посредством которых была бы возможна более полная реализация имеющихся у общественных советов прав в целях выполнения установленных федеральным законодательством и положениями задач в рамках своей деятельности.

Думается, что следует закрепить в федеральном законодательстве сформулированный на основе нормативных правовых актов, регулирующих деятельность общественных советов при органах внутренних дел (федеральных законов, указов Президента Российской Федерации, постановлений Правительства Российской Федерации, приказов МВД России, касающихся деятельности общественных советов при органах внутренних дел, Стандарта деятельности общественного совета при федеральном органе исполнительной власти), единый перечень их общих полномочий, на который будут ориентироваться Ми-

нистерство внутренних дел Российской Федерации и его территориальные органы при принятии нормативных правовых актов об общественных советах и с опорой на который общественные советы смогут в большей степени реализовать закрепленные за ними права для выполнения возложенных на них задач.

Так, представляется целесообразным дополнить Указ Президента Российской Федерации от 23.05.2011 № 668 «Об общественных советах при Министерстве внутренних дел Российской Федерации и его территориальных органах» пунктом 6.1 следующего содержания: «Общественный совет при территориальном органе Министерства внутренних дел Российской Федерации обладает следующими полномочиями [1]:

а) приглашать на заседания общественного совета руководителя территориального органа Министерства внутренних дел Российской Федерации, представителей общественных объединений, иных организаций;

б) создавать по вопросам, отнесенным к компетенции общественного совета, комиссии и рабочие группы, в состав которых могут входить по согласованию с руководителем территориального органа Министерства внутренних дел Российской Федерации государственные гражданские служащие, представители общественных объединений и иных организаций;

в) привлекать граждан Российской Федерации, общественные объединения и иные организации, а также иные объединения граждан Российской Федерации, представители которых не вошли в состав общественного совета, к работе общественного совета, участию в охране общественного порядка, профилактике правонарушений, обеспечении общественной безопасности, противодействию преступности непосредственно и (или) путем представления ими отзывов, предложений и замечаний в порядке, определяемом председателем общественного совета;

г) организовывать проведение общественных экспертиз проектов федеральных законов и иных нормативных правовых актов Российской Федерации, принятых по вопросам деятельности органов внутренних дел или разрабатываемых Министерством внутренних дел Российской Федерации;

д) вносить предложения по их совершенствованию в форме рекомендаций соответствующим органам внутренних дел, в ходе общественных обсуждений в рамках заседаний общественного совета по вопросам общественного контроля за деятельностью органов внутренних дел в субъекте Российской Федерации, совместных заседаний с представителями территориальных органов Министерства внутренних дел Российской Федерации;

е) участвовать в антикоррупционной работе;

ж) направлять запросы и обращения в органы внутренних дел;

з) информировать органы государственной власти и общественность о выявленных в ходе общественного контроля нарушениях;

и) обеспечивать доступность информации о деятельности органов внутренних дел;

к) по согласованию с руководителем территориального органа Министерства внутренних дел Российской Федерации создавать в сети Интернет офици-

альный сайт общественного совета, где будет размещаться информация о его деятельности».

Наряду с этим, предлагаем также внести в Указ Президента Российской Федерации от 28.07.2011 № 1027 «Об утверждении Положения об Общественном совете при Министерстве внутренних дел Российской Федерации» пункт 5.1 сходного содержания [2].

Внесение данных изменений будет способствовать обеспечению независимого и беспристрастного характера осуществления общественными советами общественного контроля за деятельностью и правовыми актами органов внутренних дел в субъектах Российской Федерации, повышению объективности, качества и эффективности деятельности общественных советов и, соответственно, территориальных органов внутренних дел.

Таким образом, исходя из анализа научных работ ученых, можно сделать вывод, что данное решение проблемы будет способствовать более единообразному и эффективному правовому регулированию, и осуществлению общественного контроля за деятельностью органов внутренних дел в субъектах Российской Федерации в целях обеспечения соответствия их деятельности действующему законодательству, соблюдения в ходе нее прав и свобод человека и гражданина, учета общественных интересов.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Об общественных советах при Министерстве внутренних дел Российской Федерации и его территориальных органах : Указ Президента Российской Федерации от 23.05.2011 № 668 (ред. от 25.08.2021) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102147801> (дата обращения: 13.04.2024).

2. Об утверждении Положения об Общественном совете при Министерстве внутренних дел Российской Федерации : Указ Президента Российской Федерации от 28.07.2011 № 1027 (ред. от 17.09.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102149691&intelsearch=%F3%EA%E0%E7+%EF%F0%E5%E7%E8%E4%E5%ED%F2%E0+1027+%EE%F2+28.07.2011> (дата обращения: 13.04.2024).

3. О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года : Указ Президента Российской Федерации от 21.07.2020 № 474 // Официальный интернет-портал правовой информации. Официальное опубликование правовых актов URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202007210012> (дата обращения: 13.04.2024).

4. Перечень поручений по итогам заседания Совета по развитию гражданского общества и правам человека (утв. Президентом РФ 12.01.2023 № Пр-19). URL: <http://www.kremlin.ru/acts/assignments/orders/70349> (дата обращения: 13.04.2024).

5. Бялт В. С., Чимаров С. Ю. Правовые и организационные основы общественного контроля за деятельностью полиции // Международный журнал

гуманитарных и естественных наук. 2023. № 1-1(76). С. 101–103. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=50283948> (дата обращения: 13.04.2024).

6. Дерюга А. Н., Ковалева И. В. Проблемы реализации полномочий общественных советов ОВД при осуществлении общественного контроля // Административное право и процесс. 2020. № 2. С. 1–9. URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 13.04.2024).

7. Ерыгин А. А. Новеллы правового статуса общественных советов при органах исполнительной власти субъектов Российской Федерации // Юридическая техника. 2021. № 15. С. 315–320. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/novelly-pravovogo-statusa-obschestvennyh-sovetov-pri-organah-ispolnitelnoy-vlasti-subektov-rossiyskoj-federatsii> (дата обращения: 13.04.2024).

8. Кононов А. М. О некоторых актуальных проблемах совершенствования общественного контроля в Российской Федерации // Административное право и процесс. 2023. № 2. С. 18–21. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=50246561> (дата обращения: 13.04.2024).

УДК 347.73

Торосян Милена Вачагановна

магистрант, Курский государственный университет

г. Курск, Российская Федерация

milena.torosyan.2016@mail.ru

Вербина Оксана Леонидовна

кандидат исторических наук, доцент

Курский государственный университет

г. Курск, Российская Федерация

oxana_71@mail.ru

**Финансовый уполномоченный по правам потребителей
финансовых услуг как новый институт защиты прав
в досудебном порядке**

Аннотация: Институт финансового уполномоченного был создан с целью эффективного досудебного урегулирования споров между финансовыми организациями и потребителями финансовых услуг. В статье анализируется специфика правового статуса финансового уполномоченного, особой правовой природы отношений, возникающих при рассмотрении им в досудебном порядке спора между сторонами, пробелы в законодательстве, которые обуславливают возникновение ряда важных проблем процессуального характера. Отсутствие правовой регламентации особенностей применения в таких случаях процессуального законодательства по указанным вопросам приводит к разнонаправленному развитию судебной практики, нарушению принципа правовой определенности, возникновению препятствий при реализации права на судебную защиту.

Ключевые слова: финансовый уполномоченный, защита прав, потребитель финансовых услуг, досудебный порядок, исковое производство, особое производство.

Torosyan Milena Vachaganovna

undergraduate, Kursk State University
Kursk, Russian Federation

Verbina Oksana Leonidovna

candidate of historical sciences, associate professor
Kursk State University
Kursk, Russian Federation

**Financial Ombudsman for the Rights of consumers of financial services
as a new institute for pre-trial rights protection**

Annotation: The Institute of the Financial Ombudsman was created for the purpose of effective pre-trial settlement of disputes between financial organizations and consumers of financial services. The article analyzes the specifics of the legal status of the financial ombudsman, the special legal nature of the relations that arise when he considers a dispute between the parties in pre-trial proceedings, gaps in the legislation that give rise to a number of important procedural problems. The lack of legal regulation of the specific application of procedural legislation on these issues in such cases leads to multidirectional development of judicial practice, violation of the principle of legal certainty, and the emergence of obstacles in the implementation of the right to judicial protection.

Keywords: financial ombudsman, protection of rights, consumer of financial services, pre-trial procedure, claim proceedings, special proceedings.

4 июня 2018 года в нашей стране был принят Федеральный закон № 123-ФЗ «Об уполномоченном по правам потребителей финансовых услуг» (далее – Закон № 123-ФЗ). Согласно вышеназванному закону финансовый уполномоченный рассматривает обращения потребителей финансовых услуг к финансовым организациям, которыми оказывались финансовые услуги, с целью удовлетворения требований имущественного характера.

Основными достоинствами досудебных способов разрешения споров являются уменьшение сроков рассмотрения споров, сокращение затрат и судебной нагрузки.

Но когда речь идет о спорах при участии потребителей, особо важное значение имеют задачи, которые связаны с особенностями состава субъектов таких правоотношений, а именно:

- стимулирование финансовых организаций исполнять обязательства в добровольном порядке с помощью создания негативных последствий нарушения сроков удовлетворения требований потребителей;
- простота и понятность процедуры, которая дает возможность потребителю защищать свои права лично без участия представителей.

Поскольку финансовая сфера связывается с основными потребностями людей, вышеназванные задачи имеют большое значение.

В свете изложенного интерес вызывает установленный ч. 2 ст. 15 и ст. 25 Закона № 123-ФЗ обязательный досудебный порядок урегулирования уполно-

моченным по правам потребителей финансовых услуг (далее – финансовый уполномоченный) споров между потребителями финансовых услуг (далее – потребители) и финансовыми организациями.

Данные споры представляют собой двухэтапную процедуру: до того как предъявить требования к финансовой организации в суде потребитель должен последовательно совершить действия, которые направлены на досудебное урегулирование спора.

1. Отправление претензии финансовой организации в письменном или электронном варианте, со всеми необходимыми данными, содержащими суть спора и требования потребителя с приложением документов, подтверждающих их обоснованность. После рассмотрения претензии, финансовая организация должна предоставить свой мотивированный ответ об удовлетворении, частичном удовлетворении или отказе в удовлетворении предъявленного требования. Однако на практике, часто встречаются случаи, когда по истечении установленных сроков рассмотрения заявления финансовая организация не предоставила свой ответ (ч. 1 и 2 ст. 16 Закона № 123-ФЗ).

2. Направление финансовому уполномоченному обращения об удовлетворении требований имущественного характера, предъявляемых к финансовой организации, в соответствии с порядком, установленным ст. 17 Закона № 123-ФЗ. Здесь результатом рассмотрения выступит решение финансового уполномоченного о полном или частичном удовлетворении обращения либо об отказе в его удовлетворении. Непринятие в установленный срок финансовым уполномоченным решения по обращению – тоже является основанием для того, чтобы признать обязательный досудебный порядок соблюденным.

Спор потребителя с финансовой организацией может быть разрешен на любом из указанных этапов добровольно финансовой организацией путем признания и исполнения требований потребителя либо решением финансового уполномоченного при отказе финансовой организации от урегулирования спора. Однако это не исключает возможности дальнейшего разрешения спора в судебном порядке по инициативе как потребителя, так и финансовой организации, не согласных с решением финансового уполномоченного [2].

Сложная правовая природа отношений между потребителем, финансовой организацией и финансовым уполномоченным означает, что нельзя автоматически применять положения ГПК РФ к их регулированию. Нормы Закона № 123-ФЗ, которые регламентируют процессуальные отношения, являются фрагментарными и вызывают ряд вопросов.

В указанной ситуации попытку разрешить создавшуюся проблему приняла высшая судебная инстанция путем подготовки Разъяснений по вопросам, связанным с применением Федерального закона от 04.06.2018 № 123-ФЗ «Об уполномоченном по правам потребителей финансовых услуг», утвержденных Президиумом Верховного Суда РФ 18 марта 2020 г. (далее – Разъяснения).

Так, согласно ч. 3 ст. 25 Закона № 123-ФЗ в случае несогласия с вступившим в силу решением финансового уполномоченного потребитель вправе в течение 30 дней после дня вступления в силу указанного решения обратиться в суд и заявить требования к финансовой организации по предмету, содержа-

щемуся в обращении, в порядке, установленном гражданским процессуальным законодательством РФ.

В ответе на вопрос 4 Разъяснений указано на необходимость применения общих правил определения подсудности по имущественным требованиям – в районный суд или к мировому судье, в зависимости от цены иска.

При этом Разъяснения конкретизируют положения ч. 3 ст. 25 Закона № 123-ФЗ в части возложения не на потребителя (истца), а на суд обязанности по направлению финансовому уполномоченному копии искового заявления с приложенными материалами. Данная позиция противоречит правилу, установленному пунктом 6 ст. 132 ГПК РФ, однако, учитывая дополнительные обязанности суда по отношению к финансовому уполномоченному стоит считать это целесообразным. Кроме того, суд должен уведомить финансового уполномоченного о принятии иска к производству и запросить у него копии документов, на которых основывается его решение. При этом финансовый уполномоченный имеет право предоставить суду пояснения относительно сути принятого решения.

Какой процессуальный статус при таком положении дел будет у финансового уполномоченного? Согласно Разъяснениям – его не будет: финансовый уполномоченный в качестве ответчика или третьего лица не привлекается.

Учитывая изложенное, возникает следующая ситуация: Верховный Суд РФ определяет финансового уполномоченного как участника процесса, имеющего интерес в его результате и процессуальные права и обязанности. Однако Верховный Суд РФ явно исключает возможность присвоения финансовому уполномоченному единственно возможного процессуального статуса третьего лица, которое не выдвигает самостоятельные требования относительно предмета спора.

Судебная практика данный вопрос в основном решает в соответствии с фактически складывающимися отношениями: финансовый уполномоченный участвует в деле в качестве третьего лица, не заявляющего самостоятельные требования относительно предмета спора. Однако это никак не улучшает сложившуюся ситуацию, разрешение которой требует изменения правового регулирования и соответствующей корректировки позиции Верховного Суда РФ.

Определение порядка рассмотрения таких дел – одна из первостепенных возникающих проблем.

Отсутствие законодательного регулирования указанного вопроса восполнено в ответе на вопрос 5 Разъяснений: «Поскольку специального порядка обжалования финансовыми организациями решений финансового уполномоченного гражданским процессуальным законодательством не установлено, рассмотрение таких требований производится судами общей юрисдикции по общим правилам производства в суде первой инстанции (подраздел II раздела II ГПК РФ). Ввиду того что финансовый уполномоченный является лицом, разрешающим гражданско-правовой спор между потребителем и финансовой организацией, он не может являться ответчиком по заявлению финансовой организации, не согласной с его решением, принятым по спору между потребителем и этой организацией. Поскольку процессуальным законом данные вопросы

прямо не урегулированы, исходя из общих принципов осуществления правосудия в Российской Федерации (часть 4 статьи 1 ГПК РФ), финансовая организация в таком случае участвует в деле в качестве заявителя, финансовый уполномоченный и потребитель привлекаются к участию в деле в качестве заинтересованных лиц» [3, с. 96].

Противоречивость и недосказанность позиции Верховного Суда РФ, на наш взгляд, привели к различному толкованию судами Разъяснений в указанной части: дела об обжаловании финансовыми организациями решений финансового уполномоченного рассматриваются судами как в порядке искового производства, так и в порядке особого производства [1]. Подобная ситуация кажется неприемлемой, в том числе из-за присутствия различных процессуальных статусов и полномочий участников данных отношений. Чтобы решить эту проблему, необходимо, чтобы Верховный Суд РФ разработал единый подход.

Однако возникают случаи, когда финансовая организация обжалует решение финансового уполномоченного в рамках искового производства, а потребитель выступает ответчиком. В таких случаях суд одновременно квалифицирует потребителя и как заинтересованное лицо, вероятно, чтобы соблюсти требования Разъяснений.

Для устранения указанных проблем необходимо провести соответствующую работу по совершенствованию правового регулирования, учитывая специфику данных отношений и необходимость обеспечения конституционного права на судебную защиту. Это может включать в себя внесение изменений в законодательные акты, разработку дополнительных нормативных актов или проведение судебной практики для установления ясности и определенности в правовом поле.

Кроме того, Верховный Суд РФ должен проявлять активную позицию в даче разъяснений по вопросам судебной практики, связанных с рассматриваемыми проблемами. Такие разъяснения помогут достичь единообразия в судебной практике и улучшить предсказуемость решений судов [4, с. 51].

Имеет значение также обеспечить доступность и понятность правовой информации для всех участников процесса. Часто проблемы возникают из-за недостаточного понимания правовых норм и требований. Поэтому следует развивать механизмы образования и информирования, а также стремиться к большей прозрачности и доступности судебных процессов.

Наконец, важно обратить внимание на исполнение судебных решений. В случае если решение суда не исполняется или исполняется с опозданием, это может нарушать права сторон и вести к длительности и неопределенности процесса. Поэтому необходимо усилить механизмы контроля за исполнением судебных решений и обеспечить их более эффективное и своевременное исполнение.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Апелляционное определение Санкт-Петербургского городского суда от 15.12.2020 по делу № 33-25989/2020. URL: <https://www.consultant.ru/cons/>

cgi/online.cgi?req=doc&base=SOSZ&n=268620#F2nuUHUEo0RmyylI1 (дата обращения: 20.02.2024).

2. Гожуленко Я. Н., Чубатова А. В. Досудебное урегулирование экономических споров // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2020. № 11–4. С. 50–52.

3. Зайков Д. Е. Особенности правового регулирования и проблемы судебной практики применения обязательного досудебного порядка урегулирования споров по договорам обязательного страхования автогражданской ответственности // Транспортное право и безопасность. 2021. № 4. С. 96–97.

4. Кудрявцева В. П. Оспаривание решения уполномоченного по правам потребителей финансовых услуг: проблема распределения процессуальных статусов // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2020. № 5. С. 50–56.

УДК 349.6

Гезалов Равид Али-оглы

магистрант, Костромской государственной университет

г. Кострома, Российская Федерация

ravidgez96@gmail.com

Хлестакова Любовь Анатольевна

кандидат педагогических наук, доцент

Костромской государственной университет

г. Кострома, Российская Федерация

lub-kuku@mail.ru

Недропользование: правовое регулирование и проблемы понятийного аппарата

***Аннотация:** В данной статье рассматривается недропользование как объект правового регулирования. Комплексность указанной категории подтверждается наличием обширной законодательной базы. Анализируется правовой пробел в понятийном аппарате, в частности, относительно дефиниции «подземные воды». На основе нормативных правовых актов и научной доктрины дается авторское определение «подземные воды» и предлагается совершенствование законодательства в исследуемой области.*

***Ключевые слова:** недра, недропользование, правовое регулирование, подземные воды, легальная дефиниция.*

Gezalov Ravid Ali-ogly

undergraduate, Kostroma State University

Kostroma, Russian Federation

Khlestakova Lyubov Anatolyevna

candidate of pedagogical sciences, associate professor

Kostroma State University

Kostroma, Russian Federation

Subsurface use: legal regulation and problems of the conceptual apparatus

***Annotation:** This article considers subsurface use as an object of legal regulation. The complexity of this category is confirmed by the presence of an extensive legislative framework. The legal gap in the conceptual apparatus is analyzed, in particular, regarding the definition of “groundwater”. On the basis of normative legal acts and scientific doctrine, the author's definition of “groundwater” is given and the improvement of legislation in the field under study is proposed.*

***Keywords:** subsoil, subsoil use, legal regulation, groundwater, legal definition.*

Общеизвестный факт, что Российская Федерация – страна с ресурсозависимой экономикой. Природные ресурсы и, прежде всего, ресурсы недр приносят львиную долю государственного бюджета и валютных поступлений страны. От того, насколько отношения недропользования отвечают радикальным рыночным реформам, осуществляемым в России, по существу зависит будущее российской экономики.

Полезность недр для человека и общества состоит в том, что они являются источником минерального сырья, ископаемого топлива и других материалов. Для понимания сущности и правовой природы рассматриваемого явления, необходимо уяснить понятийный аппарат и исследовать правовое регулирование.

В первую очередь, законодательство о недрах основывается на Конституции Российской Федерации [5]. Согласно части 1 статьи 9, земля и другие природные ресурсы используются и охраняются в Российской Федерации как основа жизни и деятельности народов, проживающих на соответствующей территории. Этим конституционным положением подчеркивается, что недра и их ресурсы являются общественным достоянием. Кроме этого, Конституция РФ допускает возможность многообразия форм собственности на природные ресурсы: земля и другие природные ресурсы могут находиться в частной, государственной, муниципальной и иных формах собственности (ч. 2 ст. 9) [5]. Часть 2 статьи 36 Конституции РФ устанавливает ограничения осуществления собственниками своих правомочий: «владение, пользование и распоряжение землей и другими природными ресурсами осуществляются их собственниками свободно, если это не наносит ущерба окружающей среде и не нарушает прав и законных интересов иных лиц». Это конституционное ограничение действует и в отношении государства как собственника недр.

Одним из основополагающих нормативных правовых актов в данной области является Закон РФ от 21.02.1992 № 2395-1 «О недрах», который содержит правовые и экономические основы комплексного, рационального использования и охраны недр, обеспечивает защиту интересов государства и граждан Российской Федерации, прав пользователей недр, а также принятых в его развитие нормативных правовых актов органов государственной власти субъектов Российской Федерации [8]. Необходимо отметить, что несмотря на конституционные положения о многообразии форм собственности на природные ресурсы (ст. 9 Конституции РФ) [5], законодательство о недрах устанавливает исключительную государственную форму собственности на недра и их ресурсы (ст. 1.2 Закона РФ «О недрах»). Интересы же частных лиц (добывающих компаний) в использовании ресурсов недр обеспечиваются через институт права недропользования.

Земельный кодекс Российской Федерации, который регулирует отношения по использованию и охране земель в Российской Федерации как основы жизни и деятельности народов, проживающих на соответствующей территории (земельные отношения), в частности, по использованию и охране недр, охране окружающей среды [3].

Также, в субъектах Российской Федерации приняты и действуют специальные законы о недропользовании. К примеру, на территории Костромской области действует Закон Костромской области от 27 июня 2008 года № 325-4-ЗКО «О некоторых вопросах недропользования на территории Костромской области» [9]. Данный Закон регулирует отношения, связанные с установлением на территории Костромской области порядка предоставления в пользование участков недр местного значения для геологического изучения недр в целях поисков и оценки подземных вод, для разведки и добычи подземных вод или для геологического изучения недр в целях поисков и оценки подземных вод, их разведки и добычи, для добычи подземных вод, используемых для целей питьевого и хозяйственно-бытового водоснабжения; порядка использования общераспространенных полезных ископаемых и подземных вод для собственных нужд (ст. 1).

За нарушение законодательных норм о недрах предусмотрена административная и уголовная ответственность. В частности, статьями 8.9–8.11 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях [4] установлена административная ответственность за нарушение требований по охране недр и гидроминеральных ресурсов, требований по рациональному использованию недр, правил и требований проведения работ по геологическому изучению недр, в то время как преступления, посягающие на отношения в сфере охраны недр квалифицируются по статье 255 Уголовного кодекса Российской Федерации [10].

Таким образом, правовое регулирование недропользования осуществляется на основе Конституции РФ и достаточно широкого перечня нормативных правовых актов как федерального, так и регионального уровня, в чем проявляется комплексность возникающих общественных отношений в рассматриваемой сфере. Многообразие законодательных актов в области недропользования обуславливает их определенную несогласованность и противоречивость. Одной из проблем является отсутствие ряда важных дефиниций, что приводит к сложностям при толковании норм о недропользовании. В число таких входит термин «подземные воды».

Анализ действующего законодательства Российской Федерации о недрах показал, что подземные воды являются одним из видов недр и их использование регулируется непосредственно Законом Российской Федерации «О недрах» [8]. В Водном кодексе Российской Федерации к подземным водам отнесены бассейны подземных вод и водоносные горизонты, однако точного определения понятия не установлено [2]. Среди ученых есть различные позиции относительно данного понятия.

Одни авторы считают, что подземными водами являются воды, находящиеся в толще земной коры ниже дневной поверхности или дна водоемов и водотоков в любом агрегатном состоянии (жидком, твердом, газообразном), а также их выходы на земную поверхность или в поверхностные водные объекты [6].

Другие ученые на основании классификации подземных водных объектов умозаключают, что подземные воды – это природные воды, находящиеся ниже уровня земной поверхности в толщах горных пород земной коры, за исключением искусственно созданных подземных резервуаров [7].

Ряд исследователей указывают, что подземные воды находятся в недрах земли, физически неотделимы от недр, в то время как и все остальные водные объекты, они неотделимы и от земельного участка, на котором они расположены [1].

Исследовав правовое регулирование и научную доктрину, мы пришли к выводу, что подземные воды представляют собой водяной природный ресурс, расположенный под земной поверхностью в верхней части земной коры, занимающий пространство в геологических пластах и почвах пустоты в любом агрегатном состоянии. По нашему мнению, легальное определение понятия «подземные воды» целесообразно закрепить в пункте 20 статьи 1 Водного кодекса Российской Федерации. Законодательное закрепление легальной дефиниции указанного понятия позволит отразить все юридически присущие черты, а также не допустить неясность законодательных формулировок в части отражения сути рассматриваемого термина.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Арустамов Э. А., Левакова И. В. Загрязнение подземных вод стало актуальной экологической проблемой // Вестник евразийской науки. 2019. № 6. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zagryaznenie-podzemnyh-vod-stalo-aktualnoy-ekologicheskoy-probleмой> (дата обращения: 10.12.2023).

2. Водный кодекс Российской Федерации : текст с изменениями и дополнениями на 04 августа 2023 года : принят Государственной Думой 12 апреля 2006 года : одобрен Советом Федерации 26 мая 2006 года // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 10.12.2023).

3. Земельный кодекс Российской Федерации : текст с изменениями и дополнениями на 07 октября 2022 года : принят Государственной Думой 28 сентября 2001 года : одобрен Советом Федерации 10 октября 2001 года // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 10.12.2023).

4. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях : текст с изменениями и дополнениями на 04 августа 2023 года : принят Государственной Думой 20 декабря 2001 года : одобрен Советом Федерации 26 декабря 2001 года // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 10.12.2023).

5. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 10.12.2023).

6. Куделькин Н. С. Подземные воды: особенности правового регулирования // Право и государство: теория и практика. 2017. № 12(156). URL:

<https://cyberleninka.ru/article/n/podzemnye-vody-osobennosti-pravovogo-regulirovaniya> (дата обращения: 10.12.2023).

7. Москвина В. И. Подземные воды как объект правоотношений // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия D. Экономические и юридические науки. 2022. № 5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/podzemnye-vody-kak-obekt-pravootnosheniy> (дата обращения: 10.09.2023).

8. Закон РФ от 21.02.1992 № 2395-1 «О недрах» : (ред. от 10.07.2023) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 10.12.2023).

9. О некоторых вопросах недропользования на территории Костромской области : Закон Костромской области от 27 июня 2008 года № 325-4-ЗКО (ред. от 26.04.2022) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 10.12.2023).

10. Уголовный кодекс Российской Федерации : текст с изменениями и дополнениями на 04 августа 2023 года : принят Государственной Думой 24 мая 1996 года : одобрен Советом Федерации 5 июня 1996 года // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 10.12.2023).

УДК 347.93

Конева Елизавета Евгеньевна

магистрант, Костромской государственный университет
г. Кострома, Российская Федерация
liza.koneva.96@list.ru

Актуальное положение института медиации в российском законодательстве

Аннотация: В данной статье рассматривается исторический аспект становления предпосылок формирования института медиации, как альтернативного способа урегулирования конфликтов. Анализируется европейский опыт, текущее отечественное правовое положение и актуальность использования, а также рассматриваются проблемы и предлагаются перспективные пути решения.

Ключевые слова: процедура медиации, проблемы института медиации, исторические аспекты, законодательство.

Koneva Elizaveta Evgenievna

undergraduate, Kostroma State University
Kostroma, Russian Federation

The current position of the institute of mediation in Russian legislation

Annotation: This article examines the historical aspect of the formation of prerequisites for the formation of the institution of mediation as an alternative way of conflict resolution. The Euro-

pean experience, the current domestic legal situation and the relevance of use are analyzed, as well as problems are considered and promising solutions are proposed.

Keywords: *mediation procedure, problems of the mediation institute, historical aspects, legislation.*

Метод медиации как институт разрешения конфликтных ситуаций в том положении, в котором он пребывает на современном этапе возник в Соединенных Штатах Америки в 60-х годах прошлого столетия. Пробразом же стал способ еврейской интервенции в конфликты – семейные споры, дела о наследовании или собственности. Самым же востребованным данный способ разрешения конфликтов был в бракоразводных конфликтах. Но с течением времени хорошо себя зарекомендовали в таких ситуациях как: конфликты между соседями, разделе имущества, экономики и бизнесе, и даже в политике [1, с. 74].

Сегодня данная процедура активно адаптирована и зачастую применяется в государствах Европейского союза, таких как: Германия, Франция, Италия, Испания, Великобритания и другие.

Медиация в России была официально введена как институт урегулирования споров в 2010 году, в связи с принятием Федерального закона от 27.07.2010 № 193-ФЗ (ред. от 26.07.2019) «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» (далее – Закон).

В статье 2 Закона говорится, что медиацией является способ урегулирования споров при содействии медиатора на основе добровольного согласия сторон в целях достижения ими взаимоприемлемого решения [6].

Особенностью медиации, прежде всего в сравнении с судебным способом разрешения спора, выступает теоретическое положение о праве как регуляторе общественных отношений. Это заключается в том, что при возникновении спора о праве возможно участие как в медиативном разрешении, так и в судебном порядке. А если положение дел обратное, то судебный порядок и вовсе закрыт для его использования.

Далее стоит сказать о различиях в субъектном составе. Судебное рассмотрение проводит судья – профессиональный правоприменитель, имеющий высшее юридическое образование и длительный стаж работы в сфере юриспруденции, тогда как в институте медиации ведущим звеном является медиатор – независимое физическое лицо, привлекаемые сторонами в качестве посредников в урегулировании спора для содействия в выработке сторонами решения по существу спора [6], имеющее согласно Закону, высшее образование, при этом уровень и направление образования законодатель не регламентирует.

Отдельно следует сказать о способах вовлечения сторон в процессы разрешения спора/конфликта. В судебном процессе волеизъявление противостоящей стороны не учитывается, ибо при наличии искового заявления в отношении конкретного гражданина он обязательно становится ответчиком. Однако процедурой медиации установлен совершенно противоположный порядок. Участие сторон зависит исключительно от их согласия на выполнение медиативной процедуры. Стороны дают добровольное согласие на выполнение решений, принятых с участием посредника. В задачу посредника входит только поиск согласия

между сторонами, в то время как в задачу суда – поиск виновного и установление степени вины и ответственности [6].

Имеет место незначительность издержек (временных и финансовых) для сторон при использовании института медиации, при обращении же в суд, где дела слушаются порой годами, издержки могут быть очень значительными. Решения суда или арбитража носят, как правило, принудительный характер для одной из сторон или для обеих сторон. Медиация же содействует достижению соглашения между участниками переговоров. При медиации решение принимают сами договаривающиеся стороны, и они сами добровольно берут на себя обязанность его выполнять. Поэтому медиация внушает больше уверенности в том, что переговоры будут успешно завершены, а сложные спорные вопросы урегулированы.

Говоря об актуальности процедуры медиации стоит отметить, что согласно аналитическому отчету, подготовленному Федеральным государственным бюджетным учреждением «Центр защиты прав и интересов детей», в рамках реализации плана по Концепции развития сети служб медиации в целях осуществления восстановительного правосудия в отношении детей, в рамках которого был проведен мониторинг с 2016 года для получения объективных данных о востребованности деятельности служб медиации и служб примирения в субъектах Российской Федерации.

Согласно данному отчету, по Центральному федеральному округу, число служб возросло за отчетный период с 6854 до 7554 (+10,2 %). Лидерами округа являются – Московская область – 2120; Воронежская область – 605 и Белгородская область – 562 [2, с. 8].

Общее число обращений в службы также увеличилось за период 2020-2021 годов, и составило 15242, из числа которых с положительным результатом завершено 14289 обращений [2, с. 8].

При анализе приведенной статистики мы четко наблюдаем, что институт медиации имеет явную тенденцию к развитию, однако данный институт в России все же имеет ряд проблем, которые, по нашему мнению, сдерживают его всеобщее применение и признание среди граждан как легитимный аналог судебного разбирательства.

Говоря о проблемах, отметим, что зачастую авторами поднимается проблема низкой востребованности данного института среди населения. Причиной этому становится как низкая осведомленность в целом о наличии данного способа разрешения конфликтных ситуаций, так и о банальном недоверии, поскольку большинство организаций находятся в частном ведении [4, с. 75; 3, с. 121].

Способом решения этой проблемы мы видим активное рекламное продвижение в социальных сетях, на телевидении и радиоэфирах. Также считаем необходимым указывать о положительном опыте использования данной процедуры и сокращении временных издержек.

Во-вторых, выступает проблема высокой стоимости услуги. Например, в городе Кострома средняя стоимость услуги медиации составляет 2920 руб. [5]. А в среднем стоимость услуги начинается от 2500–15 000 руб., причем, некото-

рые организации взимают плату в почасовом формате [5; 7; 8]. Этому способствует положение медиаторов в частных компаниях и организациях. Для решения данной проблемы следовало предусмотреть создания государственных кабинетов медиаторов, содержание которых осуществлялось бы за счет бюджетных средств. Данный способ решения проблемы также устранил бы и рассмотренную нами первую проблему.

И наконец третья проблема, по нашему мнению, как наиболее значимая среди прочих, заключается в законодательном установлении уровня образования медиаторов. В статье 16 Закона указан в общем смысле уровень необходимого образования медиатора – высшее образование [6]. Однако подобный подход, по нашему мнению, а также мнению некоторых ученых-юристов, вовсе неудовлетворителен. В связи с этим И. А. Каратаев в своей работе [4, с. 75] справедливо утверждает о необходимости установления ценза на обязательное высшее юридическое образование. Однако мы предлагаем пойти дальше, и поставить вопрос об обязательном наличии квалификации психолого-педагогического образования. Поскольку, миссия медиатора осложнена наличием конфликтной ситуации между сторонами, и знания вопросов психологии и конфликтоведения будут играть немаловажную роль в положительной работе медиатора.

Таким образом, процедура медиации в отечественном законодательстве как самостоятельный институт закреплена, однако имеет существенные проблемы как развития, так и функционирования, поэтому, приобщение научного взгляда и внимания законодателя необходимы, чтобы миссия медиация работала в полной мере.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Аллахвердова О. В., Иванова Е. Н. История развития медиация // Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения. История и археология. 2006. Сер. 6. Вып. 2. Ч. 2. С. 73–77.

2. Аналитический отчет «Мониторинг деятельности служб медиации в субъектах Российской Федерации» // Федеральное государственное бюджетное учреждение «Центр защиты прав и интересов детей» : сайт: С. 1–58. URL: https://fcprc.ru/media/media/mediacia/Мониторинг_2021-22_года_pRaSvUs.pdf (дата обращения: 04.04.2024).

3. Дербишева О. А. Проблемы процедуры медиации в гражданском судопроизводстве // Legal Concept = Правовая парадигма. 2021. Т. 20, № 1. С. 118–123.

4. Каратаев И. А. Актуальные проблемы процедуры медиации в России и пути их решения // Актуальные проблемы права : материалы V Междунар. науч. конф. (Москва, декабрь 2016 г.). М. : Буки-Веди, 2016. С. 74–77. URL: <https://moluch.ru/conf/law/archive/224/11437/> (дата обращения: 04.04.2024).

5. Медиация в Костроме // Профи : сайт: URL. https://kostroma.profi.ru/buhgaltery_i_yuristy/mediaciya/#prices (дата обращения: 04.04.2024).

6. Федеральный закон от 27.07.2010 № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» :

(ред. от 26.07.2019) // Официальный интернет-портал правовой информации.
URL: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 04.04.2024).

7. Прайс услуг // АНО ОСУГ «Уральский центр медиации» : сайт. URL: <https://uralmediator.ru/prajs-uslug/> (дата обращения: 04.04.2024).

8. Стоимость медиации // Law + Mediation : сайт. URL: <https://law-mediation.ru/stoimost-mediacii/> (дата обращения: 04.04.2024).

УДК 47.63

Иванов Максим Сергеевич

магистрант, Костромской государственной университет

г. Кострома, Российская Федерация

i.am.ims@yandex.ru

Усовершенствование института устройства детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, в замещающие семьи

Аннотация: Статья посвящена вопросу устройства детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, в замещающие семьи. Определена цель законодательного регулирования условий подбора, учета и подготовки кандидатов в замещающие семьи, подготовка ребенка к переходу в замещающую семью. В статье освещено законодательное закрепление формы инновационного устройства детей в замещающие семьи на примере проекта «Профессиональная приемная семья», которым предлагается дать понятие определению «Профессиональная приемная семья», «Профессиональный приемный родитель», а также установить условия заключения договора о профессиональной приемной семье и основания его прекращения.

Ключевые слова: дети-сироты, дети, оставшиеся без попечения родителей, банк данных детей-сирот, замещающая семья, профессиональная приемная семья, ювенальное право.

Ivanov Maksim Sergeevich

undergraduate, Kostroma State University

Kostroma, Russian Federation

Improvement of the institution of placement of orphans and children without parental care in foster families

Annotation: The article is devoted to the issue of placement of orphans and children left without parental care into foster families. The purpose of legislative regulation of the conditions of selection, registration and preparation of candidates for foster families, preparation of a child for the transition to a foster family is defined. The article highlights the legislative consolidation of the form of innovative placement of children in substitute families on the example of the project “Professional foster family”, which proposes to give the concept of the definition of “Professional foster family”, “Professional foster parent”, as well as to establish the conditions for the conclusion of the contract on professional foster family and the grounds for its termination.

Keywords: orphans, children left without parental care, data bank of orphans, substitute family, professional foster family, juvenile law.

Каждому несовершеннолетнему в России с момента рождения принадлежат, гарантируются и обеспечиваются государством права и свободы человека и гражданина, закрепленные в Конституции Российской Федерации [3].

В настоящее время в Российской Федерации принимаются меры по защите прав и законных интересов детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, создание для них комфортных и благоприятных условий, способствующих правильному воспитанию и обучению, а также нацеленных на повышение в этом роли семьи.

В соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 29.05.2017 № 240 «Об объявлении в Российской Федерации Десятилетия детства» 2018–2027 годы в Российской Федерации объявлены «Десятилетием детства» [6].

Целью плана основных мероприятий, проводимых в рамках «Десятилетия детства», на период до 2027 года, утвержденного распоряжением Правительства Российской Федерации от 23.01.2021 № 122-р, кроме всего является защита детей, оставшихся без попечения родителей [5]. План определяет задачи, направления и механизмы деятельности по устройству детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей в замещающие семьи.

В контексте современного законодательства Российской Федерации, вопросы устройства детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, в замещающие семьи приобретают особую актуальность. Анализ и практика применения норм законодательства в сфере опеки и попечительства выявляют ряд проблем и противоречий, требующих внимания и детальной проработки.

Согласно динамике изменения видов устройства детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, в Костромской области количество детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей проживающих в Костромской области с 2014 года по 2024 год сократилось почти вдвое (2014 год – 2170; 2015 год – 2056; 2016 год – 1973; 2017 год – 1881; 2018 год – 1787; 2019 год – 1685; 2020 год – 1642; 2021 год – 1524, 2022 год – 1518, 2023 год – 1452; 2024 год – 1374). За указанный период вырос процент устройства детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей в замещающие семьи (2014 год – 83 %; 2015 год – 87 %; 2016 год – 89 %; 2017 год – 91 %; 2018 год – 91,4 %; 2019 год – 90,3 %; 2020 год – 90,3 %; 2021 год – 92,7 %, 2022 год – 93,6 %, 2023 год – 92,6 %, 2024 год – 93,5 %) [2].

Высокие показатели семейного устройства детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, достигнуты благодаря сотрудничеству с Благотворительным фондом «Будущее Сейчас».

Так, в Костромской области реализуется проект «Профессиональная приемная семья», который был запущен в 2014 году на основе соглашения между администрацией Костромской области и благотворительным фондом «Будущее сейчас», и действующий по настоящее время.

Цель проекта «Профессиональная приемная семья» – расширить возможности устройства в семьи детей старше 10 лет, детей с ограниченными возможностями здоровья, а также братьев и сестер, которые должны быть устроены вместе. Кроме того, проект направлен на устройство детей, состоящих на профилактическом учете в органах системы профилактики. Таким образом, может быть решен вопрос с устройством детей, которые долгое время находятся в региональном банке данных детей-сирот, так называемых «трудных» детей.

В настоящее время создано 35 профессиональных семей, в которых воспитывается 124 приемных ребенка. Данным семьям предусмотрено дополнительное ежемесячное материальное обеспечение за счет средств Фонда [1].

Также в области действуют негосударственные меры социальной поддержки замещающих семей. За счет средств Некоммерческой организации «Благотворительный фонд «Будущее Сейчас» выплачивается материальная помощь.

Согласно динамике изменения количества детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, состоящих на учете в региональном банке данных Костромской области, количество таких детей сокращается (2014 год – 270; 2015 год – 215; 2016 год – 171; 2017 год – 153; 2018 год – 164; 2019 год – 160; 2020 год – 112; 2021 год – 112, 2022 год – 122, 2023 год – 89; 2024 год – 90) [2].

По состоянию на 01 апреля 2024 года в региональном банке данных Костромской области на учете состоят 90 детей, оставшихся без попечения родителей, из них:

- 87,8 % – дети старше 10 лет (79 детей);
- 45,6 % – детей имеют инвалидность;
- 12,2% – детей устраиваются совместно с братьями/сестрами [1].

Благодаря слаженной совместной работе органов и учреждений системы профилактики, сотрудничеству с благотворительным фондом «Будущее сейчас» за 10 лет количество детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, состоящих на учете в региональном банке данных Костромской области, сократилось на 74 %.

Однако, по нашему мнению, для обеспечения эффективности работы такого проекта, как «Профессиональная приемная семья» следует закрепить данную форму семейного устройства на федеральном уровне.

Для закрепления этой формы устройства детей на законодательном уровне представляется целесообразным внести дополнения в Раздел VI Семейного кодекса Российской Федерации, который касается форм воспитания детей, оставшихся без попечения родителей. В частности, предлагаем дополнить этот раздел новой главой 21.1 «Профессиональная приемная семья», в статьях которой следует привести определения таким понятиям как «Профессиональная приемная семья», «Профессиональный приемный родитель», разъяснения прав и обязанностей приемного родителя, воспитанника профессиональной приемной семьи, а также содержание договора о профессиональной приемной семье, основания его прекращения.

Проблема законодательного закрепления профессиональной приемной семьи рассматривается уже достаточно долгое время председателем комитета Госдумы по труду, социальной политике и делам ветеранов Ольгой Баталиной, и международным экспертом в области социального сиротства Александром Гезаловым.

В своем интервью председатель комитета Госдумы по труду, социальной политике и делам ветеранов Ольга Баталина пояснила следующее: «...профессиональная семья нацелена на создание условий семейного воспитания детей, которые имеют в этом особенные потребности – это дети-инвалиды, это дети старшего возраста, это кровные братья и сестры, которые должны устраиваться в одну семью. Именно эти категории детей сегодня составляют свыше 80% федерального банка данных» [4].

Хочется отметить, что именно профессиональные семьи смогут оказать ребенку с ограниченными возможностями здоровья, детям школьного возраста, имеющими братьев и сестер, долгосрочное размещение в семье, а не в государственном учреждении.

Основное отличие профессиональных родителей в том, что они не выбирают ребенка, а, наоборот, сами должны удовлетворять определенным требованиям (иметь педагогическое или психологическое образование). Тщательный отбор кандидатов не должен допустить тех, кто с легкостью может отказаться от исполнения обязанностей опекуна. Если ребенка будут «футболить» из одной семьи в другую ничего хорошего из этого не выйдет. Такую работу способны выполнить только профессионалы [7].

В отличие от государственного воспитания, профессиональная приемная семья ставит перед собой целью воспитать достойную личность, которая будет полезна для общества и государства, способная самостоятельно интегрироваться в общество. Кроме того данный тип устройства, закрепленный на законодательном уровне, будет способствовать тому, что профессиональные приемные родители смогут:

- получить возможность регулярно развивать свои профессиональные качества и получить базовую подготовку в работе с детьми;
- получать поддержку служб сопровождения (педагогическую, психологическую);
- юридически оформить отношения, возникшие в результате принятия в семью ребенка с органами опеки и попечительства.

Таким образом, основываясь на положительной практике Костромской области, такая форма устройства детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, как профессиональная приемная семья может выступить весьма успешной.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Благотворительный фонд «Будущее сейчас». Публичный отчет о деятельности фонда за 2023 год. URL: https://будущее-сейчас.рф/upload/icms/files/tree_gallery/tree_gallery_26.pdf (дата обращения: 29.03.2024).

2. Департамент по труду и социальной защите населения Костромской области // Новости. URL: <https://socdep.kostroma.gov.ru/news/> (дата обращения: 25.04.2024).

3. Конституция Российской Федерации, принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года // Российская газета. 1993. № 237.

4. Профессиональные семьи разгрузят детские дома // Филантроп. Электронный журнал о благотворительности. URL: <http://philanthropy.ru/news/2014/11/13/18770/> (дата обращения: 25.04.2024).

5. Распоряжение Правительства РФ от 23.01.2021 № 122-р «Об утверждении плана основных мероприятий, проводимых в рамках Десятилетия детства, на период до 2027 года» // Собрание законодательства Российской Федерации. 01.02.2021. № 5. Ст. 914.

6. Указ Президента РФ от 29.05.2017 № 240 «Об объявлении в Российской Федерации Десятилетия детства» // Собрание законодательства Российской Федерации. 05.06.2017. № 23. Ст. 3309.

7. Управление социальной защиты населения администрации Старооскольского городского округа Белгородской области // Профессиональная приемная семья. URL: <https://www.sznoskol.ru/index.php/press-sluzhba/novosti/2301-professionalnaya-priemnaya-semya> (дата обращения: 29.03.2024).

УДК 343.98

Григорян Светлана Григорьевна

студент, Кубанский государственный университет

г. Краснодар, Российская Федерация

gariyeva.kamila@mail.ru

Эртель Людмила Александровна

доктор медицинских наук, профессор

Кубанский государственный университет

г. Краснодар, Российская Федерация

ela1958@yandex.ru

Расследование преступлений с использованием искусственного интеллекта в телемедицине

***Аннотация:** В статье рассматриваются проблемы внедрения телемедицины в цифровое здравоохранение, на основе зарубежного опыта, исследования научной литературы и действующих нормативно-правовых актов. На основе чего приводится примерный алгоритм расследования преступлений в данной области.*

***Ключевые слова:** телемедицина, ятрогенные преступления, кибератаки на учреждения здравоохранения, искусственный интеллект, цифровое здравоохранение.*

Grigoryan Svetlana Grigorievna

student, Kuban State University
Krasnodar, Russian Federation

Ertel Lyudmila Alexandrovna

doctor of medical sciences, professor, Kuban State University
Krasnodar, Russian Federation

Investigation of offences using artificial intelligence in telemedicine

***Annotation:** The article discusses the problems of implementing telemedicine in digital health care, based on foreign experience, research of scientific literature and current regulations. Based on this, an approximate algorithm for investigating crimes in this area is given.*

***Keywords:** telemedicine, iatrogenic crimes, cyberattacks on healthcare institutions, artificial intelligence, digital health.*

В Стратегии до 2025 года, цифровое здравоохранение определяется как «использование информационных и коммуникационных технологий для решения проблем со здоровьем». Широко применяющаяся телемедицина, основанная на использовании этих технологий, позволяет оказывать медицинскую помощь, консультации, удаленное обучение медицинских специалистов дистанционно [8, с. 5].

Система здравоохранения на данный момент переживает масштабную цифровую революцию, внедряя искусственный интеллект и телемедицину, которые становятся неотъемлемой ее частью и на 30–40 % повышают точность постановки диагнозов [7]. Отправной точкой предоставления телемедицинских услуг послужила пандемия COVID-19, поскольку она стала необходимой альтернативой традиционным посещениям врача.

В 2023 году в России наблюдался рост использования телемедицины среди населения. Согласно опросу Научно-исследовательского центра социально-политического мониторинга, ИОН РАНХиГС, проводившемуся с 17 по 26 апреля 2023 года среди 1 516 человек старше 18 лет, доля воспользовавшихся дистанционными медицинскими услугами достигла 25,3 %. Однако удовлетворенность услугами снизилась и составила 62,9 %, что на 11,2 процентный пункт меньше, чем в 2022 году [3].

В связи с этим в Российской Федерации с 2023 г. стартовал эксперимент, утвержденный Правительством РФ, по телемедицинскому наблюдению пациентов, страдающих диабетом и артериальной гипертензией. Наблюдение проводится через цифровую платформу «Персональные медицинские помощники» с использованием медицинских изделий, оснащенных функцией дистанционной передачи данных в специальные системы. Эксперимент осуществляется в десяти регионах с участием государственных или муниципальных учреждений до конца 2024 года. Целью данного эксперимента является улучшение и доработка технологий, и оценка эффективности дистанционного наблюдения пациентов различными специалистами (терапевтом, участковым, кардиологом и т. д.).

В последнее время все чаще можно слышать термин «ятрогенные преступления», происходящий от слова «ятрогения», введенного немецким психиатром Освальдом Бумке в 1925 году. Изначально ятрогения означала вред, причиненный пациенту неосторожными или бестактными действиями врача, однако согласно МКБ-10, под ятрогенией понимается любые нежелательные или неблагоприятные последствия профилактических, диагностических и лечебных вмешательств, приводящие к нарушению функций организма, ограничению привычной деятельности, инвалидизации или смерти; осложнение медицинских мероприятий, развившиеся в результате ошибочных или правильных действий.

Несмотря на то, что законодательно в России, данное понятие нигде не закреплено, а в научной литературе единого подхода не существует, в отношении врачей уголовные дела возбуждаются, однако характеризуются высокой латентностью. С. В. Замалеева предлагает следующее определение: ятрогенное преступление – это виновное нарушение правил и стандартов оказания медицинской помощи, совершенное физическим лицом, имеющим юридический статус медицинского работника, в процессе исполнения им своих профессиональных обязанностей, причинившее смерть или вред здоровью пациента или создавшее угрозу причинения таких последствий [5, с. 26]. По нашему мнению, предложенное определение является комплексным и всеобъемлющим. Оно охватывает как объективные, так и субъективные элементы данного преступления.

Следователем отдела по особо важным делам Татьяной Петровой, 21 апреля 2022 года, на Международном конгрессе «Актуальные вопросы судебной медицины и экспертной практики – 2022», была приведена статистика по расследованию данного вида преступлений, согласно которой в 2020 году было возбуждено 1639 уголовных дел. Каждая третья жалоба пациентов приводила к возбуждению уголовного дела в отношении врачей. На конференции «Региональное здравоохранение 2023» экс-глава отдела по расследованию ятрогенных преступлений, а ныне руководитель консалтинговой компании «Юстум» Дмитрий Зинин сообщил о том, что из 1860 возбужденных уголовных дел обвинения были предъявлены 193 медработникам, и только 19 из них смогли получить оправдательный приговор. Следственный комитет России проводит работу по расследованию ятрогенных преступлений отмечая их как приоритетные, создавая специализированные подразделения как на центральном, так и на региональном уровнях [6]. По информации, предоставленной Следственным комитетом РФ, за пять месяцев 2023 года СК РФ направил в суд 62 уголовных дела врачей, чьи действия привели к тяжелым последствиям для пациентов [4].

Внедрение передовых медицинских технологий, включая телемедицину, экономит время, но может увеличить риск «врачебных ошибок», таких как неверный диагноз и лечение или несвоевременное оказание помощи пациенту а также является одним из объектов атак со стороны профессиональных хакеров.

Соответственно отсутствие понятия «ятрогенные преступления», а также реализация новых технологий в медицинской деятельности ставит под сомнение учет прав и законных интересов потерпевших и иных лиц при расследова-

нии данных преступлений, что неизбежно становится предметом надзора со стороны органов прокуратуры.

Одним из проблемных остается вопрос определения субъектов их прав и обязанностей при предоставлении телемедицинских услуг. Принято, что при осуществлении телемедицинских услуг принимают участие лечащий врач, консультант, пациент и медицинский работник, осуществляющий диагностическое исследование. Взаимодействие субъектов происходит в двух направлениях: врач – врач» и «врач – пациент». Первое направление осуществляется при диагностике и оказании медицинской помощи, чаще всего без проблем, благодаря доступной и налаженной связи между специалистами. Телекоммуникационные технологии внедряются через руководство, обеспечивая распространение телемедицины и правильное ее использование.

Учитывая увеличение числа кибератак, требуется соблюдение мер предосторожности. Компания в области кибербезопасности Tenable, продукты которой хорошо известны на российском рынке, сообщила, что за 2020 год, более 22 миллиардов записей подверглись 700 публично раскрытым утечкам данных. Повышенный спрос на медицинские услуги создает множество уязвимых точек входа, которые могут быть нарушены злоумышленниками [10].

Из зарубежной практики также известно, что в декабре того же года, группа Lazarus осуществила атаку на Европейское медицинское агентство, в результате чего были «похищены» исследования новой вакцины Pfizer/BioNTech [1]. В Румынии более 100 медицинских учреждений стали жертвами атаки программы-вымогателя, оставив их компьютеры заблокированными, а файлы зашифрованными [9].

А. Н. Артамонова обращает внимание на то, что использование технологий телемедицины, позволяющих оказывать дистанционное консультирование, порождает вопросы о критериях оценки и проверки оказания медицинской помощи, в первую очередь ее качества, а также соответствия медицинской документации по результатам такого общения с пациентом и сообщенных им сведений об имеющихся признаках заболевания.

Следующим минусом является отсутствие методик контроля оказываемой медицинской помощи с использованием технологий телемедицины. Это в свою очередь затрудняет деятельность следователя по восстановлению хронологии, вида и объема оказанной медицинской помощи потерпевшему. Возникают сложности и в установлении причинно-следственной связи между действиями (бездействием) врача и наступившими общественно опасными последствиями. Тем самым, преступные факты, допущенные в так называемых «удаленных» условиях оказания медицинской помощи, требуют пересмотра уже известных подходов к их расследованию [2, с. 119]. Мы поддерживаем данное мнение, так как развитие телемедицины требует пересмотра подходов к расследованию преступных фактов в условиях удаленного оказания медицинской помощи. Необходимо разработать эффективные механизмы контроля и проверки медицинской помощи при использовании телемедицины, чтобы обеспечить безопасность и качество оказания помощи пациентам.

На данном этапе развития, практики по данной категории недостаточно, а расследование преступлений, связанных с телемедициной, требует специального подхода и определенного алгоритма действий. Вот некоторые шаги, которые, по нашему мнению, могут быть включены в такой алгоритм.

Во-первых, при расследовании преступлений в сфере цифрового здравоохранения необходим сбор информации о случае. Это включает в себя изучение всех доступных документов, свидетельств и электронных записей, связанных с телемедициной. С учетом того, что, согласно ст. 86 УПК РФ, соби́рание доказательств осуществляется дознавателем, следователем, прокурором и судом, то перечисленные лица должны быть законодательно наделены полномочиями по розыску в компьютерных сетях (или в среде для хранения компьютерных данных) с целью обнаружения и изъятия искомой компьютерной информации, которая после надлежащего документирования может стать доказательством.

Тем не менее внедрение новых технологий в медицину, требует использования передовых технологий и при расследовании таких преступлений. На данный момент в РФ, действует система «Криминалист» с использованием искусственного интеллекта. Она анализирует данные из баз разных ведомств, изучает открытые источники и помогает выявлять потенциальных преступников и места совершения преступлений.

На следующем этапе необходимо идентифицировать всех потенциальных участников преступления, включая пациентов, врачей, администраторов платформы телемедицины и других заинтересованных сторон.

Потребуется использование специальных знаний экспертов-медиков и специалистов по информационным технологиям для анализа имеющейся информации. Проведение анализа всех собранных данных и электронных записей для выявления возможных незаконных действий или нарушений. После анализа всех данных и проведения расследования необходимо установить факты преступления и его обстоятельства.

После завершения расследования необходимо разработать меры по предотвращению подобных преступлений в будущем, в том числе усиление мер безопасности, обучение персонала и улучшение системы контроля и надзора.

Исходя из вышесказанного, данные преступления сложны в расследовании, в том числе при проведении обыденных следственных действий. Чтобы доказать вину в сложившейся ситуации, необходимо выделить те моменты, при устранении которых, правоохранительные органы могли бы расследовать и раскрывать данные преступления. Во-первых, требуется совершенствование законов и нормативных актов, регулирующих сферу телемедицины, чтобы устранить возможность злоупотребления этой технологией. Во-вторых, возникает проблема отсутствия записей о проведенных консультациях врачом. Если врач не зафиксировал факт проведения консультации, особенно при назначении лечения, то это может создать проблемы с доказательством виновности. В-третьих, возникает проблема, связанная с недостаточностью документации. Являясь одним из основных доказательств вины врачей при осуществлении телемедицины, отсутствие полной документации о проведенных консультациях, рекомендациях, рецептах и прочих медицинских рекомендациях, может повли-

ять на расследование дела. В-четвертых, необходимо проводить обучение сотрудников правоохранительных органов по особенностям расследования таких преступлений, чтобы они могли компетентно и эффективно проводить следственные действия в данной области. Они должны уметь собирать доказательства, связанные с использованием технологий (электронные медицинские записи, данные о консультациях и обмене сообщениями между врачом и пациентом), а также уметь работать с цифровыми следами.

Подводя итог, необходимо отметить, что цифровизация здравоохранения является серьезным шагом в медицину будущего. В целом, расследование преступлений в сфере телемедицины требует внимания со стороны правоохранительных органов, законодателей и медицинского сообщества для того, чтобы обеспечить высокий уровень безопасности, этики и законности в данной области.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Копелян А. Самые «громкие» утечки данных и взломы 2020 года. URL: <https://habr.com/ru/articles/535878/> (дата обращения: 01.04.2024).
2. Артамонова А. Н. Проблемы определения предмета прокурорского надзора за деятельностью органов предварительного следствия по уголовным делам о ятрогенных преступлениях, совершенных с использованием технологий телемедицины // Вестник Самарского юридического института. 2023. № 3 (54). С.117–120.
3. Гердо В. Использование телемедицины в России. URL: <https://tass.ru/infographics/99473> (дата обращения: 01.04.2024).
4. Балаян Е. СК довел до суда более 60 уголовных дел на врачей. URL: <https://iz.ru/1539763/elena-balaian/belaia-khalatnost-sk-dovel-do-suda-bolee-60-ugolovnykh-del-na-vrachei> (дата обращения: 01.04.2024).
5. Замалеева С. В. Ятрогенные преступления: понятие, система и вопросы криминализации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 Екатеринбург, 2016. 26 с.
6. Костарнова Н. СКР начинал уголовное преследование по каждой третьей жалобе пациента на врача. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6223734> (дата обращения: 01.04.2024).
7. Ведяхин А. А. Применение искусственного интеллекта в медицине URL: https://nacmedpalata.ru/files/reports/i_heathcare_v4_4.pdf (дата обращения: 01.04.2024).
8. Русанова Н. Е. История и проблемы цифрового здравоохранения в России // Население и экономика. 2018. № 2(2). С. 5–23.
9. Alicia Hope Ransomware Attack Disrupts Over 100 Romanian Hospitals, Including Cancer and Pediatric Centers. URL: <https://clck.ru/39rDMc> (дата обращения: 01.04.2024).
10. Quilan R. Healthcare Security: Ransomware Plays a Prominent Role in COVID 19 Era Breaches. URL: <https://www.tenable.com/blog/healthcare-security-ransomware-plays-a-prominent-role-in-covid-19-era-breaches> (дата обращения: 01.04.2024).

Груздев Денис Владиславович

магистрант, Костромской государственной университет
следователь военного следственного отдела по Псковскому гарнизону
Следственного Комитета Российской Федерации, лейтенант юстиции
г. Псков, Российская Федерация
auf.2012@mail.ru

Понятие территории государства

***Аннотация:** В статье рассматриваются признаки государства. На основании закрепленных в нормативных правовых актах элементов, формулируется понятие территории государства. Территория государства рассматривается в двух смыслах: как категория факта и территория правовой формы.*

***Ключевые слова:** территория, государство, суверенитет, территориальная организация, государственная граница.*

Gruzdev Denis Vladislavovich

undergraduate, Kostroma State University
investigator of the military Investigation Department for the Pskov garrison
of the Investigative Committee of the Russian Federation, lieutenant of justice
Pskov, Russian Federation

The concept of the territory of the state

***Annotation:** The article examines the signs of the state. On the basis of the elements fixed in normative legal acts, the concept of the territory of the state is formulated. The territory of the state is considered in two senses: as a category of fact and territory of legal form.*

***Keywords:** territory, state, sovereignty, territorial organization, state border.*

Формулируя признаки государства, без которых объективно невозможно его существование, достаточно давно определяют следующие материальные факторы государственности: территория, население, институты государства, коммуникации, человеческий персонал – управленческие кадры. В этом случае государство обычно рассматривается как триада понятий: «территория», «власть» и «население».

Впервые эти элементы были использованы немецким государствоведом Г. Еллинеком для определения сущности государства. В частности, он подчеркивал: «Чтобы избежать юридических фикций и признать предшествующее всякой юриспруденции естественное бытие государства, представляется естественным искать объективное существо государства в одном из его составных, по-видимому, реально существующих, элементов. Эти элементы суть – территория, народ, властитель» [3, с. 29]. Вполне очевидно, что сама сущность государства предопределяет необходимость осуществления на территории в преде-

лах государственных границ суверенной власти. Без этого государство будет иметь лишь видимость субъекта. Оно, скорее всего, будет объектом с признаками субъекта.

Территория государства возникает в силу действия естественно-исторических закономерностей, существует по социальным законам, является материальным отражением уровня развития цивилизации и находит свое воплощение в том или ином территориальном устройстве государства.

В свою очередь, территориальное устройство государства определяется его эволюцией, становлением и развитием экономической системы, политических и правовых институтов. Оно выступает в социально-экономическом развитии общества одновременно и как условие (фактор) развития, и как следствие (результат) этого развития.

Целесообразно рассматривать территории в двух смыслах – как фактическую категорию и территорию – правовую форму. Это позволяет отойти от ее понимания в узком смысле как предела существования государства. Понятие территории в юридическом аспекте позволяет выявить ее роль во всем процессе общественного государственного развития и не ограничиваться только лишь закреплением определенных границ распространения государственной власти.

Вместе с населением и публичной властью территория есть обязательный признак государства.

Большинство современных исследователей рассматривают государство в качестве территориальной организации. Так, М. Н. Марченко пишет: «территория государства является своего рода материальной базой любого государства, без которой оно не может существовать. Это естественное, а не какое-либо иное, в том числе общественное, условие существования и функционирования государства» [7, с. 96]. Иными словами, специфическая черта государственной организации заключается в строгом ограничении государством своей территории. На эту территорию распространяется власть, правовые нормы государства, т. е. его юрисдикция.

В международном праве государственная территория определяется как территория, «которая находится под суверенитетом определенного государства, т. е. принадлежит определенному государству, осуществляющему в ее пределах свое территориальное верховенство» [6, с. 71].

Территория Российской Федерации является предметом федерального ведения (п. «б» ст. 71 Конституции РФ) [5]. Безусловно, ее нельзя считать простым сложением территорий ее субъектов, поскольку она представляет собой качественное целое, характеризующееся единым геополитическим, экономическим, политическим и правовым пространством, что прямо вытекает из смысла Конституции, в соответствии с которой суверенитет Российской Федерации распространяется на всю ее территорию (ч. 1 ст. 4), а Конституция РФ и федеральные законы имеют верховенство на всей территории РФ (ч. 2 ст. 4) [9, с. 41–42].

Конституционный Суд РФ в постановлении от 7 июня 2000 г. № 10-П указал, что Конституция РФ не предполагает какого-либо иного государственного суверенитета, помимо суверенитета Российской Федерации, исключает

существование двух уровней суверенных властей, находящихся в единой системе государственной власти, которые обладали бы верховенством и независимостью. Использование в ч. 2 ст. 5 Конституции РФ в установлении статуса республики понятия «государство» не означает признания государственного суверенитета этих субъектов Российской Федерации [8]. Следует отметить, что в соответствии с данным решением Конституционного Суда РФ, из текстов основных законов республик последовательно были исключены положения о суверенности республик.

Поэтому утверждения ряда ученых о том, что субъекты федерации обладают ограниченным («частичным», «сопряженным», «разноуровневым») суверенитетом [2, с. 3–9], не является, на наш взгляд, вполне обоснованным.

Территориальное верховенство – это полная и исключительная власть государства в пределах всей своей территории. Однако использование государством своей территории не является юридически неограниченным. Государство обязано распоряжаться территорией только в интересах проживающего на ней населения.

В международном праве под территорией понимается определенная часть Земли с ее недрами, водным и воздушным пространством, на которую государство распространяет свой суверенитет. Реализация территориальной власти государства ограничивается государственными границами, установленными в результате ратификации договоров о признании границ с сопредельными странами и признанием этих границ всем мировым сообществом в установленном легитимными международными организациями законом порядке.

Государственная граница определяет пределы всех элементов территории (воздушного пространства, суши, водного пространства, недр). Она определяет не только пределы территориального верховенства государства, но и принадлежащую ему территорию со всеми ее материальными, естественными богатствами и ресурсами, составляющими часть географической среды. Она обозначает и материальное разграничение государств, что имеет большое значение для населяющих их народов. А территориальное верховенство есть неотъемлемая черта государственного суверенитета, его материальное проявление [1, с. 6–9].

В соответствии со статьей 1 Закона РФ от 01.04.1993 № 4730-1 «О Государственной границе Российской Федерации» государственная граница Российской Федерации есть линия и, проходящая по этой линии, вертикальная поверхность, определяющие пределы государственной территории (суши, вод, недр и воздушного пространства) Российской Федерации, т. е. пространственный предел действия государственного суверенитета Российской Федерации [4].

Государственная граница выполняет следующие основные функции: обеспечивает безопасность страны, служит передовой линией контактов с другими странами и способствует установлению добрососедских отношений с ними.

В Конституции Российской Федерации принцип территориального суверенитета наиболее определенно представлен в статье 67:

1. Территория Российской Федерации включает в себя территории ее субъектов, внутренние воды и территориальное море, воздушное пространство над ним. На территории Российской Федерации в соответствии с федеральным

законом могут быть созданы федеральные территории. Организация публичной власти на федеральных территориях устанавливается указанным федеральным законом.

2. Российская Федерация обладает суверенными правами и осуществляет юрисдикцию на континентальном шельфе и в исключительной экономической зоне Российской Федерации в порядке, определяемом федеральным законом и нормами международного права.

3. Российская Федерация обеспечивает защиту своего суверенитета и территориальной целостности. Действия (за исключением делимитации, демаркации, редемаркации государственной границы Российской Федерации с сопредельными государствами), направленные на отчуждение части территории Российской Федерации не допускаются.

В статье 67.1 Конституции Российской Федерации указано на то, что:

«1. Российская Федерация является правопреемником Союза ССР на своей территории, а также правопреемником (правопродолжателем) Союза ССР в отношении членства в международных организациях, их органах, участия в международных договорах, а также в отношении предусмотренных международными договорами обязательств и активов Союза ССР за пределами территории Российской Федерации.

2. Российская Федерация, объединенная тысячелетней историей, сохраняя память предков, передавших нам идеалы и веру в Бога, а также преемственность в развитии Российского государства, признает исторически сложившееся государственное единство» [5].

Таким образом, в российской Конституции дана объемная характеристика понятию «территория»: это не просто часть суверенного пространства, отделенного от других государств границами – но это еще и исторически обусловленное единство – единство народов, культур, смыслов, людей с их разнообразными индивидуальными качествами, объединенных традициями, важнейшими историческими событиями, мировоззренческой общностью.

Исходя из сказанного, территорию государства следует определить как исторически обусловленное пространство, включающее в себя сушу, внутренние и территориальные воды, воздушное пространство над ними, недра в пределах границ государства и так называемую условную территорию, на которое полностью и безраздельно распространяется государственная власть.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Гурьянов А. А. Некоторые теоретико-правовые аспекты статуса Государственной границы Российской Федерации // Миграционное право. 2010. № 2. С. 6–9.

2. Дмитриев Ю., Хышиктуев О. К вопросу о делимости государственного суверенитета // Право и жизнь. 1996. № 10. С. 3–9.

3. Еллинек Г. Общее учение о государстве. СПб. : Юридический центр Пресс, 2004. 750 с.

4. Закон Российской Федерации от 01 апреля 1993 г. № 4730-1 (ред. от 06.04.2024) «О Государственной границе Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 17.06.2024) // Российская газета. 1993. № 84.

5. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 20.04.2024).

6. Международное право / отв. ред. Ю. М. Колосов, В. И. Кузнецов. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Международные отношения, 1998. 620 с.

7. Общая теория государства и права / под ред. М. Н. Марченко. М., 1998. Т. 1. С. 96.

8. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 07 июня 2000 г. № 10-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений Конституции Республики Алтай и Федерального закона «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 20.04.2024).

9. Территория в публичном праве / С. В. Нарутто, Е. С. Шугрина, И. А. Исаев, И. А. Алебастрова. М. : Норма Инфра-М, 2013. 319 с.

УДК 343.3/7

Корпусов Андрей Валентинович

аспирант

Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова

г. Ярославль, Российская Федерация

avkrosrf@mail.ru

Фальсификация учета прав на ценные бумаги

(часть 2 статьи 170¹ Уголовного кодекса Российской Федерации)

Аннотация. В статье анализируется преступление, предусмотренное ч. 2 ст. 170¹ УК РФ. Установлено, что внесение недостоверных сведений есть включение (занесение) в любые учетные записи реестра владельцев ценных бумаг, системы депозитарного учета ложных, не соответствующих действительности идентифицирующих объект учета данных: о ценных бумагах, их владельцах, обременениях, ограничениях, регистрируемых документах и проч. Отмечается проблематика способа фальсификации как объективного признака состава (путем неправомерного доступа), которым, с одной стороны, невозможно внести сведения, с другой – фактически определяется субъект преступления. Сделан вывод о замене способа посягательства на его субъекта, в связи с чем предложена новая редакция ч. 2 ст. 170¹ УК РФ.

Ключевые слова: фальсификация, искажение, неправомерный доступ, внесение ложных сведений, учет прав на ценные бумаги.

Korpusov Andrey Valentinovich

postgraduate, P. G. Demidov Yaroslavl State University
Yaroslavl, Russian Federation

Falsification of accounting of rights to securities (part 2 of Article 170¹ of the Criminal Code of the Russian Federation)

Annotation: The article analyzes the crime provided for in part 2 of Art. 170¹ of the Criminal Code of the Russian Federation. It has been established that the entry of false information is the inclusion (entry) into any records of the register of securities owners, depository accounting system of false data that does not correspond to reality identifying the object of accounting: about securities, their owners, encumbrances, restrictions, registered documents, etc. The problem of the method of falsification as an objective sign of the composition (through unauthorized access) is noted, with which, on the one hand, it is impossible to enter information, on the other hand, the subject of the crime is actually determined. A conclusion has been made that the method of encroachment on its subject has been replaced, and therefore a new wording of part 2 of Art. 170¹ of the Criminal Code of the Russian Federation.

Keywords: falsification, distortion, unauthorized access, entering false information, accounting of rights to securities.

В Российской Федерации, как и в большинстве развитых государств, на рынке ценных бумаг действует учетная система. Ключевыми участниками здесь являются регистраторы и депозитариусы: именно ими ведется учет прав на ценные бумаги соответственно в реестре владельцев ценных бумаг, в системе депозитарного учета (ст. 7 и 8 Федерального закона «О рынке ценных бумаг» [13]; далее также – реестр и система).

Необходимость охраны достоверности реестра и системы уголовно-правовыми средствами продиктована тем, что записям последних придается легитимационное (правоустанавливающее) значение, искажение и фальсификация которых представляют повышенную общественную опасность для общества и государства в целом. В частности, достоверность означенных реестра и системы в УК РФ обеспечивается нормами ст. 170¹, запрещающей в ее ч. 2 под угрозой наказания внесение в реестр и систему заведомо недостоверных сведений путем неправомерного доступа к последним [12].

Как представляется, деяние в форме «внесения» есть определенные телодвижения виновного, процесс, его деятельность, в условиях которой им совершается негативное воздействие (занесение, включение ложных данных) на записи реестра и системы (существующие или вновь создаваемые), изменяющее в конечном счете их истинное содержание (полностью или частично) вопреки уголовно-правовому запрету не совершать, воздерживаться от указанного противоправного поступка. В статичном состоянии человека совершение искомого посягательства на достоверность реестра и системы исключено.

Совершая внесение недостоверных сведений в записи реестра или системы, происходит одномоментное в соответствующей части их искажение, которые (как это ни странно) признаются достоверными до тех пор, пока иное не будет внесено вновь. При этом вносимые сведения должны быть для виновного

недостовверными заведомо, т. е. ложными, никогда не имевшими места в действительности, о чем тот доподлинно знает (ведает).

К сожалению, в науке уголовного права вопросы о составе (наборе) вносимых сведений, способе их внесения остаются малоизученными. Из имеющихся мнений о наборе вносимых сведений следует отметить два разнонаправленных подхода. Согласно первому вносимые сведения не ограничиваются только искажением данных о зарегистрированных лицах (депонентах) и отраженном на их лицевых счетах (счетах депо) количестве именных ценных бумаг, но не поясняется, что еще может быть внесено в реестр или систему в качестве искажающих сведений [11, с. 95]. Иной подход придерживается закрытого перечня вносимых данных, круг которых ограничен ч. 1 ст. 170¹ Кодекса: это сведения о зарегистрированных владельцах именных ценных бумаг, о количестве, номинальной стоимости и категории последних; об обременении ценной бумаги; о лице, осуществляющем управление ценной бумагой, переходящей в порядке наследования, и проч. [4, с. 46].

Реестр и система есть свод документированных записей о зарегистрированных лицах (депонентах), лицевых счетах (счетах депо), о ценных бумагах, их обременении и ограничении, об учете документов и др. (абз. 5 ч. 1 ст. 8 Федерального закона «О рынке ценных бумаг»). Названные записи отражаются в различных частях реестра и системы, причем каждая имеет регламентированный набор реквизитов (атрибутов). Законодатель, устанавливая состав преступления, не указывает в числе его признаков, что и в какие части реестра и системы виновным должны вноситься недостоверные сведения. Отсюда следует, что, несмотря на отсутствие в ч. 2 ст. 170¹ УК РФ криминообразующего перечня недостоверных сведений, последние содержательно подчинены и ограничены реквизитами (атрибутами) реестрового учета, идентификация которых предусмотрена для каждого из них.

К примеру, у регистратора учетными записями при ведении реестра являются: а) записи в системе учета документов (наименование, входящий номер, дата и время регистрации документа, ФИО или наименование лица, в отношении которого представлены документы, и т. п. [7]); б) записи в учетных регистрах (сведения о ценных бумагах: наименование эмитента, государственный регистрационный номер выпуска, вид, категория (тип) ценных бумаг и т. д.; о лицах, которым открыты лицевые счета: физическое лицо определяется посредством ФИО, гражданства, СНИЛС, даты и места рождения и проч., юридическое же лицо – наименования, ОГРН, ИНН, адреса местонахождения и др. [8]); в) записи по лицевым счетам (зачисление, списание, обременение, ограничение, переход прав на ценные бумаги; в частности запись об ограничении включает: количество ценных бумаг, основание ограничения (арест, блокирование, запрет операций), дата фиксации ограничения и проч. [1]). Схожие учетные записи ведутся и депозитарием с фиксацией полных и достоверных данных о ценных бумагах, владельцах таких бумаг, обременениях, ограничениях путем внесения в учетные регистры, счета депо, журнал операций, систему учета документов устанавливающих каждый из приведенных реквизитов (атрибутов) учета сведений [6].

Таким образом, искомое преступление выражается в занесении (включении) в любые учетные записи реестра или системы не соответствующих действительности идентифицирующих объект (реквизит/атрибут) учета сведений: ценных бумаг, их владельцев, обременений, ограничений прав, операций с ними, регистрируемых документов и т. д.

подавляющее большинство исследователей «неправомерный доступ к реестру или системе» трактуют в целом единообразно: «доступ в отсутствие права на него» [3, с. 284–285], «недостаточность полномочий на ведение реестра и системы» [15, с. 141], «доступ вопреки имеющимся правомочиям» [10, с. 170], «незаконный доступ к охраняемой информации» [2, с. 45] и др. В то же время следует признать, что ни одна из приведенных трактовок не позволяет понять смысл того, что же есть «доступ», ибо все попытки объяснений сводятся в основном лишь к его неправомерности. Однако сама по себе неправомерность доступа к реестру или системе не объясняет последнего хотя бы потому, что доступ бывает и правомерный.

Усугубляется проблема тем, что сведения внести именно доступом к реестру или системе невозможно. Он способен быть только сопутствующим (сопряженным) внесению действием или событием.

В духе изложенного движется и судебная практика. Так, в силу п. 5 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 15.12.2022 №37 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях в сфере компьютерной информации, а также иных преступлениях, совершенных с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть «Интернет», неправомерным доступом к компьютерной информации является получение или использование таковой без согласия ее обладателя лицом, не наделенным необходимыми для этого полномочиями, либо в нарушение установленного нормативными правовыми актами порядка независимо от формы такого доступа [9].

Судя по разъяснениям, «неправомерный доступ» слагается из: а) получения или использования информации; б) посторонним лицом. Однако, как представляется, доступ к реестру и системе есть возможность совершения манипуляций со сведениями последних, ибо получение сведений это – результат их предоставления или распространения, что исключено при фальсификации: виновному никто не даст таких сведений и их никто не распространяет, иного в законодательстве не имеется (п. 8 и 9 ст. 2 Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» [14]), использование же означает воспользоваться, употребить [5], чего также не наблюдается в условиях фальсификации: преступнику данные сведения как таковые не нужны, ему важно их искажение, деформация, ложное изменение.

Акцент же в неправомерном доступе на неуправомоченное (постороннее) лицо и вовсе приводит к тому, что качественный критерий внешнего выражения уголовно наказуемого деяния фактически определяет его субъекта, что вряд ли следует признать обоснованным, поскольку способ посягательства не должен выходить за пределы своего объективного содержания и вторгаться в сферу субъективных признаков преступления.

Проблематику изложенных вопросов вполне можно разрешить, если отказаться в составе искомого преступления от ныне предусмотренного способа фальсификации (неправомерного доступа к реестру и системе) с упором на коррекцию контуров субъекта ее совершения, что позволит также качественнее провести дифференциацию ответственности за искажение реестровых сведений не по способу, а по субъекту преступления: лицом, в обязанности которого не входит совершение таких действий (ч. 2 ст. 170¹ УК РФ), и уполномоченным на то лицом (ч. 3 ст. 185² УК РФ).

В свете изложенного предлагается новая редакция ч. 2 ст. 170¹ Кодекса:

«2. Внесение в реестр владельцев ценных бумаг, в систему депозитарного учета заведомо недостоверных сведений лицом, в обязанности которого не входит совершение таких действий, –».

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Базовый стандарт совершения регистратором операций на финансовом рынке : утвержден Банком России, протокол от 17.06.2021 № КФНП-19. URL: <http://www.cbr.ru> (дата обращения: 26.11.2023).

2. Гладких В. И. Преступления в сфере экономической деятельности : курс лекций. М. : Юнити-Дана, 2020. 351 с.

3. Лопашенко Н. А. Преступления в сфере экономической деятельности (глава 22 УК РФ) : монография. В 2 ч. Ч. 2. М. : Юрлитинформ, 2022. 448 с.

4. Никольская А. Г. Преступления в сфере экономической деятельности : учеб. пособие. М. : Российская таможенная академия, 2011. 216 с.

5. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М. : Инфра, 2010. URL: <https://ozhegov.textologia.ru/definit/ispolzovanie/?q=742&n=206142> (дата обращения: 26.11.2023).

6. Положение Банка России от 13.05.2016 № 542-П «О требованиях к осуществлению депозитарной деятельности при формировании записей на основании документов, относящихся к ведению депозитарного учета, а также документов, связанных с учетом и переходом прав на ценные бумаги, и при хранении указанных документов» // Вестник Банка России. 2016. № 63. С. 7–11.

7. Положение Банка России от 27.12.2016 № 572-П «О требованиях к осуществлению деятельности по ведению реестра владельцев ценных бумаг» // Вестник Банка России. 2017. № 25. С. 42–49.

8. Положение Банка России от 29.06.2022 № 799-П «Об открытии и ведении держателем реестра владельцев ценных бумаг лицевых счетов и счетов, не предназначенных для учета прав на ценные бумаги» // Вестник Банка России. 2023. № 3. С. 15–33.

9. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.12.2022 № 37 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях в сфере компьютерной информации, а также иных преступлениях, совершенных с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть «Интернет» // Российская газета. 2022. 28 дек.

10. Русанов Г. А. Экономическое уголовное право : учеб. пособие для вузов. М. : Юрайт, 2023. 352 с.

11. Смирнов Г. К. Ответственность за рейдерство, преступления в сфере учета прав на ценные бумаги и государственную регистрацию. М. : Юрлитинформ, 2011. 150 с.

12. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

13. Федеральный закон от 22.04.1996 № 39-ФЗ «О рынке ценных бумаг» // СЗ РФ. 1996. № 17. Ст. 1918.

14. Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // СЗ РФ. 2006. № 31 (1 ч.). Ст. 3448.

15. Шутова А. А. Уголовно-правовое противодействие информационным преступлениям в сфере экономической деятельности : монография. М. : Юрлитинформ, 2019. 192 с.

Научное издание

**«ПРОБЛЕМЫ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ»**

Сборник трудов
II Всероссийской (с международным участием)
научно-практической конференции

(Кострома, 27–28 апреля 2023 г.)

С о с т а в и т е л и :

Н. В. Ганжа, А. С. Евстегнеев, Н. В. Кузьмина, Д. Н. Лукоянов,
И. Н. Мельников, О. В. Плюснина, Л. А. Сиверская,
А. Г. Сироткин, И. В. Орловская, Е. В. Яснева

О т в е т с т в е н н ы й р е д а к т о р
Б р и л ь Г е н н а д и й Г е н н а д ь е в и ч

16+

Текстовое электронное издание на компакт-диске

Верстка О. В. Тройченко

Выполнено с использованием программы Microsoft Office Word 2007

Системные требования:

ПК не ниже класса Pentium IV; 512 Мб RAM; свободное место на HDD 1,5 Гб;
Windows XP с пакетом обновления 3 (SP3) и выше; Adobe Acrobat Reader;
интегрированная видеокарта с памятью не менее 32 МБ;
CD или DVD привод оптических дисков;
экран с разрешением не менее 1024×768 пикс.; клавиатура; мышь

Подписано к **использованию** .07.2024. 5,86 МБ. [П. л. 36,375].

Заказ . Электронное издание. Тираж 300.

Издательско-полиграфический отдел
Костромского государственного университета
156005, г. Кострома, ул. Дзержинского, 17/11.
Тел. 63-49-00, доб. 3110, e-mail: ipo@ksu.edu.ru

Титул

Сведения
об издании

Выпускные
данные

Содержание